

АМУНДСЕН

Штурман-
Ларсен

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Герой книги — выдающийся полярник Руал Амундсен. Он единственный побывал на обоих полюсах Земли и совершил кругосветное плавание в водах Ледовитого океана. Прошел Северным морским путем вдоль берегов Евразии и первым одолел Северо-Западный проход у побережья Северной Америки. Блестящий организатор, на пути к Южному полюсу безошибочно выбрал собачьи упряжки и уложился в сжатые сроки, пока трудности не ослабили участников похода. Фигура исторического масштаба, опыт которого используют полярники до сего дня.

Однако на вершине жизни, достигнув поставленных целей, герой ощутил непонимание и испытал одиночество. Тур Буманн-Ларсен пытается понять причины этого.

В жизни полярника любовь плохо сочетается с Арктикой. Автору удалось показать разбитые судьбы и жизненные драмы, стоящие за выбором Амундсена. Норвежский историк создал яркий портрет знаменитого полярника, образ которого, сохранив величие, впервые предстал по-настоящему близким и понятным.

-
- [Тур Буманн-Ларсен](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [От автора](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [ЧАСТЬ II](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
- [ЧАСТЬ III](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
- [ЧАСТЬ IV](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
- [ЧАСТЬ V](#)

- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [ЧАСТЬ VI](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУАЛА АМУНДСЕНА](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)

- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)

- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)

- [199](#)
 - [200](#)
 - [201](#)
 - [202](#)
 - [203](#)
 - [204](#)
 - [205](#)
 - [206](#)
-

Тур Буманн-Ларсен **РУАЛ АМУНДСЕН**

*Издание осуществлено при
содействии норвежского литературного
агентства NORLA*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Герой этой книги не просто выдающийся полярник — он единственный побывал на обоих полюсах Земли и совершил кругосветное плавание в водах Ледовитого океана. Амундсен повторил достижение Норденшельда и Вилькицкого, пройдя Северным морским путем вдоль берегов Евразии, и первым одолел Северо-Западный проход у побережья Северной Америки. Фигура исторического масштаба, достойная лишь восхищения и использования результатов коллегами-полярниками.

Однако на вершине жизни, когда были достигнуты все поставленные цели, вокруг его имени в обществе вдруг возник вакуум. Герой жаловался на непонимание, испытывая одиночество, совершил ряд поступков, вызвавших критику общества и прессы...

В чем же дело? Однозначного ответа на этот вопрос быть не может, и автор книги Тур Буманн-Ларсен его не дает, хотя и пытается разобраться, привлекая объяснения, в том числе психологические и психиатрические Фрейда. Несомненно, в своей оценке личности Амундсена Тур Буманн-Ларсен поставил крайне непростую задачу, которая, скажем об этом заранее, ему во многом удалась, а в чем-то и нет...

Последнее прежде всего относится к профессиональной деятельности Амундсена как исследователя высоких широт, действовавшего, разумеется, далеко не в одиночку, а на фоне достижений и промахов своих коллег из других стран. Пресса, взявшая на себя роль некоего третейского судьи или общественного эксперта, назвала состязанием, допустив тем самым не просто ошибку (ведь правил полярных исследований, вроде спортивных, не существует в принципе!), а всю меру

ответственности перед обществом, с которой, прямо скажем, не справилась, независимо от того, хочет она это признавать или нет.

Полярные исследователи не состязались друг с другом — решая возникавшие проблемы, они просто демонстрировали свои методы и возможности, из которых последующие поколения могли отобрать для себя наиболее удачные.

На Южном полюсе блестящий организатор, угадавший с выбором транспорта в виде собачьих упряжек, Амундсен уложился в жесткие сроки, пока лишения не истощили участников похода. Иначе развивались события в отряде англичанина Скотта, люди которого длительное время сами тащили сани и в конце концов погибли от истощения и холода.

По этому эпизоду профессионалы и пресса сделали разные выводы. Пресса убедила читающее человечество, что Скотт (а в его лице вся Англия) проиграл, а Амундсен (и, следовательно, Норвегия) победил.

Амундсен сделал совсем другой вывод: возможности собачьей упряжки как исследовательского средства на будущее исчерпаны, нужен другой вид транспорта, который освободил бы полярного исследователя от запредельных нагрузок и дал бы возможность заниматься своим прямым делом — исследованием, оставив приключения и перегрузки спортсменам. Правда, за событиями Первой мировой войны, а потом революции и Гражданской войны в России он упустил из виду, что русские уже использовали в Арктике авиацию, за которой было будущее... Таким образом, и Амундсен, и Скотт внесли свой вклад в полярные исследования каждый по-своему, и профессионал не станет путать научный поиск со спортивным состязанием — каждому свое.

Продвигая в качестве нового исследовательского средства авиацию, разумеется, Амундсен не мог претендовать на решение всех проблем, связанных с ее использованием в Арктике. В первую очередь это относится к проблеме посадок на дрейфующие льды, в чем сам он в первом же полете к полюсу получил неудачный опыт, советуя продолжателям воздержаться от подобного — но как раз по этому пути и пошли наши авиаторы, приняв весь риск решения проблемы на себя и удачно преодолев возникавшие трудности, тем самым обеспечив за нашей страной приоритеты в изучении полярных стран. И здесь мы сталкиваемся с проблемой национального приоритета, который легко подменяется (опять-таки усилиями средств массовой информации) национальным самолюбием, а то и тщеславием. Этой проблеме Буманн-Ларсен уделяет на примере своего героя много страниц...

Еще одна проблема, которую высветил в своем труде этот норвежский историк: что важнее для исследователя — успех или истина? Она незримо присутствует на многих страницах в лице антарктического друга Амундсена американца Кука, ошельмованного и оболганного средствами прессы своим же соотечественником Пири. Нет, далеко не случайно четверть века спустя Амундсен посетил его в тюрьме, где они вели долгую беседу о судьбе полярного исследователя на службе обществу, о злодеях и героях Арктики. А ведь большая часть информации Кука о походе на полюс (ее название говорит само за себя «Мое обретение полюса») спустя полвека подтвердилась и имя Кука перестало быть символом обмана и фальсификации, стало символом мученичества.

Наконец, личная тема в отношениях с прекрасной половиной — или полярники не люди? Как сочетаются в их жизни и деятельности любовь и долг? Отметим

только одно — Амундсен не был «сухарем»-женоненавистником, но счастлив в любви не был. Как часто возникала тема выбора и для рядового, и для маршала полярной службы — любовь или Арктика? Сколько разбитых судеб и жизненных драм за таким непростым выбором, который опять-таки удался автору на примере Нансена.

Под пером историка Буманн-Ларсена личность одного из наиболее знаменитых полярных деятелей приобретает объем, становится многогранной и человеческой со своими ошибками и достижениями. И в этом заключается главная ценность настоящей книги, представляющей несомненный интерес как для широкого читателя, так и для профессионала-полярника. Итак, вперед, читатель, даже если впереди тебя ждет нелегкая, но увлекательная работа...

В. С. Корякин, доктор географических наук, почетный полярник.

От автора ЗЕМЛЯ РУАЛА АМУНДСЕНА

Когда Фритъоф Нансен высадился на восточном побережье Гренландии, начав тем самым современную эру норвежских полярных исследований, ему казалось, что внутри этой обширной земли скрывается «свободное ото льда и плодородное пространство»^[1]. Лишь сняв лыжи на другой стороне острова, он мог с полной уверенностью утверждать, что там нет ничего, кроме льда, льда и еще раз льда.

Землепроходец всегда бросает вызов старым картам и привычным представлениям. Он прежде всего искатель истины — наравне с историком, не говоря уже о биографе, который, находясь в пограничной зоне между географией и психологией, имеет дело как с внешним, так и с внутренним пейзажем.

«Подвиги, совершенные в полярных странах, должны рассматриваться в свете предшествующей жизни исследователя»^[2], — писал в своих воспоминаниях Руал Амундсен. Он признавал, что *полярные* исследования тесно связаны с нравственностью и что характер человека может лучше доказывать истинность его свершений, нежели километры или градусы широты. Нельзя, однако, сказать, что он создал благоприятные условия для тех, кто хотел бы изложить его собственную историю.

Руал Амундсен гонялся за разгадкой самых строго охраняемых тайн в мире, но, открывая другим

неведомые области земного шара, в то же время напускал туману для окружающих в отношении своей жизни. *Где побывал* этот полярный исследователь, можно проследить по многочисленным картам. Вопрос же «*Кто такой* был Руал Амундсен?» до сих пор остается без ответа.

Нельзя познать рельеф материка или острова, не высадившись на его берегу. В этой книге я попытаюсь разогнать туман забвения и освободить от покрова легенд достославную, однако поныне не открытую Землю Руала Амундсена.^[3]

**ЧАСТЬ I
МЕЧТА О СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ
ПРОХОДЕ**

Глава 1

МАЛЬЧИК С МОРЯ

Что он там делал: разглядывал собственное отражение или учился плавать? В садовом фонтане лежал на животе маленький мальчик.

Старшие братья были заняты своим. Мальчика хватились не сразу. Ему еще не исполнилось двух лет, так что он мог запросто утонуть и в луже. Наконец кто-то прибежал. Нянька по имени Бетти принялась катать Руала по траве. Он забулькал и вернулся к жизни.

Так он спасся в первый раз.

Случай этот произошел меж высоких деревьев просторного сада, посреди которого стоял низкий каменный особняк в стиле романтизма. Дом под номером девять по Ураниенборгвейен располагался на окраине тогдашней норвежской столицы Христиании^[4], за королевским дворцом. Очевидно, эпизод с фонтаном относился к раннему лету 1874 года. Дворец по большей части пустовал. Христиания была стольным градом без власти, местом пребывания властителя без оного. Сама Норвегия была страной с непонятным статусом, протянувшейся далеко на север, к бесплодным пустынным местностям и бескрайним ледовым просторам. Город представлял из себя поселение, затерянное между европейской цивилизацией и примитивными кочевыми народами вроде саамов, самоедов и эскимосов. Многознающему гражданину мира известно, что Норвегия была тогда шведской провинцией — строптивой и непокорной областью, подчиненной монархам из рода Бернадотов. Норвегия перешла к Швеции в результате радикального перекраивания карты мира, которым завершились наполеоновские войны. В ту пору Швеция предприняла

весьма неординарный шаг, посадив на свой древний трон одного из генералов французского императора — Жана Батиста Бернадота, впоследствии ставшего королем под именем Карла XIV Юхана. Теперь Норвегией управлял из Стокгольма его внук, Оскар II (точно так же, как прежде ею правили из Копенгагена датские короли).

В год, когда крошку Руала выловили из фонтана, на его малонаселенной горной родине происходили политические и культурные события, свидетельствовавшие о национальном пробуждении. За 60 лет до этого, 17 мая 1814 года, норвежцы приняли современную — демократическую — конституцию. А в 1884 году они еще больше ограничат королевскую власть, введя ответственность правительства перед стортингом.

Когда нация переживает эпоху расцвета, даже у численно небольшого народа рождаются выдающиеся личности. В северной провинции появились такие сочинители, как Бьёрнстjerne Бьёрнсон, Хенрик Ибсен и Кнут Гамсун, заявили о себе композитор Эдвард Григ и художник Эдвард Мунк. Впрочем, в 1874 году никто из них еще не приобрел международной известности. Это тем более относится к человеку, которому суждено было привлечь к себе наибольшее внимание — будущему исследователю Арктики Фритьофу Нансену.

В свое время, тысячу лет назад, независимое норвежское королевство было гордой, ширящейся державой: ее воинственно настроенные подданные совершали дерзкие набеги на чужие берега и приводили под власть королей-викингов все новые земли. Чувство собственного достоинства, которое с тех пор словно затаилось или погрузилось в дремоту, вновь стало пробуждаться под давящей пурпурной мантией Бернадотов. Литературные произведения, сочинения композиторов и полотна художников начали

воскрешать утраченные грезы о Норвегии как родине богатейшей. В маленькой стране возродилась мечта о величии. И мечта эта могла достигнуть гигантских размеров у любого, вплоть до младших сыновей простого люда.

«Я преподавал в его классе географию, и это был спокойный, выдержанный мальчик, который давал четкие ответы на обращенные к нему вопросы, — вспоминал один из учителей Руала Амундсена. — А так он был крайне немногословен и казался погруженным в свои мысли». В этом раннем портрете Руал уже поглощен чем-то своим. Даже на уроке по самому для него занимательному предмету — географии — мальчик уходил в собственный мир, проявляя не более чем обязательный интерес к учительским объяснениям и картам. В голове у него рисовалась своя карта.

Сад на Ураниенборгвейен мог вместить до сорока ребятшек, так что иногда жизнь у братьев Амундсен была ключом. Младшему из четырех братьев было зачастую непросто самоутвердиться, и он искал прибежища в фантазиях, в грезах о будущих подвигах. Проникнуть во внутренний мир маленького Руала лучше всего помогает рассказ взрослого Амундсена, где он описывает как самые первые, навеянные Жюлем Верном, планы экспедиций, так и свое самое первое романтическое увлечение.

В 20-х годах XX века итальянец Эудженио Джованетти выпустил книгу под названием «Моя первая любовь», собрав в нее воспоминания разных знаменитостей. Весной 1926 года Руалу Амундсену случилось быть в Риме, и он (в минуту непринужденной раскованности) поведал эпизод из детства, где

присутствуют все характерные особенности его последующей жизни. Этот поучительный рассказ перевела с итальянского одна норвежская газета, откуда мы его и перепечатываем — без сокращений.

«— Самый первый раз я влюбился в почтовую карету, — с улыбкой произнес Амундсен. — Я был тогда мальчишкой, ничего не знавшим и не читавшим. Незадолго до Рождества мы с моей подружкой Хеленой отправились пройтись по улицам, посмотреть, что интересного выставлено перед праздником в витринах. Нам попался магазин, витрина которого была забита игрушками из Нюрнберга. Что это была за роскошь! Что за великолепии! Сотни домов с садами вокруг, башни, лошади, пастухи, медведи, солдаты со всякого рода оружием. И вдруг Хелена говорит: "Смотри!" И... я вижу чудо из чудес: почтовая карета, запряженная четверкой, почтарь в сверкающей униформе, на крыше кареты лежат баулы, а дополняют несказанную красоту сигнальные колокольчики.

В конце концов мы решились зайти в магазин и осторожно поинтересоваться ценой. Торговец назвал устрашающую сумму. Поняв, что даже названная цена не охладила нашей любви к почтовой карете, он запустил игрушку, и мы услышали, что на ходу у нее звенят колокольцы, а почтарь музицирует. От всего этого недолго было сойти с ума.

Спустя месяц (к тому времени я и думать забыл про карету) Хелена уехала в Швецию, и в последующие два года мы с ней не виделись. За эти два года я совершил солидный рывок в своем развитии, а именно пристрастился к чтению, причем читал в основном об экспедициях к Северному и Южному полюсам. С каждым днем мой интерес к ним только возрастал. Воображение уносило меня в снега и льды Арктики и Антарктики, где я теперь дневал и ночевал.

То была эпоха электричества. Оно творило всяческие чудеса, открывало любые двери — почему бы ему не распахнуть и двери к полюсам? Мне пришло в голову, что можно построить электрический корабль, способный преодолевать какие угодно льды, способный красиво и элегантно, грозно и неудержимо пройти через полярные моря прямо к полюсу. Мысленно я уже проектировал такой корабль.

Мой воображаемый кабинет находился в темном углу изрядных размеров комнаты, между стеной и громоздким шкафом. Больше всего я любил представлять себе, что там же стоит на якоре мой ледокол, а еще придумывать новые приборы и инструменты, которые были бы достойны сего электрического дива.

Близилось Рождество, и после двухлетнего отсутствия в город вернулась Хелена. Должен признаться, я давно и не вспоминал о ней, голова моя была занята другим; за эти два года я сильно изменился, стал совсем не тем „представителем сильного пола“, которого Хелена знала до отъезда. В ту пору я (опять-таки в фантазиях) изобретал электрическую винтовку — единственное, чего еще не хватало на корабле. В остальном ледокол был готов (по крайней мере, в моем воображении) и ожидал лишь меня.

Наконец я придумал винтовку и, прежде чем отбыть на своем замечательном судне в ледовое одиночество, начал в последний раз мысленно проверять корабль и его оснащение... как вдруг увидел там, где он стоял на якоре, между шкафом и стеной, почтовую карету с почтальоном и баулами... Мой потрясающий корабль обернулся старомодной каретой! Радостный смех рядом поведал мне, что этим сюрпризом я обязан вернувшейся Хелене. Она считала, я по-прежнему мечтаю о допотопной карете, и сделала мне такой подарок.

Я поблагодарил Хелену (любезно, но довольно холодно) и все же, когда мы сели ужинать, вынужден был, по возможности тактично, уведомить ее, что за истекшие два года стал совершенно другим человеком. Наутро от Хелены пришло письмо, где она писала, что понимает, почему я принял ее подарок с такой холодностью. „Ты сразу увидел, что на карете нет колокольчиков — как было на той, двухлетней давности. Пожалуйста, не огорчайся: торговец уже заказал их в Нюрнберге и они будут даже больше прежних. Теперь ты доволен?“

Пришлось взять себя в руки и сказать, что доволен. Влюбленная в тебя женщина имеет право отстаивать в развитии — во всяком случае, на два года...»

Руал Амундсен отнюдь не происходил из рода мечтателей.

Как и большинство соотечественников, он мог проследить свои корни к издольщикам с их крошечными земельными наделами и жизни впроголодь. Его предки закрепились в южной Норвегии, на граничащем с Швецией, иссушенном ветрами архипелаге Валер. История рода просматривается до XVII века и ведет к усадьбе Хусер на острове Асмалёй. Лишь прадед Руала, Амунд Ульсен, сумел тяжким трудом выбиться в люди и приобрести у Коре Хурне поместье на материке, под Шебергом.

Фамилию Амундсен первым носил дед Руала, Уле, который, помимо всего прочего, занимался на Валерских островах торговлей. В 1803 году он женился на Анне Кристине Гравнинг, которая к 1827 году родила ему двенадцать детей. Четвертым из пяти сыновей был появившийся на свет в 1820 году Енс Ингебригт,

будущий Руалов отец. Высокие, статные, энергичные братья Амундсен все как один посвятили себя морю. Эти капитаны и судовладельцы работали в тесной связи друг с другом и неизменно достигали успеха.

В 1858 году братья купили в складчину большую усадьбу и, поделив ее между собой, построили каждый свой шкиперский дом. Так образовалась эта база семейства Амундсен — почти напротив архипелага Валер, в уезде Борге, при впадении в Скагеррак реки Гломмы.

Со временем братья стали заправлять довольно крупной флотилией. Она насчитывала около двадцати парусников разной величины, ходивших как в ближние, так и в дальние моря. Хотя впоследствии был приобретен еще и пароход, в 90-е годы судовладельческая компания постепенно сворачивает свою деятельность: оставшиеся в живых братья превратились в белобородых старцев, тогда как эпоха белых парусов неумолимо подходила к концу.

Перевозка грузов редко соответствует нормам морали; так было в прошлом, так бывает и теперь. Отец Руала, Енс Амундсен (судовладелец, сам ходивший в море), неплохо заработал еще в 50-е годы, на Крымской войне. В 1866 году он подрядился доставить в Гавану триста китайских кули (сельскохозяйственных рабочих). Можно себе представить, какие условия были у них в трюме, если переход едва не закончился кровопролитием: китайцы взбунтовались и ринулись на капитана Амундсена с топором. Капитану удалось не только выйти невредимым из этого покушения, но и подавить мятеж. Поражение восставших было столь сокрушительным, что Енс Амундсен велел китайцам самим приговорить своего предводителя к смерти.

В море любой капитан — единовластный правитель. Ему нужно сношаться как с подчиненными, так и с высшими силами. Домой, в Видстен, доходило

множество волнующих историй о штормах и тайфунах, об огнедышащих вулканах и вызванных землетрясениями цунами. В гостиных капитанов рассказывали о подвигах моряков в далеких странах и в сражениях с могучими силами природы.

Из таких рассказов перед сыновьями Енса Амундсена создавался впечатляющий образ отца. Пожалуй, тягаться с ним силой духа могла лишь его супруга, Густава Салквист. Родившись в 1837 году, она была семнадцатью годами моложе мужа, за которого вышла в возрасте 26 лет. Дед ее работал часовщиком в Ставангере, отец же получил юридическое образование и стал судебным приставом — фогтом — в Моссе. Устремления в семействе фогта шли вразрез с желаниями клана Амундсенов. Похоже, что по истечении десяти лет фру Густава если не сменила мужа на капитанском мостике, взяв управление семейным кораблем на себя, то по крайней мере крепко держала штурвал в собственных руках.

В январе 1866 года она родила первого из четырех сыновей. Это случилось в Китае во время того самого драматического плавания, когда на лице ее супруга появился шрам, а один из кули кончил жизнь в петле. Следующие сыновья рождались с промежутком в два года. Младший, Руал, увидел свет 16 июля 1872 года в Видстене, на семейной усадьбе Томта («Пустошь»): с одной стороны, вроде бы на периферии, с другой — там, где было средоточие всеохватной деятельности братьев Амундсен.

Совсем рядом, на расстоянии пешей прогулки, зачастую выстраивался целый ряд принадлежащих их судовладельческой компании парусников. На другом берегу Гломмы, куда можно было догрести в лодке, братья Амундсен построили собственную верфь: там всегда было полно народу и кипела работа. Из приземистого белого особняка, в котором родился Руал

Амундсен, открывался вид на всю эту красоту, отчего дом казался идиллическим центром маленького царства, а его окна словно были обращены ко всему свету.

В октябре, через каких-нибудь три месяца после рождения младшего сына, семья предприняла беспрецедентный шаг. Енс и Густава Амундсен высвободились из родственных уз, снялись с насиженного места и, покинув судовладельческое царство провинции Эстфолл, переехали севернее, в Христианию. Седеющий пятидесятидвухлетний мореход и судовладелец купил себе дом в столице.

Можно легко представить себе, как Густава, амбициозная дочь фогта, вывела свой семейный корабль к изящной вилле за королевским дворцом. И сговорчивый покоритель морей и океанов переехал под сень высоких деревьев, без вида на море, лишь с журчащим в саду фонтаном. Впрочем, сам он не прервал сотрудничества с видстенской компанией и продолжал водить собственные суда. Тем не менее чисто физический переезд в столицу свидетельствовал о серьезной победе жены. Скорее всего капитан уступил супруге не столько ради нее, сколько ради сыновей. Новое поколение братьев Амундсен должно было расти в лучших условиях и достичь еще бóльших успехов, чем сумели он и его братья, выбившиеся в люди из захолустья дальнего фьорда. Енс Амундсен создал сыновьям наиболее благоприятные условия для жизненного плавания. Он положил к их ногам столицу.

Вокруг несоразмерно большого дворца регулярно маршировали гвардейцы, однако королевский штандарт поднимался над ним редко. Ко входу во дворец вела

главная улица города, Карл-Юхансгате, названная в честь первого из Бернадотов. Вдоль нее выстроились невысокие, но величественные колоннадные здания университета, а также «Гранд-отель» и стортинг. Национальный театр еще не воздвигли. Противоположный конец улицы приводил к Восточному вокзалу. Оттуда шли поезда на юг — в сторону Эстфолла, моря и всего земного шара. Фактически самая важная часть Христиании ограничивалась этой улицей. Окрестности города, по европейским меркам сопоставимого со столицей Черногорского княжества Цётине, составляли лесистые холмы и разбросанные по их склонам поля.

Все детство и отрочество сыновья судовладельца не утрачивали связи с эстфоллским побережьем и родным домом, который, как и остальные дома Видстена, по-прежнему принадлежал династии Амундсенов. Своей любовью к морю и тягой повидать белый свет Руал Амундсен обязан тому месту, где впадает в море самая большая река Норвегии, а такая национальная черта, как пристрастие к снегу и ходьбе на лыжах, образовалась у него в столице — там, где наиболее глубоко вдается в базальтовое горное основание Христиания-фьорд. На этих двух столпах — море и снеге, мореплавании и ходьбе на лыжах — и зиждился будущий успех Руала Амундсена как полярного исследователя.

«Мы пережили скорбное время, — сообщает двоюродной сестре четырнадцатилетний Руал в письме от 18 августа 1886 года. — Прежде я не ведал, что такое горе, теперь же пришлось составить о нем собственное мнение». В дом принесли тело

белобородого великана отца: Енс Амундсен умер в море, заболев на обратном пути из Англии. «Сама понимаешь, насколько это тяжело — потерять такого отца, как наш, но на то была Божья воля, перед которой нам должно смириться».

Руалу Амундсену не пришлось увидеть отца глазами взрослого человека. Младший сын родился тогда, когда наиболее интересная часть жизни осталась у отца за плечами. При том, сколько Енс Амундсен бывал в отъезде — либо в Видстене, либо в заграничных плаваниях, — он, вероятно, представлялся Руалу отстраненно и возвышенно. Скорее всего воображение младшего сына создало из морехода, подавившего восстание трехсот мятежников, мифическую фигуру. «Сегодня, видимо, предстоит идти в церковь, где мы завинтим его гроб. Никто из нас не хочет снять крышку и посмотреть на отца теперь, ибо у нас осталось слишком хорошее о нем впечатление и не хотелось бы знать, как он переменялся со вчерашнего дня».

Мать очень надеялась, что сыновья не пойдут по отцовым стопам. В мечтах она видела их буйные головы увенчанными студенческими шапками с кисточкой, видела каждого из них торжественно шагающим к ученой карьере. Братьям же Амундсен оказалось отнюдь не просто соответствовать материнским амбициям. Хотя головы у всех четверых были толковые и материальное положение семьи позволило записать их в привилегированные частные школы, ни один из братьев не выказывал расположения к занятиям наукой. Они были скорее практиками, которых тянуло к морю, к путешествиям и приключениям. Возможно, по крупному счету их отъезд из устья Гломмы нанес ущерб развитию сыновей; во всяком случае, им оказалось сложнее отца с братьями найти свое место в жизни.

«Я очень рад, что мои дорогие мальчики пребывают в хороших отношениях друг с другом, — писал Енс

Амундсен за несколько недель до смерти. — Да благословит вас Господь, и да будет так вовек...» Несмотря на это благословение, отношениям между братьями предстояло подвергнуться серьезным испытаниям. Тем не менее братья Амундсен определяли жизненный путь друг друга и когда ладили, и когда находились в разладе, а потому хотелось бы сразу, прежде чем окунуться в подробности жизни младшего, бросить взгляд на троих старших.

В год смерти отца старшему из сыновей исполнилось уже двадцать лет и он намеревался покинуть родительский дом. Енс Уле Антоний (или Тонни, как его называли с детства) не блистал в школе по части оценок, но был хорошим спортсменом и, подобно младшему брату, отличался творческой фантазией и способностью находить неожиданные решения. Он мечтал по возможности скорее заняться предпринимательством, желательно положив в основу бизнеса собственные изобретения. Тонни ожидает непоседливое существование. Постоянно переселяясь с места на место, он берется то за одно дело, то за другое, но круг его деятельности чаще всего один: производство продуктов питания. Он поставлял на рынок маргарин, хрустящие хлебцы, яйца и — более всего — сухое молоко, которое изготавливал по собственному патенту.

Довольно рано, в 1891 году, жизнелюбивый предприниматель вступил в брак с дочерью адвоката Эммой Хеффермель. Первые два года супружества прошли в Алжире, где и появился на свет их первенец. Всего у четы родилось четверо детей.

Поначалу Тонни, видимо, был завзятым оптимистом, наделенным неисчерпаемой энергией и верой в благосклонность судьбы. Со временем, однако, его стали преследовать неудачи, которые были связаны с недопониманием реального положения вещей. На пути

его карьеры сплошь и рядом возникают препятствия, он же не учится на своих ошибках, а потому идет навстречу все более мрачному будущему. Не умея приспособиться к материальным обстоятельствам, Тонни становится все более тяжким бременем для собственной семьи, для братьев, но прежде всего для зажиточного жениного зятя, оптового торговца Петера Крага.

Старшему брату суждено было сыграть менее важную роль в жизни Руала Амундсена, чем двум средним, каждый из которых (пусть и на собственный лад) оказал значительное влияние на то, как складывалась биография полярного исследователя.

Второй по старшинству, Густав Салквист Амундсен, родился 7 июня 1868 года. Он таки удостоился вожделенной студенческой шапки с кисточкой (то есть окончил школу) и, как утверждает в своей книге об Амундсенах Хокон Анкер Вел, даже начал изучать в университете медицину. В таком случае он вскоре покинул здание с колоннами на Карл-Юхансгате, предпочтя выучиться на шкипера и ходить в море. Кроме того, он окончил военное училище и получил сначала звание лейтенанта, а затем, в 1902 году, капитана. Иначе говоря, Густав Амундсен имел право называться капитаном как по чину, так и благодаря диплому судоводителя, врученному ему после сдачи соответствующего экзамена. Однако и этот брат проявлял склонность к коммерции. Начав с каботажа, он через некоторое время оказался вовлечен в самые разные предприятия.

Женился Густав Амундсен рано, взяв за себя купеческую дочь Малфред Фрицнер, которая, кстати, была ровесницей младшему брату Руалу. Спустя год после заключения брака, в 1894 году, у них родился ставший единственным ребенком — сын, которому дали отцовские имена, Густав Салквист, и который тоже

получил звание лейтенанта, а впоследствии — и капитана.

Между собой братья называли Густава-старшего Ежик. Характером он напоминал Тонни: веселый, общительный, располагающий к себе, но, увы, плохо разбирающийся в реальной действительности. Несмотря на множество замечательных идей и оригинальных проектов — а может быть, именно благодаря их обилию, — в своей предпринимательской деятельности он, так сказать, катился по наклонной плоскости.

Со временем некогда толковый и энергичный Густав оказался, подобно старшему брату, обузой для близких. И объяснялось это не только постоянными финансовыми провалами. В Ежике развиваются нехорошие стороны, проявляется душевный изъян: Густав становится вздорным, расчетливым, склонным к интригам. Он все более изоциренно терроризирует свое окружение, прибегает к недобросовестности и прямому обману, отчего раз за разом позорит доброе имя семьи.

Всю жизнь Руал Амундсен разрывается между двумя братьями, Густавом и Леоном, которые представляют собой в их семье две крайности.

Леон родился 4 сентября 1870 года и был ближе всех к младшему брату не только по возрасту, но, очевидно, и по степени доверия между ними. Как и трое остальных, он был высокий и крепкий, однако более немногословный и замкнутый, чем старшие братья. Леон тоже стал предпринимателем. Окончив коммерческую гимназию в Христиании, он уже в 1892 году перебрался во Францию, где ему предложила должность одна виноторговая компания. Он много поездил на своем веку — в отличие от Руала, не для изучения белых пятен планеты, а просто чтобы знакомиться с новыми странами и совершенствовать свое знание языков.

Хотя Леон разделял спортивные увлечения младшего брата и коммерческие интересы старших, он производит впечатление человека более сдержанного и нерешительного. Женился он довольно поздно и (в отличие от двух старших) никогда не бросался опрометью в сулившие баснословную выгоду предприятия. Зато он, единственный из братьев Амундсен, умеет вести коммерческие дела. Он надежен и совестлив, строит свои расчеты на реальной основе. Леон Амундсен убежден, что в большинстве случаев успех приносит выжидательная позиция. Один-единственный раз позволив себе сделать высокую ставку, он разыгрывает партию по всем правилам искусства.

Госпожа Густава Амундсен родила своему мужу-судовладельцу четырех здоровых и крепких сыновей. Она же добилась их переезда с продуваемого всеми ветрами архипелага в аристократический район за королевским дворцом — туда, где жили образованные люди. Увы, никто из трех старших сыновей не проявлял интереса не только к академической карьере, но вообще к теоретическим занятиям. Один за другим они покидали книжные залы, чтобы окунуться в практическую жизнь. Неужели никто из ее отпрысков не достигнет подлинных высот, где выбор не будет ограничен куплей-продажей и парусниками-пароходами? Под конец у дочери фогта Густавы Амундсен осталась последняя надежда.

И она возложила ее на Руала.

Глава 2

ПОЛЯРНЫЙ СТУДИОЗУС

Мать оказалась первым человеком, которого Руал Амундсен ввел в заблуждение.

Склонный к мечтаньям младший сын, то и дело искавший прибежища за высоким шкафом, не захотел разочаровывать мать, а потому обещал, когда настанет срок, исполнить ее заветное желание: поступить в университет для изучения медицины. Себе же он дал другое обещание. «Держа это в тайне, так как я никогда не осмелился бы высказать своей матери намерений, которых, я знал, она ни за что бы не одобрила, — я решил сделаться полярным исследователем».

Эта цитата заимствована из мемуарной книги Руала Амундсена «Моя жизнь», к которой мы поневоле будем обращаться еще не раз. Эта книга, вроде бы довольно лаконичная и сдержанная, на поверку оказывается одной из самых откровенных автобиографий в мире. Руал Амундсен закончил ее за полгода до смерти, и чуть позже мы более подробно остановимся на этих воспоминаниях. Теперь же скажем лишь, что, несмотря на очевидные умолчания, автобиография Амундсена является главным источником сведений о его юности и принятых тогда решениях^[5].

«Как случилось, что я стал полярным исследователем? Случайного в этом ничего нет, так как с пятнадцатилетнего возраста все мои стремления сосредоточились на единой цели». Судя по воспоминаниям, Руал Амундсен с самого начала принял командование над своей жизнью на себя и столь безукоризненно выдерживал ее курс с колыбели до могилы, что можно подумать, им руководила высшая

воля. «Все, чего я достиг в качестве полярного исследователя, является результатом обдуманной, добросовестной, тщательной подготовки всей моей жизни».

Тем не менее выясняется, что толчок к удачному развитию событий дала литература: «Когда мне было пятнадцать лет, в мои руки случайно попали книги английского полярного исследователя Джона Франклина, которые я проглотил с жгучим интересом^[6]. Эти книги оказали решительное влияние на избранный мною впоследствии жизненный путь». Итак, через год после сошествия в гроб валерского судовладельца появляется британский адмирал, прославившийся поисками легендарного Северо-Западного прохода, и направляет жизнь мальчика по новому, совершенно определенному пути.

Мечтатель из-за шкафа обретает старшего товарища, который ведет его туда, куда он стремится и сам. В своей первой книге, «Северо-Западный проход. Плавание на судне „Йоа“. 1903–1907», Амундсен создаст идеализированный портрет сэра Джона: «Его умный твердый взор сияет добротой; у него для всех находится ласковое слово, а потому команда любит его. Матросы питают безграничную преданность к старому опытному исследователю полярных областей». Прежде чем погибнуть (а это произошло в 1847 году), адмирал Франклин во главе своего экипажа и своей флотилии не раз предпринимал героические, хотя и безуспешные попытки овладеть Северо-Западным проходом.

Почему норвежский мальчик избрал в качестве примера для подражания этого давно ушедшего из жизни человека с трагической судьбой? Выбор Фритьофа Нансена в подобном случае кажется более оправданным: его вдохновлял успешный исследователь Арктики, швед Адольф Эрик Норденшёльд, который в

1879 году первый прошел Северо-Восточным проходом^[7].

Амундсен сам объясняет, что вдохновился творчеством сэра Джона: «Описание возвращения одной из его экспедиций захватило меня, как ничто из читанного раньше. Франклин рассказывает, как ему с несколькими товарищами пришлось более трех недель бороться со льдами и бурями, причем их единственное питание состояло из нескольких костей, найденных на покинутой индейской стоянке, и в конце концов, прежде чем они добрались до самых первых форпостов цивилизации, им даже пришлось для поддержания жизни съесть собственную кожаную обувь.

Удивительно, что из всего рассказа больше всего приковало мое внимание именно описание этих лишений, испытанных Франклином и его спутниками. Во мне загорелось странное стремление претерпеть когда-нибудь такие же страдания. Быть может, во мне заговорил идеализм молодости, часто увлекающий на путь мученичества, он-то и заставлял меня видеть в самом себе крестоносца в области полярных исследований. Я тоже хотел пострадать за свое дело, — не в знойной пустыне на пути в Иерусалим, а на ледяном Севере, на пути к широкому познанию доселе неведомой великой пустыни.

Так или иначе, но описания путешествий Джона Франклина имели решающее влияние на мою будущность».

Иными словами, под конец жизни Руал Амундсен твердо заявляет, что толчком к его карьере послужили не размышления естественно-научного характера, а чисто литературные впечатления. Побудительным мотивом были не сами подвиги, а «описание» сэра Джона. Кроме того (и эта мысль будет красной нитью проходить через все последующие достижения

Амундсена), его с самого начала привлекали не лавры победителя, а ореол мученика^[8].

В собственной книге о покорении Северо-Западного прохода, изданной двадцатью годами раньше автобиографии, Руал Амундсен относит свое знакомство с произведениями Франклина не к пятнадцатилетнему, а к восьми-девятилетнему возрасту, что означает два очень разных периода в жизни мальчика. И все же самое главное тут — подтверждение в обоих случаях роли английского адмирала как путевода будущего полярника.

Датировать следующий момент, ставший решающим для профессиональной карьеры Амундсена, куда проще. В «Северо-Западном проходе» ясно сказано: «30 мая 1889 года несомненно стало памятным днем в жизни многих молодых норвежцев, в том числе и в моей жизни. В этот день Фритьоф Нансен возвратился из своего похода через Гренландию». Эта дата оказалась существенной для душевного развития всего норвежского народа, ибо пробудила в нации викингов былую уверенность в себе. Или, выражаясь грубее: с этого дня норвежский народ охватила мания величия.

Вкратце речь идет о следующем. В 1888 году двадцатисемилетний сын юриста и зоолог Фритьоф Нансен высадился на восточном берегу южной Гренландии, откуда во главе пятерых своих спутников впервые в истории пересек ледниковый щит острова, провозгласив гордый девиз: «Западное побережье Гренландии или смерть». Эта экспедиция бедняков, совсем не получившая официальной поддержки, после ее триумфального завершения была воспринята как первый экспансионистский поход современных викингов. В посвященной этому путешествию объемистой книге «На лыжах через Гренландию» Фритьоф Нансен также подчеркивает национальный

характер экспедиции. Сделав в походе ставку на лыжи, «самый норвежский из всех национальных видов спорта», он нашел чудодейственное средство, с помощью которого норвежцы могли добиваться выдающихся результатов в освоении Арктики. После этого лыжи становятся основой растущего самосознания Норвегии.

Интуитивно нация поняла, что случилось, когда солнечным майским днем в столичный фьорд вошел пароход, на борту которого находился высокий светловолосый викинг — Фритьоф Нансен. «Христиания никогда не переживала такого восторга и ликования, как в день возвращения гренландских первопроходцев. Казалось, в Норвегии никогда еще не происходило события, могущего сравниться с этим: Нансен и его товарищи вернулись на родину. Шестьдесят тысяч человек встречали их на набережной, пятьдесят тысяч провожали до гостиницы, десять тысяч проорали сто тысяч ура, а отставной полковник из Кампена доорался до того, что умер на месте». Это сообщение из газеты «Дагбладет» принадлежало перу ошеломленного и еще совершенно неизвестного писателя Кнута Гамсуна.

Так Норвегия встречала возвращение своего первого в современной истории полярного путешественника, за которым последовала череда других. Семнадцатилетний Руал Амундсен стоял в многочисленной толпе на тротуаре и видел проходившее мимо карнавальное шествие, в котором участвовали и корабль викингов, и лыжи, и чучело белого медведя. Триумфальная процессия Фритьофа Нансена по расцвеченной флагами столице произвела на юношу не меньшее впечатление, чем поедание англичанами сапог во время мучительного отступления под руководством Франклина. Оба побывали в полярных широтах, в этом белом, неизученном краю, в котором тебя ожидало одно из двух: триумф или трагедия.

В 1890 году, вскоре после довольно посредственной сдачи выпускных экзаменов в гимназии Отто Андерсена, Руал наконец-то покинул дом своего детства на Ураниенборгвейен. Главная надежда семьи, будущий медик, прихватив с собой няню Бетти, переехал еще ближе к королевскому дворцу, в дом номер шесть по Парквейен, где и завел собственное хозяйство.

В последующие три года юный барин вел двойную жизнь. Официально он считался студентом университета, который намерен специализироваться в области медицины. «Как все матери, гордящиеся успехами своих детей, матушка была убеждена, что я являюсь образцом прилежания, но, говоря по правде, я был хуже самого среднего студента». Лишь в 1893 году, опоздав на два года, Амундсен с наихудшим возможным результатом сдал так называемые «предварительные испытания» — обязательные зачеты по общеобразовательным дисциплинам, впоследствии замененные «подготовительными экзаменами». Как указывает немецкий биограф полярника, Детлеф Бреннеке, Амундсен так и не достиг в университете той ступени, на которой бы его зачислили студентом медицинского факультета, и тем более даже близко не подступил к изучению предметов, входящих в круг врачебной профессии.

Учеба в университете была лишь притворной жизнью, которую Руал изображал специально для матери. Отчасти он не хотел разочаровывать ее, отчасти ему не хватало мужества рассказать правду, но главная причина притворства заключалась в другом: нужно было поддерживать иллюзию такого существования, ради которого мать и дальше

предоставляла бы в его распоряжение средства, а он мог бы продолжать свою *подлинные* занятия, то есть готовить себя к полярным исследованиям.

На этой ранней стадии профессиональных приготовлений Руал Амундсен занимался в первую очередь закаливанием и спортом: спал зимой с открытыми окнами, делал физические упражнения и пользовался любой возможностью походить на лыжах в северных окрестностях города, в Нурмарке. Кроме того, он читал все попадавшееся под руку о подготовке исследовательских экспедиций. Наконец, Руал по-прежнему предавался мечтам, теперь уже в клубах табачного дыма, — иногда один, но часто в компании таких же очарованных Нансеном товарищей. Речь о настоящих походах пока не шла. Студенту не положено было отдаляться от колоннадных зданий вдоль Карл-Юхансгате.

Летом 1893 года Фритъоф Нансен отбыл из Христиании на только что построенном полярном судне «Фрам». Если пятью годами раньше Нансен пересек южную оконечность Гренландии, то теперь он, тридцатидвухлетний, задумал оставить у себя за плечами Северный Ледовитый океан. План Нансена был гениален — вероятно, он был самым необычным из всех, когда-либо представленных на рассмотрение ученого сообщества. Спроектированный самим полярником корабль должен был вмерзнуть в лед, чтобы течением его перенесло с востока на запад через Северный полюс. В Лондоне, на заседании Королевского географического общества, план был категорически отвергнут, но уверенный в себе норвежец не отступил. Помимо всего прочего, на этот раз его безоговорочно поддержал народ во главе с правительством и стортингом. Так что раскрывать тайны Полярного моря отправилась экспедиция, средства на которую были собраны исключительно в Норвегии. И «Фрам» вышел в

плавание, бесстрашно держа курс на покорение Северного полюса и достижение свободы для Норвегии.

Ничто не мешает нам предположить, что в июньский день, когда Фритъоф Нансен с двенадцатью brave товарищами покидал норвежскую столицу, полярный студент Руал Амундсен ходил в гавань провожать их. Спустя две недели ему исполнился двадцать один год, он стал совершеннолетним и, по идее, мог сам распоряжаться своей жизнью. Он же продолжал сидеть в холостяцкой квартире на Парк-вейен, связанный своим обманом и материальной зависимостью от матери.

И вдруг случается безжалостное чудо. Осенью 1893 года мать внезапно заболевает воспалением легких и через каких-нибудь несколько дней — 9 сентября — умирает. Из сыновей в Христиании находится в это время один Руал, который очень тяжело переживает скоростижную смерть.

Спустя пять лет он напишет об этой дате в дневнике, назвав ее самой печальной в своей жизни. «Не сомневайся, дорогая матушка, что я буду помнить о тебе до конца моих дней».

Таким образом, не сын, повзрослев, оторвался от матери, а мать через смерть оторвалась от сына. «Смерть избавила ее от неминуемого открытия, — говорит Руал Амундсен в автобиографической книге, — что мои честолюбие и интересы пошли совершенно в ином направлении, чем хотела она, и что я не сделал ничего для удовлетворения ее честолюбия и достижения цели, избранной ею. С огромным облегчением покинул я вскоре университет, чтобы всецело предаться осуществлению мечты моей жизни».

Долгая карьера исследователя дала Амундсену возможность увековечить память многих, в том числе женщин. Он давал названия кораблям и аэропланам, горам и фьордам. Удастаивал чести увидеть на карте

свое имя жен меценатов, королев, даже дочь Фритъофа Нансена. Но Густаве Амундсен, его собственной матери, пришлось удовлетвориться золотой надписью на могильном камне. Она намечала сыну иные цели.

Отсутствие ее имени стало особенно заметным, когда Амундсен нарек гору в Антарктиде «вершиной Бетти» — в честь своей няни. Шведка по происхождению, Бетти Андерсон служила семейству Амундсен начиная с рождения старшего сына, Тонни, и, можно сказать, сопровождала нашего полярника всю его жизнь. Не забывать старых дев и верных слуг, брать на себя заботу о них было в духе лучших родовых традиций, и все же Бетти занимает в доме особое положение. Похоже, ей отведена роль второй матери. Это очень в характере Амундсена, что он отдал предпочтение не кровной матери, властно наметившей его жизненный путь, а ее заместительнице из прислуги.

В интервью, которое прославленная няня дала на старости лет, она сообщает собственную версию того, как Руал распрощался с университетом. «Я не хотел перечить матушке, — сказал он, — но теперь, Бетти, я выкину все учебники». Не иначе как услужливая девушка и отнесла на помойку книги, ставшие ненужными хозяину.

После смерти матери в квартире позади дворца закипела деятельность. Распрощавшись с медицинским факультетом, Руал Амундсен хочет прежде всего получить врачебное свидетельство, подтверждающее его отменное здоровье. «Согласно проведенному обследованию, г-н Руал Амундсен не имеет телесных изъянов и обладает в целом хорошим здоровьем. Рост его составляет 180 см. Объем грудной клетки на выдохе

— 87 см, на вдохе — 98 см». Вооруженный этими простыми сведениями, он наконец-то мог искать место в экспедиции, которая бы отправлялась на север, навстречу приключениям.

«Фрам» уже прошел полпути к своей первой зимовке, но ведь были и другие суда. Руал Амундсен приложил невероятные усилия, в том числе через Королевское географическое общество в Лондоне, чтобы попасть в экспедицию англичанина Джексона — того самого, который спустя три года встретит на Земле Франца-Иосифа лыжников Нансена и Юхансена. К сожалению, в английскую экспедицию норвежца не взяли, и история лишилась символической встречи на Крайнем Севере Фритьофа Нансена и Руала Амундсена.

Пришлось будущему полярнику довольствоваться учебным походом по норвежским горам. До того как там проложили железную дорогу на Берген, плоскогорье Хардангервидда было настолько глухим местом, что зимой туда практически не ступала нога человека. Первым подвигом Фритьофа Нансена был как раз переход на лыжах через это плато в 1884 году. Неудивительно, что перед началом экскурсии юный Амундсен и два его товарища сходили в фотоателье и запечатлели себя в походной экипировке.

Этот лыжный поход, маршрут которого пролегал от озера Крёдерен до Могена на Хардангерском плоскогорье, с возвращением через известную своими лыжниками провинцию Телемарк, стал для Амундсена знакомством с зимним пейзажем, напоминавшим полярные края. Бесспорным предводителем похода был знаток лыж и журналист Лаурентиус Урдал, который мог наилучшим образом ввести будущего полярника в теорию и практику лыжного спорта.

Ближе к весне Руалу Амундсену удалось-таки попасть в арктические моря. Теперь его ближайшей задачей стало провести в плаваниях несколько лет,

чтобы потом сдать экзамен на штурмана. Для этих целей его вполне устроило небольшое зверобойное судно «Магдалена», державшее путь к северным ледовым полям.

В конце мая 1894 года Руал отправляет из Исландии письмо, адресованное во Францию брату Леону: «Я чувствую себя замечательно и очень доволен плаванием в полярных водах, а промысел тюленей — занятие интересное и даже веселое, только бы их было побольше». К тому времени они уже добыли две тысячи тюленей, однако вышедшему в первое плавание матросу все кажется мало. Судно достигло 78° северной широты и теперь направляется к восточному берегу Гренландии. «Что касается жизни в Полярном море, она мне крайне по душе. Описывают ее обычно скверно, но, естественно, это преувеличение. Вся команда, от капитана до последнего матроса, лучшие мои друзья, а потому время бежит быстро».

До наступления осени полярный студизус возвратился к Бетти, в уютную квартиру на западе столицы, и мог на досуге подвести итог своего самого поучительного семестра. Во-первых, он совершил зимний поход по горам и, во-вторых, заслужил прибавления к своему имени титула «путешественника по полярным морям».

8 ноября 1894 года Руал Амундсен садится за стол и пишет примечательное письмо «в Департамент внутренних дел, заведующему канцелярией г-ну Лёкену». Двадцатидвухлетний юноша («как путешественник по полярным морям») задает начальнику четыре конкретных вопроса о северных территориях: «1) Можно ли считать Шпицберген владением какой-либо страны? 2) Если нет, заинтересована ли Норвегия в получении прав на него? 3) Каким образом это возможно осуществить? 4)

Выдвигало ли правительство предложения по этому поводу?»

Едва ли такие вопросы задает всякий мальчишка, вернувшийся из первого плавания. Нередко говорят о застенчивости юного Амундсена, однако сомнительно, чтобы она пустила в нем сколько-нибудь глубокие корни. Шпицберген вроде бы не имел особого значения, и все же его считали частью древней империи викингов (где он был известен под названием Свалбард^[9]). И кто знает, как далеко на север простирается этот заполярный архипелаг?

Спустя месяц поступает ответ от заведующего «Первой канцелярией внутренних дел». Здесь необходимо оговориться, что в жившей под Бернадотами Норвегии не было службы иностранных дел, а потому даже вопросы зверобойного промысла в отдаленных краях и водах с неизвестной принадлежностью относились к ведению Департамента внутренних дел. «Я не обладаю сведениями, которые бы позволили мне решить вопрос о значимости для Норвегии обладания Шпицбергенем», — несколько туманно пишет заведующий. Впрочем, далее следует многообещающее приглашение: «Если бы Вы как полярный путешественник могли просветить меня касательно сего предмета, я бы с благодарностью принял Вас у себя в Департаменте».

Таким образом перед Амундсеном распахиваются двери в заветную канцелярию. Он, однако, еще не готов к покорению своей первой территории и достаточно умен, чтобы временно отступить, а посему признается г-ну начальнику в своей молодости: «Что касается моего опыта как полярного путешественника, он весьма невелик. Я также пока не могу высказаться в отношении Шпицбергена». Тем не менее он признается, что намерен весной поехать в Тромсё и наняться там на

какое-нибудь судно, идущее промышлять в район Шпицбергена. «Тогда у меня будет возможность выпросить у бывалых людей их мнение. Осенью, по возвращении оттуда, я с радостью посету Вас, господин заведующий, и доложу обо всем, что мне удастся разузнать».

Этот обмен записками по территориально-политическим вопросам весьма показателен в отношении честолюбивых планов молодого человека. Вроде бы неопытный юнец неплохо ориентируется в делах адмирала. Более того, его высказывания не напоминают фантазии зашкафного мечтателя. Он сообразил, что следует обратиться как в высшие государственные инстанции, так и к опыту «бывалых людей». Уже в период ученичества Руал Амундсен отдает себе отчет в целях: он хочет покорять новые земли.

Глава 3 ЛЕДЯНОЙ ГРОБ

«Первое условие, чтобы быть полярным исследователем, — это здоровое и закаленное тело». Так утверждает Руал Амундсен в «Моей жизни».

В той же книге он описывает, как его собственное двадцатилетнее тело предстало перед врачебной комиссией, которая должна была определить его пригодность к отбытию воинской повинности: «За столом сидел врач с двумя ассистентами. Как я вскоре, к моему величайшему удивлению и радости, обнаружил, этот врач, уже пожилой, чрезвычайно интересовался строением человеческого тела. Само собой разумеется, что для осмотра мне пришлось раздеться догола. Старый доктор, тщательно исследовав меня, разразился громкими похвалами по поводу моего физического развития». Молодому рекруту пришлось честно отвечать, каким образом он с помощью упражнений развил столь впечатляющую мускулатуру. «Старый доктор пришел в такое восхищение от своего открытия, которое, очевидно, показалось ему из ряда вон выходящим, что даже вызвал из соседней комнаты группу офицеров, дабы и им дать возможность лицезреть это чудо. Нечего и говорить, что я отчаянно сконфузился и готов был провалиться сквозь землю от подобного обозрения моей персоны».

Особого внимания в этом эпизоде заслуживает то, что, выставляясь перед комиссией во всей своей красе, Амундсен скрыл от врачей одну подробность про себя. «Восхищаясь моим физическим развитием, доктор совсем забыл исследовать мое зрение». Только в автобиографии Амундсен впервые признаётся в своем

недостатке: «Я был близорук, о чем не подозревали даже мои родственники и друзья».

По мнению Руала Амундсена, лучше было совсем не видеть, чем видеть хорошо... но в очках. Безусловно, очки, пенсне и лорнеты плохо сочетаются с идеальным образом мужчины, однако целую жизнь скрывать даже от самых близких, что твои глаза воспринимают окружающее не совсем так, как их, это уже чересчур. Тем более тяжело это должно быть для *землепроходца*, в профессиональные обязанности которого входит необходимость высматривать вдали неведомые цели.

И все же одного человека Амундсен в свою тайну посвятил. В декабре 1896 года двадцатичетырехлетний Руал пишет из плавания Леону проникновенное письмо, прилагая к нему статью под заголовком «Исцеление близорукости» — о немецком профессоре, который предложил новую операцию. «Я поневоле вырезал прилагаемую статью. Будь добр, *безотлагательно* выясни все подробности. Объясни, что близорукость у меня *совсем небольшая*. В случае если ее можно исправить, узнай, сколько ушло бы времени на операцию. Это дело *первостепенной важности*. Я готов ехать на край света, лишь бы обрести *полноценное зрение*. И, пожалуйста, не рассказывай о моем недостатке ни одной живой душе, ибо я вынужден скрывать его. Будь добр, предприми *все, что только возможно*».

Хотя Амундсен так и не подвергся глазной операции, он никогда не носил очков — за исключением тех, что входили в экипировку путешественника. Плохое зрение и в особенности необходимость умалчивать о нем вполне могли внести свою лепту в социальную изоляцию, которая с годами станет все более характерной для нашего полярного исследователя.

В январе 1896 года взгляды норвежского народа устремляются к Северному полюсу. «Фрам» уже третий год не подает признаков жизни. Значит, скоро пора ждать новостей с севера... если там все в порядке. Никто еще не знает, что в прошлом году Фритъоф Нансен и пока никому не известный Ялмар Юхансен покинули корабль, чтобы предпринять героическую попытку добраться до Северного полюса. Вынужденные отказаться от этой попытки, норвежцы теперь, вроде медведей, коротают зиму в логове на Земле Франца-Иосифа (о чем тоже никто не знает).

Той зимой нацию викингов волновала еще одна загадка: во время лыжного похода в Доврских горах пропал молодой, но уже стяжавший себе славу полярный исследователь Эйвинн Аструп.

Пока народ недоумевал, куда мог деться лыжник, газеты Христиании сообщили о новой пропаже: на Хардангерском плоскогорье исчезло еще двое лыжников. Похоже, они братья. Во всяком случае, фамилия у них одна — Амундсен. Так Руал Амундсен удостоивается первого упоминания в прессе. Он привлекает к себе внимание, потому что потерялся. В общем, начинается всё тем же, чем в свое время и закончится: исчезновением.

Поскольку воинская служба в конце XIX века отнимала лишь несколько недель в году, Руал мог по возвращении из полярных широт посвятить себя изучению морского дела. Весной 1895 года он сдал экзамен на штурмана, после чего еще несколько раз ходил в разные плавания, так как поставил себе задачу стать капитаном. Наконец — 3 января 1896 года — он сумел опять выбраться в горы. Будущий полярник снова направляется на Хардангервидца, но в этот раз

сопровождать его должен брат Леон. Молодой виноторговец изредка приезжает на родину и в таких случаях останавливается в Христиании у Руала.

Братья намечают пересечь плоскогорье с востока на запад, но, заблудившись, ходят по нему кругами. Поход превращается в борьбу за выживание. Сражение со смертью, которое выдержал Руал Амундсен на Хардангерском плоскогорье, ничуть не уступает тому, которым через тридцать два года завершится его карьера полярного путешественника.

«Среди ночи я проснулся. Я лежал на спине, прикрыв глаза правой рукой с повернутой наружу ладонью, как обычно спят утром, чтобы не мешал свет. Мышцы у меня затекли от неудобного положения, и я инстинктивно попробовал пошевелиться, однако был не в состоянии сдвинуться хотя бы на дюйм, ибо буквально вмерз в сплошную ледяную глыбу. Я делал отчаянные усилия освободиться, но без малейшего успеха, я стал звать своего спутника, но он, конечно, не слышал меня».

Так описывает Амундсен в автобиографии драматическую кульминацию похода. Измотанный голодом и бесконечным напряжением сил, он с вечера вырыл себе в снегу укрытие и залез спать в него. За ночь температура резко упала. Теперь у Руала оставалась единственная надежда — на спутника.

«Я почти оцепенел от ужаса. В своем испуге я, разумеется, подумал, что он тоже вмерз в этот мокрый снег и очутился в таком же положении, как я. Если не наступит быстрая оттепель, мы оба скоро замерзнем в наших страшных ледяных гробах.

Скоро я перестал кричать, так как сделалось трудно дышать. Я понял, что нужно сохранять спокойствие, иначе мне грозит опасность задохнуться. Не знаю — от скудного ли запаса воздуха или по какой-либо другой причине, но я очень скоро заснул или потерял сознание.

Очнувшись, я услышал приглушенные, слабые звуки. Значит, спутник мой не был в плену. Вероятно, накануне он не зарылся в снег из-за полного упадка сил, вызвавшего у него равнодушие ко всему. Так или иначе, но это обстоятельство спасло нас обоих».

В мемуарной книге Руал Амундсен по-прежнему считает эпизод на Хардангервидда едва ли не самым рискованным за свою полную опасностей жизнь. Впрочем, рассказ об этом случае также придает свидетельствам полярника определенную перспективу. Дело в том, что Амундсен подробно изложил все обстоятельства и гораздо раньше, сразу после возвращения. В газете «Фредрикстад блад» печатался с продолжением его рассказ под заголовком «Полный приключений поход братьев Амундсен через Хардангерское плоскогорье» — самое первое из описаний амундсеновских походов. Спустя тридцать лет, когда Руал Амундсен снова рассказывает эту историю, в его жизни многое переменялось, а в воспоминаниях многое сместилось.

В последней версии его откапывает анонимный «спутник», в первой это был брат. Опять-таки в первой спутник не закопался в снег сам вовсе не от усталости и равнодушия: «Брат оказался осмотрительнее. Как он поведал мне впоследствии, ночью он несколько раз вставал и отряхивался от снега. Я же спал без задних ног». В первом варианте рассказа брату требуется всего час, чтобы освободить Руала из ледяного гроба, тогда как у равнодушного и усталого «спутника» спасение двух жизней занимает три часа. Кроме того, на протяжении дальнейшего повествования совершенно ослабевший «спутник» оказывается в полной зависимости от рассказчика Руала, и тот проявляет себя как подлинный спаситель обоих лыжников.

Две версии похода с братом как нельзя лучше отображают всю жизнь Руала Амундсена. В ту ночь на

Хардангервидда его спас Леон, но спустя тридцать лет, сочиняя автобиографию, Руал, похоже, снова вмерзает в ледяной фоб — на сей раз душой. И теперь его уже не сумеет откопать никто, тем более Леон.

Как бы то ни было, в один прекрасный день в газетах появилось радостное сообщение, что пропавшие лыжники благополучно добрались до Болкешё. Вестей о них не было три недели. Руала вернули к жизни. Второй раз.

Небезынтересно добавить, что через несколько лет, направляясь в Берген к невесте, Леон Амундсен повторил их «полный приключений поход через Хардангерское плоскогорье».

В январе 1896 года родные норвежские горы решили вопрос о том, кто станет преемником Фритьофа Нансена. Руал Амундсен вернулся. Эйвинн Аструп — нет. С ним закатилась восходящая звезда на небосклоне полярных героев — звезда, не успевшая по-настоящему разгореться. Эта трагедия поразила в самое сердце и Амундсена. Заведя собственный дом, он поставит портрет Эйвинна на письменный стол, тогда как Нансену будет отведено место в подобающем отдалении, на стене. Эйвинн Аструп был не только уроженцем Христиании, но и ровесником Леона, то есть принадлежал к поколению Руала. Мечтателя за королевским дворцом вдохновляли достижения рано обретшего зрелость Аструпа.

Сын оптового торговца Эйвинн Аструп уже в девятнадцать лет покинул родину и направился в Америку. Как и Леон, он учился в коммерческой гимназии, по окончании которой рассчитывал заняться предпринимательством на той стороне Атлантики.

Вскоре, однако, юный искатель приключений нашел гораздо более интересное приложение своим силам. Будучи бывалым лыжником и любителем дальних походов, он сумел попасть в число участников двух гренландских экспедиций Роберта Пири — 1891-1892 и 1893-1894 годов.

Будущий покоритель Северного полюса американец Пири начал с изучения северной Гренландии, где не только приобрел драгоценный опыт, но и сделал несколько значительных открытий. Не поладив с американцем, честолюбивый норвежский лыжник решил уехать обратно в Норвегию и осуществлять там собственные планы. В частности, Аструп попытался добиться поддержки у состоятельного пионера китобойного промысла Свенна Фойна и шведского специалиста по воздушным шарам — инженера Андрэ. На заседании Географического общества Эйвинн Аструп изложил свои идеи полета на воздушном шаре в северные широты: «Тогда можно была бы со Шпицбергена за каких-нибудь два часа пересечь Арктику, проводя по дороге исследования, а потом, если бы ветер дул в благоприятном направлении, вернуться домой с помощью прихваченных ради такого случая собак и нарт».

Эйвинна Аструпа влекла к себе не только Арктика, но и Антарктика. Фактически круг его интересов был сходен с Руаловым. Если бы Аструп остался в живых, он бы скорее всего затмил собой Амундсена. Он был менее чем двумя годами старше, однако успел гораздо больше Руала. Помимо всего прочего, он был обаятелен и умел завоевывать сердца людей. Народная молва быстро приписала ему роман с легендарной певицей и соломенной вдовой Евой Нансен, а также с миссис Пири, которая — на удивление всем — участвовала в одной из северогренландских экспедиций мужа.

Увы, судьба распорядилась иначе. В то самое время, когда Фритъоф Нансен сидел в логове на Земле Франца-Иосифа, мечтая поскорее очутиться дома, рядом со своей Евой, а братья Амундсен готовились к переходу через Хардангервидда, самый юный в Норвегии кавалер Рыцарского креста ордена Святого Олава вышел на последнюю в жизни лыжную прогулку. 29 декабря 1895 года Эйвинн Аструп покинул Ерхинн на восточной стороне Доврского плоскогорья, намереваясь пересечь его и выйти к Утне, где у Аструпа была назначена встреча с несколькими офицерами, в том числе с капитаном Дитриксоном, участвовавшим в гренландской экспедиции Нансена.

Тело Эйвинна Аструпа было обнаружено спустя почти три недели вблизи Ерхинна. Что случилось? Как мог норвежский герой-полярник номер два пасть мертвым через полчаса после выхода на лыжах? Неужели этот двадцатичетырехлетний молодой человек не отличался завидным здоровьем? Чем была вызвана гибель: апоплексическим ударом, усталостью, самоубийством? «По всей вероятности, Эйвинн Аструп, который из-за плохой дороги нес лыжи в руках, поскользнулся на ледяном бугре, упал и стукнулся правым виском об острый камень, — сделал не слишком убедительный вывод репортер газеты «Афтенпостен». — Вокруг было много крови». Бутылка портвейна в рюкзаке осталась практически непечатой^[10].

Гроб с телом полярного путешественника был при огромном стечении публики препровожден в столицу. Эйвинна Аструпа похоронили на кладбище Христа Спасителя, но известный полярник и любимец женщин еще долго занимал воображение соотечественников. В зале памяти, который воздвиг у себя в душе Руал Амундсен, юный кавалер Рыцарского креста занял

место рядом с гораздо более старшим мучеником — сэром Джоном Франклином.

7 августа 1896 года, примерно через полгода после сражения со смертью на Хардангервидда, довольный Руал пишет из Христиании Леону в город Коньяк: «С 1 июня 1897 года я нанялся в бельгийскую антарктическую экспедицию в качестве матроса и лыжника. Поход рассчитан на два года и должен быть весьма интересным, поскольку будет первым в своем роде».

Только успел Руал Амундсен отправить свою весть, как поступает сногшибательное сообщение о том, что 13 августа на самый север Норвегии, в Вардё, прибыл Фритьоф Нансен с двадцативосьмилетним лейтенантом Ялмаром Юхансенем. Спустя неделю в Тромсё бросает якорь «Фрам» под командой Отто Свердруп. Шведская колония Норвегия взрывается восторгом. Современные викинги пересекли Ледовитый океан, в точности исполнив задуманное. Впрочем, не совсем в точности (у них не вышло попасть на Северный полюс), но в пылу всеобщего ликования никто не собирался придирааться к подобным мелочам. «Фрам» проследовал на юг вдоль всего норвежского побережья как флагманский корабль, под шелест развевающихся флагов и речи о национальной гордости, с возвышающимся на корме живым воплощением викингского короля.

Когда судно 9 сентября 1896 года вошло в Христиания-фьорд, встречать его высыпала вся столица. Во дворце ждал с орденами и шелковыми лентами стареющий Бернадот. У бывшего королевского дворца в крепости Акерсхус стоял знаменитый поэт и общественный деятель Бьёрнстьерне Бьёрнсон,

готовый проследить преемственность традиций от легендарных викингских королей к современным героям-полярникам. Норвежцы обрели небывалую уверенность в себе. В благодарственной речи Фритьоф Нансен сказал, что «подобный план мог осуществить лишь один народ в мире — норвежский».

В тот день в Христиании не хватало одного человека, Руала Амундсена. Вместе с братом Густавом он нанялся на грузовоз «Хюльдра», и теперь они шли во французский Кан, где надеялись повидать Леона. И все же не приходится сомневаться, что в своих разговорах братья то и дело возвращались к двум темам: прибытию «Фрама» и отплытию «Бельгики».

Бельгийский антарктический поход готовился в обстановке куда менее благополучной в финансовом отношении, чем норвежская экспедиция к Северному полюсу. Барк «Бельгика» был построен в Норвегии и зиму накануне отплытия провел в вестфоллском городе Саннефьорд, где производили его ремонт и необходимое переоборудование. Отбытие судна было намечено на лето 1897 года. Интересно, что еще на стадии планирования матроса Амундсена повысили в должности до старшего помощника. Похоже, за места в составе нищей и опасной экспедиции отнюдь не дрались.

Зимой 1897 года Руал Амундсен приезжает в Антверпен, чтобы получить язык и пройти курс навигации. Он снимает недорогое жилье.

Весной того же года Леон получает в Коньяке письмо со штемпелем: «Антверпен, 24 марта 1897 года». Потрясенный Руал пишет: «Сегодня ночью произошла история столь трагическая, что мне не

забыть ее до гробовой доски. Хозяйка дома покончила с собой, отравившись угарным газом». Утром ее обнаружил сам Руал. «На полу стояло два цинковых ведра с углем, в одном еще догорали головешки». Рядом, «оцепенелая и холодная», лежала женщина.

Говоря начистоту, у Руала Амундсена завязался с квартирной хозяйкой роман. А она, между прочим, была замужем. Теперь же, в письме Леону, Руал выставляет себя прежде всего свидетелем трагедии. «Мы с хозяйкой были добрыми друзьями, почему мне известны многие подробности. Боюсь, если б я взялся рассказать тебе эту историю как следует, го не кончил бы до полуночи». Тем не менее сразу становится ясно, что эта смерть нарушит дальнейшие планы квартиранта. В день отправки письма он бросает навигационные курсы.

Должны быть веские, крайне веские причины, чтобы Руал Амундсен рискнул лишиться своей должности в полярной экспедиции. «С первым же судном я возвращаюсь домой, ибо после такого случая не способен более работать в Антверпене».

Леон телеграммой зовет брата к себе в Коньяк, но Руал «из-за этого происшествия настроен немедленно возвратиться на родину». Видимо, под ногами квартиранта все еще горели уголья в цинковых ведрах. 26 марта он проводил хозяйку в последний путь, а наутро ни свет ни заря отбыл в Христианию. Хозяйка покоилась в могиле, однако ее муж был жив.

Впоследствии Руал признался брату, что вынужден был сломя голову бежать из Антверпена. Остаться там было небезопасно.

А Руала Амундсена манила Антарктика.

Глава 4

ПЕРВАЯ НОЧЬ В АНТАРКТИКЕ

Основным полем деятельности для полярных исследователей была Арктика. Экспедиция «Бельгики» открыла новую (весьма бурную) эру в освоении обширного региона, остававшегося практически неприкосновенным, — Антарктики. За свою долгую карьеру путешественника Руалу Амундсену суждено было посетить белый континент всего дважды, второй раз — когда он водрузил флаг на Южном полюсе.

Первый поход в Антарктику стал для Амундсена подлинным университетом, обучившим его искусству полярных исследований. Экспедицией руководил Адриен де Жерлаш. Как и капитан корабля, лейтенант Жорж Лекуант, он был бельгийцем, тогда как остальной экипаж состоял из представителей самых разных национальностей.

Этой экспедиции, предпринятой для открытия новых земель, суждено было стать единственной, в которой Руал Амундсен участвовал в качестве подчиненного, — весьма полезное положение для начинающего полярника, которому прежде всего нужно выучиться руководить. В «Моей жизни» Амундсен, как ни странно, ни разу не упоминает барона де Жерлаша по имени, ограничиваясь фразой «бельгийский моряк». Поразительно, но национальный герой Бельгии аккуратно стерт из написанной норвежцем истории собственной жизни. Кроме самого Амундсена, по фамилии назван лишь судовой врач. Эти двое — норвежский старший помощник и американский врач — предстают в воспоминаниях истинными руководителями экспедиции [\[11\]](#).

Пока переоборудованный корабль еще стоял в Санне-фьорде, туда нанес визит Фритьоф Нансен. Это была первая встреча полярных исследователей — величественного триумфатора и никому не ведомого Руала Амундсена, который был одиннадцатью годами моложе и одиннадцатью сантиметрами ниже Нансена. Встречу, однако, запомнит не только младший из двоих. «Тому, кто хоть раз видел это лицо, нелегко будет забыть его», — скажет через тридцать один год Нансен.

Официальное отбытие «Бельгики» из Антверпена на две недели задержалось: ждали последних государственных дотаций. Такие задержки отплытия по чисто финансовым причинам будут происходить в жизни Амундсена еще не раз. 16 августа 1897 года экспедиция наконец-то отбывает — под всеобщее ликование, которое часто сопровождает путешественников, отправляющихся навстречу неизвестности.

10 сентября корабль бросает якорь на рейде Фуншала. Команда сходит на остров Мадейра — как тринадцать лет спустя это сделает экипаж «Фрама». Так начинаются многочисленные совпадения с последующими событиями, которыми отличается бельгийская экспедиция. 6 октября судно пересекает экватор. Руал Амундсен проходит обряд крещения в «рубище лаццарони». Это — предвосхищение его вечного попрошайничества.

Экспедиция на «Бельгике» как нельзя лучше познакомила молодого норвежца с опасностями полярных путешествий. В то же время она приобщила его к их внешнему блеску. В Рио-де-Жанейро экипаж провожают восторженно, иностранные военные корабли приветствуют его флагами и духовыми оркестрами. Сотни матросских глоток кричат: «Ура!» «Отплытие было невероятно трогательное», — замечает

старший помощник в дневнике, открывающем череду его экспедиционных записей.

Путь от берегов цивилизации к пустынной белой неизвестности далек. В Монтевидео у команды появляется еще один повод напиться до бесчувствия, тогда как более образованная ее часть любуется красиво расположенным городом, широкими чистыми тротуарами, просторными площадями и... электричеством, без которого тут не обходится ни один закоулочек. «Не будем забывать также о дамах. В жизни не видал столько красивых женщин в одном месте, как тут».

Двадцатипятилетний молодой человек, занимающий на борту «Бельгики» должность старпома, служит преданно, едва ли не самозабвенно. С надеждой и верой он записывает в дневнике: «Под руководством нашего дорогого начальника у нас все ладится, и для меня самое главное — исполнять свой долг, дабы планы его осуществились. Он прилагает невероятные усилия для успеха предприятия, и я от души желаю, чтобы усилия эти не пропали напрасно. Что касается моих обязательств перед Норвегией, мне всегда будет ясно одно: нужно трудиться так, чтобы родине не было стыдно за своих сыновей».

В экспедиции принимали участие пять норвежцев, из которых четверо были матросами, входившими еще в прежнюю команду. Руала разместили на юте, где обитали офицеры и ученые. На «Фраме» в свое время совершили социальную революцию, и весь экипаж в составе тринадцати человек обедал, ужинал и прочее за одним столом. Там посчитали, что все они норвежцы и, следовательно, равны между собой. Команда «Бельгики» насчитывала немногим больше, однако на этом судне держались проверенной континентальной системы разделения по чинам ^[12].

От южной оконечности Чили корабль берет курс на выступающую часть антарктического материка, Землю Грейама. К концу января 1898 года судно приближается туда, куда стремилось. «Туман плотный, как стена. За ним нас ждут айсберги и неоткрытые земли». Мало-помалу старпом начинает сознавать, что отправился вовсе не в тщательно подготовленную исследовательскую экспедицию: бельгийский руководитель, видите ли, рассчитывал на безопасное плавание, на героический поход, который безо всяких усилий с чьей-либо стороны кончится удачей. «Мне остается лишь восхищаться его дерзостью. Вперед или... Что ж, буду рядом, веселый и довольный».

Уже на следующий день, 22 января, экспедиция попадает в тягчайшие обстоятельства. Погода ужасная, пурга, шторм, туман. Над «Бельгикой» вздымаются волны, кругом полно айсбергов. На вахте стоят четверо — трое норвежцев и бельгиец. Командует ими старший помощник. Внезапно грохот шторма пререзает истошный вопль. Молодого матроса Августа Винче смывает за борт. Команда отчаянно пытается спасти товарища. Соотечественнику Винче, Людвигу Юхансену, удается схватить утопающего, но лишь на миг, пока волны не вырывают товарища из рук. Моряк погибает от стужи, прежде чем его пепельно-серое лицо исчезает в пучине.

Так Руал Амундсен впервые встретился со смертью за полярным кругом. Почти пятнадцать лет спустя у этого случая появится эпилог. После второго посещения Амундсеном Антарктиды приходский священник в городе Мосс передает ему привет от лежащего при смерти матроса Юхансена. «Он трогательно предан Вам. Много и с восторгом рассказывал мне о походе на

"Бельгике", и во всех эпизодах его герой — Вы». Через несколько дней пастор передаст умирающему матросу и его обездоленной семье 200 крон — с приветом от покорителя Южного полюса.

В бурных и отнюдь не свободных антарктических водах «Бельгику» подстерегают не только несчастья, но и везение, которое тоже производит огромное впечатление на помощника капитана: «Кто при виде такого осмелится отрицать существование Бога? Никто! Случайность, скажете вы. Едва ли судну помогла чистая случайность. Нет, нет и нет. Велика сила Твоя, Господи, и вечна милость Твоя. Как многожды прежде, это Ты провел нас через это испытание. Покрывай и дальше нас рукою Твоею...»

Такую религиозность, если не сказать детскую веру, Руал Амундсен сохранит на всю жизнь. Он не станет, подобно Нансену, доискиваться еще не открытых законов природы. Для него за изменчивым пейзажем и непостижимой загадочностью ледовой пустыни скрывается личное участие Бога.

30 января 1898 года материк, на который не ступала нога человека, оказывается в пределах досягаемости, так что «можно отправляться в лыжный поход». Вместе с начальником экспедиции, судовым врачом и еще несколькими членами экипажа Руал Амундсен ставит палатки на северной оконечности южного материка. «За горячим гороховым супом мы забыли про снег и ветер и чувствовали себя не хуже, чем в королевском дворце. Так прошел первый вечер на этой девственной, не тронутой человеком земле». Вскоре они возвратятся на корабль, но Амундсен уже начал состязание, совершил первый шаг по направлению к Южному полюсу. Он высадился на материке и разбил палатку, как бы подавая сигнал некоему англичанину, морскому офицеру^[13].

Впрочем, далеко не все участники экспедиции чувствуют себя в своей тарелке. Большинство не ожидало, что придется тут зимовать, и через некоторое время по судну распространяется страх. Руководитель же считает «своим долгом бельгийца» продолжать движение на юг. Чтобы не волновать команду, сообщаются неверные координаты. О своих подлинных намерениях Жерлаш ставит в известность лишь капитана и — чуть позже — старшего помощника. Амундсен не возражает против уловки: «Итак, мы со скоростью 3 мили в сутки идем на юго-запад. Превосходно».

8 марта «Бельгика» застревает в объятиях льда — и страха. Экипаж остается лицом к лицу с неизвестностью. Ни одно судно еще не зимовало в условиях антарктической ночи. Все знают лишь, что у них плохое снаряжение, что ими командует строящий из себя героя азартный игрок и что обстановка как нельзя более подходит для мученической смерти. По мнению полярного студиозуса, «дело приобретает интерес». Откуда он черпает спокойствие? В чьи руки доверчиво вручает свою молодую жизнь?

«Много Ты уже помогал нам, Господи, наверняка будешь помогать и впредь. Куда бы нас ни забросила судьба, я приложу все силы к тому, чтобы до конца выполнить свой долг». Амундсен полагается на Бога, на самого себя и на судового врача. Похоже, больше всего на врача.

По чистой ли случайности либо по небесному промыслу, но на борту вмерзшего в лед судна дилетантов находятся два человека иного формата, обоим из которых суждено войти в историю полярных путешествий: старпом Руал Амундсен и врач Фредерик Альберт Кук. Норвежца сразу привлек к себе красивый, обаятельный американец: он был на семь лет старше Руала и разделял его увлеченность «студеным краем».

Имя доктора Кука уже было вписано в полярную литературу, и вписано не кем иным, как Эйвинном Аструпом^[14]. Аструп с Куком участвовали в первой гренландской экспедиции лейтенанта Пири. В своей единственной книге, вышедшей в 1895 году под названием «Среди соседей Северного полюса», Аструп дает врачу следующую характеристику: «Весьма предприимчивый и деятельный человек примерно тридцати лет от роду, который, будучи этнологом, принес ощутимую пользу экспедиции во время нашего пребывания среди аборигенов».

Рассудительный, никогда не теряющий спокойствия врач становится наставником Руала. Уже при первой высадке на сушу наставник и подопечный в одной связке преодолевают трещины и снежные мосты: «бывалый полярник идет впереди, я — позади». Вместе они взбираются на возвышенность и могут впервые бросить взгляд в глубь континента, которому предстоит со временем покориться младшему: «Нам открывается вид на неизведанные края, но его тут же заслоняют туман и метель».

Через Кука Амундсен знакомится с методами, применявшимися Пири.

Заодно он узнаёт и другие вещи: «Изредка доктор рассказывает мне об Эйвинне Аструпе. Выясняется, что слухи, которые некогда ходили в Норвегии, будто у него была связь с госпожой Пири, — чистейший вымысел. Во-первых, Эйвинн Аструп терпеть не мог миссис Пири. Во-вторых, она была во всех отношениях женщина серьезная. В-третьих, слабый пол [...] был в Гренландии легко доступен. Если незамужних женщин следовало обходить стороной, то с замужними все обстояло

гораздо проще. Надо было лишь испросить разрешение у мужа, а тот его давал всегда. Избранницей Э. А. стала четырнадцатилетняя Тунгвингва — замужняя, без детей. Большая умница и признанная в Гренландии красавица. Очень маленького роста. Замуж там выдают в 13 лет».

В своей книге Аструп подробно рассказывает о юной эскимоске. Ее мужа звали Колотенгва, и он был ближайшим туземным помощником норвежца и его единственным спутником весной 1894 года, во время долгого санного перехода к заливу Мелвилл:

«Никто во всем роду не мог соперничать с Колотенгвой в гордости, никто не был свободнее и независимее его, вернее в дружбе, сметливее на охоте и хладнокровнее в минуту опасности.

Жена его, по имени Тунгвингва, была краснощекой, улыбчивой девочкой с темными глазами и белыми как мел зубами».

Вольное обращение Эйвинна Аструпа с эскимосским институтом брака отнюдь не было исключением. Пожалуй, именно эта приятная сторона жизни в суровых условиях подвигала на участие в полярных экспедициях многих из тех, кто гонялся за естественными радостями бытия. Посланцы цивилизации предпочитали в этом пункте следовать местным правилам морали. Сам Пири пишет: «А если какой-либо исследователь Арктики сочтет своим долгом сказать молодому эскимосу, что нехорошо обмениваться женами с другом, то этому исследователю нелишне заранее подготовить веские аргументы, ибо порицаемый скорее всего широко раскроет глаза и спросит: "А почему бы и нет?"»

Амундсену довелось услышать о своем кумире и куда более страшные вещи. «Доктор Кук — человек, во всех отношениях заслуживающий доверия — в ответ на мои расспросы относительно болезни Э. А., о которой

идет много толков, сообщил следующее: "То, что я вам сейчас рассказываю, не точные сведения, а лишь предположения. По возвращении из второй экспедиции Пири участвовавший в ней художник [по фамилии Стоукс. — *Т. Б.-Л.*] доложил мне, что их доктор Винсент израсходовал весь запас лекарств от сифилиса и в последнее время пребывал в полной растерянности, потому что они кончились. Тиф, которым якобы заразился Э. А., — вещь совершенно невозможная в полярных широтах"».

Записав в дневнике никем не подтвержденный диагноз д-ра Кука, Руал Амундсен присовокупляет собственные соображения: «Если отважный юноша и вправду заразился этим проклятием человечества, мне его жаль вдвойне. Главным и единственным его стремлением было заниматься полярными исследованиями. Получается, этот путь был для него отрезан, причем когда он находился в расцвете лет и уже многого достиг. Задумайся над этим, ты, любящий судить других, и будем надеяться, что к тебе судьба проявит большую благосклонность. Бедный, бедный мальчик...»^[15]

Вскоре поход «Бельгики», следуя худшим традициям полярных путешествий, превратился в настоящий кошмар. Вся экспедиция стала героической импровизацией дилетантов, оказавшихся на грани выживания. В краю, к которому немногие тамошние обитатели приспособивались тысячелетиями, человек должен был найти свое место всего за одну полярную ночь.

Главным бичом для «Бельгики» стала цинга. Она добралась до каждого члена экипажа и унесла жизнь

одного из них. С цингой обострились присущие человеку страхи. Люди постепенно переносились в долину теней, в царство безумия. Нравственные устои были подорваны. В четырех стенах слышались пронзительные крики королевских пингвинов, перемежавшиеся чьим-то бредом и отчаянными угрозами смертоубийства.

Не считая чрезвычайно занятого врача, к этому ледяному аду приспособился только один человек. Да-да, он наконец-то нашел свое место в жизни. 30 мая полярная ночь достигает кульминации^[18], и старпом записывает в дневнике, что солнце повернуло вспять: «Разумеется, я буду рад снова увидеть его, однако все это время я чувствовал себя на удивление хорошо и *ни капельки* по нему не скучал. Напротив. Я понял, что давно стремился к жизни в подобных условиях. Меня привел сюда не детский каприз, а зрелое размышление. Я ни о чем не жалею и надеюсь, у меня хватит сил и здоровья для дальнейших трудов в избранном направлении».

Руал Амундсен трудится. Не как помощник капитана или штурман (ведь судно вмерзло в лед, и им распоряжается судьба), а как начинающий исследователь. Прежде всего он изучает лед. Иногда старпом буквально кружится среди торосов, как малое дитя на карусели. Затем он приступает к изучению питания, с жадностью набрасываясь на все предлагаемые Антарктикой неиспробованные блюда. На корабле свирепствует цинга, а старший помощник набирает вес: его 87,5 килограмма — рекорд «Бельгики». Чтобы сохранить здоровье, нужно есть свежатину, в особенности пингвинов. «У них отличное мясо, в виде бифштексов похожее на говядину»^[16].

Еще один изучаемый предмет — одежда. Опять-таки сырье для нее поставляет царство животных, в

частности тюлень. Отдельная экипировка нужна для ночи. Старпом чертит конструкции самых разных спальных мешков — изобретений д-ра Кука, Аструпа, Пири (у мешка Пири есть рукава, придуманные им во сне^[17], когда участники экспедиции ходили охотиться на белых медведей). Сам Амундсен делает вывод (правда, лишь временный), что по соотношению веса и даваемого тепла следует предпочесть рассчитанный на троих гренландский мешок Нансена.

Д-р Кук по всем предметам одновременно наставник и соученик. «Я абсолютно полагаюсь на него как на человека с большим опытом арктических путешествий». Руководитель экспедиции все больше роняет себя, отчего доверие к спокойному, практичному и неизменно полному надежд судовому врачу крепнет.

Руал крайне редко уносится мечтами на родину, однако не забывает ни одной памятной даты вроде годовщины смерти матери или дня рождения Бетти. Он представляет себе, как эта «пышная толстушка» на одном из островов Эстфоллского архипелага «разливает кофе гостям».

На борту «Бельгики» все национальные праздники отмечают с шампанским и тостами. Однако Первое мая игнорируется, по крайней мере «на юте». Помощник капитана не удерживается от нескольких ироничных фраз по поводу «дня социалистов». Очевидно, что Амундсен не считает его *своим* праздником. «Мы уж лучше посидим у себя, побережем силы для 17-го^[19]. Это будет совсем другой день, куда более подходящий для торжеств».

Старпом гордится своей страной, чувствует себя представителем Норвегии на юте, среди офицеров застрявшего во льдах промыслового судна. В праздник настроение меняется к лучшему: «Дома сейчас ясное, светлое весеннее утро. По улицам шагают толпы

ликующей детворы. Сегодня 17 мая. День нашей свободы».

Через полгода после того, как в голове у Руала Амундсена шествовала детвора, между норвежцем и бельгийским руководством вспыхивает конфликт. Выясняется, что перед отъездом Жерлаш заключил с Географическим обществом тайное соглашение, по которому экспедиция, независимо от развития событий, должна оставаться под началом кого-нибудь из бельгийских офицеров. Старпом воспринимает такую договоренность как «намеренное оскорбление». Он тут же требует «аудиенции у командира» и заявляет ему: «С этой минуты никакой бельгийской антарктической экспедиции для меня не существует». Заявление можно назвать тем более фантастическим, что оно было сделано в каюте руководителя на борту бельгийского корабля, дрейфующего во льдах Антарктики.

Подчиненный разъясняет старшему по званию новый статус похода: «Теперь "Бельгика" не экспедиционное, а самое обыкновенное судно, попавшее в ледовый плен. Долг обязывает меня помогать горстке людей, которые оказались на его борту. По этой причине, господин начальник, я буду по-прежнему как ни в чем не бывало выполнять свои обязанности. Так диктует мне мой долг человека»^[20].

Вот почему в написанной тридцать лет спустя автобиографии начальник присутствует анонимно. 15 ноября 1898 года Жерлаш и его экспедиция просто-напросто прекратили свое существование. Разрыв Амундсена с руководством «Бельгики» предвосхищает череду сходных конфликтов, которые станут характерны для полярного исследователя к концу его карьеры.

Надо сказать, что принципиальное отмежевание старпома от позиции, занятой начальниками-

бельгийцами, было не импульсивным поступком оскорбленного человека, а точным расчетом. Амундсен, «по совету доктора Кука», составляет бумагу с описанием происшедшего. Она призвана служить «наилучшим подтверждением моих действий».

Единоличный мятеж, поднятый Руалом Амундсеном на «Бельгике», по сути дела не был борьбой за справедливость и истину. Помощник капитана не возражал, когда руководитель экспедиции вводил в заблуждение экипаж неверными координатами судна. Столь бескомпромиссная реакция на чисто гипотетическое постановление была вызвана исключительно тем, что он воспринял его как нарушение собственных прав, как выпад и лично против него, и против страны, которую он представляет.

Выговорив себе независимое положение, старпом может позволить развернуться своим национальным пристрастиям. Он более не сомневается, что без участия норвежцев экспедиция «не добилась бы ни малейших успехов». Причем его не упрекнешь в нескромности: «Самому мне похвастать особенно нечем, но так как работой на борту по большей части руководил я, то могу ручаться за надежность четырех славных норвежских ребят. Жаль только, что ее мало ценят. Между нами и бельгийцами лежит такая пропасть в отношении мыслей и чувств, что мы *никогда бы* не сумели достичь взаимопонимания и продуктивно сотрудничать».

Первая зимовка в антарктических водах едва не закончилась трагически — провалом экспедиции и всеобщей гибелью. Оказалось, что «Бельгика» даже с наступлением весны вовсе не обязательно освободится

из ледового плена. В своих воспоминаниях Амундсен приписывает всю честь спасения д-ру Куку^[21]. По его указаниям истощенная команда с желто-зелеными лицами (к тому же закутанная в балахоны, сшитые из ярко-розовых шерстяных одеял) принялась прорубать во льду канал. Благодаря изобретательности д-ра Кука, его опыту и неизбывной воле к победе (а также некоторому количеству взрывчатых веществ) экипажу в конце концов удалось вырваться к открытому морю, и в марте 1899 года «Бельгика» достигла южной оконечности Америки.

Но еще в полярных широтах начальство собрало офицерский состав («ют»), чтобы присвоить имена тем частям антарктического архипелага у Земли Грейама, которые были открыты экспедицией и которые она заслужила честь окрестить. Разумеется, первую речь у купели держал командир. Помимо всего прочего, он предложил увековечить на карте память двух жертв, норвежца Винче и бельгийца Данко. Впрочем, под конец очередь «дать одно наименование» дошла до каждого из присутствующих. Впервые в жизни Амундсен пускает в обиход имя, называет точку на поверхности земли: «С огромной радостью я назвал красивую, выдающуюся в море косу на острове Винче... мысом Эйвинна Аструпа».

Одновременно с отступлением «Бельгики» в те же льды входила новая экспедиция, опять-таки национальная. Поход был снаряжен на английские средства^[22], а потому считался английским, однако руководили им норвежцы. На борту «Южного Креста» находился еще один молодой человек из Кристиании, которому предстояло знакомство с антарктической зимой, — Карстен Боркгревинк. Экспедиция покинула судно и осуществила первую в мире зимовку на самой Антарктиде. Таким образом был совершен еще один шаг

к покорению Южного полюса. Один за другим организовывались все новые и новые походы.

Руал Амундсен вернется в эти края не раньше, чем через десять с лишним лет, однако именно экспедиция на охваченной страхами «Бельгике» укрепила Амундсена в правильности его выбора и придала ему силы для исполнения задуманного. Вот как он сформулировал свою программу однажды ночью, стоя на вахте у северного побережья Земли Грейама: «Летние и зимние ночи в Норвегии, бесспорно, прекрасны, но могут ли они сравниться по производимому впечатлению с этой безмолвной, холодной, залитой лунным светом полярной ночью? Тебя охватывает удивительное чувство. Неужели Бог создал эти просторы, чтобы они оставались пустынными и забытыми человечеством? Конечно, нет и еще раз нет. Мы обязаны сделать все возможное, чтобы получить представление обо всем этом великолепии, дарованном нам Богом. Вперед, только вперед. Даже ставящие нам препоны льды должны отступить перед продвигающимся вперед (не без помощи Господа) человеческим духом».

Глава 5 ДВОЙНОЙ ПЛАН

«К великому своему удивлению обнаружил, что ты на Троицу или даже накануне Троицына дня ждал возвращения Руала, и, следовательно, теперь он уже должен был вернуться», — пишет Леон Амундсен брату Густаву 23 мая 1899 года. О том, когда полярный исследователь возвратится на родину, сведения были самые противоречивые.

Следуя логике своего воображаемого увольнения с «Бельгики», старпом предоставил судну добираться домой самостоятельно и вернулся из Южной Америки отдельно, как частное лицо. Этот манёвр он повторит через тринадцать лет. Впрочем, при несколько иных обстоятельствах. В этот раз голову над его местонахождением ломают только братья.

Леон надеялся, что Руалов путь домой проляжет через Францию и что брат заедет к нему в Коньяк. «Его ждала тут комната, украшенная цветами и флагами», — разочарованно сообщает он на родину, узнав, что антарктический путешественник объявился в Христиании.

Разрыв с Бельгийским королевством не мешает старшему помощнику принять от него первую из своих многочисленных наград — орден Леопольда^[23]. Другие почести от иностранной державы его не интересуют. По возвращении домой он, кроме Бетти и братьев, жаждет встречи с одним-единственным человеком — великаном из Люсакера Фритьофом Нансенom.

Наконец-то юному Амундсену есть чем поделиться. Он видел материк у Южного полюса, которого Нансен не видел. Или видел лишь в воображении, пока сидел в берлоге на Земле Франца-Иосифа.

«Мои самые сердечные поздравления с удачным походом и добро пожаловать на родину после первой зимовки человека в полярных широтах». Так без промедления откликается Нансен на весточку от своего соотечественника Амундсена, доложившего о том, что вернулся в Норвегию. «Мне будет чрезвычайно приятно повидать Вас и лично поздравить с возвращением, тем более что было бы весьма интересно послушать Ваши рассказы о пережитом. Посему я с удовольствием приму Вас, когда Вам только будет удобно, — разумеется, если сам не буду находиться в отъезде».

Возможно, столь безмерная любезность со стороны великого, недоступного полярного исследователя даже обескуражила начинающего путешественника. Пройдет еще много лет, прежде чем Руал Амундсен окончательно поймет, что стояло за явным интересом, проявленным Фритъофом Нансеном к его антарктическим впечатлениям.

В отличие от д-ра Кука Амундсен не взялся по возвращении за книгу о путешествии. Рядовым членам экспедиции не пристало о ней писать. Печатное слово — дело не личное, а официальное. Издавать книги положено руководителю, даже если его руководство оказалось никудышным. Начальник экспедиции имеет право без помех изложить собственную ее версию. Этому принципа Руал Амундсен твердо придерживался на протяжении всей своей деятельности. Рассказывать о походе — привилегия руководства, остальные его участники — второстепенные персонажи, у них роли без слов.

Амундсену не было особой нужды распространяться об экспедиции на «Бельгике»: это был не его поход. Уже во время зимовки в Антарктике мысли его обратились в ином направлении. Основной целью экспедиции Жерлаша был Южный магнитный полюс. Туда они так и не попали. Тем не менее для человека,

любящего переворачивать все с ног на голову, идея оказалась плодотворной. В своей первой будущей книге Руал Амундсен напишет: «Во время этого путешествия созрел мой план. Мне хотелось связать мечту детских лет о Северо-Западном проходе с гораздо более важной для науки целью: *установить нынешнее местоположение Северного магнитного полюса*».

9 сентября 1899 года Руал Амундсен начинает вести дневник нового путешествия. Вместе с Леоном он на велосипеде едет из Христиании в Париж, а оттуда — в Коньяк. Затем Руал, уже один, продолжает путь через Мадрид до Картахены и там нанимается на идущий в Америку семейный барк «Оскар». Нашему полярнику нужно провести в море побольше дней и месяцев, чтобы потом сдать экзамен на капитана. Пускай к тому времени, когда он отправится покорять один из самых сложных морских путей в мире, все бумаги будут в порядке. Руал прихватывает с собой в плавание и велосипед, надеясь «получить от него большое удовольствие в Америке, где, — как он сообщает Леону, — должны быть совершенно потрясающие дороги».

Руал Амундсен — любопытствующий путешественник. Ему не обязательно покидать цивилизованный мир, чтобы делать антропологические наблюдения. Из Флориды он пишет в Норвегию Густаву: «Что касается Пенсаколы, город довольно большой, но паршивый. Смотреть не на что. Зато по части "женского полу" выбор роскошный. В жизни не видал столько домов под красным фонарем, как здесь, хотя жителей в городе всего-то 20 тысяч. Хочешь — бери прелестную американку, хочешь — омерзительную негритянку или

индианку. Таковы развлечения Пенсаколы. Других тут просто нет».

Густав, два года назад купивший себе усадьбу на Тидеманнсгате, дом номер 20, служит брату в Христиании точкой опоры и связным. Редко какое письмо ему обходится без поручения. Так и в этом, из Пенсаколы, сказано: «Будь добр, вложи в прилагаемую записку 10 крон, запечатай в конверт и отправь Бетти».

В апреле 1900 года «Оскар» заходит в английский порт Гримсби. Там Руалу удается собрать целую библиотечку книг о Северо-Западном проходе.

Вернувшись в Христианию, он перевозит Бетти и весь свой скарб по новому адресу, на Профессор-Далсгате, 45. «Можешь быть уверен, мы живем уютно и хорошо, — пишет он Леону, который как раз направляется домой из кругосветного путешествия. — Никаких соседей напротив и замечательный вид на горы в Аскере и окрестностях. Во дворе, правда, бывает много детей, но пробраться сквозь их толпу всегда возможно». Впрочем, Руал недолго задерживается у окна новой квартиры. Погостив летом у родни в Видстене и отбив положенные недели на военных учениях в Гардермуене, он снова уходит в море.

В сентябре 1900 года Амундсен едет в Гамбург, чтобы изучать магнетизм в «Дойче зееварте» — Германской морской геофизической обсерватории. Впрочем, прежде чем отправиться в кайзеровскую Германию, он обратился в британскую обсерваторию, прося разрешения поработать у них. «Директор не уважил моей просьбы». Этот отказ из Англии не был забыт, иначе о нем не упоминалось бы в написанной почти через тридцать лет автобиографии.

Зато у начальника обсерватории в Гамбурге — перевалившего на восьмой десяток холостяка профессора Георга фон Ноймайера — он встречает самый радушный прием. В начале октября Руал пишет

Леону: «Проф. Ноймайер считается величайшим авторитетом в области земного магнетизма, так что заниматься под его личным руководством должно быть весьма для меня полезно». Спустя неделю ученик уже возвращается в профессорских кругах: «Вчера вечером — около семи, когда я собрался идти работать — посыльный принес мне записку от проф. Ноймайера, который приглашал посетить его в гостинице "Штрайт", одной из роскошных гостиниц на Юнгфернштиг, прямо напротив дома, в котором я живу. Я быстренько облачился в дежурный сюртук и помчался на ту сторону. Там меня встретил профессор Н., который представил меня профессору Мону из Христиании, человеку весьма уважаемому как в Норвегии, так и за ее пределами. Мы некоторое время поболтали втроем — в частности, о задуманном мною предприятии. Знакомя меня с кем-либо, проф. Н. неизменно добавляет: "молодой человек, вознамерившийся определить точное местонахождение Северного магнитного полюса"».

Впоследствии Руал Амундсен будет при всяком удобном случае превозносить старика профессора. Занятия в Гамбурге, а затем в обсерваториях Вильгельмсхафена и Потсдама способствовали установлению у полярного исследователя хороших отношений с Германской империей.

20 ноября 1900 года Амундсен возвращается в Христианию — набравшийся знаний о земном магнетизме и готовый к следующему, решающему, шагу в направлении Северо-Западного прохода. Вероятно, на одной из предрождественских недель он едет к Нансену и излагает ему свой двойной план: Северо-Западный проход и Северный магнитный полюс.

Сочетанием цели популярной и всем понятной с целью более сложной для восприятия, научной, он шел по стопам Нансена и его экспедиции на «Фраме». У того целями были Северный полюс и течение в Ледовитом океане.

Заручиться поддержкой Фритъофа Нансена было для Руала Амундсена делом первостепенной важности. После первого похода на «Фраме» Нансен стал бесспорным мировым лидером среди полярных исследователей.

В это самое время его корабль снова был в заледенелых морях. Так называемым вторым походом «Фрама» руководил Отто Свердруп, ближайший сподвижник Нансена по экспедициям в Гренландию и Ледовитый океан. Когда Амундсен встречался с Нансеном, Свердруп находился среди только что открытых островов к северу от Гренландии и подумывал о Северном полюсе. Он не прочь был также попытаться провести «Фрам» Северо-Западным проходом.

По словам самого близкого к капитану человека, Ивара Фосхейма, отношения между старыми друзьями Свердрупом и Нансеном после их возвращения из ледового дрейфа заметно подпортились. Виноват в этом, очевидно, был Нансен. Непростой характер и мрачное настроение, преследовавшее его в эти триумфальные годы, серьезно затрудняли общение с ним.

К Рождеству 1900 года семейство Нансен еще не переехало в свое новое поместье Пульхёгда («Полярная высота»). Огромный дом-башня достраивался, и Нансен продолжал жить в более скромной люсакерской усадьбе Готхоб («Добрая надежда»). Здесь, в украшенном викингскими орнаментами и росписями в духе национального романтизма, однако уже довольно

ветхом бревенчатом доме, и состоялась третья встреча полярных исследователей.

Не раз утверждалось, будто в отношениях Фриттьофа Нансена с Руалом Амундсеном, который был одиннадцатью годами младше, не наблюдалось особой сердечности. И все же нет оснований считать, что в Люсакере Амундсена принимали с меньшим восторгом, чем в Гамбурге. Напротив. Изложенный молодым человеком план сочетал приключения с наукой, а потому пришелся Нансену весьма по душе. Профессор увидел в Руале Амундсене готового преемника, к тому же ничем не угрожающего собственному положению знаменитого полярника — во всяком случае, пока...

Нансен вспомнил эту встречу с Амундсеном много лет спустя, в надгробной речи: «Он подчеркнул, что главная цель его плана, то есть научная основа, ради которой стоит затевать экспедицию, — изучение магнитного полюса, но, раз уж он окажется в тех краях, можно поднапрячься и заодно пройти Северо-Западным проходом». Подобное изложение плана свидетельствует о том, как умело Руал Амундсен разыгрывал свои карты. И он таки добился своего: Фриттьоф Нансен сделал ставку на Амундсена и его план. Впрочем, с тех пор отношения между полярными гигантами маленькой страны предстояло пройти разные стадии.

Следующий ход: сразу после Нового года Руал Амундсен отправляется в столицу полярных плаваний — город Тромсё. Руал собирается покорить Северо-Западный проход и должен обзавестись подходящим для такого предприятия судном. 14 января 1901 года он уже может сообщить находящемуся в Христиании Леону, что ведет переговоры о его покупке. Густаву поступает просьба выслать 10 тысяч крон: «NB — только не ущемляя себя».

Итак, Руал Амундсен созрел для получения своей доли отцовского наследства. У него есть поддержка Нансена, а теперь еще и яхта «Йоа». Приобретя это судно водоизмещением всего в 47 тонн, он поселяется в Тромсё и занят исключительно переоборудованием зверобойного судна для собственных целей. «Я сократил общение до приема гостей в воскресенье вечером», — пишет он Леону. Новоиспеченный судовладелец снял себе комнату в мансарде с видом на гавань. «Изредка ко мне заходят на кофе капитаны полярных морей и развлекают меня байками. Слушать многих из этих стариков весьма интересно и поучительно».

В апреле «Йоа» выходит в полугодовой испытательный поход по северным областям — отчасти на промысел, отчасти для выполнения океанографических исследований под руководством профессора Нансена. Вечером накануне отплытия из Тромсё Руал пишет прощальное письмо Леону, который на тридцатом году жизни собирается жениться: он обручился в Коньяке с дочерью норвежского консула, девятнадцатилетней Алиной. «Спасибо за братскую любовь, которая проявлялась во всем, что ты для меня делал. Надеюсь и даже уверен, что в Алине ты обретешь достойную тебя супругу».

Впрочем, приготовления к свадьбе шли не такими спешными темпами, как подготовка к полярным исследованиям. В сентябре, когда «Йоа» возвращается, Руал еще успевает вместе с братьями отослать к намечающейся в Коньяке свадьбе их совместный подарок — «сливочник и сахарницу». «Извини, что подарок получился скромный; сам знаешь, какие теперь трудные времена», — объясняет полярник.

Поздней осенью 1901 года Руал Амундсен впервые выступает на заседании Географического общества в Христиании — докладывает о «предстоящем

путешествии». С тех пор жизнь его будет поделена между полярными широтами и лекционными залами. «К счастью, я раздобыл кое-какие диапозитивы, иначе доклад вышел бы скучный», — пишет он Леону.

В новом, 1902 году полярный исследователь приступает к наиболее трудному этапу подготовки: финансовому. И снова путь его лежит в Люсакер, о чем Руал и докладывает в Коньяк: «По сему поводу я обратился к проф. Нансену, и он обещал выяснить, с какой стороны лучше приступить к делу. Такое участие будет для меня большим подспорьем. Если в исходе битвы заинтересован этот человек, я считаю ее наполовину выигранной».

Хотя Амундсен склонен к чересчур оптимистичным расчетам (эта склонность будет преследовать его всю жизнь) и считает, что ему хватит субсидии в 50 тысяч крон, достать такие деньги окажется непросто. На протяжении нескольких лет горная страна дважды финансировала масштабные экспедиции на «Фраме». Богатых людей мало, отыскать нескудеющую руку сложно. Тем не менее Амундсен свято верит в волшебника из Люсакера, даже спустя год: «Не знаю, раздобыты ли уже необходимые средства, но пребываю в убеждении, что будут, коль скоро дело поручено профессору Нансену».

Темпы материальных, практических и научных приготовлений к походу на «Йоа» нарастают, все больше загоняя Руала Амундсена. Уследить за его передвижениями непросто. Впрочем, часто он сам этого не хочет. «При посещении Гамбурга я съезжу оттуда повидаться кое с кем, — пишет он в апреле 1902 года Леону, — только пусть это останется в совершеннейшей тайне, о поездке не должна знать ни одна живая душа. Разглашение этих сведений может повредить субсидии, которую я пытаюсь раздобыть. Так что, пожалуйста, никому ни слова».

Осенью того же года, получив свое капитанское свидетельство, Руал Амундсен предпринимает неизбежную поездку в Лондон, к высокопоставленным лицам из Королевского географического общества. Они решают обнадежить новоиспеченного капитана, вложив в поход чисто символическую сумму. Между тем Амундсен обдумывает, не съездить ли ему также в Североамериканские Соединенные Штаты. Он обращается к своему давнему спутнику Фредерику Куку, и тот выражает готовность принять его: «Да-да, непременно приезжай в Н.-Й.». Д-р Кук еще в прошлом году взялся замолвить за старого друга словечко по ту сторону Атлантики. Кроме того, летом 1902 года Амундсен столкнулся с еще одним человеком, обещавшим пропагандировать в Америке экспедицию на «Йоа»: в «Театральном кафе», напротив только что выстроенного Национального театра, Руал встретил своего школьного приятеля Фредрика Хермана Гаде. Обаятельный и уже немало потершийся в свете, Гаде вырос на тогдашней окраине Христиании, в усадьбе Фрогнер-Ху-ведгорд, но в 1888 году уехал на родину матери, в Бостон, чтобы учиться там в университете, который традиционно кончали все мужчины их семьи. Херману Гаде суждено было стать самым близким из личных друзей Руала Амундсена — он держался рядом на протяжении всей жизни, в которой появится еще много ненаписанных глав.

В ночь с 16 на 17 июня 1903 года, когда буксир подтягивает самое маленькое в мире полярное судно — «Йоа» — к устью Христиания-фьорда, над норвежской столицей идет дождь. Выход в плавание происходит тихо. С фанфарами можно подождать до возвращения.

Проститься у причала собрались только родные и близкие членов экипажа.

До последней минуты поход был на грани срыва из-за финансовых затруднений, что не могло не беспокоить Руала Амундсена. В общей сложности, без учета стоимости судна и различных поставок натурой, экспедиция обошлась примерно в 150 тысяч крон — в три раза больше первоначальной сметы полярного исследователя. Из них 14 тысяч (взятых в долг под поручительство) было раздобыто буквально в последние дни.

В своих мемуарах Руал Амундсен изображает выход в море под прикрытием тьмы как своеобразный криминальный подвиг, как побег по меньшей мере от одного из разъяренных кредиторов: «Я был в отчаянии и решился на единственный остававшийся мне шаг: созвал шестерых тщательно отобранных спутников, разъяснил им свое положение и спросил, согласны ли они пойти на то, что я хочу предпринять. Они с восторгом одобрили мой план. Тогда мы, семеро заговорщиков, в полночь на 17 июня 1903 года под проливным дождем отправились к пристани, где стояла "Йоа", взошли на борт, снялись с якоря и взяли курс на юг, в сторону Скагеррака и Северного моря. Когда день занялся над нашим свирепым кредитором, мы были уже на безопасном расстоянии в открытом море — семеро пиратов, счастливейшие из всех, кто когда-либо плавал под черным флагом».

Это последующее выставление себя в виде пиратского капитана на службе науки (или Робин Гуда от полярных исследований) весьма показательно: вот, значит, каким хотел предстать перед другими стареющий Руал Амундсен. Впрочем, едва ли такое описание годится для похода, где список спонсоров возглавляли Его Королевское Величество и Фритьоф Нансен.

При выходе из Христиания-фьорда на борту «Йоа» находилось трое пассажиров — Руаловы братья. За последнее время младший превратился в старшего. Бесконечные хлопоты совершенно измотали Руала. Покидая город своего детства в тридцать один год, он казался стариком¹.

И Густав, и Леон принимали активное участие в подготовке экспедиции. Густав выпрашивал деньги. Наделенный очарованием и умением уговаривать, он вытряс из землевладельца Анкера 10 тысяч крон, а из оптового торговца Виля — пять тысяч. Но у самого Ежика дела не ладилась. Он забросил морские перевозки, предпочтя торговлю дровами и коксом, однако не все его предприятия были одинаково удачными. Честно сказать, материальное положение второго по старшинству брата было настолько скверным, что, прежде чем «Йоа» покинула лоно цивилизации, Руал посчитал целесообразным назначить «наследником той части имущества, которая должна была бы при прочих условиях отойти моему брату Г. А.», своего племянника, Густава-младшего. Гарантировать участникам экспедиции благополучное возвращение из Северо-Западного прохода не мог никто.

За два дня до отъезда из Христиании Руал отобрал у Густава доверенность на ведение дел и передал ее Леону. Тот еще весной вернулся из Франции, чтобы обосноваться в Норвегии и заняться импортом вина. Полярный исследователь предоставил молодоженам свою квартиру. Он знал, что, пока Леон на родине, ни за Бетти, ни за какие-либо дела можно не беспокоиться — они в надежных руках.

С отбытием «Йоа» братья вступили в длительную борьбу за влияние. Возвращение Леона отодвинуло Густава в сторону. Кто теперь считается доверенным братом полярного путешественника? Кому достанется слава, а кто будет стоять в тени? Кто сможет извлекать

материальную выгоду? Пока что они равны. Или почти равны. Все трое представляют Руала. На выходе из фьорда, у маяка Фэрдер, братья прощаются. Буксир идет назад в Христианию. «Йоа» на всех парусах продолжает путь вперед. «До свиданья, братик!»

Глава 6

НАЧАЛЬНИК

Одномачтовая «Йоа» сидела в воде с полной осадкой, поскольку была нагружена провиантом, снаряжением и горючим на целую вечность вперед. Смелые мореходы искали Северо-Западный проход свыше пятисот лет. Теперь предстояло потратить на его поиски еще несколько зим.

На палубе, зажатые между грузами, притулились шесть ездовых собак. Они остались от второй экспедиции Сверд-рупа на «Фраме», вернувшейся в Норвегию в прошлом году. Собак держали на привязи, пока «Йоа» не вышла далеко в Северное море. Зато команду привязывать не требовалось: все ее члены вышли в море добровольно. Их тоже было шестеро — не считая «Начальника», как они называли Руала Амундсена.

Ни одна полярная экспедиция не обходится без заместителя начальника. На «Йоа» его звали Годфредом Хансеном. Ему было 27 лет, и он имел звание лейтенанта. Хансен родился в Дании, его отец был в свое время бургомистром королевского Копенгагена. Почему должность морского офицера на норвежском полярном судне исполнял датчанин? Возможно, потому что «Йоа» направлялась к датским землям? Или Хансен был обязан этим своим многочисленным специальностям? Амундсен называет его «штурманом, астрономом, геологом и фотографом». Кроме того, он разбирался в электричестве. В общем, старший лейтенант на «Йоа» был красивый и разносторонне образованный человек... разве что несколько сублильный для полярной экспедиции.

Прежде с Амундсеном ходил на «Йоа» только один член экипажа — тридцатилетний старший механик Педер Ристведт. Они познакомились три года назад, на военных учениях, и Руал считал его самым надежным человеком во всей команде.

Старпомом шел Антон Лунн, один из двух уроженцев Тромсё на борту «Йоа». Ему уже исполнилось тридцать девять, и он превосходил остальных как возрастом, так и опытом: за плечами у Лунна было свыше двадцати лет плавания в полярных морях. Дома у него осталась жена.

Второй помощник был тоже из Тромсё и на шесть лет моложе Антона. Ради того, чтобы отправиться в плавание с Амундсеном, Хельмер Ханссен покинул жену и первенца. С Начальником он познакомился при отбытии «Бельгики» и будет сопровождать его в экспедициях на протяжении многих лет, дольше всех других.

Хельмера Ханссена нашел для «Йоа» аптекарь Фриц Г. Цапфе. Амундсен свел знакомство с Цапфе во время своего долгого пребывания в Тромсё, и тот, надо думать, пришелся по душе нашему путешественнику. Аптека «Полярная звезда» на долгие годы стала личным представительство Амундсена в столице северных морей. Аптекарь выполнял массу его поручений, из которых, вероятно, наиболее важным была вербовка моряков, вернувшихся из полярных широт. Хельмер Ханссен оказался его наиболее ценной находкой: «Очень милый парень, немного застенчивый и, похоже, хорошо воспитанный, ср. росту. Несомненно, самый достойный рекомендации из всех прочих». Единственным «но» в отношении Ханссена было его супружество, ставшее для экспедиции дополнительным финансовым бременем. Впрочем, Цапфе утверждал, что кроны, истраченные на содержание г-жи Ханссен, должны окупиться, и в своей рекомендации писал о

Хельмере: «...он показался мне очень симпатичным, степенным, добропорядочным... от него Вам наверняка будет только радость». Пройдет почти двадцать лет, прежде чем Хельмер Ханссен перестанет доставлять Амундсену радость.

Из шести моряков лишь один последует за Руалом Амундсеном и в его антарктическую экспедицию: легендарный полярный кок Адольф Хенрик Линдстрём^[24]. Этот плотного сложения господин из Хаммерфеста родился в 1865 году, причем не в какой-нибудь иной день, а 17 мая. Он только недавно вернулся из четырехлетнего похода на «Фраме», где служил коком, и вот уже снова устремился в море. Несмотря на многочисленные достоинства Линдстрёма, капитан Свердруп не был в восторге от добродушного кока: помимо еды, тот питал слабость к спиртному.

«Последним мы наняли Густава Юэля Вика», — в феврале 1903 года писал Леону Руал из Потсдама, где завершал свое скоротечное образование в области магнетизма. «Он имеет звание флотского унтер-офицера, сдал экзамен на штурмана, но работал в канцелярии». Амундсену виделся в двадцатичетырехлетнем уроженце Хортена будущий ученый. «Теперь он сменит меня на курсах, так как ему предстоит помогать мне в наблюдениях и следует освоить приборы». Самый юный и жизнерадостный член экспедиции оказался натурой чувствительной и склонной к размышлениям. Никто из счастливой команды вышедшего в море суденышка и предположить не мог, что по ту сторону Северо-Западного прохода Густаву Вику суждено встретить свою смерть.

В Годхавне, на западном побережье Гренландии, экспедиция в последний раз сходит на берег в более или менее цивилизованном краю, в том числе чтобы пополнить запасы керосина и собак. Местные эскимосы устраивают в честь путешественников праздничное представление. «Особенно удались им пляски. В жизни не наблюдал такого чувства ритма и такой уверенности в движениях, — отмечает в недавно начатом экспедиционном дневнике Руал Амундсен. — К тому же обтягивающие штаны до колен отдают должное фигуре. Чисто эскимосских лиц совсем немного. В большинстве случаев внешность наполовину датская».

31 июля экспедиция отправляется дальше, в еще более девственные воды. Через две недели плавания вдоль западного берега «Йоа» оставляет позади первую преграду. «Как по велению Господа, льды расступились, — записывает капитан, — и мы без помех быстрым ходом пошли в направлении суши». Так они миновали залив Мелвилла — отрезок пути, пользовавшийся крайне дурной славой. «Сердечная благодарность Богу за то, что вывел нас».

«Йоа» уже достигла божественных широт. «Я не мог отвести глаз и мыслей от ледника, с которого наш храбрый соотечественник Эйвинн Аструп вместе с Пири начал свое путешествие через гренландский ледовый панцирь», — напишет Руал Амундсен в отчете об экспедиции, который будет называться «Северо-Западный проход. Плавание на судне "Йоа". 1903-1907».

22 августа им впервые попадаются следы пропавшей экспедиции Франклина и нескольких экспедиций, организованных для ее спасения: могилы, мраморные памятники, разгромленные склады. «Кругом валяются пустые консервные банки; всё, что могло бы пригодиться, уничтожено», — отмечает Амундсен в дневнике после безрадостного осмотра заповедного

места. Единственные оставшиеся ценности — «порядочно американской подошвенной кожи и большой запас угля».

Покинув гренландское побережье, «Йоа» берет курс на юго-запад, между североканадскими островами. Такова стратегия Руала Амундсена: искать Северо-Западный проход к югу от тех маршрутов, что избирали его предшественники.

Утром 31 августа капитана, который отстоял ночную вахту и теперь спал у себя на койке, разбудил сильный удар по корпусу «Йоа». Судно вел лейтенант. Амундсен выскакивает на палубу. Вскоре там появляется и Педер Ристведт. «Сначала я увидел возвышающегося на палубе Начальника в трусах, затем услышал голос датчанина, который победоносно возгласил: "Сидит!" Несмотря на предупреждения Вика и Х. Ханссена^[25], он посадил нас на мель, причем мель эта распространялась во все стороны по меньшей мере на четверть мили». Это описание взято из экспедиционного дневника Ристведта.

Снять судно с мели — не самая большая проблема. Куда более серьезная — сам Годфред Хансен, старший лейтенант датского военно-морского флота. Для команды «Йоа» давно не секрет, что он совершенно не умеет управлять судном, не зря его прозвали Руки-Крюки. Вик в дневнике называет лейтенанта «маменьким сынком», человеком, который «не умеет даже помыться, а одежду и проч. свои вещи разбрасывает по всей палубе, и это при нашем обожающем порядке Начальнике!». По мнению Ристведта, вообще-то Хансен «симпатичный парень, готовый спать днями напролет и очень смелый в хорошую погоду, но стоит погоде испортиться, а морю начать штормить, как от его смелости не остается и следа».

К вящему изумлению полярников, старший лейтенант отращивает длинные кудри и украшает их шелковыми бантами. Более того, заплетает из своих светлых волос косички! «Теперь он похож на школьницу», — утверждает Ристведт. В дневнике не только у него, но и у Вика подробно описаны диковинные прически лейтенанта. «На фоне остальных он выглядит с этими прическами чистым шутом, хотя уверен, что вызывает всеобщее восхищение», — пишет Вик.

Постепенно старший лейтенант доказывает свою непригодность по всем специальностям, которыми якобы владеет, в том числе как электрик и фотограф. Тем не менее Амундсен продолжает покровительствовать ему. «Мы с Ристведтом не раз вступали в жаркий спор с Начальником о том, какими практическими навыками обладает его заместитель, — замечает Вик. — Разумеется, Начальник считает его главным умельцем во всей команде». Амундсен прекрасно понимал, что ему придется смириться с Годфредом Хансеном. И не только потому, что разжаловать старшего лейтенанта Королевского датского флота было непросто. Слабый заместитель имел по крайней мере одно преимущество: он не был сильным.

Через несколько дней «Йоа» опять садится на мель. Теперь сняться с нее помог шторм, и то по прошествии суток, под конец которых положение стало критическим: «Судно подсакивало на самой высокой точке рифа. Я был уверен, что пришел наш последний час. Удар за ударом. Один страшнее другого, — записывает Амундсен в дневнике. — Мы торопливо сбросили за борт стоявшие на палубе ящики с провиантом. Тут "Йоа" снова чудовищно сотряслась — и сползла с рифа. Я пламенно, от всего сердца возблагодарил Господа за наше спасение».

По версии Педера Ристведта, благодарность заслужил и кое-кто еще: «Наверху, в бочке, находился Х. Ханссен, который блестяще снял нас с мели и вывел на глубокую воду. В подобных случаях и делается ясно, кому следовало поручить командование. Лейтенант же только стоял с выпученными глазами».

Одержав верх в единоборстве со штормами, пожаром и мелями, «Йоа» 9 сентября 1903 года заходит в гавань на острове Кинг-Уильям и устраивается на свою первую зимовку. Судну предстоит провести там почти два года. Гавань «Йоа»^[26], как нарек это место Начальник, располагалась к югу от 70-й параллели, а значит, к югу и от пункта отправления в Тромсё, — вдали от цивилизации и вблизи от последнего местонахождения Северного магнитного полюса, определенного в 1831 году сэром Джеймсом Россом.

Этот дальний оплот цивилизации состоял из двух частей: суденышка (вскоре занесенного снегом и вмёрзшего в лед) и обсерватории (на холме по-над бухтой). Обсерваторию соорудили из ящиков, сбитых вместе медными гвоздями, и назвали «Вилла "Магнит"». Рядом с научным центром поселили Вика и Ристведта, которым 29 октября 1903 года довелось наблюдать первую встречу Руала Амундсена с местными жителями.

На возвышенности напротив «Йоа» появилась горстка эскимосов. Амундсен двинулся им навстречу в сопровождении Лунна и Хельмера Ханссена, из которых оба были с ружьями. «Сцена получилась безумно смешная, и мы сверху видели ее во всех подробностях, — пишет Ристведт. — Начальник размахивал руками и кричал "Вейми"^[27], что, вероятно,

должно было означать эскимосское приветствие, однако оказалось неверным словом. Эскимосы, вероятно, лучше соответствовали обстановке и также на ходу кричали "Маниктуми"».

В «Северо-Западном проходе» Руал Амундсен описал эту уникальную встречу двух культур с некоторой иронией. В автобиографии — спустя два десятилетия и одну мировую войну — ирония отодвинута в сторону, зато на первый план выступает заполярный Наполеон: «Во всяком случае, вид у них был воинственный, но нам ничего не оставалось, как только встретиться с ними лицом к лицу. Оба отряда подошли друг к другу на расстояние около пятнадцати шагов, после чего остановились. Я обернулся к моему войску и приказал ему демонстративно бросить ружья на землю. Затем я повернулся лицом к эскимосам. Увидав такой миролюбивый поступок, их предводитель последовал нашему примеру и, обернувшись к своим спутникам, отдал им какое-то приказание. Они бросили наземь луки и стрелы. Безоружный, я подошел к ним».

Во всех вариантах сцена кончается похлопыванием по плечу, крепкими объятиями и братанием. «Мы с Ристведтом лежали на холме и держались за животы от хохота, настолько уморительно это выглядело со стороны», — завершает свой рассказ Вик.

Всякая полярная экспедиция страшится однообразия зимовки. Надо ежедневно проводить магнитные и метеорологические наблюдения, в остальном же полностью занят только повар. Руал Амундсен заимствует старый нансеновский рецепт — из времен зимовки «Фрама» в Ледовитом океане — и гонит свое воинство кататься на лыжах. Из дневника: «Каждое утро с десяти до половины одиннадцатого у нас моцион на ближайшей горке. Горку, ясное дело, называли Холменколленом^[28]».

Однажды в ноябре двое обитателей «Магнита» получают разнос за десятиминутное опоздание к завтраку. «Потом надо было идти на лыжах, — не без злорадства рассказывает Ристведт. — Мы с Лунном прихватили лопаты и, в отместку за меня, соорудили большой трамплин с довольно крутым столом отрыва. Первым спускался Начальник, и я с радостью увидел, что он упал. Прыгнул-то он, понятное дело, красиво, только приземлился на заднее место да еще заехал себе лыжей по лбу, так что вскочила здоровая шишка. Потом подошла очередь лейтенанта: тот грохнулся на самом трамплине и увлек за собой весь насыпанный нами снег».

У Педера Ристведта (он был едва ли не самым полезным членом экипажа, сочетая в себе моториста, метеоролога, кузнеца, охотника и собачьего смотрителя) уже вырабатывается стойко агрессивное отношение к Начальнику. Конфликты возникают, в частности, из-за собак. «Сегодня была небольшая стычка с Начальником, — пишет Ристведт 20 ноября. — Некоторое время назад мы с Виком попросили разрешения ухаживать за щенками Силлы, которые должны народиться в конце месяца. Мы бы ее заранее взяли к себе, кормили и всякое такое. Начальник отверг наше предложение, скорее всего, даже наверняка потому, что считал необходимым с самого начала закалять щенят, иначе, дескать, из них не вырастет хороших собак. В результате Силле негде было прилечь и сегодня она оценилась прямо на снегу, в тридцатиградусный мороз. Я стою у наковальни и вдруг вижу, бежит Силла и тащит в зубах щенка, а следом — вся собачья свора. Щенка, понятное дело, отняли и тут же сожрали. Я поскорей завел собаку к нам, где она и останется, пока не выродит всех».

На следующий год Силле (теперь она уже не «Силла», а «Силла») удастся оцениваться под защитой

Вика и Ристведта. Но и тут не обходится без вмешательства капитана: «Сегодня Начальник отобрал у Силлы щенят, хотя им не исполнилось и месяца, теперь они на судне и жалобно пищат. Какого только вздора не выдумает этот человек!» Зато на другой день: «Сегодня Силла донельзя удивила нас, пройдя по ледовой тропке прямо к судну. Невероятно, на какие подвиги может толкнуть материнская любовь. Она приволокла одного щенка назад, остальные под надзором капитана; либо он ничего не понимает, либо у него склонность мучить животных, во всяком случае, щенкам у него плохо, кормит он их скудно, и они лежат в моче и экскрементах...» И через два дня: «Начальник устал от своих приемышей и сегодня вернул их Силле. Щенки пробыли у него четыре дня, но когда я утром спросил Начальника, что они пили, то услышал в ответ: а я еще не пробовал ничего им давать, может, они не хотят!.. Вот живучее зверье!»

Густав Вик — сосед Ристведта по «Вилле "Магнит"» — разделяет его скептическое отношение к Начальнику как к смотрителю за животными, однако склонен замечать у того и положительные стороны. Ристведт же упорно держится мнения, составленного о руководителе первой осенью. Как-никак, для Ристведта это не первый поход с Начальником.

Помимо самого Амундсена и лейтенанта к образованной части экспедиции принадлежит юный Вик. Их с руководителем объединяют общие знакомые в столице и общие занятия в Потсдаме. Наедине Руал Амундсен проявляет к Вику доверие, делится с ним своими мыслями, обсуждает планы. В первый день рождения, который Вик встречает на борту «Йоа», он перед завтраком обнаруживает на тарелке подарок от капитана Амундсена — книгу Ялмара Юхансена о пережитом с Нансенем. Так что поначалу Вик не сомневается: «Начальник во всех отношениях

потрясный мужик, простой и милый». Потом, однако, он изменит свое мнение, как прежде у самого Амундсена изменилось мнение о командире «Бельгики». Вик молод и впечатлителен. Он ведет откровенный и весьма обстоятельный дневник, так что из всех членов экипажа нам легче всего проследить за настроениями Густава Вика.^[29]

Когда норвежцы ближе знакомятся с эскимосами и осваивают язык новых друзей, Руал Амундсен узнаёт много подробностей о судьбе франклиновской экспедиции, рчевид-но, тело адмирала нашли неподалеку от гавани «Йоа», на противоположном берегу острова Кинг-Уильям. (По величине эта «Королевская земля» занимает среднее положение между островами, лежащими на севере того же архипелага и названными в честь братьев-пивоваров^[30] — Эллеф-Рингнес и Амунд-Рингнес.) Амундсен готов с утра до вечера выменивать у эскимосов кустарные изделия для своей этнографической коллекции. Тем более его интересуют время от времени предлагаемые туземцами вещи европейского производства, которые могли попасть к ним с корабля Франклина. Ему рассказывают и о меновой торговле, практиковавшейся тут англичанами два поколения назад. «В обмен на пустой ящик или что-нибудь в таком роде белые получали на всю ночь эскимосских женщин», — помечает он в дневнике.

Весной 1904 года наступает пора искать Северный магнитный полюс. Вместе с незаменимым Педером Ристведтом Амундсен отправляется в санный поход на север. Идти к источнику магнитного поля оказывается

ничуть не легче, чем продвигаться среди дрейфующих льдов: условия постоянно меняются. «Начальник делает наблюдения и пытается определить, куда делся полюс», — пишет в отчете о санной экспедиции Ристведт [\[31\]](#).

Поскольку определить точное местонахождение полюса не удалось, решают устроить грандиозное празднество не в связи с его открытием, а на 17 мая. «После завтрака мы выкатились наружу, водрузили на палатке флаг и сфотографировали всю сцену, — сообщает Ристведт. — Потом были тосты за родину, короля, Линдстрёма и т. д.».

По прошествии нескольких месяцев магнетизм утрачивает свою привлекательность для Амундсена. Спустя полгода Ристведт записывает: «Вик неукоснительно ведет магнитные наблюдения. Лейтенант с Начальником читают романы и курят, изредка выходят пройтись. Уму непостижимо, чтобы человек мог так перемениться, как переменился за год Начальник. В прошлом году он с утра до вечера был занят исследованиями. В этом он их забросил, а все наблюдения, которые мы сделали во время весеннего похода на нартах, оказывается (по его собственному утверждению), проводились неправильно».

Зато Руала Амундсена стали больше привлекать другие вещи: он неустанно изучал эскимосский образ жизни и мыслей. Разумеется, команду «Йоа» интересовали и туземные женщины. «Некоторые из этих женщин — подлинныя красавицы, — пишет в дневнике Амундсен. — Ростом они невелики, но сложение у них прекрасное». Не меньше его занимают и связанные с этой пикантной стороной жизни местные обычаи. 26 августа он записывает в дневнике: «Мужья предлагают своих жен по цене... чуть было не сказал чего угодно... в общем, по бросовой цене. Жены

обязаны повиноваться, хотя, как мне кажется, они делают это скорее по доброй воле. Я еще не до конца разобрался».

Амундсен отмечает не только обмен женами, но и случаи, когда у одного мужчины две жены. Однако: «Из-за преобладания среди эскимосов мужчин чаще бывает иначе: у одной женщины два мужа. Практичный народ!»

Пока Начальник с Ристведтом искали пропавший полюс, юный Вик назначал на «Вилле "Магнит"» невинные свидания Кималлер, «самой красивой женщине из доселе виденных нами — сыскать вторую такую красавицу будет нелегко». Когда муж охотился, молодая жена «с одной-двумя подругами» навещала жизнерадостного ученого. Не обошлось без стрелы в сердце Вика: «...сегодня я грущу из-за ее отъезда... конечно, эта женщина мне нравилась, даже очень. Надо же иметь такого наглеца-мужа — большего лентяя, чем он, я еще не встречал. Она бы давно умерла от голода, если б я не подкармливал ее, таская с судна еду. Хорошо бы нашелся человек, который бы всадил ее муженьку пулю в лоб, большего одолжения мне трудно было бы придумать».

Руал Амундсен разделяет мнение Вика об Ангудью, муже Кималлер. «В высшей степени достойно сожаления, что такая женщина попала в лапы к подобному мерзавцу, — пишет Амундсен в «Северо-Западном проходе». — Ее привлекательность увеличивали еще красивые глаза с глубоким грустным выражением. Она действительно обладала какой-то прелестью, которую мне с трудом удавалось обнаружить у остальных представительниц прекрасного пола племени нетчилли»^[32].

Кроме эскимосов и их жен самым большим развлечением для участников экспедиции была охота. Лишь двое не разделяли этой страсти. Линд стрём

предпочитал заниматься чучелами (в набивке которых был непревзойденным мастером). Начальник же плохо видел дичь, продолжая при этом твердо держаться мнения, что очков полярные исследователи не носят. Впрочем, у некоторых из тех, кто выходил на охоту, добыча случалась не совсем обычная.

«Сомнительно, чтобы они притащили с собой оленя, — записывает Густав Вик в сентябре, когда уроженцы Тромсё снарядились поохотиться. — Я заподозрил неладное еще вчера вечером, когда заметил какие-то переговоры у эскимосских палаток. Хоть Лунн и Ханссен — люди взрослые и давно женатые, оба чрезвычайно восхищены здешними женщинами, и теперь дело явно заходит слишком далеко». Обитатели «Магнита» следят за охотниками в бинокль. Вскоре те, соединившись с эскимосами, направляются в обетованные края.

На пятый день Ристведт с Виком видят «две усталые, бредущие на полусогнутых фигуры. При ближайшем рассмотрении они оказываются чинно-благородно женатыми и незаменимыми для эксп. северонорвежцами: это Л. и Х. Х. уже покинули своих женщин и возвращаются к мясным котлам Линдстрёма». Судя по дневнику Вика, эти господа из «губернского города Тромсё» отнюдь не впервые вступают в подобные сделки. Научный помощник явно оскорблен — за себя, за норвежских жен, за экспедицию. Как-никак, в обмен на любовные услуги эскимосок идут «предметы из эксп. снаряжения»^[33].

Спустя почти сорок лет Хельмер Ханссен напишет в книге воспоминаний, что «никакого спроса на монголоидных женщин не было, так что о торговле ими не может быть речи даже в отношении четырех неженатых членов экспедиции». Ее руководитель в своей автобиографии также выражает крайне

принципиальную позицию. По его утверждению, эскимосы видят в белом человеке нечто вроде божества... до тех пор пока он не разрешает себе вольностей с туземными женщинами: «Поэтому я воспользовался первым же предлогом завести серьезный разговор со своими товарищами и предупредил их, чтобы они не поддавались подобным искушениям».

В походных дневниках не сказано, что это был за «первый же предлог». Зато там упоминается о другом эпизоде, когда Начальник посчитал необходимым «завести серьезный разговор». 3 февраля 1905 года в гавани «Йоа» появляется больной эскимосский мальчик. «При осмотре выяснилось, что его ноги — начиная от ступней и кончая бедрами, с заходом на поясницу — усеяны отвратительными болячками, часть из которых покрыта толстой коркой, тогда как другие открыты и гноятся. Боли он не испытывал. Насколько мы можем судить, это самый настоящий сифилис. Мальчик говорит, что такая сыпь есть у родителей и у братьев с сестрами. Его бабушка жила в Эйвили^[34] с *каблун* [этим словом эскимосы обозначают "белого человека". — Т. Б.-Л.] и, очевидно, подхватила болезнь там. Сегодня вечером я созвал всех членов экспедиции и сообщил им новость, прибавив, что болезнь наверняка широко распространена в племени».

Этот важный эпизод, о котором не упоминается в «Северо-Западном проходе», кто-то вырезал из весьма откровенного дневника Густава Вика — как случилось со многими другими страницами сего уникального документа о первой экспедиции Руала Амундсена.

Через неделю после возвращения Лунна и Ханссена в палаточный поход с эскимосами собирается уже Начальник.

«Разумеется, поход называют охотничьим, — помечает в дневнике крепко озадаченный Вик. — Приборов с собой не берут, и вообще дело темное; Начальник сам говорит, да и судя по тому, что мы видели и слышали, — стрелок из него никудышный».

Между фактически незавершенной санной экспедицией к Северному магнитному полюсу и осуществлением второй части плана — покорения Северо-Западного прохода — экспедиция «Йоа» пребывает в состоянии внутреннего разложения. Как пишет Густав Вик: «Странно видеть, что менее чем через год члены экипажа утратили всякую охоту трудиться и хотят только уйти с судна и залечь где-нибудь в палатке... или же вовсе не вставать с койки». В последней фразе содержится намек на вечно читающего романы лейтенанта.

Удивляется и Ристведт: «Начальник явно не любит подолгу оставаться на борту». Амундсен перестал быть человеком, собирающим всех в гавани «Йоа». Скорее наоборот: «живет сам по себе, уходит и приходит, когда ему вздумается». Со времени санного похода у него болит нога. Он в подавленном настроении и держится замкнуто; по всеобщему убеждению, Начальник страдает цингой.

Несмотря на подозрительные вылазки, зиму в основном проводят на «Йоа». Команда играет в вист, а брат Леон позаботился не только о рождественских подарках, но и о настоящем коньяке. Хотя Начальник в этот период — сугубый трезвенник, то один, то другой член команды перебирают пуншу, начинают «колобродить» и «шататься из стороны в сторону». В кают-компании зачастую сильно накурено. «Когда мы

только начали плавание на "Йоа", ни Начальник, ни Г. Хансен не увлекались табаком, теперь же Начальник превратился в самого заядлого курильщика из нас всех, поскольку непременно должен выкурить трубочку после еды и многожды в промежутках», — сообщает Вик, все еще находящийся под обаянием руководителя («наш Начальник — человек необыкновенно приятный и занимательный в компании»).

Самым надежным, незыблемым членом экипажа проявляет себя Линдстрём. Хорошее настроение кока не в состоянии сломить даже полярная ночь. «Сегодня наметились первые признаки весны, — записывает Ристведт к концу второй зимовки. — Линдстрём ходил на куропаток. Со времени ледостава кок впервые сошел на берег. Забавный парень. Толстый и жирный, как свинья, зато всегда всем довольный, всегда в превосходном настроении, хотя у него как раз поводов для ворчания больше, чем у всех нас вместе взятых».

Начальник, который со своей непредсказуемостью, частой сменой настроений и вечной непоседливостью представляет собой полную противоположность коку, смотрит на основательного, пусть даже не всегда трезвого Линдстрёма с интересом ученого: «Если он что себе наметил, старается не отступить. Его попытки чего-то добиться всячески вышучиваются. Он же лишь добродушно улыбается и спокойно продолжает делать свое дело. И в большинстве случаев оно ему после нескольких попыток удается». Поначалу казавшийся простоватым кок постоянно раскрывается с новых сторон: вот он уже «технический гений» и умелый зоолог. «По-моему, более толкового человека в полярной экспедиции нельзя и желать».

Грузный Линдстрём и долговязый Амундсен суть противоположности еще в одном отношении. Кок совершенно не интересуется эскимосами, ему безразличны их обычаи и язык. Зато Начальник

обнаружил в туземцах новое — крайне захватывающее для себя — поле научной деятельности. Одним из главных его увлечений становится меновая торговля с эскимосами. Строго говоря, только Начальник имеет право обменивать экспедиционное имущество. Ристведту поручены кузнечные работы, и он без устали кует ножи, топоры и другие вожаделенные предметы для мены. А Начальник с его помощью обзаводится бесценными произведениями искусства, которые приносят пользу экспедиции и должны понравиться норвежским музеям.

Впрочем, наш исследователь хочет привезти на родину не только неодушевленные предметы и музейные экспонаты; больше всего он мечтает вернуться в лоно цивилизации с живым эскимосом. «У нас появился еще один участник, — записывает под Рождество 1904 года Ристведт. — Начальник купил оставшегося круглым сиротой мальчишку, примерно 10 лет от роду. Сегодня его вымыли, постригли и обрядили в новые одежды. Его воспитание возложено на лейт-та». Что дикаря доверили Годфреду Хансену, объясняется самым высоким уровнем образования, которым обладал степенный копенгагенец. В дальнейшем Амундсен намеревался усыновить мальчика, о чем заявил во всеуслышание. «Ему дали спальный мешок и отвели койку в каюте Начальника».

Эксперимент длился недолго, но Руал Амундсен еще не раз пробовал обзавестись детьми среди примитивных народов.

Через некоторое время Начальник не только заводит на судне целую свиту эскимосов, которые днюют и ночуют там, но назначает плутоватого Ангудью личным адъютантом. И таких, по словам Вика, около него «крутится множество. Совершенно не понимаю, для чего они ему. Ест каждый из них за троих,

тогда как кормить собак у Начальника не хватает средств».

Густава Вика взяли в экспедицию помогать Амундсену с магнитными наблюдениями, и со временем ему все труднее мириться с тем, что руководитель предпочитает изучать туземные обычаи. 22 января 1905 года он констатирует: «Десять из 12 месяцев я вынужден был производить магнитные набл. в одиночку. Почему Начальнику приспичило уезжать теперь, в самую холодную пору, не знаю, хотя ясно, что лежать в иглу куда приятнее, чем оставаться на месте, пытаюсь справиться с постоянно возникающими трудностями».

В основном представители разных народов живут в гавани «Йоа» мирно и проявляют терпимость друг к другу, но даже для Амундсена соседство туземцев становится иногда навязчивым и утомительным. В середине февраля 1905 года Ристведт отмечает, что Начальник настроен к эскимосам «крайне воинственно». Это совпадает с тем, что Амундсену докладывают о пропаже^[35] с экспедиционного склада «четверти ящика сухарей для санных партий» и «около двухсот упаковок пеммикана^[36]».

На сей раз капитан Амундсен проявил твердость характера и решительно обратился к верховной власти пустынного края. Он составил обращение к местным племенам, где, в частности, говорилось: «Если сюда посмеют заявиться воры, мы их безжалостно пристрелим». Кроме того, Начальник распустил слух, что «у склада стоят двое сторожей и первого, кто к нему приблизится, ждет пуля».

«Надеюсь, это поможет, — поверяет он своему дневнику, однако не успокаивается на достигнутом. — Завтра Ристведт заложит при входе в палатку мину, так что полагаю, если набег повторится, то в последний раз».

Главе экспедиции важно утвердить свой авторитет среди местного населения. И все же следует сказать, что принятые меры кажутся избыточными, учитывая, что обитатели «Йоа» мирно прожили бок о бок с общительными туземцами целых полтора года. Судя по дневникам, во вторую зимовку в бухте нервы Начальника совсем сдали.

За исключением бесконечных наблюдений работы по магнитному полюсу были давно свернуты, но лишь ближе к лету судно могло двинуться в наступление на Северо-Западный проход. Пока что Руал Амундсен был связан по рукам и ногам и вынужден откладывать достижение своей главной жизненной цели. Он поставил на реализацию проекта всё — и более того. Ответить предстояло ему одному. Ответственность за судно и экипаж, как и ответственность перед кредиторами на родине, лежала исключительно на этом тридцатидвухлетнем человеке. Позади было четыре века походов, а впереди — возможно, четыре недели. И все равно теперь оставалось только ждать.

Вот в каком контексте следует читать дневники — не говоря уже о контексте полярной ночи. Тем не менее заметки экипажа крайне важны *для* понимания Начальника как личности. Лишь после покорения Северо-Западного прохода Руал Амундсен сможет ослепить кого-либо своим именем, пока же все меряют его обычным аршином.

«Сегодня Начальника так и хочется пырнуть ножом, — замечает Вик в самую тяжкую пору. — Он ноет и дуется из-за пустяков, точно маленький, и лезет в дела, от которых ему лучше держаться подальше.

Теперь наверняка будут придуманы какие-нибудь фантастические санные походы и проч.». Участники экспедиции с трудом понимают, на каком свете они сами и на каком — их руководитель (во всех смыслах, зачастую в самом буквальном: Начальник может уехать на несколько дней, не сообщив, куда направляется). Как пишет Ристведт, хотя иногда Начальник приходит в бешенство и может «рвать и метать», «чаще всего он не выговаривает провинившемуся, а обижается».

Густав Вик замечает, что Амундсен хитрит. Он добывает сведения там, где ему больше нравится. «У Начальника такая манера: он никогда не обращается к человеку, непосредственно связанному с делом, предпочитая разузнавать все окольными путями. Осенью он пытался что-то выпрашивать у меня, но я просто-напросто отослал его к кому следовало».

Руал Амундсен из тех людей, которые могут взорваться. Он может утверждать свое превосходство ружьями и динамитом и все же предпочитает властвовать скрытно.

Глава 7

ПОБЕДОНОСНЫЙ ФЛАГ

В три часа утра 13 августа 1905 года над гаванью «Йоа» висит плотная завеса тумана, так что прибывшим эскимосам почти ничего не видно. Впрочем, шум дизеля подсказывает им: пробил час расставания.

Семеро белых покидают уголок земли, который могут по праву считать своим, ибо тут есть вершина Вика, река Ристведта, долина Линдстрёма, гора Хельмера Ханссена, остров Антона Лунна. Кроме того, они оставляют в земле жестянку с фотографией профессора Ноймайера, на которой Амундсен написал: «С глубокой благодарностью и в знак почтительной памяти...»

Весной того же года старший лейтенант Хансен с пришедшейся весьма кстати помощью сержанта Ристведта предпринял долгую поездку на нартах в северо-западном направлении, наделяя цивилизованными именами восточную часть острова Виктория, впоследствии названную берегом короля Хокона VII. На этом обязательная программа выполнена. Теперь очередь за Северо-Западным проходом.

Собственно говоря, большая часть пути пройдена. Еще две недели — и самые трудные для плавания узкие проливы останутся позади. «Проходы были тесные и мелкие, но погода все время стояла такая прекрасная, что идти было одно удовольствие», — пишет Руал в первом же письме Леону по достижении цели.

Разумеется, эти две недели потребовали огромного напряжения сил и нервов, поскольку в любую минуту можно было сесть на мель и застрять. Руал Амундсен, однако, хорошо подготовился к плаванию. Хотя целиком Северо-Западный проход до него не преодолевал никто,

у полярного исследователя были предшественники, указаниями которых он мог руководствоваться. Решающими для продвижения чуть ли не ползком среди неведомых мелей, то и дело промеряя глубину, были также маневренность «Йоа» и опытность экипажа. Повезло с «прекрасной погодой» и благоприятным состоянием льдов. И все-таки в отношении Северо-Западного прохода справедливо то же, что и в отношении следующего крупного достижения Амундсена, Южного полюса: при хорошо составленном плане и тщательных приготовлениях собственно осуществление проекта — наименьшая из проблем.

26 августа команда замечает на горизонте судно. В автобиографии Руал Амундсен рассказывает, что в эту минуту он, из-за нервного напряжения последних дней совсем утративший аппетит, с ножом в руке набрасывается на полузамерзшие олени туши и ест, пока желудок не перестает принимать пищу. Напряжение снято.

Судно оказывается китобойным и идет под американским флагом. На борту этого скромного китобойца разыгрывается классическая сцена между руководителем экспедиции и капитаном, которая напоминает ту, что произошла в джунглях Африки между Стэнли и Ливингстоном или на Земле Франца-Иосифа между Джексоном и Нансеном: «Вы капитан Амундсен?»

Впоследствии Руал напишет Леону: «Я крайне удивился, когда поднялся на борт и услышал свое имя от капитана Мак-Кенны, командира "Чарльза Ханссона" из Сан-Франциско. Он приветствовал нас как покорителей С.-З. прохода и выразил радость по поводу того, что делает это первым. Ему поручили высматривать нас и в случае надобности оказать помощь... но мы ни в чем не нуждались».

Это было лишь начало приятных сюрпризов. «26 сентября я ненадолго попал на Хершел^[37], и мне предложили помощь все стоявшие там китобои. Тогда же я имел случай увидеть оттиск трудов "Тихоокеанского географического общества", который объяснил мне причину подобной сердечности. Оказывается, это ты при содействии Нансена организовал мне такую поддержку. Хоть бы я сумел со временем отблагодарить тебя».

Леон Амундсен впервые выступал в качестве пресс-атташе брата и хорошо справился с этим.

На «Чарльзе Ханссоне» капитану Амундсену вручили пачку старых газет. За два года участники экспедиции второй раз узнавали о событиях в мире. Однажды из гавани «Йоа» вышел гонец-эскимос, который 20 мая 1905 года вернулся с новостями. Помимо всего прочего, экипаж получил тогда сведения о Русско-японской войне. Теперь же, на борту «Чарльза Ханссона», театр военных действий внезапно приблизился, коснулся их самих. «Война между Норвегией и Швецией» — бросается в глаза полярнику со страницы наполовину устаревшей и наполовину плохо осведомлённой американской газеты^[38].

Плавание «Йоа» Северо-Западным проходом совпало с периодом, когда конституционное положение отчизны было крайне неясным. Норвегия стала королевством без короля. Выйдя из унии с Швецией, она пока не обрела самостоятельной государственности, тогда как отношения с бывшим партнером по унии настолько обострились, что дело дошло до мобилизации. Неудивительно, что газета по ту сторону

Атлантики сделала из конфликта чуть более радикальные выводы.

От мыса Парри, где «Йоа» повстречала первое судно, до Берингова пролива, где сходятся воедино Северо-Западный и Северо-Восточный проходы, море вдоль побережья Аляски вроде бы открытое, и все же экспедиция вынуждена провести на этом отрезке еще одну зиму — у Кингс-Пойнта. Руал Амундсен мотивировал зимовку состоянием льдов: он предпочитал верную победу неуверенному плаванью в осенние штормы и полярную ночь. А может, хотел, чтобы весть о победе достигла цивилизованного мира прежде, чем туда доберутся они сами? Амундсен вполне мог считать двухгодичное отсутствие слишком кратким для великого свершения. Нансен путешествовал три года, Свердруп — четыре. Запасов у экспедиции хватает, куда торопиться?

Густав Вик, более не относившийся к капитану с пиететом, объяснил такое решение нехваткой смелости. Мало того что Начальник боялся плыть в трудных условиях, — услышав «о разладе между Норвегией и Швецией, он еще больше перепугался и его вдруг обуяло желание остаться зимовать, хотя в гавани "Йоа" ему делалось худо при одной мысли о новой зимовке. Право слово, нерешительный человек».

Не все жаждали провести за полярным кругом третью зиму, однако насиловать Амундсен никого не собирался. 5 сентября Вик записывает: «Утром Начальник разозлился на Х. Ханссена и после обеда даже спросил, не хочет ли тот вернуться домой сухопутным путем, так как, по мнению Начальника, новая зимовка может дурно сказаться на Ханссеновом расположении духа. Предложение не лезет ни в какие ворота, и мне еще не приходилось слышать ничего подобного. Вот, значит, какой благодарности дождался

Ханссен за все, что делал для экспедиции на протяжении двух с половиной лет?»

Впрочем, никто из членов команды не покинул ее, а норвежская колония даже пополнилась одним человеком. На Кингс-Пойнте обнаружился уроженец провинции Вестфолл Кристиан Стен, американское судно которого потерпело кораблекрушение. Мистер Стен не терял времени даром и завел себе среди эскимосов семью. Он оказался человеком весьма общительным и принес большую пользу соотечественникам, чему Амундсен отдает должное в «Северо-Западном проходе».

Вик же расценивает обращение капитана с этим норвежцем как очередное доказательство скверного характера руководителя. Тот подвергает Стена «такой критике за глаза, что просто стыд и позор. Начальник, ясное дело, лучше всех, тем не менее странно, что сам он святой, а прочие люди — негодяи; у каждого есть свои изъяны, однако прежде чем разносить человека в пух и прах, как он разносит м-ра Стена, хорошо бы проявить осмотрительность и приглядеться к себе».

Хотя местные эскимосы в значительной степени цивилизованы, а совсем недалеко, у острова Хершел, зимует несколько китобойных судов, «Йоа» не имеет прямой связи с миром. Вскоре появляется более свежая газета, где ни о какой войне нет и речи, зато говорится о создании «Республики Норвегия». Тем не менее беспокойство за судьбу родины остается. И еще: когда же мир узнает о великой победе экспедиции?

Начальник собирается предпринять санную поездку к ближайшей телеграфной станции. «Следовательно, все магнитные наблюдения опять ложатся на мои плечи», — записывает в дневнике Вик. Экспедиция не отказалась от научных исследований. Просто для Амундсена телеграф сейчас важнее приборов и

измерений. Ему есть что сообщить свету: он проплыл Северо-Западным проходом!

21 октября 1905 года Руал Амундсен в сопровождении эскимосской супружеской пары и застрявшего на суше капитана китобойного судна двинулся в глубь Аляски. На «Йоа» руководитель экспедиции вернется почти через пять месяцев.

В результате этого полного приключений санного похода его участники добрались до города Игл. В первом письме, отправленном на родину Леону, Руал дает следующий — чисто деловой — отчет о походе: «Прибыли 5 дек., преодолев 1300 км. Сам я проделал весь путь на собственных ногах и могу считать себя в хорошей спортивной форме. Однажды удалось отмахать за день 65 километров. Это заняло 10 часов. Игл-Сити — небольшой форт на границе между Аляской и Канадой».

Тотчас по прибытии покоритель Северо-Западного прохода идет на телеграф и сочиняет обстоятельную телеграмму с указанием всех географических данных, в том числе координат. Кроме того, он задает три вопроса: «How the political situation? How my family? Would it be possible to get five hundred dollars by telegraph?»^[39] Его весть миру адресована: «Христиания, Нансену». Через полчаса после отсылки вестей телеграфная линия выходит из строя.

Спустя пять дней приходит ответная телеграмма от профессора Нансена — с первыми поздравлениями и заверениями, что поводов для беспокойства нет никаких. И все же Руал Амундсен еще около двух месяцев дожидается в Игл-Сити писем с родины. Впрочем, он не скучает: у него всегда находится

компания из местных жителей... или шести собак. «Все они любят меня, — пишет он Леону, — поскольку кормлю я их отменно, а бить почти не бью, такого обращения они в жизни не видывали. Неудивительно, что стоит мне выйти на прогулку, как за мной увязывается стая лающих псов. И все хотят, чтобы их приласкали, причем одновременно, за что начинается борьба. Я завел много знакомств и среди здешних собак, которые обычно тоже хотят присоединиться к моей свите. Нередко я иду в сопровождении 15 собак, каждая из которых старается прыгнуть как можно выше... желательно перепрыгнуть через меня. К счастью, мое теперешнее платье позволяет эдакие развлечения». Руал Амундсен начинает приобретать первых поклонников.

9 декабря 1905 года Фритъоф Нансен садится за стол в своем недавно возведенном люсакерском доме-замке и сочиняет длинное письмо покорителю Северо-Западного прохода. После Нового года Нансену предстоит занять при английском дворе важную должность норвежского министра^[40], и он пишет не столько как полярный путешественник, сколько как политический деятель, один из творцов зарождающегося государства. Свершѐнное Руалом Амундсеном в дальних краях впервые вписано в рамки национальной политики. Фритъоф Нансен от души поздравляет его с подвигом и торжественно докладывает: «К тому же он пришелся весьма кстати, став выдающейся страницей в новой истории новой Норвегии, ибо за время Вашего отсутствия случилось нечто потрясающее: 7 июня король Оскар был смещен с норвежского престола, а уния с Швецией расторгнута, поскольку он отказался утвердить единогласно принятый стортингом закон о консульской службе, так что теперь нашим монархом избрали принца Карла

Датского под именем Хокона VII. Сегодня ровно две недели со дня его вступления в Христианию. А теперь еще весть о Вашем триумфе».

После сего экскурса в современную историю Нансен поучает Амундсена, как ему вести себя в сложившейся конституционной ситуации. «Было бы совсем неглупо» взять на себя труд телеграфировать новому верховному правителю, Его Величеству королю Хокону. Адрес очень простой: Христиания. «Вероятно, если бы Вы захотели по старой дружбе послать несколько слов и в Стокгольм, королю Оскару, это было бы любезно по отношению к старику, хотя смею Вас уверить, вовсе не обязательно». Как-никак, отставной монарх вложил в экспедицию «Йоа» 10 тысяч крон — сумму, о которой король Хокон впоследствии не преминет вспомнить.

Помимо всего прочего, Нансен сожалеет, что эпохальная телеграмма Амундсена задержалась и отрывки из нее были опубликованы американскими газетами, прежде чем она достигла пункта назначения в новообразованном королевстве. Этот случай, дорого стоивший Амундсену, способствовал развитию у него повышенной скрытности и пристрастия к шифрам. За право первой печатать сообщения об экспедиции норвежская газета «Моргенбладет» обещала Руалу Амундсену накануне отплытия «Йоа» две тысячи крон. Впоследствии речь будет идти уже о совсем иных суммах.

И все же наш полярник мог вздохнуть с облегчением. Борьба за свободу Норвегии не оттеснила в сторону его подвиг. Напротив, он стал как бы частью этой борьбы. «Мне повезло, что профессор Нансен не утратил ко мне интереса, — пишет он Леону. — Я боялся, коль скоро его назначили министром в Англии, он может лишиться моей поддержки. Но вчера я получил телеграмму из Сан-Франциско от консула Лунна, и оказалось, Нансен не забыл экспедицию "Йоа". Пока

этот человек интересуется моими предприятиями, я уверенно смотрю в будущее».

В письме от невестки — Малфред — Руал «с невероятной гордостью» прочитал похвалы брата Густава «тому, как замечательно он проявил себя в походе». В ответном послании он бросает редкое для себя высказывание о политических событиях 1905 года: «Хорошо, что случилось так, как случилось».

3 февраля 1906 года Руал Амундсен с туго набитыми почтой мешками покинул Игл и направился к стоящим у острова Хершел китобойцам и «Йоа». «Поездка на север прошла во всех отношениях замечательно, — сообщает он позднее Леону. — На преодоление 1300 км нам понадобилось ровно 30 походных дней, что весьма неплохо. Снег в горах лежал глубокий, рассыпчатый, продвигаться по нему было крайне трудно. 12 марта я прибыл на место и нашел там всё в полном порядке».

Особенно доволен Руал Амундсен остался тем, как действовал в долгое отсутствие Начальника его заместитель. «Милый и обходительный, он снискал всеобщее уважение и почтение», — отмечает Амундсен в дневнике.

Не прошло и месяца, как экспедицию постигло несчастье.

Под Новый год, в отсутствие Начальника, на Кингс — Пойнте праздновали семидесятисемилетие Его Величества короля Оскара, в ознаменование чего даже на полчаса подняли флаг. Ближе к весне и до этого форпоста цивилизации дошли вести о свершившихся на родине переменах. Тост за здоровье старого короля провозгласил в свое время старший лейтенант Годфред Хансен. Он же предложил теперь послать

приветственную телеграмму новому монарху. «Если бы ее послали, — замечает Вик, — дома обхохотались бы. Она была в стихах... чуть ли не целая поэма о том, как мы усердно трудились, как верно служили своему флагу и как жаль, что не могли тоже проголосовать за него [Карла Датского. — Пер.]^[41]. К счастью, все обошлось и без нашей помощи. Боюсь, из-за этой похвальбы нашу эксп. поднял бы на смех весь мир».

В третью зимовку Густав Вик по-прежнему тщательно занимался научной работой. На первый взгляд дела у него ладилась: «Я самостоятельно веду все магнитные наблюдения, точнее сказать — все наблюдения, которые проводятся нашей эксп.». С другой стороны, обстоятельные дневники свидетельствуют о том, что этот человек с трудом заставлял себя выносить окружение, из которого у него не было возможности вырваться. Особенно действуют ему на нервы самодовольные и неотесанные «северонорвежцы». Густаву Вику невмозготу жить среди алкогольного духа и плевков табачной жвачкой, видеть, как эти двое бегают за эскимосками, мириться с их постоянными склоками и придирками. «На расстоянии всего этого не замечаешь, но когда с такими вещами сталкиваешься в тесном кругу, тем более ежедневно, они вызывают отвращение!»^[42]

Более всего, однако, Густав Вик разочарован в Начальнике. Ведь они оба познакомились в потсдамской обсерватории с приборами, оба учились проводить наблюдения, вместе отправились на поиски Северного магнитного полюса. Из всех участников экспедиции только они способны были оценить ее истинное значение. Но по прошествии некоторого времени штурман оказывается с инструментами один на один. Наблюдения из стационарной точки дают неожиданный результат: Вик регистрирует скачки полюса с места на

место. Столь же непредсказуемы перемещения Начальника. Он оказывается нацелен совершенно не на то, что пытается уловить ежедневными наблюдениями его помощник.

Густав Вик собрал огромный научный материал, однако его взяли в экспедицию не для обнаружения магнитного полюса, а для оправдания детской мечты Руала Амундсена — покорить Северо-Западный проход. Вероятно, Вик сообразил это примерно через год сидения в гавани «Йоа», когда записал в дневнике: «Как бы то ни было, я работаю не для Начальника, а во имя науки».

К концу марта до экспедиции дошла еще одна пачка газет, и мысли Густава Вика обратились к другим полярным широтам и другому руководителю: «Из газеты я также узнал, что до всех этих политических разногласий Нансен начал готовить поход к Южному полюсу. Будем надеяться, выйдет что-нибудь серьезное!» Таким образом Густав Вик документально засвидетельствовал, что участники похода на «Йоа» были осведомлены о новых планах Фритьофа Нансена. Эта запись стала одной из последних в дневнике Вика.

4 марта он написал матери в Хортен, что на протяжении всей экспедиции чувствует себя превосходно, и вдруг к концу месяца Вик заболевает. Единственный, кто может претендовать в экипаже на должность врача, — Руал Амундсен со своим так и не начатым медицинским образованием. «Врачует у нас Начальник, но я не думаю, чтобы у него была большая практика в гражданской жизни», — заметил Ристведт в предыдущем случае, когда в роли пациента выступал кок. Проанализировав медицинские предписания Начальника, Ристведт приходит к выводу: «Удивительно, что Линдстрём не возмутился».

Трудно вылечить человека без диагноза. Начальник регулярно меряет Вику температуру. Она скачет. В

последний вечер двадцатисемилетнему больному как будто полегчало. Потом на него напал дикий озноб, против которого не помогают ни одежда, ни куча одеял. Густав Вик просит Линдстрёма лечь сверху. Кок ему симпатичен. «Жаль, что такой милый парень, как Линдстрём, слишком примитивен», — записано где-то в дневнике. Приступ проходит. А на другой день, 31 марта 1906 года, все кончено. Начальник сам закрывает помощнику глаза.

Антон Лунн сколачивает гроб, однако предать покойника земле в этих широтах — дело нелегкое. В начале мая Руал Амундсен пишет Леону: «Тело Вика до сих пор лежит у нас в старом доме. Через несколько дней мы перенесем его в магнитную обсерваторию и похороним там».

6 мая Амундсен берет дневниковые записи усопшего и завершает их исторической характеристикой, предназначенной матери Вика: «Имя его будет навечно связано с научными достижениями нашей экспедиции. Своим выдающимся трудом он оставил по себе прекрасную память».

Через три дня обсерватория превратилась в мавзолей Густава Вика.

Начальник где-то раздобыл фотографию новой королевской семьи и повесил над столом в кают-компании, между портретом Нансена и картой Северо-Западного прохода. Внизу прикрепили изречение, буквы которого собственноручно вырезал из свинца Хельмер Ханссен. «Королевский девиз: "Всё для Норвегии" — как нельзя лучше подходит и для нас, участников похода на "Йоа"», — записывает Начальник в дневнике. Приближается 7 июня — «день революции!». 17 мая

тоже празднуется, но теперь прежде всего как день рождения Линдстрёма, а уж во вторую очередь — как национальный праздник.

7 июня 1906 года Руал Амундсен сообщает в дневнике: «Ровно в полдень мы произвели на берегу салют нации из артиллерийской батареи, для чего позаимствовали у Стена китобойную пушку. Дали 21 залп, каждый с промежутком в 20 сек. Потом был грандиозный обед, к которому мы приберегли последнюю бутылку рома. Пили за здоровье короля и процветание отечества, после чего дружно кричали "ура". Нас совсем немного, но "ура" получается завидное. А еще я мог угостить всех сигарами. Во второй половине дня лейтенант запускал шары из папиросной бумаги. Два или три взлетели довольно высоко... Самый приятный из всех здешних праздников».

Руководитель экспедиции счел необходимым подправить календарь: «Я переложил главный национальный праздник с 17 мая на 7 июня — во всяком случае, он будет отмечаться так на борту "Йоа". Лейтенант же придерживается мнения, что в Норвегии основным праздником по-прежнему будет 17 мая. Мы с ним поспорили об этом на пол коробки сигар».

По возвращении на родину выяснится, что прав был датский старший лейтенант. Другой вопрос, получил ли он причитающиеся ему сигары. Как бы то ни было, этот проигрыш Годфреду Хансену не упоминается в официальном отчете Амундсена об экспедиции^[43]. Нет там ни слова и о замечательном торжестве, устроенном на «день революции». Зато про 17 мая сказано, что оно «было отпраздновано как обычно».

В середине июля 1906 года пора сниматься с места. Руал Амундсен прощается с раскинувшейся к северу от Кингс — Пойнта полуцивилизированной колонией

китобоев. Из дневника: «Эскимосская ребятня на Хершеле представляет собой зрелище печальное и одновременно комичное. Разумеется, там не найти ни одного ребенка чистых кровей. У большинства в жилах течет "каблунская" кровь, но попадаетея и потешная смесь мулатов с эскимосами. Эти настолько смешны, что так бы и расхохотался... если б не понимал обратную сторону медали».

Прежде чем «Йоа» покинула Хершел, экспедицию постигло еще одно несчастье. Эскимосский мальчик Манни, в последнее время живший с членами команды, тонет во время рыбной ловли^[44]. «Потеря Манни обернулась для нас тяжким ударом, — пишет в отчете Амундсен. — Мы все полюбили мальчика, и нам очень хотелось привезти его с собою в цивилизованный мир и посмотреть, что там из него выйдет».

21 августа «Йоа» минует северную оконечность Аляски, мыс Барроу, который будет впоследствии фигурировать в самых дерзких планах Руала Амундсена. Дневник: «Само собой разумеется, при прохождении сего важного пункта на мачту взвился норвежский флаг. Слава Тебе, Господи. Только с Его помощью мы преодолели всё».

Путешествие подходит к концу. Начальник извлекает весы. Надо провести последнее научное измерение. Дневник: «Я оказываюсь самым тяжелым: 90,5 кг». Еще один рекорд.

30 августа 1906 года финишная ленточка между Сибирью и Аляской была разорвана. К сожалению, погода стояла прескверная, но, как говорится в дневнике, у Начальника нашлась в запасе еще одна бутылка: «Проход через Берингов пролив я собирался отметить с некоторой торжественностью, однако пришлось ограничиться торопливой рюмкой виски на палубе... о поднятии флага не могло быть и речи». И все

же вывод ясен: «Мы с большой радостью осушили рюмки, поскольку, как бы ни развернулись дальнейшие события, нам удалось *на одном судне* пронести норвежский флаг через весь Северо-Западный проход».

В последний день августа «Йоа» добирается до Нома — поселка золотоискателей на южной стороне Берингова пролива, где живет немало эмигрантов из Норвегии. В темноте и при полном штиле одномачтовая яхта бросает якорь в виду берега. Но местные жители уже готовы к ее приходу. Внезапно у борта оказывается паровой катер. С берега доносится многоголосое «ура», которое переходит в «Да, мы любим край родимый»^[45]. Осуществив детскую мечту, Руал Амундсен прямо из нее попадает на сушу.

Глава 8

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

«Запомни, с этих пор ты должен считать себя прежде всего дельцом. Не говори лишнего и наложи обет молчания на команду» — с такой настоятельной просьбой обращается к Руалу Леон после победоносного завершения экспедиции.

Утечка телеграфной информации испугала тех, кто поддерживает Руала в Христиании. Теперь важно не дать положению выйти из-под контроля. К счастью, находится человек по имени Гарри Рэндалл, готовый взять на себя обязанности амундсеновского импресарио в Соединенных Штатах. «Он утверждает, — пишет Леон, — что, совершив лекционную поездку по Америке, ты разбогатеешь, а это наверняка отвечает и твоему желанию». В таком случае следует проявлять крайнюю осмотрительность, не болтать направо и налево, поскольку каждое слово первооткрывателя ценится на вес золота. «Ты имеешь больше прав, чем другие исследователи, сделать акцент на бизнесе, не вызывая нареканий, поскольку перед отплытием обстоятельства твои были довольно печальными», — убеждает Леон, прекрасно зная, что деньги — вещь малоуважаемая.

В Номе Руал Амундсен наносит два воодушевляющих визита на золотые прииски, затем посвящает несколько дней празднествам — и прощается с «Йоа». 5 сентября 1906 года полярник поднимается на борт идущего в Сиэтл парохода «Виктория». В багаже у Амундсена инструменты для магнитных наблюдений.

«Йоа» же под командованием старшего лейтенанта Хансена направляется в Сан-Франциско, чтобы наконец-то разгрузиться. 18 апреля город подвергся

землетрясению и теперь лежит в руинах, отчего даже в октябре прибытие туда «Йоа» остается незамеченным. Добирается до Сан-Франциско и Начальник. Там же оказывается Густав Амундсен, который обещает позаботиться о команде во время ее пребывания в Соединенных Штатах. Руал телеграфирует премьер-министру Микельсену, что «без каких-либо условий» передает в дар норвежскому государству научные результаты экспедиции, после чего снова покидает судно, свободный от хлопот с ним в разоренном городе.

1 ноября он пишет Леону из Миннеаполиса: «Хожу с одного торжественного обеда на другой и ничего не успеваю. Я переутомлен всеми этими празднествами, так что жду не дождусь 8 дек., когда мы на "Святом Олаве" отбудем из страны». Близится день возвращения на родину, и в предвкушении сего грандиозного события Руала Амундсена волнуют прежде всего две вещи. Он просит Леона позаботиться о том, чтобы у Бетти был «наряд, в котором она может показаться на людях». И еще: «Пожалуйста, *не останавливаясь ни перед какими расходами*, проследи, чтобы на родительскую могилу в день нашего возвращения был возложен роскошный венок из роз. Сам понимаешь, он должен быть самым красивым из всех, какие только бывают».

Несостоявшийся врач возвращается домой. Ослушник материнской воли замаливает грех, и делает это с размахом. Через год Амундсен обращается к смотрителю кладбища за «Разрешением установить на могиле моих родителей надгробный камень высотой в 10 футов».

20 ноября 1906 года, при ненастной серой погоде, в Христиания-фьорд входит броненосец «Норге» («Норвегия»). На его борту находится в полном составе экипаж «Йоа», двумя днями ранее прибывший в Кристиансанн пассажирским судном «Святой Олав». На норвежскую столицу сыплется дождь пополам со снегом — точь-в-точь как год назад, во время исторического вступления в город новой королевской фамилии. Минуло уже десять лет с тех пор, как на тот же причал в бухте Пипервикен сошел, доставленный туда шлюпкой с «Фрама», современный король викингов Фритьоф Хансен. Тогда день был, как и положено, солнечный.

У школьников отменили занятия. Несмотря на плохую погоду, столица переполнена воодушевленными соотечественниками. Отсутствуют лишь двое. Оба в Лондоне.

Король Хокон прислал телеграмму еще к прибытию путешественников в Кристиансанн, попросив представлять себя в столичном граде премьер-министра Микельсена, который и вручает новоявленному национальному герою Большой крест ордена Святого Олава^[46]. Второй из отсутствующих — посланник Хансен. Впрочем, он все равно присутствует в каждой кружащейся над толпой снежинке. Через газеты Фритьоф Хансен внушил норвежскому народу, что нужно ценить «великое свершение» Руала Амундсена. У Хансена тоже есть на празднестве свой заместитель. Среди 392 именитых соотечественников, которые соберутся в тот вечер в зале масонской ложи, есть и Александр Хансен. Разумеется, он не только представляет там старшего брата (Фритьоф старше его на год), а присутствует и в собственном качестве: правовед Хансен вел официальные дела амундсеновской экспедиции. Эту почетную, хотя и не

оплачиваемую обязанность он исполнял по просьбе брата-профессора, причем исполнял ко всеобщему удовлетворению. В свое время он был управляющим и другой, еще более славной, полярной экспедиции — первого похода «Фрама».

Отношения Александра Нансена с братом Фриттьофом весьма похожи на отношения Леона Амундсена с братом Руалом. Оба держатся в тени, но служат опорой и поддержкой, уравнивая выдающихся братьев своей рассудительностью. У обоих есть и спортивный азарт, однако им неведомы ни грезы, ни тяга к беспримерным подвигам.

Будучи человеком консервативным, Александр смело отстаивал реакционные взгляды. В университете он возглавлял студентов, выступавших в защиту шведского короля, затем стал председателем Союза лыжников. Он был до мозга костей охотник и любитель походов, женат на англичанке, по профессии — адвокат. И профессию, и увлечения Александр унаследовал от отца... как это сделает и его собственный сын.

Леон был по натуре более замкнут и сдержан, однако его роль в жизни брата можно назвать еще более значительной. Александр оказывал Фриттьофу прежде всего практическую помощь, чем будет все больше заниматься и Леон. Руалу требуется также партнер, наставник, советчик. Пока что такие функции совместными усилиями выполняли для него братья Нансен. По мере того как будет снижаться зависимость Руала Амундсена от их авторитета, эти функции постепенно перейдут к Леону. Он станет не просто вдохновителем и доверенным лицом Руала, но его вторым «я». И все же Александр Нансен до последнего года будет верным сторонником Руала Амундсена и его адвокатом.

«Прежде я интересовался Амундсеном в основном ради тебя, — писал брату в Лондон Александр Нансен в период чествований экипажа «Йоа». — Теперь, должен признаться, у меня возник огромный личный интерес к нему. Деньгами способствовать его предприятиям я не могу, однако буду делать все, что в моих силах, по другим статьям».

Банкет в честь участников экспедиции вылился в грандиозный спектакль. В большом парадном зале масонской ложи расселись за столами знатные лица королевства во главе с премьер-министром. На почетных местах — напротив покорителя Северо-Западного прохода — сидели трое старших братьев и нежились в лучах его славы. Главную речь держал профессор истории Ингвар Нильсен, только что закончивший хронику 1905 года, года обретения независимости.

«Вчерашнее торжество прошло замечательно, хотя там не хватало одного человека — Фритьофа Нансена, — пишет адвокат *своему* старшему брату. — Амундсен был *очень хорош*, едва ли не театрален (чего сам не сознавал)». В благодарственной речи, сообщает Александр Нансен, Амундсен приписал всю честь похода норвежскому посланнику в Лондоне, «громовым голосом бросив его имя в зал». Эффект был «более чем потрясающий, благо голос у него зычный».

Последнее обстоятельство немаловажно, поскольку братья Нансен знают, что в ближайшие годы полярному путешественнику предстоит жить именно за счет голоса.

Естественно, Фритьоф Нансен уже сам написал Амундсену и «от всей души» поздравил его с возвращением. Однако норвежский министр в Лондоне посчитал необходимым направить поздравления не только от себя и своей супруги. «Я должен также от лица нашей страны поблагодарить Вас за все, что Вы

совершили для Норвегии. Нам крайне не доставало Вас, а теперь Вы столь своевременно явились и возвестили всему миру, на что способны норвежцы». Кроме того, Фритьоф Нансен счел своим долгом приветствовать Амундсена от имени научной общественности: «На мой взгляд, Ваш поход был от начала до конца наиболее успешным и наиболее хорошо организованным за всю историю полярных экспедиций. Самое восхитительное в нем то, что, предпринятый на такие малые средства, он достиг столь ценных результатов».

29 ноября Руал Амундсен прочел обязательный доклад в Географическом обществе. Хотя доклад проходил без показа диапозитивов и был «не более чем предварительным», Александр Нансен воспользовался случаем рассказать брату о том, годится ли новая звезда для публичных выступлений. «Голос его *без малейшего напряжения* доносился до задних рядов гимнастического зала, где совсем не было слышно Ингвара Нильсена. Амундсен произвел на всех безоговорочно хорошее впечатление, мы слушали его с живейшим интересом. У него встречаются стилистические огрехи, например, обороты типа: "сани, на каких мы ехали", но я договорился с ним, что буду откровенно высказывать свое мнение о подобных казусах», — пишет адвокат, который теперь взял на себя еще и обязанности литературного консультанта. «Впрочем, с такими вещами Амундсен справится. Даже в своем теперешнем виде доклад был многообещающий... что там говорить, просто отличный! А голос у оратора сильный и приятный. К счастью, он производит впечатление человека мужественного, каковым, собственно, и является». Итак, Александр Нансен в восторге: «Ты всегда хвалил его мне, теперь я на собственном опыте убедился, что он славный парень».

За докладом опять последовала череда торжеств и благодарственных речей. Приговор консультанта: «Амундсен отвечает хорошо, громко и бесстрашно, хотя и не совсем гладко». В общем, поупражнявшись, должен справиться.

Руал Амундсен объездил с лекциями все крупнейшие города Норвегии, но теперь на очереди стояла Великобритания. Ни один народ не потерял столько жизней в борьбе за покорение Северо-Западного прохода, сколько англичане. Кроме того, загадочное канадское побережье находилось в подчинении у имперской короны, и амундсеновская экспедиция весьма интересовала Англию с этой точки зрения. Любое морское предприятие тех времен считалось касающимся Британской империи, а Королевское географическое общество (КГО) в Лондоне приобрело бесспорную репутацию центра всех и всяческих исследований в полярных широтах^[47].

Неудивительно, что поначалу жители Британских островов скептически отнеслись к крохотной экспедиции, умудрившейся при экипаже из семи человек и одной-единственной мачте совладать с географической проблемой, над которой империя билась не один век. К счастью для капитана, в Лондоне уже был Фритьоф Нансен — не только как норвежский посол, но и как личный представитель Руала Амундсена.

Сам Нансен тоже не ладил с КГО, однако благодаря своему характеру и своим триумфальным полярным походам сумел нанести несколько решающих ударов и добиться от подданных Эдуарда VII особого положения. Юношеская непосредственность Нансена в сочетании с уверенным в себе аристократизмом выдвинули его в

английском классовом обществе на первое место среди равных: это общество умело ценить спортивные успехи. У парня из Борге столь гармоничных отношений с извечными соперниками на Британских островах получиться не могло.

Королевское географическое общество с превеликим удовольствием согласилось принять у себя покорителя Северо-Западного прохода. Выбор даты был оговорен одним условием: чтобы министр Нансен в это время не уезжал из Лондона. Сошлись на 11 февраля 1907 года. Нансен будет в городе и тоже придет. Но если придет Нансен, зачем им, собственно, этот Амундсен?

За две недели до прибытия в Лондон докладчика секретарь КГО, Дж. Скотт-Келти, обращается к нему с предложением: разумеется, нет оснований «сомневаться, что Вы прекрасно владеете английским языком», однако, «если Вам кажется, что Ваше выступление не будет понято как следует, может быть, Вы прочтаете сами лишь часть текста, позволив д-ру Нансену — если он готов на это — докончить за Вас?».

Британский импресарио Нансена, Джеральд Кристи, предлагает Руалу Амундсену прочесть в Англии еще ряд лекций, на что тот соглашается. Впрочем, о сколько-нибудь большом интересе и тем более о высоком гонораре речи не идет. «Ваша фантастическая экспедиция привлекла к себе внимание научных кругов, однако у широкой публики она не завоевала той популярности, которая бы обеспечивала лекциям серьезный материальный успех».

Открытие Северо-Западного прохода внезапно перестало иметь экономическое значение. Что он не годится в качестве торгового пути, выяснилось давно, хотя убежденность в этом не была постоянной. В 1745 году даже назначили премию в 20 тысяч фунтов тому, кто отыщет североамериканский морской путь. Разве

она не положена Руалу Амундсену? Такой вопрос подняли, и его взялся разрешить «в соответствующих инстанциях» посланник Нансен. Еще до возвращения участников похода на родину он сообщил капитану Амундсену: «К сожалению, как и следовало ожидать, премия считается выплаченной». Много лет назад британское правительство присудило ее двум «спасателям» — руководителям экспедиций, занимавшихся поисками адмирала Франклина.

Спустя еще двадцать лет Руал Амундсен так прокомментировал в автобиографии это событие: «Едва ли стоит добавлять, что, хотя эти дельные люди и заслужили вполне награду за свои труды и успехи, экспедиция на "Йоа" все же остается первым и единственным преодолением всего Северо-Западного прохода». Амундсен никогда не забывал несправедливости. Во всяком случае, совершенной по отношению к себе. Да еще англичанами^[48].

С Британской империей у норвежца сложились весьма натянутые отношения, началочему было положено сразу по возвращении из похода на «Йоа». Родина сэра Джона, кумира амундсеновского детства, не встретила покорителя Северо-Западного прохода ожидаемыми овациями. Почему? Этим вопросом задавались многие. В письме, которое Амундсен получил из Норвежского генерального консульства, говорится, что в Лондоне «более чем удивлены пренебрежением, проявляемым к Вам и Вашей экспедиции здешней прессой». Руалов британский агент по печати высказал вполне правдоподобное объяснение: экспедиция достигла великих целей, но сделала это «слишком скромно».

В первом же поздравительном письме секретарь КГО Скотт-Келти изобразил, как могло выглядеть более подобающее явление Амундсена англичанам: «Нет

сомнений, что, если бы Вы вернулись из похода на собственном судне, да еще обогнув мыс Горн, то есть совершив плавание вокруг Америки, а затем пересекли бы Атлантический океан и поднялись по Темзе прямо к Лондону, это произвело бы сильнейшее впечатление на британскую общественность и, вероятно, принесло бы Вам больше денег от газет и издателей». Вот каким его хотели бы видеть англичане. И не увидали. Руал Амундсен прибыл в столицу империи вроде какого-нибудь коммивояжера — ни судна, ни экипажа, ни морской формы, ни салюта... короче говоря, прибыл безо всякого блеска и торжественности. Руала сопровождал один Леон (таща под мышкой коробку цветных диапозитивов).

Через два дня после доклада в Королевском географическом обществе Руала Амундсена грандиозно чествовал лондонский Норвежский клуб. На банкет в роскошном отеле «Сесил» собралось 152 человека под председательством посланника Нансена. Клуб пригласил и кое-кого из английских знаменитостей — в частности морского офицера Роберта Ф. Скотта, который к тому моменту побывал южнее всех на земном шаре. Увы, во время визита Амундсена в Лондон капитан Скотт снова будет в море, однако он успеет направить клубу письмо с выражением глубокой симпатии как мужественному капитану Амундсену, так и его экспедиции, которым «должен рукоплескать весь мир».

В благодарственной речи, которую, по сообщению присутствовавшего на банкете газетного корреспондента, Руал Амундсен произнес по-норвежски, но с такими выразитель «ными жестами, что ее поняли и англичане, покоритель Северо-Западного прохода назвал первыми полярными путешественниками викингов. Затем он — «под взрыв восторга» — указал на сидящего во главе стола д-ра

Нансена и провозгласил: вот кого норвежцам следует благодарить за возвращение их славного прошлого.

Наконец-то публично выразив свое восхищение Фритъофом Нансеном, Руал Амундсен мог покинуть Лондон и отправиться в турне по другим странам Европы. Вместо невыгодных выступлений в Англии он едет в город старшего лейтенанта, Копенгаген, где его ждет самый восторженный прием. А там пошло-поехало: короли и императоры чуть ли не стоят к нему в очереди, лекционные залы полнятся самым разным народом. Из Италии Руал сообщает Леону, который уехал домой заниматься своими предприятиями, о битком набитых залах: «Король [Виктор Эммануил III. — *Пер.*] совершенно обворожительный, орден дали замечательный. Сегодня вечером банкет с разными шишками. Здесь меня встречают не в пример лучше всех прочих мест».

Между тем приходит сердитое письмо-напоминание от секретаря КГО. Покорителя Северо-Западного прохода еще раз зовут прибыть в островную империю для вручения ему золотой медали короля Эдуарда «за труды по определению Северного магнитного полюса». Приглашение было отправлено полтора месяца назад. Руал Амундсен даже не удостоивает Географическое общество ответом.

Вероятно, ни господин король, ни господин Скотт-Келти не представляли себе всей занятости Руала Амундсена. Он не только переезжал из города в город, от одного дворца к другому, от одного «волшебного фонаря» к другому, от одной церемонии награждения к другой... Он еще заделался писателем.

Ни одна экспедиция не считается завершённой, пока на рынке не появится книга о ней. Но не все полярные исследователи — прирождённые писатели. Или, говоря иначе: не все полярники — Фритъёфы Нансены. Во всяком случае, большинству требуется в таком деле помощь.

Выбор издательства был несложен. Нансен, Аструп и Свердруп печатались в «Аскехоуге». Предложение заключить контракт последовало от его директора Нюгора уже через три дня после прибытия Амундсена на броненосце «Норге». Видимо, частью сделки можно считать две с половиной тысячи крон, которые издательство внесло в кассу экспедиции, а также ответный ход будущего писателя, который вернулся из плавания с мысом Вильяма Нюгора (на берегу Короля Хокона VII).

Однако прежде чем взяться за столь серьёзный литературный труд, Руалу Амундсену предстояло справиться с другим заданием, хоть и небольшим, но крайне важным: произнести речь на празднике 17 мая. Кому и держать речь в Акерсхусской крепости во второй год независимости, как не нашему полярнику? (Интересно, вспомнил ли он о проигранных лейтенанту сигарах...)

Увы, он не был вторым Нансеном. Братья тоже не могли посодействовать ему в том, чтобы найти нужные слова, не говоря уж о стилистических красотах. Но ведь у него, кажется, есть увлекающийся поэзией двоюродный брат?

Леон обращается к Кристиану Амундсену, который по-прежнему живет в видстенском семейном гнезде и известен всей родне как автор стихов на случай и приверженец лирического национализма Бьёрнсона. Не может ли Кристиан втайне от всех сочинить для него получасовую речь на 17 мая?

И вот — не успел кончиться апрель, как из Видстена уже прибыл текст. Конечно, в сопроводительном письме Руалу кузен не преминул заметить, что писать речи за других «почти так же трудно, как любовные письма от чужого лица». И еще: «Теперь, став знаменитостью, ты можешь избирать Для выступлений любую форму и пользоваться фактически любыми выражениями». Руалу, однако, не требовались «любые выражения». Ему нужна была законченная речь в том виде, в каком ее полагается произносить, нужен был текст Для роли национального символа, отведенной ему на торжествах в Акерсхусской крепости.

«И вновь к нам пожаловала весна. Распускаются почки на кустах и деревьях. Зеленеют поля и луга...» — так начал Амундсен свою речь на Крепостной площади, под майским дождем, в окружении короля, премьер-министра и прочих высокопоставленных лиц... «Речь его была поэтична и в то же время неразрывно связана с реальной действительностью», — утверждает Одд Арнесен, полностью приводя ее текст в своей книге «Руал Амундсен — каким он был». Раз за разом вспыхивают аплодисменты. Кузен Кристиан даже достаивается криков «ура!».

Воодушевленный этим литературным успехом, Леон на другой же день берется за перо (Руал давно катит поездом в Россию, где его ждет император) и от имени брата обращается к лиллехаммерскому писателю Бернту Ли по поводу «книги о походе на "Йоа", в которой должно быть около 450 полных страниц того же формата, как у Свердрупа». Иначе говоря: если отчеты об открытиях Свердрупа и Нансена растянулись каждый на два тома, то Руал Амундсен согласен ограничиться одним: «Это соответствует примерно 130–135 тыс. слов. Он хотел бы в кратчайшие сроки надиктовать все стенографистке, чтобы та переписала текст на машинке и его можно было отправить Вам для

стилистической обработки, в коей Вы пользуетесь репутацией мастера».

Разумеется, автор «Черного орла»^[49] был мастером — во всяком случае, если судить по тиражам его произведений. Кроме того, он работал «весьма проворно»... и вечно испытывал нужду в деньгах. Уже 19 мая Бернт Ли отправляет ответ: «Поход на "Йоа" живо меня интересует, а Ваш брат — замечательный человек, так что совместная работа с ним наверняка доставит мне удовольствие».

И вот полярник со стилистом начинают трудиться. Книга должна быть готова к Рождеству. За то, чтобы сделать из полярного путешественника писателя, Бернту Ли обещан солидный гонорар в две с половиной тысячи крон. Ли более чем доволен присылаемым материалом. «Вы конкретны и лаконичны... и никогда не скучны», — делает он вывод уже после первой главы.

Полярный исследователь куда менее доволен литообработчиком. Очередная порция правленной рукописи вдруг поступает с севера, с острова Шервёй. Почему не из Лиллехаммера? «Если Вы немедленно и беспрекословно не вернетесь в Лиллехаммер, считаю наше соглашение расторгнутым. Телеграфируйте ответ». Нельзя пройти Северо-Западным проходом — будь то по морю или на бумаге — без порядка во вверенных тебе частях. Продвижение вперед на письменном фронте оказывается не менее успешным. «Я очень рад, что дело спорится и скоро подойдет к концу», — сообщает полярник и распоряжается о выплате обещанного вознаграждения уже в начале августа. Он также просит Леона уточнить, соответствует ли рукопись указанному в контракте объему. Дистанция должна быть пройдена до конца, как белыми снегами, так и черной типографской

краской. «Если объема не хватает, распорядись, чтобы Ли оседлал своего Пегаса и скакал во весь опор».

Лето выдалось напряженное. Наш полярник, однако, был в ударе и не скучал по ледовой пустыне. Вот что он пишет из Потсдама Леону: «Забот у меня полон рот — корректуры, фотографии, результаты наблюдений и т. д. и т. п., — но я уже чувствую себя победителем».

В конечном счете оказалось, что стилистический Пегас Бернта Ли внес в книгу о Северо-Западном проходе очень небольшую лепту. Творческая манера Ли заметна прежде всего во введении и в украшении текста вкраплениями, напоминающими бьёрнсоновские описания природы... а еще это он подсказал автору, чтобы Нансен, когда цель достигнута, подмигнул со своего портрета. В остальном книга несет на себе отпечаток собственного стиля Руала Амундсена — «конкретного и лаконичного». Полярный исследователь не скачет на крылатом коне, а держится ближе к земле, на задворках поэзии.

Предполагалось выпустить «Северо-Западный проход» в ноябре 1907 года в количестве 8 тысяч экземпляров, но этот тираж был вскоре увеличен до 10 тысяч. Весьма неплохо, хотя десятью годами раньше двухтомный нансеновский «"Фрам" в Полярном море» вышел сразу двадцатитысячным тиражом. Эти цифры достаточно верно отражают соотношение читательского интереса к обоим северным походам.

Помимо предусмотренного договором числа слов и иллюстраций, книга (в соответствии с законами литературного жанра) содержала финансовый отчет об экспедиции. В постановлении стортинга от 1907 года подсчитано, что Амундсенов поход обошелся в 160 тысяч крон, — сумму, признанную незначительной для «благополучного преодоления Северо-Западного прохода под норвежским флагом». По возвращении у экспедиции оставался долг примерно в 80 тысяч крон,

половину которого удалось собрать частным образом, тогда как недостающие 40 тысяч были выделены стортингом. Разумеется, часть ассигнованных средств официально предназначалась для приобретения бесценных научных материалов, но понятно, что эта дотация призвана была также укрепить престиж новообразованного королевства. В постановлении за номером 78 эта цель выражена следующим образом: «Все сходятся во мнении, что экспедиция от начала до конца служила чести и прославлению нашего народа, внесла весомый вклад в полярные исследования, руководимые и осуществляемые норвежцами, и, вероятно, более других привлекла внимание мировой общественности к нашей научной работе».

Свою первую книгу Руал Амундсен открывает благодарностью «горстке мужественных людей», с которыми он проделал этот поход. Он вспоминает также про «одинокую могилу, воздвигнутую в бескрайней ледовой пустыне», и отдельно благодарит «того, кто сложил свою голову на поле брани». Но его главному посвящению отведена целая страница:

«Министру д-ру Фритъофу Нансену
с глубочайшей благодарностью
от Руала Амундсена»^[50].

Амундсен словно хочет подчеркнуть пропасть между раздутой им фигурой посланника и доктора (имя и титулы Нансена выделены крупным шрифтом) и собой, не имеющим чинов и званий. С одной стороны, в этом проявляется самоуничижительное преклонение перед авторитетом, с другой — тут есть и определенная тактика. В одном из писем Александр Нансен рассказывает брату о том, как Амундсен отказался поставить под телеграммой свою подпись, «посчитав

это неуважением к тебе». И не без удовольствия прибавляет в скобках: «еще один штрих к портрету!» Подобострастные посвящения и хвалы, возносимые в речах, произвели свое действие.

Как полярный путешественник и исследователь Руал Амундсен был естественным преемником Нансена. Проблема заключалась лишь в том, что благодаря Нансену эти понятия стали гораздо весомее прежнего. А поскольку Амундсен напрямую строил свою репутацию на научных и прочих достижениях предшественника, Нансеново наследие тяготило его.

Руал Амундсен не был создателем новой страны. Эта сторона деятельности Нансена отражалась, в частности, в его тесном знакомстве с вождем поэтов Бьёрнстjerne Бьёрнсоном, который в стихах и прозе объединил нансеновские экспедиции с борьбой Норвегии за независимость. Вероятно, как отсутствием у Амундсена пиетета перед подвигом Бьёрнсона, так и преклонными годами поэтического лидера объясняется то, что единственным откликом на возвращение после плавания Северо-Западным проходом стало телеграфное приглашение из Эулестада от Эрлинга Бьёрнсона: «Отец спрашивает, не хотите ли Вы приехать к нам в понедельник отдохнуть». Разумеется, у новоиспеченного национального героя не нашлось времени на отдых — ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду...

Всю жизнь используя национальные символы и верноподданническую риторику, Руал Амундсен едва ли всерьез задумывался о политических проблемах, определявших будущее его родины. Зато пылкий интерес к ним красной нитью проходит через жизнь Фритьофа Нансена. Когда же он взял на себя еще и роль всемирного спасителя, выражение «полярный путешественник», утратив привычное для норвежцев значение, резко раздвинуло свои границы.

Руал Амундсен занимался созданием не нации, а самого себя. Наконец-то он стал великим человеком... хотя по сути дела был лишь уменьшенным подобием Фритьофа Нансена.

ЧАСТЬ II
СОСТЯЗАНИЕ ЗА ЮЖНЫЙ
ПОЛЮС

Глава 9

КОРАБЛЬ ВО СЛАВУ КОРОЛЯ

«Следующей задачей, которую я задумал разрешить, было открытие Северного полюса» — так начинается глава о Южном полюсе в амундсеновских воспоминаниях 1927 года. И далее: «Мне очень хотелось самому проделать попытку, предпринятую несколько лет тому назад доктором Нансеном, а именно — продрейфовать с полярными льдами через Северный полюс поперек Северного Ледовитого океана».

Готовясь к третьему походу «Фрама», Руал Амундсен постоянно подчеркивал, что видит своей главной задачей вовсе не достижение Северного полюса, а проведение научных наблюдений «в северных полярных широтах». В период приготовлений и изыскания финансовых средств требуется некоторая маскировка, когда же предприятие остается позади и речь идет о расстановке исторических вех, от приукрашивания можно и отказаться. Тогда имеют значение не благородные помыслы, а твердые факты. Кто первым проник сквозь игольное ушко? Кто первым добрался до кончика булавки? Амундсен не считал нужным лгать до бесконечности. Даже если эта ложь была белая и пушистая.

Чтобы понять события, развернувшиеся вокруг обоих полюсов, следует забыть пролегающее между ними расстояние. Остальное — дело тактики. События происходят в течение четырех лет, с 1908 по 1912 год. Участвуют в них четыре человека. Американцам Куку и Пири никакого научного прикрытия не требуется: на их континенте рекорд — достаточное основание для экспедиции. Европейцы Скотт и Амундсен зависят от исследовательского камуфляжа. За ними возвышается

фигура пятого участника, Фриттьофа Нансена, которому пришлось отказаться от полюсов и удовлетвориться заточением в башне из слоновой кости и занятиями чистой наукой^[51].

Руал Амундсен — профессиональный полярный путешественник, с разных сторон готовивший себя именно к этому поприщу. На протяжении веков основной целью всех полярных первопроходцев был Северный полюс, так что намеченная «следующая задача» актуальна и не нуждается в дополнительном обосновании. Однако она крайне сложна, а потому ей необходима дополнительная движущая сила.

По сути дела борьба за покорение полюсов шла не столько между странами, сколько между личностями. В битве за Северный полюс суждено было сойтись американцам. Долгое время казалось, что за Южный полюс предстоит состязаться военно-морским офицерам из Великобритании: Роберту Скотту и Эрнесту Шеклtonу. Будучи четырьмя годами младше Скотта, Шеклтон участвовал в его первом походе к Южному полюсу, предпринятом в 1901-1904 годах, — точно так же, как Фредерик А. Кук участвовал в первой грenландской экспедиции Пири. На обеих аренах — северной и южной — использовались сходные пути и методы. Младшие бросали вызов старшим: да победит сильнейший.

У Руала Амундсена положение было иным. По крайней мере на первый взгляд. Ему не довелось ходить в поход с Нансеном, хотя в детстве это было его самой заветной мечтой. Амундсен был скорее последователем своего учителя, чем его соперником. Но так не могло длиться вечно — у Руала Амундсена был не тот характер.

В послужном списке Фриттьофа Нансена было одно слабое звено: он не достиг Северного полюса. Если не

считать этого, дрейф через Ледовитый океан был несомненным триумфом. У Амундсена хватало воображения строить собственные планы, однако ничего лучше покорения Северного полюса выдумать было нельзя, тем более что именно на этом маршруте открывалась возможность со всей очевидностью превзойти Нансена. Амундсен мог сколько угодно восторгаться наставником в качестве ученика, но если он водрузит флаг на полюсе, Фритьоф Нансен будет побежден, и побежден в соревновании на его собственной дистанции.

Нансен был пятью годами моложе фанатика Северного полюса Пири и все же слишком стар, чтобы пуститься в новый дрейф через Ледовитый океан. Его последний шанс достичь какого-либо полюса — предпринять молниеносное наступление на Южный, типа лыжного перехода через Гренландию. Планы уже составлены. К сожалению, этому спортсмену мешают его интеллектуальные способности. Ни один полярник не испытывал такого раздвоения между честолюбивыми помыслами и серьезными занятиями наукой, как Фритьоф Нансен [\[52\]](#).

Руалу Амундсену по-прежнему нужна была помощь соотечественника. Он понимал, что для достижения цели нельзя ни словом обмолвиться о Северном полюсе, а следует делать упор на чисто научных задачах. Если Амундсен хочет воплотить в жизнь собственные планы Нансена, это будет отвечать и честолюбию учителя, и его научным интересам. Никто лучше Нансена не знал океанографических и метеорологических задач, ожидавших своего решения в полярном бассейне.

Предполагается, что Амундсен впервые заговорил с Нансеном о планах на будущее в феврале 1907 года, во время их встречи в Лондоне. Там они не только оба присутствовали на банкетах, устроенных Норвежским

клубом и КГО, но и сам Фритъоф Нансен как норвежский посланник дал обед в честь своего компатриота. Разговор то и дело возвращался к «Фраму».

Полюсов было два, полярный же корабль в Норвегии имелся один^[53]. Если Амундсен предпримет дрейф через Северный Ледовитый океан, он займет судно на несколько лет. И тогда, увы, о путешествии профессора к Южному полюсу придется забыть. Увы?

Наставник обладал приоритетным правом на «Фрам». Ученику оставалось лишь смиренно дожидаться ответа. Пока Нансен размышлял, Амундсен мог спокойно решить, что будет делать в том или ином случае. Запасной вариант у него был: судно, пришвартованное в стратегически удобном месте — в Сан-Франциско. Никто не знал планов Руала Амундсена в отношении «Йоа», не понимал, почему он не возвратился домой на ней, а теперь не пытается ее продать.

В мае 1907 года ему приходит письмо из Тромсё, от Хельмера Ханссена^[54], у которого «всё в полном порядке, только уж больно тихая и скучная жизнь, рановато мне уходить на покой». В виде средства от скуки в кругу женщин и детей Хансен предлагает провести «Йоа» обратно Северо-Восточным проходом. «Не потому, что на этом пути возможны какие-либо открытия и прочие неожиданности, а исключительно потому, что плавание вдоль северного побережья Сибири дало бы возможность заpastись дорогими мехами по приемлемой цене».

Со временем Хельмер Ханссентаки проплывет Северо-Восточным проходом, но не на «Йоа». У Начальника были свои соображения, почему шхуне лучше оставаться в Америке, однако он держал их в тайне и от Нансена, и от Ханссена. Его планы не были целиком и полностью связаны с «Фрамом». «Йоа»

доказала, что она тоже может сослужить неплохую службу. Амундсен даже не был уверен, какому судну отдать предпочтение. Это зависело от многого, не только от исхода профессорских раздумий.

В августе 1907 года Руал Амундсен завершает свое европейское турне в Гамбурге, проводит несколько дней там и возвращается на родину через Данию, ненадолго задержавшись в ютландском поместье барона Ведель-Ярлсберга. По прибытии домой оказывается, что просочились кое-какие сенсационные слухи о его планах. Говорят, что капитан намерен в следующей экспедиции использовать в качестве тягловой силы белых медведей! Еще большую сенсацию вызвало подтверждение слухов самим Амундсеном. 3 сентября в газете «Афтенпостен» появляется следующее его высказывание: «Меня давно занимала мысль о том, что из белого медведя должно получиться замечательное ездовое животное, но никто не верил в ее осуществление. И вот в Гамбурге я попал в потрясающее зоологическое заведение Хагенбека и увидел, какие чудеса он творит с помощью дрессировки. Хагенбек — подлинный ученый в своей области». Карл Хагенбек подкрепил веру Амундсена в возможность использования диких зверей на службе человека: «В дрессированном виде белый медведь — самое ручное и преданное создание из всех четвероногих. Гораздо покладистее собак».

Руал Амундсен не спешит разглашать своих планов (как в отношении медведей, так и в отношении других вещей), однако признается, что затеян научный эксперимент: «За зиму Хагенбек попытается в виде опыта приучить парочку медведей к саням и упряжи».

Неужели на царя Ледовитого океана можно надеть узду цивилизации, впрячь его в сани и заставить тянуть их лучше собак, оленей или пони? Идея напрашивалась сама собой и была отнюдь не новой. Например, Юлиус фон Пайер, в начале 70-х годов XIX века открывший Землю Франца-Иосифа, рассказывает в отчете об экспедиции, что его люди поймали двух белых медведей: «Команда всерьез намеревалась заставить их на обратном пути в Европу тащить нарты».

Но действительно ли можно было отыскать достойное XX века решение таких проблем в мире животных? Сразу после интервью в «Афтенпостен» к Амундсену обратился инженер из Христиании Д. Г. Мартенс и, прося сохранить его визит в строжайшей тайне, захотел познакомить полярника с секретными планами Отто Свердруп для второго похода на «Фраме».

«Месяца за два до отплытия Свердруп я изобрел моторные сани, которые движутся с помощью колеса и перемещаются по льду вроде белого медведя или, если угодно, слона... скорее даже слона. Мотор у них работает на керосине. Хотя экспедиция была уже полностью экипирована, а отпущенные на нее деньги истрачены до последнего эре, Свердруп со товарищи настолько увлеклись моей идеей, что изыскали средства для постройки саней и я стремглав кинулся в Англию наблюдать за их изготовлением». Как объяснил Мартене, при том, что выход экспедиции в море задержался, построить сани вовремя все же не успели. Решено было дослать их на север позже, однако после отбытия «Фрама» дело застопорилось — по финансовым причинам.

Изобретение инженера Мартенса было не менее сенсационно, чем метода Хагенбека. Кроме того, из его сообщения выяснились такие подробности о благоразумном капитане Свердрупе, которые никому не

приходили в голову: «Официальный план похода Вам известен, но на самом деле капитан собирался вморозить "Фрам" в лед, а потом взять сани и двигаться прямо к полюсу».

Хотя Руал Амундсен сам всю жизнь охотился за разнообразными техническими новинками, едва ли он согласился на предложение Мартенса «закончить изготовление саней». Кстати, всего за два месяца до его собственного похода на «Фраме» Амундсену предложили еще одни сани: их приводил в движение «довольно мощный дизельный мотор с усовершенствованной мною системой зажигания». Изобретатель, требовавший от Амундсена «твердого обещания не разглашать тайну», подписался: Халвор Т. Нурбё из прихода Бё в Телемарке.

Христианский инженер рассчитывал, что его моторные сани будут делать по десять миль в час. Технический гений из Бё тоже был настроен оптимистично: «Вероятно, сани можно разогнать до такой степени, что они будут поддерживать скорость почти вдвое — или более чем вдвое — выше той, с которой, насколько нам известно, двигались Скотт и Пири. А ветронепроницаемое парусиновое укрытие и небольшая печка создадут в санях дополнительные удобства, сделав их прямо-таки уютными». К сожалению, Амундсену пришлось отказаться и от этого моторизованного чуда. Весной 1910 года менять планы не стоило. Теперь полярный путешественник, видимо, рассчитывал лишь на одну замену для «собак с вечно израненными лапами» — выдрессированных Карлом Хагенбеком «белых медведей в упряжке».

На решение судьбы «Фрама» у Фритъофа Нансена было полгода. Руал Амундсен поднял отнюдь не простой вопрос. Нельзя было ожидать от него скорого, невзвешенного ответа.

Если какой-то норвежский корабль и заслуживал наименование «королевского», это был «Фрам». В него вложила свои надежды и чаяния (не говоря уже о деньгах) вся страна. На постройку судна бедная зависимая нация истратила 250 тысяч крон. «Фрам» воплощал честолюбивые замыслы маленького народа, стремившегося мгновенно превратить свое несамостоятельное государство в великую державу. Корабль викингского короля воплощал собой силу, мужество, жажду деятельности и тягу к экспансии. Но викингский корабль ассоциировался не только с благородством и славой: от него веяло также страхом и разрушением. Это был военный корабль, который опустошал земли и умерщвлял людей.

У «Фрама» тоже было две стороны: светлая и темная. Плавание по Ледовитому океану принесло Норвегии блеск славы, укрепило самосознание народа, послужило его сплочению. Благодаря этому походу Фритъоф Нансен возвысился до положения символа и предводителя нации. Но три года, проведенные в ледовой пустыне, стоили ему недешево: они омрачили его душу и прихватили морозом его недавно заключенный брак. У Евы Нансен, которая сама когда-то нарекла корабль «Фрамом», он стал вызывать грустные мысли. Самым страшным было не долгое расставание, а годы лихорадочных приготовлений к экспедиции и особенно то, что за ней последовало: совместная жизнь с человеком, на котором крайне плохо отразилось трехлетнее арктическое заточение.

Фритъоф Нансен побеждал приступы депрессии работой. Его разносторонняя одаренность позволяла ему решать всё новые проблемы — сначала научные, а

вскоре и политические. Третьим походом Фритъофа Нансена стала борьба, которую он вел в 1905 году за независимость Норвегии. Его деятельность как стратега и вдохновителя общественного мнения логически продолжала две предшествующие экспедиции. С самого первого шага на лыжах по льду Гренландии Фритъоф Нансен считал свои успехи полярного путешественника трудом на благо родины.

Должность посланника в Лондоне, которую взял на себя Нансен, стала своеобразной зимовкой в его третьей — политической — экспедиции. Представляя Норвежское королевство в туманном Альбионе, Фритъоф Нансен должен был добиться договора с Великобританией и тем самым укрепить независимость своей страны. Осенью 1907 года эта работа приблизилась к завершению. Наконец-то он будет свободен — свободен для покорения Южного полюса.

Если достижение Норвегией независимости увенчало бы политические усилия Нансена, то покорение Южного полюса стало бы его вкладом в национальное дело как лыжника и полярного путешественника. Для человека, преодолевавшего на собаках и лыжах северные торосы, поход через неподвижный ледяной покров Антарктиды был бы не труднее пересечения Гренландии или пасхальной прогулки по Хардангерскому плоскогорью. У норвежца стояли наготове и лыжи, и корабль. Нужно было лишь вырваться из-под тирании дипломатического поприща — и от жены и матери его детей, целиком посвятившей жизнь мужу.

Нет, Фритъоф Нансен отнюдь не ощущал себя на пороге свободы, он, можно сказать, переживал глубокий нравственный кризис — конфликт между интересами Евы и своими собственными. Ева с Фритъофом поженились 9 сентября 1889 года, вскоре после возвращения Нансена из Гренландии. К тому

времени уже был задуман дрейф «Фрама» через Северный Ледовитый океан — викингский поход, отнявший у супругов годы, которые должны были стать основополагающими для их брака. Затем пошли неустанные труды иного рода: лекционные турне, книги, общественная деятельность (борьба за свободу, зимовки в Лондоне и проч. и проч.). За все это время Нансен ни разу не изменил себе и своим идеалам. Изменял только Еве. Другие женщины увлекали его в походы, не требовавшие ни мужества, ни выносливости, — для них достаточно было крохотного изъяна в характере великого человека.

У Фритъофа Нансена не было политических или научных мотивов покорять Южный полюс. У него был план, обреченный на успех, было положение в обществе, позволявшее воплотить замысел в жизнь, и была свойственная всем полярникам изрядная доля тщеславия. Достичь Северного полюса Нансену не удалось, но у него оставался шанс расписаться на другой странице в хронике человечества. Этой пустой страницей был Южный полюс.

И тут в усадьбе Пульхёгда зазвенел колокольчик.

Дом Нансенов в Люсакере представляет собой сооружение в ибсеновском духе — замок с башней, где живут пятеро детей, мать семейства (бывшая певица, давно забросившая певческую карьеру), а также физический и духовный великан, постоянно борющийся с самим собой — второй Бранд, доктор Сгокман, строитель Сольнес, Йун Габриель Боркман^[55]. Фритъоф Нансен уже признался: Хенрик Ибсен был «человеком, который наложил отпечаток на всю мою юность, определил мое развитие, указал на возвышающее значение воли и необходимость следовать своему призванию». С учетом этих слов не будет преувеличением назвать следующий эпизод сценой из

ибсеновской драмы, хотя Ибсен год как покоится на кладбище Христа Спасителя.

Дело происходит в конце сентября — начале октября. Отпуск, который норвежский посол проводил на родине, закончился. Уже собраны чемоданы для возвращения в Лондон. И тут в просторный мрачный холл Пульхёгды вступает Руал Амундсен. Он никогда не искал параллелей между собой и персонажами Ибсена. И все же его роль словно вышла из-под пера драматурга. Молодой герой без предупреждения является к старшему, и это вторжение дает толчок к развитию событий, вызывает обмен репликами в роковой драме, недоступной его пониманию.

В кабинете посла звенит колокольчик. Эту сцену описала в книге о родителях старшая дочь Нансенов, Лив^[56], которая (единственная из детей) появилась на свет еще до первой экспедиции «Фрама». Рассказал ли ей о посещении кто-то из родителей, или четырнадцатилетняя девочка стояла у перил бельэтажа и сама видела, как отец нехотя спускается из своей башни?

Он заходит в спальню к жене. Тут звучит первая из двух реплик, ее: «Я знаю, чем это кончится». Его раскусили. На миг он застывает, расплюснутый между ее взглядом и собственной совестью.

Посол уже спустился на два пролета — из кабинета в башне на второй этаж, а оттуда в бельэтаж. Впереди еще один лестничный пролет. У Нансена пока есть возможность искупить вину и отвести объявленный приговор, возможность не потерять достоинство, возможность доказать свою верность. В самом низу звучит вторая реплика: «Вы получите "Фрам"».

Драма достигла кульминации, причем без единой реплики со стороны Руала Амундсена. Он покинул

Пульхёгду с безмерным облегчением. Впоследствии он почувствует на своих плечах бремя целого континента.

Глава 10

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ В УПРЯЖКЕ

Посланник Нансен возвращается в Лондон. Одновременно Руал и Леон Амундсены отправляются в путешествие за Атлантический океан: импресарио Рэндалл наметил для Руала продолжительное турне по Соединенным Штатам.

Оно открывается 20 октября 1907 года выступлением в Нью-Йорке, в знаменитом Карнеги-холле. «Чтобы заполнить зал, вмещающий две с половиной тысячи человек, и создать видимость успеха, — писал импресарио, — нам придется в известной степени опираться на соотечественников». Иностранец может рассчитывать на удачное лекционное турне после триумфальной экспедиции прежде всего благодаря обширным колониям иммигрантов. Это, объяснил Рэндалл, относится не только к покорителю Северо-Западного прохода: в свое время сам Нансен потерпел с докладами «финансовую неудачу везде, где было мало норвежцев». Ну спасибо, что просветил...

Руал Амундсен надеялся за одну зиму в Америке заработать хорошие деньги. Кроме того, он надеялся повидать в Нью-Йорке своего друга и наставника с «Бельгики» — Фредерика А. Кука. Но Рэндалл еще в июле сообщает, что «д-р Фред. Кук отбыл в неизвестном направлении». Забавно. Только после отъезда из Нью-Йорка Амундсена нагоняет письмо от Кука с самыми теплыми поздравлениями.

Письмо крайне загадочное. Датированное 7 ноября 1907 года, оно написано на фирменной бумаге нью-йоркской гостиницы. Бумагу д-р Кук, вероятно, выбрал для отвода глаз. Он давным-давно уехал на север, хотя

до его марш-броска к Северному полюсу оставалось еще четыре месяца. «Мне очень жаль, что Вы не застали меня. Я слышал, Вы собираетесь к нам опять в апреле... Если это так, спишитесь со мной, причем заблаговременно».

Послание указывает на то, что д-р Кук не хотел рассказывать старому другу, где и когда он будет находиться. Опасался конкуренции или что-нибудь скрывал? В апреле 1908 года Фредерика Кука совершенно точно не застать в Нью-Йорке. Тогда он будет как раз в той неназываемой точке земного шара, куда всеми силами стремится попасть Руал Амундсен. Вероятно, Кук будет там... а может, совсем в другом месте. [\[57\]](#)

18 ноября Леон снова в Христиании и вскоре начинает получать отчеты от повеселевшего лектора: «До Рождества мне удастся скопить тысячу долларов, а это уже кое-что».

После Рождества Руал направляется на западное побережье: «Я собираюсь подвергнуть "Йоа" тщательному осмотру, дабы проверить, можно ли предпринять на ней новое путешествие».

Неужели Амундсен сомневался, уступит ли ему Нансен «Фрам» для похода к Северному полюсу? Или хотел сократить расходы, выйдя в экспедицию на крошечной «Йоа»? Или стремился обеспечить себе большую независимость от г-на профессора? «Йоа» по-прежнему стояла в Сан-Франциско. Оттуда было рукой подать до Берингова пролива, через который можно войти в Северный Ледовитый океан. Каковы бы ни были мотивы Руала Амундсена, раскрывать карты он не намерен. «Только, пожалуйста, никому ни слова», — просит он брата.

14 декабря (пока этот день не ознаменован ничем особенным и выбран чисто случайно) Руала Амундсена

чувствуют в американской столице. «Вчерашнее торжество было поразительным по размаху. На него сползлась и съехалась вся вашингтонская знать — послы, министры и т. д. Должен был присутствовать также президент, но ему помешала болезнь дочери. Вице-президент Североамериканских Соединенных Штатов Фэрбенкс вручил мне золотую медаль. Медаль огромная — потянет на 250 долларов. Спереди изображен весь американский континент, причем на месте магнитного полюса вделана звезда из синего сапфира (?). Сзади — надпись о том, что медаль предназначается мне. Ничем подобным меня еще не баловали». Леону Руал с гордостью пишет: «Вечер превратился в чествование не одного меня... от начала до конца чествовали Норвегию».

Вскоре родина по ту сторону Атлантики погружается в траур. Незадолго до Рождества отошла в мир иной хозяйка Пульхёгды. «Пришло страшное сообщение о кончине фру Нансен. Я тут же телеграфировал г-ну министру», — пишет Руал Леону. Фритьофу Нансену предстоит пережить еще одну полярную ночь. Кремация происходит в тесном кругу. Прах развеивают по ветру. Леону каким-то образом удается передать венок.

Руал Амундсен отмечает Рождество в Лейк-Форесте (под Чикаго), у своего друга Фредрика Хермана Гаде. Глава семейства, владелец Фрогнерской усадьбы^[58] Герхард Гаде, участвовал в торжественном обеде, данном в Христиании по случаю возвращения полярника из экспедиции на «Йоа». Все три его сына окончили Гарвардский университет и пожелали обосноваться в Соединенных Штатах: Джон в Нью-Йорке, Гораций в Бостоне и Херман в Чикаго. Поскольку все трое взяли себе жен из влиятельных (если не баснословно богатых) американских семейств,

совместными усилиями они обладали сетью связей, совершенно бесценной для друга детства.

Херману Гаде предстояло сыграть в жизни Руала Амундсена особую роль. Открытый, любезный, подчеркнуто общительный, Херман сильно отличался от своего младшего товарища (между ними была разница в год). Будучи человеком светским, он умел проявить гибкость и легко приспосабливался к обстоятельствам; в то же время Херман испытывал безудержную тягу к свершениям большего масштаба, чем пополнение и так туго набитой мошны. Честолюбивый адвокат и предприниматель не меньше нуждался в славе Руала Амундсена, чем тот нуждался в связях и одолжениях состоятельного друга. Школьные приятельские отношения между ними переросли в дружбу, основанную на неафишируемой взаимности и отличающуюся тесной близостью, которая в остальных случаях отнюдь не типична для Руала Амундсена.

Полярного путешественника всю жизнь тянуло к тихому уюту счастливой семьи. Свое благоустроенное гнездышко в Лейк-Форесте Херман Гаде назвал в честь родной усадьбы — Фрогнером. Туда, где в довольстве и богатстве жил адвокат с женой Алисой и двумя детьми, очень любил наведываться Амундсен. Однако, хотя исследователь Арктики использовал любой предлог посетить Чикаго, ночевал он далеко не всегда во Фрогнере.

Связи общительного Хермана простирались далеко за пределы круга зажиточных чикагских поставщиков консервов. Изредка «старому срамнику» (как радостно называл его друг) нужно было прибегать к своим организаторским талантам, чтобы устроить для Амундсена ночевку под материнским крылышком мадам Кэрри — разумеется, если у той находилась свободная «девочка».

Полярник не терпит праздности. «Чем бы мне занять субботний вечер? — спрашивает он Хермана и, не дожидаясь ответа, продолжает: — Может, что-нибудь предложит моя старая подружка Кэрри? Спроси-ка ее насчет пикантной маленькой француженки и, если она не занята, договорись о встрече на субботу, в 9 часов. Полагаясь на твои блестящие способности по части организации таких дел, буду собираться в вашу сторону».

В своих воспоминаниях Руал Амундсен утверждает, что прожил жизнь «в самых строгих понятиях о чести». Очевидно существовавшие в его эпоху моральные нормы не мешали ему за деньги сношаться с бесстыдными женщинами. Точно так же понятия о чести не препятствовали его участию в торговле эскимосками. Речь ведь шла об удовлетворении насущной потребности — вроде потребности в еде или тепле. Везде человеком двигал один инстинкт, будь то в Пенсаколе или в Гренландии, в Чикаго или в гавани Йоа. Разница были лишь в ценах: то, что в одном месте стоило несколько долларов, в другом предлагалось за иголку или пустой ящик.

У нашего полярника сугубо рациональный подход к окружающему миру, для него что люди, что звери — всё едино. Он так же спокойно ест собак, как любит женщин, так же спокойно любит женщин, как ест собак. Мужчины ходят на охоту, а потому готовы на что угодно за ружье. Женщины шьют, а потому готовы на что угодно за иголку. Для устремленного вперед всё кругом — не более чем средство. Новые собачьи туши найдутся и на следующем складе. Есть склады для утоления голода физического, а есть — для утоления любовного. Он мужчина. Мужчина, идущий к цели.

Рождество — самое время для размышлений. «Как дела у Нансена? — спрашивает Руал Леона под Новый год. — Останется ли он в Норвегии или решил вернуться

на свою должность?» Иными словами: едет ли обратно в Лондон или, может, надумал предпринять путешествие к Южному полюсу? Теперь ведь ему не надо считаться с чужими интересами и можно отправиться на заснеженный край земли, дабы забыть про свою несчастную судьбу.

В течение февраля 1908 года Амундсен, по-видимому, получил от Хагенбека из Гамбурга сообщение о том, что белые медведи неплохо тянут в упряжке. Руал пишет Леону: «С любопытством прочитал об успехах Хагенбека... впрочем, если я пойду на "Йоа", места для мишек у меня не будет». Только у «Фрама» достаточно вместительный трюм, чтобы возить медведей.

Так складывается жизнь каждого полярника: разъезжая по свету с рассказом о прошлой экспедиции, он готовит следующую. Скоро пора будет обнародовать план. Амундсен уже заготовил название: «Намечаемая эксп. для изучения полярного бассейна». Звучит солидно. При этом ни слова о Северном полюсе, ни слова о белых медведях.

Лишь в марте Руал может доложить Леону, что «Йоа» находится в хорошем состоянии. Тем не менее: «Я намерен так или иначе сбыть ее с рук». Амундсен остановил свой выбор на «Фраме». И на «белых медведях в упряжке».

В конце апреля лектор возвращается в Европу. Конечно, он заработал определенную сумму, но далеко не такую, какую может дать основной капитал — ореол славы вокруг его имени. В письме из Лондона Амундсен просит Гаде забрать из Чикагского клуба коробку с диапозитивами. Однажды, прибавляет Руал, он забыл в

том же незадачливом месте калоши. Сколько всякого должен держать в голове полярник!

Летом 1908 года, «посоветовавшись с Нансеном», Руал Амундсен едет в Берген знакомиться с последними достижениями в области океанографии (как в свое время ездил в Гамбург изучать магнетизм). Наука налагает свои обязательства. «Моя следующая экспедиция как раз будет посвящена изучению северных морей», — объясняет он другу Херману, который при всем многообразии интересов никогда не заглядывался в сторону естествознания.

Будущий океанограф впервые направляется в Берген по железной дороге, недавно проложенной через Хардангерское плоскогорье. «Поездка среди гор производит неизгладимое впечатление», — пишет он Леону 24 июля 1908 года. По этим самым горам братья плутали двенадцать лет назад. Теперь там тянутся рельсы. «За короткое время мы перенеслись из многоцветного летнего пейзажа в царство льда и снега, в первозданную природу, чего мне не приходилось наблюдать ни в одном поезде. Эта дорога — чудо техники». Здесь инженерное искусство победило зиму. Когда-то в Сан-Франциско Амундсен видел, как с помощью техники преображается лето, как его превращают в сказку. Ему тогда показалось, будто он попал в рай: «Едешь на автомобиле меж апельсинов и роз». Технические новшества приводили полярного путешественника в восторг. Тем не менее он пока не отказался и от идеи белых медведей.

По возвращении из Штатов Руал Амундсен принял важное решение: купил себе дом. В точности как Фритьоф Нансен, который после похода на «Фраме» выстроил себе замок в Люсакере, Амундсен вложил доход от экспедиции в покупку дома. В его случае это был не замок, а довольно просторный для холостяка коттедж. Можно сказать, летний дом типа шале. Дом

располагался к юго-востоку от Христиании, на берегу Бунне-фьорда, и имел хороший доступ с моря и крайне затруднительный (крутой, малопроезжимый подъем) — со всех прочих сторон.

Покинув родительский дом, Руал Амундсен сменил в Христиании не один адрес. Последний дом в Свартсуге, рядом с Болерудской пивоварней, находился примерно в полутора милях^[59] от столицы — в направлении родного Борге. Леон уже провел на берегу Бунне-фьорда несколько летних сезонов, и, разумеется, именно ему доверены оформление покупки и надзор за необходимыми переустройствами. По примеру друга Хермана, назвавшего свой особняк Фрогнером, Руал нарекает новый дом Ураниенборгом. (Почитай отца твоего и мать твою.) В домик для прислуги переезжает няня. Его Амундсен зовет «малым Ураниенборгом». Идиллическая картинка.

Руал Амундсен считает делом чести заботиться о тех, кто в трудную минуту стоял с ним рядом. Старую Бетти он обеспечивает жильем, экипаж «Йоа» — работой. В Америке до него доходит сообщение, что оказался не у дел Педер Ристведт. Капитан Амундсен убежден, что взять на себя заботу о моряках, которые «пожертвовали всем ради Норвегии», обязано государство. Он просит Леона связаться с бывшим механиком по телефону. «Я же напишу прямо Лёвланну [сменившему Микельсена на посту премьер-министра. — *Т. Б.-Л.*] и выскажу ему свое мнение по этому поводу».

Увы, не все проблемы можно разрешить, дав ценные указания премьер-министру. Назревало дело личного характера — щекотливое и оскорбительное. Оно касалось Густава, который загонял себя все дальше в финансовый тупик. К тому же Густав затаил злобу. Не

он ли в свое время изыскал средства, заложившие основу похода на «Йоа»? А кому досталась вся слава?

«Я клянчил деньги для никому не ведомого человека и на предприятие авантюрное, которое могло воплотиться в жизнь, однако с гораздо большей долей вероятности обещало кончиться неудачей. В случае успеха мы собирали бы деньги ради кавалера Большого креста, ради человека, имя которого приобрело не только национальную, но и мировую известность. Из книги же создается впечатление, будто экспедиция была организована безо всякого участия комитета по сбору средств». Вот какой итог финансовой стороне похода на «Йоа» подводит Густав Амундсен в одной записке (без указания числа). Так называемый «комитет по сбору средств» — в лице Александра Нансена и богатого предпринимателя Акселя Хейберга — получил свою «сердечную благодарность» во введении к «Северо-Западному проходу»^[60]. Не пора ли «кавалеру Большого креста» раскошелиться и в счет морального долга перед Ежилом?

«Г. телеграфировал мне с просьбой безотлагательно выслать для начала 1000 крон», — пишет Руал из Бергена Леону. На самом деле Густаву срочно нужны три тысячи, что по тем временам равносильно годовому жалованью. И Руал готов помогать брату — работой, жильем, деньгами. Но Ежику все мало.

Раз за разом он «заводит старую песню». Ему вечно не хватает одной-двух тысяч крон, чтобы расплатиться с самыми неотложными долгами, восстановить свою честь, вылечить жену, создать условия сыну. Ежик умеет надавить «кавалеру Большого креста» на болевые точки. Впрочем, Руал уже сообразил: Густав так ведет свои дела, что вкладывать в них деньги все равно что в бездонную бочку. Полярник пытается переложить эти заботы на других — пускай, дескать,

все улаживает Леон или адвокат Нансен. Самому Руалу хватает забот с предстоящей экспедицией в Полярное море. Она тоже требует прорыв средств.

10 ноября 1908 года Руал Амундсен — к восторгу слушателей и в присутствии профессора Нансена — докладывает на заседании Географического общества в Христиании о планах новой экспедиции. «На следующий же день список жертвователей открыли своими именами король и королева, после чего дары потекли рекой, так что собрано уже 2/3 необходимого, — с типичными для себя арифметическими выкладками сообщает Руал Амундсен в Чикаго, Херману. — Во множестве поступают и предложения товаров. На нас обрушился поток зубной пасты, гуталина и прочих, зачастую самых неожиданных, вещей. Достойны упоминания, в частности, губные гармошки и средства против облысения».

Не пренебрегает полярный путешественник и услугами старины Гаде: при организации похода, рассчитанного на семь лет, не обойтись без чикагских консервов. Амундсен не питает иллюзий относительно научных интересов производителей пеммикана, а потому, отсылая в «мясной город» доклад о новых планах, делает приписку: «Если тебе встретится Армуэр, покажи ему доклад и объясни, что сейчас у него наилучшая возможность поставить свой товар на полюс». Речь идет о рекламе. Рекламе гуталина, консервов — и Норвежского королевства.

Начинают приходиться и заявки на участие в экспедиции. Одно из ходатайств, помеченное 24 ноября 1908 года, прислано из Шиена: «Я с огромным интересом изучил Ваш план, который, впрочем, отчасти

знаком мне по той поре, когда я участвовал в первой нансеновской экспедиции на "Фраме"». Подпись гласит: Ф. Ялмар Юхансен. Хотя имя его скорее принадлежит истории, их с Фритъофом Нансеном возвращение домой после Земли Франца-Иосифа состоялось не более двенадцати лет тому назад. Зимой 1907/08 года Юхансен провел на Шпицбергене, где, как утверждает, «убедился, что еще вполне гожусь для подобной работы». Перечислив свои многочисленные специальности, автор заявки кончает ее словами: «...за прочим могу лишь отослать Вас к профессору Нансену».

Фредрик Ялмар Юхансен так и не приноровился к цивилизованной жизни. Будучи спутником Нансена по неповторимому лыжному походу к Северному полюсу, он затем пережил мгновенное повышение в должности — из неопытных лейтенантов сделался милостью Нансена полярным героем. Когда же чествования завершились и праздничные гирлянды были сняты, Юхансен обнаружил, что теперь он в чине армейского капитана служит в Тромсё. Вскоре он уже командовал тысячью подчиненных (не считая жены и четверых детей). Новая повседневность обрушилась на Ялмара Юхансена неожиданно. Этого простого, скромного, преданного человека потрясли контрасты бытия. Лыжник из Шиена не сумел вырулить обратно на лыжню. Юхансен перестал быть опорой для собственной семьи, ни с того ни с сего подал в отставку... и тут же пожалел об этом шаге. Вчерашний герой начал злоупотреблять спиртным и раз за разом просить денег у Нансена. Норвежскому великану трудно было отказывать Ялмару в таких просьбах. Да и руководителю нового похода на «Фраме» нелегко было бы отказать Юхансену в возвращении на его старый корабль. Решающую роль сыграло упоминание о Нансене. Ходатайство Юхансена было удовлетворено.

Помимо прочих соображений, Ялмар Юхансен был ценным приобретением для третьего похода «Фрама». Амундсену не впервой было брать на службу человека опытнее себя. Линдстрём, например, до экспедиции на «Йоа» ходил в плавание со Свердрупом. И про Линдстрёма, как про Юхансена, шла молва, что он не дурак выпить. Многие члены новой команды участвовали во втором походе «Фрама», но только Ялмар Юхансен был в первом. Только Ялмар ходил с санями и лыжами к Северному полюсу, как собирался теперь сделать Амундсен. Только Ялмар спас жизнь Фритьофу Нансену и зимовал с ним в логове на Земле Франца-Иосифа.

Только Ялмар ночевал в двойном спальном мешке с Нансеном. Ялмар Юхансен привык работать в паре. Действовать в одиночку оказалось сложнее.

Прежде чем «Фрам» покинул берега Норвегии, управляющему делами экспедиции придется не раз выручать капитана Юхансена из отчаянного материального положения. В Тромсё Ялмар заложил у ростовщика несколько трофеев былой славы, в том числе серебряное блюдо, инкрустированное рубинами. Друг Юхансена просит помочь в спасении ценностей, ибо сам Ялмар «пребывает в такой апатии, что и не попытается ничего сделать».

Братьям Амундсен пишет из Шиена также сестра капитана. Она хочет удостовериться, предусмотрено ли переводить часть жалованья на содержание семьи. Кроме того, она благодарит руководителя экспедиции «за все, что Вы сделали для Ялмара. Я единственная из его близких, с кем он переписывается, и знаю, что он Вам весьма благодарен». Да, Руал может подтвердить, что «кап-н Юхансен распорядился о ежемесячном пособии жене в размере 50 кр.». И для успокоения родственницы прибавляет: «Надеюсь, кап-ну Юхансену

понравится походная жизнь, к которой он как нельзя лучше приспособлен». Пока все идет хорошо.

В конце января 1909 года Руал Амундсен предпринимает обязательную поездку в Лондон, дабы представить свои планы Королевскому географическому обществу. Что могли сказать влиятельные англичане? Это ведь был старый план Нансена: смелый, но уже опробованный. Оставалось лишь встретить его аплодисментами. Даже деспотичный секретарь общества проявляет себя с самой лучшей стороны. «Келти словно подменили. Милейший, разлюбезнейший человек, — сообщает Руал Леону. — Его первые вопросы были о тебе: приехал ли со мной ты, как у тебя дела и проч. в том же духе». Скотт-Келти рассказывает, что Географическое общество намерено поддержать экспедицию двумястами фунтами стерлингов. «Это хорошо».

В феврале норвежский стортинг выносит решение ассигновать 75 тысяч крон на приведение в порядок и переоборудование величественного корабля викингов для нового похода в арктические воды. Это тоже хорошо.

К концу лета Леон от имени Руала сообщает неизменно поддерживающим его газетам «Афтенпостен» и «Моргенбладет», что «бергенские дамы уже шьют шелковые флаги и вымпелы». В подготовке экспедиции участвует вся страна. Путь к Северному полюсу открыт!

20 марта 1909 года полярный путешественник отправляется в Йёвик, где на другой день совершает воскресную прогулку с присяжным поверенным Кастбергом и его супругой. Они едут на двух узких

одноместных санях. В одних размещается присяжный поверенный, в других — его жена с Руалом Амундсеном. Кругом намело сугробы метровой высоты, но в санях тепло. По крайней мере во вторых.

Лейф Кастберг — высокий, элегантный, во всех отношениях видный мужчина: веселый, общительный, либеральных взглядов. Хотя ему только что исполнилось 33 года, он уже успел побывать мэром города, где к нему перешла от старшего брата адвокатская контора. Его брат, Юхан Кастберг (одна из самых одиозных фигур среди радикальных норвежских политиков), в настоящее время занимает пост министра юстиции в правительстве Гуннара Кнудсена.

У присяжного поверенного достойная его жена — Сигрид Кастберг, урожденная Флуд, в обиходе ее называли Сигген или просто Сигг. Она красива, отличается самостоятельностью и имеет массу поклонников. Как и супруг, Сигрид родилась в провинциальном Шиене, но значительную часть детства провела в Америке. Поженились они на рубеже веков. Сигрид родила мужу троих детей, из которых один ребенок умер в младенчестве.

Сигрид Кастберг лелеет мечты, которые нельзя осуществить в Йёвике. Разве что в это мартовское воскресенье. С Амундсеном они не виделись довольно давно. Возможно, последняя встреча произошла во время торжеств по поводу возвращения из экспедиции на «Йоа». Как бы то ни было, когда полярный путешественник в сентябре 1907 года составлял список тех, кого следует позвать на представление его первой книги (о Северо-Западном проходе), одну из начальных строк в нем заняла «супруга присяжного поверенного Кастберга, Йёвик».

В муже чувствуется широта души, щедрость, которая нравится полярному исследователю; это ведь почти по-эскимосски — уступить свое место высокому

гостю, позволить ему забраться на задние сани рядом с собственной женой. Загородный домик присяжного поверенного заметен снегом. Наш полярник быстро прокладывает путь к дверям. За ним входят Кастберги. В бревенчатом Фурухейме («Сосновом приюте») холодно. Нет смысла сбрасывать верхнюю одежду, хотя Лейф разжигает огонь в плите и печке. Пока Фру Сигрид готовит импровизированный обед из «армейской тушенки», полярный путешественник заглядывает в посвященный дому альбом. Оказывается, у хозяина бойкий слог, легко слагаются веселые стишата. Гость отмечает девиз Фурухейма: «Прими любовь и делай с ней, что хочешь!» Они съедают тушенку. Амундсену хочется кофе. Он берет горсть пылающих углей и сует руку с ней в кофейник. Вода закипает. Хозяин потрясен. Выпьем же пуншу!

Начинает смеркаться. Супруга рвется ехать. Впереди долгий путь в санях.

8 апреля Амундсен и жена присяжного поверенного встречаются вновь, на сей раз в Христиании, в «Гранд-отеле». Время движется к полуночи. Встреча происходит в общественном месте. Полярный путешественник — лицо известное. «Прими любовь и делай с ней, что хочешь!»

Через две недели Сигген празднует свое тридцатидвухлетие. Муж сочинил к ее дню рождения песню. «Гость почетный, мимолетный, уж не наш ли капитан? Не тяни резину, прыг в корзину, шар гони на полюс...» У хозяина бойкий слог, легко слагаются веселые стишата. Но капитан Амундсен вроде бы не инженер Андрэ. И до отбытия на полюс остается еще год. Год, когда можно потянуть резину и понежиться в отблесках славы.

Рано или поздно отношения между этой троицей достигнут точки кипения... как кофе от горсти пылающих углей.

Глава 11

ОБМАН ВСЕГО СВЕТА

Сохранять спокойствие и трезвую голову — это было самым главным для любого полярного путешественника в 1909 году, который внес большое замешательство в их ряды.

Летом 1909 года в имперскую столицу, Лондон, торжественно вступил Эрнест Шеклтон, побивший рекорд своего соперника Скотта. Английский морской офицер достиг $88^{\circ}23'$ южной широты, после чего мог величать себя сэром Эрнестом^[61]. Он не дошел до Южного полюса всего восемнадцать миль^[62].

Представим себе Бунне-фьорд: в этой тихой заводи к югу от Христиании засели два брата и готовят экспедицию к Северному полюсу. Надо запасти все необходимое на семь лет для четырнадцати человек. Думать приходится сразу о тысяче вещей. Руал диктует, Леон записывает. До отплытия, намеченного на 1 января 1910 года, осталось всего четыре месяца.

— Ты не забыл корм для белых медведей?

1 сентября Руал раскрывает газету. Наконец-то есть новости про его доброго друга д-ра Кука, который направляется из Гренландии в Копенгаген — после зимовки в северной Канаде. До этого Кук побывал на Северном полюсе.

— Когда?

— В апреле 1908 года.

— Не в то ли самое время, когда он намечал встретиться с тобой в Нью-Йорке?

— Забавно.

— Ты должен телеграфировать ему.

— Пиши: «Сердечно поздравляю с блестящим достижением...» Что он там покорил?

Фредерик Кук хочет повидаться со старым другом в Копенгагене, но Амундсену некогда: он собирается на север... «Hope to see you in the States»^[63] — так заканчивает свою поздравительную телеграмму Руал. Апрель — вполне подходящий месяц для встречи...

А какие мысли полярник держит при себе? Этим интересуются многие. 6 сентября Руал Амундсен диктует следующее послание в Пенсаколу, любимому двоюродному брату: «Вероятно, ты ожидал телеграфного ответа на свой вопрос, но я не могу сказать о путешествии Кука ничего определенного, а потому шлю свои рассуждения письмом. Кук — мой старый товарищ по экспедиции на "Бельгике", он во всех отношениях превосходный человек, и каждое его заявление следует рассматривать как абсолютно достоверное. Ученые будут пытаться проверить его наблюдения и, я надеюсь, подтвердят справедливость моих слов».

Вечером на втором этаже Ураниенборга, в глубине Бунне-фьорда, звонит телефон под номером 805.

— Г-н Амундсен, вы слышали, что капитан Пири побывал на Северном полюсе?

— Когда?

— В апреле 1909-го.

— Где-где?

— На Северном полюсе!

Четырнадцать человек. Поход, рассчитанный на семь лет. Дрейф во льдах. Руал оседает в кресле. Ты не забыл корм для белых медведей?

И все же 8 сентября, в среду, Руал Амундсен с утра едет в Копенгаген. В кабинете на втором этаже оставлена записка Леону. В ней перечислен экипаж

«Фрама». Первым по списку идет капитан. «Напиши Турв. Нильсену [...] и скажи, что эксп. откладывается на несколько месяцев. Он будет моим заместителем. Остальным следует сообщить то же самое. Отплытие состоится примерно в июле 1910 года». Итак, решение принято. Когда? 7 сентября... или в ночь на седьмое. Где? В голове у Амундсена. Подобное решение могло созреть только там.

9 сентября «Моргенбладет» помещает заметку об отъезде. «Вчера утром Руал Амундсен отбыл в Копенгаген, где намерен встретиться с д-ром Куком, а также обсудить с инспектором по Северной Гренландии поставки собак для похода на "Фраме". Домой капитан вернется в пятницу». О белых медведях — ни слова. Разумеется, собак экспедиция так или иначе собиралась брать с собой, но о том, чтобы везти их из Гренландии в Норвегию, речи никогда не шло. Четвероногих должны были захватить по дороге на север... как это ранее делал Нансен. Теперь, когда Амундсен заказал собак в Копенгагене, маршрут их следования изменился — очевидно, в соответствии с новым планом.

Какой же сдвиг произошел в голове у Руала Амундсена? Он вроде был поглощен подготовкой исследовательской экспедиции в северные полярные воды. Заказывалось оборудование со всех концов света, продолжался сбор денег, перестраивался корабль (на средства, выделенные согласно постановлению стортинга), была укомплектована команда, весьма далеко продвинулись научные приготовления... Впрочем, средств было еще недостаточно. А кто захочет вкладывать их в экспедицию к Северному полюсу, если полюс уже открыт? Что Амундсен просил Гаде внушить поставщику пеммикана? У того, дескать, будет уникальная возможность «увидеть свой товар на фотографиях с Северного полюса». Не об этом ли думал Руал? Об этом тоже, хотя не в первую очередь. Пока что

к нему не поступило ни одного сообщения об отказе в помощи. Такие сообщения начнут приходить позже. И окажутся весьма кстати, дав ему обоснование решения.

Прежде всего Руал Амундсен думал о себе. «Чтобы поддержать мой престиж полярного исследователя, мне необходимо было как можно скорее достигнуть какого-либо другого сенсационного успеха, — напишет он впоследствии в своих воспоминаниях. — Я решился на рискованный шаг». У полярника был выбор из двух возможностей. Одна из них отпала в апреле... то ли 1908-го, то ли 1909 года.

А вторая... разве она тоже не перечеркнута Шеклтоном? Нет, до нее осталось восемнадцать миль ^[64]. На два дневных перехода... или на три, если будет встречный ветер. Восемнадцать миль до того, чтобы войти в историю, восемнадцать миль до бессмертия.

Всё готово: судно, провиант, экипаж... Но ведь один полярный путешественник тоже собирался на Южный полюс... Один? На Южный полюс собирались все! Там творится история. Чего же он ждет?

Бунне-фьорд — стоячее болото. Руалу Амундсену надо съездить в Копенгаген для беседы со своим бывшим наставником, д-ром Куком. Человеком, который побывал на Северном полюсе и хочет идти дальше, к Южному. В газетной заметке от 4 сентября сказано, что врач уже составил план покорения Южного полюса. Для того, кто на своих двоих добрался до Северного полюса, это будут детские игрушки. Надо подчинить д-ра Кука своему влиянию. Надо перебросить в Норвегию собак. В Антарктиде белые медведи не годятся. А может, Кук встретил на Северном полюсе ручных пингвинов? У Руала уже голова идет кругом от этих перескоков с севера на юг и с юга на север. Ну-ну, ничего страшного.

Правда, спокойствие нарушено. Зато голова сохраняет привычную трезвость.

Нужно просто уехать из Бунне-фьорда, вытащить себя из северного полярного бассейна. До Восточного вокзала 18 километров, до Южного полюса — 18 миль! Остальное пускай улаживает Леон...

В столице датчан — шум, гам и ликование. Руал Амундсен снимает номер в той же гостинице, где живет покоритель Северного полюса. Впоследствии одна газета доложит читателям, что «Амундсена привели в Копенгаген в первую очередь нападки на его друга д-ра Кука. Руал Амундсен хотел продемонстрировать тому свое дружеское участие и доверие и таким образом морально поддержать его. Все это время они были неразлучны». Верно, но поехал норвежец за другим. Его визит в датскую столицу был намечен прежде, чем мир стал прислушиваться к утверждениям инженера Пири, будто доктора Кука никогда и близко не было у Северного полюса.

Между двумя полярниками-американцами разворачивается нешуточная борьба. Затеял ее Пири, которому нечего терять. Второй на полюсе — это ведь не почетный титул, а напоминание о впустую растроченной жизни. Посему — смерть д-ру Куку!

Одновременно на родине норвежского короля оказывается «по служебной надобности» и опытный мореплаватель Отто Свердруп. В начале пути д-р Кук преодолевал как раз те районы, которые капитан Свердруп картировал во втором походе на «Фраме». В газете «Данеброг» Свердруп безоговорочно защищает «норвежский маршрут» и достижение д-ра Кука. «О Пири я знаю лишь одно, — сухо заметил капитан, — что

он 26 лет напрасно искал Северный полюс»^[65]. Коллега Амундсен тоже не боится обозначить свою позицию в этом противостоянии. «Поведение Пири вызывает у меня глубочайшее негодование, и я официально заявляю, что д-р Фредерик Кук — самый заслуживающий доверия из всех известных мне арктических путешественников, а потому сомневаться в нем и верить Пири бессмысленно»^[66].

10 сентября д-р Кук покидает восторгающийся им город. Голубоглазый американский красавец прибывает в порт на автомобиле, где рядом с ним сидит крепко сбитый, немногословный капитан Свердруп. На борту теплохода «Мельхиор» к нему присоединяется другой норвежец, Руал Амундсен, который будет сопровождать судно до Кристиансанна. Он уже телеграфировал туда и предупредил власти о прибытии героя: «Считаю сведения о его походе к Северному полюсу абсолютно надежными». И Свердруп, и Амундсен поверили врачу на слово. Это объясняется, с одной стороны, их доверием к д-ру Куку, а с другой — неприязнью к Пири, которая вызывалась давней обидой за Эйвинна Аструпа, а также манерой американца объявлять о «праве владения» на территории, зачастую подробно нанесенные на карту до него.

В Кристиансанне д-ра Кука в последний раз чествуют как несомненного покорителя Северного полюса, затем он всходит на борт «Оскара II» и отбывает в Америку. Но прежде д-р Кук в благодарственной речи отмечает заслуги норвежских полярников и желает коллеге Амундсену счастья и удачи в его путешествии на север. Выиграть гонку к полюсу мог лишь один, однако в науке остается место для всех.

13 сентября Руал Амундсен возвращается к Леону, в кабинет на берегу Буннефьорда. В тот же день в

имперской столице до всеобщего сведения, что капитан Скотт намерен выступить в поход на юг.

— Куда?

— К Южному полюсу.

— Когда?

— В августе 1910 года.

Спокойствие, Руал. Сохраняем трезвую голову, Леон. «Всё нужно было подготовить втихомолку, — напишет потом Руал Амундсен в «Южном полюсе». — Единственный, с кем я поделился, был брат, на молчание которого я мог вполне положиться. И за то время, когда тайна была известна только нам двоим, он оказал мне много важных услуг». Как отреагировал Леон, когда брат поведал ему, что север превратился в юг?

Сам Леон ни за что не принял бы подобного решения. Будучи человеком практичным, совестливым, расчетливым во всех своих поступках, он не был способен на такие сюрпризы. В то же время Леон отнюдь не был просто мелким обывателем. Он пересекал на лыжах Хардангерское плоскогорье и ходил на корабле вокруг света. Бегло говорил на французском, английском и немецком языках. Обладал присущим дипломатам чувством такта и присущим бухгалтерам уважением к языку цифр. Кроме того, он кормил семью, а потому во всем исходил из опоры на буржуазную среду.

Полярный путешественник Трюгве Гран^[67] оказался одним из немногих современников, кто описал роль державшегося в тени брата в организации экспедиции к Южному полюсу: «Леон был человеком хватким и ловким, так что, если возникало щекотливое положение (а они возникали постоянно), расхлебывать кашу приходилось ему. Для такой двойной игры нужна была светлая, быстро соображающая голова». Леон

прекрасно подходил на роль секретаря и управделами Руала. Дополняя его, он позволял себе — на правах брата — давать советы, а то и возражать полярнику.

С предпринимательской точки зрения решение Амундсена было хотя и рискованным, но верным. Наука не относилась к компетенции Леона, тогда как Южный полюс представлял собой золотое дно. Кроме того, приказ уже был отдан, наступление отсрочено, войска передислоцированы, стратегия изменена. Полководец сказал свое слово.

«Слепо полагаясь» на Леона, Руал никому не раскрывался до конца. Он с удовольствием обсуждал тактику, однако мораль у него была собственная. Прямо какой-то Наполеон... Разве полководец не имеет права, планируя наступление на юге, утверждать, что готовится к атаке на севере?

У нового плана Руала Амундсена был всего один недостаток, зато весьма существенный и относившийся к области нравственности: на «Фраме» собирался в южные широты совсем другой человек. Одно дело вводить в заблуждение соперников и общественность. Другое — обманывать Фритъофа Нансена. Поступать так Руал права не имел. Ведь третий поход «Фрама» основывался на его плане, его авторитете, его научных приготовлениях. И еще на том, что сам Нансен отказался от намерения покорить Южный полюс.

Почему же Руал Амундсен не выложил новую стратегию перед затворником из люсакерской башни? Фритъоф Нансен лучше других понял бы сложное положение коллеги — утрата такого рекламного объекта, как Северный полюс, грозила финансовыми трудностями, могущими сорвать научные исследования. При поддержке Нансена к походу на Южный полюс, вероятно, можно было бы готовиться в открытую, объявив о нем раньше капитана Скотта.

А если бы Нансен отверг план? Или потребовал того, на что имел моральное право: возможности самому возглавить экспедицию? Строго говоря, Амундсен обязан был пойти на такой риск. Если же он предпочел молчать, значит, не воспринимал своего соотечественника прежде всего как партнера и коллегу. Напротив, в состязании за Южный полюс Фритьоф Нансен был его наиболее опасным конкурентом.

В октябре в Христианию приезжает сэр Эрнест Шеклтон, там его приветствуют восторженные толпы. Руал Амундсен произносит речь, в которой восхваляет героический пеший поход через антарктическое плато. Оставшиеся до полюса восемнадцать миль он приберегает для себя.

Тем временем конфликт между Куком и Пири продолжается, то затухая, то разгораясь с новой силой. У д-ра Кука сложности с представлением доказательств, тогда как на стороне его противника — все влиятельные круги Америки. Амундсен опять попадает в эпицентр событий, когда едет в Соединенные Штаты договариваться о поставках провианта для «Фрама». Херман Гаде предупреждает его о соблюдении осторожности (как перед отъездом из Норвегии, так и по прибытии на место).

В письме Руала к Леону, отправленном из Нью-Йорка 17 ноября, сказано: «На подходе к берегу я получил от него радиограмму, где он советовал мне остерегаться репортеров, которые будут толпами наседавать на меня, дабы услышать мое мнение о конфликте между Куком и Пири. Корреспондент нью-йоркской "Геральд" добрался на яхте до карантинной станции, еще несколько дюжин

газетчиков и фотографов привезло вместе с таможенниками досмотровое судно. К счастью, с ними прибыл и Гаде». На сей раз Амундсен понимает, что следует проявить дипломатичность. «Кук живет за городом, и я к нему при случае выберусь. Его акции упали до предела возможностей. Его более не поддерживает ни одна живая душа».

Спустя пятнадцать лет Гаде вспомнит, что Руал не всегда хорошо разбирался в людях и иногда ему требовалась защита от самого себя: «Тебе свойственно до последнего верить в тех, кого ты узнал с хорошей стороны. В этом я убедился, например, в отношении Кука, когда мне пришлось мчаться из Чикаго до самого Нью-Йорка, чтобы предупредить тебя по поводу твоего старого друга и товарища по экспедиции на "Бельгике"».

В номере нью-йоркской гостиницы Руал Амундсен поведал другу детства Херману Гаде, что вводит в заблуждение весь свет. Через некоторое время в тайну посвятили еще двоих: ученого Бьёрна Хелланн-Хансена, которому предстояло подготовить в Бергене океанографическую программу экспедиции, и капитана «Фрама» — Турвалла Нильсена. Обоих поставили перед необходимостью принять решение (уже принятое без них). Оба сделали выбор в пользу нового плана. Кроме того, весной 1910 года Амундсен — с глазу на глаз — рассказал об изменении курса своей самой верной опоре: Фрицу Г. Цапфе. (Предполагалось, что аптекарь из Тромсё и сам примет участие в экспедиции, однако позднее он вынужден был по семейным обстоятельствам отказаться.) Наедине Руал Амундсен мог кому угодно правдоподобно объяснить, почему север заменен югом.

В ту тягостную зиму 1910 года полярный путешественник старается держаться как можно незаметнее. Некоторые вещи утрачивают для него

былое значение. Это касается не только белых медведей Хагенбека, но и экспериментов с воздушными змеями, проводившихся Сем-Якобсеном. В свое время Амундсен проявил интерес к созданию змея, который мог бы поднять в воздух человека, — для поисков в Ледовитом океане разводий и новых земель. Летом 1909 года эти эксперименты стоили жизни заместителю начальника экспедиции капитану Энгельстаду — в него попала молния. Лейтенант Сем-Якобсен продолжал работу и зимой, однако наш полярник почему-то охладел к змеям.

Вместо змеев Амундсен принялся строить дом — сборный дом, который можно будет возвести на южном материке. Еще ему крайне важно, чтобы в Христианию успели доставить к сроку гренландских собак с упряжью и прочим необходимым снаряжением: «90 кобелей по 12 крон штука и 10 сук по 10 крон штука». Кроме того, у Руала Амундсена есть дополнительная просьба, о которой он пишет датскому инспектору по Северной Гренландии: «Я понял, что для ухода за собаками мне весьма пригодились бы два гренландских эскимоса-погонщика в возрасте, который Вы считаете расцветом их сил».

Впрочем, прислать в Норвегию туземцев оказывается затруднительно по причинам, связанным с королевской бюрократией. Хотя и Кук, и Пири полагались в своих экспедициях как раз на эскимосов, «Фрам» отправляется на юг без гренландцев на борту. В конце концов, Антарктида была для эскимосов не роднее, чем страна пингвинов — для белых медведей.

В соответствии с новыми планами пришлось добирать экипаж. Последними в него взяли русского океанолога, которого собственноручно выбрал Хелланн-Хансен, и шведского механика, которого отрядили с завода Дизеля. В основном же Амундсену удалось набрать в экспедицию норвежцев: большинство

участников было либо из столицы военно-морского флота Хортена, либо из города полярных зверобоев Тромсё. Амундсен заполучил и двух человек, ходивших с ним на «Йоа», — гения ледовых широт Линдстрёма и беспокойного отца семейства Хельмера Ханссена.

Для того, кто ищет уединения, Ураниенборг расположен превосходно: он зажат между фьордом и склоном лесистого холма. Гостю предстоит миновать собак и пройти по гравийной дорожке. Дверь открывает и закрывает прислуга. К телефону подходит Леон. Капитана нет дома.

На Пасху в Норвегию приезжает Роберт Скотт. Он собирается провести испытания нового чуда техники — моторных саней. Прежде чем вместе с сопровождающими отбыть в местную Антарктиду в окрестностях Фефора, капитан Скотт назначает встречу с Фриттьофом Нансенем. Кроме того, он звонит в Свартсуг. Еще раньше он написал Амундсену письмо. Скотт хочет обсудить научное сотрудничество между норвежской экспедицией на Северный полюс и английской — на Южный. К сожалению, г-на Амундсена нет дома.

Капитан Скотт, однако, не сдаётся. Если он может второй раз плыть в Антарктику, то тем более может второй раз позвонить в Свартсуг. Перед отправкой моторных саней в островную империю англичанин снова пробует связаться с номером 805 в Свартсуге. Г-на Амундсена по-прежнему нет дома.

Где же он?

А где был д-р Кук?

Глава 12

РИСКОВАННЫЙ ШАГ

Леон Амундсен в одиночестве отправился на Мадейру. Ему подвернулся пароход из Гамбурга, который и доставил его в один из последних дней августа на экзотический остров в южной части Атлантического океана^[68].

Там высокий, представительный норвежец снял номер в фуншалской гостинице «Беллависта» и пошел выполнять первое задание, определенное ему для знойного города: нужно было забрать почту в норвежском консульстве. Получив письма, адресованные капитану Амундсену и его команде, Леон должен был проверить, все ли заказанные припасы доставлены на место. Затем ему оставалось лишь ждать. 4 сентября он тихо, в полном одиночестве справляет свое сорокалетие — наслаждаясь видом на море и бокалом мадеры.

У судовладельца Енса Амундсена все сыновья уродились игроками. Нельзя сказать, чтобы третий по старшинству был наименее азартным, просто он делал меньшие ставки, играл с большей оглядкой на действительность, нежели братья. Леон — единственный из четверых — ни разу в жизни не прогорал дотла. Игроком же он был профессиональным. Уже год играя в игру, где на кону стояли слава, деньги и второй (то есть последний) полюс, он умудрялся сохранять абсолютно невозмутимый вид. Впрочем, Леон ничем не рисковал. Он только взял на себя часть Руаловых забот.

Утром 6 сентября на рейде Фуншала бросил якорь «Фрам». Прошел ровно год с того дня, как стало известно об открытии Северного полюса Робертом Э.

Пири. Тяжело гружённое полярное судно окутано завесой молчания. Оно покинуло норвежскую столицу еще 7 июня, в пятую годовщину обретения королевством независимости, и с тех пор проводило океанографические наблюдения в северных широтах. В Кристиансанне на борт взяли ездовых собак.

Животные стояли на палубе в виде сотни вопросительных знаков. Почему собак надо тащить по жару вокруг мыса Горн, чуть ли не вокруг света, когда можно было преспокойно погрузить их на корабль у входа в Берингов пролив? К тому же «Фрам» везет с собой дом. Сто вопросов и всего один ответ — дом.

Еще во время стоянки «Фрама» в Кристиансанне Руал Амундсен составил следующий документ: «Настоящим обязуемся не разглашать предметов, обсуждавшихся во время совещания, — устно ли, письменно, впрямую либо намеком». 30 июля бумагу подписали трое лейтенантов: капитан «Фрама» Турв. Нильсен, Кр. Преструд и Я. Фр. Ертсен. Даже касательно «совещания» со всех офицеров взяли подписку о неразглашении тайны. Спустя почти месяц, перед прибытием на Мадейру, такую же подписку дал Сверре Хассель. Хассель — опытный полярник, он ходил со Свердру-пом. Кроме того, именно он принимал собак, когда их доставили из Гренландии. Сто вопросов должны были больше всех волновать Хасселя. И капитан посчитал необходимым дать ему ответ.

Утром Леон Амундсен, прихватив с собой последнюю корреспонденцию, всходит на борт — в следующие полтора года команда не получит ни одного письма. Три дня «Фрам» стоит на рейде под погрузкой и для проведения ремонтных работ. Экипаж отпущен на сушу размяться. По постановлению офицеров одного из его членов списывают на берег и отправляют домой: «Посоветовавшись с командой, мы заявляем, что буфетчик Андерс Теркельсен Саннвик был

неоднократно уличен во лжи, а также вовлекал товарищей в конфликты и ссоры».

Пробил час истины.

9 сентября все готово к отплытию. В половине пятого на «Фрам» прибывают братья Амундсен. Пока корабль стоял на Мадейре, руководитель экспедиции воспользовался случаем пожить несколько дней в комфортабельных условиях: как и брат, он поселился в гостинице. Из посторонних на судно допущен только Леон Амундсен. Ему предстоит забрать почту для доставки ее в Норвегию.

В кубрике Ялмар Юхансен пишет прощальное письмо в Шиен, жене Хильде: «Тысяча благодарностей за письма. Я прочту их внимательно, когда будем в море: перед выходом из порта слишком много разных дел, я вывожу свои каракули, сидя внизу в одной рубашке, и с меня градом течет пот. Вообще-то я прекрасно переносу жару, думал, будет куда хуже. (Теперь мне пора наверх.)

...Представляешь, какой нам преподнесли сюрприз? И всего-то за каких-нибудь пятнадцать минут... Оказывается, мы идем не к Северному полюсу, а к Южному! Амундсен собрал команду и объявил, что с сент. месяца прошлого года его план претерпел серьезные изменения. После истории с Пири и Куком, из которых по крайней мере один мог побывать там (на Северном полюсе), план втихомолку совершенно пересмотрен. Сейчас мы поужинаем и напрямик двинем к Южному полюсу, где будут высажены для зимовки на ледовом континенте 10 человек. Оттуда "Фрам" еще с десятью пойдет в Буэнос-Айрес. Там в экипаж наберут пополнение, и он займется океанографическими исследованиями, после чего "Фрам", уже в 1912 году, заберет нас. Иначе как сюрпризом и не назовешь! Сам Амундсен тоже безмерно удивлен, что о плане, подготовленном год назад, не просочилось никаких

сведений. Сказал, что не собирается никого принуждать, а хочет только спросить каждого в отдельности, согласны ли мы идти с ним. Все ответили: да!..»

Юхансен, как и остальные члены экипажа, приготовился зимовать в Северном Ледовитом океане от трех до семи лет, так что гораздо более короткий поход к Южному полюсу был встречен с облегчением. Хотя в принципе экспедицию на север не отменили и она должна была продолжить третий поход «Фрама», эта мрачная перспектива отодвинулась на неопределенное время. Руал Амундсен предусмотрительно не стал раскрывать, кого возьмет с собой покорять полюс, а кому придется изучать океан. Но в отношении себя Ялмар Юхансен не сомневался.

«Теперь многие вопросы касат. снаряжения и иных вещей прояснились, ибо я исходил из того, что их предстоит использовать в дрейфующих льдах. А. понял, что кое-что кажется мне весьма странным, особенно в отношении дома, который нам предстояло соорудить на льду, да и всякое другое... и сегодня с улыбкой сказал мне, дескать, наконец-то осуществится моя мечта, имея в виду желание побывать в южных полярных морях, о котором он был наслышан». Слышать о мечте Юхансена Амундсен мог только от Нансена. План покорения Южного полюса разрабатывался Фритъофом Нансеном в логове на Земле Франца-Иосифа, где они с Юхансеном зимовали вдвоем.

Торжественность мига, когда двадцать моряков стояли на палубе «Фрама», сгрудившись возле карты Антарктиды, будет превзойдена лишь кульминацией похода — когда десять рук водрузят в центре материка норвежский флаг.

Как только переполох улегся и все члены команды, подобно Юхансену, сделали сенсационные приписки к письмам, экспедиция грузится на корабль. В девять

часов Леон Амундсен покидает его, забрав всю корреспонденцию. В мешке с почтой он увозит также три братовых обращения: к королю, Нансену и норвежскому народу. Руал сочинил их в капитанской каюте за тот месяц, что они шли до Мадейры.

Каждый обменялся с управделами экспедиции «последним крепким рукопожатием». Когда Леона Амундсена доставляют в шлюпке на землю, всякая связь с миром прекращается. «Брат взялся передать, куда мы направились, — сообщает Руал Амундсен в последующем отчете о походе, — я ему нисколько не завидовал».

Спустя полчаса заводят дизель и полярное судно приходит в движение. На море штиль. В небе светят звезды. Руал Амундсен вздыхает с облегчением: «Ночь выдалась восхитительная».

В отношении родины Руал Амундсен прибег к той же тактике, которой воспользовался на борту «Фрама»: прежде чем оповещать массы, заручился поддержкой главных действующих лиц.

По сути дела, судьба экспедиции зависела от одного-единственного человека. Кроме него, до официального объявления следовало также поставить в известность короля.

Любопытно, что, совершая поход на корабле, который фактически принадлежал норвежскому государству, Амундсен не счел нужным отдельно известить о новых планах ни правительство, ни стортинг. Между тем в конце года благоволившее к нему правительство Гуннара Кнудсена ушло в отставку. Новой власти оставалось удовлетворяться сообщениями газет.

Послания в оба замка — в Христиании и в Люсакере — были доставлены нарочными утром 1 октября. Вручить письмо королю, на Карл-Юхансгате, взялся сам Леон, тогда как отъехать подальше и выполнить значительно более трудное поручение в Пульхёгде выпало на долю океанографа Бьёрна Хелланн-Хансена. Там требовался специалист, который бы сразу заверил профессора Хансена, что, хотя цель похода изменилась, научные задачи экспедиции останутся для нее первостепенными.

В сопроводительном письме Хелланн-Хансену Руал Амундсен подчеркивает крайнюю важность для себя того, чтобы король и Хансен «получили уведомление *в один и тот же миг*». Впоследствии наш полярник справедливо назвал операцию по достижению Южного полюса «переворотом». Она и в самом деле осуществлялась как революция, как дворцовый переворот. Восставшие ударили одновременно по нескольким стратегическим пунктам, не дав противнику возможности предупредить своих, посоветоваться, обратиться с силами.

Фритъофу Хансену Руал пишет в умоляющих тонах. В начале письма он упоминает про покорение Северного полюса, «нанесшее смертельный удар моему предприятию. Я мгновенно понял, что после такого известия рассчитывать на необходимую мне финансовую поддержку не придется. И оказался прав, подтверждением чему служит принятое в марте-апреле 1910 года решение правительства отклонить мое ходатайство о предоставлении экспедиции дополнительных 25 тысяч крон». С этим совпали посягательства стортинга на средства, предназначенные для научных исследований, что оправдывало общеизвестный и вполне обоснованный скепсис профессора Хансена по отношению к решениям парламентского большинства.

Вот почему в своей одинокой борьбе за научные интересы Амундсен считал себя вынужденным, потакая «интересам широких масс», завоевать Южный полюс. Лишь таким образом можно было обеспечить грядущую океанографическую экспедицию на север. Нансену было бы крайне сложно возражать против подобной аргументации, не причиняя ущерба их общему делу — делу науки. Тут Руал переходит к самой щекотливой теме: «Я многожды собирался во всем признаться Вам, однако так и не решился, боясь, что Вы остановите меня». В каком смысле остановите? Не дадите предпринять поход на север — или на юг? Мы уже говорили, что остановить Руала Амундсена мог один-единственный человек... и по одной-единственной причине: Фритъоф Нансен сам хотел покорить Южный полюс.

Автор письма высказывает также сожаление, что не сумел предупредить Скотта. «Однако же я постараюсь перехватить его на юге и сообщить о своем решении, дабы он действовал в соответствии с открывшимися обстоятельствами». Это весьма любопытное признание, особенно учитывая, что сам Амундсен прекрасно знал, в каком месте Антарктиды англичане обычно разбивают базовый лагерь. При всем новоявленном чистосердечии перед Нансеном Руал Амундсен умалчивает о своих планах высадки в Китовой бухте.

«Я еще не решил, где мы высадимся, но в любом случае не намерен попадаться в руки англичан. Разумеется, у них будет право первопроходцев. Нам придется довольствоваться тем, что останется от них». Звучит благородно, однако Амундсен давно прикинул, что норвежцы разобьют базовый лагерь на целый градус ближе к Южному полюсу, чем это сделает Скотт у пролива Мак-Мердо^[69].

Под конец письма, в ожидании приговора, Руал Амундсен изображает сначала собачью покорность у ног хозяина, а затем — представшего перед Господом Раскольникова. «Не будьте со мной слишком строги. Я не обманщик, а всего лишь человек, вынужденный обстоятельствами, а потому прошу извинить меня за содеянное. Да позволено мне будет хотя бы частично искупить свою вину будущими трудами». Фритъоф Нансен поймает Амундсена на слове, и тому действительно придется искупать вину трудами — прежде всего на поприще науки.

Письмо было отпечатано на машинке, и профессор наверняка приписал своеобразную орфографию Руала Амундсена неверным ударам по клавишам. На самом же деле сенсационное по содержанию послание знаменовало собой также изменение правописания. Одновременно с принятием из ряда вон выходящего решения в мозгу полярника что-то сместилось и у него возникла новая манера письма: с этих пор Руал намеренно пишет отдельные слова неверно^[70]. Подобная тенденция (в частности, замена буквы «г» на «к» и избыточное употребление последней) заметна с осени 1909 года, когда Амундсен передумал идти на Северный полюс, но процесс явно ускорился в период душевной изоляции полярного путешественника накануне отплытия. Поскольку у нас мало письменных свидетельств той поры, письмо к Нансену можно считать первым четким выражением сего удивительного феномена, которому предстояло со временем обрести еще более экстравагантную форму.

На это письмо Фритъоф Нансен по-настоящему ответил спустя два с половиной года. Какие бы мысли ни лелеял про себя профессор, важно было занять верную позицию. Южный полюс он безвозвратно потерял. Теперь важно было спасти поход на север. В

своем послании Амундсен говорит: «если бы нашлись средства, необходимые для изначально задуманной экспедиции — они составляют примерно 150 тыс. крон, — я бы с удовольствием не предпринимал сего дополнительного путешествия». Да-да, Руал назвал путешествие на юг «дополнительным», имея в виду, что «основной поход» по-прежнему намечен в северные воды.

В тот же вечер столичных журналистов созвали на пресс-конференцию в гостинице «Континентал». Прежде чем зачитать сообщение, предназначенное Руалом для прессы, Леон Амундсен наверняка встретился с Хелланн-Хансеном, чтобы в последний раз уточнить положение дел. Через несколько дней океанограф напишет Леону из Бергена: «Оригинал Руалова послания следует спрятать подальше, так как мы совершили "подлог", изменив текст в одном пункте».

2 октября 1910 года христианские газеты под броскими заголовками напечатали обращение Руала Амундсена к норвежскому народу. Начало сообщения сенсационно: «Фрам» берет курс «на юг, дабы в антарктических широтах включиться в гонку за покорение Южного полюса». Однако далее оно куда менее драматично: «Это не изменение экспедиционных планов, а их развитие».

Обратимся к «одному пункту», о котором упоминал Хелланн-Хансен. Он подразумевал объяснение того, почему Амундсен замалчивал свои планы. «Я не поведал о них прежде даже людям, помогавшим мне готовить экспедицию, поскольку хотел выждать и убедиться в их выполнимости». Такова дипломатичная формулировка Леона, внесенная им от руки в машинописный текст

брата и заменившая гораздо более откровенное признание Руала: «Я знаю, что обижу многих людей, с которыми тесно сотрудничал и которые оказывали мне большую помощь, тем, что предпринимаю подобный шаг без предварительного их уведомления. Но объявить о нем заранее было невозможно. Если б мои планы стали известны, навалилось бы столько трудностей, что я рисковал бы отказом от экспедиции. Для успеха похода подготовка к нему должна была происходить в строжайшей тайне».

Зачем трубить на весь свет о своих угрызениях совести, если Нансен уже признал положение вещей? Так, вероятно, рассуждал Леон, заменяя саморазоблачение брата фразой о необходимости «выждать». Благодаря ей обращение к народу кажется написанным куда более расчетливо, нежели письмо Нансену с его искренними признаниями и многочисленными извинениями. Бывалый игрок не спешит выкладывать плохие карты.

Сенсационное газетное сообщение заканчивается сухим известием: «Можно рассчитывать на то, что в феврале-марте 1912 года мы снова дадим о себе знать. В это время мы будем на пути в Сан-Франциско, где намечаем провести последние приготовления к дрейфу через Северный Ледовитый океан».

Переписку Руала вел Леон Амундсен. Для него не было новостью, что за братовым «я» скрывается две личности. В таком расширении «я» отчасти заключалась тайная сила полярного путешественника. Его таланты приумножались, работоспособность удваивалась... Он даже мог одновременно находиться в разных местах, в чем имел возможность убедиться капитан Скотт.

3 октября Леон Амундсен разослал привезенные им с Мадейры письма, которые написали родным и близким участники похода. В тот же день он отбил следующую телеграмму на английском языке: «Капитану Скотту Терра нова^[71] Крайстчерч (Новая Зеландия) Позвольте уведомить Вас Фрам направляется Антарктику». Подпись: Амундсен. Обратный адрес: Христиания. При этом капитан Скотт знал, что «Амундсен» уже несколько месяцев как покинул норвежскую столицу.

«Все как будто прошло относительно спокойно, без серьезных осложнений», — пишет Хелланн-Хансен Леону через три дня после преподнесения новостей. И океанограф, и управделами могут вздохнуть с облегчением. Никто не стал официально возражать против заявления Амундсена. Учитывая отказ стортинга выделить экспедиции на «Фраме» дополнительные средства, ответственность за ее поворот на 180 градусов фактически взяла на себя вся страна. Критиковать флагманов в ту пору принято не было.

Среди многих авторитетных людей, которых попросили высказаться по этому поводу, был Карстен Боркгревинк — норвежец, руководивший английской экспедицией во время первой зимовки человека на антарктическом материке. Он счел нужным пожалеть, что Амундсен не предпочел использовать в виде тягла оленей: «То же самое я советовал и Скотту»^[72]. Помимо всего прочего, в интервью газете «Тиденс тейн» Боркгревинк утверждает, будто с самого начала понимал, куда направляется Амундсен. «Иначе зачем он взял с собой 90 лаек?»

В дневнике, который вел на «Фраме» Ялмар Юхансен, есть фраза: «Амундсен изумлен, что подозрений относительно цели путешествия не зародилось у Нансена, хотя тот и удивлялся множеству собак». Позиция профессора свидетельствует о его

безграничном доверии к наследнику по полярным путешествиям. Теперь основа такого доверия оказалась подорвана. Далее Фритъоф Нансен поддерживал младшего коллегу не с энтузиазмом, как прежде, а скорее из чувства долга. Сходные настроения преобладали и в целом по стране. Подспудно тлело недовольство Амундсеном.

«Остается лишь надеяться, что все сойдет благополучно с высадкой на сушу и поездками на собаках, — завершает Хелланн-Хансен свое итоговое письмо Леону. — Тогда будет полный порядок, что бы кто ни говорил про оленей, пони и моторы». О белых медведях — молчок.

Глава 13

ДЕЛОВОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

В экспедиции к Южному полюсу намечалось три отряда. Прежде всего береговой в составе девятерых человек под руководством Руала Амундсена, базой для которых должен был служить Фрамхейм — построенный на антарктическом побережье дом с надворными службами. Затем морской, которому предстояло, оставшись на «Фраме», проводить океанографические исследования в Атлантическом океане. Эта партия включала в себя десять человек под началом командира корабля, лейтенанта военно-морского флота Турвалла Нильсена. Наконец, третий экспедиционный отряд занимался делопроизводством в конторах Кристиании и ближайших окрестностей. В этой партии трудился один-единственный человек — двадцатый члена экспедиции по имени Леон Амундсен. Пока государственный корабль «Фрам» нес современных викингов по морям и океанам, их управделами бесплатно путешествовал по железным дорогам Норвегии «в качестве представителя экспедиции».

Обмен корреспонденцией между тремя отрядами был, прямо скажем, минимальный. Он ограничивался несколькими случаями: прибытием «Фрама» в Китовую бухту и отбытием из нее, а также редкими заходами в порты. Тем не менее все два года разлуки братья Амундсен — в особенности Леон — вели оживленную переписку друг с другом. Из-за немногочисленности okazji доставляемые с ними пачки писем оказывались внушительной толщины. В Христианию посылал рапорты и лейтенант Нильсен. Обстоятельства вынуждали руководителей трех партий быть готовыми к принятию самостоятельных решений.

«Надеюсь, вы хорошо провели Рождество... у нас оно, по обыкновению, прошло в тишине и спокойствии: мы никуда не ходили и гостей не принимали», — пишет Леон Руалу с наступлением нового, 1911 года. Разумеется, на борту «Фрама» праздник отметили со всеми возможными церемониями:

«Ради такого случая мы с лейт. Нильсеном украсили носовую кают-компанию, и получилось очень даже красиво. Всё кругом оформили сигнальными флажками, под потолком укрепили пышные гирлянды из папиросной бумаги — подарок госпожи Скроер. Еще убрали обычные лампы и развесили 16 красивых разноцветных фонариков (тоже подаренных). В пять часов всех пригласили на обед. Граммофон я поместил в своей каюте, о чем никто из гостей не был осведомлён. На стол поставили кружки с портретами короля и королевы, создававшие тем более праздничное настроение. От дневного света мы затворились, так что в кают-компании царил тьма: горели только цветные фонарики, отчего наше помещение напоминало волшебный дворец. На всем лежала печать торжественности».

Перед нами театроман в действии: Руал Амундсен как режиссер и художник-постановщик. У него особое чутье на световые эффекты. Принимая гостей в Ураниенборге, он в свое время давал точные указания прислуге, когда следует незаметно погасить лампы. Не были забыты и звуковые эффекты: «Как только все расселись, я включил граммофон и в кают-компанию ворвались слова гимна "Веселое, святое Рождество" в исполнении знаменитого датского оперного тенора Херольда. По этому случаю мало у кого не навернулись на глаза слезы».

В спектакле создавалась особая атмосфера, использовались элементы неожиданности, не говоря уже об усилении религиозного чувства за счет технических средств. А еще представление было совершенно необъяснимо — для всех, кроме его постановщика. Идеально! «Более торжественной и впечатляющей сцены я не припомню ни в одно Рождество».

На родине же, в зимней Норвегии, дела идут отнюдь не благостно. «Увы, общее настроение далеко от того, на которое мы рассчитывали: мало кто сочувствует испытанным тобою трудностям, тем более выказывает восторг в связи с изменением курса. Напротив... хотя побудительные причины твоего поступка как нельзя лучше явствуют из помещенного в газетах отчета, кругом царит недовольство. Разумеется, есть и исключения. Среди них назову прежде всего короля и затем Фритьофа Нансена — оба видят положение в правильном свете».

Леон отмечает, что «большинство представителей печати» проявило лояльность. Тем не менее есть основания для беспокойства: «В любом случае наблюдается раздражение среди тех, кто вложил в экспедицию деньги и, вероятно, раздражения не избежать также в стортинге, если дело будет обсуждаться там. Посему я уже теперь настоятельно не рекомендую тебе — даже при самом успешном исходе экспедиции — сразу возвращаться в Норвегию в ожидании чествований, ибо сейчас к ним никто не расположен. Впрочем, ясно, что в случае успеха настроение мгновенно переменится и тебя начнут превозносить до небес, но, по моему мнению, тогда

будет слишком поздно. До официального приема на родине тебе следует предпринять путешествие в северные широты».

Естественно, в первую (да и в последнюю) очередь христианского управделами тревожит состояние финансов: «Теперешнее положение немногим лучше — возможно, даже хуже, — чем было во время плавания на "Йоа"».

Одну из немногих попыток объяснить отсутствие восторга предприняла газета «Хюстен» («Побережье»), предшественница выходящего и ныне издания под названием «Норгес хандельсог шёфартстиденде» («Газета торговли и судоходства Норвегии»). Статья, озаглавленная «Руал Амундсен — жертва своих друзей», была опубликована на следующий день после сообщения о том, что он намерен покорить Южный полюс, и занимала почти всю первую полосу газеты.

В статье совершенно нет нападок на самого Амундсена — напротив, его называют «предметом безмерного восхищения». С тем большим пылом автор обрушивает поток критики на новоявленных «друзей» полярного путешественника, которые после его возвращения из Северо-Западного прохода «завладели им, подвергли изоляции и обособлению от других, осыпали дифирамбами и ограничили собственным узким кругом».

Доверчивого полярника нельзя винить в удручающем финансовом положении экспедиции и связанном с ним неудачном решении идти на юг. Путешественник оказался беспомощной жертвой дурного влияния: «В результате на г-на Амундсена возложили ответственность за поведение его новых "друзей". Люди склоняются к мнению, что им движет тщеславие первопроходца. Общественный интерес к нему снизился, популярность идет на убыль. Уже когда

он подавал в стортинг ходатайства о выделении средств, их принимали с прохладцей».

Хорошо осведомлённый автор утверждал, что истинными друзьями полярника следует считать тех, кто поддерживал его, прежде чем он стал знаменитым. Что касается материальных трудностей, они преследовали путешественника и в прошлый раз: «В его отсутствие они тяжким бременем ложились на плечи близких».

Всякий знавший о связях Руалова брата Густава с газетой «Хюстен» тотчас догадывался, кто стоит за анонимной статьей. Так Густав Амундсен начал фронтальное наступление на главного из «друзей» полярного путешественника, а именно на брата Леона, оттеснившего Густава от непосредственной близости к Руалу. Помимо управделами, Густав рассчитывал нанести удар по Александру Нансену — адвокату, который также отвечал за привлечение средств для экспедиции. Руал Амундсен не раз поручал адвокату улаживать свои финансовые дела с Ежиком, незадолго до отбытия «Фрама» пережившего позор банкротства.

В ту зиму между Густавом и Леоном возник острый конфликт из-за того, кому в отсутствие Руала жить в Ураниенборге. Разрешение противоречий пришлось в скором времени поручить адвокату, но прежде чем дело успело зайти столь далеко, Ежик порвал с младшим братом Леоном, направив тому шестнадцатистраничное письмо, полное затаенного разочарования и ненависти.

В обвинительном послании содержится ряд упреков личного характера — в частности, что Леон «использует» брата. Кроме того, углубляется аргументация, приводившаяся в «Хюстене»: «Наконец, я хотел бы высказать озабоченность Руалом и его судьбой. Основная ответственность за них ложится на плечи тех, кто стоял рядом с ним и оказался недостаточно зрелым для своей миссии. Рассчитывать

на иной результат их деятельности не приходилось. Руала отгородили от норвежского народа, который мог бы поддержать его: раньше он пользовался симпатией у простых людей, теперь же эта симпатия сведена на нет. По-моему, даже думать об этом безмерно грустно. На родину Руал вернулся другим человеком, так что его самого мне упрекнуть не в чем. Вся вина ложится на тех, кто был рядом и кому он доверял: эти господа просто-напросто не справились со своими обязанностями».

На долю Леона выпала самая неблагоприятная задача — улаживать частные дела полярного путешественника. Больше всего хлопот доставлял Ежик: «Можно только жалеть, что в этом человеке не появляется сколько-нибудь серьезности, дабы действовать совместно, как принято в других семьях. Нет, он все больше погрязает в денежных аферах и не останавливается перед поступками, чреватými уголовным наказанием».

Со старшим братом Тонни тоже не всё в порядке. Этот чересчур оптимистичный предприниматель разработал технологию получения сухого молока и, обосновавшись в юго-западной части Норвегии, наладил там его производство. Вскоре, однако, он утрачивает должность управляющего, и Леон вынужден признать, что «дела у Тонни в Ярене зашли в тупик».

Похоже, только у Бетти жизнь течет более или менее гладко. Но и ее благополучие целиком зависит от того, чем кончится авантюра с Южным полюсом.

7 февраля 1911 года, Фрамхейм. Руал Амундсен дописывает письмо Леону, которое пойдет на север с «Фрамом»: «11 января мы без помех достигли великого

Ледяного барьера. Можешь быть уверен, зрелище перед нами предстало незабываемое. Насколько хватало глаз, с востока на запад тянулась могучая ледяная стена высотой в 100 футов^[73]. На другой день мы обнаружили в этом массиве проход в большую бухту, где я заранее решил устроить зимовку. 14-го мы ошвартовались у кромки льда, чтобы изучить местность, и довольно скоро нашли подходящее место для базового лагеря».

Там норвежцы и ставят себе теплый дом в окружении четырнадцати просторных палаток. «А уж какие в нем живут добрые молодцы! Храбрее и милее восьмерки сопровождающих меня товарищей не сыскать в целом свете. Всё-то они делают с весельем и радостью, с шутками и прибаутками». Письма к Леону зачастую выдержаны в пропагандистском стиле, поскольку предназначаются для обнародования в газетах («только, пожалуйста, не от моего имени»).

Далее: «День 4 февраля преподнес нам сюрприз. Утром, придя на берег за провиантом, мы обнаружили у ледовой кромки не один корабль, а два. И тут же сообразили, что второе судно — "Терра нова". Скотта на борту не было». Во время этой случайной встречи полярных кораблей на краю огромного антарктического материка посторонним людям впервые представилась возможность познакомиться с достижениями амундсеновской экспедиции: «Они остались в высшей степени потрясены увиденным. Если пойдут разговоры о том, будто наш лагерь разбит на нетвердом основании, пусть это вас не тревожит. Мы устроились вполне надежно»^[74]. Что местоположение норвежского лагеря раскроют англичане, можно было считать очком в пользу Леона, в задачу которого входило постепенное выбрасывание на газетный рынок сведений о стратегии Руалового похода. Теперь новости о нем доставит «Терра нова».

Впрочем, это не единственная неожиданность для экспедиции, расходы на которую и так намного превышают выданные под нее кредиты. «Совершенно верно, — пишет первооткрыватель своему управделами, — я действительно вполтину прибавил жалованье всем остающимся на "Фраме". Я счел это справедливым, поскольку они будут лишены интереснейшего путешествия, которое ожидает нас, остальных». Честолюбивому человеку приходится время от времени быть выше финансовой реальности: «Не знаю, позволяет ли подобные вольности экспедиционная казна, но ей так или иначе предстоит подвергнуться сему испытанию». Разделение труда между братьями очевидно: Руал берет на себя Южный полюс, Леон — все прочие дела. «Ты лучше разбираешься в том, что следует предпринять, а потому сумеешь всё уладить наивыгоднейшим образом».

Прежде чем завершить письмо, полярник упоминает о ближайших планах по созданию складов и под конец затрагивает самый больной вопрос: «В случае, если Нансен еще интересуется нашим предприятием, расскажи про склады. Я хотел сам написать ему, но настолько не уверен, как он воспринимает всю эту историю, что лучше воздержусь. Передай привет и скажи, что я не выбрал минутки для письма, потому как тружусь не покладая рук». Если энтузиазм профессора в отношении экспедиции угас, путешественник рассчитывает на поддержку остального человечества: «Мне кажется, при теперешнем положении вещей состязание за победу над полюсом должно быть интересно всему миру».

Он прав: весть из ледяной пустыни о том, что в покорении Южного полюса будут участвовать две экспедиции, накаляет страсти в цивилизованных краях. Как докладывает брату Леон, «в Англии новость была воспринята со смешанными чувствами, на родине же она способствовала мгновенной смене настроения». Наконец-то у норвежцев проснулся их соревновательный инстинкт. Соперники в Антарктиде и в средствах массовой информации приготовились к старту. Борьба ведется на разных фронтах — в чистом поле и в печати, на собственной территории и на территории противника. «Осмелюсь заявить, что с нашей стороны кампания велась крайне дипломатично и теперь даже в английских изданиях признают: ни о каком нечестном состязании не может быть и речи. Этим мы в значительной степени обязаны высказываниям Нансена, особенно его статье в "Тайме"».

Леон констатирует перемену настроения: «...теперь каждое из государств приняло сторону своего соотечественника». В кои-то веки начинается и приток капитала: «Первые известия столь живительно воздействовали на англичан, что они стали собирать деньги, недостающие Скотту; затем это поветрие перекинулось сюда, в результате чего теперь и у нас занялись тем же, т. е. сбором средств для похода "Фрама" к Северному полюсу».

Леон прощупывает почву, нельзя ли объявить о сборе пожертвований в масштабах всей Норвегии. У него налажена связь с такими ключевыми фигурами, как братья Нансен, известный спонсор полярных экспедиций Аксель Хейберг и Херман Гаде, из которых «последний с удовольствием возьмется за это дело».

Пока Руал Амундсен будет покорять новые земли в Антарктике, его лучший друг Херман Гаде совершит не менее героическую попытку закрепить себя на

родине. Перед самым отплытием «Фрама» из Норвегии Руал добился от министра иностранных дел Иргенса согласия взять Гаде на дипломатическую службу. Более того, уговорил министра сделать Джона Гаде, Херманова брата и одного из главных финансовых благодетелей экспедиции, рыцарем ордена Святого Олава^[75].

Пристроить склонного к свободомыслию американского предпринимателя на поприще скандинавской дипломатии оказалось отнюдь не просто. У Хермана Гаде быстро возникли непримиримые разногласия с правительством и стортингом, и Леон сообщает брату: «...наметившаяся было дипломатическая карьера приостановлена и куда зашли дела Хермана с Иргенсом, неясно».

Леону также поручили сохранять наилучшие отношения с семейством Нансен. Фактически речь шла прежде всего об Александре. Правда, между управделами и адвокатом иногда возникают трения из-за нечеткого распределения обязанностей, однако к добрым вестям из южных широт прислушиваются многие: «Алекс тоже, можно сказать, преобразился с тех пор, как получены известия от тебя, и очень даже вовремя, поскольку он давно был в расстроенных чувствах. Постараюсь проявлять к нему возможно больше терпимости, ибо подобная тактика явно предпочтительнее».

И все же наипервейшая из стоящих перед Леоном задач — воплощать переход через ледовый континент в кроны и эре. «Это совсем не просто — добиваться наибольшей отдачи от столь необычайного предприятия, но я буду извлекать из него все, что только можно, в надежде на твое возвращение с победой». Любая телеграмма, статья, книга и лекция будут стоить разные деньги в зависимости от

результата похода, в зависимости от того, покорится или не покорится Руалу Южный полюс. 5 июня 1911 года, в канун Троицына дня, Леон Амундсен едет в Лондон. Борьба за общественное мнение будет происходить прежде всего там; там же следует подписывать договоры и обеспечивать потенциальный приток средств. В имперской столице, на территории противника, братья Амундсен обретут нового, неожиданного для себя союзника.

Леон посещает в Лондоне давнего импресарио Фритьофа Нансена, Кристи, и они обсуждают дела брата. Вскоре в разговоре всплывает имя еще одного полярного путешественника: «Мы вспомнили Шеклтона, и Кристи посоветовал мне навестить его, к чему я, по правде сказать, не был склонен. Тогда Кристи сам позвонил по телефону Ш., и он без малейших колебаний сказал, что хочет побеседовать со мной. Я тотчас отправился к нему, где познакомился и с самим Шеклтоном, и с его бывшим капитаном Дейвисом, которому предстоит вести корабль австралийской экспедиции под руководством д-ра Моусона на мыс Адэр... Позже объявился также д-р Моусон. В свое время они очень нападали на тебя в газетах, теперь же, к моему вящему удивлению, тон их совершенно переменялся и все присутствующие держали твою сторону против Скотта. У Шеклтона чувствуется досада на Скотта и зависть к его походу на юг. Этот Скотт, стоило Шеклтону вернуться из путешествия, когда тот еще не успел прийти в себя, решил предпринять собственную экспедицию, об участии в которой Шеклтон при создавшихся обстоятельствах не мог и помыслить. (Кстати, Кристи утверждает, будто Ш. тогда заявил, что не намерен более идти на юг.) Как бы то ни было, Шеклтон рвет и мечет, а потому предоставил себя в мое распоряжение, обещав снабжать новейшими сведениями и принимать всяческие меры (разумеется, в

строгой тайне от всех, поскольку официально он может лишь поддерживать Скотта). Кап, Дейвис также выразил пожелание, чтобы ты обогнал Скотта; в его случае это объясняется тем, что Скотт, несмотря на предварительную договоренность с д-ром Моусоном, собирается высадиться на сушу в другом месте. Можно сказать, обстоятельства складываются для тебя в Англии весьма благоприятно, так как Шеклтон пользуется тут большим влиянием: поместив всего один призыв в "Дейли мейл", он за четыре дня собрал для экспедиции Моусона почти 12 тысяч фунтов, а еще у него есть масса сподвижников, которые выступают за него против Скотта».

Сразу по возвращении в Норвегию Леон связывается с министром иностранных дел Юханнесом Иргенсом: «Он остался весьма доволен моим рассказом про Ш. Сам И. как раз едет в Англию, где будет представлять нашего короля во время коронации, и хочет пригласить Ш. на обед для беседы с ним». (Под коронацией имеется в виду вступление на престол брата норвежской королевы Мод Георга V, унаследовавшего английский трон после смерти Эдуарда VII.) Таким образом, Леону удалось наладить весьма щекотливый в дипломатическом отношении контакт между норвежским министром иностранных дел и английским героем сэром Эрнестом Шеклтоном. На всякий случай не мешало бы наградить того орденом: «...дабы окончательно заручиться поддержкой Ш.».

Едва ли Руал Амундсен взвесил международные последствия вызова, брошенного им английскому морскому офицеру. Заботиться о том, чтобы состязание не нанесло ущерб отношениям между великими державами, пришлось политикам. Как-никак, речь шла о покорении целого материка, седьмой части света.

Что касается остальных членов Королевского географического общества, они отнеслись к

Амундсенову изменению планов со смешанными чувствами. «...Маркем настроен крайне отрицательно (но его считают пустозвоном), Скотт-Келти чуть ли не в нервическом припадке (Ш. не советовал мне заезжать к нему), зато президент общества вполне доволен и рассуждает: "Let the best man win"^[76]». В целом поездка еще более укрепила Леона в мысли о «необычности» такого предприятия, как поход к Южному полюсу: «Поскольку речь идет о двух экспедициях, возникает слишком много альтернатив. Например, первой доберется до полюса либо одна, либо другая... или одна достигнет цели, а вторая нет... или это не удастся ни той ни другой... так что должен сказать, предприятие настолько усложнилось, что в нем едва ли кто-нибудь разберется, пусть даже примерно».

Глава 14

ДЕНЕЖНЫЙ ТУЗ

Весной 1911 года самую животрепещущую проблему для управделами представляет собой «Фрам». Покинув Китовую бухту, корабль прибывает в столицу Аргентины, откуда, согласно планам, должен отправиться в океанографическую экспедицию по южной Атлантике. Собственно говоря, подобное использование полярного судна в научных целях не имеет ничего общего с походом к Южному полюсу. Экспедиция предпринимается исключительно в виде алиби и чтобы задобрить обитателя люсакерской башни.

Что задание не числилось среди приоритетных у руководства экспедицией, подтверждается письмом от 9 мая, направленным лейтенантом Нильсеном Леону Амундсену: «Когда мы прощались с начальником, он сказал, что к нашему приходу в Буэнос-Айрес там все будет готово, а дел тут намечалось невпроворот, как с кораблем, так и всяких прочих. Сразу по прибытии я посетил норвежского посланника и дона Педро Кристбферсена, которые прежде всего спросили, есть у меня письмо от начальника, чего я им предъявить не мог. Ни тот ни другой не дали ни гроша, и, чтобы заплатить за ночевку в гостинице, мне пришлось разжиться деньгами у норвежского торговца провиантом». Капитан «Фрама» оказался в незавидном положении: у него не было средств ни на жалованье команде, ни на уплату портовых сборов, ни на закупку провизии, которой оставалось на борту всего десять ящиков.

За какую-нибудь неделю до выхода из Кристиансанна Руал Амундсен получил телеграфное

сообщение от министра иностранных дел по поводу сказочно богатого землевладельца дон Педро Кристоферсена. Этот стареющий аргентинец норвежского происхождения вызвался снабдить экспедицию при ее заходе в Монтевидео всем необходимым. Теперь стало очевидно, что дон Педро, видимо, не одобряет изменения Амундсеном курса и что рассчитывать на снабжение в Латинской Америке не приходится. Не только океанографическая экспедиция, но и сам «Фрам», от которого зависело возвращение путешественников с Южного полюса, рисковали потерпеть финансовый крах.

Надеяться, что спасение придет по официальным каналам, было нельзя. Леон еще в январе выяснил у министра иностранных дел, что ожидать выделения дополнительных средств не стоит. Если поднять вопрос в стортинге, то, по словам Леона, «со всех сторон обрушится такой поток критики, что это скорее повредит делу; высказываются даже опасения, что в случае ассигнования средств они будут предназначены исключительно для немедленного возвращения "Фрама" на родину и постановления его на прикол».

К этому времени дон Педро Кристоферсен не был лично знаком с Руал ом Амундсеном. Да и в будущем им представлялось крайне мало возможностей для встреч. Тем не менее дону Педро с его богатством и неизбывной щедростью предстояло стать одним из столпов, на которых зиждилась вся дальнейшая карьера полярного исследователя.

Петер Кристоферсен, как его звали поначалу, родился в 1845 году и в юном возрасте эмигрировал в Аргентину. Он занимался судоперевозками, но главное

— сумел благодаря двум удачным бракам стать крупным землевладельцем. Руал Амундсен должен был испытывать по отношению к знатному помещику примерно такие же чувства, как нищий художник по отношению к меценату-королю.

В многочисленных письмах сему распорядителю земными благами полярный путешественник нередко выражался в панегирическом стиле, на манер придворных поэтов прошлых веков: «В обыденной жизни мы столь часто сталкиваемся со скверной и подлостью, что они фактически сводят на нет то немногое, что есть на свете хорошего и доброго». А вот как начинается Руал Амундсен свои обращенные к благодетелю рассуждения зимой 1913 года: «Меня не раз одолевал соблазн взять на вооружение теорию, согласно которой человечество состоит из дурных, безответственных созданий, не желающих никому ничего хорошего. Но когда мне кажется, что я уже дошел до этой точки и всё вокруг окутано туманом равнодушия, холода и беспросветности, тут (слава Тебе, Господи) проглядывает солнышко и появляетесь Вы — неизменно достойный и благородный, и я могу лишь возблагодарить Бога за то, что Вы встретились на моем пути».

Как и во многих других сходных отношениях, речь идет о товарообмене: обмене золота — на внешний блеск, чистогана — на ответ славы от имени и подвигов Руала Амундсена, что должно было выразиться в официальных наградах и названных в честь покровителя горных вершинах. Всё это, однако, не исключало и более бескорыстных чувств, особенно со стороны полярника: «...Вы говорите о списании долгов в обмен на дружбу. Прошу и заклинаю Вас — никогда не лишайте меня своей дружбы, позвольте мне сохранить ее навсегда, даже если между нами не останется невыплаченных долгов». В сочетании со вполне

понятным расчетом солнцеликий богач вызывает у Амундсена некую средневековую потребность служить великому аристократу-повелителю, пусть даже страдая под его игом: «Благодарю Вас и намерен выказывать Вам свою глубочайшую признательность, пока в моих жилах течет хоть капля крови... мне никогда не отдать Вам должное за все Ваши деяния». По своей едва ли не детской униженной почтительности это напоминает преданность юного Амундсена к Фритьофу Нансену. В отличие от взаимоотношений с Нансеном, которым предстоит рано или поздно испортиться из-за конфликта интересов, отношения с доном Педро на протяжении всех лет будут строиться весьма прямолинейно: один поставлял деньги, другой — славу.

Как и у гораздо более младшего Хермана Гаде, у дона Педро было два брата, которых также привлекли к делам Руала Амундсена. Если братья Гаде представляли полярного путешественника в северном полушарии, то седобородые братья Кристоферсен стали представлять его в Южной Америке. В обеих семьях основой их благополучия была не только экономика, но и дипломатия.

Серен Андреас, который был младше дона Педро на три года, тоже жил в Буэнос-Айресе. С 1906 года он был норвежским посланником в Аргентине, Парагвае и Уругвае. Второй брат, пожилой дипломат и политик Вильхельм Кристофер Кристоферсен, жил в Норвегии. Этот холеный господин родился в 1832 году и был всего неделей моложе Бьёрнстьерне Бьёрнсона, тем не менее с 1908 по 1910 год он занимал пост министра иностранных дел в «левом» правительстве Гуннара Кнудсена. Интерес Вильхельма к покорению новых земель в Антарктике не был связан с его официальной деятельностью: он лишь служил связующим звеном между остававшимися в Аргентине братьями и новым руководством министерства иностранных дел в

Норвегии. Кроме того, с ним поддерживал постоянный контакт Леон Амундсен.

После двух мучительных недель на рейде Буэнос-Айреса дон Педро решил наконец раскошелиться и предоставить экспедиции возможность посвятить себя исследованиям морей. Лейтенант Нильсен мог вздохнуть с облегчением, хотя и опасался возникновения новых непредвиденных обстоятельств: «Не в каждой гавани найдется такой дон Педро».

Если по приходе в Южную Америку — без денег и каких-либо гарантий — Турвалл Нильсен почувствовал себя брошенным на произвол судьбы, то в отношении океанографических исследований нашелся по крайней мере один человек, которому и они, и Нильсен были безразличны. Юный капитан «Фрама» был очень рад, получив письмо от самого Фритьофа Нансена. Профессор напирал на важность поставленной перед капитаном задачи: «Было бы великолепно, если бы норвежцы и тут сумели продемонстрировать свое превосходство перед другими. К тому же Ваша экспедиция докажет всему свету, что поход "Фрама" носит не только спортивный характер, как это пытаются утверждать некоторые, а представляет собой серьезное научное предприятие, к которому следует относиться с должным уважением».

Впоследствии профессор Нансен останется весьма доволен результатами океанографических изысканий, проведенных в южной части Атлантического океана. Главным исследователем на борту «Фрама» был отнюдь не норвежец, а талантливый русский по имени Александр Кучин^[77]. О том, что занятиям наукой не придавалось в экспедиции какого-либо значения,

свидетельствует жалование в 60 крон, за которое трудился Кучин, — почти самое низкое из всех членов команды.

Летом, когда «Фрам» уже снова вышел в море, Леон получил письмо из Аргентины, в котором дон Педро объясняет проявленную им щедрость. Оказалось, что землевладелец воспринял изменение Амундсеном курса совершенно иначе, чем ограниченные норвежские меценаты. Новый план показался ему «самой удачной идеей этого необыкновенного, гениального человека».

Как истинный джентльмен, дон Педро не видит оснований жалеть о том, что на него свалилось все бремя расходов по дальнейшему снаряжению «Фрама»: «Мне выпал счастливый случай, благодаря которому я не просто частично финансирую поход, что предполагалось ранее, а должен был целиком взять на себя спасение государственного корабля из весьма неприятного положения, когда судно очутилось у наших берегов без средств к существованию, так что теперь капитан Нильсен сможет полностью выполнить намеченную руководителем программу, и сделать это за относительную меньшую сумму». Право, Большой крест Святого Олава редко присуждался столь заслуженно.

Дон Педро оказался бесценной находкой, золотым прииском среди аргентинских степей. В расчетливой голове Леона мгновенно возникла идея долгосрочного сотрудничества. Он посоветовал брату как можно скорее «лично познакомиться с доном Педро — у него очень милые дети (взрослый сын и дочь), и я убежден, что он и далее сумеет в случае необходимости оказывать тебе помощь». И все же Леон посчитал своевременным присовокупить к этому отчасти деловому, отчасти личному призыву предупреждение: «Не забывай об одном: аккуратно записывать, сколько ты получил от него денег, — будучи предпринимателем,

он это оценит». На мгновение представив себе брата, Леон добавляет: «Можешь попросить об этом Нильсена, у которого имеется опыт таких занятий». Вычислить, какую сумму потратил дон Педро, было затруднительно, поскольку он просто-напросто взял на себя оплату всех связанных с «Фрамом» расходов.

По возвращении из Атлантики именно Турваллу Нильсену приходится стать связующим звеном с семейством Кристоферсен. Вскоре у лейтенанта не остается сомнений в том, что дон Педро будет финансировать поход и на Южный, и на Северный полюс: «Надо сказать, это один из милейших и добрейших людей, которые мне только встречались в жизни; впрочем, мне кажется, не последнюю роль в развитии событий сыграл и рыцарский крест. Возможно, он не слишком потешил тщеславие самого дона Педро, но уж точно оказал такое воздействие на его супругу. Я слышал, что аргентинцы падки до почестей вроде орденов и проч., а его жена, как известно, президентская дочка и вообще принадлежит к одному из самых знатных семейств страны. Во всяком случае, когда я впервые посетил д. Педро (2 сент.), и его супруга, и дочь были совершенно очаровательны. Впрочем, не исключаю, что я навоображал себе все это, а потому пусть последнее останется между нами». Да уж, простой лейтенант мог навоображать себе Бог знает чего в отношении и матери, и дочери.

Как выяснилось, средства можно изыскать не только в аргентинских краях: у полярного путешественника находится высокий покровитель и в северных широтах. 28 июня Леон сообщает, что — пока неофициально — хочет давать деньги король Хокон: он

предложил выплачивать по пять тысяч крон за каждый год задержки, вызванной дополнительным походом на юг. «Этот дар крайне приятен не только крупностью суммы, но и тем, что король таким образом выразил одобрение перемене планов да еще подал хороший пример, которому непременно последуют».

Через неделю Леону Амундсену назначают аудиенцию во дворце: «Король был весьма любезен и продержал меня целых три четверти часа». Хотя участники встречи не причисляют себя к полярникам, оба живо следят за развитием событий в Антарктике. Во время аудиенции Его величество высказывает мнение, что американец Пири, хоть он и адмирал, никак не мог побывать в самой северной точке земного шара. Посему король Хокон тоже считает, что Руалу Амундсену следует вернуться на родину «только после похода к Северному полюсу».

Как организатору потенциальных телеграмм в связи с покорением Южного полюса Леону весьма пригодится этот разговор с монархом. В силу обстоятельств их необычайное предприятие разыгрывается на довольно высоком уровне: «Само собой разумеется, англичане завидуют нам, а французы держат их сторону (из политических соображений), немцы же всецело поглощены Фильхнером. [В 1911 году Вильгельм Фильхнер отправился на корабле "Дойчланд" к берегам Антарктиды. — *Т. Б.-Л.*] Я надеялся заинтересовать американцев, и, возможно, мне это удастся».

Примерно 1 сентября 1911 года Леон заканчивает письмо к брату, которое «Фрам» должен доставить тому из Буэнос-Айреса: «Здесь уже наступает осень, но для тебя это означает начало весны, так что нынешняя смена сезона грустна менее обычного. Я знаю, что теперь ты предпримешь основной бросок на юг, и буду мысленно следовать за тобой каждый день твоего долгого и опасного пути».

Глава 15

ГЕРОЙСКИЙ ПОСТУПОК

Фрамхейм (или «Дом "Фрама"») стал самым обширным из временных пристанищ, которые Руал Амундсен когда-либо устраивал в необитаемых краях. Как и гавань «Йоа», лагерь был назван в честь корабля, доставившего участников похода туда, куда нельзя было попасть регулярными морскими рейсами.

Если отвлечься от хитроумной конструкции сборного дома, который вскоре был завален снегом, островерхие палатки для собак и провианта придавали лагерю сходство с индейской резервацией. Помимо этого, во Фрамхейме было значительное число «подснежных» помещений. Выкопанные в снегу мастерские, баня и кладовые давали обитателям Фрамхейма дополнительное пространство, столь необходимое, чтобы снимать напряжение полярной ночи.

На всем континенте не жило ни одного туземца, который бы отвлекал путешественников от забот и помогал развеять мысли. Только горстка англичан, время от времени приходивших в гости. Постепенно они стали наведываться все чаще и чаще... во сне.

Норвежцев было девятеро. Каждого отобрал сам Амундсен (хотя нельзя сказать, что все они были ему по душе). Лейтенант Кристиан Преструд официально считался заместителем начальника, однако у него не было ни малейшего опыта полярных экспедиций. Зато он, подобно большинству лейтенантов военно-морского флота, выглядел презентабельно и умел довольно неплохо сочинять стихи. Впрочем, Преструд был не единственным из девятерых, кто еще как следует не нюхал снега и льда. Руал прихватил с собой и жителя

родного Свартсуга — Йоргена Стубберуда, сноровистого и простодушного крестьянина, издавна выполнявшего для полярного путешественника разные плотницкие работы. Стубберуд был также изрядным метателем стрел.

Не успел еще раскрыть свои таланты полярника и сорокалетний Оскар Вистинг, которого взяли с верфи в Хортене. Амундсену сразу приглянулся этот скромный, коренастый артиллерийский офицер. Хотя и Вистинг, и Амундсен предпочли спальные мешки на одного, а не на двоих, хортенец быстро почувствовал, что как нельзя лучше соответствует требованиям начальника. Вистинг не обладал даром слова или мысли, не был великим мечтателем, грезившим о покорении полюса, но он был практичен, упорен, разносторонен — и предан, как целая свора виляющих хвостами гренландских лаек.

Со временем руководитель начал ставить Оскара Вистинга в пример другим, считая, что на него следует равняться всему экипажу, всем участникам похода, всем подчиненным. Расположение было взаимным: «Я провел рядом с капитаном Амундсеном столько лет, потому что проникся к нему необыкновенной приязнью. Я и помыслить не мог о переходе от него к другому». Это признание в любви Вистинг выскажет, когда их разлучит смерть. Только с ней окончатся их совместные труды.

Оспаривать у Вистинга должность заместителя Начальника мог лишь Хельмер Ханссен. После экспедиции на «Йоа» он обрел вкус к полярной жизни с ее потом и кровью, приключениями и сиянием славы. Капитан Амундсен по прошлому опыту знал, чего стоит Ханссен. И у того уже наметан глаз, как лучше угодить Начальнику. Он может превзойти Вистинга в ревностной преданности. Правда, уроженец Тромсё не отличается благоразумием. Если Вистинг был родом из привычного к порядку «военно-морского» Хортена, в

Ханссене текла кровь тех, кто бороздил Северный Ледовитый океан. Он был склонен к своеволию и не всегда воздержан на язык.

Для Адольфа Хенрика Линдстрёма это третья большая экспедиция в полярные широты. Он, можно сказать, участвует в экспедиции и в то же время не участвует в ней. Повар и затейник Линдстрём находится в гуще событий — и стоит особняком. Он незаменим, но живет собственной жизнью, в которой практическая сметливость сочетается с душевной простотой. Не будь у него усов, он бы напоминал добросердечную рыночную торговку. Участники экспедиции на «Йоа» звали его «мадам Л арсен». В походе он исполняет роль гадалки и предпочитает разложить пасьянс, чем соревноваться в метании стрел. Его излюбленное присловье: «Что в лоб, что по лбу». Такой человек не мог не прийтись по сердцу Начальнику. «Веселый, легковёрный, упитанный и старательный, — так обобщает он в дневнике наиболее выдающиеся качества Линдстрёма. — Полярные широты еще не видели никого лучше его».

Руал Амундсен всегда готов признать достоинства таких, как Линдстрём, — простых душ, свято исполняющих свой долг. «Он оказал норвежским полярным экспедициям больше услуг (и услуг более ценных), чем кто-либо другой из их участников. Да поймут это наконец норвежские крестьяне (надо же вечно зависеть от подобного сброда)!» — пишет он в дневнике. Когда Амундсен заводит речь о норвежских крестьянах, он обычно имеет в виду большинство заседающих в стортинге — безымянную, консервативно настроенную толпу, на которую невозможно найти управу. У Линдстрёма было верное сердце, стоившее дороже всех предательских голов в мире.

Из трех оставшихся обитателей Фрамхейма каждый занимает по отношению к Руалу Амундсену

собственное, относительно независимое положение: на них не распространяется самодержавная власть Начальника. В первый и последний раз участвует в полярной экспедиции уроженец долины Моргедал Улав Бьоланн. С этим спортсменом-лыжником Амундсен познакомился в поезде и тут же пригласил его в ледовый поход. Такой поступок был скорее в нансеновском духе. После того как в 1868 году крестьянские парни из Телемарка начали обучать столичную публику искусству бега на лыжах, название этой провинции и тем более расположенной в ней Моргедалской долины приобрело особое, магическое звучание. В свое время Фритьоф Нансен, дабы подчеркнуть успехи норвежцев в этом национальном виде спорта, рассчитывал взять в лыжный поход по Гренландии земляков Бьоланна, братьев Хеммествейт.

Руал Амундсен меньше вдавался в подобные тонкости. Но если этот телемаркский парень попался ему на железнодорожном пути, почему бы не взять и его? Бьоланн не только завоевал Кубок короля в соревнованиях на Холменколлене, он еще был превосходным мастером по изготовлению лыж. Кроме всего прочего, Бьоланн достался Амундсену по дешевке. Этот участник экспедиции «без определенной должности» согласился на месячное жалованье в 70 крон. Впоследствии Руалу Амундсену придется дорого заплатить за уроженца Моргедала — в самом буквальном смысле дороже, чем за всех других.

Второй телемаркец, Ялмар Юхансен, тоже превосходно ходил на лыжах, но — в отличие от Бьоланна — умел управляться с собаками. По опыту ледовых походов он вполне мог соперничать с Начальником. Несмотря на кроткий и терпеливый характер, Юхансен не останавливался перед принятием серьезных решений. Юхансен уже сжег за собой не один мост, например, ушел с военной службы и от

жены. Судя по всему, Ялмар Юхансен жалел и о том, и о другом. Он катился по наклонной плоскости. Южный полюс мог стать для него поворотным пунктом — или конечной станцией.

Если Фритъоф Нансен был представлен во Фрамхейме Ялмаром Юхансеном, то Отго Свердрупа представлял Сверре Хассель. Помимо него и Линдстрёма, в морской части похода принимал участие еще один представитель Свердрупа, Якоб Нёдтведт, однако он сошел на берег в Буэнос-Айресе. Нёдтведту с самого начала не понравилось в этом третьем плавании «Фрама». Надо сказать, что Амундсен пытался заполучить в экспедицию и близкого сподвижника Свердрупа, Ивара Фосхейма, но это ему не удалось.

Если судить по жалованью, Хассель был наиболее ценным членом берегового отряда. лейтенант Преструд с капитаном Юхансеном довольствовались сотней крон в месяц, тогда как Хассель в качестве шкипера «Фрама» получал 150 крон. Сверре Хассель не только четыре года проплавал с капитаном Свердрупом; за его плечами было два года службы в военно-морском флоте и экзамены на шкипера и штурмана. Вместе с Юхансеном он был лучшим в экспедиции знатоком собак.

Сверре Хассель сделал ставку на таможенную карьеру. Да, он ценил приключения, но считал, что никакой азартный полярник не сумеет сбить с курса благоразумного государственного служащего. Он вовсе не собирался на Северный полюс, думал пройти с «Фрамом» только часть пути, чтобы приглядеть за собаками. Когда Амундсен перед приходом в Мадейру решил сообщить Хасселю (единственному из низших чинов) об изменении планов, таможенник выговорил себе день на раздумья и лишь потом согласился. Помимо Начальника, Сверре Хассель был во Фрамхейме

самой сильной и склонной к размышлениям личностью. Он вел дневник.

Не успел «Фрам» достичь своего нового места назначения, а у Хасселя уже сложилось собственное мнение о руководителе третьей экспедиции «Фрама»: «Похоже, г-ну А. не свойственны та тактичность и то самообладание, которые я назвал бы одними из лучших качеств Свердруп». Вскоре Хассель начинает ловить на себе косые взгляды нового начальника, объясняя их дерзкими финансовыми требованиями, с которыми пришлось согласиться Амундсену, дабы залучить к себе человека, имеющего опыт обращения с ездовыми собаками. Тем более удивляет Хасселя, что с его мнением как специалиста по лайкам на борту «Фрама» совершенно не считаются.

Собственные соображения есть и у Ялмара Юхансена, но не о начальнике, а о собаках: «Если хочешь иметь дело с собаками и получать от них наибольшую отдачу, нужно в обращении с ними исходить из того, что они по меньшей мере не глупее тебя самого. Этим следует руководствоваться, когда начнется жизнь в ледовой обстановке и поездки с упряжками. Если проявить неосторожность и, например, отхлестать какую-нибудь собаку не вовремя, когда она не поймет, за что ее наказывают, с такой лайкой непременно возникнут проблемы во время движения. А стоит ей улучшить момент и вырваться на волю, заставить ее вернуться к саням будет нелегко. По-моему, у этих животных сильно развито чувство справедливости».

Значительно позднее Юхансен отметит, что упряжка Начальника «разбежалась кто куда из-за его халатности и неразумного обращения». Возможно, в меньшей степени, чем в походе на «Йоа», но обращение с четвероногими участниками экспедиции сыграет свою

роль в отношениях между руководителем и кое-кем из подчиненных.

В отличие от Юхансена Сверре Хассель рано занимает по отношению к Начальнику намеренно безучастную, отстраненную позицию. Еще на борту «Фрама» он решает, что у него нет ни малейшей надежды войти в состав группы, которая, собственно, и пойдет к Южному полюсу. Смирившийся с этой мыслью государственный служащий вырабатывает для себя стратегию с прицелом на послеэкспедиционную жизнь. «Я хотел бы по мере своих сил принимать всё крайне терпеливо и вести себя так, чтобы потом ни о чем не жалеть». Сверре Хассель еще до прихода в Антарктику понимает, что столкновение с Амундсеном почти неизбежно (оно заложено в картах, сданных ему Начальником), поэтому решает держаться как можно дальше от руководителя экспедиции. Это оказывается отнюдь не просто.

7 июня 1911 года в Китовой бухте большой праздник. 17 мая отмечали более скромно — как день рождения Линдстрёма. «Амундсен не захотел справлять его как национальный праздник, предпочтя для этого 7 июня», — записано в дневнике Хасселя. Помимо всего прочего, в этот день исполняется год со времени выхода «Фрама» из Бунне-фьорда.

Фрамхейм украшен портретами короля и флажками. На обед подают четыре блюда. Под конец встает Ялмар Юхансен и предлагает выпить за здоровье начальника экспедиции. «Ничто не создает в походе такого воодушевления, как разумное, твердое и мудрое руководство, — пересказывает здравицу Хассель. — Преструд провозгласил тост за морской отряд».

8 Антарктике лето и зима перепутались. В Иванов день, 23 июня, поступает распоряжение вскрыть рождественские подарки. Начальник подстраивается под здешнее время года, а все праздники зависят исключительно от него.

В экспедиции царит полная, почти необъяснимая идиллия. «Никаких разногласий, ни одной кислой физиономии, всё совершенно идеально, — пишет об этом райском блаженстве Руал Амундсен. — Только неустанный труд в дружеской компании, проникнутой духом самоотдачи и безоговорочного доверия друг к другу во имя достижения общей цели».

Всё под контролем. Всё... кроме англичан и быстро текущего времени. Когда выходит Скотт? Выходит? Скотт не пойдет пешком, а вкатит на барьер за рулем своего автомобиля на гусеничном ходу. Как вкатывает на плоскогорье поезд Бергенской железной дороги. Скотту даже не нужно ждать потепления. Что там писал этот чудаки из Бё? Моторные сани с печкой? Техника сейчас развивается с потрясающей быстротой. Кто знает, куда уже добрались англичане? Помнится, инженер Мартене поехал для опробования своих моторных саней именно в Англию...

Норвежцы соблюдают собственный график. До наступления зимы им удастся разместить вдоль будущего маршрута несколько складов. Правда, Начальник некоторое время проболел. Его мучили кровотечения из прямой кишки — последствия травмы, полученной в походе на «Йоа». Он даже не участвовал в сооружении последнего склада, поручив руководство вылазкой Юхансену: «Он старше всех и наиболее опытный».

Но вот Амундсен выздоравливает. Собаки откормлены, снаряжение подготовлено. Всё идет по намеченному графику. А как дела у англичан? Какой график соблюдает капитан Скотт?

Руал Амундсен решает выступить раньше срока. Всё готово. Всё... кроме погоды. Весна заставляет себя ждать. Наконец 8 сентября Начальник не хочет больше ждать. Они выходят. Восемь человек с двумя палатками и несметным количеством собак. Температура держится около минус 30. Амундсену кажется, что выкрашенные черной краской ящики с провиантом напоминают гробы. Вскоре заметно холодает.

Вечером 12 сентября полярникам требуется горячительное. Бутылка джина лопнула от мороза. Тогда решено открыть водку. Закоченевшие участники похода собираются вокруг промерзшей бутылки «Люсхолмской». Надо согреться, ночью Амундсен предсказывает минус 60.

Возле склада на 80° южной широты они разгружают гробики — и поворачивают в обратный путь. Начальник сделал выбор между временным отступлением и провалом. Утром 16 сентября им остается покрыть до Фрамхейма 75 километров. Хансен и Стубберуд отморозили себе пятки, однако в самой плохой форме Преструд. Лейтенант спит в одном мешке с Юхансеном и ночью греет не хуже, чем когда-то Нансен, но днем пользы от него куда меньше. Его упряжка разбежалась, и он здорово поморозился. На последнем этапе Преструда подвезли выдохшиеся собаки Юхансена.

Раньше всех — в четыре часа — до базы добрались Хансен, Вистинг и сам Начальник. Руал Амундсен сидел на санях Вистинга. Если рассматривать прерванный поход как кораблекрушение, картинка получается малопривлекательная: капитан спасается первым. Рассуждая цинично, три наиболее ценных участника экспедиции достигают Фрамхейма в добром здравии. Если с Вистингом и Хансеном все

благополучно, Амундсен может предпринять новую попытку. Итак, экспедиция спасена.

Спустя два часа прибыли Бьоланн (в добром здравии) и Стубберуд (с отмороженными пятками), а затем Хассель (тоже с отмороженной ногой). В час ночи на базу дошла последняя упряжка, с Юхансеном и Преструдом. «И где только она замешкалась!» — удивляется Амундсен в книге «Южный полюс». К этому времени он прекрасно знал, что задержало Юхансена и Преструда. За этим его вздохом сожаления скрывается самый драматичный эпизод экспедиции к Южному полюсу, ее единственный настоящий подвиг.

Собаки не могли больше тащить Преструда, и лейтенанту пришлось ковылять на своих двоих. Но Ялмар Юхансен час за часом ждал товарища в заледенелой пустыне. Сначала он нагнал Хасселя. (Впоследствии эта встреча сослужит Юхансену хорошую службу, поскольку у него окажется свидетель.) Хассель дал Ялмару палатку, однако у того не было примуса и почти не было еды. Тем не менее он, невзирая на мороз, голод и темноту, дождался лейтенанта и привез его на базу. Ялмар Юхансен спас Преструда.

Руал Амундсен спас лишь самого себя.

Когда эти двое ввалились из темноты в дом, Начальник спросил, куда они запропастились. Возможно, Ялмар Юхансен и спас бы себя... если бы ответил. Но он не удостоил Начальника ни единой фразой. Просто пошел спать. В душе его клокотало бешенство.

Наутро Ялмар Юхансен сжег последние мосты: за завтраком во всеуслышание отчитал Руала Амундсена.

Положение у капитана Амундсена создано незавидное. Юхансен говорит авторитетно, приводя в пример опыт зимовки на Земле Франца-Иосифа и распаляясь вчерашним праведным гневом. По

капитанской «способности быть руководителем нанесен сокрушительный удар» — так подытожит Ялмар свое выступление. Лейтенант открыто поддерживает Юхансену атаку. Большинство согласно с ними. Где Амундсену искать защиты? У Хельмера Ханссена? У Линдстрёма? У правительства и стортинга? Начальник не пользуется реальной поддержкой ни в стенах Фрамхейма, ни за их пределами. Скорее всего, от него отвернулись и король, и Нансен, и весь народ. Не исключено, что «Фрам» затребовали в Норвегию и конфисковали.

В ближайшие часы Руал Амундсен демонстрирует свою силу как руководитель. В ближайшие дни — свою слабость как человек. Свободный обмен мнениями сменяется жесткой борьбой за влияние. Капитан одного за другим вызывает к себе подчиненных. Он понимает, что никому из них не выгодно заступиться за Юхансена. На этом можно многое потерять. Около полудня сквозь унижительную процедуру проходит последний — лейтенант. Юхансен теряет свою самую надежную опору. «Бунтовщик» изолирован. «Разумеется, после происшедшего он будет отстранен от участия в третьем походе "Фрама"» — так заканчивает дневниковую запись Руал Амундсен.

Теперешнее положение Юхансена напоминает положение, в котором оказался сам Амундсен, порвав с руководством экспедиции на «Бельгике». Но если Амундсен тогда отказался участвовать в походе с высоко поднятой головой, то внутренняя эмиграция Юхансена вскоре вызвала у него чувство несчастное™ и беспомощности. Сведение счетов с Амундсеном оказалось для Юхансена очередным серьезным ударом. В конце концов он — «в качестве частного лица» — соглашается участвовать в параллельной экспедиции под руководством лейтенанта Преструда (третьим идет

Стубберуд), которой предстоит двинуться на восток и обследовать Землю короля Эдуарда VII.

Как мятежник Ялмар Юхансен никогда не представлял для Амундсена ни малейшей опасности: он был силен телесно и обладал большим опытом, но у него не было ни желания, ни жизненной энергии взять на себя руководство экспедицией. Он был далек от мысли возглавить поход к полюсу, оставив разжалованного Амундсена во Фрамхейме раскладывать пасьянсы с Линдстрёмом. Энергией и желанием — желанием во что бы то ни стало достичь полюса — обладал Амундсен, поэтому Юхансен по сути дела не мог угрожать его статусу... разве что мог поколебать его авторитет. Впрочем, для Руала Амундсена и этого было достаточно.

Период между 17 сентября и 21 октября стал самым холодным за всю экспедицию, хотя на дворе уже стояла настоящая весна. «Со дня их противостояния А. не сказал Юхансену ни слова — кроме тех случаев, когда они имели беседы с глазу на глаз», — записывает Хассель в середине октября. Пятки и пальцы зажили, остались многочисленные и серьезные внутренние обморожения.

Начальник вполне мог бы простить отверженного. Да, ему пришлось бы, преодолев себя, признать свою вину, однако это стоило сделать — ради Юхансена, ради Нансена, ради экспедиции... и ради самого себя. Дело в том, что Амундсен по-настоящему боялся Юхансена. «В походе не должно быть критики, — писал он в дневнике. — Особенно если она исходит от опытного полярника, в таком случае она опасна вдвойне!»

Однажды Ялмар Юхансен замечает, что дом дрожит. Может быть, это океанский лед громоздится на барьер? Амундсен оставляет без внимания выдвинутую Юхансеном теорию. По его сообщению, Преструд «при

всем своим желанием ничего не чувствовал. Находившийся рядом Х.Х. тоже ничего не ощущал». Большинство на стороне Начальника. Может, Юхансена трясет изнутри?

Руал Амундсен задумал поделить участников экспедиции на две партии, южную и восточную. Это была удачная мысль, разрешавшая злосчастную ситуацию. Урезав группу, которая отправлялась к полюсу, до пяти человек, он в последнюю минуту нащупал ее оптимальный размер.

Во главе так называемой восточной партии, направлявшейся к Земле короля Эдуарда VII, Начальник поставил кающегося лейтенанта Кристиана Преструда. Казалось бы, само собой напрашивалось другое решение: поручить руководство группой капитану Юхансену. Это восприняли бы как достойное отступление, тем более что одновременно с лейтенанта было бы снято бремя участия в унижении товарища. Преструд обязан Юхансену своей жизнью, да и Амундсену не мешало бы отблагодарить Юхансена за спасение экспедиции и его самого от скандала, которым была бы чревата для Начальника смерть Преструда. Юхансен дрожит. Под застывшей на лице Амундсена маской не дрогнет и жилка.

Руал Амундсен оказался неспособен изменить свой взгляд на разыгравшуюся драму. Взгляд первопроходца был устремлен в одну-единственную точку — к полюсу.

Глава 16

ТАНЦЫ ВОКРУГ ЮЖНОГО ПОЛЮСА

Руал Амундсен «не обладал способностью драматизировать события своей жизни и представлять ее труднее, чем она была на самом деле», — пишет Роланд Хантфорд в заключении солидного тома, посвященного гонке к Южному полюсу. Но в том-то и был Амундсенов фокус: выставить напоказ собственно достижение, изобразив его как подвиг, давшийся на редкость легко, почти как чудо. Пускай, дескать, свершение говорит само за себя.

Зная толк в сценических эффектах, Амундсен не понимал внутренней природы драмы. Забыв, как в свое время сам переживал историю адмирала Франклина и его мук, Амундсен не мог уяснить себе, что публику привлекает человеческий фактор, завораживают выпадающие на долю героев испытания, преодоление которых лишь возвеличивает достижение. Он хотел быть выше трудностей, с которыми сталкивался в походах, и выше оаций, которые ожидали его впоследствии. Свершение должно было казаться простым, само собой разумеющимся — и в то же время непостижимым в изображаемой грандиозности.

Все прошло как по маслу, вытанцевалось само собой, первым делом заявил Амундсен по возвращении на базу: «Мы не испытали потерь, опасностей и большого напряжения сил, о которых могли бы теперь поведать». Разумеется, за более чем трехмесячный поход по неизвестной, не защищенной от непогоды местности участникам экспедиции пришлось столкнуться со всеми вышперечисленными трудностями, но, коль скоро цель достигнута, они не стоили разговора. Помимо всего прочего, за такой

непросто дающейся скромностью прятался страх выставить напоказ свои слабости.

20 октября 1911 года пятеро человек с четырьмя санями и 52 собаками выступили в южном направлении. На сей раз До полюса должно было прийти ограниченное количество собак. А людей? По мнению Юхансена, тягловой силы для подобной партии будет недостаточно. Он высказывает предположение, что прийти с ним до конца Начальник позволит одному Ханссену: «...не удивлюсь, если через каких-нибудь Два месяца нам предстоит снова увидеть во Фрамхейме Хасселя и Бьоланна. А может быть, и Вистинга», — записывает Юхансен после прощания.

Поход к Южному полюсу можно разделить на три этапа. Сначала идет относительно плоский барьер — с 79° до 85° южной широты. За ним, с 85° по 87° , — наиболее трудная часть пути: подъем и преодоление того, что Амундсен назовет грядой Королевы Мод, и следующих далее ледников. Наконец, оттуда и до самого 90° тянется антарктическое плато — плоское, но расположенное на значительной высоте над уровнем моря. В этом путешествии в неизвестное Руал Амундсен мог опираться лишь на внимательное изучение маршрута Шеклтона, проложенного в сходных условиях, хотя и западнее. Более строго шеклтонского курса будет придерживаться капитан Скотт.

У Амундсена есть большое преимущество перед англичанами: он досконально знает собственную методику. Собаки, лыжи, нарты — всё выверено Нансеном, Свердрупом и им самим. Он прекрасно разбирается в том, как противостоять холоду и сколько запастись провизии. За его распоряжениями стоит также опыт

Пири, Кука и Аструпа. Помешать Амундсену достичь полюса могут лишь две вещи: ловушки местности и человеческий фактор^[78].

Подобно Юхансену, Бьоланн с Хасселем скептически относятся к Амундсену как к руководителю. Они настроены критиковать многие его распоряжения, в частности, касающиеся точного расчета рациона не только для людей, но и для собак. Прежде всего, однако, их недовольство направлено против Начальника как личности.

19 ноября, посреди сложного подъема, обсуждение какого-то вопроса перерастает в открытую перебранку между Амундсенем и упрямым телемаркцем. В дневнике Хасселя это второе за экспедицию противостояние названо «небольшой (довольно добродушной) стычкой». В точности как это было месяц назад с Юхансенем, Бьоланна отлучают от экспедиции. Поскольку он не умеет определяться на местности, сопровождать товарища на базу поручено Сверре Хасселю. Но перед поворотом назад обоим придется закончить восхождение. Предсказание, сделанное Юхансенем при отправлении партии, начинает сбываться.

И тут чемпион Моргедала и Холменколлена делает единственный ход, который может заставить Амундсена отменить свой приказ. Бьоланн «подполз на брюхе и крайне униженно попросил начальника пересмотреть решение. Что тот и сделал, оговорившись, что более не станет терпеть прекословии».

Микроскопическая драма с моргедалцем, пресмыкающимся перед всемогущим Начальником,

разыгралась на фоне огромного, никем ранее не виденного горного массива. Руал Амундсен ограничивается в дневнике описанием сцены, на которой разворачиваются события. По сравнению с этими взметнувшимися на головокружительную высоту вершинами люди предстают маленькими и не заслуживающими внимания. На другой день восхождение продолжается.

Достигнув плоскогорья, путешественники убивают 24 собаки. Сам Амундсен в побоище не участвует. Поваром назначен Вистинг. И люди, и животные с жадностью поглощают собачьи отбивные. На этом месте, получившем название Бойни, сооружается большой склад.

Примерно через десять дней участники экспедиции оказываются среди особенно труднопроходимых ледников, в местности, которую они нарекают Танцплощадкой дьявола. Начальник вне себя от раздражения. Они оставили альпинистские кошки на Бойне, и он боится, что придется возвращаться за ними. «Неужели из-за такой пустяковины мы упустим полюс?»

На возвращение ушло бы не меньше двух недель, которые могут решить исход состязания в пользу англичан. Отсюда неприступность Начальника, отсюда его вспышки гнева и капризы. То, что другие воспринимают как практические мелочи, для Амундсена — «быть или не быть». Полярное плато лежит на высоте в две-три тысячи метров над уровнем моря. С этой же высоты предстоит в случае поражения упасть Руалу Амундсену. Как только он изменил курс с северного на южный, у его экспедиции не стало права на отступление. Да, он все организовал безупречно... но спасти Амундсена может только покорение полюса. И он это знает.

Сверре Хассель отмежевывается от Начальника, называя его самого «вздорным», а Ханссена и Вистинга

— «его прихлебателями». Раз за разом дело доходит до мелких стычек, после которых воцаряется неприязненное молчание. «Можно подумать, у этого человека не все дома. В последнее время он то и дело пытается затеять склоку, что крайне странно для руководителя, которому, казалось бы, следует особенно ценить в походных условиях мир и добрые отношения между всеми». Эти слова Хассель записывает за два дня до достижения полюса. Нервы Амундсена на пределе. Он каждую минуту ждет следов англичан.

14 декабря норвежцы добираются, так сказать, до места назначения, где Амундсен констатирует: «Невероятно плоская равнина». Отыскать невидимую точку для водружения флага оказывается непросто. Руал Амундсен нарекает местность равниной Короля Хокона VII и мысленно возносит хвалу Господу.

Поставленную палатку он называет Пульхеймом («Домом на полюсе»), что абсурдно: тоже мне, нашел дом, в котором невозможно жить. Впервые за поход объявляется перекур. Ко всеобщему удивлению, у Амундсена в запасе находится трубка. Остальные сооружают себе курительные принадлежности, срезав верх у бамбуковых лыжных палок. Лишь уроженец Моргедала оказывается на высоте положения: достав серебряный портсигар, Бьоланн угощает всех сигарами.

Когда каждый из пятерых берет по сигаре, остается еще три — по одной для Стубберуда, Преструда и Юхансена. Прежде чем передать друг другу спички, каждый бросает взгляд на оставшиеся сигары. Затем Бьоланн на своем красивом телемаркском наречии произносит несколько тщательно взвешенных слов и дарит портсигар Амундсену. Юхансен тоже когда-то возглашал здравицу в честь Начальника. Не берусь утверждать, что Улав Бьоланн получил удовольствие от сигары в этой кульминационной точке.

Несколько дней норвежцы посвящают наблюдениям, ища точное расположение 90-го градуса — и англичан. «Мы все то и дело хватались за бинокли, чтобы не пропустить появления в какой-либо стороне людей. Напрасно... Мы явно были первыми». Снова первый. Руал Амундсен в очередной раз опередил англичан.

18 декабря они покидают полюс. Руководитель экспедиции оставляет там письмо королю Хокону, хотя то, что оно когда-нибудь попадет в почтовый ящик монарха, кажется неправдоподобным. Мысли Хасселя — о соперниках: «Если Скотт доберется в этом году до полюса, ему будет неприятно обнаружить там палатку, над которой реет норвежский флаг и вымпел с надписью "Фрам"».

Итак, задача выполнена, полюс покорен, новая земля открыта. Можно увеличить рационы. «Сегодня Амундсен, не останавливая упряжки, довел до всеобщего сведения, что теперь в суп надо класть по четыре упаковки пеммикана». Похоже, Хассель не считает, что достигнутый успех подействовал на Амундсена в лучшую сторону. Однажды Бьоланна и Хасселя сурово отчитывают за то, что они ночью храпели. «Конечно, претензии справедливые, но одно и то же можно сказать разными способами. Г-н А. всегда избирает самый неприязненный и надменный тон выговора».

По словам Хасселя, только Хельмер Хансен выдерживает роль неизменно аплодирующего Начальнику подчиненного. Выдерживает почти до конца. Только когда до возвращения на базу остается неделя, происходит следующее: «Хансен впал в

немилость. Он позволил себе не согласиться с Его величеством Амундсеном по поводу Эльсы [собаки. — Т. Б.-Л.]. Ханссен утверждал, что от нее воняет, тогда как Амундсен не чувствовал никакой вони. Теперь он больше не разговаривает с Ханссеном».

Ранним утром 26 января 1912 года полярный отряд в составе пяти человек с двумя санями и одиннадцатью собаками прибыл во Фрамхейм. За 99 дней пройдено около трех тысяч километров. Когда экспедиция отправлялась в путь (точно в намеченный срок), она казалась не более чем блестяще задуманной и проводимой операцией. Но был ли поход истинной целью или предпринятым в коммерческих целях отклонением от основного курса?

Потрясающе откровенный ответ на этот вопрос дается в дневнике, который Хассель вел по дороге к базе. Перед самым выходом пятерки лейтенант Преструд обмолвился: дескать, не суть важно, кто первым придет к полюсу, норвежцы или Скотт. «Амундсен уже не раз возвращался к этой фразе, выражая серьезнейшее недовольство Преструдом. Сегодня вечером начальник снова поднял эту тему. Он не согласился бы стать вторым на полюсе и за миллион».

Согласно проведенным подсчетам, на миллион крон можно было бы организовать не одну, а две или три научные экспедиции в Северный Ледовитый океан, так что Руал Амундсен не мог высказаться яснее. Южный полюс был не вынужденным «отклонением от основного курса», а подлинной целью. Круглой путь лежал впереди... и вел на север.

К возвращению партии, ходившей на полюс, «Фрам» уже ошвартовался у барьера и привез свежие новости. Руал Амундсен узнаёт, что далеко не всем понравилось затеянное им состязание с англичанами. «Неужели эти глупые газеты хотели отдать полюс на откуп Скотту? С чем я их и поздравляю. Спасибо Нансену, который со своим холодным, рассудительным умом в очередной раз сумел всех утихомирить. Народ совсем спятил»^[79]. В дневнике полярник считает нужным провести четкую грань между сбитым с толку большинством и немногими поддержавшими его затею. «Я восхищаюсь королем за его мужественное поведение», — в частности, говорит он.

По мнению Амундсена, поход спасли трое: Нансен, король и дон Педро Кристоферсен. Они — и только они — выказали первооткрывателю доверие: «Когда все отвернулись от меня, они протянули мне руку помощи. Да благословит их Господь!»

Теперь нужно было как можно скорее трогаться с места. Состязание нельзя считать выигранным, пока не послана телеграмма. Последний этап нельзя считать преодоленным, пока корабль не достигнет лона цивилизации. Слишком многое зависело от ледовой обстановки и погоды. Руал Амундсен и не подозревал, что уже победил капитана Скотта. Англичане достигли полюса на целый месяц позже соперников. В то время как «Фрам», отчалив от барьера, взял курс на север, пятеро храбрых пешеходов еще не спустились с Полярного плато. Поскольку они не могли рассчитывать ни на отказавшие моторные сани, ни на собак, ни на пони, им приходилось тащить весь свой непомерный груз на себе. Самым тяжким бременем было письмо королю Хокону за подписью человека, который опередил их на Южном полюсе. Капитана Скотта объединяло с Руалом Амундсеном одно: оба

воспользовались шансом, украденным у другого. Прежде чем вступить в соревнование друг с другом, обоим надо было отделаться от соотечественников, в одном случае от Эрнеста Шеклтона, в другом — от Фритъофа Нансена. У обоих оставался лишь один вариант возвращения: с победой. Ни Скотт, ни Амундсен не могли вернуться на родину с поражением^[80].

Как и при отплытии «Йоа» из одноименной гавани, «Фрам» покидает Фрамхейм под покровом тумана. 31 января Хассель записывает: «Нам не довелось бросить прощальный взгляд на место, где мы провели более года. Оно было скрыто мглой. Не думаю, чтобы многие сожалели об упущенной возможности».

Участники третьего похода «Фрама» были по горло сыты передрыгами полярной экспедиции. А это было только начало. После трех недель плавания Хассель записывает: «Сегодня А. послал на корму список команды и предложил каждому ответить "да" или "нет" на вопрос о том, согласен ли он идти с ним на север. Все, кроме Бека, ответили отрицательно». Такой результат наверняка оказался для руководителя экспедиции удручающим. Тогда Начальник прибегает к своему излюбленному приему: вызывает к себе участников похода по очереди. Через три дня результат совсем иной: «Теперь А. побеседовал со всеми рядовыми членами команды, кроме Л. Хансена. Все за исключением Бьоланна ответили положительно!»

7 марта 1912 года «Фрам» бросает якорь у южного побережья Австралии, в тасманийском порту Хобарт. На борт поднимаются портовые чиновники. Про «Терра нова» сведений ни у кого нет. Значит, норвежцы снова

первые. Судно разрешают покинуть только одному человеку. Как написано у Хасселя: «В двенадцать с четвертью пополудни А. на катере врача отбыл на берег, держа под мышкой папку с текстами телеграмм. Убежден, что он ни разу не выпустил ее из рук». Спустя несколько часов после того, как капитан Амундсен покинул корабль, туда были доставлены свежие овощи и фрукты. И еще: «К "Фраму" подошли на катере двое репортеров, которые пытались что-нибудь у нас выведать. Разумеется, безуспешно. На сушу по-прежнему никого не пускают».

Одетый как простой моряк, Амундсен снимает в идиллическом портовом городе номер в гостинице «Ориент» (согласно его записи в дневнике, «жалкую крохотную комнатенку»), после чего посылает три зашифрованные телеграммы: королю, Нансену и Леону. К ним он прибавляет по телеграмме двум своим главным спонсорам — Акселю Хейбергу и дону Педро Кристоферсену. И, оставшись ночевать в гостинице, начинает ждать указаний от брата из Христиании.

«Утром получил телеграмму от Л., который надоумил меня, что следует послать телеграмму с основными сведениями в лондонскую "Дейли кроникл". Что я сразу и сделал». Незадолго перед тем Леону удалось от лица брата подписать пятистраничный договор с английской газетой «Дейли кроникл», продав ей права на публикацию рассказа о покорении Южного полюса за пределами Скандинавии. Контракт предусматривал несколько гипотетических сумм в зависимости от исхода борьбы за полюс. В результате Амундсен получил наивысший гонорар: две тысячи фунтов стерлингов. Фактически договорился о контракте заядлый враг Скотта — сэр Эрнест Шеклтон, который ни минуты не сомневался, что победа достанется норвежцу. Со времени посещения Леоном британской столицы Шеклтон прощупывал почву среди

знакомых издателей, ища, кто из них заплатит больше. Опираясь на собственный опыт, он также составил план, как будет лучше преподнести новости. В окончательном варианте договора между Амундсеном и «Дейли кроникл» сэр Эрнест Шеклтон назван третейским судьей, к которому следует обращаться при возникновении споров.

7 марта Леона Амундсена встретили на Восточном вокзале представители многих газет. С предыдущей осени Леон и его семья жили в доме на берегу Буннефьорда. Каждое утро он предпринимал поездку в Христианию — не ближний путь. Из сообщения агентства «Рейтер» уже было известно, что утром «Фрам» прибыл на Тасманию. В течение нескольких часов следовало ожидать вестей от Руала Амундсена. Первую телеграмму он должен был направить королю — для немедленной пересылки Леону. Все телеграммы отсылались в зашифрованном виде. Леон Амундсен был единственным человеком на свете, который мог прочесть известие о Южном полюсе.

В 11 часов Леону сообщают по телефону, что у инспектора телеграфной станции для него лежит депеша. Он садится там же расшифровывать ее. «Сам понимаешь, это была безумно интересная работа, — напишет он впоследствии брату, — на которую не у всякого хватило бы пороху».

Резонно предположить, что, разобрав ключевые слова — «полюс достигнут», — даже такой хладнокровный человек, как Леон Амундсен, вздохнул с облегчением и, сунув бумагу в карман, покинул телеграфную станцию. Перед уходом он послал ответную телеграмму в Хобарт, а также получил

телеграмму за подписью «зхмб» («Руал»), адресованную уже лично ему. Теперь надо было предотвратить утечку информации до тех пор, пока в «Дейли кроникл» не придет отдельная драгоценная телеграмма из Хобарта.

«Целый день я держал известие при себе, боясь поделиться им с репортерами и даже с королем, который, по счастью, был не во дворце, а на манёврах в Саннвике». Леон тихо сидит в крохотном кабинете, который оборудовал в Христиании у одного родственника. К вечеру звонит Старик (таким прозвищем братья Амундсен наградили Фритьофа Нансена). Ему пришла непонятная телеграмма. Они с Леоном договариваются встретиться перед Национальным театром, «где я в 10 ч. вечера и преподнес ему новость». Телеграмма, адресованная Нансену, была лаконична: «Спасибо за все. Задача выполнена. Всё в порядке».

Вместе они идут на Акерсгатан, чтобы известить редакции газет «Тиденс тейн» и «Афтенпостен», заключивших с Леоном контракт в четыре тысячи крон на распространение истории в Скандинавии. «Все были вне себя от радости».

Около полуночи Леон Амундсен прибывает на автомобиле в Саннвику, к западу от Христиании. В штабе учений он просит встречи с Его величеством королем Хоконом. «Король же разумно дал распоряжение адъютанту не впускать меня, поскольку это привлекло бы всеобщее внимание, а сказать, чтобы я передал содержание телеграммы через адъютанта. Я, в свою очередь, отказался сделать это; тогда мне одолжили конверт, в который я запечатал свое сообщение — и ретировался».

На обратном пути в Христианию Леон решает той же ночью, прежде чем сообщение о покорении земного шара от полюса до полюса вырвется на страницы газет, известить еще одного человека. Он останавливается

перед ложей вольных каменщиков. Высокие окна ложи еще светятся; когда дверь открывают, на Леона обрушивается поток музыки. У масонов бал. Если с профессором Нансеном Леон встречался в полумраке возле Национального театра, а с королевским адъютантом — в передней временного штаба, то теперь он наконец попадает в праздничную обстановку. Кругом сверкающие туалеты дам и блестящие ордена кавалеров. Леон окидывает взглядом собственное будничное платье. Не проходя дальше в зал, он вызывает к себе главного распорядителя торжества — г-на адвоката Верховного суда Александра Нансена.

Через минуту они стоят лицом к лицу: тихий, не оправившийся от дневных встрясок Амундсен и шумный, разгоряченный, подвыпивший Нансен в парадном костюме. Сугубо официально, но с плохо скрываемым облегчением и радостью Леон сообщает: полюс достигнут между 14 и 18 декабря прошлого года, всё в порядке... «Он едва не обезумел, услышав эти слова; протянул руки, схватил меня за плечи и заглянул в глаза». Так они и стояли некоторое время — Леон Амундсен и Алекс Нансен, братья своих братьев... Дошли... наконец-то норвежцы на полюсе!

Сзади танцевали фрачные пингвины.

Глава 17

СЛОВО БЕРЕТ ФРИТЬОФ НАНСЕН

Новость ушла в мир. Вечером 11 марта экипажу «Фрама» разрешили сойти на берег в полном соблазнов городе Хобарте. Каждому из его членов выдали по полфунта на карманные расходы.

Сверре Хасселю торопиться некуда, и он откладывает посещение города на завтра. На берегу ему попадается один из товарищей не в самом презентабельном виде. «Юхансен пустился в запой», — отмечает Хассель в дневнике. Ялмар Юхансен вроде бы проглотил обиду и добыл в экспедиции до конца. Домой он писал, что «никогда еще не чувствовал себя таким здоровым и бодрым, как теперь». Однако при первом же столкновении с цивилизацией сила побуждения не срабатывает. Юхансен — единственный из всего экипажа — чувствует свое поражение. Он, которому светило быть на полюсе в качестве ближайшего сподвижника сначала Нансена, затем Амундсена, возвращается рядовым участником похода, предпринятого под началом лейтенанта Преструда в давно открытую Землю Эдуарда VII. Как хорошо, что можно сбежать с «Фрама»; как хорошо, что можно залить мысли вином... «Он хочет уехать домой прямо отсюда, — пишет Хассель. — Утром он говорил об этом с А. Похоже, тот обещал отпустить его».

Живущая в Шиене семья Юхансена внезапно обнаруживает, что пересылка его жалованья без каких-либо объяснений прекратилась. Брату Руал Амундсен сообщает коротко и жестко: «Юхансену указано на дверь. Он неисправим». Дневниковая запись от 15 марта гласит: «Сегодня списал на берег Я. Юхансена, с которым стало невозможно иметь дело». По ней можно

подумать, будто инициатива увольнения Юхансена принадлежала Амундсену, однако дневник Хасселя указывает на другое — уволиться захотел сам Юхансен.

15 марта в Хобарте был рукой Руала Амундсена составлен документ, подписанный Ф. Ялмаром Юхансеном: «Заявляю, что в связи с увольнением мне выплачено 600 кр. 00 эре (33'/г фунта), коих средств мне должно хватить для проезда на родину. Одновременно обязуюсь честь по чести и во всех пунктах соблюдать контракт, который был заключен в Христиании между мною и рук-лем экспедиции на "Фраме" Руал ом Амундсеном». Последняя фраза относится к обещанию хранить тайну.

При списании на берег Амундсен обычно прибегал к услугам двух экспедиционных офицеров, которые подтверждали отступление провинившимся от действующих на корабле правил. Эта процедура использовалась при увольнении на Мадейре буфетчика, но против Юхансена на Тасмании ее применять не стали.

Строго говоря, у покорителя Южного полюса есть чем занять голову помимо «неисправимого» Юхансена. Начальник перебрался в гостиницу и не намерен продолжать плавание на «Фраме». Теперь он лишь изредка дает распоряжения экипажу. После подписания договора об увольнении Хассель всего однажды сталкивается в Хобарте с Юхансеном: «Когда я встретил его на улице, он сказал, что ему выдали деньги на обратную дорогу, — и слава Богу».

Из сообщений же, посланных Амундсеном домой, в том числе Нансену, создается впечатление, будто Юхансена чуть ли не силой посадили на другое судно. Такая версия лучше соответствует образу подчиненного как неисправимого бунтаря... и самого Амундсена как твердого, принципиального руководителя. В свете того, как сложится дальнейшая судьба Юхансена, Руал

Амундсен, по правде сказать, превысил свои полномочия.

20 марта Начальник поднимается на борт «Фрама», чтобы торопливо попрощаться с участниками экспедиции. Полярному кораблю предстояло отправиться туда, где обитал дон Педро, — в Аргентину, тогда как Амундсен собирался ненадолго отклониться от прямого пути и заехать в Австралию и Новую Зеландию с первыми выступлениями. Основное лекционное турне у него впереди. Прежде всего надо напечатать книгу. Теперь самое время обратить завоевание Южного полюса в кроны и эре.

Леон уже сообщил из Норвегии, что заключил издательский договор, который — с авансом в 111 тысяч крон — должен побить все рекорды. Издательство Якоба Дюбвада обязалось совместно с датским «Гюльдендалем» выпустить книгу в Норвегии и Дании. Она будет выходить частями, по мере сочинения. Несколько зарубежных издателей уже стоят в очереди на покупку прав. Профессор Нансен взялся написать предисловие.

Тотчас начинается сражение писателя со словом. 17 апреля Руал пишет Леону из Сиднея: «Посылаю первые 4200 слов. Пожалуйста, уговори заняться рукописью Вильгельма Крага.

Если слов будет не хватать, он всегда найдет, что вставить. Чем больше получится объем, тем лучше. Дай мне знать, сколько намечает добавить Нансен. Хотелось бы не меньше 20 тыс. слов». На сей раз том обещает быть весьма солидным — как того и заслуживает покорение Южного полюса. Увы, желаемого вставщика слов, поэта Вильгельма Крага, заполучить не удалось:

он был связан обязательствами с издательством «Аскехёуг», а оно, очевидно, проиграло состязание за покупку прав.

Чтобы без помех сочинять у себя в каюте новые тысячи слов, Руал Амундсен поплыл в Южную Америку на пароходе «Ремюэра» — в темных очках и с накладной бородой, под именем Энгельбректа Гравнинга. 21 мая его с распростертыми объятиями встретил в Монтевидео денежный туз дон Педро. Не слишком быстроходный «Фрам», ко всеобщему ликованию, прибыл в Буэнос-Айрес спустя пять дней, когда там праздновали День независимости.

30 мая Норвежское общество Ла-Платы устроило Руалу Амундсену и его подчиненным настоящий банкет. Чествования открылись тостом короля и завершились благодарственным словом полярника. Как рассказывает Хассель, Амундсен поблагодарил многих. Разумеется, начал он с дона Педро, затем выделил лейтенанта Нильсена и членов морского отряда, «после чего мимоходом упомянул товарищей по зимовке. Он сам знает, сказал Амундсен, что работать с ним отвратительно. Надо отдать ему должное: в этом он прав. И все же удивительно, как откровенное признание собственных недостатков гасит вызываемое ими раздражение». В кои-то веки Сверре Хассель отвешивает начальнику комплимент: «Выступал А. хорошо».

«Фрам» задерживается в буэнос-айресском порту, а команду за счет дона Педро отправляют пассажирским рейсом на родину. Двоих офицеров и Хасселя размещают в первом классе, остальных — во втором. Кое-кто (в особенности покорители полюса Вистинг и Хансен) чувствует себя обиженным. Для доставки важных бумаг и материалов Леону Начальник избирает Сверре Хасселя. Руал Амундсен испытывает доверие к этому человеку, который держится отстранение, но с

чувством собственного достоинства. Сквозь все тяготы пути тот пронес верное отношение к стоящему над ним руководителю. Такое не могло даваться легко.

В Аргентине остаются лишь два главных лица экспедиции, из которых лейтенант Нильсен должен оценить состояние «Фрама» и снарядить его для будущего похода к Северному полюсу. Высказываются соображения, что в Буэнос-Айресе Нильсен преследует и личный интерес. Еще в прошлое его пребывание там до управделами в Норвегии дошли слухи, будто «у лейтенанта, возможно, есть шансы стать зятем» самого дона Педро...

До окончания неотложных торжеств Руал Амундсен живет в гостинице «Маджестетик». 11 июня он соглашается, чтобы его увезли из города и поселили в благоустроенном имении дона Педро, которое тот назвал «Кармен» — в честь жены и дочери. Там полярному путешественнику предстоит завершить свой труд о покорении Южного полюса.

От Леона до Руала Амундсена постоянно доходили — хотя и с опозданием — сведения о проявлениях восторга и торжествах на родине. 8 марта, как только обнародовали его сообщение, были подняты флаги на всех флагштоках, а пароходы в Христианийском порту включили сирены. Каждая сколько-нибудь крупная ассоциация страны устроила празднество. Разумеется, взял слово и Фритьоф Нансен: «Сразу после объявления твоей вести Нансен прочел длинный доклад о тебе в Геогр. об-ве — в старинном масонском зале, в присутствии короля и королевы».

По этому случаю Леон рассказал о неприятном инциденте, произошедшем из-за множества имен,

которые теперь следует нанести на карту южного материка. В числе прочих одному леднику посередине гряды Королевы Мод было присвоено имя Акселя Хейберга. «Хейберг тоже попросил слова, но выступил неудачно, сказав, что попал в Антарктиде в крайне изысканное общество — между королевой Александрой и королевой Мод, однако им не следует опасаться соседства с ним, поскольку там всегда слишком низкие температуры. Наша королева разгневалась и, не обмолвившись ни с кем и словом, по окончании доклада возмущенно покинула зал».

Норвежский король не только поддерживал полярную экспедицию материально, но и пользовался редкими возможностями лично направить письмо своему антарктическому полководцу. К сожалению, страну охватила «прискорбная забастовка, за которой последовали локауты», тем не менее монарх продолжал сопровождать своего подданного в походе к Южному полюсу.

Фритъоф Нансен с его «холодным, рассудительным умом» гнул в отношении Амундсена свою, весьма определенную линию. Доверие к непредсказуемому полярнику было совершенно подорвано. В декабре Алекс Нансен высказал Леону «серьезные сомнения» в том, «состоится ли вообще экспедиция к Северному полюсу». Если у адвоката возникают такие опасения, их не иначе как поддерживает кто-то у него за спиной.

Пока брат осторожно высказывает сомнения, профессор на всех официальных мероприятиях выражает непоколебимую веру в Руала Амундсена. В предисловии к «Южному полюсу» Фритъоф Нансен, в свойственной одному ему манере, помещает экспедицию в национальный контекст, одновременно напирая на личные качества руководителя. «Здесь, как и в других случаях, все зависит от человека». Этот подвиг совершен личностью, не прибегающей к

хитростям и не привыкшей брать на себя больше, чем она может выполнить. «Насколько в его духе, в духе всего похода посланная им телеграмма... Простая и незамысловатая, словно речь идет о пасхальном походе в горы. В ней говорится о победе, а не о том, какой ценой она досталась. Каждое ее слово мужественно. Так и должен выступать правый: с чувством достоинства и силы».

Всеми этими хвалами Фритъоф Нансен обосновывает неумолимое требование и в конце концов пригвозждает Руала Амундсена, как беспомощного Христа, к его судьбе: «В будущем году он должен пройти Беринговым проливом, а затем погрузиться во льды, мороз и тьму, чтобы, дрейфуя, пересечь Северный Ледовитый океан. Экспедиция займет не менее пяти лет, что кажется выше человеческих сил, но такой герой справится и с этим. Корабль называется "Фрам", иными словами — "Вперед", а девиз Амундсена тоже "Вперед!" [мы-то думали, это девиз самого Нансена. — *Т. Б.-Л.*], вот он и пойдет вперед. Главный поход, предстоящий теперь Амундсену, он проведет с неменьшим упорством, чем тот, из которого возвращается».

Свое первое частное письмо от профессора Нансена антарктический путешественник получил по возвращении «Фрама» в Китовую бухту. В письме Фритъоф Нансен выражает соотечественнику симпатию и веру в него, говоря, что он справится с задачей, «насколько разрешение ее в человеческих силах». Кроме того, профессор сообщает о статье, написанной им для «Таймс»: «Мне доложили, что после нее настроение в Англии переменялось». Нансен, по обыкновению, делает упор на научных результатах: «Доберетесь Вы до Южного полюса или нет, имеет для меня, как Вы понимаете, второстепенное значение, хотя будет отлично, если это удастся».

В первом письме, направленном в Аргентину уже после достижения полюса, Фритъоф Нансен гораздо более скуп на комментарии личного характера. «Разумеется, это во всех отношениях замечательно», — пишет он, отсылая далее Амундсена к предисловию и прочим официальным высказываниям. Письмо же — в свете предстоящего «главного похода» — оказывается нашпиговано океанографическими рассуждениями. Профессор всячески старается заечь полярного героя, заинтересовать его «движениями волн», «содержанием в воде солей», «азотными соединениями» и другими удивительными явлениями в еще непокоренном мире науки.

Перед отъездом в усадьбу «Кармен» Руал Амундсен получает письмо, которое не может не взволновать его. Письмо из Йёвика, от Сигрид Кастберг. Среди огромной пачки поздравительных телеграмм, доставленных еще в Хобарт, оказалась лаконичная и вроде бы ни к чему не обязывающая депеша за подписью «Сигге»: «Ваше здоровье!»

По зрелом размышлении полярник решает не отвечать непосредственно автору письма, а обращается к общему с Сигрид другу — Херману Гаде: «Я считаю, что нам обоим лучше не давать очередного повода для пересудов злым языкам, в свое время достаточно потрепавшим наши имена. У дамы только прибавится неприятностей в собственном доме, если я снова покажусь на ее горизонте. Будь добр передать это. Скажи, что я всегда готов в случае необходимости помогать ей, но по прошествии столь длительного времени предпочитаю держаться от нее подальше.

Старые раны более или менее успешно залечиваются временем».

Что, собственно, произошло между полярным путешественником и супругой присяжного поверенного? Руалу Амундсену отнюдь не в последний раз приходят послания от Сигрид Кастберг, на которые он отказывается отвечать. В одном из последующих писем Херману он пытается пролить свет на создавшееся положение: «Если бы Сигг поступила так, как я просил ее накануне отъезда, теперь всё было бы в совершеннейшем порядке. Я хотел, чтобы она тогда же, в июле 1910 года, оставила своего мужа — чего тот, на мой взгляд, вполне заслуживает — и к моему возвращению была готова выйти за меня замуж. Она, однако, этого не сделала, так что я считаю себя свободным от каких-либо обязательств. Я предложил ей брак, она мое предложение отвергла».

В отсутствие Амундсена отношения между супругами Кастберг прошли через серьезный кризис. Пересуды злых языков того гляди могли перерасти в громкий скандал. Но полярный путешественник хорошо помнил неписанный закон эскимосов: «По-видимому, он [Лейф Кастберг. — *Т. Б.-Л.*] одобрял нашу связь тогда, когда она действительно существовала. Устраивать тарарам теперь, по прошествии двух лет, не лезет ни в какие ворота».

Если Сигген за время разлуки, похоже, наконец-то разобралась в себе, то Руал использовал время в ледовой пустыне, чтобы избавиться от чувств, которыми пренебрегли. И в Йёвике, и в номерах «Гранд-отеля» его ожидали лишь эмоциональные и социальные осложнения. А их покоритель Южного полюса позволить себе не мог — во всяком случае, теперь, когда за каждым его шагом следила вся Норвегия и половина остального мира.

Глава 18

КАК СОЧИНЯЕТСЯ ИСТОРИЯ

В тенистых хоромах «Кармен» Руал Амундсен второй раз мчится к Южному полюсу. Он пишет не сгибая руки, экономя движения, мельчайшим почерком, который с трудом можно разобрать невооруженным глазом. Христианский издатель видит в филигранно исписанных карандашом страницах истинное произведение искусства. В рукописи нет сомнений, нет ни единой поправки. Каждая буква в точности походит на другую — целыми строками, даже метрами: идти так идти, писать так писать. В день Амундсен выдает на-гора по четыре тысячи слов.

Главы о морском путешествии — «На юг» и «На север» — он поручил сочинить Кристиану Преструду. Однако обе выйдут в свет под его именем, и Руал просит Леона как можно внимательнее прочитать их: «Если там употребляется "я", везде исправь на "мы"». Но о чем, собственно, писать, если многое приходится замалчивать, а вся экспедиция прошла как по маслу? «Для второй главы мне понадобится доскональное описание дизельного мотора, — сообщает он Леону. — Хорошо бы растянуть описание на 5 тысяч слов. Лучше всего запросить материал на "Дизеле", выговорив себе право вставить его в книгу».

Увы, в этот раз для заполнения объема не хватает научных данных. Может, Нансен выжмет из себя 15 тысяч слов по океанографии? «Говоря честно, ума не приложу, что бы еще придумать». Работа идет «полным ходом», однако для человека, в глубине души презирающего слово, сочинить двухтомный труд о лыжном походе продолжительностью в три месяца отнюдь не просто. Единственный литературный жанр,

перед которым преклоняется и которым действительно хорошо владеет Амундсен, — телеграмма. Как там выразился коллега Нансен? «Каждое ее слово мужественно». Чем больше слов, тем более женственным и аморфным становится подвиг, тем более размывается его значение. Мужчина хорош делами. «Я вымарываю главу VII: "Возвращение". Как ты догадываешься, сочинить на эту тему что-либо достойное невозможно».

Судя по всему, на сей раз главы поступали в типографию практически сразу, без сколько-нибудь серьезного вмешательства «стилистов». Но если в литературном плане эта книга давалась легче предыдущей, теперь возникли новые сложности — орфографические. Со времени работы над «Северо-Западным проходом» у Амундсена развился собственный, оригинальный вид правописания, поэтому главы следовало изложить понятным норвежским, иначе сочинение останется недоступным для переводчиков на иностранные языки.

Конечно, норвежский язык переживал тогда бурный период своего развития, который еще не закончился. Тем не менее представляется странным, что человек, далекий от литературной деятельности, посчитал себя вправе создать собственный вариант письменности. Впрочем, Руал Амундсен не был обычным гражданином, живущим в пределах определенного скандинавского диалекта. Когда его закидывало в отдаленнейшие уголки земного шара, он подолгу бывал верховным властителем, князьком, племенным вождем. Там он мог заменять портреты королей, переносить национальные праздники, издавать законы, распоряжаться работой и отдыхом, жизнью и смертью. Почему было не распорядиться и языком? У Руала Амундсена развивалась все более очевидная страсть к независимым суждениям.

Хотя Амундсен не всегда последователен, его вариант письменности явно основан на фонетическом принципе. Возможно, толчком для него послужили языковые штудии в гавани «Йоа», среди эскимосов. Как слышится, так и пишется... никаких экивоков, никакого украшения, прямой путь от уст к руке. Попытку придерживаться собственного правописания в цивилизованном мире, даже если ты модифицируешь его в корреспонденции с вышестоящими, следует признать неслыханным упрямством. Полярник предпочитает связь на своей частоте. Хотя намерение понятно и даже естественно, едва ли Амундсен добился этим чего-либо, кроме отчуждения от окружающего мира. В конечном счете своеобразная орфография Руала Амундсена служила не столько связи, сколько ее противоположности: явно указывала на изоляцию.

Брат Леон, который вел значительную часть Руаловой переписки, оказывал сдерживающее влияние на него и в этой области. Сам он пользовался подчеркнуто консервативным, чуть ли не архаичным вариантом риксмола^[81]. Тем не менее в период работы над «Южным полюсом» Леон следующим образом отзывается о «новой орфографии» брата: «он поднялся выше существующего правописания». Возможно, Леону приходится быть предельно осторожным в отношении этого пункта, или он откровенно иронизирует? Во всяком случае, нелегко поверить, чтобы прагматик и дипломат Леон поддерживал своего высоко вознесшегося братца в ниспровержении орфографических норм.

Была большая область, в которой Руал Амундсен мог ежедневно выдавать по несколько тысяч слов, не

умалая собственного подвига. Он мог рассказывать историю покоренного материка, то есть писать о том, как шло завоевание Южного полюса до него. С этой темой автор был хорошо знаком: как в свое время он изучил летопись Северо-Западного прохода, так теперь изучил перед походом историю Антарктиды.

Тут, однако, его подстерегала одна сложность: как быть с Фредериком А. Куком? Многим д-р Кук показался бы второстепенным персонажем в истории Южного полюса, но только не Руалу Амундсену. Он не забывает своих учителей. Когда-то он воздвиг огромный камень над могилой родителей; в Антарктиде он воздвиг еще более высокий памятник своей няньке — под названием «гора Бетти». Разумеется, в историю Южного полюса вошел и портрет престарелого Geheimrat (тайного советника) — гамбургского профессора Ноймайера, который пригласил его в свой дом и на свою кафедру. «Пока существует понятие "Антарктика", с ним будет неразрывно связано имя Ноймайера», — пишет Амундсен. Выражаясь точнее, следует назвать и запомнить всех людей, которыми был отмечен его путь к достижению цели. В том числе д-ра Кука.

Для Руала Амундсена это очевидно, однако Леон не согласен. Скандал с походом к Северному полюсу подрывает доверие к покорителю Южного. Все привыкли воспринимать Амундсена как мошенника, тем более что он уже вводил в заблуждение общественность. Что бы ни утверждали его наблюдения и расчеты, единственным подлинным доказательством пребывания норвежца на Южном полюсе станут свидетельство капитана Скотта и письмо королю Хокону. Никто не знает, что письмо находится в пути. Никто даже не смеет надеяться.

Когда Леон видит в рукописи пространные рассуждения брата о д-ре Куке, он чувствует опасность и торопливо запрашивает совета у профессора Нансена, у

посла Североамериканских Соединенных Штатов и у братьев Гаде. Все рекомендации сводятся к одному. 7 июня писатель получает телеграфом дипломатично высказанную просьбу: «Желательно изъять Кука из книги». Спустя несколько дней историк Южного полюса пересматривает свою позицию, о чем свидетельствует телеграмма: «Вымарать Кука».

Впрочем, американца не совсем вычеркивают из истории Южного полюса. Остается положительный отзыв о вкладе, внесенном д-ром Куком в экспедицию на «Бельгике». В противовес ему Руал Амундсен делает вставку, которую едва ли можно считать помощью Куку в его непрекращающейся борьбе за признание того, что он все-таки достиг Северного полюса. Фактически первооткрыватель Южного полюса умывает руки: «Его товарищи и не догадывались, что спустя годы он прослышет обманщиком, какого не видывал свет. Психологическая загадка, за решение которой пускай возьмутся желающие, — она того стоит».

Леону приходится противостоять «арктическому мошеннику» еще на одном фронте. Управделами выяснил, что летом американец собирается в турне по Германии и рассчитывает в сентябре посетить Норвегию. Д-р Кук хотел бы предпринять последнюю отчаянную попытку восстановить утраченную репутацию. Кульминацией визита в Норвегию должна стать встреча между покорителями двух полюсов. Леон осознает, что враждебно настроенная мировая печать может с легкостью придать намечаемому свиданию видных полярников характер встречи между двумя преступниками, обманувшими всех с открытием каждым своего полюса.

По обыкновению, Леон берется за дело всерьез и пускает в ход имеющиеся у него дипломатические связи. Американский импресарио брата настоятельно не рекомендует тому поддерживать знакомство с д-ром

Куком, а норвежский посол в Берлине сообщает о том, что ученые по-прежнему бойкотируют врача. Леон решает «приложить все усилия, дабы сорвать поездку» Кука в Норвегию. «Я хочу дать ему понять, — пишет он брату, — что тут его никто не встретит с распростертыми объятиями — ни ты, ни пресса».

Вероятно, непримиримость Леона по отношению к старинному другу Руала и предлагаемое им категорическое обособление от второго полюса были необходимы, чтобы избежать очередного недостойного фарса в духе того, какой разыгрался вокруг открытия Северного полюса. На кон было поставлено слишком много, прежде всего положение Руала Амундсена как бесспорного покорителя Южного полюса. К счастью, Леон имел возможность обратиться за поддержкой к крупнейшему авторитету в области полярных исследований. В отличие от Отто Свердруп и Руала Амундсена Фритъоф Нансен никогда не высказывал безоговорочного одобрения Фредерику Куку как первооткрывателю Северного полюса, так что теперь он мог обеспечить Леону Амундсену профессиональное прикрытие его деловых маневров^[82].

Под напором этих обстоятельств Руал Амундсен вынужден был совершить над собой насилие. Он, обязанный д-ру Куку спасением жизни во время экспедиции на «Бельгике», должен был в решающую минуту предать своего наставника и друга. Он был готов на многое, но не на то, чтобы ради сохранения за д-ром Куком Северного полюса положить на чашу весов собственный Южный полюс.

В этот бурный период, пока брат сидел в аргентинской провинции, а на родине нужно было

любыми способами закреплять его успех, от Леона Амундсена потребовалось напряжение всех его сил и дипломатических способностей. Особенно непростыми, требовавшими невероятного такта были отношения с Англией. «Терра нова» не давала о себе знать. И, видимо, далеко не все разделяли восторг сэра Эрнеста Шеклтона по поводу достижений Амундсена. Лорд Керзон, президент Королевского географического общества, обронил замечание об «изменившихся планах» норвежца, которое можно было истолковать как критическое. Кроме того, Географическое общество, чуть ли не первым пригласившее покорителя Антарктики для выступлений, решило устроить первую открытую лекцию не в Альберт-холле, где делали свои доклады такие знаменитости, как Нансен, Шеклтон и Пири, а в Куинз-холле. Болезненно чувствительный к вещам, в которых можно было усмотреть оскорбление его достоинства, Руал Амундсен среагировал отменой всех намеченных в Англии мероприятий.

Потеря репутации из-за отказа посетить имперскую столицу могла стоить полярнику дорого. Леон попросил секретаря КГО обратиться непосредственно к брату, в Аргентину. Скотт-Келти заверяет Руала, что в Англии не найти человека, который бы не питал безграничного уважения к подвигу норвежца, однако уговорить Руала Амундсена изменить свое решение не под силу какому-то секретарю. Для этого следует прибегнуть к помощи короля Хокона и королевы Мод.

Дело разрешается лишь после возвращения полярного путешественника в Христианию и аудиенции в королевском дворце, когда он напишет дону Педро: «Уступая желанию короля, я согласился провести назначенные в Англии выступления. Сам я предпочел бы избежать этого, но раз так желает монарх, мне остается лишь подчиниться». Да, нужно было нести тяжкое бремя вассала...

Помимо д-ра Кука и лорда Керзона возникает еще одна угроза. 11 июня 1912 года в Саннефьорд прибывает пароходом Ялмар Юхансен и вместо того, чтобы напрямик ехать к семье в Шиен, садится на поезд в Христианию. Оттуда он посылает домой телеграмму: «Долгое, мучительное путешествие. Всё в порядке!»

Кругосветное плавание не прошло безболезненно для фактически отлученного от экспедиции, разочарованного Юхансена. В Мельбурне выданные на дорогу деньги кончились. Через тамошнего консула и министерство иностранных дел проблема дошла до адвокатской конторы Алекса Нансена. Посоветовавшись с Акселем Хейбергом, адвокат решил — «во избежание скандала» — доставить Ялмара Юхансена на родину. Капитану Амундсену Алекс Нансен докладывает, что Юхансена «необходимо было отправить домой возможно дешевле, не давая ему на руки денег и купив билет сразу до места назначения. К сожалению, это обошлось экспедиции в 505 крон». Ничего себе возвращеньце — в виде штучного груза — для человека, который 15 лет назад прибыл на родину вдвоем с Фритьофом Нансеном и которого потом чествовали по всему побережью!

В Саннефьорде у первого вернувшегося участника третьей экспедиции на «Фраме» берет интервью корреспондент «Моргенбладет». Юхансен отзывается о Начальнике лояльно, однако не может не упомянуть о том, что лыжный поход с Нансеном был куда труднее. Вообще-то он говорит мало. Надолго ли хватит его преданности? Хотя адвокат Нансен лишь угадывает конфликт, стоящий за возвращением Юхансена, ему не нравится, что капитан остался на арене один и может

говорить все, что ему заблагорассудится. «Поскольку я опасался, что фигуру Юхансена раздуют и получится скандал, я в тот же день телефонировал во все редакции Христиании и, конфиденциально сообщив им об истинном положении дел, попросил не брать больше интервью у Юхансена. Меня послушались», — докладывает адвокат.

С телефонной трубкой в руке адвокат Нансен продолжил свою тактику изоляции Ялмара Юхансена. Он давно привык к верным редакторам. «Газеты вели себя отменно» — так расценивает адвокат их позицию в течение всего антарктического похода. А когда победа стала фактом, газеты предоставили свои страницы и редакции для грандиозного сбора пожертвований по всей стране. Первые критические нотки в отношении Руала Амундсена прозвучат в норвежской печати лишь много лет спустя.

Через неделю после возвращения на родину Ялмар Юхансен собственной персоной заявляется в адвокатскую контору Нансена по адресу: Карл-Юхансгате, 27. Он без гроша в кармане и хочет получить 300 крон из кассы экспедиции, на которые, по его утверждению, имеет право. Но теперь братья Нансен не собираются разбрасываться кронами. Юхансен излагает свою версию конфликта, однако адвокат уже составил себе твердое собственное мнение. «Эта история с Юхансеном крайне прискорбна, — пишет он полярнику. — Я слышал от своего брата, что Юхансен вел себя с Вами нелюбезно и даже строптиво. Какая досада, что Вам пришлось испытать в экспедиции подобную неприятность». В свое время Фритьоф Нансен оказал доверие бывшему спутнику, рекомендовав его младшему коллеге. Теперь Юхансен стал докукой и обузой. Адвокат Верховного суда сует прежнему национальному герою 10 крон. В долг., скорее всего, без отдачи.

Ялмару Юхансену некуда приткнуться. В усадьбе Пульхёгда пусто: профессора не будет все лето, он ушел на своем паруснике «Веслемёй» в океанографическую экспедицию в район Шпицбергена. Однажды Леон Амундсен сталкивается с Юхансеном на улице. Но и у него нет полномочий выдавать дополнительные деньги списанному на берег участнику похода.

1 июля в Бергене пышно встречают остальных его участников. На другой день они в сопровождении ликующего эскорта садятся в поезд и к вечеру прибывают в норвежскую столицу. Там их, несмотря на отсутствие главных виновников торжества, ожидает насыщенная программа. Амундсен и Нансен незримо присутствуют на обеде в «Гранд-отеле», где они представлены своими братьями. Капитана Нильсена как заместителя руководителя не раз поминают в застольных речах. Только Юхансен остался за бортом. В самом буквальном смысле.

Чествование участников экспедиции завершается летним народным гулянием в центре столицы, на холме Санкт-Ханс-хауген. Тут уж втянули в дело и Ялмара Юхансена. Но он хочет не просто принимать аплодисменты среди других полярников. Он хочет сказать несколько слов. Может быть, Юхансен хочет изложить свою версию, а может быть, — лишь присоединиться к всеобщему восхвалению Начальника, «Фрама», Норвегии. Вероятно, он уже жалеет о хобартском увольнении, как жалеет о многом другом в своей жизни. Увы, за могучей фигурой полярника в потрепанной одежде наблюдают [\[83\]](#).

Вот как Алекс Нансен излагает это Руалу Амундсену: «Когда Ялмар Юхансен во время празднества на Санкт-Ханс-хаугене захотел пробиться вперед, чтобы произнести речь, я остановил его и, коль скоро он не

желал отказаться от своей затеи, без обиняков сказал, что у меня слишком много козырей против него и ему, дескать, лучше скромно держаться на заднем плане, иначе самому будет хуже. Тогда он раздумал говорить. Он, ясное дело, был пьян». Круг замкнулся. Когда-то Фритъоф Нансен выдвинул Ялмара Юхансена вперед, показал всему народу, дал погреться в лучах славы. Спустя 15 лет другой Нансен, гораздо более прозаичный, удержал Юхансена, когда тот хотел в последний раз предстать перед ликующей толпой.

Впрочем, решить проблему, однажды схватив человека за шкуру, не удастся. «Ялмар Юхансен распускает язык в кабаках», — пишет адвокат Нансен. Невзирая на бойкот печатных органов и подписку о неразглашении тайны, в газете «Афтенпостен» появляется интервью, в котором Юхансен позволяет себе приподнять завесу молчания. Возможно, не всё в экспедиции шло так гладко, как изображал дело Руал Амундсен? Еще до интервью жена Юхансена обратилась к Леону с просьбой разрешить ей обнародовать отрывки из мужниных писем, которые он присылал с «Фрама». Ссылаясь на контракты, заключенные с участниками экспедиции, а также на издательский договор Руала, Леон (с выражениями сожаления) отказывает ей, однако у него была возможность прочесть Ялмаровы письма, и он обнаружил, что эта версия конфликта не всегда совпадает с версией брата.

Обладая предпринимательской жилкой, Леон понимает, что у Ялмара Юхансена есть стартовый капитал, а именно его история, которая может подорвать доверие к славному подвигу. Какой бы преданной натурой ни был Ялмар, он попал в безвыходное положение. Леон пишет брату: «У него за душой ни гроша, и я боюсь, как бы он не начал поставлять издателям статьи и книги, отчего все наши договоренности рухнут. Может быть, мне придется что-

нибудь для него сделать». Впоследствии Начальник таки выделил сумму в 300 крон, чтобы поддерживать существование Ялмара Юхансена (деньги выдавались ему порциями).

Между тем объявляется еще один человек, который представляет куда большую опасность для фонда наличности, собираемой в пользу героя Антарктики. Как только его победа становится явью, к управделами приходит брат Густав с требованием заплатить старый «долг чести». Леону советуют «переправлять все подобные запросы Алексу», иначе, мол, «все кончится напрасной тратой средств». В качестве юриста — к тому же не самого мягкосердечного — Алекс Нансен был единственным, кому доверяли урезонивать братца.

Кстати, Ежик теперь всерьез угрожал репутации семьи. Опираясь на свое доброе имя и предлагая в виде «страхового обеспечения» деньги Руала, он уговорил кассира газеты «Хюстен» одолжить ему 1600 крон из редакционных фондов. Когда в означенный срок сумму не возвращают, долг мгновенно превращается в недостачу. Только нежелание запятнать имя полярного путешественника в столь гордый для страны час удерживает адвокатов от немедленного обращения в суд.

В то лето между двумя полушариями остается неразрешенным лишь один вопрос: когда ждать героического полярника на родину? Руал Амундсен счел необходимым отослать подчиненных домой. Экспедиция практически оказалась распущенной — в том смысле, что «Фрам» не мог проследовать напрямую в Сан-Франциско, а оттуда отправиться в «главный поход», в северные широты.

Назрел некоторый перерыв — как для снаряжения судна, так и для того, чтобы пожать финансовые плоды захода на другой полюс. Начальник и думать не думал о чествовании экипажа в Норвегии. Экспедиция отнюдь не была завершена. Но пришедшая из Хобарта весть о победе перевернула все с ног на голову. На родине никто не сомневался, что триумфатор тоже прибудет туда. Только сам Руал Амундсен хочет отсидеться за границей. Пока он не разделается с походом на север, какие-либо торжества чреватy неприятностями.

Именно в этом вопросе управделами оказывается неумолим: «О выполнении твоего желания не может быть и речи: во-первых, народ будет крайне разочарован, а во-вторых, книгопродавцы (т. е. издатель Дюбвад) будут лишены изумительной рекламы». Тем не менее Руалу удастся обманым путем отнять у книготоргового сословия возможность использовать его победоносное возвращение.

Способ, к которому он прибег, особенно не понравился прямолинейному и донельзя честному дону Педро: «Ваше тихое исчезновение отсюда, естественно, дало повод к удивлению, сожалению и толкам, причем некоторые упреки были обращены лично ко мне». Впрочем, это единственное недовольное высказывание, которое позволяет себе дон Педро, несколько месяцев бывший гостеприимным хозяином полярного путешественника. «Знакомство с Вами и, осмелюсь сказать, установившаяся между нами сердечная дружба относятся к наиприятнейшим впечатлениям моей жизни, и я безмерно рад ей и горжусь тем, что соприкоснулся с великим предприятием, творцом и героем которого от начала до конца были Вы».

31 июля на Восточный вокзал Христиании прибыл поездом из Копенгагена гладковыбритый мужчина в больших роговых очках — Энгельбрект Гравнинг. Никем не замеченный, он сел в трамвай, сошел на остановке

«Драмменсвейен» и пешком проделал оставшийся путь через парк до королевского дворца. Полководец вернулся к своему монарху, чтобы наконец-то самолично отрапортовать ему: «Южный полюс покорен».

Рассмотреть хитроумные ходы Руала Амундсена в глобальной перспективе сумел лишь поэтический аптекарь Фриц Г. Цапфе. «Вы феноменальны! — пишет он из Тромсё. — Раз за разом преподносите сюрпризы нам и всему миру! И еще отказываетесь от аплодисментов. Вы великий авантюрист: внезапно пропадаете, за несколько взмахов крылами облетаете земной шар, так что его обитатели застывают, как перед чудом, и опять исчезаете — спокойно и беззвучно, не производя ни малейшей шумихи, дабы затем потрясти нас новым сюрпризом. Не требуя ничего для себя... только давая другим... щедрой рукой наделяя подарками все человечество. Я понимаю участников экспедиции, когда они говорят: "Амундсен — самый лучший человек на свете!"»

ЧАСТЬ III
В ПЛЕНУ У СЕВЕРО-
ВОСТОЧНОГО ПРОХОДА

Глава 19

ПУТЬ В ЛОНДОН

20 августа 1912 года в столице горной страны, в королевском дворце устраивают торжественный обед. Из ближних и дальних мест на него созывают команду «Фрама», и она, облаченная во фраки, принимает участие в первом чествовании Начальника со времени состоявшегося полгода назад банкета в Буэнос-Айресе. В основном же покоритель Южного полюса безвылазно сидит в Свартсуге. Нужно закончить книгу и наметить поездки.

9 сентября Руалу Амундсену предстоит доклад в Географическом обществе, где он впервые поведаст о том, как самые южные районы земного шара были пройдены норвежскими лыжниками. Накануне вечером он приглашает всех участников экспедиции на торжественный ужин в «Гранд-отеле». Каждому вручаются золотые часы с цепочкой и надписью. Капитан снова ставит феерический спектакль — как в тот раз на «Фраме», когда они праздновали Рождество... тысячу лет назад, когда Южный полюс еще оставался точкой, куда не ступала нога человека.

Столичные репортеры описывают декорации: «Обстановка красного зала довольно реалистично изображала Южный полюс. Лампы бросали розовые отсветы на воздвигнутый посреди стола блестящий сугроб с воткнутым в него норвежским флагом. Возле Пульхейма виднелись марципановые фигуры лыжников с нартами. У кромки льда стоял "Фрам" в окружении тюленей. На сцене присутствовали также живописно расположенные (и позаимствованные из Музея игрушки) антарктические звери и птицы. Речей не было, тем не менее ужин прошел с большим душевным

подъемом и затянулся за полночь». В такие вот минуты, среди чучел птиц и марципановых лыжников, Руал Амундсен еще крепче привязывал к себе свой экипаж. В розовом свете истории жесткие приказы, грубые замечания уходили в небытие. Хотя обошлось без речей, у всех остались золотые часы на толстых цепочках.

Доклад, который Амундсен прочитал на следующий вечер в «Цирке»^[84], стал наиболее значительным мероприятием Географического общества за 25 лет его существования. Присутствовал весь дипломатический корпус. В королевской ложе сидели монарх с супругой и августейший президент Французского географического общества — принц Ролан Бонапарт. В общем, присутствовали все. За исключением Нансена.

Профессор еще не соизволил вернуться из океанографической экспедиции в районе Шпицбергена, хотя к этому времени его судно уже не просто шло вдоль берегов Норвегии, но продвинулось далеко на юг. Возможно, Фритьоф Нансен не слишком торопился домой — посмотреть, как будут чествовать другого человека за достижение, о котором мечтал он сам? Возможно, он хотел показать всем, что каждая проба воды, взятая на исследовательском судне «Веслемей», важнее для жизни и деятельности людей, чем победоносное знамя, водруженное во имя тщеславия на эфемерном пупе земли.

«Когда он [Руал Амундсен. — *Пер.*] двинулся по центральному проходу, увенчанный Большим крестом ордена Св. Олава и медалью "Фрама"^[85], зал взорвался аплодисментами, — писал корреспондент «Моргенбладет». — Капитан Амундсен вступил на сцену, спокойный, исполненный собственного достоинства, по обыкновению дружелюбный, и принялся ждать, когда смолкнут овации, а также крики "ура" и "браво". В конце концов они утихли, дав ему

возможность говорить. И он заговорил, опять-таки крайне просто, голосом, который годился для залов куда больше этого».

После выступления человек двести переместилось для званого обеда и танцев в «Гранд-отель», в зал стиля рококо. К сожалению, виновник торжества очень спешил. Как сказано у него в последней рукописи: «Сытное и разнообразное меню — для людей, у которых нет дел». Руал Амундсен выходит из-за стола, не дожидаясь десерта. Ему пора на поезд в Берген. Гости аплодируют стоя. Оркестр подыгрывает тем, кто затянул государственный гимн. В сопровождении Хелланн-Хансена Амундсен садится в автомобиль и едет к Восточному вокзалу. Так он начинает свое турне.

Из Бергена ему предстоит проехать по крупным городам Норвегии, затем перебраться через границу в Швецию, оттуда в Копенгаген, Берлин и далее — в Англию, Францию, Италию. Ненадолго заглянув в Свартсуг отпраздновать Рождество, он в первых числах нового года покинет Европу и будет до лета колесить по Северной Америке. Предполагалось, что в Сан-Франциско он взойдет на борт «Фрама» и продолжит поход, проведя корабль через Берингов пролив в Северный Ледовитый океан. Этот план, однако, был пересмотрен еще в Норвегии.

Руал Амундсен написал дону Педро, что «пришлось отложить экспедицию на год. Я не сумел найти никого, кто бы взялся за океанографические исследования, и вынужден обучиться им сам». Итак, полярный путешественник должен опять садиться за парту — занятие не самое для него привлекательное, однако ученику положено слушаться учителя. «Отсрочка досадная, но (как утверждает Нансен) абсолютно необходимая».

Экипаж «Фрама» был разбросан по всему миру и с трудом поддавался обзору. Участники похода по-прежнему распадались на три группы. Сам полярный корабль под командованием капитана Турвалла Нильсена и финансовым надзором дона Педро стоял в Аргентине. Его подвергали всесторонней проверке и снаряжали для плавания в арктических водах.

Наиболее активный отряд занимался выступлениями и состоял из одного капитана Амундсена. Вместо посещения забытых Богом точек планеты ему теперь предстояло в самые сжатые сроки посетить как можно большее число залов Западной Европы и Западного полушария. Австралию, Азию и Южную Америку он уже кое-как охватил.

Третья партия по-прежнему оставалась в Христиании. В дополнение к прочим административным обязанностям Леон Амундсен теперь получил под свое начало сухопутный экипаж. Части его до сих пор выплачивали жалованье из экспедиционной кассы. Этих людей надо было чем-нибудь занять. Да и несправедливо, что за парту придется сесть одному Начальнику. Самым подходящим выходом была учеба для взрослых. Лучшего походного ремесленника — парусного мастера Рёнке из Хортена — отправили постигать переплетное дело. Второй уроженец Вестфолла тоже проявил ремесленную сноровку. Через некоторое время Леон сообщает брату: «Вистинг едва ли будет целыми днями применять свои знания терапевта и дантиста, так что я решил определить его в ученики к жестянщику». Вскоре Оскар Вистинг, новоиспеченный терапевт и дантист (он же универсальный гений из Хортена), выдержал экзамен на звание подмастерья. А когда-то невоздержанный и

своенравный Хельмер Ханссен делает ставку на развитие личности и вступает в масонский орден.

Не все, однако, проявляют одинаковую склонность к учебе. Плохие отзывы идут о Йоргене Стубберуде. Помимо всего прочего, он постоянно встречается с изгнанным Ялмаром Юхансенем: «Похоже, что он [Стубберуд. — *Пер.*] плохо переносит почивание на лаврах». Йорген приходит в себя, только когда уезжает из города и может вернуться к привычному плотницкому делу. Леон получает от брата согласие на возведение в «милом сердцу Ураниенборге» нескольких построек «вроде стаббюра»^[86], так что с заказами у Стубберуда все в порядке.

Трудно пришлось после возвращения на родину отчисленному члену экипажа Улаву Бьоланну. Уже в августе он пишет бывшему Начальнику (безуспешно пытаясь подделаться под риксмол): «Я, как вернулся, сижу настолько без денег, что думал уже взорвать банк». Вместо взрыва банка моргедалец закладывает заряд под самое больное место Руала Амундсена: «Я хочу напомнить вам про наш разговор в Кристиансанне перед отплытием на юг, я тогда просил избавить меня от этого похода, а вы сказали: "неважно, во что это мне обойдется, но, если понадобится, я вам всегда помогу, так что о походе вы не пожалеете"».

На протяжении лет Улаву Бьоланну понадобится разная помощь. И с того дня, когда он в антарктических горах унижался перед Начальником, Бьоланн понял, чем его можно взять: «Я давно живу с верой и надеждой, что вы поддержите меня, иначе я бы и не пошел с вами в экспедицию, так что рассчитываю, что вы исполните мою просьбу». Для Руала Амундсена самым важным на свете было никогда не подводить людей, с детской доверчивостью вручивших свою судьбу господину и повелителю.

Однажды Улава Бьоланна осенило, что ему нужно сделать шаг от мастера по изготовлению лыж к лыжному фабриканту. Он построил себе небольшую фабрику и выговорил у Начальника разрешение производить лыжи марки «Пульхейм».

К концу октября в работе над колоссальным трудом под названием «Южный полюс» остаются последние штрихи. Руал пишет Леону из Кенигсберга: «Будь добр, вставь слова благодарности, как это было сделано с книгой про "Йоа". Кого следует поблагодарить, разберешься сам. Я хотел бы, чтобы там было и твое имя. Пожалуйста, не забудь его». Леон обещает составить «Благодарственное слово», но настоятельно просит разрешения опустить себя: «Ты уже упоминаешь меня в тексте, а потому едва ли стоит называть меня и там, тем более что я получаю деньги за свою работу». Управделами предпочитает держаться незаметно, такой уж у него характер. Впоследствии найдутся и другие, кто захочет вычеркнуть имя Леона Амундсена из истории.

Кое-кому печатной благодарности мало. Им надо прибавить другую, выраженную в металле. «Сегодня я наконец имел встречу с премьер-министром, и он обещал раздать награды, о чем конфиденциально сообщил мне», — пишет Леон 10 ноября. По-видимому, премьер-министр Братли также обещал для участников экспедиции повышение в званиях и хорошие назначения, однако его партия всего за несколько дней до встречи проиграла выборы в стортинг. Леон докладывает, что «на выборах победили левые, так что в январе правительство возглавит Гуннар». Судовладелец Гуннар Кнудсен был для братьев

Амундсен «своим человеком». Тем не менее смена правительства пришлась как нельзя более некстати. Станет ли новый премьер-министр исполнять обещания предыдущего?

Возглавлявшие сбор средств Алекс Нансен и Аксель Хейберг надеялись, что благодаря успеху с покорением Южного полюса Руал Амундсен заложит для себя финансовый фундамент не хуже того, какой заложил после первого похода на «Фраме» Фритьоф Нансен. «Мы бы хотели, чтобы у Вас образовалось состояние, которое бы обеспечило Вам в будущем полную материальную независимость», — написал адвокат в своем отчете летом 1912 года. К этому времени сумма государственных и частных взносов на третий поход «Фрама» составила 330 тысяч крон. Впредь фонд должен был в основном пополняться гонорарами за книгу и за выступления по всему миру.

И Леон, и Руал Амундсен смотрели на литературную и ораторскую деятельность с точки зрения предпринимателей. Они оказались способны учитывать национальные особенности разных стран. Для немецкого издания братья согласились приглушить хвалу в адрес Хокона VII на равнине его имени, дабы не отпугнуть тех из читателей кайзеровской Германии, кто придерживался социал-демократических взглядов. Они также пошли на переговоры с американцами о том, как лучше приспособить Руалову лекцию для требовательной публики Нового Света.

Дело в том, что американский импресарио полярного путешественника, Ли Кидик, получил тревожные сигналы из Австралии: его предупреждали, что норвежец — никуда не годный оратор.

Кидик тут же написал Леону и велел лектору нанять себе преподавателя английского. Кроме того, американец советовал полярнику воздержаться от слишком частого употребления научных терминов и

побольше прибегать к юмору: «Шеклтон так и делал, что принесло весьма удовлетворительные результаты».

Брать уроки английского Руалу Амундсену не хотелось, в остальном же у него не было возражений: «Если удастся выжать из доклада что-нибудь смешное, я всегда пожалуйста. Пускай себе хохочут!» Как замечает Леон, все распоряжения из Америки делаются исключительно «в интересах лекционного турне; в отличие от Англии, они не продиктованы крохоборством или завистью».

В Англии возникли другие проблемы. Там братья приготовились к самому худшему — в частности, что англичане не признают за районом полюса название «Земля Короля Хокона VII», поскольку эта территория составляет часть Земли Короля Эдуарда VII, как ее давно нарек Шеклтон. Тут, однако, Руал Амундсен получает поддержку у немцев, на картах которых уже значится: плато Хокона VII. «Англичане скорее всего воздержатся от такого названия, что мы наблюдали и прежде. Ну да ладно. Путь, проделанный "Йоа", на английских картах тоже не указан».

Тем не менее в голове полярника зреет территориальный конфликт между продуваемой всеми ветрами равниной Хокона VII и столь же необитаемой землей его тестя Эдуарда VII (помимо всего прочего, уже скончавшегося). Леон, по своему обыкновению, запрашивает совета экспертов. Херман Гаде уже раньше согласился выверить английское произношение Руала. Теперь выясняется, что оставшийся не у дел дипломат имеет собственное мнение по поводу политических конфликтов. «Гаде считает, что в Англии тебе следует отстаивать свои права и что это произведет хорошее впечатление на Америку, а если в газетах поднимется скандал, он послужит для тебя дополнительной рекламой».

На это странствующий полководец отвечает — из швейцарского Санкт-Галлена — одним из типичных для себя метких изречений: «Я полон решимости бороться в Англии за свои права. Тот, кто теряет права, теряет самого себя и лишается уважения и симпатии со стороны всех». Чувствуя собственную силу, норвежец прибавляет: «На Англии свет клином не сошелся. В данном случае она наверняка останется в одиночестве».

Леон Амундсен захотел обсудить с Херманом Гаде еще один вопрос. Известно, что 15 декабря бывшему министру иностранных дел Вильхельму Кристоферсену исполняется 80 лет и что праздновать юбилей будут на Ривьере, в Ницце. Туда, в частности, собирается с семьей брат новорожденного — дон Педро. Там необходимо присутствовать и Руалу Амундсену. По многим соображениям.

2 октября Леон излагает брату новый дерзкий, далеко идущий план: «Похоже, у фрекен Карменсии не сложилось романтических отношений ни с Нильсеном, ни с кем-либо еще, и мы с Гаде пришли к выводу, что она как нельзя лучше подходит тебе. Разве не хитро было бы начать теперь обдѣлывать это дело? Нельзя упускать такое милое семейство и такую блестящую партию, а если б тебе удалось добиться успеха, к твоему возвращению тебя ждал бы собственный уютный дом». Гениальный ход — вполне в духе Леона Амундсена. Одним ударом Руал навсегда разрешил бы свои личные и денежные проблемы. А устроить это можно было бы за пару солнечных дней на Лазурном Берегу.

Руал Амундсен понимает, что ему действительно следует быть на юбилее. Почтить своим присутствием дона Педро всегда имело смысл и окупало себя. Руал, кажется, готов даже согласиться с рассуждениями Леона. «Пожалуй, ты прав, хотя не знаю, надолго ли я смогу задержаться в Ницце», — пишет он из Бремена 12 ноября. Леон явно ожидал большего энтузиазма. «Помоему, ты сглупишь, если не станешь ковать железо, пока горячо. Семейство тебя знает, момент теперь самый что ни на есть благоприятный, и я сомневаюсь, чтобы тебе попалась более подходящая невеста». Это весьма серьезное заявление со стороны Леона, который всегда вел себя предельно тактично и не вмешивался в личные дела брата. Сейчас в нем говорит предприниматель.

Ничего зазорного в том, чтобы, по выражению Леона, «сделать хорошую партию», не было. Оба брата Гаде вступили в выгодные браки, сам дон Педро дважды заключал такой брак. Выгодно жениться не означало поставить крест на собственной жизни. Напротив, дело происходило в эпоху двойной морали. У Руала Амундсена всегда была тяга к двойственному: ему нравилось иметь два имени, два адреса, две жизни. У Земли было два полюса. И Руал вполне мог покорить оба.

Тем не менее у полярника не лежала душа к предлагаемой стратегии. При всей своей расчетливости, жестокости, бесчувственности, даже циничности, в глубине души Руал Амундсен был романтиком — романтиком действия.

Конечно, у него складывались раздвоенные отношения с женским полом. С одной стороны, он бывал участником купли-продажи, предприятия чисто физиологического свойства. С другой — хотел видеть в избраннице свою самую красивую, самую бескомпромиссную мечту. После долгих месяцев и лет в

забытых Богом краях Руал Амундсен не утратил ни веры в Господа, ни тем более твердой веры в великую любовь.

До Ниццы на очереди стоял Лондон, который тоже отличался двойственностью. С одной стороны, это был театр военных действий, город, где Амундсену предстояло бороться за свою честь и настаивать на своих правах. С другой — это было место развлечений. Руал страшился первого и предвкушал второе. Херман Гаде оповестил его о своем присутствии в английской столице. Это было многообещающе... для второго.

Глава 20

БОГИНЯ СЧАСТЬЯ

«Уважаемый господин Амундсен! Позвольте выразить радость по поводу Вашего прибытия осенью в Лондон и пожелать Вам тут самого радушного приема. Здешние норвежцы были бы счастливы, если бы Вы нашли время встретиться с нами, желательно как-нибудь вечером, за ужином. Не будете ли Вы любезны назвать удобный для Вас день?»

Этому приглашению, полученному вместе с пачкой других, датированному 2 августа и подписанному Беньямином Фуггом, норвежским посланником в Англии, предстояло сыграть решающую роль в жизни Руала Амундсена. Встреча впоследствии была назначена на субботу, 16 ноября 1912 года, когда норвежская колония и устроила в лондонской гостинице «Сесил» великолепный ужин в честь Руала Амундсена.

«Женщина — богиня счастья. Хочешь завладеть ею, хватай и умыкай. Бессмысленно играть на мандолине у нее под окном». Эту цитату из пишущего о Диком Западе Рекса Бича Руал Амундсен выбрал в качестве девиза для «Южного полюса». В своей сугубо мужественной книге Амундсен лишь однажды упоминает слабый пол — до начала выступления к полюсу: «Дорога к цели намечалась все более явственно. Уже можно было различить волшебный замок вдаль. Красавица еще спит, но близок час, когда поцелуй разбудит ее».

Сказочный образ подсказан Руалу Амундсену другим поэтом полярных широт, Фритьофом Нансеном, который еще в 1887 году сравнивал свое путешествие в Гренландию с завоеванием Аскеладденом принцессы на

стеклянной горе. Какой же смысл заключался в волшебных символах? «Я бы сказал, принцесса — это польза, которую мы приносим науке в виде сделанных по пути наблюдений над составом снега и льда, над перепадами высот и прочими такими вещами».

Даже в отношении самого Нансена подобное толкование слишком поверхностно. А для его коллеги поэтический образ науки в обличье сказочной принцессы и вовсе не годится. Скорее можно предположить, что, при сугубо конкретном подходе Амундсена к действительности, принцесса для него вовсе не символ, а воплощает самое себя — женщину из плоти и крови, так что поцелуй в данном случае означает возделенную кульминацию.

И все же, независимо от толкований: мандолина иногда пригождается даже самому деятельному покорителю женщин.

В четверг, 14 ноября 1912 года, Руал Амундсен высаживается на английском берегу, в Дувре. В тот же вечер полярному путешественнику, по сообщению его здешнего импресарио, Джеральда Кристи, «устраивают грандиозный прием» в Лондоне.

За плечами у первооткрывателя Южного полюса осталось весьма успешное — со множеством битком набитых залов — турне по европейскому континенту. Еще до окончательного расчета Леон получил от импресарио в Германии 40 тысяч немецких марок. Накануне Руала чествовали бельгийцы во главе с королем Альбертом. Теперь полярный путешественник достиг критической точки экспедиции. В качестве гостя КГО он останавливается в клубе Королевского научного

общества, недавно назвавшего его своим почетным членом. Завтра грядет битва.

В пятницу, 15 ноября, он обедает с норвежским посланником Беньямином Фугтом — рассудительным, почти пятидесятилетним адвокатом. Фугт играл одну из главных ролей в противостоянии со шведами и как первый норвежский «министр» в Стокгольме привык находить выход из щекотливых положений. Он считает себя близким другом Фритьофа Нансена, который служил на его теперешнем посту пять лет назад, когда в британскую столицу пожаловал со своим волшебным фонарем, чтобы мгновенно очаровать лондонцев, покоритель Северо-Западного прохода. Тогда с ним приехал и Леон. Сейчас брат пишет из Христиании: «Надеюсь, вечер в Географическом обществе пройдет гладко».

Вечер действительно прошел гладко, без каких-либо столкновений между Хокоhom VII и его почившим тестем Эдуардом VII. «Герой Южного полюса со своим бесстрашием, своей скромностью и своей ученостью, — постановит на другое утро «Дейли кроникл», — человек столь же примечательный, как Фритьоф Нансен». Вершина была взята.

«Как я вижу из газет, — с облегчением пишет Леон, — лондонский доклад прошел без конфликтов, что, конечно, к лучшему, в том числе по финансовым соображениям». Кое-что все-таки случилось, но не во время лекции, а на последовавшем затем банкете. И достоянием публики это стало спустя 15 лет, когда была написана «Моя жизнь».

На банкете президент Географического общества Джордж Натаниэл Керзон, маркиз Кедлстонский, произнес тост за первооткрывателя Южного полюса. Тост исходил от того самого лорда Керзона, который полгода назад вызвал множество дипломатических осложнений и едва не сорвал приезд Амундсена в

Англию. Лорд был одним из самых видных представителей Британской империи. Он властно и жестко правил Индией в свою бытность ее вице-королем. Это по его подсказке Эдуарда VII провозгласили монаршим главой над всеми индийцами. Лорд Керзон неизменно отстаивал право на власть — в частности, выступал как принципиальный защитник законных прав палаты лордов. Даже в Англии лорд Керзон (который, кстати, был также почетным ректором Оксфордского университета) пользовался репутацией красноречивого, но бесцеремонного оратора. Итак, рассказ Амундсена:

«Тщательно взвешивая слова, лорд Керзон обосновал приглашение меня в качестве докладчика, причем особо отметил то обстоятельство, что я приписываю часть нашего успеха собакам, после чего завершил речь словами: "Посему предлагаю всем присутствующим грянуть троекратное "ура" в честь собак", — да еще подчеркнул саркастический и унижительный смысл своего высказывания успокоительным жестом в мою сторону (хотя я даже не пошевелился), словно убедительно прося меня не реагировать на столь прозрачное оскорбление».

В таких именно выражениях Руал Амундсен через много лет изложит этот «вопиющий эпизод». Королевское географическое общество тут же опротестовало его соответствие действительности, да и мы знаем, что особо доверять амундсеновской автобиографии не стоит. Тем не менее крупица правды тут должна быть.

Для Амундсена не существовало знаменитого английского "understatement" (недоговоренности, сдержанного высказывания). Он не понимал, что лорд Керзон может испытывать потребность с помощью лукавой шутки спасти хотя бы часть имперской чести. Конечно, сам лорд тоже плохо разбирался во

внутреннем мире норвежца. Своим «ура» в честь собак он сохранял блеск славы вокруг своей империи за счет чувств гостя, которого уже второй раз пытался оскорбить. Так и подмывает сказать, что великие люди и великие нации бывают одинаково мелочны.

Самое удивительное в этом столкновении (сначала прошедшем незамеченным, а затем, после опубликования воспоминаний, вызвавшем скандал) — насколько оно отражает неизбывный комплекс неполноценности, которым страдает Амундсен. Его чествовали в одной стране за другой, он вступил в столицу империи с ореолом триумфатора, тогда как лорд Керзон, некогда твердой рукой правивший одним из самых многочисленных народов на земле, за этим столом, как-никак, представлял побежденных. Победителем тут был норвежский капитан и лыжник Руал Амундсен. Он сумел расправиться с имперскими львами, слонами и тиграми... но не сумел простить спущенных на него собак.

День, последовавший за докладом в Географическом обществе, 16 ноября 1912 года, стал для Руала Амундсена днем, который он впоследствии расценивал как один из самых памятных в своей жизни. Однако же для него не нашлось места в автобиографической книге. Он относится к скрытой части Руалового существования, части, которая с этого дня стала резко увеличиваться, пока не превратилась в определяющую для многих дел и поступков полярного путешественника.

Как и в 1907 году, норвежское землячество устроило праздник в честь капитана Амундсена в гостинице «Сесил». В гостинице было 800 номеров, она

была выдержана в шикарном стиле 90-х годов XIX века и в период процветания считалась самой крупной в Европе. Просторный банкетный зал был ради такого случая украшен настоящими норвежскими флагами и искусственным снегом. «Кроме того, — говорится в газетном отчете, — там была изящная скульптурная композиция, изображавшая экипаж "Фрама" в момент водружения норвежского знамени на Южном полюсе».

Главную речь за столом произнес посланник Фугт, который похвалил Амундсена за то, что он доказал своим соотечественникам, мол, «не слова, а дела придают значение жизненным целям». Благодарственное слово: полярник «глубоко тронут». Три раза по три «ура». Лая не слышно. Подвыпившая певица Джина Осельо (в то время еще невестка Бьёрнстьерне Бьёрнсона) затянула национальный гимн — «Да, мы любим край родимый». «Празднество продолжалось долго и в самом благодушном настроении, после банкета были танцы» — так заканчивается сообщение в газете.

Богиня счастья — женщина. Но в каком она должна быть платье? Вокруг покорителя Южного полюса вертелось множество женщин. И он пока не сообразил, что уже встретился с нею — в тот самый вечер.

В воскресенье вечером, 17-го, Руал Амундсен делал неофициальный доклад в роскошном помещении Королевского автомобильного клуба. «У нас собралось необычайно много членов клуба со своими друзьями, причем наплыв посетителей оказался настолько неожиданным, что пришлось в последнюю минуту принимать меры, дабы все сумели войти» — так было записано в клубном журнале. В понедельник полярный путешественник читает первую официальную лекцию в переполненном Куинз-холле. Руал Амундсен обретает популярность. Популярность на Британских островах.

Полярнику предстоит объезжать королевство до середины декабря. 28 ноября он пишет из Шеффилда вернувшемуся на родину другу, Херману Гаде. «Спасибо за общение — просто нет слов, как великолепно мы с тобой провели время. Когда я теперь вернусь в Лондон, мне будет чудовищно тебя не хватать». Гаде сопровождал верного друга на все столичные банкеты — как официальные, так и неофициальные. «Я вижу, ты усмехаешься, негодник, и, будучи человеком испорченным, думаешь: "Ничего, утешится", и проч. в том же роде. Ну да ладно, ты знаешь, я не собирался отлеживать себе бока. Жизнь коротка и едва ли повторится в том виде, какова она теперь». Последняя фраза, вероятно, подразумевает либо хвалу женскому телу, либо оправдание мужских пороков. Либо сразу то и другое. Похоже, в глубине Руаловой души еще не произошло сколько-нибудь серьезных перемен.

6 декабря он снова в Лондоне и поселяется в гостинице «Савой». «Твой брат как будто пребывает в прекрасной форме и замечательном настроении», — сообщает Леону импресарио — не без восхищения, учитывая напряженную программу полярника. В тот же вечер Руал Амундсен рассказывает Гаде в письме об обеде «в Автомобильном клубе [в клубном ресторане. — *Т. Б.-Л./*], где присутствовала почти вся мужская половина здешней норвежской колонии». Вечером он делал доклад в университете. «В воскресенье меня угощает ужином в "Савое" Беннетт с супругой».

Кто-кто? «Ты, возможно, помнишь привлекательную даму в красном? Ту, что была на норвежском банкете?» Бывают ли богинями счастья дамы в красном?

Обычно Руал Амундсен не принимал таких — строго говоря, необязательных — приглашений. Полярнику более чем хватало обязательных, неизбежных торжеств и прочих мероприятий, на которых ему положено было представлять. Кроме того, у него каждый

вечер было по выступлению — за исключением праздничных дней, и то не всегда. Если Руал согласился поужинать с четой Беннеттов, есть основания полагать, что он преследовал собственные цели, преследовал человека, который приглянулся ему на норвежском банкете. Даму в красном.

«Савой» располагался на Странде по соседству с гостиницей «Сесил» и производил впечатление не менее элегантного. Как и «Сесил», «Савой» был архитектурным цветком, возросшим на благодатной почве эдвардианской эпохи. Там, среди причудливой лепнины и сверкающих зеркал, любили отобедать или отужинать под мелодии Штрауса виднейшие представители империи... в обществе жен и нежен. С давнего времени, когда профессор Ноймайер приглашал нашего полярника в аристократические заведения на гамбургской Юнгфернштиг, у него выработался вкус к большому, роскошным отелям. Он умел наслаждаться прелестями бытия.

Пригласивший его на ужин Чарльз Пито Беннетт был учтивым господином плотного сложения и пятидесяти с лишним лет. Он объездил не только всю Британскую империю, но едва ли не все страны мира... кроме России и Чили. Этот зажиточный предприниматель мог себе позволить тратить деньги на жизненные удобства, а потому научился ценить достоинства изысканного меню, первоклассного портвейна, увлекательной партии в вист, а также сельского пейзажа, открывавшегося с заднего сиденья его роллс-ройса.

Собственно говоря, автомобиль был главным увлечением Беннетта. Уже в год смерти королевы Виктории он участвовал в учреждении Моторного союза, потом стал ответственным членом Автомобильной ассоциации. Моторизованные средства передвижения были тогда модным увлечением

немногих избранных, так что руль находился в знающих руках специалиста, тогда как хозяин авто мог спокойно раскуривать на заднем сиденье свою сигару.

Чарльз Пито Беннетт торговал лесом. Еще его отец владел лесопромышленными складами по берегам Темзы. Чарльз ввозил с Дальнего Востока экзотические сорта древесины — красное и тиковое дерево, однако поддерживал торговые связи и с Норвегией. Раз в год он непременно посещал эту славившуюся лесом маленькую страну, добираясь до 63° северной широты, где находился Тронхейм. Его самым близким знакомым в городе, где обычно проходили коронации на норвежский престол, был молодой, но влиятельный промышленник и лесоторговец, основатель горнодобывающего предприятия «Оркла» Кр. М. Тамс. Англичанин регулярно общался (по делам и частным образом) с норвежским предпринимателем и его супругой-баронессой — иногда в городе, а иногда в их романтической бревенчатой усадьбе в деревне.

В Тронхейме, за два года до коронации в тамошнем кафедральном соборе последнего короля, почти пятидесятилетний Чарльз Пито Беннетт и познакомился со своей будущей женой. Ей еще не исполнилось восемнадцать.

В отличие от большого банкета 16 ноября ужин 8 декабря был задуман едва ли не интимно, для узкого круга. Хотя ради почетного гостя типографским способом отпечатали рисованное меню на французском языке с большим выбором блюд и вин, за столом собралось не более пятнадцати человек. Кроме хозяйки и почетного гостя, присутствовал всего один норвежец, юноша с хорошо знакомой Амундсену фамилией — Арвид Аструп. Он приходился кузеном молодой супруге лесоторговца. Привлекательная дама в красном сидела рядом с почетным гостем. Высокая, темно-русая,

необыкновенно веселая, неотразимо уверенная в себе, она была центром всеобщего внимания.

От сидевших за столом не укрылось, что произошло, как только полярный путешественник заглянул в глубину смарагдовых очей госпожи Беннетт. Он повстречал свою богиню счастья. И мгновенно исполнился желания «схватить и умыкнуть» ее.

Близится Рождество. Начальник заказывает для своего экипажа вино и сигары. «Пошли Вистингу и Хельмеру каждому по 500 крон, — пишет он Леону, — но строго-настрого вели им держать язык за зубами. Иначе у меня будут из-за этого крупные неприятности». Некоторые дары надо скрывать, как скрывают взятки, другие можно делать на глазах у всех. Заболела старенькая, прославленная Руалом няня Бетти. «Пожалуйста, всякий день, который она пробудет в больнице, приноси ей от меня конфеты и свежие цветы».

Не всё, однако, можно уладить букетами цветов и сотенными банкнотами. В Христиании к адвокату Нансену приходит адвокат Верховного суда Бугге, который хотел бы обсудить с ним финансовые дела Густава Амундсена. «Дела, как всегда, очень плохи», — сообщает Нансен, прилагая к письму список более тридцати невыплаченных займов. Помимо всего прочего, знаменитому полярнику направляют врачебное свидетельство о душевном здоровье капитана Амундсена (Густав Амундсен тоже носит звание капитана).

Оказалось, что крайне «взволнованный и расстроенный» Густав посетил клинику д-ра Дедикена для душевнобольных и изложил медикам свою

трагическую историю. Те пришли к выводу, что причину вывести из его взносов на поход «Йоа»: «По возвращении Руала на родину брат не получил от него ожидаемой помощи, и это просто надломило Густава. Он серьезно пострадал в результате жертвы, принесенной ради брата, так как разорился, будучи вынужден из честолюбия и гордости заплатить долг, отдавать который не был обязан». Итак, несчастье Ежика было вызвано успехами брата. К тому же Густав «изводит себя упреками, которые, впрочем, не носят болезненного характера, более того, его состояние могло бы придать им совершенно иные черты, чем наблюдаемые в настоящее время, поскольку они почти не высказываются вслух и их едва ли можно назвать совсем необоснованными». Густав Амундсен не утратил веры в именитого брата, однако он глубоко разочарован, «ибо не получил ни материальной поддержки, на которую рассчитывал, ни отблеска славы, в лучах которой с удовольствием погрелся бы».

Через Леона Руал посылает ежемесячное пособие своей невестке Малфред, которой приходится терпеть капризного и неуравновешенного брата. Что касается остальных дел, Руал просит Леона и адвоката Нансена уладить их как можно лучше, прибавляя: «Я вмешиваться не буду».

Ежик грозной тенью возникал всякий раз, когда полярный путешественник поднимался на вершину успеха, и с годами тень эта нависала все более опасно. Осенью Леон писал ему: «Ты будешь и дальше получать вспомоществование при одном условии — что вы навсегда уезжаете из Бунне-фьорда. Нам здесь нужно спокойствие для продуктивной работы, а не второй капитан Амундсен». Тем не менее Руалу трудно порвать со вторым капитаном Амундсеном, а тот умеет играть на слабостях брата. Густав представляет дело так, будто речь идет не о нищем, выпрашивающем

милостыню, а о «долге чести», который необходимо заплатить. Помимо денег, Ежику нужны работа и дом, куда можно было бы переехать с семьей.

Полярный путешественник доверяется Херману Гаде, ставшему членом правления недавно созданной компании «Норшк Америка-линье» («Норвежская линия в Америку»): «Всего два слова. Мой брат Густав ищет работу на "Американской линии". Какую именно, не знаю. Сумеешь ему посодействовать — будь добр. Я помолодею лет на пять, если только удастся пристроить его на постоянное место».

11 декабря Леон получает огорчительное известие из Белфаста по поводу Рождества. Руал пишет: «Я не приеду. По-моему, слишком много хлопот из-за каких-нибудь двух дней». У покорителя полюса другие планы. Его лекционное турне тем временем подходит к концу. Несмотря на внешний успех, доходы оказываются значительно меньше ожидавшихся. Но хуже всего другое. Английский импресарио намекает, что Руалу Амундсену следует отказываться от полного гонорара в тех случаях, когда устраивавшие выступления некоммерческие организации остаются внакладе: «Так поступали все великие первооткрыватели».

Наш полярник воспринимает этот намек как смертельную провокацию. В письме из Дублина, датированном 12 декабря 1912 года, он объясняет Леону: «Эти проклятые англичане не получают от меня ни единого эре! Так ему и скажи. Я, правда, не знаком с контрактом, однако не собираюсь ни на йоту уступить этой "нации любителей пуддинга"».

Скажи ему, что я надрываюсь в разъездах не на потеху англичанам, а чтобы заработать необходимые средства себе на жизнь и на будущие походы». Негодование направлено не только против импресарио, Джеральда Кристи, но и против всего народа: «После

поездки по этой стране я плевать хотел на чьи-либо пожелания».

Преданный Леон выполняет указания брата, пусть даже в более дипломатичной манере. При этом он поражен страстностью его реакции. В ответном письме Леон пытается аккуратно подкорректировать представления Руала, ссылаясь на лейтенанта Нильсена. (Капитан «Фрама» только что возвратился в Европу и провел несколько дней в Англии с Начальником.) «Нильсен не разделяет твоего взгляда на англичан, которые, как ему показалось, везде принимали тебя с симпатией. Надеюсь, вы придете к компромиссу».

Ни Леон, ни лейтенант Нильсен не могли ничего сделать с тем, что поселившийся в душе полярника собачий лай превратился в глумливый хор англичан, которые кричат ему «ура».

16 декабря покоритель Южного полюса оставляет страну любителей пуддинга и вступает в Париж. «Амундсену оказали воистину королевский прием и провозгласили высшим офицером ордена Почетного легиона^[87] — отличие, которого не удостоивался ни один землепроходец», — пишет в своих воспоминаниях норвежский посланник Ведель-Ярлсберг. Французы сумели оценить ледового Наполеона. Спустя три дня его принимал в Риме король Виктор Эммануил.

Когда министр иностранных дел Кристоферсен серьезно заболел, Амундсен не поехал в Ниццу праздновать его восьмидесятилетие. Зато теперь, после посещения Италии, он торопится обратно в Париж, чтобы вручить дону Педро с дочерью подарочные издания «Южного полюса». Есть договоренность о том,

что Руал очень недолго погостит у семейства Кристоферсен на берегу Сены.

Леон пребывал в убеждении, что, отменив поездку в Норвегию, брат проведет все рождественские праздники в Париже. Теперь же до него окольным путем доходят «слухи о том, что ты надумал праздновать Рождество в Лондоне, о чем я не имел ни малейшего понятия: я считал, ты будешь в это время у Кристоферсенов. В таком случае мне кажется, тебе лучше все-таки приехать домой, поскольку Лондон тебя тяготит, а пребывание в нем обойдется недешево».

Париж тоже обошелся бы недешево, однако подольше оставшись в Рождество у Кристоферсенов, можно было со временем рассчитывать на неплохие дивиденды. Управделами явно вынужден распротиться с мыслью о соблазнительной своим приданым дочери дона Педро. И все же улучшает момент прочесть полярному путешественнику лекцию по основам экономики. «В своих поездках ты не должен забывать, что получаешь не вознаграждение за труд, а капитал и что капитал желательно поменьше тратить. Если ты будешь придерживаться этого правила, то по возвращении на родину капитал, вероятно, можно будет приращивать за счет ежегодных процентов, обеспечивая себе таким образом безбедное существование. В противном случае прибыли будет недостаточно для удовлетворения потребностей, а необходимость трогать капитал в конечном итоге не приводит ни к чему хорошему. Я еще не утратил надежду повидаться с тобой на Рождество», — заканчивает Леон свое проникновенное предрождественское послание. Он знал слабые места брата. Но если бы Леон понимал, какие силы тянут Руала обратно в Лондон, то оставил бы всякую надежду провести Рождество вместе, на берегу Бунне-фьорда.

Сочельник покоритель Южного полюса отмечает в роскошном парижском особняке посланника Ведель-Ярлсберга. Заодно он пользуется возможностью обсудить дипломатическое будущее Хермана Гаде. Барон Ведель давным-давно считается патриархом норвежской дипломатии, его того гляди могут назначить министром иностранных дел.

В первый день Рождества Амундсен завтракает у Кристоферсенов. После чего: прости-прощай, Карменсия!

Не следует думать, будто дочь дона Педро была недостойна восхищения полярного путешественника. Спустя тринадцать лет денежный туз не без гордости расскажет, как за той же Карменсией ухаживал во время визита в Буэнос-Айрес сам принц Уэльский, наследник британского престола. На что Руал Амундсен с галантностью, достойной придворного поэта, ответил: «Он [принц. — *Пер.*] едва ли сыскал бы на свете более изысканный и возвышенный предмет для уважения и восхищения, нежели Ваша дочь. Надеюсь, Вас не раздосадует, если я позволю себе признаться, что на протяжении долгих лет она воплощала для меня великий идеал женщины». Интересно, что, рассуждая о возвышенном и недосыгаемом (если не сказать безличном), полярник незаметно для себя переходит на общепринятое правописание.

В Лондоне Руал Амундсен останавливается в гостинице «Карлтон». Перед Новым годом он взойдет на борт парохода «Сейнт-Пол» («Святой Павел») и отправится в Новый Свет, но последние дни триумфального года Амундсен проведет в этой тоскливой столице, в этой ненавистой для себя империи. Чем именно он там занимался, нам неизвестно. Мы знаем лишь, *почему* он там находился.

Ее звали Кисс. Во всяком случае, так привыкли обращаться к ней друзья и близкие, хотя крестильное ее имя было Кристина Элизабет Гудде. Родилась она 10 февраля 1886 года в Тронхейме.

У банковского делопроизводителя и ревизора Петера Гудде, 1853 года рождения, и его жены Лауры, что была годом моложе его, пережили младенческий возраст четверо детей. Старшей была дочь Гудрун (1881), за ней шли сыновья Нильс (1883) и Трюгве (1884). Кисс была младшей. Семейство, жившее сначала на Конгенсгате, затем переехало в Лиллегорден, в дом номер четыре. Принадлежа к среднему сословию, оно, однако, не было зажиточным и могло позволить себе всего одну прислугу.

Оба сына посещали военное училище, но только одному из них удалось закончить университет. Экзамен на правоведа сдал Трюгве. Вся семья души не чаяла в младшей дочери. Когда старшей покупали новое платье, мать могла сказать: «А Кисс, чтобы слыть красавицей, достаточно простенького девичьего платья да голубой ленты в волосах». Не было недостатка и в молодых людях, жаждавших донести с урока музыки скрипку, на которой играла фрекен Кисс.

Жизнь семьи резко изменилась с тех пор, как в город пожаловал богатый английский предприниматель. Хотя Чарльз Пито Беннетт был почти сверстником отца, состоялось его бракосочетание с младшей дочерью. Прежде чем Норвегия добилась независимости, Кисс покинула коронационный город Тронхейм и вместе со своим многоопытным супругом отправилась в длительное путешествие. К двадцати одному году у Кисс родилось двое сыновей. Младший появился на свет в Австралии.

Затем чета поселяется в Лондоне, на холме Стэмфорд-хилл. В их просторной квартире живет также престарелая мать лесоторговца. (В роду Беннеттов существовала традиция, согласно которой мужчины в летах брали за себя молоденьких девушек; давно умерший отец семейства родился во время гражданской войны во Франции^[88].)

Брак между Чарльзом Пито Беннеттом и его юной супругой, вероятно, напоминал отношения заботливого отца с несовершеннолетней дочерью. Мало того что жена была очень молода, она выросла в маленькой стране и не привыкла к ошеломляющей среде мировой столицы. Супруг держал Кисс в строгости. Как часто случается с более старшими мужьями, он ревновал юную жену ко всем подряд.

Впрочем, Кисс была сильной личностью — умной, талантливой, с хорошими данными для принятой в обществе игры. Привязанная к мужу нерасторжимыми узами, она добилась некоторого равноправия для себя. Потребности у супругов были очень разные, тем не менее они вели совместную жизнь в рамках союза, скрепленного как взаимным уважением, так и — более всего — сыновьями.

Хотя кормильцем и главой семьи был он, она тоже приобщалась к благам, которые дарует богатство, использовала мужнино положение и извлекала из этого удовольствия. Уже в 1906 году в Лондон приехал брат Нильс, чтобы начать карьеру в лесоторговом деле зятя. За ним последовали Трюгве (на стажировку) и кузен Арвид Аструп, также пожелавший воспользоваться связями лесоторговца и заняться предпринимательством.

Само собой разумеется, в браке чего-то недоставало. В 1912 году Кисс Беннетт исполнилось 26 лет, она была общительна, жизнерадостна,

реалистична, но и романтична. Она жила в роскоши, не зная невзгод, видя одну лишь светлую сторону жизни. После беременностей и родов ей хотелось восполнить утраченную юность, пусть даже частично. Возможно, у нее и раньше бывали приключения. В эдвардианской Англии не возбранялось быть легкомысленной. Там на многое закрывали глаза. За исключением скандалов. Скандалов никто терпеть не собирался.

И тут в город является гордый покоритель Южного полюса. Соотечественник. Кисс достает свое красное платье и разыгрывает свои женские карты так, как их и следует разыгрывать. Тем более что у нее удивительный талант к подобным играм. Кстати, господин Беннетт тоже не имел ничего против полярного путешественника. Он знал толк в гонках между мужчинами... желательно, конечно, на моторах, а не на собаках... ну да ладно, лесоторговец ничего не имел и против собак. А этот полярник, видимо, важная персона, раз его так ценят в автомобильных кругах, так что, если это порадует женушку, — идем в «Савой»!

К тому времени, когда Руал Амундсен накануне Нового, 1913 года поднимется на борт «Святого Павла», у него уже будет заключено с Кисс Беннетт любовное соглашение, которое, по его расчетам, должно стать крепче ее брака.

Теперь ни о какой другой женщине не может быть и речи, хотя он еще получает единичные письма от Сигрид Кастберг и вынужден снова просить Хермана Гаде заняться «Йёвикским делом». В январе он пишет из Америки, что с Сигрид пора ставить точку: «Я, по крайней мере, настолько связан — причем связан окончательно и бесповоротно, — что не могу

предпринимать в других направлениях шагов, которые, возможно, и предпринял бы в иных обстоятельствах». Полярный путешественник дает отставку Сигг Кастберг, предпочтя ей Кисс Беннетт.

В 1913 году фру Кастберг развелась с мужем и получила должность в министерстве социальной защиты — скорее всего через своего бывшего зятя, министра. Спустя много лет присяжный поверенный Верховного суда женился во второй раз — на женщине значительно моложе его. Сигг дожила до весьма преклонного возраста: она умерла в 1958 году, так больше и не выйдя замуж.

Между Сигг и Кисс, которая была на девять лет моложе, много общего. Обе были сильными личностями, умевшими брать инициативу в свои руки, в том числе в отношении мужчин. Обе происходили из другой страны (Сигг была наполовину американкой), что позволяло им чувствовать себя свободнее в окружавшей их обстановке. Обе пользовались успехом, были экстравертны и бросались в глаза в любой компании — иными словами, быстро становились предметами мужского восхищения. Обе занимали высокое положение на социальной лестнице. И обе принадлежали другому.

В душе Руал Амундсен воспринимал себя после лондонского Рождества как человека женатого. Даже веселая холостяцкая жизнь с закадычным другом Херманом Гаде теперь вступает в новую фазу: «Я уже сообщал тебе, что более не свободный человек, а связан по рукам и ногам — и собираюсь быть в этом отношении "пай-мальчиком"».

Скоро наш полярник выучится играть на мандолине.

Глава 21

УЛЬТИМАТУМ

Зимней ночью, пока роскошный пароход с Руалом Амундсеном на борту пересекает Атлантику, в Христиании звучит выстрел. «Сегодня ночью в Солли-парке застрелился Ялмар Юхансен, — уведомляет брата Леон в письме от 4 января 1913 года, — о чем ты, вероятно, уже знаешь из телеграфных сообщений».

Оставив в «Гостинице фру Бюэ» бритвенные принадлежности и неоплаченный счет, Ялмар Юхансен пошел вниз по Карл-Юхансгате, свернул на Драмменсвейен и добрался до Солли-парка. В парке он вынул шестизарядный армейский револьвер и направил себе в лоб. Очевидно, выстрел предназначался только ему, но поразил еще двоих: Фритьофа Нансена и Руала Амундсена. Более того, выстрел потряс всю страну.

На третий день Леон Амундсен и Йорген Стубберуд вместе с двумя родственниками покойного сопровождают его гроб из Центральной больницы на Западный железнодорожный вокзал. Леон забронировал вагон, который должен доставить тело Ялмара Юхансена из столицы в родной Шиен. На гроб возложен большой венок с маленькой визитной карточкой. На карточке стоит: Руал Амундсен. «Передай близким Юхансена мои сердечнейшие соболезнования. Поскольку я не знаком ни с ними, ни с их положением дел, сделать это самому мне невозможно», — пишет Леону из-за океана полярный путешественник.

Расходы на состоявшиеся 9 января похороны безоговорочно поделили между собой двое работодателей: Нансен и Амундсен. Леон прибегает ко всему, что только не пахнет ханжеством, для спасения Руаловой репутации, пошатнувшейся в связи с

трагическим случаем. «Учитывая ваши с ним отношения, я не посчитал нужным предпринять что-либо помимо того, о чем уже докладывал. В данных обстоятельствах мне показалось неуместным возложить на могилу венок с лентой и произнести благодарственную речь. Между тем прибывшие из Кристиансанна Нильсен, Преструд и Хассель явно решили, что я сделал слишком мало, поскольку, как я вижу из газет, Преструд возложил-таки венок с прочувствованными словами и от твоего имени. Поэтому, на ленте пристало бы обозначить: от товарищей. Красивый венок с надписью прислал также Нансен, попросив возложить его на Юхансенову могилу одного уроженца Шиена. Сам же Нансен не приехал, сославшись на "болезнь в семье", что на мой взгляд (как и на взгляд шиенцев) было не совсем удобно».

Видимо, и Леон, и земляки Юхансена понятия не имели о том, какая судьба постигла в ту зиму Пульхёгду, иначе им было бы легче принять выбор Фритъофа Нансена, предпочесть не выступить на похоронах экспедиционного товарища, а остаться у смертного ложа младшего сына. Кстати, Нансен сочинил некролог и завершил его словами о том, что Ялмар Юхансен обладал «душой, где не было места предательству».

Если кто-нибудь предал Юхансена, то кто? Сам Фритъоф Нансен? Военные начальники? Руал Амундсен? Товарищи по Фрамхейму? Или вся Норвегия предала своего единственного спортсмена, которого чествовала как героя-полярника? Возможно, предателей было несколько, и уж точно кое-кто не сделал всего, что мог. Тем не менее снимать с человека ответственность за собственную жизнь тоже нельзя.

«Как ни печален подобный исход, — пишет на следующий день после выстрела Леон, — он едва ли не к лучшему, поскольку другие перемены в судьбе

Юхансена были исключены». Так считали все. «Смерть пришла к нему как избавление», — писала «Моргенбладет». Однако с тех пор триумф Руала Амундсена всегда вызывал ассоциации с трагедией Ялмара Юхансена. Выстрел в Солли-парке был отголоском стартового выстрела, с которого начался санный поход. Там, в Антарктиде, Руал Амундсен не мог ждать: он торопился быть первым — первым достичь полюса или первым вернуться во Фрамхейм. А Ялмар Юхансен в это время спасал лейтенанта Преструда и доброе имя экспедиции. Теперь в амундсеновском походе к Южному полюсу все же появилась первая жертва.

Уже через несколько недель, в рецензии «Географического журнала» на книгу Амундсена, поднимается щекотливый вопрос о том, насколько исключение Юхансена из отряда, шедшего к Южному полюсу, способствовало его безвременной смерти.

«Вчера в Карнеги-холле был аншлаг и большой восторг. Как и в Вашингтоне, мне вручили здоровенную медаль, — отчитывается Руал перед Леоном о приеме в Соединенных Штатах (письмо получено 15 января). — После столь блестящего начала у меня есть все основания полагать, что мы тут провернем выгодное дело». Американский импресарио Ли Кидик пребывает в не меньшем восхищении: «Первый доклад капитана Амундсена в Нью-Йорке принес в кассу больше долларов, чем выступление в нашем городе любого другого открывателя новых земель».

Руала Амундсена пригласил на обед президент Тедди Рузвельт, и его чествовали вместе с официальным покорителем Северного полюса —

адмиралом Пири. Фотография, на которой они сняты с третьим, Эрнестом Шеклтоном, обошла весь мир. Леон вне себя от радости: «Как она пригодится Кидику для рекламы!» И в то же время исполнен опасений: «Тебе ни в коем случае не следует вступать в какие-либо сделки с этими господами, особенно с Шеклтоном, который растратил всё заработанное (три-четыре тысячи крон) на сомнительные предприятия».

Совсем недавно Леон сообщал об аресте в Южной Африке брата сэра Эрнеста — по обвинению в мошенничестве. Явная параллель с Руаловым братом Густавом, на которого подали заявление в полицию в связи с присвоением денежных средств газеты «Хюстен». Посоветовавшись с адвокатом Нансеном и изучив доказательную базу против Густава, Леон посчитал благоразумным выплатить спорную сумму в 1600 крон, сняв ее со счета полярного путешественника. Сохранение репутации того стоило.

11 февраля 1913 года взрывается бомба. Накануне ночью достигла цивилизованных краев «Терра нова» и по всему миру разошлось телеграфное сообщение о трагедии, постигшей капитана Скотта. Все члены отряда, который отправился к полюсу, погибли на обратном пути. Троиц из них обнаружили в палатке примерно на 80° южной широты. «Известие было грустное, но нельзя сказать, чтобы неожиданное, — комментирует в тот же день Леон. — Я попросил лейт. Нильсена от лица эксп. передать карточку с соболезнованиями англ. посланнику». Как хорошо, что Леон соблюдает этикет. Руал пишет из Чикаго: «Я послал телеграмму Эвансу [заместителю руководителя экспедиции. — *Т. Б.-Л.*], а также господам Скотт и

Уилсон. Англии, естественно, не послал ничего». Незачем высказывать соболезнования вражеской державе, с которой ведется война.

Через два-три дня Леон в письме к брату углубляет свои рассуждения о трагедии: «Разумеется, здесь эта ужасная катастрофа тоже у всех на устах, хотя многие ожидали чего-либо подобного, поскольку экспедиция организовывалась способами, не внушавшими доверия. Мне кажется, теперь все заинтересованные стороны должны радоваться, что ты уже побывал на Южном полюсе. Иначе можно не сомневаться, что мгновенно собрали бы новую британскую экспедицию для достижения той же цели, скорее всего ничуть не изменив методику похода. В результате катастрофа следовала бы за катастрофой, как это было в случае с Северо-Западным проходом». Важная точка зрения, которую, надеется Леон, со временем будут разделять и англичане. «Если кто-либо и мог испытывать горечь или разочарование по поводу твоего достижения, так это Скотт. Однако он вроде бы не высказывал ничего подобного^[89], а потому следует признать его не только великим героем, но и подлинным джентльменом».

В американских официальных кругах не было ни горечи, ни сомнений. Там балом правила сенсация. «Печальная судьба Скотта вызвала необыкновенный интерес к моим докладам, — пишет полярный путешественник из Чикаго. — Посещаемость, которая было начала падать, снова взлетела на недостижимую высоту». *The show must go on*^[90].

«Понятно, что мой брат принадлежит к тем, кто особенно тяжело переживает трагическую кончину Скотта, — замечает Леон в письме к Годфреду Хансену, заместителю Амундсена в походе на «Йоа». — Кому было бы приятно выступать с докладами о собственных успехах, если в голове неотступно теснятся мысли об

этом горе?» Перед посторонними ни в коем случае нельзя признавать связи между триумфом и катастрофой. «Твои чувства, — пишет Леон брату, — ограничиваются сердечнейшим участием. И на том следует стоять, как бы ни развивались драматические события впоследствии». Леон в очередной раз выступает в качестве уравновешенного стратега, смотрящего гораздо дальше выгод сегодняшнего дня.

Трагедия проигравшего двояко сказалась на победителе. С одной стороны, она вызвала волну критики, особенно в английской прессе. С другой — норвежские представители за рубежом (в частности, в Германии) сообщали о том, что успех Амундсена получил большее признание. Вот какие наблюдения посылает в министерство иностранных дел вице-консул Норвегии в Мельбурне: «Примечательно, насколько весть об экспедиции Скотта окольным путем увеличила здешнюю популярность Амундсена. Прежде всего обнародование факта, что Скотт нашел амундсеновскую палатку, развеяло тайные сомнения обывателя в том, действительно ли Амундсен побывал на полюсе, а такие сомнения, несмотря на все данные наблюдений, кое у кого явно были. К тому же несчастная судьба, постигшая Скотта, заставила австралийцев осознать, какой все же великий подвиг совершил Амундсен».

Зимой в газетах начали распространяться слухи, что Руал Амундсен собирается оснастить будущую экспедицию таким сверхсовременным техническим новшеством, как аэроплан. Кто же его будет в этом случае пилотировать? Первым вызывается каюр, Хельмер Ханссен. «Осмелюсь сообщить вам, — пишет он

Леону, — что испытываю непреодолимое желание сесть в кабину подобного аппарата».

Управделами настроен более сдержанно: «Едва ли предполагается, что ты будешь использовать его как средство продвижения [к Северному полюсу. — *Т. Б.-Л.*], я больше полагаюсь на собак, лыжи и сани и не считаю, что тебе следует отступать от этой традиции. Однако иметь с собой знающего пилота для рекогносцировки было бы, разумеется, неплохо».

Сообщения от самого полярника по меньшей мере противоречивы. 20 марта он утверждает, что, возможно, «возьмет с собой такой аппарат». Меньше чем неделю спустя пишет Леону: «Аэроплан — это амер. чепуха!» Зато к концу весны твердо заявляет: «Хельмер и Вистинг должны обучиться пилотированию... но для этого им хватит времени и в Сан-Франциско».

Дона Педро посвящают в курс событий 19 апреля. Тогда всё, похоже, уже решено: «Я заказал для похода два гидроплана. Во время полета над Сан-Франциско мне пришло в голову, что из этого средства передвижения можно извлечь большую пользу. Опасность свалиться на землю меньше, чем я себе представлял». Крылатая машина возбуждает фантазию Амундсена. Его гнетет необходимость возвращаться на родину к Нансену и океанографическим исследованиям. Он ищет новое поле для приложения сил, которое придало бы «главному походу» интерес и привлекательность в его глазах.

Зима и весна в Америке проходят для Руала Амундсена под нажимом со стороны прессы. Сначала выстрел в Христиании, затем телеграфное сообщение от «Терра нова» — обе эти новости подрывают

репутацию триумфатора. К тому же на него давят всеобщие ожидания. Речь постоянно идет о каких-то сделках, о том, что тебе окажут услугу только в обмен на твою. Предприниматель Джон Гаде, вложивший в экспедицию на Южный полюс почти 20 тысяч крон, неустанно трудится на благо Руала во время его турне по Штатам. Джон надеется, что эти усилия не пропадут втуне для брата.

Полярника тяготят мало заслуженные Херманом Гаде неудачи на поприще норвежской дипломатии. В конце февраля он садится за письмо новому премьер-министру Гуннару Кнудсену, где (предварительно поздравив того с «блестящей победой партии "Венстре"») обсуждает вклад, внесенный братьями Гаде в процветание отечества, и «виды на будущее, имеющиеся в Норвегии у Хермана Гаде». Послание заканчивается просьбой, которой Руал Амундсен ставит на карту свою репутацию: «Я был бы безмерно благодарен Вам, если бы Вы оказали ему эту услугу как моему любимому другу детства, а также как человеку, которого я всегда высоко ценил за его ум, благородство и образованность, и дали ему новую возможность применить себя на государственной службе, к чему он давно стремится».

У братьев Амундсен есть и другие нерешенные вопросы с норвежским правительством, куда более важные. Леон еще раньше был на приеме у премьер-министра Кнудсена и вернулся с тревожными вестями. Во-первых, никто не собирается выделять дополнительные средства на экспедицию. Далее: «Кнудсен понятия не имел про обещания Братли о наградах и проч. Более того, он считает для себя возможным отменить присуждение орденов, ссылаясь на то, что прежнее правительство должно было еще осенью, как обещало, озаботиться награждением сына дона Педро, лейт. Нильсена и Гаде. Теперь я встречаюсь

с Братли и, если он ничего не сделал, буду просить аудиенции. Дело должно быть улажено, особенно в отношении младшего Кристоферсена, иначе выйдет конфуз. Сам знаешь, мы осенью телеграфировали дону Педро: "Перучо наградили орденом"».

Кроме того, брат сообщает Руалу, что и капитан, и вся команда «Фрама» лелеют «большие надежды на средства, которые они получают от тебя и от государства».

Кое-кто из участников экспедиции обращается напрямую к Начальнику. Самым трудным случаем — особенно впоследствии — станет Бьоланн, которому Амундсен уже обещал деньги на фабрику по изготовлению лыж. Со временем выяснится, что речь идет о сумме в 20 тысяч крон, которые, по мнению Леона, пропадут зря. «Бьоланн, конечно, прекрасный товарищ и мастер на все руки, но я не знаю его как предпринимателя». В широкий карман лыжного фабриканта перешли еще многие тысячи крон из экспедиционной кассы. Раз Начальник дал слово, приходилось раскошелиться.

Весть про обманщиков-политиков производит тем более сильное впечатление на человека, придающего большое значение выполнению собственных обещаний. Его реакция оказывается куда более бурной, чем рассчитывал управделами. 26 февраля полярный путешественник пишет из Канады, из Оттавы: «Только что послал Нансену, который Фритьоф, длинное письмо, где сказано, что я намерен прекратить какую-либо работу по экспедиции, пока не будут выполнены все до единого обещания. Иными словами, я выдвигаю своей дорогой родине ультиматум и прошу тебя довести это до сведения лиц, от коих зависит его выполнение. Очевидно, в первую очередь до Гуннара Кнудсена. Итак, сообщи ему, что до выполнения *всех* обещаний, данных мне предыдущим правительством, экспедиция

откладывается или, возможно, даже отменяется. Обещания прежней власти: присвоение Нильсену звания капитана или награждение орденом Олава; выплата денежного пособия или новые назначения для моих товарищей, которые были предложены мною в письменном виде Браттели; награды Перучо и Гаде. Без *полного и окончательного* выполнения обещаний — еще раз перечисли их все Г. К. — я прекращаю всякую подготовку к экспедиции».

Это поступок в духе Руала Амундсена, план, выношенный во время торопливых переездов по ту сторону Атлантики. Когда информация доходит до Леона, события уже начали раскручиваться: письмо Нансену отправлено, и отозвать его обратно нет ни малейшей возможности. Наш полярник принял твердое решение, какие и подобает принимать сильным, бескомпромиссным мужчинам: «Вопрос поставлен ребром: "или — или". Мне надоели бесконечные проволочки».

Одновременно Руал Амундсен дает знать о посылке ультиматума дону Педро, ведь самая деликатная часть нарушенного обещания касается сына солнцеликого денежного туза. Слово есть слово, награда есть награда, подрывать доверие к себе мецената ни в коем случае нельзя: «Я только что сообщил письмом Фритьофу Нансену, что начинать долгий дрейф во льдах на основе нарушенных обещаний — дело опасное. И велел своему брату действовать: если все до единого обещания не будут выполнены, я свертываю приготовления к экспедиции». Чего не сделаешь ради дона Перучо!

12 марта и Фритьоф Нансен в Пульхёгде, и Леон Амундсен в Свартсуге получают по почте свои мины замедленного действия. Обоих позиция Руала отнюдь не приводит в восторг. Леон отвечает: «Разговаривал со Стариком, он был крайне удивлен и сказал, что будет

очень досадно, если продолжение экспедиции сорвется; мне эта история тоже кажется весьма неприятной, в том числе для тебя самого, поскольку она вызовет резкую критику в твой адрес и упреки: дескать, вы предприняли поход к Южному полюсу, чтобы заработать средства для экспедиции на север, почему же требуете еще? Впрочем, сошлись на том, что я встречусь с премьер-министром и с глазу на глаз передам ему содержание твоего письма (к чему ты меня и призываешь), но что сам я буду продолжать подготовку экспедиции без изменений, иначе у нас не выйдет ничего хорошего: если мы теперь приостановим свою деятельность, то рискуем опоздать с выходом в будущем году».

Пока профессор, засев у себя в башне, еще раз обдумывает случившееся, управделами на другой же день попадает в кабинет к премьер-министру. Однако решить все проблемы одним росчерком пера не удастся. «По-моему, тебе надо успокоиться и не торопить события, — пишет Леон брату. — Дело в том, что пока можно уладить только награды. О новых назначениях можно говорить лишь в отношении тех, кто находится в Норвегии. Они наверняка получат свободные должности, когда подадут ходатайства об этом, ни на что большее рассчитывать не придется». Далее Леон знакомит брата с тем, как протекает работа стортинга и как много у него разных обязанностей, заканчивая письмо словами: «Если обещания будут отвергнуты или не выполнены, тогда можно будет разговаривать иначе, тогда, мне кажется, и настанет пора протестовать».

Увы, полярного путешественника так просто не утихомирить. В ответном послании он настаивает на том, чтобы после возвращения из северного похода его участникам — людям совершенно уникальным — были гарантированы места на государственной службе: «Это

мне обещал Братли, и на выполнении этого обещания я вынужден настаивать, поскольку рассказал о нем ребятам». Итак: «Повторяю еще раз — я требую выполнения обещанного. Хельмеру необходимо сообщить, что по возвращении он получит должность таможенника, и так же со всеми остальными — они должны получить перечисленные мною места... И пускай не пытаются отговориться, мол, это невозможно. Это не только возможно, но должно быть и будет сделано».

Поскольку перспективы новых государственных дотаций сомнительны, Леон на встрече с премьер-министром извлек на свет старую идею, а именно: «Я считаю выпуск экспедиционных марок, к которому Кнудсен отнесся довольно благосклонно и которым могла бы открыться целая серия, даже более выгодным, чем дотация». Эта тема в разных вариантах многократно возникала в финансовых планах братьев. Естественная мысль о выпуске марок и открыток, посвященных походу на полюс, возникла оттого, что сам Леон Амундсен был заядлым филателистом. Но государственная политика в отношении марок была столь же неторопливой, как и в других отношениях. Посему, чтобы не вызвать новой вспышки гнева из-за океана, Леон прибавляет: «Тебе следует отнестись к делу спокойно, пока мы не выясним, что предпринимается. Попытаться подгонять государственную машину, на мой взгляд, совершенно бесполезно».

Тем не менее Руал облекает свой ответ в форму распоряжения: «Обеспечь выпуск марок».

Наконец, 2 апреля, пульхёгдский великан разобрался с собой и сочиняет ответное письмо. Оно доходит до Руала Амундсена через 20 дней, застав его в Дакоте. «Только что получил семистраничное письмо от Старика, — несколько сконфуженно докладывает Руал

домой. — Он принял мой гнев на собственный счет, чего я отнюдь не имел в виду».

До американского путешественника уже дошло и послание от премьер-министра Кнудсена, написанное им после беседы с Леоном и содержащее заверения в самых добрых намерениях правительства. Продолжая держаться своей бескомпромиссной линии, Руал Амундсен тем не менее практически убежден, что его требования будут выполнены. Зато письмом к Нансену он спровоцировал сход лавины, и этой лавине из прошлого суждено было навалиться на него всей своей тяжестью.

Глава 22

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

На самом деле семистраничное послание из Пульхёгды — отклик на письмо, которое два с половиной года назад привез с Мадейры Леон Амундсен. Фритъоф Нансен впервые раскрывает свои мысли и чувства перед соотечественником, ставшим его соперником в борьбе за Южный полюс.

Всего за две недели до получения амундсеновского ультиматума скончался после продолжительной болезни младший сын профессора, Осмунн. Письмо застало Фритъофа Нансена в период раздумий, когда человек не в состоянии легко воспринимать превратности судьбы.

После семи страниц Руалу Амундсену профессор пишет еще более пространное письмо человеку, который по-отечески поддерживал капитана Скотта, — бывшему президенту Королевского географического общества, адмиралу сэру Клементсу Маркхему. Тут Нансен использует весь свой авторитет для защиты младшего соотечественника. В его представлении Амундсен неприкосновенен, поскольку осуществляет дело его, Нансена, жизни. Хотя письмо напоминает речь в защиту Норвегии, оно звучит более доверительно и более прочувствованно, чем адресованное Руалу Амундсену. Фритъоф Нансен начинает с описания собственного горя: «Не всегда нужно отправляться в полярные широты, чтобы испытать страдание и боль».

В письме Амундсену он вообще не упоминает о своем личном несчастье, сосредоточившись на положении адресата. Если послание английскому адмиралу предназначено равному, предназначено другу, то Амундсену выговаривают, как вдумчивый

наставник выговаривает лучшему ученику: «Мне кажется, у Вас отняли слишком много сил бесчисленные выступления в плохо сказывающейся на нервах стране, отчего Вы переволновались и утратили душевное равновесие».

Фритъофу Нансену непонятно стремление Амундсена рисковать экспедицией из-за каких-то «невыполненных обещаний» в отношении государственных должностей, продвижения по службе и наград, которые — в долговременной перспективе — не более чем бюрократические штучки и эфемерная ерунда. Может быть, Руал просто-напросто не желает заниматься северным походом, «но тогда следовало без обиняков мне это сказать». В глазах наставника ученик предстает «человеком, готовым нарушить торжественное обещание» под предлогом сущих пустяков.

Фритъоф Нансен пользуется этой возможностью напрямую объяснить Амундсену: «Возможно, Вы не поняли, что ради Вас я принес жертву, какой не приносил никому из живущих на свете, — отменил собственный поход к Южному полюсу, призванный стать заключительным аккордом моей карьеры как полярного исследователя, и отказался от "Фрама", дабы Вы могли осуществить свой дрейф через Северный Ледовитый океан»^[91].

Кого Нансен имеет в виду под «никем из живущих на свете»? Профессор подбирает слова так же аккуратно, как это делает Амундсен, когда не хочет сказать правду, но не хочет и быть уличенным во лжи. Он намеренно воздерживается от упоминания того, кого нет в живых. Не упоминает он его и в письме к Маркхему: «Должен признаться, я до последней минуты терзался сомнениями, проявлял слабость и в конечном счете просто уступил мыслям о жене, которые и

подвигли меня принять окончательное решение в ту самую минуту, когда он [Амундсен. — Т. Б.-Л.] в сентябре 1907 года пришел ко мне за ответом».

Образ Фритьофа Нансена, несомненно, окрашивается в трагические тона благодаря тому, что он воспринимает собственные человеколюбивые мотивы как проявление слабости. Соотечественнику же он не хочет раскрывать своих человеколюбивых сторон и истинных мотивов. Более того, Нансен намеренно возлагает всю тяжесть ответственности на плечи Руала Амундсена.

Покорение Южного полюса «подытожило весь накопленный мною опыт полярника, и по сравнению с тем, что нам пришлось выдержать, дрейфуя во льдах, поход на юг представлялся мне захватывающим приключением». Здесь наставник не только подчеркивает, что полюс был открыт с помощью его методов, но присоединяется к мнению Юхансена, высказанному им по возвращении на родину: дескать, 90° южной широты — ничто по сравнению с 86° северной.

Крайне педантично поведав историю вопроса (год за годом, начиная с 1905-го), наставник далее пишет, что «с кровью в сердце» отказался от плана, «который вынашивал столько лет и который обогатил бы новым содержанием мою жизнь, в пользу Вашего похода, поскольку считал, что это будет справедливо и принесет Норвегии больше славы». Слава отечества — краеугольный камень нансеновской вселенной, цель, которой призваны служить и земле-проходческие, и научные достижения. Вот почему он также признаётся, что обрадовался вести о перемене курса «Фрамом»: теперь Южный полюс все-таки мог быть покорен норвежцем.

Профессор отвечает Руалу Амундсену от имени страны. Для Фритьофа Нансена Норвегия представляла

собой нечто большее, чем виделось Амундсену, когда он сочинял свой ультиматум. Вот почему строитель нации открывает его взгляду свой собственный мир. Говорит, что понимает: Амундсен имел право выразить горечь по отношению к Норвегии, где даваемые обещания более не стоят ломаного гроша. «Если теперь, в конечном счете, Вы отправитесь в плавание и совершите на "Фраме" поход, от которого — ради другого Вашего похода — отказался я, и из этого предприятия ничего не выйдет, тогда я скажу, что жизнь иногда преподносит нам странные сюрпризы».

Письмо из Пульхёгды с его ретроспективным самораскрытием могло бы принадлежать перу стареющего Ибсена. Это уничтожающий документ... и одновременно исполненный сочувствия. Это попытка направить преемника на путь истинный. Как бы то ни было, письмо заканчивается уверениями, что профессор «из чувства искренней дружбы хотел бы помешать Вам под горячую руку сделать то, о чем Вы впоследствии можете жалеть».

На следующий же день после получения Амундсеном письма Фритъофу Нансену доставляют телеграмму из Америки: «Everything OK writing»^[92].

Позднее оттуда же приходит письмо. «Вероятно, я нуждался в Вашем нагоняе. Вздумай кто-либо другой наносить мне такие удары, я бы настроился на сопротивление. Вам же я обязан столь многим (куда большим, чем я себе представлял), что тихо склоняю голову и принимаю их».

Тем не менее Амундсен продолжает настаивать на важности мелочей: «По-моему, многие серьезные предприятия срываются из-за невнимания к ерунде. Боюсь, во время многолетнего однообразного дрейфа среди льдов то, что кажется пустяком в условиях цивилизации — например, повысят ли Хельмера

Ханссена до таможенного чиновника, получит ли Вистинг обещанное ему место смотрителя маяка и проч., — может вырасти до гигантских размеров и представлять опасность для выполнения важного задания. Мой опыт подсказывает, что в полярной экспедиции необходима строжайшая дисциплина». Такие доводы кажутся предусмотрительными, однако они также свидетельствуют о том, насколько Руал Амундсен боится потерять уважение, насколько он боится собственного экипажа. Между строк тут читается имя Ялмара Юхансена.

В целом письмо столь же униженное, как то, которое Амундсен когда-то послал с Мадейры: «Наконец, заклинаю Вас не сердиться на меня. Я вложу в заключительную часть похода все свои силы и волю».

Перед братом он держится храбрее: «Получил от Старика довольно резкое письмо, но в очередной раз дал ему отпор... разумеется, в спокойном тоне. Со временем прочитаешь. У него тоже хватает обид».

Посреди этого выяснения отношений до Леона доходит из Америки неожиданное и весьма драматичное распоряжение: «Позаботься о продаже Ураниенборга, освободи меня от него. Мне станет гораздо легче».

Проблема усадьбы связана с другой проблемной областью, более частного свойства. Полярный путешественник получил письмо от своей невестки Малфред. Речь в нем шла о Ежике. «Как явствует из письма, он недвусмысленно грозил ей самоубийством... Я могу в отдельных случаях испытывать уважение к человеку, который лишает себя жизни, — но не к тому, который грозит это сделать. Похоже, все

непосвященные (Бугге, Дедикен и др.) на его стороне. Это меня ничуть не удивляет, поскольку он прекрасно умеет говорить в свою защиту». Руал склонен уступить нажиму и приобрести для Густава дом. «Но... сначала нам нужно избавиться от Ураниенборга. Уехать так надолго, как собираюсь я (на несколько лет), и содержать два дома будет невозможно. Хватит расходов и на новый, который следует купить».

Для Руала Амундсена Ураниенборг был не просто пристанищем, он означал также принадлежность к стране. Сколько бы полярник ни склонял голову перед Фритьофом Нансеном, он продолжает стоять на своем по отношению к Норвегии в целом: «Я сам поговорю по приезде с Кнудсеном, и все же напомни ему о моем утверждении в одном из предыдущих писем — если не будут выполнены все обещания до единого, я больше не пошевелю и пальцем». Леону Руал признается в том, в чем не может признаться Нансену: «Мне бесконечно все надоело... в том числе мои дорогие соотечественники. От них не дождешься ничего, кроме обещаний, обещаний и снова обещаний».

Продажа Ураниенборга означала бы куда более серьезный и безапелляционный разрыв, чем просто расставание с недвижимостью на берегу Бунне-фьорда: «Я почувствую себя свободнее, зная, что порвал все связи с родиной. Обращение, которому нас подвергают после похода на Южный полюс, подсказывает мне, что не мешает выправить бумаги для получения американского гражданства. Вернувшись из следующей экспедиции, я буду волен мгновенно стать гражданином Североамериканских Соединенных Штатов. Сам знаешь, насколько легче мне тогда будет работаться».

Исходящая от норвежского героя угроза сменить гражданство рассчитана на премьер-министра Кнудсена. Это угроза передать в чужие руки

достижения Норвегии: Северо-Западный проход, Южный полюс, Северный полюс и т. д. Родина не стоит для Амундсена во главе угла, как для Нансена. Если верить письму, для Руала самое важное — работа. Но что он подразумевает под работой? Ему не хочется заниматься научными исследованиями и открывать законы природы, как того требует от него Нансен; работа Амундсена — открывать мир. Для дела его жизни Норвегия — источник средств, государственная казна, из которой можно черпать. Когда черпать оттуда больше не получается, надо сменить гражданство. Полярник готов к переселению в Америку — как последний гонимый нищетой эмигрант.

Эта серия отчаянных шагов в отношении норвежского правительства была умным маневром со стороны Руала Амундсена. Он проделал их через Леона. Таково было распределение ролей. Руал выступал в виде негибимой воли, в виде бескомпромиссной, первозданной силы. Леон мог играть этой силой, но обычно пропускал ее сквозь фильтр такта и дипломатической хитрости. Тогда Руал Амундсен представлял могучим и бесстрашным человеком, не утрачивая при этом цивилизованного облика. Лишь перед Нансеном он унижился, раскрыв свое подлинное лицо. Уже второй раз.

19 мая, по-прежнему из Канады, полярный путешественник пытается что-то объяснить Леону: «Старик был прав, говоря, что я сердит. Возможно, он бы удивился меньше, если б знал причину моего гнева. Меня крайне разозлили сообщения о Густаве».

Значит, Руала Амундсена довело до угроз отменить экспедицию вовсе не нарушение правительством

обещаний, а чисто семейное дело: большой воз может опрокинуться от малой кочки, большая экспедиция и подавно. «Мало того что приходится выплачивать его долги, надо, видите ли, покупать ему недвижимость, чтобы он не сошел с ума и не кончил жизнь самоубийством. При подобных обстоятельствах остается лишь ублажать его».

Хотя профессор, вероятно, и не удивился бы меньше, узнав причину гнева, совершенно очевидно, что Руал Амундсен на протяжении длительного времени чувствовал себя жертвой вымогательства. Ради собственного душевного спокойствия он предпочитает платить. В то же время Руал понимает, что каждый новый взнос затягивает его все глубже в болото. «Ты прекрасно знаешь, — пишет он Леону далее, — что, купив Густаву дом, я вынужден буду оплачивать его содержание и массу других вещей. Мы с тобой слишком хорошо изучили брата, чтобы соображать: он использует эту собственность для постоянного вымогательства. То ему подавай одно, то другое...»

Как ни странно, на полярного путешественника подействовало еще одно обстоятельство — холод. «Когда ты одновременно рассказал мне о вновь затянувшейся зиме (по-видимому, типичной для Буннефьорда) и о связанных с ней тяжелых условиях существования, которые вынуждают тебя провести зиму в городе (что я нахожу вполне разумным), я тем более посчитал момент подходящим, чтобы сбыть усадьбу с рук».

Леон перед Рождеством сам спрашивал брата, как он намерен распорядиться своей недвижимостью в свете грядущей экспедиции, но резкость и поспешность действий Руала заставили Леона не поднимать более этот вопрос. Кроме всего прочего, судьба усадьбы тесно переплеталась с его собственной.

В ту зиму семья Леона поддерживала порядок в Ураниенборге, добираясь туда на коньках, на лыжах или в подбитой шипами обуви. Что касается Густава, у Леона налажена постоянная связь с его женой Малфред, которой приходится тяжело. Некоторое время назад Леон послал Руалу следующий отчет о Густаве, с ее слов: «Она рассказала довольно много про Ежика, который, по заключению врача, действительно страдает сильным психическим расстройством, и скорее всего — из-за висящего над ним долга; иногда у него бывают приступы дикой злости или слабости, а еще он какой-то пришибленный... выяснилось также, что в последнее время он все чаще является домой навеселе, так что похоже, главная причина всех нарушений — в спиртном».

Леон не осознает, насколько тяготит Руала непрерывное давление со стороны Густава, хотя чувствует, что за неожиданными ходами полярника что-то скрывается: «Старик считает, ты сердитый из-за напряженного турне, о чем я тоже догадывался в связи с поспешной продажей Ураниенборга».

Хотя Руал Амундсен и «склонил голову», он с опаской ждет, какое впечатление произведет в Пульхёгде письмо, в котором он «дает отпор». А профессор рад, что высказался и облегчил душу. И все же в ответе не может не коснуться животрепещущего вопроса о значении пустяков для «серьезных предприятий», поднятого Амундсеном в тщетной попытке защититься. «Вы говорите, что к подобным вещам тоже следует относиться внимательно. Тут я совершенно с Вами согласен и, по-моему, сам неоднократно доказывал важность такого подхода, в особенности для полярных экспедиций; так что по сему поводу мы сходимся во мнениях».

Больше Фритъоф Нансен уступать не намерен. На что бы ни ссылался младший коллега, всё уже давно

доказано. Вся деятельность Амундсена осуществлялась и осуществляется в рамках испытанной методики Нансена. Наставник не собирается выслушивать поучения от ученика.

Не странно ли, что у коллеги возник интерес к аэропланам? Фритъоф Нансен в свое время прыгал на лыжах с трамплина в Хусебю, но вести с воздуха полярные исследования он еще не пробовал.

Весной 1913 года, во время турне по Америке, Руал Амундсен переживал кризис. Кризис этот не был вызван самоубийством Ялмара Юхансена или смертью капитана Скотта, не был связан с чувством вины. Вопрос о вине — вернее, о долге — приобрел актуальность благодаря письму из Пульхёгды. Из чувства долга перед Нансеном, то есть перед Норвегией, Амундсен был обязан совершить поход на север. Это стало для него делом чести, выполнением договора, скрепленного смертью капитана Скотта.

Амундсен знал условия договора, знал и о планах покорения Южного полюса Фритъофом Нансеном. Если он все же предпринял безнадежную попытку отвоевать себе свободу действий, вероятно, им двигали могучие силы.

Нансену он выдвигал в качестве причины нарушение обещаний правительством. Норвегия, дескать, подвела его самого как руководителя, подвела участников экспедиции, подвела спонсоров. Эта аргументация была слабой, и Нансен одним ударом разбил ее. Однако тот же ход в отношении правительства окажется весьма успешным. Тем не менее нельзя воспринимать ультиматум исключительно

в виде тактической уловки — он был в значительной мере спровоцирован отчаянием.

Для Леона психологическим основанием Руалова выпада служил усиливающийся нажим со стороны Густава. Понятно, что мысль о возможности нового самоубийства, да еще среди родных, была малопривлекательна. И все же доказательств того, что Руалом Амундсеном двигало чувство вины, практически нет.

Очевидно, причиной кризиса (если не сказать бунта), который переживал весной 1913 года сорокалетний полярный путешественник, была какая-то тайна. Кризис действительно скорее напоминал бунт — с нереальной попыткой отделаться от экспедиции на север, от Нансена, от Ураниенборга, от родных, от Норвегии, от всей вцепившейся в него и крепко державшей жизни. Руал Амундсен дошел до точки, в которой эта гора обязательств отрезала ему путь к увиденной вдали новой цели. Северный полюс мешал достижению личного счастья.

С тех пор как они отказались от мысли о Карменсии, в переписке между Руалом и Леоном больше не идет речь о женщинах. Однако со времени последней встречи между братьями в жизни Руала произошли важные события. Их полярный путешественник поверяет одному-единственному человеку — Херману Гаде. Вероятно, тот рассказал кое-что Леону, так что и он имеет некоторое представление о новой знакомой. Но пока что повода выложить карты на стол нет и тема остается закрытой.

Херману Гаде предстоит поездка в Америку на идущем в свое первое плавание, только что построенном пароходе «Христиания-фьорд», и Руал предлагает ему вернуться в Европу вместе, в начале июля: «Только имей в виду... я поплыву не с "Норвежской линией", поскольку, как ты понимаешь,

мне надо прежде заехать в Лондон. Кстати, на пароходе у меня будет возможность обсудить с тобой это дело и выслушать твои мудрые советы».

Полярному путешественнику настоятельно требовались добрые советы. Помимо видимых обязательств и связей, он еще связал себя («навсегда») с женщиной, которая состоит в браке с другим. К тому же ему надо отправляться на Северный полюс. Так постановил Фритъоф Нансен, и постановил бесповоротно. Мало какие занятия должны были представляться более абсурдными страстно влюбленному мужчине, чем приготовления к собственной ссылке в Ледовитый океан в сугубо мужской компании. Если дама была связана формальностями брака, предполагавшими выходы в свет и общение, то *он* собирался запереть себя в ледовой западне, предполагавшей полную физическую отрезанность от мира.

Новой целью в Руаловой жизни и самой потайной из всех китайских шкатулок была Кисс. Она стала той причиной, которую не мог назвать наш полярник, — причиной более важной, чем нарушение обещаний правительством или шантаж брата Густава. Кризис был обусловлен не чувством вины, а самоутверждением. Руал Амундсен хотел добиться права жить собственной жизнью, так, как считал нужным.

Полярный путешественник завоевал почести и славу. Теперешние труды должны были приобрести ему богатство. «Долг чести» Густаву он мог выплатить в кронах и эре. От прочих обязательств мог освободиться с помощью выдвинутого в отчаянии ультиматума. Однако долг Фритъофу Нансену по договору, скрепленному перед Норвегией и всем миром пулей из револьвера Ялмара Юхансена и маршем смерти капитана Скотта, — этот долг можно было заплатить лишь несколькими годами собственной жизни.

Теперь, когда он наконец встретил ее, богиню счастья, которая сидела у открытого окна в ожидании его, цена была безмерно велика. Однако после безжалостного выговора, сделанного ему Фритьофом Нансеном, полярный путешественник понимал: если он не выполнит свое «торжественное обещание», то навсегда потеряет уважение как в Норвегии, так и в Англии. Станет человеком без чести. А для человека без чести борьба за счастье заранее проиграна.

Все дорожные знаки указывали в одну сторону — к ледовой пустыне.

Глава 23

ПОЛЯРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК ИГРАЕТ НА МАНДОЛИНЕ

В палатке, где умер капитан Скотт, лежал изношенный ботинок, в ботинке — тряпка, в тряпке — конверт, а в конверте — письмо. Письма никто не читал, пока оно не попало по адресу: Христиания, Королевский дворец, Его величеству королю Хокону.

Послание, сочиненное Амундсеном на Южном полюсе 17 декабря 1911 года, было в мае 1913 года доставлено на корабле «Терра нова» в Англию. Там его передали королю Георгу V, который уже почтой переслал его своему кузену и зятю Хокону VII «Я совершенно про него забыл», — пишет полярник, услышав, что письмо наконец-то достигло адресата.

1 июня в Христиании встречаются Трюгве Грана. Молодой норвежский лейтенант принимал участие в экспедиции Скотта в качестве инструктора по лыжному спорту. Его взяли по рекомендации Нансена, но он оказался в неловком положении, когда пришла весть о том, что норвежцы организовали собственную экспедицию, тоже идущую на юг. Таким образом Гран потерял всякую надежду попасть в состав партии, которая двинется к полюсу. Лыжи впервые пригодились лишь для креста, воздвигнутого над капитанской могилой.

Пути Трюгве Грана и Руала Амундсена еще не раз пересекутся — и на земле, и в воздухе. В отношениях между ними окажется немало резких поворотов. Когда двадцатичетырехлетний лейтенант возвращается из Антарктики, Амундсен настроен отстраненно и недоверчиво: кто знает, что может рассказать

скоттовский прислужник? «Надеюсь, ты не побежал встречать Т. Грана, — пишет он Леону, по-прежнему из Америки. — Это было бы совершенно излишне. Он наверняка дурак дураком».

Леон таки побежал: «Вчера прибыл из Бергена Гран, которого встречали руководители Географического общества во главе со Стеном, а еще Боркгревинк, председатель Купеческого союза и масса другого народу... Сначала Боркгр. предложил трижды прокричать "гип-гип-ура!", затем Стен сказал длинную речь, опять законченную троекратным "ура", после чего Гран поблагодарил за прием. Дело было в воскресенье, в 10.15 вечера, и я специально поехал на велосипеде, чтобы приветствовать его». В связи с прибытием в Христианию одного из спутников Скотта состоялись «разные сборища и торжества».

Леон послал соболезнования Королевскому географическому обществу и официальным представителям Британской империи в Норвегии. Еще он, как известно, совершил велосипедную прогулку с дипломатическими целями, когда лейтенант Гран вернулся на родину. Кроме всего прочего, Леон старается раздобыть сведения о том, что может порассказать лейтенант. Доверенному лицу, а именно Сверре Хасселю, дается поручение посетить Грана в один из его приездов в Кристиансанн, где Хассель служит на таможне. К концу июня Леон Амундсен получает отчет, что происходило в Антарктиде на территории соперника: «Он был чрезвычайно любезен и мил. Англичане не испытывали ни малейшей злости из-за возникшей конкуренции. Больше верившие в собак, чем в пони, ожидали, что мы придем на полюс первыми, остальные надеялись на Скотта. Он [Гран. — *Пер.*] предполагает, что Скотта удручало создавшееся положение, однако он ни разу не выказал досады. И, разумеется, автомобили оказались ни к черту не

годными». Комментируя эти сведения брату, Леон делает вывод, что дурное отношение к норвежцам исходило не из лагеря Скотта, а «от главных завистников — Керзона, Келти и Ко.».

Что убило капитана Скотта и его четырех храбрых товарищей: холод, голод или разочарование? Официальное обсуждение этого вопроса не затронуло Руала Амундсена, но в письме Леону он высказал свое мнение.

Во время пребывания в Америке его постоянно информировали о том, как идет снаряжение будущей экспедиции. Среди прочего ему доложили о нескольких ящиках гнилого пеммикана, поставленного датской фирмой по изготовлению консервов Ж. Д. Бове. Поскольку та же фирма снабжала продуктами экспедицию Скотта, консультант норвежских полярников по вопросам провианта — профессор Торуп — распорядился тщательно проверить весь ее товар. Вскоре Леон сообщает, что решено отказаться от поставок данной компании^[93].

Руал Амундсен откликнулся довольно неожиданно: «Меня радует, что ты распрощался с Бове. По-видимому его пеммикан и прикончил Скотта. Но об этом — молчок».

В конце июня — начале июля Руал Амундсен покинул Североамериканские Соединенные Штаты после полугодового турне в этой «плохо сказывающейся на нервах стране», которую изъездил вдоль и поперек, сделав более 160 докладов и заработав 40 тысяч долларов (или около 150 тысяч крон), что, по его мнению, «лучше, чем ничего!». Впрочем, ни упраделами, ни дон Педро, которому перевели в Буэнос-Айрес деньги для снаряжения экспедиции, недовольны таким результатом. Все считают, что на выступлениях Амундсена здорово нагрел руки

импресарио, Ли Кидик. Выходит, что собранные благодаря южному походу средства составляют лишь половину вырученного Нансеном после первой экспедиции на «Фраме». Особенно много ему удалось заработать на книжном рынке Англии.

Между тем норвежский стортинг наконец-то дошел в своем списке дел до Южного полюса и его покорителю был назначен почетный оклад размером в шесть тысяч в год. Первоначально ему, как в свое время Нансену, предложили профессию, но капитан, поразмыслив, отказался от нее — отчасти потому, что не чувствовал ни малейшей склонности к академической карьере, а отчасти боясь, как бы она не лишила его свободы действий. Участники экспедиции также получили «государственное вознаграждение»: по четыре тысячи крон каждый, единовременно. В связи с этим руководитель первого похода на «Фраме» дал управделами следующий совет [в пересказе Леона. — *Пер.*]: «Что касается означ. вознаграждения, Старик предлагает положить его в банк и использовать для пожизненной ренты, иначе, утверждает он по опыту — как мне кажется, совершенно справедливо, — деньги будут в мгновение ока потрачены и принесут один вред». После дополнительных переговоров почетное вознаграждение выплачивают также вдове Ялмара Юхансена с четырьмя детьми, и Леон принимает меры, чтобы в последнюю минуту спасти от продажи на аукционе часы Юхансена с золотой цепочкой, которые тот получил за экспедицию. В семье должна остаться память о ее главе.

10 июля Руал Амундсен поселяется в лондонском «Савое», тогда как его спутник, Херман Гаде, плывет далее на родину через Гамбург. Покоритель Южного полюса впервые посещает имперскую столицу после известия о смерти капитана Скотта, однако он приехал

не для выражения соболезнований. Его визит носит сугубо частный характер.

После шестимесячного расставания Руал вновь предстает перед женщиной своей мечты. Ему не требуется секстант, чтобы отыскать ее по адресу: Стэмфорд-хилл, ул. Эмхерст-парк, д. 28. Ему не требуется весь диапазон зычного голоса, чтобы поговорить с ней по телефону 21-27. Полярный путешественник прибыл. Он у цели.

Амундсен проводит в Лондоне около десяти дней. Остальное лето он должен посвятить чинным занятиям океанографией. В Бергене ему предлагают (хотя он не специалист в этой области) занять пост содиректора еще неоткрытого института океанографических исследований. Предложение лестное, но не представляющее для него интереса. К сожалению, отвергнув предложение, Руал Амундсен соглашается спросить у дона Педро, не внесет ли тот свою лепту в создание научного учреждения.

Свою просьбу о помощи Амундсен формулирует в крайне отчужденной манере, что свидетельствует о том, как мало он ассоциирует себя и свое поле деятельности с этой навязанной ему областью науки. Так напрашиваются на отказ: «Настоящим позволю себе осведомиться у Вас, не хотите ли Вы внести свой вклад в учреждение института океанографических исследований в Бергене... Уф, наконец-то я могу вздохнуть с облегчением! Это обращение к Вам настолько меня беспокоило, что я два месяца не мог взяться за него. Увы, я часто даю необдуманные обещания, за которые потом дорого расплачиваюсь». Полярник не видел никаких оснований к тому, чтобы счет его спонсора опустошался расходами на океанографические исследования. Дон Педро придерживался того же мнения. Его взносы должны быть связаны с героическим именем Руала Амундсена, а

не с какими-то институтами по изучению суши или моря.

Только после возвращения в Норвегию и официального выяснения отношений с бывшим премьер-министром Брат-ли полярный путешественник может подвести черту под скандалом из-за невыполненных обещаний. «Кнудсен возьмет все обязательства на себя, — пишет он Леону. — Мало кто понимает, насколько важно было для меня добиться этого. Зато тебе не надо объяснять, что теперь, когда ребята знают, как я старался ради них, они будут только крепче привязаны ко мне».

Осенью 1913 года произошла серьезная передислокация войск в рамках экспедиции, все еще известной как третий поход «Фрама». Верховный главнокомандующий и его управделами, то есть братья Амундсен, остались в Ураниенборге, а капитан с командой вернулись в Южную Америку, чтобы оттуда снова пуститься в плавание.

Почти год назад возникла мысль провести «Фрам» через Панамский канал — возможно, в качестве самого первого судна. Это не только значительно сократило бы путь к Берингову проливу, но и послужило бы рекламой похода. Руал Амундсен мгновенно восхитился идеей и стал прилагать усилия для ее осуществления. Завершала нескончаемое строительство канала одна американская компания, так что в Соединенных Штатах для получения согласия администрации был задействован, в частности, Джон А. Гаде. Сошлись на том, что первыми через канал пройдут на борту легендарного «Фрама» Амундсен и Пири (о Куке больше

не было речи) — возможно, в кильватере у американского военного корабля.

«Фрам» прибыл в Колон, у входа в Панамский канал, 3 октября 1913 года. Поскольку Турвалл Нильсен пока отсутствовал, судно привел туда лейтенант Кристиан Доксруд. Лейтенант заразился аэропланной бациллой, и теперь его прочили в «руководители авиационного отряда экспедиции». Путь из Буэнос-Айреса дался ему нелегко, докладывает Доксруд начальству: «Должен признаться, я еще никогда в жизни не испытывал таких трудностей на капитанском мостике... Ребята взошли на борт в Байресе, все более или менее испорченные многочисленными празднествами и почестями, а тут над ними ставят постороннего человека вроде меня». Да, командовать увенчанным лаврами экипажем Руала Амундсена было непросто: «По сути дела каждый претендовал на роль капитана».

В Колоне почетная миссия быть главным среди капитанов «Фрама» перешла к Турваллу Нильсену. Теперь все было готово для исторического прыжка из Атлантического океана в Тихий. Загвоздка состояла в одном: строительство Панамского канала никак не заканчивалось. Полярное судно два месяца простояло у его входа в ожидании сигнала «путь свободен».

Наконец, когда капитан Нильсен присылает пессимистическую телеграмму от 10 декабря, планы приходится менять. «По-моему, экспедиция может не начаться и в 1914 году», — высказывает свои опасения Леон. «В таком случае пора действовать!» — отвечает Руал, который уже покинул Бунне-фьорд и находится в Берлине. От идеи Панамского канала отказываются. (Первые суда пропустили по нему не раньше середины 1914 года.)

Эта неудавшаяся операция вызвала бурное негодование на борту «Фрама». «Почти все члены команды клянут американцев — Гоуталза и прочих, кто

имеет отношение к каналу», — напишет через некоторое время Нильсен. «Королем зоны канала» был полковник Гоуталз, который сделал все возможное, чтобы полярный корабль не сумел пройти через канал. Амундсен без обиняков называет его «швалью».

«Фрам» вновь отправляется в утомительное плавание вдоль берегов Южной Америки. Намечено протащить широкое судно с помощью быстроходного буксира от Магелланова пролива у южной оконечности материка до самого Сан-Франциско. Там будет добавлено снаряжение, поднимется на борт Начальник — и нужно без промедления, в самом начале лета 1914 года, трогаться в путь, чтобы поскорее достичь Берингова пролива и через него наконец войти в полярный бассейн. Кругосветное путешествие, которому не видно конца!

Пока «Фрам» в Колоне ждал, когда будет вырыт канал, Руал Амундсен предпринял еще одно лекционное турне. В Европе осталось достаточно залов, которые он не успел охватить в предыдущий раз. 14 ноября он начинает с Киля, чтобы оттуда продвигаться на юг к таким городам, как Вена и Будапешт.

Перед отъездом он дает Леону указания о покупке соседней с Ураниенборгом усадьбы под названием Рёдстен («Красный камень»). Вместо того чтобы продавать дом на берегу Бунне-фьорда, полярник хочет теперь расширить свои владения. Скорее всего, это Леон уговорил брата сделать ставку на Ураниенборг как на основную базу. В состав новой недвижимости входит вилла, в которой поселится управделами с женой и детьми. Рядом расположен дом для неувядаемой няни Бетти и другой, более часто сменяющейся, прислуги.

Летом поместье представляет собой рай, зимой же превращается в печальное захолустье. Руал живет там в теплое время года и видит усадьбу в самом благоприятном свете. Он составляет планы, отдает распоряжения — и уезжает.

Если строительство Панамского канала все больше затягивается, то работы, развернувшиеся осенью на берегу Бун-не-фьорда, ведутся безупречно. Там возводят дома, копают колодцы, прокладывают трубы, ставят телефонные столбы. 26 ноября полярный путешественник получает следующий отчет: «По случаю дня рождения королевы все дома расцвечены флагами, а работников угостят сигарами и выпивкой; хоть они и не роялисты, им объяснят, почему перепадает рюмочка, — и я не думаю, что они станут отказываться».

Через месяц первая часть турне завершена, принесся Руалу 44 тысячи крон. Куда направится наш герой теперь? Поплывет в Южную Америку и примет командование «Фрамом»? Или вернется на родину и займется организацией снаряжения? А может, ему лучше поехать в Берген и взяться за изучение этой чертовой океанографии? У руководителя экспедиции тысяча дел. Какие из них самые неотложные для человека, которому предстоит провести пять, шесть, а то и семь лет среди вечных льдов?

В воскресный вечер 14 декабря 1913 года капитан Амундсен снимает номер в лондонском «Савое». Спустя неделю он посылает рождественские поздравления Леону, его супруге Алине, детям и Бетти: «Я буду отмечать Рождество тихо и спокойно, в одиночестве, но мыслями я с вами и участвую в вашем торжестве». Последнее — чистейшая ложь, пусть и невинная, из самых добрых побуждений. Мыслями Руал — в том самом городе, где находится. «Да, я снова здесь, — пишет он в тот же день Херману Гаде, — и трудно

вообразить себе человека, который бы чувствовал себя лучше меня».

Итак, к Рождеству 1913 года положение дел с третьим походом «Фрама» следующее. Леон Амундсен, как всегда, пребывает на своем посту в Бунне-фьорде. Полярный корабль под командованием лейтенанта Нильсена, выйдя в свое бесконечное плавание на юг, пересекает Карибское море. Сам же Начальник, оторванный от экспедиции, сидит один в пингвиньем костюме за ресторанным столиком в «Савое», устремив взгляд вверх белой камчатной скатерти. Мыслями он не на родине и не борту «Фрама»: он играет на мандолине под освещенным окном Стэмфорд-хилла.

3 января 1914 года полярник вынуждает себя к действию. Собрав чемоданы, он переезжает в изысканный Биарриц. Дон Перучо, недавно ставший (наконец-то!) рыцарем ордена Святого Олава, собирается вступить в брак с французской аристократкой. Из дипломатических соображений следует повидать семейство Кристоферсен.

Затем покоритель Южного полюса продолжает свое турне. Похоже, ему хорошо в Старом Свете. «Последний доклад в Вене принес мне наибольший успех, — сообщает он домой. — Две тысячи нарядно одетых слушателей в красивейшем из виденных мною залов... все вне себя от восторга! Памятный вечер». Где бы ни проходили пути Руала Амундсена — через ледовую пустыню или в цивилизованных краях, — качество жизни должно поддерживаться по возможности высоким. «На сей раз живу в "Адлоне", — докладывает он из Берлина. — Чудесная гостиница, самая лучшая в

городе... особенно учитывая то, что кайзеровский двор стал мне наскучивать».

Нет таких удобств, которые полярный путешественник ценит больше роскошной ванной. Современная ванна, как и аэроплан, изобретение XX века. Незаменимое для человека, идущего в ногу со временем. Руал принимает ванну ежедневно. Не только когда разъезжает с выступлениями, но и дома. В Ураниенборге он оборудует ванную так, что из крана можно пустить либо пресную, либо морскую воду. Теперь, оказавшись в изысканных европейских апартаментах, он шлет домой новые указания. Все должно быть красиво, презентабельно. «Не вздумай установить какую-нибудь страшную раковину». Вскоре ванная полностью оборудована: ванна, умывальник, ватерклозет... даже биде. «И еще: подведи к фонтанчику не только холодную, но и горячую воду». Главную роль играют мелочи.

8 февраля, по-прежнему находясь в Берлине, Руал Амундсен сам устраивает ужин для избранных, который получает наименование Антарктической конференции. Один из гостей в «Адлоне» — бывший заместитель Скотта, капитан Эдвард Эванс. Как и в случае с Шеклтоном, Амундсен налаживает добрые отношения с Эвансом, который также плохо ладил с покойным руководителем. Эванс еще раньше предложил норвежцу пользоваться во время наездов в Лондон их экспедиционной конторой. После ужина в Берлине англичанин посылает ему в знак своего расположения изысканный набор пуговиц для жилета. Другим гостем был Вильгельм Фильхнер — руководитель экспедиции на судне «Дойчланд» («Германия»), которое находилось в Антарктике почти одновременно с «Фрамом» и «Терра нова». Этого баварского офицера, открывшего Землю принца-регента Луитпольда, в ту зиму пригласили участвовать в предстоящем норвежском походе.

Амундсен продолжает расширять состав аэродинамического отряда.

Наш полярник радуется любезной встрече между представителями трех великих антарктических держав. Не только потому, что они вкусно едят и пьют, ведут приятную беседу, но и потому, что, как он пишет Леону, «это хорошо смотрится». Руал умеет видеть себя со стороны.

Предполагалось, что 18 февраля он на борту пассажирского лайнера «Олимпик» отбудет в Америку, то есть начнет свое продвижение на север, в сторону Берингова пролива. Переезд через Атлантику откладывается до конца апреля, и Руал Амундсен плывет в Лондон. Куда же еще? В эту последнюю весну перед ледовой пустыней ему не хочется пропустить, как будут распускаться почки в имперской столице. Через десять — двенадцать дней он покидает город на Темзе, чтобы совершить еще одну поездку по Европе, в Париж и Вену. Интересно, один или прихватив с собой богиню счастья?

Наконец — примерно 17 марта 1914 года — Руала Амундсена ожидают на его заснеженной родине, дабы он отдал последние распоряжения в отношении усадьбы. «Наверное, первую ночь нам стоит провести в "Гранде"? — уточняет он у Леона. — Если позволят условия, домой можно будет пойти на лыжах». Давненько они не ходили на лыжах.

Глава 24

ЧЕРНЫЕ ТВАРИ

«Монтевидео, 25 марта 1914 года. Восемнадцатого марта умер воспаления мозга Бек матрос Сконес госпитализирован аппендицитом необходимо стать в док раздобыть топливо вяленую рыбу пришлось выбросить

Нильсен»

С «Фрама» поступают сплошь дурные вести. Идея Панамского канала отпала три-четыре месяца тому назад, а полярный корабль достиг лишь берегов Уругвая. До Магелланова пролива еще далеко, до Фриско — и подавно!

— Что скажешь, Руал?

— Что скажешь, Леон?

А вот и ответная телеграмма: «Ждите распоряжений. Наилучшими пожеланиями Амундсен». Гордость Норвегии, викингский, королевский, флагманский корабль, стал воплощением злосчастья. Спроектированный и построенный для снега и льда, он уже почти два года стоял и плавал в тропиках. Судно, направлявшееся к Северному полюсу, практически не продвигалось вперед.

Еще в Буэнос-Айресе «Фрам» пережил нашествие крыс — сотен, если не тысяч крыс. За ними последовали тараканы, моль, гниль и плесень. Не говоря уже о «черных тварях», или «рыбных жуках», которых подробно описывает капитан Нильсен сразу после

отправления удручающей телеграммы: «В последние дни стоянки в Колоне мы заметили во внутренних помещениях какие-то личинки — черного цвета, длиной около сантиметра. Решили, что они ползут из рыбы. Одновременно или даже раньше рыба начала вонять, отчего находиться на борту, особенно в носовой кают-компании, стало просто невыносимо. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что личинки действительно созрели в рыбе; возможно — или даже скорее всего — зачатки личинок появились там еще в Норвегии, хотя точно сказать нельзя. Мы просмотрели свой запас кофе и сложили все две тонны в рабочих помещениях. Через некоторое время из личинок начали вылупляться жуки с невероятно твердым панцирем. Наступить на жука было все равно что наступить на орех. Потом эти черные твари (жуки) добрались до кают — моей, Сундбека и Доксруда, и нам пришлось провести серьезную санитарную обработку. Наконец дело зашло так далеко, что я решил при первой же возможности избавиться от рыбы. Поскольку мне не хотелось, чтобы ее подхватило Гольфстримом и занесло в оживленный Флоридский пролив, я предпочел выждать, когда мы отойдем подальше. Тем не менее 2 января все триста тюков с рыбой полетели за борт. Чтобы никто не догадался о ее происхождении, мы разодрали первый тюк и спороли надписи, намалеванные с одного конца упаковок. Впрочем, так мы поступили только с первым. Внутри оказалось черным-черно от насекомых. Чтобы уничтожить большую их часть, нужно было сбрасывать тюки целиком. Кстати, почти все тюки сразу затонули. От рыбы там остались кожа да кости, мясо съели копошившиеся в них миллионы жуков. Еще одна неприятность, которую доставляли эти твари, связана с тем, что они вгрызались в дерево, так что у нас оказалась масса ящичков со множеством дырочек, в каждой из которых сидело по личинке».

За борт из дорогостоящего провианта полетели не только вяленая рыба, но и двести килограммов картофеля, и не менее того консервов: фрикасе из баранины, тресковая икра и пудинг со жженым сахаром. Урон запасам продовольствия, урон кораблю и самый страшный урон — экипажу. «Право, этот путь в обход пагубен для дела, — пишет капитан Нильсен. — Все мы в той или иной степени раздражены, и со всеми следует обращаться крайне осторожно. Особенно со Стубберудом. С тех пор как он в Христиании пустился в загул с Рённе и они стали "закадычными дружками", Стубберуд совершенно переменился, и мне кажется, Р. оказывает на С. крайне дурное влияние. К примеру, в Буэнос-Айресе у них был трехдневный запой, в продолжение которого они глаз не казали на корабль. Впрочем, не стану отнимать слишком много времени и перерассказывать истории, которые я слышал о каждом. Больше всех, разумеется, о Доксруде».

Одно дело — настроение, другое — здоровье. В Южной Америке многим членам команды пришлось обращаться в больницу. Матроса Сконеса, у которого, как следует из телеграфного сообщения, воспалился отросток слепой кишки, наняли в Буэнос-Айресе, а потому с ним братья Амундсен не были знакомы. Зато смерть Андреаса Бека, великана из Тромсё и замечательного ледового лоцмана, которому отводилась едва ли не главная роль в предстоящей экспедиции к Северному полюсу, была воспринята трагично.

Он почувствовал себя плохо в начале марта. Но как прикажете его лечить? С тех пор как застрелился участник второго похода, д-р Свеннсен, своего врача на «Фраме» не было. «Какая у Бека болезнь, для нас загадка, — 17 марта помечает в дневнике Нильсен. — Сначала я думал, причина в никотине, затем — в помешательстве, еще позднее — в воспалении мозга.

Болями он не мучится, пульс нормальный, температура нормальная. Мы только знаем, что у него двоится в глазах, и видим, что человек угасает». Вистинг тоже не может ничего посоветовать, хотя в последнем плавании он совмещает обязанности лекаря, зубного врача и жестянщика.

18-го все остается позади. «Бек скончался за пять минут до второй склянки. У него сидели мы с Вистингом. Все произошло настолько быстро, что мы даже не успели позвать команду. Он не издал ни звука... и вообще умер легко: последний вздох — и всё».

Утром следующего дня могучее тело приходится отправить вслед за картошкой, консервами и рыбой. Тело обернуто флагом. Глушат машину. На море штиль. Капитан Нильсен читает «Отче наш». Экипаж «Фрама» поет псалом «Когда придет черед и мне, никто не знает». На 33° южной широты ледового лоцмана опускают под воду.

25 марта судно добирается до Монтевидео. Для мотора нужно запастись топлива, еще надо отремонтировать гребной винт и, самое главное, вычистить днище. Полярный корабль настолько оброс в тропиках ракушками, что еле ползет. А его до конца весны следует доставить в Сан-Франциско. На 29 апреля у полярного путешественника заказан билет на «Олимпик». К западному побережью Северной Америки уже стекается разнообразное снаряжение. Давным-давно закуплены и аэропланы.

Сойдя на берег, Турвалл Нильсен отправляет братьям Амундсен свою грустную депешу о смерти Бека, об отправленной за борт вяленой рыбе, о необходимости попасть в док и т. д.

И что дальше?

На следующий же день решение принято. Братья телеграфируют своему верному помощнику Генри Лунну, норвежскому консулу в Сан-Франциско: «Экспедиция откладывается 1915». Снова откладывается. Поход на север, который должен был состояться еще в 1909 году, отодвинут в общей сложности на шесть лет. Кораблю следует определить новый пункт назначения, запасы продовольствия — возратить, продать или переслать в другое место. Что за канитель!

«Как говорится, мой тяжкий долг вынудил меня распорядиться о том, — напишет примерно через год Руал Амундсен, — чтобы судно освободили от груза и возможно скорее привели в Норвегию. Теперь у нас не было иного пути, кроме как через Северо-Восточный проход». «Фраму» велят идти на родину, в Хортен. И снова человеку чести, дону Педро, приходится раскошелиться на тысячи долларов, дабы привести судно в порядок для перехода через океан. К счастью, Руал (вернее сказать, Леон) не забыл поздравить старика телеграммой с днем рождения, как не забыл поздравить другого старика — консула Лунна во Фриско — с золотой свадьбой. Все зависит от мелочей, в том числе и в повседневной дипломатии полярных экспедиций.

Нарушен не только график похода, нарушен его маршрут. После всех неприятностей, перенесенных в тропиках, Руал Амундсен отказался от пути вокруг Южной Америки, предпочтя попасть к Берингову проливу с другого конца. Теперь ему, как в свое время Нансену, предстоит провести «Фрам» (целиком или частично) Северо-Восточным проходом, то есть изнурительным путем вдоль побережья Сибири.

Третья экспедиция «Фрама» возвращается к исходным рубежам. Когда корабль к концу июня 1914 года прибывает в Хортен, его экипаж и все снаряжение

вновь собраны на норвежской земле. Если согласиться с утверждением Руала Амундсена, что поход к Южному полюсу был вынужденной мерой, предпринятой исключительно для привлечения средств на северную экспедицию, следует признать, что он окончился полным фиаско. Потеряно пять лет. Судно сильно изношено, снаряжение в беспорядке, команда в состоянии разложения. Хотя полярный путешественник на протяжении двух лет заработал значительные средства, упущенные инвестиции наверняка были весьма крупными, не говоря уже о невероятных текущих расходах. Впрочем, благодаря дону Педро полярнику удалось сохранить в неприкосновенности почти весь собственный капитал.

Что же приобрела экспедиция за пять лет с того времени, когда ее отложили в первый раз?

Южный полюс.

Для Руала Амундсена он стоил заплаченной цены. Выдвигавшиеся полярником финансовые причины были не более чем маскировкой, так что просто отнести эти пять лет на счет плохой организации невозможно. Почему же предприятие, начавшееся столь блестяще, должно было закончиться столь прискорбно? Неужели полярный путешественник утратил способность к руководству?

Руал Амундсен покинул «Фрам» в Хобарте, в марте 1912 года. С тех пор корабль в буквальном смысле плыл по воле волн. Может быть, все несчастья были неизбежны, запрограммированы, как личинки в вяленой рыбе? А может, дело все-таки в том, что предводитель похода бросил корабль, выпустил из рук бразды правления? Все победы Амундсена доставались ему огромным усилием воли. Да хотел ли он достичь Северного полюса?

На самом деле не хотел. Во всяком случае, не этим способом. За последние два года полярник всячески

избегал двух мест: Норвегии и «Фрама», то есть корабля и базы. А так — где он только не побывал... в погоне за деньгами, за счастьем и за новым способом передвижения, за аэропланом, который должен был дать ему свободу, поднять над «Фрамом», над Северным Ледовитым океаном и над Нансеном. Создается впечатление, что Амундсена мало волнует судьба полярного корабля. Возможно, оттяжки даже приносят облегчение. Как ни дорого они обходятся, они желанны для человека, который, по правде говоря, не расположен покидать цивилизованные края, просто-напросто не готов ко льдам.

По возвращении на родину Руал Амундсен живет то в «Гранд-отеле», то в Ураниенборге. 26 марта, когда принимается «тяжкое» решение о дальнейшей судьбе экспедиции, полярного путешественника больше волнует, сумеет ли он застать по телефону сестру Кисс Беннетт — Гудрун (в замужестве Маус). У него есть планы устроить ужин в семейном кругу. Может быть, даже небольшой прием?

«Будущность полярного исследования тесно связана с авиацией. Здесь я имею смелость заявить о самом себе, что я первый из серьезных полярных исследователей осознал это и первый указал на практике дальнейшие возможности этого метода». Таково самоуверенное заявление Руала Амундсена в «Моей жизни». Под конец жизненного пути он мог-таки продемонстрировать новое решение, гордо отослав нансеновских собак, лыжи и сани туда, где им и пристало находиться — в витрины музеев.

Амундсен отнюдь не был первым из поднявшихся в воздух полярных исследователей. Трагический полет на

воздушном шаре к Северному полюсу был предпринят инженером Андрэ еще в 1897 году, прежде чем юный Руал отправился в качестве начинающего в свою первую полярную экспедицию. Если он тем не менее берет на себя смелость делать подобное заявление, то с оговоркой: «из *серьезных* полярных исследователей». Кто же был серьезнее — пионер воздухоплавания Андрэ или авиафантазер Амундсен? Не станем отвечать на этот вопрос. Суть дела в том, что в автобиографии полярник уличает инженера в безрассудных и несерьезных поступках — лишь бы закрепить за собой право на рекогносцировку с воздуха как метод, изобретенный им самим. И это при том, что раньше многократно выражал восхищение коллегой-воздухоплавателем. Вот насколько важно было Амундсену вылезти из шкуры, позаимствованной у Нансена, и объявить всему свету: я — пионер, я — новатор... я ничуть не хуже своего соотечественника.

Фритьоф Нансен тоже пришел к выводу, что будущее полярных исследований связано не только с морем, но и с воздухом. Для профессора, однако, воздух — предмет метеорологических наблюдений (как море было предметом наблюдений океанографических). Для его преемника все стихии подчинены одной-единственной области, достойной подлинного интереса: географии.

Руал Амундсен поздно явился на свет. Если человеку хотелось увековечить собственное имя на карте, надо было торопиться, очень торопиться. Что для обозрения большего пространства нужно подняться как можно выше, было известно давно, с тех самых пор, как матросы стали залезать на мачту и смотреть с марса.

Примерно через десять лет после исчезновения Андре воздухоплавание начало совершенствоваться технически, причем все более быстрыми темпами.

Резкий скачок вперед был совершен в 1909 году, когда француз Блерио перелетел через Ла-Манш. Летом того же года Руал Амундсен экспериментирует с воздушным змеем, способным поднять человека. На этом этапе развития воздухоплавательных аппаратов все они в той или иной степени напоминают моторизованного воздушного змея. Идея использовать змея была прежде всего нацелена на то, чтобы получить наилучший обзор ледовой обстановки для маневрирования судна. Но чем выше забирался человек, чем большую территорию охватывал взглядом, тем сильнее становилось его стремление применить воздухоплавательные аппараты к основной деятельности путешественников — открытию новых земель.

Была и еще одна причина, заставившая Руала Амундсена обратить взор к небесам. Благодаря сенсационному полету Блерио полярнику мгновенно стало ясно: подлинными героями будущего станут пилоты.

После временного срыва экспедиции наш путешественник первым делом распорядился продать два купленных им в Сан-Франциско гидроплана. В ту пору аэропланы транспортировали морем, так что переправка их в Норвегию обошлась бы слишком дорого. Кроме того, они, вероятно, уже не соответствовали бурному техническому прогрессу в области летательных аппаратов.

Вместе со своим экспертом по змеям, капитаном Эйнарсом Сем-Якобсеном, Руал Амундсен отправился на материк за новым оборудованием. 4 мая они посетили в Берлине немецкого участника экспедиции. В ту весну д-р Фильхнер купил себе летчицкий комбинезон и

окончил курсы пилотов — он тоже готовился к предстоящему походу.

Из Германии полярник в сопровождении Сем-Якобсена переехал во Францию, самую передовую из приобщившихся к воздухоплаванию стран. Там они приобрели за 20 тысяч франков аэроплан Фармана. Проведя несколько дней в Париже, где они, в частности, посетили ресторан «Максим», Руал Амундсен распрощался с капитаном, поручив тому переправить летательный аппарат на север. Сам полярный путешественник направляется в другую сторону — очевидно, его путь лежит через Ла-Манш.

Вернувшись на родину, Амундсен решил, что пора самому освоить искусство воздухоплавания. В свое время он сдал экзамен на капитана, теперь ему захотелось стать первым гражданским лицом в Норвегии, у которого будет диплом пилота. Наставником он избрал Сем-Якобсена. Экзамен назначили на 11 июня, он должен был проходить на плацу в Гардермуене. Там он и был сдан, причем с блеском. Ученик, налетавший с инструктором в общей сложности двадцать часов, всего один раз вошел в пике. Король прислал поздравительную телеграмму.

Несколько ранее успешно сдал экзамен на военного пилота Трюгве Гран, который был у капитана Скотта лыжным специалистом. 30 июля 1914 года этот двадцатипятилетний пилот совершил головокружительную эскападу — за четыре часа десять минут перелетел через Северное море, от Шотландии до норвежского Ярена. На шее у лейтенанта висело на шнурке первое письмо, отправленное авиапочтой — и предназначенное королеве Мод.

Чудом лыжник-пилот успел приземлиться на родной земле, прежде чем в баке кончился бензин и разразилась Первая мировая война. В тот же день Европа начала мобилизацию. Спустя два дня объявили

войну. С мирными экспедициями вмиг было покончено: наступила эпоха войны.

3 августа Руал Амундсен направляет норвежскому правительству письмо, в котором рвется на фронт: «Настоящим позволю себе предложить норвежской армии — в дар и без каких-либо условий — свой аэроплан ("Морис Фарман", 1914 года выпуска). Одновременно был бы крайне признателен, если бы меня определили в военно-воздушные силы в качестве пилота и присвоили *воинское звание* — *рядовой*. С почтением, Руал Амундсен».

В тот же день поступает телеграмма из Берлина: второй пилот экспедиции, Вильгельм Фильхнер, просит об отпуске «на период военных действий».

Еще в начале лета стортинг постановил выделить на третий поход «Фрама» 200 тысяч крон. Руал Амундсен подсчитал, что в общей сложности расходы составят 400 тысяч, и обещал сам внести недостающую сумму. 27 августа он отказывается от правительственной дотации. Премьер-министр Кнудсен благодарит: «Я понимаю, что это большая жертва с Вашей стороны, тем не менее Вы приносите ее во имя Отечества. Надеюсь, общественность по достоинству оценит такой поступок».

Большинство членов экипажа призваны в армию. «Фрам», прибывший в Хортен между выстрелами в Сараеве и официальным объявлением войны, поручен Оскару Вистингу, который должен организовать его разгрузку. В интервью одной газете Руал Амундсен говорит, что поход откладывается из-за тревожного времени.

«— Каковы Ваши личные планы на будущее?»

— У меня их нет. Пока что я живу в Свартсуге», — отвечает полярный исследователь, который не надеется, что его призовут в военно-воздушные силы в первых рядах. Норвегия до поры до времени сохраняет нейтралитет. Руал Амундсен до поры до времени остается гражданским лицом. Он свободен.

Спасен уже не гонгом, а набатом.

Глава 25

КОРАБЛЬ ВО СЛАВУ КОРОЛЕВЫ

С началом войны Руал Амундсен вступает в необыкновенно покойный период своей бурной жизни. Земной шар, ранее бывший полем его безграничной деятельности, в мгновение ока превратился в арену войны, где мирные колонны путешественника там и сям натывались бы то на линии фронтов, то на политические препоны. Лишь сэр Эрнест Шеклтон успел отбыть на юг и приступить к своей второй экспедиции в Антарктику, прежде чем путешествия с целью географических открытий стали проблематичными.

Пока что рядовой военный летчик нейтральной страны сидит без дела. Он сложил руки, предоставив трудиться своим капиталам. У него около 25 тысяч долларов в одних Соединенных Штатах, и зажиточный брат Хермана, Джон Гаде, с переменным успехом вкладывает их в различные предприятия. В славной своими фрахтовыми перевозками Норвегии война постепенно становится золотым дном для предприимчивых людей. У Руала Амундсена достаточно свободных денег, и, что не менее важно, у него есть Леон, умеющий их инвестировать.

В этом противостоянии исторических сил братья Амундсен занялись делом, испокон веков считавшимся семейным: фрахтом. В Видстене, в доме, где прошло их детство, стояло на пьедестале пушечное ядро. Ядро это приехало с Крымской войны, благодаря которой их отец стал преуспевающим дельцом. Теперь двое его младших сыновей становятся богачами благодаря акциям новой крупной войны.

Для первооткрывателя в жизни остается одна достойная цель: счастье. Одно поле деятельности,

способное поглотить всю его энергию: женщина. Одно место на всем земном шаре: Лондон.

Как уже было с Сигг Кастберг, роман с Кисс Беннетт приобрел вид молчаливого соглашения — внешне удобного, но по сути глубоко неудовлетворительного. Во всяком случае, для полярного путешественника. Руал Амундсен не склонен к компромиссам. Он может отталкивать от себя какие-то вещи, может замалчивать их, вытеснять из сознания, но рано или поздно он ставит вопрос ребром: всё или ничего.

В прошлой жизни у него — хозяйка квартиры, лежащая рядом с роковыми цинковыми ведрами, и бегство из Антверпена. И еще: расстроенный брак супругов Кастберг. Возможно, он не был виновником этих происшествий, однако спровоцировал их он. Руал выступает как завоеватель, как покоритель. Или это завоевывают и покоряют его?

Такого человека, как Руал Амундсен, в каждом окне ждала красавица, готовая немедля выйти за него замуж — если ему нужна была невеста. Увы, полярный путешественник не хотел, чтобы все было так просто. Ему необходимо было сопротивление. Цель, для достижения которой не требовалось усилий, ему неинтересна. За счастье следовало заплатить его цену. Любовь требует жертв.

Кажется, впервые после возвращения с Южного полюса наш полярник празднует Рождество в Норвегии. Зато на Новый год он уезжает. В ближайшие месяцы у Руала Амундсена и Кисс Беннетт будет немало встреч. Он ездит в Лондон, она приезжает в Норвегию. В Христиании она часто останавливается в гостинице на одном из окружающих столицу лесистых холмов, где

навещает старшую сестру Гудрун, супругу немецкого предпринимателя Роберта Мауса. Впрочем, Кисс не раз гостит и в Свартсуге, в уединенном доме полярного исследователя. Можно сказать, в их романе установилось некое равновесие. Но покоритель Южного полюса не намерен заниматься эквилибристикой.

Осенью 1915 года Руал Амундсен снова едет в Лондон, на сей раз с совершенно определенной целью. Когда их старший брат Тонни интересуется у Леона местонахождением Руала, то получает ответ: «Руал в Лондоне, откуда через некоторое время они, вероятно, придут вдвоем». Вдвоем?! Неужели он наконец-то совершит похищение, поставив вопрос ребром и добившись удовлетворения своих требований? Чуть позже Леону приходит письмо из Лондона. Теперь брат менее категоричен, чем был перед отъездом: «Если я не вернусь домой, будь добр, распорядись моими судовладельческими акциями, как если бы они принадлежали тебе».

Вся переписка между Норвегией и участвующей в войне Англией проходит контроль и цензуру. Дабы защитить свою личную жизнь от постороннего взгляда, полярник просит Леона просматривать все письма, которые тот пересылает ему в Лондон. Руал и сам соблюдает крайнюю осторожность. Не должно быть никакой утечки информации частного характера. Одну особу он именуется лишь инициалом имени. Леон в этот период никогда не упоминает ее напрямую, только иносказательно.

Как и для других дельцов, война превращается для Руала в выгодное предприятие. «Что происходит со сделками? — спрашивает он Леона на Рождество. — Поскольку в мир я не верю, очевидно, стоит сохранить часть акций». К этому времени Руал Амундсен занял четкую позицию в отношении исхода войны: «Германия

давным-давно утратила симпатии всех здравомыслящих людей».

Возможно, за этот год сам полярный путешественник изменил своим симпатиям. «Спроси у Руала, по-прежнему ли он сочувствует германцам», — говорится в одном из посланных ранее семейных писем. Точно можно утверждать одно: Амундсен еще со времен ученичества в Гамбурге симпатизировал Германии и немцам. Если представители Британской империи кричали свое никому не слышное «ура» собакам, то, как доложили Руалу по дипломатическим каналам, его книгу о Южном полюсе с огромным интересом прочел кайзер.

Помимо всего прочего, Руал Амундсен привлек к участию в будущей экспедиции ведущего германского полярника. Кстати, новоиспеченный пилот Вильгельм Фильхнер все еще надеется попасть на Северный полюс. Весной 1915 года он оптимистично писал с поля битвы: «До осени все наверняка будет кончено, и кончено победой под нашими знаменами, поскольку Вы себе даже не представляете, с каким героическим мужеством и доверием к Господу сражается наш народ».

Позднее Вильгельм Фильхнер попадает в Норвегию. Возглавляя в Бергене отдел германского военноморского министерства, он оказывается замешан в шпионском скандале и вынужден срочно бежать из страны. Как утверждает Фильхнер в своих воспоминаниях, это положило конец переговорам о мире, которые тайно готовились в ноябре 1916 года в люсакерском рыцарском замке и на которых связными между британскими и германскими властями должны были выступить сам Фильхнер и Фритъоф Нансен. Еще спустя год Нансен жалеет, что так и «не предпринял этой попытки».

Полярный путешественник избавился от симпатий к Германии во время своего пребывания в Лондоне (если не раньше). Как ни глубоко засела в нем антипатия к Британской империи, Англия приходилась второй родиной — пусть не ему, а ей. Кисс же была патриоткой обеих своих стран. Ее брат, Нильс Гудде, временно находившийся в Англии, перешел от игры в поло к службе в кавалерийском полку. Попав в Лондон, любой человек должен был выбрать одну из сторон. Война проникала всюду, заполняя дни кровавыми новостями с фронтов, а ночи — экзальтированным поклонением жизни.

И все же Руала Амундсена занимают в эти годы не столько драматичные события современной истории, сколько душевные потрясения и личная драма. Осень 1915 года он проводит наедине с избранницей, однако к Рождеству ее муж и сыновья возвращаются домой, «отчего она пребывает в ужасном смятении», — в порыве откровенности сообщает полярный путешественник Леону и Алине.

22 января 1916 года Руал объявил днем ухода в подполье. Еще перед Рождеством он пишет Леону: «Где я буду дальше, не разглашай ни одной живой душе». Полярник уже составил план, намереваясь в той или иной форме совершить «похищение». Прежде чем свадебная процессия уходит в подполье, Леону выдается очередная доверенность. 18 января Руал оставляет ему последние распоряжения: «В скором времени я, по всей вероятности, уеду отсюда и тогда хотел бы оставаться вне пределов досягаемости, так что будь добр, действуй во всем от моего имени».

Впрочем, письма из Лондона продолжают приходиться и в феврале. «Деньги здесь, похоже, какие-то особенно круглые и обладают удивительной способностью укатываться, исчезать в мгновение ока. Будь любезен, переведи на мой счет в банке "Хэмброс" тысячу крон.

Глядишь, на некоторое время хватит». 18 февраля в послание из британской столицы вложены шесть индийских почтовых марок с военными сюжетами, там же сообщается, что барон Ведель-Ярлсберг женился — во второй раз.

Примерно через месяц Леон пишет брату Тонни: «На следующей неделе ждем Руала домой». Тонни задает главный вопрос: «Он возвращается один или с супругой?» 22 марта Леон отвечает: «Руал снова дома, и у него все хорошо».

Вместо «супруги» Руал Амундсен привез решение продолжить работу. Его ждал Северный полюс. Полярный путешественник подвел Кисс Беннетт к кульминационной точке: поставил перед выбором. Выбрать Кисс не сумела... или, что более вероятно, предпочла Лондон. Похищение невесты оказалось бесплодной мечтой.

Остается предположить, что Руал дал ей отсрочку. Пока же — на Северный полюс и обратно. Как считает полярник, время работает на него: сыновья вырастут, муж состарится, а звезда Руала Амундсена только взойдет выше. Как было с Сигг Кастберг? Она ведь тоже отказывала ему... пока он не вернулся из вечных снегов. Тогда Сигг, как миленькая, ждала его на берегу с бумагами о разводе.

Вернувшись в Норвегию, Амундсен объявляет, что готов выполнить давнее обещание Нансену и родине: отправиться к Северному полюсу. На вершине стеклянной горы его ждет принцесса.

Через два дня после возвращения он в оптимистическом духе пишет вернувшемуся в Чикаго Херману Гаде, что надеется покинуть лоно цивилизации летом 1917 года: «Здесь идет такая бойня и свара, что я вздохну с облегчением, распрощавшись со всем и всеми. Самое подходящее время для продолжения моих трудов. Сам я никогда еще не чувствовал себя более

здоровым и настроенным взяться за дело, нежели теперь. К тому же я столь удачно распорядился своими деньгами, что приумножил капитал и могу быть совершенно независимым, то есть сам оплатить расходы на экспедицию. Представляешь, как я доволен? Едва ли — ты ведь не можешь посмотреть на это с точки зрения нищего».

В начале 1916 года полярник продал значительную часть судовладельческих акций. Леон решил придержать свои, но вскоре признаёт, что Руал выбрал удачный момент для продажи: удвоил капитал и в то же время у него остались ценные бумаги, которыми распоряжаются Гаде и Леон. Полярный путешественник может построить себе собственный корабль.

Еще осенью 1914 года на Центральной верфи военно-морского флота в Хортене подсчитали, что ремонт «Фрама» обойдется примерно в 100 тысяч крон. Когда вопрос о ремонтных работах был поставлен вновь, обнаружилось, что за истекшие два года крысы нанесли судну и того больший ущерб. Сам Руал Амундсен называет прежнюю гордость страны «развалюхой». Тем не менее его решимость приступить к постройке нового корабля — вместо того, чтобы в очередной раз сделать ставку на «Ветерана», — объясняется не только финансовыми расчетами.

«Фрам» был государственной собственностью. Это давало многие преимущества, но означало зависимость от правительства и стортинга. Кроме того, исторически и морально корабль по-прежнему ассоциировался с Фритьофом Нансеном. Нашему полярнику наверняка было бы приятно избавиться от этого наследия прошлого. Следуя своей натуре, Руал Амундсен предпочел заказать собственный полярный корабль в Аскере, у судостроителя Кристиана Енсена.

Наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки. Летом Амундсен опять едет в Лондон. К осени он начинает

сомневаться в сроках: ему все-таки понадобится еще год. Финансовая независимость тоже, похоже, небезгранична. «Я встречу с премьер-министром и спрошу, на что можно рассчитывать», — пишет Руал Леону. Под Рождество он плывет в Америку, чтобы совместно с Херманом Гаде уладить вопрос о провианте.

Леон в годы войны покинул Свартсуг и теперь обитает на юге Норвегии, под Арендалом, где купил себе имение Фредлю («Покойный уголок»). За это бурное время управделами тоже разбогател, и полярный путешественник по праву называет его «судовладелец Амундсен». Со своего южного побережья Леон вынужден просить Тонни рассказать, что Руал намерен предпринять до отъезда в Америку. Брат снова хочет продать усадьбу на берегу Буннефьорда, сообщает Тонни. Теперь полярник обустроивает элегантную квартиру в Христиании, на Томас-Хефтюес-гате. На той же улице живет с семьей сестра Кисс Беннетт, Гуд рун Маус. В этом стратегически удобном месте полярный путешественник и хочет расположить свою базу. Старший брат заканчивает отчет пожеланием: «Надеюсь, он совершит свое кругосветное путешествие и вернется через Лондон». Тонни тоже смекнул, где находится цель экспедиции.

Продажа усадьбы, однако, не состоится и на сей раз. У Леона возникли сомнения налогового характера. Когда-то полярнику удалось (под предлогом неустанных трудов на благо отечества) добиться в своей Оппегордской коммуне полного освобождения от налогов. В столице, где среди муниципальных чиновников преобладают социалисты, ему подобной льготы никто не обещает. Налоги же, по словам Леона, выльются в «изрядную сумму». Так что ни Леоновой

новой усадьбе, ни Руаловой квартире не суждено стать для братьев Амундсен постоянным местом жительства.

Отпраздновав Рождество в Чикаго с семейством Гаде и выполнив всё намеченное в Нью-Йорке, полярный путешественник в начале февраля прибывает в Лондон. В Норвегию он возвратится еще почти через месяц. И доберется благополучно, хотя Северное море настолько кишит перископами подводных лодок, что плавание по нему — дело нешуточное.

Между тем в мирном Бунне-фьорде происходят волнующие события. Утверждается, что Йорген Стубберуд пытался покончить с собой. Леон, которому об этом доложили слуги, сообщает: бывший участник похода к Южному полюсу превратился в «неизлечимого сумасшедшего — печально, но объяснимо». Почти так же он в свое время комментировал смерть Юхансена в Солли-парке. Но Стубберуд едва ли был неизлечим. Преодолев свои расстройства, он прожил дольше всех из девяти обитателей Фрамхейма — почти до ста лет.

И полярный путешественник, и его брат-судовладелец практически уверены, что рано или поздно Норвегия будет втянута в войну против Германии. Особенно Леон (с его крепкими связями во Франции) горой стоит за то, чтобы Норвегия приняла активное участие в военных действиях. К тому же братья находятся в щекотливом положении спекулянтов, нажившихся на чужом горе. Когда Леон в марте 1917 года хватается за перо и сочиняет призыв к сооружению «памятника нашим морским героям», это можно истолковать как двойную мораль, а можно — как попытку унять отчаянные угрызения совести. Единственный раз в жизни Леон Амундсен выдвигает

официальную инициативу — не от лица полярного путешественника, а от своего собственного. «За дело необходимо взяться немедленно, пока легко собрать средства». Редактору «Норгес хандельсог шёфартстиденде» он пишет: «Это должен быть самый большой памятник в стране, и поставить его следует на самом красивом месте, какое только можно найти у моря».

Впрочем, полярник тоже включается в исторические события. Он намечает турне с выступлениями — не для пополнения своего кошелька, а исключительно для сбора средств на оборону родного королевства. Более того, рядовой военный летчик готовится к реальным сражениям. Возможно, скоро в небе над отечеством появятся кайзеровские цеппелины с грузом бомб. 13 марта Руал пишет Леону: «Собирался на этой неделе вновь заняться полетами на аэроплане, чтобы быть готовым по-пеликаньи пронзить первый дирижабль, однако затяжная метель отменила полеты; теперь придется ждать, когда вернусь. Надеюсь, цеппелин не появится до моего возвращения, хотя ощущение такое, будто остались считанные дни».

Публичные выступления во имя обороны представляют собой исключение из правила, которому полярный путешественник следует, сосредоточиваясь на собственном поле деятельности. Если Фритьоф Нансен расширял для себя поле деятельности, идя от полярных исследований к занятиям наукой, политикой и гуманитарными миссиями, то Руал Амундсен шел в противоположном направлении — ко все более узкой специализации, к сосредоточенности на своих трудах и своем мире. После речи 17 мая, которую ему пришлось произнести в 1907 году, наш полярник очень редко выступал перед массами с целью их просвещения и воспитания. Ему не хотелось без крайней надобности изображать Нансена.

Речи на благо обороны были возвратом к прошлому, игрой в Нансена на нансеновском поле. Тем не менее народный оратор Руал Амундсен решился на это и целых полтора месяца переезжал с места на место в прибрежных районах Северной Норвегии. Народу на его выступления собиралось много, однако массы *он* не всколыхнул. Как сообщает репортер газеты «Нордлюс» («Северное сияние»), помещение Рабочего союза в Кабельвоге было «набито битком», но рассказать потом было практически не о чем: «Он [Руал Амундсен. — *Пер.*] хотел всего-навсего напомнить нам о бушующем в Европе пожаре войны и объяснить, почему важно крепить обороноспособность страны, неуклонно сохраняя при этом нейтралитет. Социалисты — люди без родины и не желают иметь оборону, сказал он. Вряд ли его доклад глубоко затронул слушателей. Скорее у меня создалось впечатление, что публика расходилась недовольная, поскольку не услышала ничего для себя нового».

С островов Вестеролен идут более положительные отзывы. Сообщается, что полярный путешественник заказал для экспедиции к Северному полюсу не меньше 200 килограммов козьего сыра. «Таким образом, он убил сразу двух зайцев: обеспечил себя изрядным количеством отменного рафтсуннского сыра и привлек на свою сторону вестероленцев. В уезде Бё, расположенном с западного края архипелага, а потому открытого для атак подводных лодок, было для собственного спокойствия создано Оборонное общество».

К Руалову возвращению в столицу цеппелины еще не перешли в наступление на нее, посему его вклад в оборонное дело ограничился — помимо игры на бирже — выступлениями в Северной Норвегии. Во всяком случае, до поры до времени.

Прежде чем уехать на север, Руал Амундсен вынужден был обратиться в стортинг с просьбой вернуть 200 тысяч крон, от которых отказался в 1914 году, поскольку, как было напечатано в газетах, экспедиция «обходится гораздо дороже, чем предполагалось ранее». Полярный путешественник знал, что может положиться на премьер-министра Гуннара. Не прошло и двух недель, как эта сумма вновь оказалась на счету Руала.

До самого спуска корабля со стапелей все пытаются угадать его название. Газеты делают ставку на «Бетти» — в честь бессмертной няньки, до сих пор живущей во флигеле Ураниенборга. Первое судно Амундсена носило старинное норвежское женское имя «Йоа», однако это название оно получило раньше, чем перешло к нашему полярнику. А какая еще женщина была в жизни Руала Амундсена, если не Бетти?

Разумеется, он мог последовать примеру Фритьофа Нансена и взять в виде названия какой-нибудь девиз. Если «Фрам» значит «Вперед», то Амундсен мог бы приспособить для себя «Ферст» («Первый»). Впрочем, подобный девиз мало подходил ему: Северный полюс уже был открыт, а дрейф во льдах — совершён тем же «Фрамом». У полярного путешественника нашлась идея получше. 2 июня ему пришел ответ из дворца: «Королева с радостью дает согласие на Ваше предложение. Хокон Rex^[94]». Итак, корабль будет называться «Мод» — и женским именем, и патриотично. Только, в отличие от стройной королевы, он был широк и массивен.

Спуск на воду состоялся чуть свет 7 июня 1917 года — в день главного национального праздника Руала

Амундсена. Полярный корабль нарекли не с помощью декадентского шампанского, а в его истинной стихии — со льдом. «Судно спущено со стапелей, торжество по этому поводу оставило самые радужные воспоминания», — записывает в дневнике полярник, исполненный надежд на корабль и будущее.

Вместе с Херманом Гаде Амундсен давно заказал провиант в Америке. Погрузку собирались произвести в Сан-Франциско, так что полярный путешественник, невзирая на войну, решил использовать старый маршрут: через Панамский канал — вдоль западного побережья Америки — к Берингову проливу. Отставной дипломат Херман Гаде не напрасно содействует Руалу в Америке. Указания следуют в обе стороны. Во всяком случае, одна дипломатическая возможность благодаря закадычному другу в Христиании остается для Гаде открыта — Руал Амундсен имеет доступ к премьер-министру: «Я в ближайшее время поговорю с Г. К. и нашепчу ему всё, о чем ты просил».

Увы, как уже случалось раз за разом, отплытие приходится отложить, а планы — пересмотреть. 10 июля Руал пишет другу в Чикаго: «Я надеялся двинуться в путь уже осенью, с заходом в Сан-Фриско, но, похоже, ничего не получится, так что теперь я постараюсь выйти летом следующего — 1918 — года и направиться прямо на север». Это означает, что пятилетние запасы провизии нужно будет — несмотря на подводную войну — сначала переправить в Норвегию.

В ожесточенной борьбе с Великобританией Германия в 1917 году объявила ей беспощадную подводную войну, что повлекло за собой массовое затопление норвежских торговых судов и, соответственно, потерю многих жизней. В апреле в войну вступили Соединенные Штаты, а в конце октября того же года Руал Амундсен предпринимает

собственную кампанию — впрочем, ограниченную масштабами кайзеровской дипломатической миссии в Христиании.

«Как норвежский мореплаватель я позволю себе вернуть врученные мне немецкие награды в знак протеста против бойни, которой Германия подвергает мирных норвежских моряков». В дополнение к этим словам простой моряк и рядовой пилот брякнул на стол перед германским посланником свои ордена. А ведь первый раз — еще после Северо-Западного прохода — норвежца торжественно награждал сам Вильгельм II.

Руал Амундсен не разделял пренебрежение Нансена к орденам, которые тот считал всего лишь извинительными проявлениями человеческой слабости. Для Руала награды представляли истинную ценность. На арене тщеславия, где он теперь выступал, подобные металлические побрякушки доказали свою важность и как движущая сила, и как предмет торговли и обмена. Отказ от ордена был жестом протеста, отнюдь не легким для нашего полярника. Спустя два дня его примеру последовал коллега Свердруп. Фритьоф Нансен в это время находился по поручению правительства в Вашингтоне, а его награды лежали в ящике письменного стола в Пульхёгде. Там они и пролежали в неприкосновенности до тех пор, пока кровопролитие не кончилось.

Дипломатический разрыв Амундсена с кайзером был понят и вызвал отклик не только в Норвегии, но и во всем воюющем мире. В том числе в Германии. Среди потока поздравлений пришло письмо из Тронхейма: «Примите мои самые сердечные, искренние похвалы в связи со столь независимым и мужественным поступком, как возвращение Вами германских наград». Письмо было подписано адвокатом и офицером-резервистом Трюгве Гудде. Рядовой пилот явно преуспел на разных участках фронта.

Впрочем, военная кампания Амундсена еще не кончена. У него разгорелся аппетит. Он обращается к своему другу Джону А. Гаде, который во время войны исполнял обязанности американского военно-морского атташе в Скандинавии, и просит его уладить формальности, необходимые для вступления полярного путешественника в ряды британского флота. Соотечественники Руала — летчик Трюгве Гран и «почти что зять» Нильс Гудде — уже сражаются с врагом под английскими знаменами. Почему бы и ему не присоединиться к ним? У него, между прочим, великолепно тренированное тело — куда лучше, чем у них обоих.

Джон Гаде обращается к соответствующему адмиралу и слышит в ответ: командование с удовольствием организует для г-на Амундсена ознакомительную поездку к местам боевых действий, дабы он получил некоторое представление о происходящем. После случая с орденами всем ясно, что полярник принесет гораздо больше пользы в качестве пропагандиста, чем в качестве пушечного мяса на полях сражений.

Руал Амундсен совершает «крайне интересную поездку по трем фронтам». В письме Леону воин докладывает о «совершенно чудесном времени», проведенном им в Париже со старыми друзьями. Доложить о другой встрече, которая состоялась у него во время пребывания за казенный счет в гостинице «Мерис», Руал не считает нужным. А принял он скромного американца, служащего во французской столице в штабе военно-воздушного флота, но мечтающего отправиться с норвежцем в его арктическую экспедицию. К сожалению, Амундсен не видит возможности удовлетворить это странное желание.

Им предстоит встретиться снова — в другой гостинице и другой стране. Пока что Линкольн Элсуорт всего лишь в первый раз постучался в двери Руала Амундсена с просьбой допустить его к увлекательной полярной эпопее.

В середине февраля наш первооткрыватель останавливается в отеле «Ритц» города Лондона, считающегося столицей войны. В начале марта он прибывает в Соединенные Штаты, где его ждут поездки по северо-западу страны с целью агитировать бывших норвежских крестьян ехать в Европу и лезть там в окопы. По словам Джона Гаде, Амундсен достиг «потрясающих» результатов.

Всю зиму в Америке добивались разрешения на вывоз оттуда провизии и снаряжения для экспедиции «Мод». В этом сослужил последнюю службу своему младшему коллеге Фритьоф Нансен, который вел в Вашингтоне переговоры о поставках продовольствия в Норвегию. Вместе с братьями Гаде и кое-кем еще ему удается договориться с американскими властями о том, что, несмотря на строгие ограничения военного времени, снаряжение будет отправлено в Норвегию и прибдет туда в течение весны. В конце апреля агитатор, сделав свое дело, возвращается на родину.

Может показаться странным, что «серьезный» исследователь вроде Руала Амундсена в последний год перед отправлением в рассчитанную на пять лет научную экспедицию занимался агитацией. В первые два года войны он избрал для себя роль переезжающего с места на места, холеного и весьма обеспеченного господина. Относительно недавно он хотел облегченно «распрощаться со всем и всеми». Но чем ближе день отъезда, тем больше ему хочется принести пользу воюющей Европе. Сначала он собирался в небо, освоив новую профессию храбреца летчика, затем пытался вступить в британскую армию.

В этих героических шагах человека среднего возраста присутствуют некий мелодраматизм, некая иллюзорность. С чем и с кем он на самом деле борется?

Ясно одно: гражданским лицам делать теперь нечего. По крайней мере в Лондоне.

Весной 1917 года газеты объявляют, что пилотом в экспедиции к Северному полюсу назначен некий сержант Херланн: «Итак, штурм полюса совершит вместе с Амундсеном он». Сержант, в частности, отличился необычайно дерзким походом из Конгвингера в Лиллестрём. Впрочем, спустя год ни о каких аэропланах на борту «Мод» уже не слышно. Заветная мысль как-то незаметно оказалась отложенной в долгий ящик.

В любую минуту над Норвегией могли появиться дирижабли кайзера Вильгельма со своим смертоносным грузом, так что вывозить из страны пока еще редкие летательные аппараты и снаряжение едва ли было разумно. Пока шла война, аэропланам полагалось сторожить европейский небосвод. Подлинные герои могли находиться лишь там, в рядах противовоздушной обороны.

Заниматься воздушной акробатикой в ледовой пустыне было неуместно и несвоевременно. На героические свершения гражданских лиц отсутствовал спрос. В свете огромных военных потерь, которые ежедневно становились известны общественности, немногие, желавшие рискнуть своей жизнью в других местах, погоды не делали.

Следовательно, что именно будет происходить на борту «Мод», не имело значения. Главным для полярного путешественника было исчезнуть. Он хотел, чтобы по нему начали скучать. Очередь принимать решение была за ней.

Только она могла вызволить Руала из ледовых объятий.

Глава 26

ЛЕДОВЫЕ ОБЪЯТИЯ

«Мод» вышла из Христиании 24 июня 1918 года, когда заканчивалась эпоха старой Европы. Всего неделей раньше в далекой Сибири был расстрелян с семьей двоюродный брат королевы Мод — российский царь Николай II^[95]. Центральная Европа была изборождена напомилавшими кровеносные сосуды окопами. Не пройдет и нескольких месяцев, как падут еще две империи.

Корабль во славу королевы вызывал ассоциации с великой, многообещающей эрой. Прошло 25 лет с тех пор, как из осужденной терпеть Бернадотов Норвегии вышел в первое плавание «Фрам». Оно стало походом надежды, походом к независимой, а в конечном счете и к свободной Норвегии. Хотя экспедиция на «Мод» была лишь блёклым подобием того плавания, ее можно было считать своеобразным празднованием юбилея. Фактически речь шла о третьем походе «Фрама».

«Мод» представляла собой укороченную и несколько усовершенствованную копию судна, спроектированного в свое время Нансеном и Колином Арчером. План похода и маршрут тоже были целиком нансеновские. Руал Амундсен намеревался лишь войти в зону льдов несколько восточнее, чтобы его дрейф проходил к северу от маршрута, пройденного Нансеном. Если «Фрам» начал свой дрейф на западе от Новосибирских островов, то «Мод» должна была пройти в их восточную часть, в район острова Беннетта. Такой курс не только привел бы Амундсена ближе к Северному полюсу (единственной цели, не достигнутой экспедицией «Фрама»), но и позволил бы изучить еще неисследованную область между полюсом и Аляской.

Корреспонденту «Тиденс тейн» полярник перед отплытием сообщает: «Весьма вероятно, что в тех краях находится некая суша».

Будучи исследовательским судном, «Мод» одновременно была прогулочной яхтой — элегантно обставленной и с отдельными каютами для каждого члена экипажа. В море они вышли вдевятиером. Всего за несколько недель до отплытия Амундсен назначил капитаном «Мод» ветерана походов на «Йоа» и «Фраме» Хельмера Ханссена. Тогда же Оскар Вистинг был объявлен первым помощником. Шведа Сундбека взяли заведовать машинным отделением, а отнюдь не юный, но по-прежнему обладавший золотыми руками Мартин Рённе стал четвертым из старослужащих «Фрама». Остальные были новички: Тессем, Кнудсен, Тённесен и, наконец, единственный настоящий ученый во всей экспедиции — геофизик д-р Харалд У. Свердруп.

Девятый участник похода взошел на борт лишь 14 июля, в Тромсё. Руал Амундсен никогда не задерживался на своих полярных кораблях дольше, чем того требовали обстоятельства. На сей раз он прибыл Скорой линией^[96]. Какую же роль отвел себе Начальник в этом походе? В первой экспедиции он был капитаном и возглавлял научную работу. Теперь оба поля деятельности были отданы в чужие руки. Тем не менее роль Амундсена на борту «Мод» оставалась двойной. Прежде всего он вышел в море в качестве первооткрывателя. Если раньше он возглавлял прорывы к Северному магнитному полюсу и к Южному полюсу, то в этот раз собирался руководить штурмом Северного полюса. Когда подоспеет пора. Между тем у него было дело и частного свойства.

Каюта Руала Амундсена похожа на оформленную под будуар монашескую келью. Стену над койкой целиком закрывает шелковый ковер с вышитыми

белыми чайками, которые парят на фоне багрового неба. «Мою каюту обставили друзья, — пишет Амундсен в книге «Северо-Восточный проход», — да так уютно и красиво, что я покраснел и опустил глаза, когда впервые вошел туда. Можно было подумать, я собираюсь в свадебное путешествие!» Над письменным столом висят две строфы английского стихотворения, опять-таки вышитого:

The stars are with the voyager,
Wherever he may sail;
The moon is constant to her time,
The sun will never fail.

But follow, follow round the world
The green earth and the sea;
So love is with the lover's heart
Wherever he may be^[97].

Руал действительно отправлялся в свадебное путешествие. Невеста пребывала с ним — в его сердце, в его красной каюте, на его корабле, который он распорядился выкрасить... в ярко-белый цвет. У похода было две цели — Северный полюс и Лондон.

«Мод» выходит из Тромсё 16 июля — в день, когда Руалу Амундсену исполняется 47 лет. Еще через два дня экспедиция прощается с празднично украшенным городом Вардё и покидает норвежское побережье. Амундсен всерьез опасается, что теперь исследовательское судно «разнесут в куски германские пираты», но вскоре оно достигает мирных вод и оказывается вне пределов досягаемости для кайзера.

Через месяц после выхода в открытое море участники похода отсылают почту — из селения Хабарово, что на Новой Земле. Там же Начальник

нанимает десятого члена экипажа, полурусского-полунонорвежца, — ему 21 год и он будет помогать Сундбеку в машинном отделении. «Его зовут Олонкин», — сообщает полярный путешественник домой, управделами. До поры до времени мотористу хватит и фамилии, имя может подождать. Следующие известия поступают спустя две недели с острова Диксон. Оттуда уходят не только письма, но и телеграммы, однако принимать сигналы из Норвегии тамошняя станция не может.

Так проходит год.

Скверный год.

9 сентября, ровно через 25 лет после «Фрама», «Мод» минует северную оконечность Азии — мыс Челюскина. Пока что корабль следует намеченному курсу. Впрочем, скоро «Мод» попадает в непроходимые льды, и Амундсену приходится искать убежище на зиму. «Облюбованный нами уголок, вернее, единственный уголок, куда мы еще могли приткнуться, — пишет полярный путешественник Леону, — была небольшая бухта на севере Челюскинского полуострова^[98], в 21 морской миле от самого северного мыса. Мы назвали бухточку гаванью "Мод"».

Просидев взаперти год, экспедиция отправляет очередной пакет с почтой. В этой корреспонденции содержится первое свидетельство о внутренних раздорах. Руал Амундсен пишет Леону: «Я отправляю домой Тессема под предлогом, что нужно доставить почту. Истинная причина заключается в том, что у него

плохо с головой и он подолгу пребывает в глубоком унынии»^[99].

В сопровождающие Петеру Тессему Начальник выделил Эмануэля Тённесена, тоже представлявшего собой проблемный случай, от которого Амундсен с удовольствием бы избавился. «С Тённесеном другая история. Его я отсылаю по причине нерадивости и невоспитанности, доказательством чему служит прилагаемая выписка из путевого дневника.

Эту выписку я прошу тебя держать наготове и использовать всеми возможными способами, если по возвращении он [Тённесен. — *Пер.*] попытается затеять скандал. Если же он будет вести себя примерно, оставь его в покое. Он просто глупый мальчишка, у которого еще молоко на губах не обсохло и которому надо малость подрасти, прежде чем из него выйдет толк».

Главная стычка с юным Тённесеном состоялась в конце июня 1919 года. Каша заварилась из-за нескольких брошенных кусков угля, после чего дело дошло до бурной перепалки между Начальником и недостаточно уважительным двадцатилетним подчиненным. Между тем еще до отправки письма Тённесен снова впал в милость. «Вообще-то он замечательный парнишка, с которым мне даже не хочется расставаться». Хотя Тённесен нарушил первейшую из существующих на борту заповедей — «Не проявляй непокорности перед Начальником», — он всегда был безвредным и не оказывал влияния ни на кого из членов команды. Когда выяснилось, что Тённесен к тому же раскаивается в своих грехах, Начальник счел возможным проявить к нему снисхождение. Этот парень не был бунтарем вроде Юхансена.

Кто же тогда пойдет с Тессемом на юг? У Начальника есть на примете новая кандидатура: Пауль

Кнудсен. Когда Амундсен поднимает этот вопрос за столом и Кнудсен вызывается идти, дело решено. В середине сентября Тессем с Кнудсеном покидают гавань «Мод» и отправляются на юго-запад, к ближайшей телеграфной станции. Оба — бывалые охотники, к тому же им выделяют хорошее снаряжение и шестерых собак. Тем не менее уход с «Мод» становится прологом к загадочной трагедии, которая еще причинит Руалу Амундсену немало беспокойства^[100].

Вместе с письмом к Леону он отсылает часть книги, впоследствии получившей название «Северо-Восточный проход». Руал также дает брату указания о том, что «более всего отягощает совесть»: как распорядиться прибылью от книгоиздания, дабы обеспечить постоянный доход братьям и Бетти. «Это дар, который я преподношу вам при жизни и который никак не связан с составленным мною завещанием. Только, пожалуйста, позаботься, чтобы эти две вещи не путались».

Итак, полярный путешественник признаётся, что перед отъездом написал завещание. Поскольку в нем не предусмотрены ни братья, ни нянька, очевидно, оно составлено в пользу постороннего лица. «Всю прибыль от книги я просил бы тебя перевести на собственное имя, — пишет Руал Леону, — поскольку эта сумма не имеет никакого отношения к прочему имуществу, которое я оставляю после себя».

Руал Амундсен уже начал тревожиться, что не переживет экспедиции на «Мод». Его мучают угрызения совести по отношению к близким, многие из которых не могут содержать себя, тогда как завещание, судя по всему, было жестом в сторону человека, и без того обладающего крупными средствами. И еще: «Если я погибну, сделай, что сумеешь, для Ханссена и Вистинга. Хотелось бы вознаградить также Рённе и Сундбека, но

прежде всего — тех двоих». Полярный путешественник принимает меры не на случай гибели экспедиции, а на случай собственной кончины.

С той же почтой Амундсен посылает в Христианию отчет своему врачу, д-ру Роллу. В отчете содержится волнующая история его болезни, которая начинается вскоре после прибытия экспедиции в гавань «Мод»: «30 сент. 1918 года я упал с корабля на лед и по крайней мере в двух местах сломал себе правое плечо. Один перелом пришелся над локтевым суставом, второй — под плечевым. Вистинг, получивший некоторое медицинское образование и знакомый с подобными случаями, наложил мне повязку. За исключением продолжавшихся две недели страшных судорог в соседних мышцах, все было хорошо. Через пять недель (мне оставалось бинтовать руку еще неделю) я столкнулся с медведицей и та опрокинула меня на лед. К счастью, я сумел вырваться из ее когтей и залезть обратно на корабль». В решающий миг медведицу отвлек на себя пес Якоб, а потом ее пристрелил г-н лекарь — Вистинг.

В историю болезни полярный путешественник мог прибавить третий из произошедших за полгода случаев, когда был на волосок от смерти. На сей раз дело происходило в подземной магнитной обсерватории: «Вентиляции там не было. Свет и тепло давала 100-свечовая лампа фирмы "Люкс" (керосиновая). По прошествии некоторого времени я, производя наблюдения, заметил у себя одышку, однако не придавал ей значения, пока 10 дек. внезапно не почувствовал безотчетную тревогу. Дыхание стало частым и затрудненным, пульс бился с невероятной быстротой — не менее ста пятидесяти. Пришлось прервать наблюдения и выскочить наружу. Там ноги

едва не отказались мне повиноваться, но я все же преодолел 200 метров, отделявших меня от судна»^[101].

Руал Амундсен считает, что подвергся отравлению. На протяжении зимы у него не раз бывали сбои сердца, дыхания и пульса. «Вы в состоянии разобраться во всем этом? Возможно ли, чтобы переломы, встреча с медведем и удушье сказались на сердце? Боюсь, так оно и есть, хотя уговариваю себя, что все мои проблемы чисто нервного происхождения». В заключение полярный исследователь признается врачу, что страдает бессонницей. «А так грех жаловаться — в нашем заточении мы обеспечены теплом, едой и питьем на несколько лет вперед...» Иначе говоря, у него есть все, кроме счастья.

Доктор Ролл не имел возможности лично поставить диагноз больному и вынужден был до поры до времени предоставить его заботам местного коллеги, жестянщика Вистинга. Впоследствии полярный путешественник изложит историю своей сибирской болезни нескольким врачам. У него явно были нелады с сердцем. Но какие именно?

Руал Амундсен возвращается к эпизоду с медведицей в книге «Моя жизнь», где описывает случай 8 ноября 1918 года под новым углом зрения: «Я всегда слышал, что перед лицом смерти, в последние короткие мгновения человек с бешеной скоростью переживает в памяти всю минувшую жизнь. Однако, когда я лежал под медведицей, ожидая смерти, мысли мои не были заняты ничем значительным. Наоборот, из всего пережитого передо мною вдруг возникла одна сцена из лондонской уличной жизни и в связи с нею мысль, которую в такую минуту безусловно можно назвать пустой. А именно, я поставил себе вопрос: сколько головных шпилек сметается с тротуара лондонской Риджент-стрит утром в понедельник? Почему такая

дурацкая мысль явилась мне в один из самых серьезных моментов моей жизни — этот вопрос я предоставляю психологам, но с тех пор я часто задумывался над тем, как странно может реагировать человеческий мозг в минуту величайшей опасности».

Что сказал бы по этому поводу Фрейд? Этим вопросом задался живший во Флурё доктор Отто Краттер, как только прочел амундсеновскую автобиографию. 31 января 1928 года он получил следующий ответ из Вены:

«Многоуважаемый коллега!

Ваша цитата в самом деле весьма интересна. Необычной мысли Амундсена в минуту смертельной опасности наверняка можно было бы найти объяснение. К сожалению, для этого следовало бы расспросить мужественного полярного исследователя о его ассоциациях. Без оных можно лишь предположить, что внезапная мысль означала одно: Амундсен откинул всякую надежду на спасение и считает свою жизнь не имеющей ни малейшей ценности. Почему эта незаинтересованность выразилась в подобной форме было бы крайне поучительно выяснить у него с помощью анализа. Искренне преданный Вам Фрейд».

Спустя много лет д-р Краттер, и сам практиковавший психоанализ, предложил свою трактовку случая на основе доступных ему биографических сведений об Амундсене. Увы, он напрасно искал ключ, который бы связал имперскую столицу со шпильками — ныне утраченными принадлежностями женского туалета.

Сомнительно, чтобы Руал Амундсен согласился поделиться своей личной жизнью, распростершись на диване у Зигмунда Фрейда. Но если бы такое произошло, психоаналитик мгновенно выяснил бы,

почему мысли полярника в опасное мгновение перенеслись именно в Лондон. Может быть, подметальщик с Риджент-стрит был самым верным человеком для того, чтобы подводить итоги Амундсеновой душевной жизни. В то туманное ноябрьское утро, едва не ставшее для полярного исследователя последним, перед его внутренним взором промелькнуло отнюдь не развлекательное кинообозрение. Назвать его «пустым» тоже никак нельзя.

Из первой зимовки у берегов Сибири Руал Амундсен выходит подранком: гордый полярный путешественник превратился в выздоравливающего. Он заранее вынужден отказаться от грандиозного плана покинуть корабль, как в свое время сделал Нансен. Перед отъездом были отданы распоряжения об устройстве складов на северной оконечности Гренландии, у мыса Колумбия. План предусматривал санный поход от «Мод» через Северный полюс в Гренландию. Между тем ничего не подозревающий Леон принимает в Христиании меры по доставке припасов на место. Практической реализацией проекта займется давний помощник Годфред Хансен. Пока что Леон не ведает о том, как недалеко продвинулась «Мод», и о том, что каюта полярного исследователя превратилась в больничную палату.

Руал Амундсен ослаб, но не сломлен. 18 мая он записывает в дневнике: «Вчера у нас не было торжества по случ. 17-го. Наш национальный праздник — 7 июня, я не признаю другого дня». (Проигранные Хансену сигары все еще не отданы.) Кроме того, Амундсен продолжает в сибирской келье собственную реформу орфографии. В

своём уединении он увлекся удвоенными согласными. С точки зрения фонетики он прав, однако писать по две одинаковых буквы — двойная работа. 9 октября 1919 года он находит решение: «Под значком ^v следует понимать удвоение согласной». Некоторое время полярный путешественник пользуется этим удобным значком, но и он не становится постоянным в его то и дело меняющейся системе правописания.

В глубине души полярник не находит себе места. Он даже завидует Тессему и Кнудсену, когда те уходят. «Мне очень хочется попасть на юг и узнать последние новости», — признается он в письме Леону.

В середине сентября «Мод» удаётся освободиться из ледового плена и пойти дальше на восток, однако уже к концу месяца экспедиция вынуждена искать бухту для новой зимовки. Поскольку идти на север невозможно, корабль причаливает у острова Айон, примерно на полпути между Новосибирскими островами и Беринговым проливом. Естественно, среди экипажа зреет недовольство. Это поход к Северному полюсу или ссылка в Сибирь?

«Сегодня уволил Рённе и Тённесена, сообщив им, что они могут отправляться домой... — пишет Начальник в дневнике 26 сентября, сурово критикуя обоих. — Рённе — смутьян, который пакостит у тебя за спиной. Тённесен — глупый щенок, который не терпит человеческого обращения, поскольку начинает капризничать и делается невыносим. Важно избавиться от всех подрывных элементов, прежде чем мы окончательно покинем эти края».

Мартин Рённе уже не раз представал перед всем честным народом в откровенно пьяном виде. В мрачные минуты парусных дел мастер испытывал неодолимое желание пить крепкие напитки чашками. А на «Мод», как и на «Фраме» во время похода в Антарктику, были

собраны значительные запасы алкоголя. Впрочем, и тогда, и теперь на судне действует строжайшая система контроля за его потреблением. Даже Линдстрём и Юхансен вынуждены были мириться с амундсеновской тиранией воздержания. Зато теперь списать на берег можно не пьяницу Рённе, а *смутьяна* Рённе.

1 декабря 1919 года Вистинг и Хансен отбывают в долгий путь к Берингову проливу, в Ном. С «Мод» уходит очередная порция почты. Заодно они прихватывают Тённесена, чтобы доставить туда, где он будет больше к месту, — в цивилизованные края. К Рённе проявлено снисхождение: ему позволено остаться. Помимо всего прочего, он бы не выдержал трудного перехода.

Хотя участников экспедиции стало меньше, вторая зимовка протекает менее одиноко, чем первая. Они по-прежнему отрезаны от цивилизации, однако постоянно общаются с живыми людьми. Д-р Свердруп откладывает в сторону свои научные изыскания и с головой уходит в изучение «дикарей» (как их называет Амундсен).

4 декабря 1919 года до норвежской колонии доходит весть о мире. Через год после капитуляции Германии Амундсен узнаёт от русского торговца последнюю новость мировой истории. На следующий день он помечает в дневнике: «У нас сегодня праздник, мы расцветились флагами и устроили пир по случаю заключения мира и бегства кайзера. Будем надеяться, его мошенник сын — этот отвратительный кронпринц — сбежал вместе с ним». Полярный путешественник непримирим в своей ненависти и распространяет ее на следующее поколение. Через несколько месяцев до

него доходят непроверенные сведения о судьбе заклятого врага: «Ходят слухи... в общем, мне рассказали, что немецкого душегуба Вильгельма собираются высадить на необитаемом острове, как в свое время Наполеона. Слишком мягкое наказание для этого чудовища». Увы, кайзер пребывал в куда более уютном и покойном месте — во дворце посреди цивилизованной Голландии. Сам же полярник находился именно «на необитаемом острове». Вот как несправедлива судьба к тем, кто желает зла другим.

На «Мод» не всё ладится с камбузом. В отсутствие Линдстрёма Начальник (как он пишет в предназначенном Леону письме с продолжениями) с удовольствием бы «нанял желтокожего или чернокожего кока. Цветные куда лучше приспособлены к этому занятию, чем мы, белые. Теперь у нас нет *постоянного* кока, и это очень печально». Рённе, на котором лежит почти вся остальная физическая работа, оказывается никудышным коком. Поскольку никому другому на камбузе не нравится, Начальник решает сам заняться стряпней и, посчитав новую специальность делом чести, может вскоре похвастаться, что булочки, которые он печет к завтраку, даже лучше линдстрёмовских оладий. «Начальник в роли кока может показаться смешным, — довольный, записывает он под Новый год, — однако эти две должности суть важнейшие в походе вроде нашего». Заявление не очень многообещающее для научных достижений экспедиции.

Впрочем, Начальник не совсем забросил науку. В конце мая 1920 года он взялся приручить крохотного белого медвежонка и нарек его Мари. Кто такая была Мари? Возможно, девочка из Видстена или Христиании, в которую Руал влюбился еще в отрочестве? Или... как звали ту бельгийку? Уж не Мари ли? Руал Амундсен

никогда не брал имен с потолка. Он был мечтателем, но не поэтом.

С медвежонком можно возобновить Хагенбековы зоологические опыты. Начальник собственноручно приступает к дрессировке. Прежде всего надо завоевать расположение животного. «Отношения между мной и Мари с каждым днем улучшаются», — сказано в дневнике. К сожалению, не проходит месяца, как Амундсену достается удар лапой и он вынужден признать себя побежденным непокорным диким зверьком: «Сегодня усыпил Мари хлороформом». Это, однако, не значит, что теории Хагенбека опровергнуты. «Возможно, в руках опытного дрессировщика из нее и получился бы толк, но я должен прекратить опыты», — униженно заключает Начальник.

14 июня 1920 года — спустя более чем полгода после отъезда — на «Мод» возвращаются Хансен и Вистинг. Путешествие было трудным, однако поручения они выполнили — избавились от Тённесена и привезли Начальнику ответную телеграмму от Леона. До Аляски и Нома моряки не добрались: телеграммы удалось кое-как отправить с побережья Берингова моря, из Анадыря.

Только теперь Руалу Амундсену становится ясно, что Тессем и Кнудсен не вернулись в Норвегию. Так как Хансен в Анадыре почему-то не дал ответа на посланный Леоном запрос о них, Начальник письменно излагает всю историю с самого начала: «Вскоре после отбытия эксп. из Норвегии обнаружилось, что Тессем подвержен приступам депрессии. Дело было настолько скверно, что ближе к Рождеству я принужден был вызвать его к себе и потребовать объяснений. Он сказал, что не чувствует себя достаточно сильным для нашего похода. Тогда я спросил, не хочет ли он возвратиться домой. На что он ответил, что это его самое заветное желание. Я посчитал, что путь из гавани "Мод" до телеграфной станции на острове Диксон, а

оттуда — в Норвегию будет совершенно безопасным благодаря многочисленным складам, устроенным в 1915 году Отто Свердрупом. *Исключительно в виде предложения для возвращения Тессема домой я послал с ним почту.* Поскольку ему нужен был провожатый, мой выбор пал на Кнудсена, который в свое время ходил со Свердрупом закладывать этот провиант»^[102].

В письме Леону полярный путешественник выдвигает первую из многих версий, почему Тессем и Кнудсен до сих пор не добрались ни до Норвегии, ни до телеграфа на Диксоне. Он связывает это с «крепким каменным домом», который они построили в гавани «Мод» и в котором могли зазимовать, чтобы поохотиться на белых медведей. В таком случае пощады им не ждать: «Если они совершили столь безответственный поступок, то не заслуживают никаких почестей. В таком случае тебе следует уничтожить письмо королю, в котором я прошу наградить обоих медалями за заслуги». Начальника тревожат семьи, «пребывающие в великом страхе», однако сам он пока что совсем не боится, что охотники на медведей и впрямь могут пропасть.

Зато юный Тённесен кое-как добирается через Ном до цивилизованных краев. Сначала он даже не понимает, зачем двигаться оттуда дальше, на родину. Это не мешает ему поделиться с норвежскими представителями в Нью-Йорке конфиденциальной информацией о положении в экспедиции. Эти сведения тут же телеграфом передаются в Норвегию. В частности, он рассказывает о столкновении Начальника с медведицей и его болезни: «Амундсен сильно сдал не употребляет спиртное кофе чай табак настроение постоянно на нуле». Общее положение немногим лучше: «Состояние экипажа плохое всем нравится Амундсен но не Хельмер Ханссен».

Еще на «Мод» Тённесен утверждал, что отделаться от него захотелось не Начальнику, а капитану с Вистингом (первым помощником). Хотя это не совсем верно в отношении Амундсена, такое заявление предполагает, что положение капитана Ханссена на борту было не лучшим. Неужели Начальник по-прежнему стремится прикрыть товарища, с которым вместе покорял Северо-Западный проход и Южный полюс?

Глава 27

РОЗОВЫЕ ЧАЙКИ

Вероятно, полярный капитан Хельмер Ханссен так по-настоящему и не понял, с каким поручением он в конце марта 1920 года очутился в Анадыре, у самого дальнего конца бескрайней Сибири. Анадырь нельзя было считать ни имперским, ни большевистским: он лежал за пределами государственного контроля. Тем не менее связь с миром там была. В Анадыре находилась телеграфная станция. Туда-то и приходит Хельмер Ханссен — гонец любви.

Кроме деловых телеграмм и телеграмм в газеты, он посылает Леону Амундсену следующее сообщение от Руала: «Inform elizabeth our arrival in nome alaska end July this year all well love signed roald amundsen»^[103].

Значит, Начальник уже 1 декабря 1919 года, когда Ханссен и Вистинг уходили с «Мод», решил, прежде чем судно попытается вернуться в Северный Ледовитый океан, взять курс на Ном. К их прибытию в Анадырь со времени последнего соприкосновения экспедиции с цивилизованным миром прошло полтора года. Многовато для жениха, все это время не выдавшего невесты.

Связаться из Анадыря с прочим миром было крайне сложно. Ответ от Леона Хельмер Ханссен получил лишь через десять дней. Это была та самая телеграмма из Христиании, «где сообщалось, что Тессем и Кнудсен в Норвегию не прибыли. Но в телеграмме говорилось и кое-что еще. В завуалированной форме, расшифровать которую Ханссен никоим образом не мог, телеграмма содержала последнюю — решающую — весть о Кристине Элизабет Беннетт.

Эту весть Хельмер Ханссен и доставил на «Мод».

25 июня 1920 года, через десять дней после возвращения Вистинга и Ханссена, Начальник впервые поднимает вопрос о том, кто из команды хочет по приходе в Ном покинуть экспедицию^[104]. Леону он описывает свой разговор так: «Несколько дней назад я сказал ребятам, что с юридической точки зрения имею полное право задержать их на судне и вынудить продолжать со мной эксп. после Номы. Однако морально, как мне кажется, я такого права не имею, а потому предпочитаю последовать неписаному закону и предоставить им самим выбор: остаться или сойти на берег».

Результат беседы Руал Амундсен немедленно заносит в дневник: «Ханссен сразу же сказал, что в таком случае желал бы списаться с корабля в Номе. Он плохо себя чувствует, устал, извелся, и я очень хорошо его понимаю. Хочет уехать домой и Рённе. Он слишком стар для походов. Остальные пока о своих желаниях не заявляли».

Нельзя не заметить понимающего тона при изложении беседы, хотя обессиленное состояние Ханссена скорее всего явилось для Начальника неожиданностью. Через неделю Руал сочиняет пространное письмо управделами, где приводит иную версию обстоятельств, при которых увольняется капитан: «У меня уже давно были основания для недовольства Х. Он вел себя из рук вон плохо: игнорировал мои распоряжения и зачастую во всеуслышание отвечал мне по-хамски. Я совершил серьезную ошибку по отношению к нему и к самому себе, назначив его капитаном "Мод". Это вскружило ему голову, при том что его квалификация отнюдь не соответствовала такой должности. Недавно я имел с

ним долгую беседу, в ходе которой объяснил, что ему следует уйти с судна по доброй воле, иначе я его выгоню. Это настолько задело Х. за живое, что мне стало больно. Однако продолжать нашу экспедицию можно, только избавившись от накопившихся переживаний и чувств. Он восстановил против себя весь экипаж и просто *обязан* уступить свое место другому, если мы хотим иметь на борту мир и покой».

Разговор с командой был не более чем обманным маневром. Следует заметить, что экспедиционные дневники Амундсена лишь отчасти носят личный характер; прежде всего они велись для составления на их основе официального отчета. В письме, которое Амундсен отправит через год Педеру Ристведту, участнику похода на «Йоа», он прокомментирует отставку капитана в духе послания к Леону: «А еще... как Вам известно, Ристведт, мы лишились Ханссена. И виноват тут я. Я думал сделать доброе дело для давнего товарища по путешествиям, назначив его капитаном "Мод". Лучше бы я воздержался от такого шага!»

Тут Руал Амундсен, вероятно, прав: не следовало назначать капитаном исследовательского судна промысловика. Совершённая ошибка объяснялась тем, что выше всех профессиональных качеств Амундсен ценил одно: верность. Хельмер сопровождал своего предводителя в экспедициях по Северо-Западному проходу и к Южному полюсу, выказывая ревностность в исполнении обязанностей и покорность Начальнику, каких не выказывал больше никто. Однако между возвращением «Фрама» и экспедицией на «Мод» прошло шесть лет — шесть лет почета и славы. Когда тебя столько превозносят, даже самому благовоспитанному из подчиненных немудрено задрать нос.

В открытую уволить капитана Ханссена означало бы создать серьезные трудности и для похода, и для самого Амундсена. Да и Хельмеру Ханссену, авторитет которого во многом держался на хорошем сотрудничестве с Начальником, это не пошло бы на пользу. Вот почему капитан согласился уйти добровольно.

Щедрым жестом предложив экипажу свободу, Руал Амундсен избавился от двух его членов, с которыми и так собирался распрощаться. «Рённе сильно сдал и мучается, поэтому из Нома я отправлю этих двоих домой», — пишет Руал Леону.

4 июля, однако, случается непредвиденное. Из дневника: «С-бек отказался от места. "Я соскучился по дому!" Дезертир он, и всё тут». Заведующий машинным отделением Кнут Сундбек, который в свое время спас мотор «Фрама» и которого Амундсен в начале экспедиции считал «гением» (наряду с Линдстрёмом), теперь попросился на свободу. Из письма Леону: «Вчера ко мне пришел со слезами С-бек и сказал, что хочет домой. Дескать, он "совершенно впал в тоску". Вот уж чего я никак не ожидал. Он прекрасно знает, что заменить его некем... тем более в Номе. Я расцениваю возвращение моториста как трусливое бегство. Мне и в голову не приходит удерживать его». Такую неожиданную цену пришлось заплатить Начальнику за комедию, которую он разыграл, дабы, не нарушив морального права, избавиться от одного человека.

Разница между добровольным и *псевдодобровольным* отъездом существенная, на что намекают и дальнейшие шаги Амундсена. «Рённе и Ханссену я дорогу в Норвегию оплачу, — пишет он управделами, — но крепкому и здоровому С-беку — ни за что на свете. Он увезет с собой мое презрение. Совершенно ясно, он не мужик. Как ты понимаешь, к Ханссену я тоже особо теплых чувств не питаю. Рённе

же действительно плох и не справится с дальнейшим походом. Если будет возможность, отнесись к нему с участием. Постарайся, чтобы возвращение этих господ на родину прошло как можно тише. Для них чем быстрее эта история порастет быльем, тем лучше».

Дабы избежать новых недоразумений в толковании свободы и морали, Начальник ставит вопрос прямо противоположным образом. «За завтраком я спросил, кто пойдет со мной после Нома. Свердруп, Вистинг и Олонкин тотчас ответили, что не бросят меня ни при каких обстоятельствах, — рассказывает Амундсен в дневнике. — Мы ведь до сих пор еще ничего не сделали. Только с выходом из Нома мы сможем доказать, на что способны, а тут большинство бежит, поджавши хвост. Стыд и позор!»

Не будет преувеличением сказать, что экспедиция на «Мод», от которой осталось всего четверо участников, распалась. Убедительно подводя ее итоги, Начальник сам предлагает объяснение: за два года они «ничего не сделали». Это, конечно, преувеличение, особенно в отношении д-ра Свердрупа, и все же: ни одна цель не достигнута. Фактически поход нужно начинать сначала. Если посмотреть на дело таким образом, руководителю самое время распустить команду. Тем не менее поразительно, что злосчастное судно покинули — часть добровольно, часть нет — шесть человек. Они покинули не только судно, но и Руала Амундсена. Из первоначального состава экипажа осталось всего двое.

Амундсен не мог вдохновлять команду в течение двух долгих зимовок. Кое-как оправившись от физических недугов, он мыслями был слишком далеко

от корабля. Начальник разрывается между двумя полюсами. Неудивительно, что его людям трудно идти за ним.

Следовать за Руалом Амундсеном никогда не было просто. Прежде Начальник зачастую сам вызывал недовольство и раздоры. На «Мод» он как будто ушел в тень. Не играл со всеми в карты, а молча сидел в кают-компании, читая роман, или у себя в каюте, любуясь на висящие в рамке стихи. Впрочем, Руал никогда не был душой компании, не собирал вокруг себя людей ни в гавани «Йоа», ни во Фрамхейме. Эту роль исполнял Адольф Хенрик Линдстрём. «Передай от меня привет Линдстрёму, — пишет Руал Леону, — и скажи, что мне теперь особенно остро недостает его». Начальник имеет в виду Линдстрёма-кока, но тот был отнюдь не просто коком. Линдстрём был толстый, добродушный гарант спокойствия и стабильности. Он создавал на борту ощущение благополучия. Превращал открытые всем ветрам форпосты в маленькие уютные дома. Линдстрём был в полярных походах матерью семейства — нередко малозаметной и в то же время незаменимой.

Из всего экипажа лишь трое готовы следовать за Начальником. «Обрати внимание на этих троих, которые решили при любых обстоятельствах идти за мной и выполнить свой долг до конца», — пишет он Леону тоном полководца перед решающим сражением. Чем руководствовались эти трое?

Геннадия Олонкину сомневаться не приходилось: для молодого человека экспедиция, можно сказать, была спасением от российского голода и революционных потрясений.

На борту «Мод» он чувствовал себя в безопасности. К тому же управделами каждую неделю посылал его жалованье в 200 крон в Мурманск — норвежской матери и русскому отцу Геннадия. В глазах юного Олонкина «Мод» — подарок судьбы, счастливое судно, корабль,

дающий ему шанс. Начальник ценил не привлекающего к себе внимания, но старательного русского, который, впрочем, тоже через некоторое время начнет проявлять строптивость. Вообще-то Олонкин был радистом, однако пока что установить беспроводную связь между «Мод» и внешним миром не удалось. Амундсен взял его на судно в помощь Сундбеку, и теперь, после «бегства» механика, Олонкину предстояло взвалить на свои плечи большую ответственность.

В отличие от Олонкина, Харалд Ульрик Свердруп изначально был человеком, перед которым открывались все возможности. Он происходил из знатного норвежского рода и Тюлучил отменное образование. Будучи метеорологом и океанографом, он считался на корабле едва ли не главной фигурой. Все научные достижения экспедиции зависели исключительно от него. Когда прочие начинания сорвались, он занялся этнографическим изучением сибирских чукчей, так что экспедиция не осталась без исследовательских результатов. Кроме того, эти занятия позволяли д-ру Свердрупу бывать на корабле меньше других членов экипажа.

Тридцатидвухлетний ученый был разочарован, что до сих пор не имел шанса развернуться в профессиональном отношении, однако считал своим долгом не покидать вверенного ему поста (пока позволяло его физическое состояние). Он также прекрасно понимал, что у него нет выбора. Если бы он бросил экспедицию, то таким образом испортил бы себе репутацию на родине. Д-р Свердруп призван был выполнять самостоятельные задания и занимал строго определенную позицию в отношении Руала Амундсена. Рассматривая Начальника как абсолютную власть, ученый вел себя кротко и в то же время с чувством собственного достоинства. Помимо всего прочего, Свердруп был наделен душевными качествами,

позволявшими ему видеть экспедицию и Амундсена в более широкой перспективе. Как ни скверно развивались события, он старался извлечь из ситуации всю возможную пользу для себя и для науки.

Что касается третьего участника, к нему слова Руала Амундсена тем более относятся в полной мере: Оскар Вистинг следует за своим полководцем, как стойкий солдатик... и, если понадобится, пойдет до конца.

А как насчет самого Начальника? В прошлом у экспедиции остались два бесполезных года, в будущем — еще неизвестно сколько лет. Может, Амундсену пора признать поражение и сойти на берег? В пространном письме Леону он говорит: «Будь я здоров, я бы и внимания не обратил на все эти неприятности, но, увы, я чувствую себя так, что впору первому ехать домой. Сердце у меня не работает как следует, а потому не позволяет мне много эскапад. Я держусь изо всех сил, стараюсь не терять мужества, однако, сам понимаешь, мороз, отсутствие солнца и огромная ответственность скоро меня доконают».

Это похоже не столько на привычную напористость, сколько на тягу к смерти. Во всяком случае, от легендарного оптимизма Амундсена мало что осталось. Полярный путешественник имеет законный предлог для прерывания экспедиции — собственное здоровье. Его основной целью было возглавить штурм Северного полюса. Но эта «эскапада» требует отменного физического состояния, так что, если поход будет прерван, вывод напрашивается сам собой. Начальнику надо было «первому ехать домой».

Ехать к чему?

«Впрочем, говоря по чести, я предпочитаю сидеть тут, чем возвращаться к неизменным обстоятельствам... а что они не изменились, явствует из твоей телегр. про Лондон. Кроме всего прочего, надо вместе с

французами сказать: "Le vin est tiré — il faut le boire"^[105]. Каков бы ни был результат, мне следует доборотся до конца». Руал Амундсен больше не может нажимать на жалость к себе. Свадебное путешествие превратилось в похоронную процессию.

Что же говорилось в телеграмме от Леона? Какую весть привез из далекого Анадыря Хельмер Ханссен? Слов там явно было немного, но Леон наверняка выбирал их с присущими ему тщательностью и осмотрительностью. Во всяком случае, их хватило, чтобы полярный путешественник решил продолжить путь во льдах.

Фразу о «неизменных обстоятельствах» не следует понимать буквально. Обстоятельства изменились, и изменились в сторону, худшую для Руала Амундсена и лучшую для госпожи Беннетт. Сведения из Лондона поставил Леону неизменно готовый к услугам дипломат Херман Гаде.

После отплытия «Мод» неустанные попытки полярника содействовать лучшему другу наконец-то принесли плоды: Хермана Гаде назначили норвежским посланником в Рио-де-Жанейро. Скорее всего, Руал нашептывал премьер-министру другую столицу, но это было лишь начало. Херман Гаде получил должность, задание и форму, которых был достоин. Впрочем, предприимчивый дипломат не собирался сидеть, как пришитый, на одном месте в ожидании следующего карнавала. Новый, 1920 год он уже встречает в Лондоне.

«Сердечно благодарю за дружеское послание из Лондона и сведения в нем, представляющие значительный интерес, — пишет Леон Амундсен

Херману Гаде. — Надеюсь, позднее у тебя был повод встретиться с упомянутым лицом, и я могу рассчитывать на новые вести о нем». Письмо датировано 9 февраля 1920 года. Спустя два месяца выводы передана далее через Анадырь. Какие же сведения, представлявшие «значительный интерес», мог дипломат огласить, прежде чем состоялась его встреча «с упомянутым лицом»?

Вывод напрашивается сам собой: Чарльз Пито Беннетт подарил супруге новый дом. Речь шла о настоящей вилле, вернее, о помещичьей усадьбе неподалеку от Лондона, в идилическом графстве Суррей, под Кобемом. Усадьба называлась Ли-Корт и, с одной стороны, была загородной, располагала парком и теннисными кортами, а с другой — была совсем близко от центра империи и земного шара. Воздушный замок для женщины твоей мечты.

Это свидетельствовало скорее о воссоединении Беннеттов, чем о готовящемся разрыве между ними. С матримониальной точки зрения лондонские обстоятельства и впрямь оставались «неизменными», что, вероятно, и дал понять Леон через Анадырь.

Руал Амундсен, что называется, влип. Сидит себе в каюте со своими отравленными легкими и надорванным сердцем, с укороченной двумя переломами рукой, со спиной, во всю длину которой тянутся шрамы от медвежьих когтей. Надо ж было так влипнуть... Жених один-одинешенек сидит в свадебном номере, пораженный в самое сердце телеграммой из Анадыря, тогда как над ним летят по красному фону белые чайки надежды:

So love is with the lover's heart
Wherever he may be.

Только в письме от 5 августа 1920 года, которое Руал Амундсен посылает брату из Нома (когда прошло свыше двух лет после отплытия «Мод»), он признается: «Я должен сказать тебе, что перед отъездом подарил Ураниенборг Кисс». Видимо, Леона ошеломило это сильно запоздавшее сообщение, и он не поверил собственным глазам. В отсутствие брата именно Леон Амундсен управлял обоими поместьями на берегу Бунне-фьорда. Летом управделами жил с семьей в Рёдстене. Кроме того, эта недвижимость составляла довольно большую часть Руалова капитала, то есть капитала, из которого финансировался поход на «Мод».

А развивались события следующим образом. 26 июня 1918 года Руал Амундсен вручил адвокату Трюгве Гудде генеральную доверенность, согласно которой тот мог от имени своей сестры распоряжаться как Ураниенборгом, так и Рёдстеном. Первоначально полярник хотел оформить на Кисс Беннетт дарственную, но из практических соображений сошлись на доверенности. Очевидно, тогда же Руал вместе с адвокатом Гудде составил и новое завещание — в пользу Кисс.

Двумя днями раньше «Мод» покинула Христианию. Руал Амундсен опять задержался — в частности, чтобы привести в порядок личные юридические дела. В качестве доверенного лица он на сей раз воспользовался не своим привычным консультантом — адвокатом Нансеном — и не управделами Леоном, а братом Кисс Беннетт, адвокатом Гудде. Резонно предположить, что тронхеймский правовед сопровождал Руала, когда тот догонял «Мод» на Скорой пароходной линии. Может, и Кисс была с ними в Христиании? А может, даже ездила на пароходе в

Тромсё? Едва ли. И не только по причине войны. Вернее всего, Кисс Беннетт отказалась бы не только от дарственной, но и от доверенности. Если бы она хотела принять от Руала Амундсена его дом, то исключительно чтобы поселиться там самой.

Главное тут — проявленная забота. «Я сделал это, чтобы она всегда чувствовала уверенность: у меня есть дом», — объясняет свою щедрость полярный путешественник. На самом деле он просто сыграл в рулетку, поставив на кон все, что у него было: годы жизни, корабль, экипаж... и усадьбу. Пожертвовав собственным домом, полярный исследователь отрезал себе путь к отступлению. Если Нансен когда-то провозгласил: западное побережье или смерть, — то Амундсен стоял теперь перед дилеммой: богиня счастья или вечное изгнание. Вероятно, так он ощущал свое положение, отсюда и его поступки.

Неужели в этой игре, выигрышем в которой могло стать счастье, а проигрышем — материальные ценности, Руал Амундсен пожертвовал ради сверхбогатой женщины интересами старой няньки и малообеспеченной родни?

Стоит ему обмолвиться Леону об одном, как совесть тут же заставляет его идти дальше: «Если книга принесет мне столько денег, что я смогу положить Бетти 150 крон в месяц, я хотел бы это сделать. Я также искренне хочу помочь Малфр. и Густ.». Для близких остались только доходы от будущей книги.

Полярный исследователь ни минуты не сомневается, что его повествование будет успешнее плавания. Жаль, что он не может отдать сочинительству предпочтение перед другими делами: «К сожалению, занятия стряпней не позволили мне продолжить писания, но я посылаю дневники, которые ты можешь попросить обработать какого-нибудь способного парня вроде Вильхельма Крага». Только бы скорее объявились

Тессем и Кнудсен с утраченными главами, «которые, я уверен, тебе уже нужны»... тогда рукопись с помощью нескольких поэтических вкраплений могла бы достигнуть 200 тысяч слов.

И снова приводить в божеский вид словесные излияния полярного путешественника доверено полузабытому неоромантику Вильхельму Крагу.

Вскричала птица вдалеке,
в пустыне моря^[106].

Когда литературный материал наконец высылают из Нома, его оценивают в 300 тысяч крон: примерно по кроне за слово плюс 100 тысяч за фотографии и карты. Разве этого не должно хватить, чтобы обеспечить старость Бетти и будущее Густава с семьей? «Южным полюсом» Руал Амундсен поставил рекорд также и в издательском деле. Со следующей книгой, «Северо-Восточный проход», была только одна загвоздка — проход уже был открыт. Амундсенова история устарела. Все знали, что проход ведет к Берингову проливу.

Самым примечательным в рукописи, отосланной на родину полярным исследователем, было посвящение. Свою первую книгу Руал Амундсен посвятил «министру д-ру Фритъофу Нансену». Вторую — «кучке отважных людей, которые в тот памятный вечер на рейде Фуншала, на острове Мадейра, обещали помочь мне в битве за Южный полюс». На шмуцтителе его третьей книги, «Северо-Восточный проход», значится надпись:

«В день рождения
Гавань "Мод", п-в Челюскина, 10 февраля 1919 г.
Руал Амундсен».

На почетном месте тома, в котором идет речь о национальной экспедиции, Амундсен помещает таинственное послание. Росчерком пера он превращает

официальный отчет о походе в личный подарок на день рождения. Загадка для норвежцев, игра для развлечения светского общества по всему миру. У кого день рождения? Где? Когда? И какое отношение он имеет к Северо-Восточному проходу?

Лишь немногие посвященные мгновенно сообразили, что разгадку следует искать в Лондоне. Она отнюдь не была очевидной, ведь надпись, предваряющая «Южный полюс», тоже датирована. И все же ключ к толкованию давало число: 10 февраля 1919 года. В этот день Кисс Элизабет Беннетт праздновала свой тридцать третий день рождения.

Посвящение ей можно считать по меньшей мере странным шагом со стороны полярного исследователя, который впоследствии назовет себя «серьезным». Однако по сути дела оно оправдано. Экспедиция «Йоа» стала возможна благодаря престижу и поддержке Фритьофа Нансена. Покорение Южного полюса целиком зависело от верности и сплоченности экипажа. Глубинным основанием похода на «Мод» была борьба за благосклонность Кисс Беннетт. Вот до чего дошел Руал Амундсен.

Надпись была одним из звеньев этой борьбы. Перед отъездом полярный путешественник подарил возлюбленной всю недвижимость. Теперь он дарил ей место в истории. Возможно, он хотел дать Кисс повод выйти из тени, признаться, что число относится к ней, сбросить маску, объявить о своей безумной любви. Посвящением ей книги, которая, как надеялся сам автор, будет переведена на много языков и разойдется по всему свету, полярник намеренно заострил положение, приставил шпагу к груди лесоторговца.

Тем же числом, 10 февраля 1919 года, датировано и «Вступление», воспроизведенное в книге факсимильно, с сохранением почерка и своеобразной орфографии Руала Амундсена. Вступление вполне можно читать как

обращение к новорожденной, как послание с дикого берега от неутомимо сватающегося жениха: «Не с блистательной победой за спиной, которая может себе позволить скрыть под флёрот забвения обратную сторону медали, выставляя напоказ только лицевую... напротив, видя впереди лишь долгий путь к цели, скрытый под непроницаемым покровом будущего... Что оно готовит нам? Наверняка победы и поражения, несчастья и радости, надежду и разочарование».

Смиранный реализм мандолиниста («нас все еще окутывает тьма полярной ночи») вскоре сменяется поэтичным предвкушением рассвета: «Но... в южной стороне уже намечается покраснение, легкий румянец, как на ланитах юной девы... с каждым днем разгорающийся все ярче. Мы знаем, что это такое. Это солнце, которое торжествующе размахивает факелом, поднимая его все выше и выше, приглашая войти дорогих гостей — свет и жизнь. Добро пожаловать, благословенный день, ночь слишком затянулась, и мы устали от нее...» Прямо скажем, необычные слова для человека действия.

Но даже в качестве поэтически-романтического мечтателя Руал Амундсен твердо знает направление и продолжает держать в виду «долгий путь к цели». Просто цель у него, в отличие от предыдущих разов, не географическая точка. И достижение ее не может вознаграждаться сверкающей на груди медалью. Его цель — подлинный свет. Он добивается определенного состояния — чтобы был день, было счастье, была любовь. Его цель нельзя обрести на морозе в центре полярного бассейна, а можно лишь в тепле... в свете тридцати трех свечей... рядом с ней. Его цель — Новорожденная.

В последние дни перед отплытием в Ном Руал Амундсен занят делом нажитого в экспедиции имущества. Сначала нужно отдать должное родине: «Бивни мамонта и богатая коллекция птиц — мой дар норвежскому государству. Они не собраны участниками эксп., а куплены мною за собственные деньги, так что принадлежат лично мне». Поручения, касающиеся официальных властей, представляются как раздача подарков, хотя в случае с Амундсеном отделить руководителя экспедиции от частного лица не всегда просто.

Готовится огромная посылка. Через океан будет переправлено пятьдесят мест груза, куда войдут: сорок шкур белых медведей, мешки со шкурами бурых медведей, белых и голубых песцов, а также различные поделки, изготовленные командой «Мод» во время нескончаемых зим, и масса других вещей.

«Я хотел бы, чтобы всеми мехами — особенно медвежьими и песцовыми шкурами — распорядилась Кисс. Буду только рад, если моя родня поможет ей в этом». Речь идет о значительных ценностях; как с ними обойтись, более подробно рассказано в следующем письме Леону: «Пожалуйста, отдай меха на хранение надежному меховщику, и пусть они побудут у него, пока Кисс не примет решения». В точности как было с домом: он отдается человеку в распоряжение, на него выписывается доверенность — не хватает только *решения*.

Впрочем, эти вещи хоть и дорогие, но обыденные. Предметом особой гордости полярного путешественника было приобретенное им прошлой весной собрание птиц в десяти ящиках (плюс один): «В коллекции птиц находится 18 прекрасных экз. очень редкой розовой чайки, *Larus rossi*^[107], а также 9 экз. практически неизвестной вилохвостой чайки, *Larus*

sabini. Цена этих 27 экз. не поддается подсчету. Они необыкновенно красивы. Меня бы не удивило, если бы они одни окупили эксп.». Вероятно, это чрезвычайно удивило бы управделами. Тем не менее полярный путешественник и впрямь отправляет норвежскому государству богатые дары. Пожалуй, даже слишком богатые.

«Помимо вышеупомянутых 18 розовых чаек — *для официального вручения* — я посылаю ящик с еще 20 шт. того же вида. На нем указано: № 100. Извлеки этот ящик из общего груза и спрячь». Существует тайное разграничение между перьями, предназначенными в дар государству, и перьями сугубо частными.

«Я написал Кисс, как ими распорядиться. А именно, я хочу, чтобы она обратилась к лучшим лондонским мастерам и заказала из этого фантастического оперения два веера. Один пускай будет ее, а второй я попрошу тебя передать королеве — на память о плавании "Мод" С.-В. проходом; одновременно ты должен рассказать ей, из каких птиц он сделан».

Двадцать чаек должны превратиться в два веера — по одному для каждой из королев. Теперь обе могут спрятаться за своими розовыми чайками — и застенчивая королева Мод, и тайная королева Елизавета. Своего богатого соперника в Англии полярный путешественник прозвал «королем». Неудивительно, что рядом с ним была королева Елизавета.

В действительности имя «Мод» Амундсенов корабль получил в качестве прикрытия. Руал предпочел бы назвать судно в честь собственной королевы — «Елизавета» или, может быть, «Кристина». Вероятно, он испрашивал разрешение так поступить и надеялся на положительный ответ — как перед походом к Южному полюсу просил у Сигрид Кастберг обещания быть с ним. В этот раз он ждал до последнего и лишь за пять дней

до спуска корабля на воду обратился во дворец, чтобы ему позволили взять имя другой королевы.

«Прибудет также много иных вещей, — завершает он свои указания Леону, — которые лучше разместить в Ураниенборге, пока туда не приедет Кисс и не решит, как с ними быть». Розовые чайки — это утренний дар^[108]. Прочая всячина — добыча, которую принес в семью кормилец.

Чем больше ходов делается в игре, тем яснее становится, что экспедиция на «Мод» была не более чем воздушным замком, иллюзией, творением Руаловой фантазии. При отъезде из Норвегии наш полярник отбросил мандолину и поставил все на выигрыш счастья. Он опустился на колени, однако не получил в ответ «да», в лучшем случае — «возможно». Уверенный в том, что достигнет цели и добьется невесты, он отправился в преждевременное свадебное путешествие. Он не только подарил своей «нареченной» дом, но и в ледовой пустыне не покладая рук трудился для обеспечения ее материального благополучия.

С кем мы имеем дело: с бесстрашным возлюбленным, не побоявшимся ради великой любви поставить на кон всё? Или его поступки свидетельствуют о том, что этот жалкий человек вконец запутался и утратил чувство реальности, что у него помутился рассудок?

В одном отношении Руал Амундсен точно потерял связь с действительностью. Он считает, что пришла пора швыряться деньгами на манер богачей, однако не проходит и года, как он должен выпрашивать у государства очередные сотни тысяч. Впрочем, поразительнее всего его надежды на поступление новых средств. Книгу, доходы от которой должны были пополнить денежные резервы экспедиции, он отдает

для образования семейного фонда, причем с расчетом на совершенно нереальные цифры продаж. Вымененные им чайки оцениваются то ли в 20–30 крон штука, то ли в 50 тысяч крон штука... кто знает? Руал пытается компенсировать травмы от ударов судьбы принятием желаемого за действительное.

Что касается счастья, здесь иллюзии потерпели крах. Телеграмма от Леона расставила всё по местам. Счастье было там, где ему и надлежало быть, — в Лондоне. А полярник цеплялся за будущее *решение*, не желая понять, что оно давным-давно принято...

И все же Руал Амундсен не сдаётся. Он просто вернулся к началу и теперь будет снова покорять Северный полюс и Богиню. У него надорвано сердце, его бросила команда, но он продолжает идти тем единственным курсом, которым должен. Полярный путешественник возвращается в ледовую пустыню, потому что хочет «добороться до конца».

Он кладет к ее ногам сорок добытых медведей... и посылает на родину стаю розовых чаек...

Глава 28

КАКОНИТА АМУНДСЕН

«Пройдя Северо-Восточным проходом туда, где мы стоим сейчас на якоре, — пишет в дневнике Амундсен, миновав Берингов пролив, — я сомкнул этот путь с путем, каким шел по Северо-Западному проходу в 1906 году, и таким образом впервые совершил кругосветное плавание по Ледовитому океану. В наш век всяческих рекордов это может представлять некоторый интерес».

Слабое утешение под конец неудачной экспедиции к Северному полюсу, скорее попытка выдать мелкий успех за крупный. Открытие Северо-Западного прохода тоже было совершенно бесполезным с практической точки зрения, но как символическое достижение его нельзя было не признать подвигом. Тогда «Йоа» была первой. А Северо-Восточный проход Норденшёльд преодолел на «Веге» за сорок с лишним лет до Амундсена. Быть первооткрывателем чего-либо можно однажды. «Мод» же была третьей.

Когда норвежец говорит о том, что «сомкнул» два прохода, это смыкание происходит лишь в его собственном лице. И корабли, и экспедиции были разные, только Руал Амундсен был все тот же — единственный человек, совершивший кругосветное путешествие по Ледовитому океану. Разумеется, если предать забвению Хельмера Ханссена. Он, видимо, побил рекорд отдельно от Начальника.

Оставив позади пролив, теперь разделявший не просто два материка, но две идеологии, Амундсен 29 июля 1920 года прибыл на Аляску, в Ном. Его доставил туда буксирный катер, так что Начальник мог, не привлекая излишнего внимания, отправить свои

телеграммы. Через два дня его догоняет «Мод», которая бросает якорь на тянущейся вдоль Номы банке.

В лоне цивилизации они задерживаются ненадолго. Для экономии времени Руал Амундсен поручает своему местному помощнику, норвежцу по происхождению, владельцу золотых приисков Яфету Линдбергу, который взялся за отправку на родину экспедиционного груза, также поддерживать связь с упраделами. Кроме того, Линдберг должен позаботиться о трех списанных на берег членах экипажа. Совершенно очевидно, что Начальник выставил их не в самом выгодном свете. «Все кругом понимали, что команда, бросившая капитана, не выполнила своего долга», — пишет Линдберг.

Амундсен обнаружил, что у него нет средств оплатить дорогу домой ни одному из троих. Все в Номе считают, что платить за их отступничество ни при каких обстоятельствах нельзя, посему Линдбергу надо определить их на работу, а это оказывается затруднительно: «Эти трое никому не нужны, поскольку их рассматривают как предателей, если не сказать трусов». Единственный выход — устроить их на прииски. Но единственный, кто согласен добывать золото, — это пятидесятилетний капитан Ханссен. В конце концов все трое связываются с норвежскими властями и, проведя мучительный месяц в Номе в роли бесчестных моряков, могут пуститься в дальний путь на родину — сначала до Сиэтла, потом через все Штаты на восточное побережье, а уже оттуда — через Атлантический океан на «Святом Олаве».

В жалобе, которую подал по возвращении домой разбитый ревматизмом Мартин Рённе, направив ее экспедиционному адвокату Александру Нансену, содержится следующее описание их жителя-бытия в поселке золотоискателей: «Как Вам известно, мы сошли на берег в Номе без гроша в кармане, имея только

направление к Линдбергу, который должен был определить нас на приски [собственной орфографией пользовался не один Начальник. — *Т. Б.-Л.*], чтобы мы отработали дорогу домой, и прекратил отсылку нашего жалованья семьям, и в Номе мы не получили никакой поддержки от так называемого норвежского консула, и только один человек частным образом помог нам отправить телеграммы на родину, и по прошествии 23 дней прибыли ответы и помощь, а когда я сошел на берег с "Мод", мучась ишиасом, и отказался работать на приисках, потому что все равно бы не справился с такой работой, где надо целыми днями стоять в воде, то просто скитался по округе с 8 августа по 8 сентября и не видел другого выхода, чтобы выжить, кроме как продавать с себя одежонку, что приходилось делать и Сундбеку. Ханссен же пробыл на приисках несколько дней, пока у него совсем не истрепалась одежда и обувь». Право, ужасное увольнение для бывших покорителей Южного полюса.

Прежде чем «предатели» испарились, Линдберг получил дополнительные разъяснения по поводу загадки ТессемаКнудсена: «Насколько я понял из рассказов не только капитана Амундсена, но и тех, кто его тут покинул, у этих двоих были серьезные основания не торопиться с возвращением на родину». Вот и еще один скрытый намек на достойные порицания отношения между членами команды на злосчастной «Мод».

Руал Амундсен кратковременно поселяется в доме Линдберга. Хозяин, который слышал удручающую историю Тённесена, когда тот проезжал через Ном, удивлен энергичности полярника, ничуть не отличающегося от Амундсена, с которым они виделись четырнадцатью годами раньше, во время преодоления им Северо-Западного прохода. Линдбергов врач, проведя тщательное обследование, тоже может

подтвердить, что полярный путешественник находится в «идеальной» форме — как физически, так и психически. Либо лечение жестянщика Вистинга (по совместительству врача) было необычайно эффективным, либо недуги пациента объяснялись нервами, предположение о чем он и сам высказал в письме д-ру Роллу.

Что полярный путешественник при встрече с цивилизацией ожил, пышет энергией и предприимчивостью, можно истолковать как проявление качаний, свойственных амундсеновскому характеру. Поскольку Руал много времени проводил в изоляции и одиночестве, его всегда тянуло к человеческому общению. Наконец-то он вылез из болота депрессии, пора претворять свои решения в жизнь — вперед, к новому началу и новому оптимизму!

В Номе они задерживаются совсем ненадолго. Уже через десять дней «Мод» покидает аляскинский поселок в окружении нескольких местных судов, желающих ей счастливого пути. Амундсен даже не дал себе времени дожждаться почты и запасов продовольствия. Из Сиэтла в Ном шли ящики с провиантом и мешки с почтой (общим числом не менее двадцати одного), но у полярного путешественника не было ни единого лишнего дня. Самое важное из припасов и снаряжения закупили на месте, весьма ненадежную связь с внешним миром обеспечил телеграф. Вероятно, этого оказалось довольно. Теперь надо было успеть пройти Берингов пролив, пока там не станут льды.

Помимо всего прочего, капитан Амундсен вышел с непростительно малым экипажем и, очевидно, боялся могущих возникнуть из-за этого осложнений. «На борту чуть не возникло скандала, потому что мы выходим вчетвером, но это был единственный способ тронуться с места», — сообщает он Леону спустя неделю из

Берингова пролива, с Восточного мыса^[109]. Похоже, этот шаг вызвал сомнения и у такого рассудительного человека, как д-р Свердруп. «Меня несколько тревожит будущее, — пишет он своему коллеге, профессору Вильхельму Бьеркнесу. — Нас осталось слишком мало. И компания, прямо скажем, подобралась странная».

Начальник не видел поводов для беспокойства, хотя в сообщениях этого периода всегда подспудно присутствует тема некролога. «Внуши им всем, чтобы не волновались за нас четверых, — наставляет он Леона. — Нам тут хорошо. Но дела всегда могут принять скверный оборот, и, если такое случится, попроси от моего имени стортинг, чтоб не забыл троих видных парней, вставших рядом и здорово меня выручивших».

Единственным членом команды, которого Руал Амундсен нанял в Номе, стала средних лет эскимоска по имени Мэри (или, в орфографии Начальника, «Мэрри»). К счастью туземцам можно было платить по другому тарифу, иначе наем обошелся бы слишком дорого. В обязанности Мэри входили стряпня и уборка помещений. Кстати, перед отбытием корабля ее видел Хельмер Ханссен и узнал «Тутси», с которой имел дело во время неприличной зимовки у острова Хершел. «Что ж, желаю успеха», — только и сказал списавшийся на берег капитан.

В 1941 году Хельмер Ханссен, который прожил до 86 лет и умер в 1956-м, опубликовал свои мемуары «Сквозь паковые льды. Восемнадцать лет с Руалом Амундсеном» (за несколько лет до этого книга вышла по-английски под более претенциозным названием «Путешествия современного викинга»). Следуя канонам, принятым в литературе о полярных исследованиях, Ханссен предпочел благородный взгляд на превратности судьбы. Через двадцать лет после фиаско, которое он потерпел как капитан «Мод», Хельмер Ханссен не

испытывал потребности упрекать в чем-либо Начальника или самого себя, посему для него это... «период, полный самых светлых воспоминаний — мне было приятно и интересно от начала до конца».

Уже на следующий день после выхода из Нома полярный корабль застрял во льдах. Постояв некоторое время напротив Восточного мыса, «Мод» кое-как выбралась из Берингова пролива, однако не сумела продвинуться далеко по Чукотскому морю. Вскоре ее притерло к берегу у мыса Сердце-Камень. Дело неизбежно шло к третьей зимовке. За три зимовки «Фрам» когда-то совершил свое знаменитое плавание через Ледовитый океан. Такое же время понадобилось «Йоа» для преодоления Северо-Западного прохода. Теперь за три года «Мод» оказалась практически у нулевой отметки.

Они снова очутились в краю чукчей и могут общаться как с туземцами, так и с бродячими торговцами. В остальное время приходится подымать настроение самыми простыми средствами. Новый, 1921 год открывается возвращением к любимому по Фрамхейму виду спорта. «Вечером очень удачно устроили метание стрел с призами, — записывает капитан в дневнике. — Все остались довольны».

В жизни полярного героя наступает пора мелких событий и маленьких людей. Не успел новый год вступить в свою вторую неделю, как на борту «Мод» появляется самое маленькое действующее лицо из биографии Руала Амундсена.

Помимо эскимоски Мэри (или Тутси), у которой через некоторое время начинаются приступы душевной болезни, из-за чего ее приходится отвезти на берег к

родственникам, Начальник берет на временную работу других местных жителей. Среди них оказывается и молодой человек по имени Какот. В один отнюдь не прекрасный, а темный-претемный день он приносит на корабль небольшой сверток.

4 января Руал Амундсен записывает: «Сегодня лечил Каконетту — четырехлетнюю дочку Какота. Разложил ее голую на обеденном столе и протер перманганатом калия^[110]. У нее по всему телу экзема — огромные болячки». У голодной, грязной и больной чукотской девочки нет матери. Она будет жить с отцом на норвежском корабле.

Спустя несколько недель сверток обретает личностные черты. Поскольку все земли вокруг уже открыты и никаких важных наблюдений делать не требуется, полярный путешественник заносит в дневник всякие мелочи: «Это крошечный ребенок... жутко некрасивый... совершенно невоспитанный... но безумно смешной. Мы наперегонки балуем девчонку. Она лазит по всему кораблю и удивительно много для своих четырех-пяти лет всем помогает. Каждый вечер ее моют с головы до пят. Помытая и аккуратно причесанная, она приходит на камбуз показаться "дедушке"». Каконита нашла самое верное слово.

Полярник уже почти растаял. После долгих лет темноты и холода, после долгих лет среди белых медведей и неотесанных мужланов, в обстановке, где женское начало представлено лишь вышитым стихотворением на стене каюты, вдруг с холода приходит дитя^[111] и зовет его «дедушкой». Уточняем: Руал сам обихаживал девочку и сам научил ее этому слову.

В конце февраля Какот уезжает, чтобы привезти себе новую жену. Поскольку его сватовство, видимо, оказывается успешным, Начальник делает собственные

выводы: «В связи с этим я полностью взял Какониту на себя. Я привязался к ней и не хочу, чтобы ее отдали в руки мачехи. В поте лица пытаюсь избавить девочку от высыпаний. Теперь я только утром и вечером натираю ее мукой, и это по-прежнему дает свои результаты». Полярник готовит мази и присыпки, обрабатывает ими кожу, в общем, прилагает все усилия, чтобы вылечить ребенка. И получает награду. «Каконита... моя приемная дочка... необыкновенно мне предана, — пишет он в конце марта. — Думаю, она любит своего "дедуску"».

Хотя новый брак Какота быстро распадается, ни у кого больше нет сомнений в том, что Каконита стала для Амундсена приемной дочерью. Он еще в гавани «Йоа» лелеял мысль об усыновлении эскимосского ребенка. Но удочерение Какониты не было умозрительным или экспериментальным поступком: эта была реакция на уровне чувств, привязанность к определенному человеку. Каконита сама приковыляла в его жизнь и сумела растопить замерзшее сердце полярного путешественника. В тихий мартовский день он пишет: «Теперь я снова один, и вокруг нет ни единого человека, с которым я мог бы перекинуться словом... за исключением крошки Какониты. Она понимает меня лучше всех прочих». Четырехлетняя девочка заполняет пустоту в душе седеющего мужчины.

Впрочем, со второй чукотской девочкой, которую Руал Амундсен собирался удочерить, отношения сложились совсем иначе. Ее взяли из семьи чуть ли не по заказу, чтобы, когда Каконита начнет осваиваться с новой жизнью в цивилизованных краях, у нее была «сибирская подружка». Экспедиция еще в предыдущую зиму имела дело с жившим на Восточном мысу торговцем по имени Чарли Карпендейл. По происхождению он был австралиец, но женат на туземке. К нему и отправился в апреле Оскар Вистинг —

с поручением от Начальника. Тот день должен был кардинально изменить судьбу одной из девочек в семье, где было еще восемь детей.

19 апреля Амундсен записывает: «Ровно в четыре вернулся с Восточного мыса В. и привез одну из дочерей Карпендейла. Она совершенно замечательная девочка, тихая, милая, к тому же прехорошенькая. Лет ей примерно десять. Я намерен послать ее вместе с Каконитой в Норвегию, чтобы обе получили там хорошее воспитание. Необузданная крошка Нита тут же захватила инициативу в свои руки, но, похоже, девочки найдут общий язык. Старшая очень тихая и спокойная и во всем равняется на маленькую».

Что у полярного путешественника душа больше лежит к младшей, явствует из того, что он дает ей свою фамилию: Каконита Амундсен. Что касается старшей, у нее уже есть цивилизованная фамилия, но надо поменять имя: «Юную фрекен Карпендейл — кстати, на вид ей дашь больше ее возраста — я назвал Камиллой. Это самое близкое по звучанию к ее чукотскому имени, которое в переводе означает "Вульвочка". Может, само по себе оно и неплохое, только я боюсь вызвать неловкость у моих друзей и знакомых, когда им представят девочку».

Через несколько недель Начальник делает запись еще об одной приемной дочери: «Ей лет двенадцать, и она прислуживает у нашего друга Тенака. Внешность типичная для чукчей — возможно, с примесью японской или китайской крови». Впрочем, эта метиска скоро исчезает из подверженной внезапным переменам семейной хроники полярного исследователя.

Руал Амундсен мог восхищаться примитивными народами, их умениями, сноровкой и образом жизни, однако они подчинялись иному своду норм, чем жители цивилизованных стран. Полярник мог быть добрым и преданным, но он был также абсолютным властителем,

распоряжающимся жизнью и смертью людей, завоевателем старого образца. В гавани «Йоа» он даже ввел смертную казнь — во всяком случае, в виде угрозы. В одной дневниковой записи говорится, что Начальник и на «Мод» не отступил бы перед крайними мерами — «если бы потребовалось».

Руалу Амундсену предложил свои руки человек, который, судя по слухам, убил родственника. Начальник проявляет милосердие и решает дать тому шанс: «Что ж, посмотрим, как он будет себя вести. Если что-нибудь пойдет не так, я с ним разделаюсь и выброшу на берег. Потом, во льдах, я знаю и более быстрый способ».

Удивительно, что в эту последнюю — и, похоже, самую безнадежную — зимовку на «Мод» Руал Амундсен вырабатывает у себя новую решимость и напористость. Как ни крепко застрял корабль, Начальник умудряется вытащить себя из болота в человеческом плане. Он преодолел свои телесные проблемы, избавился от большей части команды и одновременно — от связанных с ней тревог. Почти всю зиму Свердруп и Вистинг провели в дальнем санном походе, и тогда Руал остается чуть ли не единственным норвежцем на судне. Общение с покорными и смиренными кочевыми туземцами как нельзя лучше подходит его общительной натуре властителя. Оно придает ему спокойствие и уверенность, которые позволяют проявиться чувствам.

Можно сказать, что полярный путешественник достиг некоей гармонии по отношению к Кисс. Он отослал ей подарок" на день рождения, утренний дар и добычу кормильца. Большого он пока сделать не может. Остальное должны доделать за него печатное слово, ощипанные птицы и дубленые медведи. Вместо того

чтобы предаваться тревожным думам в каюте, он может мыть и припудривать на обеденном столе живую девочку. Если сорокавосемилетнему мужчине не удалось стать женихом, он хотя бы стал дедушкой.

Когда Руал Амундсен вышел в поход на корабле во славу королевы, его первой целью было *вернуться*, причем «через Лондон». Что по дороге нужно будет пройти через Северный полюс, как бы само собой разумелось. Конструкция судна, курс в океане — всё было заранее выверено и апробировано. Да и сам Амундсен был одной из ведущих фигур полярных исследований, человеком, которому удавались все его предприятия. Плоды созрели, их нужно было только сорвать. Но за три года во мраке он понял, насколько высоко они висят. Чтобы их достать, нужно было приложить огромные усилия.

В свое время, когда еще Фритъоф Нансен отправлялся на покорение Северного полюса, Бьёрнстjerne Бьёрнсон назвал полюс «алмазом победителя». Этот алмаз и должен был привезти из похода Амундсен, дабы прикрепить к груди Кисс. Оставалось лишь добыть сокровище. И самоуглубленный мечтатель уступает место собирающемуся с силами спортсмену.

В голове кружатся новые планы. Руал Амундсен решает сделать стратегическое отступление в Сиэтл, где судно может пройти необходимый ремонт. А еще он обратится в стортинг с просьбой об очередной дотации. Если таковую Дадут, он хочет иметь «два аэроплана и опытного пилота — лучше всего офицера норвежского военно-морского флота». 27 апреля составление планов закончено. «Никогда прежде мне так не хотелось двинуться в путь, как теперь».

Решение проблемы было взято если не с потолка, то из воздуха. С ноября 1918 года, сразу после окончания войны, англичане и американцы стали планировать

полеты к Северному полюсу. Тем не менее ближе всех к достижению этой цели подступил Руал Амундсен. Мало того что у него в кармане имелся диплом летчика, у него еще была «Мод», которую можно было из обойденного конкурентами полярного судна превратить в передовую аэробазу.

Руал Амундсен не может ждать, пока льды выпустят «Мод» из плена, и принимает решение покинуть ее. Его удерживает только одно: Каконита.

25 мая с этой проблемой тоже покончено: «Я решил взять малышку с собой. Мы безумно привязаны друг к другу, так что расставание было бы для нас обоих большой потерей». Разумеется, Камилле тоже придется поехать с ними. И вот Руал Амундсен с двумя приемными дочерьми пускается в дорогу — на нартах, вдоль моря, к Восточному мысу. Оттуда китобоец «Херман» доставляет их через Берингов пролив в Ном. Вообще-то зверобойное судно шло в противоположном направлении, однако капитан оказался родом из Сан-нефьорда и наплевал на китов ради того, чтобы удовлетворить желание знаменитого соотечественника.

17 июня 1921 года полярный исследователь снова попадает в поселок золотоискателей. Оттуда, из Номы, он посылает сообщения для печати о новой неудаче «Мод». И сразу следом — «телегр. в стортинг с ходатайством о финансовой поддержке... в размере 300 тыс. крон».

В последних числах июня 1921 года усталый, но несломленный Руал Амундсен поднимается на борт парохода «Виктория», единственного средства сообщения между Номом и Сиэтлом, и то лишь в летнее время. Статного мужчину сопровождают две детские фигурки. Хотя обе девочки по происхождению чукчи (одна целиком, вторая наполовину), в разных концах земного шара их будут впредь называть «амундсеновскими эскимосками».

Эти трое вступают в бурный период своей жизни. Для маленьких мир перевернется с ног на голову, для полярного путешественника он пойдет кругом. Амундсен потерял три года. Больше он не может терять ни минуты.

ЧАСТЬ IV
БОРЬБА ЗА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Глава 29

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

«Вместо того чтобы предаваться раздумьям о прошлом, я сразу окунаюсь в дела, нацеленные на будущее, — пишет Руал Амундсен с борта парохода «Виктория» на родину, брату Леону. И добавляет: — Полагаю, ты в последний раз поддержишь меня».

Леон Амундсен уже не миллионер, занимающийся биржевыми операциями. Однако после краха финансовых спекуляций он, хотя и рухнул с изрядных высот, но все-таки приземлился на ноги, устоял и неплохо жил на свои 200–300 тысяч. Сам Леон, а особенно его жена Алина испытывали соблазн вернуться со своими четырьмя детьми во Францию, но, как бывало уже не раз, в итоге семейство водворяется на Бунне-фьорде. Что до двух старших братьев, Тонни и Ежика, то у них все по-старому: оба постоянно носятся с новыми прожектами, которые кончаются обманутыми надеждами, старыми долгами и новыми просьбами о помощи.

Последние три года Леон занимался конфиденциальными делами экспедиции «Мод», что включает информацию, хозяйственные и кадровые вопросы. И хотя фактически именно управляющий прекращает выплату жалованья списанным на берег членам экипажа, он не разделяет отрицательного отношения Начальника к этим людям. В одном из писем Гаде Леон отмечает, что все это, «собственно говоря, вполне понятно, ведь разлука с домом, во всяком случае для женатых мужчин, явно слишком затягивается».

Сам отец семейства, Леон внимателен к человеческим сторонам долгих разлук. И д-р Свердруп, как человек воспитанный, считает естественным

поблагодарить управляющего: «Все письма из дома говорили мне, сколь тщательно Вы всегда заботились о том, чтобы мои близкие получали вести об экспедиции прежде, чем они появятся в газетах, и всегда предоставляли рукописи, фотографии и проч. На родине все очень это ценили».

В письме с «Виктории» полярник дает указания насчет того, что, пожалуй, можно назвать новой экспедицией, по крайней мере совершенно новым началом. «*Незамедлительно* нужен перечень консервов для 10 человек на 4 года», а также «5 тонн вяленой рыбы (собачьего корма), 20 козьих сыров, 20 кругов рокфора и 20 головок острого норвежского сыра, 500 бут. сока», не говоря уже о телеграфной станции и «2 аэропланах». Из людей требуются механик и пилот. «В остальном обойдусь местными жителями». Весной 1922 года, к моменту отплытия из Сиэтла, все должно быть готово.

Кроме того, Начальник просит доставить г-жу Вистинг: «Я обещал это В., в качестве небольшой благодарности». О романе века тут, конечно, речи нет, однако ж после трех лет в полярном море и у хортенского мастера на все руки могли прорезаться романтические причуды.

С другой стороны, полярник предупреждает, что «кой-какие вещи» надо будет отправить домой. «Наибольший интерес наверняка вызовут мои две девочки». Он набрасывает план устройства их будущего. Сначала для Камиллы, которой, по его прикидкам, сейчас лет двенадцать. «Я думаю дать ей такое образование, чтобы лет через пять, когда вернется домой, она умела помочь соплеменникам. В первую очередь необходимы чистоплотность и понимание. Она очень смышленная, без труда всему выучится. Вторая — Каконита — "моя собственная малышка". Не пойми меня превратно: я получил ее в

подарок от отца». С ней обстоит иначе: «На всем свете не сыскать девочки прелестней. Она для меня совершенно как родная дочка и домой никогда не вернется».

Фактически приемными родителями станут Леон и его жена Алина, ведь сам полярник еще много лет оставался вдали от родины. «"Нита" любит "Дедушку", — пишет он, — но, думаю, это быстро пройдет, как только мы перестанем видеться». Он извлек урок из своих ошибок.

4 июля 1921 года, после полудня, «Виктория» прибывает в Сиэтл. Этот город — быстро развивающийся транспортный узел и центр торговли — живописно раскинулся по холмам на побережье Тихого океана, недалеко от границы с Канадой. Сиэтл с его трехсоттысячным населением являет разительный контраст всем тем продуваемым ветрами поселкам, где полярник побывал за последние три года. Здесь, в джунглях цивилизации, вдали от всех прежних опорных пунктов, будет его база на ближайший год. Единственные его спутники — двое детей кочевого сибирского племени.

Телеграфом полярник попросил Леона выслать чемодан с одеждой.

По прибытии в Сиэтл Руал Амундсен заканчивает журнал экспедиции «Мод». Но прежде делает запись о восьми телеграммах, полученных из Европы. Пять — деловые сообщения, в том числе одно от редактора «Афтенпостен» и одно от премьер-министра Блера. А кроме того: «2 телегр. от К., одна от Г. и Р.». Двумя последними инициалами обозначены Гудрун и Роберт Маус. К. нам известна; это единственное упоминание о ней на страницах трех тетрадей, исписанных за три долгих года убористым бисерным почерком.

Экспедиционный журнал — ненадежное место для сокровенных мыслей путешественника.

Каков был внутренний настрой Руала Амундсена на момент временного отступления в Сиэтл? «Во льды меня зовет сейчас конечно же не страсть, но ощущение, что это мой дом, — пишет он на родину Леону и добавляет: — Нансен, несомненно, прав в своей теории течений, надо только отыскать подходящее место, чтобы в это течение попасть». Им что же, и теперь, после трех лет мрака и полного исчерпания экспедиционных ресурсов, по-прежнему движет обещание, которое он дал профессору? Или он не может примириться с тем, что «Мод» потерпела полное фиаско именно там, где «Фрам» добился величайших успехов?

Проведя в Сиэтле три недели, Руал Амундсен пишет Трюгве Гудде в Тронхейм. В этом письме нет ни слова о теориях Нансена; перед братом Кисс Беннетт можно углубиться в пучину негодования: «Стало быть, я снова в той же позиции — этакий "Летучий Голландец", обреченный пожизненно странствовать в Ледовитом океане. Вообще-то я бы должен испытывать ужасное разочарование, но не могу толком себя заставить — в нынешних обстоятельствах. Ведь фактически дома мне совершенно нечего делать. Лучше уж проведу еще несколько лет во льдах — вдали от фокстротов и боксерских матчей».

Летопись жизни полярника обернулась историей бездомного бродяги. В сущности, он может возвратиться — гостиные и спальня пустуют, ждут его. Но помыслами он во льдах. Руалом Амундсеном движет не долг, а скорее неугомонность. Он — человек без якоря, корабль в дрейфе, Летучий Голландец.

Вдобавок предстоящая экспедиция — способ рыцарским поступком поддержать самоуважение. Он не станет портить ли-кортскую идиллию. «Я получил много весточек от К., — пишет он в конце письма Гудде. —

Слов нет, до чего я рад, что она живет за городом, в красивой местности. И что, как она говорит, мальчики ее здоровы и веселы. Слава Богу. У нее в жизни хватало неприятностей и огорчений, пусть хотя бы сейчас все будет хорошо».

Розовые чайки до Лондона так и не добрались. Когда Леон сообщает о практических сложностях, из Сиэтла приходят новые инструкции: «Закажи из розовых чаек две композиции — если уж с веерами ничего не получится. Одну подари королеве, а вторую поставь в Урбге, лучше всего под стеклом». Так эти крылатые посланцы любви и будут стоять в пустых комнатах Ураниенборга — чучела под стеклом. И стоят по сей день, птицы без истории, в стеклянной витрине музея Руала Амундсена.

Впрочем, осиротелые жилища на Бунне-фьорде не были совсем уж заброшенными. Леоново семейство поселилось в Рёдстене, и полярник легко находит выход для Ежика, недавно потерявшего работу: «Посылаю ему электр. машинку для заточки бритв, которую он может отдавать напрокат и таким образом заработать на прожитие в Урбге». Позднее он предлагает переехать туда и старшему брату Тонни, такому же неудачнику: «Ведь там он сможет разводить кур и голубей».

В Сиэтле Руал Амундсен очень быстро завязал новые знакомства. Тамошняя скандинавская колония была весьма многочисленна, и прославленному норвежцу не составило труда наладить контакты. Его сразу же принимает состоятельный коммерсант, бергенский уроженец Эйнар Бейер. Затем он нанимает себе маленькую квартирку, однако бергенец считает, что она недостаточно хороша, и, как пишет полярник Леону, предлагает взамен «свой большой, роскошный и удачно расположенный дом».

Уже через десять дней бездомный полярный мореход может констатировать, что все двери в Сиэтле

для него открыты. Щедрые почитатели и новые партнеры предлагают свои услуги: «Ежедневно встречаюсь с одним датчанином, Хаммером». Таково первое упоминание этого имени.

Немногим позже Леон получает более подробное описание новой братовой опоры и надежи — крепко сбитого тридцатитрехлетнего судового маклера Хокона Х. Хаммера, «сына капитана первого ранга датского ВМФ и женатого на немке, баронессе "Пумперниккель [\[112\]](#)". Он тут во всем мне содействовал. Предоставил в мое распоряжение небольшую уютную контору и помощь всего своего конторского персонала. Совершенно исключительный человек и по возвращении домой должен обязательно получить Олава. Он уже избавил и впредь избавит меня от многих расходов. Ему принадлежит фирма под названием "The Universal Shipping & Trading Co.". Для меня он друг, секретарь, консультант и т. д., и т. п.».

Часть рассказа о новом «агенте» полярник просит Леона передать в норвежские газеты как сообщение для печати. Каждый, кто помогает национальному герою в чужих портах, вправе рассчитывать на известность и симпатию общества — помимо ордена Святого Олава: «В Сиэтле Хаммер — один из наиболее почтенных граждан и пользуется изрядным влиянием как в деловых, так и в общественных кругах. Р. А. не мог бы найти консультанта и помощника лучше и толковее». Руал Амундсен обрел спасителя, обрела спасителя и экспедиция «Мод». Сходство с д-ром Куком все больше бросается в глаза.

Проведя не один год среди простодушных номадов, полярник совершенно ослеплен этим чудом делового мира: «Просто не представляю себе, что бы я без него делал. Здешние норвежцы — люди милые и добрые, но им явно недостает большинства хаммеровских качеств.

Мало того, он еще и очень образован». А в довершение всего Хаммер якобы лучший друг датских принцев Оге и Акселя, которые опять же регулярно бывают в Сиэтле.

Удача вновь улыбается полярнику. 19 июля приходит известие, что стортинг ассигновал до 500 тысяч крон на доукомплектование экспедиции «Мод». И еще до конца лета полярная шхуна своим ходом прибывает в Сиэтл. Наконец-то будет произведен в высшей степени необходимый ремонт. В письме профессору Бьеркнесу Свердруп так подытоживает научные результаты: «Неудачи следовали одна за другой, два года опять прошли впустую». Прожив год среди американских ученых, Свердруп тоже отчасти восстановит свой оптимизм.

Следом за «Мод», через два дня, приезжает и г-жа Вистинг. Согласно уговору. Все поселяются в роскошном доме Начальника. Жизнь бьет ключом — походы в цирк, увеселительные автомобильные прогулки. Шоферят образованный датчанин и сам Начальник. Чтобы разместить всю команду с эскимосскими детьми, хортенской дамой и корзинами еды, одного автомобиля мало. Дожидаясь своих самолетов, полярник купил себе машину.

Пока на шхуне меняют гребной винт и иные важные агрегаты, четверо полярников лечат зубы, а это процедура дорогостоящая, ведь, по сути, речь идет о полном протезировании, «...наши зубы удалили и вместо них поставили золотые, — пишет Начальник на родину. — С виду я теперь настоящий клондайкский богач — увы, только во рту». Кроме того, он проверяет сердце и руку, сломанную во время первой зимовки. Оказывается, рука стала на дюйм короче. В остальном все с ним обстоит на удивление хорошо: «Случай уникальный и чрезвычайно интересный, как говорят доктора».

Начальник очень рад видеть в Сиэтле своих верных соратников, и тем большую досаду вызывает у него сообщение, что трое списанных членов экипажа добрались до дома за общественный счет. «То, что Ханссен, Рённе и Сундбек получают полное возмещение — *до последнего эре*, — для нас четверых все равно что удар прямо в лицо, — пишет он Леону. — Возмутительно и нелепо уделять столько внимания их возвращению домой. Ведь они дезертиры, и больше никто». Ожесточенную враждебность Начальника к этим троим подчеркивает запрет посылать им бесплатные экземпляры «Северо-Восточного прохода», хотя все они участвовали в написании книги и важную ее часть составили дневники санного похода Хельмера Ханссена из Анадыря.

Всю осень представители экспедиции на родине вынуждены выказывать определенное отношение к «дезертирам», которые считают, что с ними обходятся несправедливо. Однако ничуть не меньший интерес вызывает загадка Тессема и Кнудсена. Еще в начале года за ними была выслана поисковая экспедиция, хотя Начальник не слишком верит, что посланный «увалень» что-то отыщет. Лучше бы он сам вместе с Вистингом махнул в Сибирь и разрешил «загадку». Кстати, у Вистинга есть версия, которая Амундсену кажется «разумной» и которую он излагает в одном из писем Леону: «Несколько раз Тессем впадал в крайне мрачное настроение. Тогда он *абсолютно* ничего не терпел. Кнудсен был человек кроткий, терпеливый, но если уж злился, то себя не помнил от бешенства. В. думает, что произошла трагедия. И, по-моему, на сегодняшний день это единственно возможная разгадка. *Никому об этом ни слова!*»

Весной 1922 года пришла весть, что поисковая экспедиция нашла кой-какие вещи норвежского производства и обугленные человеческие останки в

золе большого костра — один кремировал другого. Поскольку идентифицировать останки было невозможно, на памятнике написали имена обоих. Летом 1922 года русская экспедиция сообщила о новых находках. Сначала она обнаружила разные предметы, в том числе две герметически упакованные почтовые бандероли, из которых одна адресована директору Бауэру из вашингтонского Института магнетизма, а другая — Леону Амундсену, Христиания. И наконец, неподалеку от острова Диксон русские наткнулись на полуобглоданный труп. На внутренней стороне обручального кольца оказалась гравировка: «Твоя Полина». Это был Тессем. Объявили о находке только зимой 1923 года.

Пребывание в полярных морях не добавило Руалу Амундсену терпимости к человеческому окружению. Проходит немного времени, и он уже ссорится с норвежской колонией в Сиэтле, с городскими «трутнями». Вспыхивает «жаркая баталия», каковую он, не без гордости, описывает в одном из писем Херману Гаде. Поводом стало, собственно говоря, вполне невинное предложение вступить в ложу «Лейф Эрикссон». «Сколько раз эти Сыны Норвегии бывали у меня, но словом никогда не обмолвились о мишурной таинственности своего общества. И вот, когда мы втроем — я, Вистинг и Олонкин — пришли в клуб на официальную регистрацию, встретили нас алтарями, псалмами и прочей подобной чепухой, а вдобавок принялись разглагольствовать о том, как нам надо жить и как себя вести, да еще и потребовали соответствующих клятв, но тут я не выдержал, вспылал и по всем правилам искусства отчитал этих Сынов Норвегии, а было их сотни три. Затем мы — все трое — повернулись к ним спиной и вышли вон. Поэтому, как ты

понимаешь, здешние городские трутни и я теперь не очень-то дружим».

Взаимоотношения с г-жой Вистинг тоже развиваются не лучшим образом. Она как-то не вписывается до конца в экспедиционное окружение, хотя и на кухне помогает, и за его приемными дочками присматривает. «Думаю, она будет рада уехать, и мы — Вистинг и я — тоже, — пишет полярник Леону в начале ноября. — Вистинг до некоторой степени отучил ее "важничать и чваниться", но, как я уже говорил, она не подходит».

Полярное море постепенно становится для Руала Амундсена мерилем всего и вся. Когда Леон нанял в новую команду первого пилота, сержанта авиации, он решил расставить точки над «i», хотя рабские условия контракта были прописаны вполне четко: «Нужно *обязательно* обратить его внимание на то, что ему — совершенно безропотно — придется выполнять любую работу: убирать собачье дерьмо и еще многое другое в таком же духе».

Весть, что полярник распорядился приобрести два самолета и нанять пилотов, не вызвала особого оптимизма в отечественных научных кругах, от экономической поддержки которых экспедиция отнюдь не отказывалась. По телеграфу Руал Амундсен отклонил увеличение контингента ученых; он бы предпочел лишнего мастера на все руки. Такой дока мало-помалу превращался для него едва ли не в идеал — человек, который все умеет, все делает, «безропотно» исполняет любой приказ.

Трем верным своим соратникам Начальник решил удвоить жалованье до 400 крон в месяц, новички же будут по-прежнему получать 200 крон: «Движущей силой должен, как и раньше, оставаться интерес». Пока русский и хортенец занимаются делами в Сиэтле, Свердруп — мастер на все руки с докторской степенью

— обосновался в Вашингтонском университете, где вскоре обручится с некой американкой. Науке наконец-то улыбается счастье.

Собственно говоря, приемных дочек полярник намеревался отправить в Европу, в сопровождении бездетных супругов — судового маклера Хаммера и г-жи баронессы, — однако по зрелом размышлении возлагает эту миссию на канониршу Вистинг.

Буквально в каждом письме домой полярник давал Леону указания насчет девочек: прежде всего нужно снабдить обеих кожаными ботинками наподобие саамских чуней и следить, чтобы ноги всегда были сухие; далее, ни в коем случае не наказывать, а, напротив, воспитывать их исключительно лаской. Он прямо воочию видит Какониту в Ураниенборге, она играет в карты со старушкой Бетти. Что до Камиллы, то у нее обнаружился новый талант: «Она красивая и грациозная, так что, возможно, ей стоит заняться танцами. Она живет в танце и ни о чем другом не помышляет. Я записал обеих в школу танцев. Если у Камиллы действительно есть способности, она сможет продолжить образование в Копенгагенской балетной школе».

Внезапно, перед самым Рождеством, полярник принял решение и насчет себя самого. Он навестит «сэра Алекса Макензи, самого авторитетного специалиста по сердечным болезням во всем мире. На здешние обследования вполне полагаться нельзя, — пишет он Леону. — И возможно, Макензи вправду сможет дать мне хороший совет. Думаю, больше всего мне докучают последствия долгих темных зим. Вдруг он найдет для меня лекарство». Куда же полярник отправится за хорошими советами и укрепляющими каплями для своего больного сердца? Естественно, в Лондон.

Поскольку о разрыве отношений не было и речи, не исключено, что мысль о кардиологе принадлежала Кисс. Ведь ему необходим предлог. В письмах он не раз просил своего неугомонного друга Гаде навестить к ней в новое «сurreйское имение, где, как говорят, просто замечательно». Но зачем довольствоваться чужими рассказами, когда можно съездить самому и увидеть недостижимые красоты собственными глазами?

Словом, компания отъезжающих увеличилась до четырех человек, и по окончании рождественских праздников из Сиэтла выезжают двое детей и двое взрослых. Кстати, с сиэтлским Рождеством экспедиции «Мод» связана странная история — о рождественском подарке Вистингу.

В книге Одда Арнесена «Руал Амундсен — каким он был» подробно описано, как Амундсен якобы под строжайшим секретом переправил в Сиэтл некую вожделенную хортенку. А в рождественский вечер устроил самое настоящее шоу: «Внезапно раздвижная дверь столовой открывается, и — Вистинг не верит своим глазам! — рядом с Амундсеном стоит его жена. Амундсен с добродушной улыбкой соединяет их руки, наслаждаясь своим маленьким триумфом. Вот какой он был».

Г-жа Вистинг донельзя убивалась, когда весной 1922 года впервые прочитала в газете эту историю о рождественском подарке. «Скажите, разве газетам дозволено печатать собственные домыслы и вообще все, что заблагорассудится? — спрашивает Элиса Вистинг в письме управляющему делами экспедиции. — Ведь история о рождественском подарке Вистингу — ложь, от первого до последнего слова».

Как совершенно справедливо отмечает г-жа Вистинг, это ложь, однако по структуре своей — типичный плод воображения полярника, о чем говорят и секретность осуществления, и театральный эффект.

Попутно газета поет хвалы верному Вистингу, опять-таки целиком и полностью в духе Амундсена. Хортенского мастера на все руки отныне будут изображать надежной опорой национального героя — достойным человеком, заменившим вероломного Хельмера Ханссена. Ради большого дела его жене придется волей-неволей мириться с ролью «маленького триумфа» полярника в мрачные годы поражений.

Глава 30

ЭНГЕЛЬБРЕКТ ГРАВНИНГ

В целом план экспедиции «Мод» остался прежним. Речь, по сути, и на этот раз шла о повторении дрейфа «Фрама». В Сиэтле снаряжались для четвертой попытки дрейфа через Северный Ледовитый океан.

Правда, в Христиании Леон Амундсен нанял военных летчиков — лейтенанта Оскара Омдала и сержанта Одда Дала. А Управление морской авиации предоставило в распоряжение экспедиции два самолета «Сопуиз-Кэмел», которые сейчас проходили в Хортене соответствующую подготовку. Вместе с телеграфной станцией они вносят новизну в экспедиционное оснащение. Но в самом плане эти элементы ничего не меняли. Самолетам предстояло действовать с ледяных полей вокруг полярного судна, в первую очередь для рекогносцировки. В общем же все это должно было повысить интерес публики к экспедиции.

Уже после того как Руал Амундсен 5 января 1922 года покинул Сиэтл и взял курс на Лондон, окончательно формируется новая идея, и, мысленно попрощавшись со своей шхуной, полярник совершает решительный прыжок из старого времени в новую эпоху.

Уезжая, он поручает «Мод» заботам Вистинга, а свои дела передает Хокону Х. Хаммеру.

В Нью-Йорк полярник прибывает вместе с двумя эскимосскими девочками (их этническая метаморфоза уже состоялась) и немолодой женщиной, уроженкой Хортена. Для несведущего наблюдателя они выглядели обыкновенной супружеской парой, которая дважды пала жертвой причудливой мутации. Но тут несведущих не было. Экзотические спутницы полярника возбудили в

падком до сенсаций городе небоскребов горячий интерес. Позднее, в письме дону Педро, он пишет: «Интерес к девочкам был очень велик. Северо-Западный проход, Северо-Восточный проход, Южный полюс ни в какое сравнение с этим не идут. Отель, где мы жили, весь день находился в осаде».

13 января г-жа Вистинг и девочки-эскимоски поднимаются на борт «Ставангер-фьорда». «Так трудно было расстаться с малышками», — пишет Амундсен Хаммеру. Надо сказать, полярник настолько вошел во вкус семейной жизни, что называет своего сиэтлского агента и заместителя «дядя Хокон», как девочки. Мало того, требует, чтобы судовой маклер и свои письма подписывал так же: «дядя Хокон».

Едва троица покинула мегаполис, Руал Амундсен поселяется в отеле «Ритц-Карлтон» — в «добром старом "Ритце"». Пора заняться делами. Первый визит — по поводу музыкального обеспечения. «Вчера съездил навестить старика Эдисона^[113]. Он непременно вышлет для эксп. граммофон и 300 записей. Тогда у нас будет 3 аппарата, пока что достаточно». Прочие дела связаны с самолетами.

Вскоре Руал Амундсен сообщает Леону вот что: «В Нью-Йорке я случайно узнал про аэроплан, способный находиться в воздухе как минимум 26 часов. Для нас крайне важно заполучить его. Стоит он 15 тыс. долларов, но окупится *сторицей*. Уже на второй год мы сможем покинуть шхуну, совершить перелет над полюсом, над неведомыми краями, и приземлиться в населенных местах».

Разработка нового плана продвигается необычайно быстро. Нужно только, чтобы Леон довел дело до конца: «М-р Генри Вудхаус [президент Американской лиги воздухоплавания. — *Т. Б.-Л.*] находится в Нью-Йорке и знает все подробности дела. Будь добр, телеграфируй

ему и закажи "ларсеновский аэроплан" того типа, на котором мы остановились, он должен быть готов к 15 апреля».

Руал Амундсен редко придавал такое значение маскировке, как во время этой поездки в Европу. Еще до ее начала он скрывается под новым именем, накладной бородой и роговыми очками. Чтобы обеспечить своему новому тождеству материальность, он посетил норвежские представительства в Вашингтоне и 19 января, за два дня до отъезда, с удовлетворением пишет «дяде Хокону»: «Превосходнейшим образом получил в Ваш. все документы. Энгельбрект Гравнинг путешествует как спецкуррьер норвежского государства, и все двери перед ним открыты!»

30 января 1922 года Энгельбрект Гравнинг останавливается в лондонской гостинице «Странд-палас». Полярник инкогнито прибыл в столицу Британской империи примерно в то же время, когда пришла весть о кончине сэра Эрнеста Шеклтона. Сердце исследователя перестало биться на острове Южная Георгия, в самом начале его третьей антарктической экспедиции. Похоронили сэра Эрнеста в Грютвикене, возле частной церкви норвежского китобоя К. А. Ларсена.

Ни одной газете не удалось добыть у Амундсена комментарии по поводу прискорбной кончины коллеги, ведь в эти дни норвежец как бы не существовал. Покорителя Южного полюса не было нигде — ни в Америке, ни в Норвегии, ни в Лондоне. Однако в письме от 2 февраля 1922 года, адресованном «дяде Хокону», Энгельбрект Гравнинг дает выход своим чувствам: «Скорблю по Шеклону. Каково-то сейчас Вистингу».

В британскую столицу привело полярника опять-таки именно сердце. Несколько раз он действительно посещает именитого специалиста, и тот составляет

довольно пространный эпикриз с диаграммами, который, однако, не вызывает у пациента особого интереса. Ведь он сам давным-давно поставил себе диагноз. Сердцу вредят долгие темные зимы. Туманный зимний Лондон для него — город солнца и лета. Здесь есть эффективное лекарство — коротенькая поездка за город, по железной дороге.

Да, поместье Ли-Корт безусловно даст холостяцкому жилищу у Бунне-фьорда сто очков вперед. Большой кирпичный дом в три этажа стоит в конце длинной подъездной аллеи, укрытый прохладной тенью высоких деревьев. Постройка выдержана в английском, сельском стиле, с эркерами и высокими окнами в белых рамах; коричневато-красный фасад увит плющом. Позади дома уступами тянутся лужайки. Здесь Кисс сама себе хозяйка. Пока старый Беннетт занимается делами фирмы или посещает свой лондонский клуб, она может совершать долгие прогулки по лесу и земельным участкам, которые муж скупил по всей округе. Может приглашать в гости родню и друзей, устраивать приемы и блистать в роли хозяйки, которая очень ей к лицу. На лужайках угощают чаем с серебряных подносов. Каждое воскресенье «после церкви» подают шампанское. Прислуги вполне достаточно — трое в доме, трое на кухне, трое в саду. А еще шофер, который водил старый, проверенный «роллс-ройс» хозяина.

Кроме того, после непродолжительной поездки автомобилем или поездом через идиллический сурреальный ландшафт она может очутиться в шумном, пьянящем Лондоне. Кисс любит здоровую сельскую жизнь, но любит и находиться в центре внимания, среди людей — в кофейнях, на обедах, на балах. Дом у нее — полная чаша, а если чего недостает, так можно заказать прямо с доставкой на дом, деньги-то есть.

Лесоторговец в самом деле подарил своей Кисс поистине королевскую резиденцию. Полярник в этом

жилище не владыка, а скорее, интересный и романтический гость — этакий странствующий трубадур, у которого в запасе множество пылких и всем известных баллад. Его имя и слава придавали сельской роскоши оттенок необычности.

Полярник вновь под окном Богини. Он надеется, что они вместе поедут в Норвегию. Не как полярник с женой, но хотя бы как Энгельбрект Гравнинг и супруга лесоторговца — тихо, без шума. Наверно, потому маскировка и была так важна.

10 февраля он пишет Леону: «Программа все же чуточку изменилась. Кое-что не позволяет Кисс уехать, и я жду до пятницы 24 февр., стало быть, дома буду в понедельник 27-го». Кое-что не позволяет, как всегда, — не позволяет оставить сыновей, не позволяет выйти замуж за другого. Может, именно эти вечные препятствия и притягивают Амундсена, бросают ему вызов, ведь по натуре он вообще не привык отступать, ни перед чем.

В остальном «спецкурьеру» норвежского государства делать в Лондоне особенно нечего. Своё сердце он предоставил заботам врача; «Мод» препоручил Вистингу и Хаммеру; закупкой самолетов занимается Леон. В полной ли мере управляющий осмыслил значение этого нового элемента? — спрашивает себя Амундсен. «Как я уже говорил, они принесут эксп. большую экономическую пользу, нежели что-либо иное. Ведь фактически мы сможем *все время* летать и к "Мод", и от "Мод". Ты хорошо знаешь, нам подбросят денег, если мы сможем первыми пролететь над полюсом», — пишет он Леону. В том же письме изложены стратегические принципы, касающиеся прибытия в Христианию: «И наконец, позаботься, пожалуйста, чтобы я мог сразу же уехать домой, в Урбг. Как сказано выше, на протяжении всего

плавания я останусь в своей каюте, а на берег сойду в синих очках».

В тот мартовский понедельник возвращение полярника на родину происходит в полном согласии с инструкциями насчет возвращения с Южного полюса. Скрытность, маскировка стали удобной привычкой. И не только: все это говорит и о характере человека, не желающего в угоду общественности лишать себя свободы действий. В Сиэтле он видел, как французский полководец, герой войны генерал Фош^[114], следовал по городу в торжественной процессии. «Бедняга, — писал он Леону, — мне было жаль его. Он походил на зверя в клетке, отдавшего себя на произвол судьбы».

Для победоносного военачальника бесконечные парады входили в обязанность. А Руал Амундсен не хотел, как Фош или — еще более близкий — Фритъоф Нансен, мириться с требованиями и ожиданиями общества^[115]. Не хотел брать на себя иных обязательств, кроме тех, какие возлагал на себя сам. Не попадался в ловушки, был по-прежнему суверенным, независимым. Поэтому он мог ошеломить и внушить уважение, но вдобавок выглядел человеком, у которого есть что скрывать, есть что-то на совести.

В письме Гудрун и Роберту Маус полярник объясняет свое инкогнито нежеланием «связываться с газетчиками». И добавляет: «Кроме того, совершенно незачем, чтобы кто-то прознал, откуда я приехал». Приехал он из Лондона. И старался кое-что скрыть. Побывав в гостях у замужней женщины, он подобно большинству мужчин чувствовал необъяснимые уколы совести.

«Девочкам очень нравятся здешние места и чудесный свежий воздух, и они шлют дяде Хокону и тете Адельхейде большой-пребольшой привет», —

пишет полярник своему сиэтлскому агенту. В Свартсуге он проводит несколько недель, целиком отдаваясь роли деда для своих сибирских дочек. Все сиэтлские дела он препоручил Хаммеру, которого «без малейших колебаний» намерен сделать «генеральным директором» экспедиции. «Я целиком и полностью Вам доверяю и высоко ценю Вашу мудрую дальновидность», — твердит он во время долгой разлуки этому американцу датских кровей.

Пока девочки в окружении светловолосой свартсугской детворы сидят за школьной партой, у полярника хватает времени обдумать новый план, связанный с аэропланом дальнего действия, который Леон уже заказал для него в Нью-Йорке. Уединившись на Бунне-фьорде, вдали от всех, братья вновь строят планы. Море за окнами сковано льдом, повсюду еще лежит снег. Склоны гор, подступающие к двум особнякам, до того обрывисты, что по своей воле зимой там никто не ездит. Два устрашающих сенбернара с романтическими кличками — Ромео и Джульетта — стерегут Ураниенборг. Никто знать не знает, что у Бунне-фьорда проживает некий г-н Гравнинг, а на самом деле Руал Амундсен. И замыслы его известны опять-таки одному Леону. Речь идет о Северном полюсе. Но кое-что напоминает и о полюсе Южном, о том, как тринадцать лет назад разрабатывался стратегический план. Они составляют текст заявления для прессы, прячут в конверт и запечатывают. Этот конверт будет храниться у Леона.

Только в день отъезда, 17 марта 1922 года, жители Христиании прочитают большие интервью полярника, который впервые с лета 1918 года побывал на родине. «Ставангер-фьорд» провожает в гавани куда больше народу, чем обычно. Однако национального героя у трапа не видно; он украдкой поднялся на борт еще в девять утра.

В половине одиннадцатого к нему в каюту заходят с прощальным приватным визитом Гудрун и Роберт Маус. Только сейчас он может передать им привет от проживающей в Англии сестры. Руал Амундсен состоит с норвежской родней Кисс Беннетт чуть ли не в «свойстве» — для взрослых он близкий друг, для детей — «дядюшка Добряк».

Хотя Леон и в этом вопросе предельно лоялен, г-жа Беннетт вряд ли представляется ему желанным решением личных проблем брата. Собственная Леонова жена — личность яркая, с твердыми принципами. Им обоим хочется видеть полярника в соседнем доме у Бунне-фьорда устроенным, с законной женой и родными детьми.

Лишь когда около полудня «Ставангер-фьорд» отвалил от пристани, людская толпа наконец-то увидела на капитанском мостике Руала Амундсена. «Он снял пальто и, обнажив голову, принимал дань уважения и восторга, — пишет репортер «Дагбладет». — Теперь все могли рассмотреть его характерное угловатое лицо. Новая волна оваций, оркестр заиграл "Да, мы любим край родимый"^[116], и он взмахнул рукой, посылая городу последнее прощание». Так родная страна в конце концов на минутку увидела своего великого сына.

«Что ни говори, получилось красиво, — удовлетворенно и чуть насмешливо пишет он Леону с борта «Ставангер-фьорда». — Полярник машет рукой с самой верхушки капитанского мостика, а внизу восторженно аплодирует молодежь. Если и дальше все сложится так хорошо, можно рассчитывать на успех». В виду норвежского берега трансатлантический пароход прокладывает себе путь меж контрабандистских суденышек, которыми тогда, во времена сухого закона,

кишмя кишели прибрежные воды, и выходит в открытое море.

В списке пассажиров первого класса, включавшем двадцать две фамилии, значилось также: Омдал Оскар — Христиания. Пилот был на месте. Недоставало только крыльев.

«Поголовно все здесь считают, что по дальности полета ларсеновские аэропланы превосходят все прочие», — пишет Руал Амундсен Леону по прибытии в Нью-Йорк. В дополнение к самолету дальнего действия он совершенно неожиданно получает еще один «превосходный аэроплан, укомплектованный приборами и беспроволочным телеграфом и доставленный в Сиэтл фирмой «Кёртисс». Летные качества позволяют этому аппарату держаться в воздухе семь часов. Стало быть, один аэроплан оказывается лишним. «Посмотрим, может, найду покупателя. Если нет, отошлю его на родину, нашей армии». Поистине стремительное развитие — вчерашняя новинка завтра годится лишь для армейских тыловых частей.

Свой большой самолет — немецкий «юнкере», приобретенный через американского поставщика Ларсена (по происхождению датчанина), — Руал Амундсен намеревается за четыре дня с промежуточными посадками переправить с Восточного побережья в Сиэтл. Пилот и механик — американцы, сопровождающий — лейтенант Омдал, смельчак пассажир — Гораций Гаде (младший брат Хермана), а еще — сам Начальник. История этого перелета вскоре облетела весь мир на страницах газет.

Руал Амундсен оставил собственный рассказ, в письме к брату от 12 апреля, после благополучного возвращения в нью-йоркский «Ритц». В первый же день случилась беда: «В 1.30 пополудни приблизительно в 125 милях от Кливленда мотор — 3-й цилиндр — от перегрева захлебнулся, и вся шарманка застопорилась!

Мы были на высоте ок. 6000 футов. Делать нечего — надо снижаться без мотора, высматривая подходящее место для посадки. Но для вынужденной посадки этот район совершенно не годился. Мы углядели единственный открытый участок, причем маленький. И кругами начали снижаться к нему. Все это заняло немного времени. Проскочив над дорогой, мы зацепили верхушку дерева и с размаху грохнулись на склон. Тяжелые резиновые колеса и прочные рессоры спружинили и вновь подбросили нас в воздух, должно быть, метров на десять; со скоростью миль 50 аппарат прошел по-над склоном, умудрился проскользнуть меж двумя здоровенными пнями и в конце концов ткнулся в третий, а поскольку мы еще были в воздухе, проделал полное сальто-мортале и рухнул наземь. Если бы не прочность фюзеляжа, мы бы наверняка разбились в лепешку. А так отделались синяками и шишками. И Гораций, и я ощущаем легкое онемение в груди и спине. Может, это возрастное».

И вот немолодой акробат сидит в «Ритце», ждет новый самолет. «"Элизабет" была полностью застрахована», — успокаивает он в письме «дядю Хокона».

«Элизабет». Значит, самолету успели дать имя, еще до крушения. В своей книге об Амундсене Одд Арнесен сообщает, что «окрестили» самолет на аэродроме компании «Кёртисс», разбив о фюзеляж бутылку шампанского. В таком случае можно предположить, что имена получили оба аэроплана разом. Ведь маленький «красивый» самолет был опять-таки подарком производителя самолетов Гленна Кёртисса^[117]. Вполне естественно, что аэропланы были названы в честь одной женщины, поделив между собой ее имена; второй аппарат получил имя «Кристина».

По словам Одда Дала, экипажу «Мод» Начальник сказал, что имя, выведенное крупными буквами на фюзеляже кёртиссовского самолета, принадлежит старушке тетушке. Полярник весьма поднаторел в искусстве вводить окружающих в заблуждение. Никто из его людей знать не знал о женщине по имени Кристина Элизабет Беннетт. Но сама-то она, конечно, поймет, как поняла посвящение в день рождения. Полярный перелет совершится в ее честь. Полярник все еще надеялся, что в тот день, когда он принесет ей победные лавры, она выйдет из тени и потребует своего места в истории.

Во время вынужденной задержки в Нью-Йорке внимание неугомонного открывателя привлекает еще более мощный «юнкере». В портовой таможне стоят два таких самолета. Выложив две тысячи долларов, он бронирует один из них за собой, намереваясь использовать взамен некогда столь превосходного, а теперь совершенно испорченного ларсеновского аэроплана. Да, авиация развивается семимильными шагами. Имя он сохраняет; новый «юнкере» тоже зовется «Элизабет».

В итоге летчик садится на поезд. Время не ждет.

В начале мая Руал Амундсен наконец возвращается на экспедиционную базу, в Сиэтл. Вокруг него собирается и новый экипаж «Мод». Новый машинист, Сювертсен, оказывается «человеком выдающимся». А вот некоего Эриксона Начальник еще до своего возвращения — письмом — потребовал «немедля уволить. Его отношение к В. показывает, что он никуда не годится». Вистинг стал мериллом того, как члену экипажа должно себя вести. А значит, уважать следует не только Начальника; такого же почтения заслуживает и преданнейший из преданных — Оскар Вистинг.

На последнем этапе Начальник все же согласился нанять для д-ра Свердрупа научного ассистента. Спешным порядком в Сиэтл вызвали шведского магистра Финна Мальмгрена^[118]. Тем самым наука получала компенсацию за летающих мастеров на все руки. Хотя полной уверенности не внушал никто. «Сию же минуту выгоню его, если начнет ставить условия», — пишет Начальник на родину, экспедиционному управляющему.

Проведя год в университетской среде, новопомолвленный д-р Свердруп вновь с оптимизмом смотрит в будущее. От профессора Бьеркнеса он получил из Христиании инструкции касательно научной стороны этого рейса: «Прежде всего "Мод" должна обеспечить нас данными о температурах в околуполюсном районе, как у поверхности, так и в более высоких слоях атмосферы. Надеюсь, удастся использовать воздушные шары. Напротив, по вполне понятным причинам, я не буду требовать усиленного использования аэропланов в научных целях». Профессор все еще пребывал на стадии воздушных шаров. Что ж, пусть университетские круги занимаются своими делами. «Мод» оснащена для любой эпохи.

В Сиэтл прибыли также штурман Карл Хансен и пилоты Омдал и Одд Дал. Вдобавок, к удивлению некоторых, объявился и третий пилот. В Нью-Йорке Начальник нанял некоего канадского офицера и уже успел заменить его другим канадцем, лейтенантом Фуллертоном. Все члены экспедиции непременно участвовали в текущих работах, с канадцем же обращались на борту как с гостем. Судя по воспоминаниям Одда Дала, в ту пору ни он сам, ни Омдал понятия не имели об истинных планах Амундсена насчет полетов. Только хортенец перед

отплытием из Сиэтла получит самую необходимую информацию.

Считая Олонкина, который все это время помогал Вистингу с оснащением «Мод», и чукчей, которых предстояло нанять на месте, численный состав экспедиции был укомплектован. Точнее говоря, добавится еще один участник. 26 мая полярник докладывает управляющему: «Вчера устроил обед в честь Хаммера. Получилось очень удачно. Сообщил гостям о его награждении орденом Олава [как выяснится, он несколько поспешил. — *Т. Б.-Л.*] и включении "почетным членом в состав экспедиции". Вручил ему диплом. Это он ставит еще выше, чем Олава».

В последние недели перед выходом в море у экспедиции возникли проблемы с ликвидностью. Вместе со своим спасителем, «дядей» Хоконом Х. Хаммером, полярник пытается срочно придумать какую-нибудь прибыльную акцию. Безрезультатно. Остается единственный выход — дон Педро. На всякий случай Руал Амундсен еще до отъезда из Норвегии написал своему далекому меценату и посвятил его в полетные планы. Обращаясь к стареющему магнату, полярник соблюдает все правила грамматики и орфографии [в русском тексте передать орфографию Амундсена, не подчиняющуюся никаким правилам норвежского языка, невозможно. — *Пер.*]: «Я знаю, это похоже на авантюру, но безусловно выполнимо. Ведь мы — как говорят — лидируем в полярных исследованиях на море и на суше. Давайте попытаемся завоевать лидерство и в воздухе»^[119].

Перед самым отплытием экспедиция получает из Аргентины телеграфный перевод на шесть тысяч долларов. Полярник может облегченно вздохнуть. «Да,

он настоящий друг», — пишет он Леону. «Храни его Господь», — пишет дон Педро.

В последние дни мая прибыли пять громадных ящиков с двумя разобранными и бережно упакованными самолетами. Их размещают на борту полностью загруженного полярного судна, готового теперь к четвертой попытке пересечь Ледовитый океан. В субботу 3 июня 1922 года шхуна «Мод» выходит из Сиэтла. На берегу играет военно-морской оркестр. И хотя до единственного признанного из всех национальных праздников еще целых четыре дня, «трутни» во все горло затягивают «Да, мы любим край родимый». Командует на борту капитан Вистинг. Национальный герой с мостика не машет.

Начальник покидает Сиэтл в тот же день, только на другом судне. Он отнюдь не горит желанием провести несколько недель на перегруженной полярной шхуне, терпеть тесноту и качку, а потому предпочитает первый этап (до Нома) одолеть на пассажирской «Виктории». Лишние несколько суток в цивилизованных условиях не повредят. На этом славном своими традициями пароходе есть даже шесть кают с ванной, и одна из них, разумеется, предоставлена господину, который может похвастать званиями первооткрывателя Южного полюса, покорителя Северо-Западного и Северо-Восточного проходов и ныне направляется к Северному полюсу.

На борту «Виктории» состоится встреча, которая будет иметь для Амундсена жизненно важные последствия. Он встретит если не судьбу, то, во всяком случае, женщину.

Глава 31

АЛЯСКИНСКАЯ КРАСАВИЦА

Руал Амундсен жил в скрытности. Можно сказать, его тянуло ко всякого рода загадкам и тайнам. Он картографировал неизученные районы и ликвидировал ряд последних белых пятен на глобусе. Но собственную жизнь окружал туманом. Играл в прятки со своей эпохой, заметал свои следы для истории.

Женщины — особенно тщательно скрытая часть жизни полярника. Отношения с Кристиной Элизабет Беннетт, которые наложат отпечаток на очень многие его решения и составят важную главу его жизни, были совершенно неизвестны за пределами узкого семейного круга. А та женщина, что теперь почти незаметно вошла в историю Руала Амундсена, оставалась покуда безымянной американкой. Едва ли не случайно о ней рассказала «Афтенпостен» в 1941 году. Затем в неопубликованном биографическом очерке конца 1940-х годов о ней поведал Харалд У. Свердруп. Наиболее живой ее образ воссоздал Одц Дал в своих мемуарах, записанных Яном Х. Ланнру. Однако и Дал не упоминает ее имени, называя ее только «the mysterious Lady»^[120].

После зимовок на «Мод», когда большую мечту о полном завоевании Кисс приходилось прятать в глубинах сердца, Руал Амундсен развил прямо-таки маниакально-бурную деятельность. В отношениях с людьми у него случались резкие перепады — от безоговорочной доверительности до полной враждебности.

В последнюю зимовку дала о себе знать потребность в новых эмоциональных привязанностях. Началось все исподволь, осторожно, с белого медвежонка Мари, который после нескольких недель

растущего благорасположения внезапно пал жертвой хлороформа. Затем появилась малышка Каконита, ей он дал свою фамилию и связал с собой — до поры до времени — пожизненными узами. Сразу же по прибытии в Сиэтл он вступил в темный деловой контакт с «дядей Хоконом». Крепыш-датчанин и его аристократический «Пряник», «тетя Адельхейда», вместе с двумя приемными дочками ненадолго стали как бы его семьей, где все одинаково любили «Дедушку».

С другой стороны, он в ярости порвал со многими из тех, кто был ему наиболее доверенным спутником в тяжких лишениях и невзгодах. Новым людям он грозит увольнением еще до выхода в море. Неуравновешенность в скверном характере Амундсена присутствовала всегда, но проступила еще отчетливее после зимовки сердца и краха иллюзий.

Наперекор всем превратностям и всем колебаниям Руал Амундсен цепляется за Кисс, как цепляется и за Северный полюс. Из полюсов оставалось завоевать только один, а вот женщин на свете по-прежнему было много.

Предположительно, полярник впервые встретился с Бесс Магидс именно на борту «Виктории» по пути в Ном.

Сохранилось письмо, где она коротко рассказывает о своих отношениях с Руалом Амундсеном. Адресовано оно некой американской супружеской паре норвежского происхождения, датировано и отправлено 7 мая 1968 года. В этом письме — единственном известном документе, где Бесс Магидс сама подтверждает их роман, — упомянута встреча на «Виктории». Хотя важнейшие связанные с ней события произойдут позднее, мы попробуем уже здесь нарисовать возможно более точный портрет его «mysterious Lady».

Зовут ее Бесс, она очень хороша собой: маленького роста, всего 155 сантиметров; короткие черные волосы,

глаза, как говорят, цвета молочного шоколада. Сведения о ее происхождении, как и обо всей ее жизни, весьма разноречивы, поэтому мы далеко не всегда располагаем точной информацией.

Бесс, младший ребенок в многодетной семье, родилась в канадском Виннипеге. Ее полное имя — Элизабет Патриция Бергер. Отец, торговавший рогатым скотом и лошадьми, был выходцем из Страсбурга, что в Эльзасе, на пограничье Германии и Франции, а мать, по всей вероятности, из Киева. Юная красавица вышла замуж очень рано, судя по тому, что она впоследствии рассказывала своей дочери, так рано, что разрешение вступить в брак она получила, изрядно прибавив себе годы. За Сэмюэла Магидса она вышла в 1914-м, в шестнадцать лет, но сказала, что ей восемнадцать.

Сэм Магидс происходил из российских евреев, был явно на несколько лет старше Бесс и, скорее всего, уже начинал свою деловую карьеру. Вместе с братом Борисом (р. 1891) он создал на Аляске крупную торговую фирму «Братья Магидс». Сколотив стартовый капитал, по всей видимости, в годы золотой лихорадки, они держали не менее восьми торговых факторий в районах, населенных преимущественно эскимосами и золотоискателями. Фирма осуществляла закупки в Сиэтле, Чикаго и Сан-Франциско и там же реализовывала свои товары. Однако супруги Магидс подолгу бывали и в Нью-Йорке, ездили и в экзотические края вроде Китая и России.

Бесс обладала сильной волей, энергичным характером и вполне освоила искусство выживать в самых разных условиях. Даже среди эскимосов и золотоискателей неизменно заботилась о своей красоте. Обувь и платья заказывала у лучших поставщиков и шила у частных портных. Она активно участвовала в делах фирмы и разъезжала по просторам Аляски, управляя собачьей упряжкой с неменьшей

ловкостью, чем братья Сэм и Борис. Кроме того, Бесс азартно играла в покер и славилась высокими ставками и крепкими нервами.

Казалось бы, отчаянная аляскинская принцесса прямо-таки создана для того, чтобы стать женой Руала Амундсена. Но, как мы знаем, к лету 1922 года двадцатичетырехлетняя Бесс уже восемь лет была замужем. Да и сердцем полярника давно владела другая женщина.

Плавание вдоль берегов Канады и Аляски занимало от десяти до четырнадцати дней — свободного времени для флирта сколько угодно, хватит даже и для более близкого знакомства. Полярник путешествовал один, в каюте с ванной. Впереди его ждал Ледовитый океан, а г-жа Беннетт была далеко — в зеленом саду под высокими тенистыми деревьями, среди теннисных кортов и автомобилей, в окружении родных и друзей. Отчего же здесь, в одиночестве, на задворках Нового Света, не позволить себе перехватить взгляд красивой маленькой женщины с шоколадными глазами?

Она что же, была одна? Или вместе с г-ном Магидсом? Всегда есть какой-нибудь мужчина. Г-н Беннетт, г-н Кастберг, некий антверпенец и — г-н Магидс. Необходимы ли *они* ему так же, как их жены? Нужен ли поклоннику конкурент, соперник? В своих отношениях с женщинами Руал Амундсен не первооткрыватель, не разведчик, ищущий природные сокровища, нехоженые земли, он — захватчик. Быть может, в ревности, в победе над другим таится эротический накал? Но ведь возможен и рыцарский поединок, и взаимотерпимый любовный треугольник. Выбор за женщиной, она решает, бросать ли ей другого, чтобы доказать любовь к нему. Мы не знаем, где находился тогда г-н Магидс — на Аляске ли, на борту ли «Виктории»; главное — он существовал.

9 июня, когда Руал Амундсен наслаждается новым знакомством и горячими ваннами, в Христиании вскрыли конверт. Официально полярник находится на «Мод», во главе своих людей. Какое разительное сходство с ситуацией двенадцатилетней давности, когда «Фрам» шел на юг, а на родине, в Христиании, Леон огласил секретный план. К тому времени, когда план северного полярного перелета представляют прессе, он успел устареть по нескольким пунктам. Хваленый ларсеновский «юнкере» уже превратился в грудку обломков и заменен другим, еще более мощным. Кроме того, в Христиании было объявлено, что Руал Амундсен намерен совершить перелет с мыса Барроу в Гренландию, на мыс Колумбия, где Годфред Хансен устроил склады для санного похода экспедиции «Мод». После того как план запечатали в конверт, полярник еще долго колебался насчет места посадки, о чем свидетельствуют противоречивые инструкции Леону. В конце концов он отдает предпочтение Шпицбергену, но держит нецивилизованный мыс Колумбия в резерве. Ведь до Гренландии намного ближе.

Леон Амундсен заключил с четырьмя христианскими газетами («Афтенпостен», «Моргенбладет», «Тиденс тейн») соглашение об исключительном праве на публикацию депеш из полета. Редакторы должны заплатить 15 тысяч крон. Иными словами, тысячу крон в час, поскольку объявлено, что полет над полярным бассейном займет предположительно пятнадцать часов.

В заявлении для прессы полярник подчеркивает, что речь вовсе не о «рискованной затее». Ниже, вероятно Леоном, добавлено, что это лишь «развитие» первоначального плана и что главной задачей всегда была «научная работа, а не чисто спортивное достижение. Если перелет пройдет удачно, то, по всей вероятности, Амундсен, с воздуха "нанеся маршрут на

карту", проведет тем же путем "Мод" и осуществит свой первоначальный план. Перелет — только средство, а не цель». Это добавление особенно важно, поскольку именно как руководитель научной экспедиции «Мод» Руал Амундсен получил от норвежского государства в общей сложности 700 тысяч крон.

После того как план обнародован в Христиании, судовой маклер Хаммер устраивает пресс-конференцию в Сиэтле. Его информация по целому ряду пунктов отличается от христианского заявления. Расчетное время перелета, по Хаммеру, составит не пятнадцать часов, а, скорее, двадцать пять. В качестве пилотов названы двое: Фуллертон и Омдал. Тогда как в Христиании прозвучало только имя норвежца. А в разъяснительном письме к норвежскому народу говорится: «На случай, если доведется почему-либо упасть, мы берем с собой самое необходимое снаряжение и провиант». Со своей стороны Хаммер сообщает, что приоритет отдается горючему: «Помимо необходимых инструментов будут бутерброды, дневной рацион еды и питья, ружье и патроны. Это всё». В заключение «генеральный директор» экспедиции извещает журналистов, что в июле отправится в Европу, «чтобы встретить участников перелета».

Мотивируя эту сенсационную инициативу, Руал Амундсен высказался довольно загадочно: «Развитие ситуации вынудило меня расширить план». В воздух полярника толкал целый ряд обстоятельств. Ведь с тех пор как закончилась мировая война, шла упорная борьба — преимущественно на стадии планирования и с более или менее серьезными участниками — за первенство в перелете к полюсу. Со времени нашумевшего перелета через Ла-Манш общественность замороженно следила за новыми рекордами дальности, достигнутыми на сказочной арене авиации.

Одним из нешуточных соперников в борьбе пилотов за Северный полюс был давний соратник капитана Скотта Трюгве Гран. Когда был обнародован план Руала Амундсена, он находился на Шпицбергене, прикидывая возможности собственного полета к полюсу. «История повторяется, и я вновь пишу: Руал на пути к полюсу — в самолете, — читаем мы в дневнике соратника Скотта. — Да, любопытно, будет ли удача на сей раз сопутствовать ему. По-моему, нет, его план невыполним — вероятно, на такой риск его толкает своего рода отчаяние». Предприятие явно казалось полярному летчику Грану крайне опасным, иначе бы он не высказывал сомнений. Если сам Трюгве Гран полетит к Северному полюсу, он не станет довольствоваться бутербродами да ружьем; обратный путь он целиком проделает на лыжах и на собаках. И все равно риск был велик.

Но вера в покорителя Южного полюса по-прежнему пересиливала доводы рассудка. Военная авиация срочно направила на Шпицберген своего представителя. Необходимо все подготовить для посадки!

В Номе Руал Амундсен покидает свою новую знакомую, покидает комфортабельный пароход с ванной и белыми скатертями и перебирается на «Мод». Ему пришлось несколько дней дожидаться тяжелогруженной полярной шхуны, которая, взяв его на борт, берет курс на Берингов пролив.

29 июня сильное течение останавливает судно, и оно ищет укрытия у Восточного мыса^[121]. Здесь Руал Амундсен получает тревожную депешу от Леона, переданную через радиостанцию «Ставангер-радио». Речь идет о Хаммере. Точное содержание телеграммы неизвестно, но реакция полярника однозначна: «Новости о Хаммере ужасны. Надеюсь, он не обобрал

эксп.». Брату он пишет, что не спал всю ночь. «Мы же все так любили их обоих». (Включая баронессу Адельхейду.)

Руал Амундсен спешно телеграфирует в Сиэтл норвежскому консулу — надо аннулировать доверенность Хокона Хаммера. «Хаммер телеграфировал мне сюда, просил объяснений. Я ответил, что в мое отсутствие все полномочия может иметь только *один* человек, а именно ты», — сообщает полярник Леону.

То, что норвежский управляющий разузнал о сиэтлском «генеральном директоре», явно касалось нечестности в финансово-экономических вопросах. Или попросту говоря: человек, которому Начальник предоставил неограниченные полномочия, — мошенник! Каким же образом вдруг открылись столь сенсационные обстоятельства?

Некоторое время назад Леон Амундсен получил от брата задание добыть *для* сиэтлского дядюшки и спасителя экспедиции орден Святого Олава. И хотя полярник поспешил дать обед в честь будущего орденоносца, опыт, видимо, подсказывал ему, что, пока орден не прикреплен к лацкану награжденного, ни за что поручиться нельзя. Предположительно в этой связи Леон Амундсен и прознал о кой-каких странностях в деловых обычаях датского эмигранта.

Даже если и поднялся большой переполох, из писем полярника ясно, что в открытую конфронтацию с Хаммером он не вступает. И вскоре окажется, что судовой маклер никоим образом не вышел из полярного бизнеса. Уже в мае 1924 года Руал Амундсен снова поднимет вопрос об ордене Святого Олава. И тогда строго конфиденциально обратится в норвежскую дипломатическую миссию в Копенгагене. В свою очередь норвежский посланник наведет справки у американского коллеги, который подтвердит, что в

связи с некоторыми обстоятельствами означенное лицо находилось под следствием, однако дело против него было отложено. До поры до времени. И хотя новая информация представляет этого господина «в значительно более благоприятном свете», посланник не рекомендует полярнику ходатайствовать о награждении, поскольку это может вызвать открытые нападки на означенное лицо в Америке или в Дании либо, в худшем случае, на норвежское правительство. Хокон Х. Хаммер явно был фигурой сомнительной.

Отвлекаясь от «почетного члена» экспедиции, Начальник вполне доволен своей командой. Правда, во время стоянки у мыса Восточного трое аборигенов покидают «Мод», но «Какот — отец Ниты — по-прежнему с нами. Более преданной души я никогда не встречал, в Урбге ему цены не будет», — пишет он Леону. Заканчивается эта история тем, что младший кок Какот — после нескольких попыток — форменным образом удрал с «Мод» и, стало быть, так и не занял в Ураниенборге предназначенного ему места мастера на все руки. «Он был очень одинок на борту и, без сомнения, тосковал по своим», — пишет в своих мемуарах Одд Дал.

«Все пойдет отлично», — докладывает Руал Амундсен перед тем, как «Мод», оставив мыс Восточный, возьмет курс на мыс Барроу, где воздушная экспедиция высадится на берег. Однако шхуна снова вынуждена искать убежища, дожидаясь улучшения ледовых условий. На сей раз у берегов Аляски, в заливе Коцебу, возле поселка под названием Диринг. Этот порт-убежище окажется отнюдь не случайным: торговая фактория в Диринге принадлежит братьям Магидс. Именно здесь полярник вновь встретил женщину с «Виктории» — и ее мужа. По своему обыкновению Начальник покидает судно. Вместе с

почетным гостем экспедиции, лейтенантом Фуллертоном, он перебирается в поселок.

Несколько недель полярная шхуна стоит на якоре в Диринге, и в это время покоритель Южного полюса отпраздновал свое пятидесятилетие — 16 июня 1922 года. Кинопленка запечатлела, как юбиляр с одной попытки задул разом все пятьдесят свечек. Но в остальном чествовали исключительно г-жу Магидс. По словам Одда Дала, она получила в подарок один из экспедиционных граммофонов, кстати, подарок экипажу от Женского медико-санитарного объединения Норвегии (то бишь не от Эдисона). Кульминацией же стало решение Начальника совершить пробный полет в честь немногочисленного населения городка в целом и его новой подруги в частности.

Как рассказывает Одд Дал, неделю потратили на выравнивание мало-мальски пригодной взлетной полосы. Чрезвычайно рискованно было и переправлять со шхуны на плоту кёртиссовские аэропланы — по частям, для сборки на берегу. Однако ничто не могло зажечь в женских глазах такие яркие звезды, как зрелище аэроплана в воздухе. Молодая г-жа Магидс, страстная любительница гонок на собачьих упряжках, наверняка сумела оценить этот фантастический жест среди здешнего отсталого варварства.

Еще когда «Мод» стояла в Диринге, «гастролям» лейтенанта Фуллертона в экспедиции внезапно пришел конец. Если верить Далу, канадец пал жертвой интриг своего соперника, летчика-норвежца: «Ловелас Омдал начал обхаживать приятельницу Амундсена». Та пожаловалась Начальнику, а Омдал, дескать, свалил все на Фуллертона. Канадца выгнали, и Омдал опять стал единственным в экспедиции пилотом при лейтенантских погонах. Так говорит сержант Дал.

Сам Руал Амундсен пишет в дневнике вот что: «Стоянка в Диринге была очень-очень приятной. Народ

симпатичный, всегда готовый помочь. Фуллертона, к сожалению, пришлось уволить. Неожиданно он показал себя с новой и весьма неприятной стороны — ходил тут да злословил у нас за спиной. По какой причине — мне непонятно. Я все время относился к нему по-дружески. Может, причина как раз в этом! Уволен он согласно условиям контракта. Вистинг, Свердруп и я всё выслушали, посоветовались и выставили его за порог. Г-н и г-жа Магидс — наши неутомимые и любезные опекуны — с первым пакетботом отправят его в Ном».

В конце июля 1922 года «Мод» направила на родину депешу о том, что ввиду неоднократных задержек, связанных с ледовыми условиями, перелет откладывается до следующего лета. На первый взгляд решение поспешное, но, поскольку летом в северных широтах усиливаются туманы, самыми подходящими месяцами считались май и июнь. В случае неудачи перелета опять-таки лучше, если «Мод» будет находиться за пределами досягаемости. Полярник полностью потерял интерес к шхуне и не собирался сдавать позиции, отступая к новым зимовкам на ее борту.

28 июля Начальник, которого сопровождают пилот Омдал и оператор студии «Биофильм» Рейдар Лунн, прощается с «Мод». Под командованием капитана Вистинга, с разведывательным самолетом «Кристина» на борту, полярное судно спешно направится в Ледовитый океан, к району дрейфа, тогда как троих оставшихся вкупе с большим «юнкерсом» доставит к мысу Барроу американская шхуна «Холмс».

«Со странным чувством я смотрел, как "Мод" исчезает в тумане, — записывает в своем дневнике Начальник в дождливый день расставания. — Оба судна идут навстречу неясному будущему. Как, пожалуй, и мы, участники предстоящего перелета. Ясно только

одно: если мы все справимся со своими задачами, величайшее полярное путешествие станет свершившимся фактом». Вопреки неудачам оптимизм не сломлен. Четырехлетнее фиаско еще может обернуться историческим триумфом!

С борта «Холмса» полярник пишет Леону: «Я чувствую себя необычайно бодрым и совершенно уверен в трансарктическом перелете экспедиции "Мод"!»

Глава 32

КОЛУМБ ВОЗДУХА

Модхейм — так Амундсен назвал свою зимовочную базу на побережье Аляски. Это название — тактический ход, чтобы никто не подумал, будто он оставил свою шхуну. Напротив, воздушная экспедиция представляла собой самый передовой отряд полярного предприятия, подобно той сухопутной группе, что в свое время вместе с собаками и санями обосновалась во Фрамхейме. Разница лишь в том, что, когда задача будет выполнена и полюс покорен, шхуна за ними не придет. Они сами на самолете вернутся к «Мод». Хотя сначала полярнику придется, пожалуй, совершить триумфальное турне по метрополиям цивилизованного мира — Париж, Вена, Рим, Лондон. Возвращение в дрейфующие льды вряд ли будет сопряжено с большими опасностями.

Вместо мыса Барроу, самой северной оконечности североамериканского континента, Руал Амундсен решил высадиться чуть южнее, в тихом, безмятежном Уэйнрайте. Тамошняя прибрежная полоса вполне годилась для взлета и посадки; к тому же пять сотен обитателей Барроу могли на поверку оказаться надоедливыми.

Здесь, на суровом, иссушенном ветрами побережье, чуть выше 70-го широтного градуса, Руал Амундсен строит дом. На первых порах жильцов всего трое: Начальник, лейтенант-пилот да оператор; по окончании съемок геройской идиллии «Холмс» заберет Лунна.

«Работа у нас продвигается быстро», — записывает Начальник на первых страницах экспедиционного дневника. Маленькая удобная тетрадь не станет лишним весом в тот день, когда самолет поднимется в

воздух. «Столовая, кухня и наши 2 спальни уже готовы. Плита расположена посередине кухни, а обеденные столы — между ней и окном. Практично и удобно. С питьевой водой тоже все замечательно; правда, в ней кишат мелкие насекомые, но после кипячения они не смущают».

При всей своей суровости Руал Амундсен испытывал редкостную тягу к домашнему очагу. Он не питал пристрастия к зимовкам в пещерах и хижинах а-ля Нансен и Юхансен. Ему хотелось, чтобы все было «красиво и практично». В Модхейме не только есть две спальни: «Третьего дня О. застелил полы непромокаемой парусиной. А нынче я повесил синие портьеры, мы обживаемся! О. и я считаем, что люди должны говорить о норвежцах только по-хорошему». Уютный дом для полярника дело чести — вдруг сюда забредет ненароком заплутавшая эскимоска.

Начальник берет на себя кухню; Омдал столярничает, из двух обитателей Модхейма он вообще более ловкий: «О. целиком и полностью подходит для этого предприятия, он дельный, работающий, аккуратный и очень обходительный». Да, долговязый, нескладный, похожий на мальчишку лейтенант был вполне во вкусе Начальника. Оскар Омдал любил приключения и охотно во всем участвовал, эти черты требовались самой природой предприятия; но помимо выполнения поставленных задач никаких амбиций иметь нельзя — ни на лидерство, ни на особые результаты. Одд Дал, следовавший на борту «Мод» с кёртиссовским самолетом, был, как со временем выяснится, человеком совсем иного склада. Однако, учитывая свою задачу и свой нрав, Начальник поступил правильно, выбрав своим спутником в этом рискованном предприятии трудолюбивого, обходительного, но куда менее требовательного и вдумчивого Омдала.

Лейтенант тоже доволен их совместной жизнью. «Капитан ведет хозяйство и стряпает для меня, — пишет он в одном из писем Лунну, — прямо-таки изоощряется в приготовлении всяких вкусностей. Замечательно — изумительные пироги и деликатесы да рюмочка к обеду. Словом, я живу хорошо».

Уютному дому в Уэйнрайте недостает только одного — детей. Но Руал Амундсен, как не раз бывало, находит замену. На сей раз это щенок Колумб и рыжий лисенок Миккель. «Миккель и Колумб — закадычные друзья. Играют вместе, будто знакомы всю жизнь. И, судя по всему, Миккель может делать со щенком что угодно. Да, вот так и живем». Полярник извлек урок из потасовки с медвежонком Мари и знает, что надо запастись терпением: «Я очень люблю Миккеля, но ответная любовь пока заставляет себя ждать».

Однако больше всего оба конечно же пекутся об «Элизабет», у которой теперь есть собственный новенький ангар. «Он заботится о самолете, как о ребенке», — отмечает Начальник. Ежедневный уход — обязанность лейтенанта. А вот полярник предается горделивым мечтам о будущем.

В конце ноября Руал Амундсен покидает Модхейм. Сначала он отправляется на север, к мысу Барроу. Находит там почтмейстера и нужное санное снаряжение, чтобы продолжить путь. 1 декабря он записывает в дневнике, что скоро «выезжает в Диринг на упряжке Магидса». Всего через неделю он уже в торговой фактории: «Я остановился в фактории Магидсов, которой сейчас управляет м-р Генри».

Много позже в одном из своих коротких писем Бесс Магидс утверждала, что несколько раз встречала Руала Амундсена в Диринге. Собственный его дневник свидетельствует, что на этот раз ему пришлось довольствоваться обществом управляющего-мужчины. Так или иначе, через три дня полярник из фактории

уезжает. Его снова обеспечили собаками и снаряжением семейства Магидс. Но теперь его, кажется, влечет другая женщина.

Руал Амундсен берет курс на Ном. В автобиографии он описывает этот санный переход как самый трудный из всех, какие ему довелось совершить. Добравшись до поселка старателей в годовщину покорения Южного полюса, 14 декабря, он сухо сообщает Леону: «Поездка была довольно утомительная, но сердце мое справилось хорошо».

Обосновывая необходимость этого стомильного перехода, полярник говорит, что хотел узнать новости о «Мод», сверить часы и «подсобрать материалов для новой книги». Что-то подсказывало ему, что пятнадцатидвадцатичасовой перелет, при всей его сенсационности, недостаточно богатый материал для книги. И вообще, санный поход — обязательная принадлежность повести о полярном путешествии. Да и тяга к цивилизации была сильна. «Теперь тут есть жизнь», — писал он в Модхейме, но временами Руала Амундсена с его непоседливым, беспокойным характером наверняка одолевала скука.

В Номе его всегда встречали как желанного гостя, а потому он тотчас устраивается в удобном жилище с ванной и всем прочим. Старая добрая Мэри хлопочет по хозяйству. Об Омдале он ничуть не беспокоится. «Он превосходно обеспечен и отлично там перезимует. Лучше нашего дома на всем побережье не сыскать». Полярник не упускает случая сообщить Леону, что спекулянты недвижимостью уже готовы купить этот дом: «Думаю, тысяч пять долларов за него дадут, что нам, понятно, не повредит».

В Ном Руал Амундсен приехал пожить полной жизнью. Не исключено, что это последняя возможность перед великой вечной зимовкой в Ледовитом океане. Своему другу Херману Гаде в прекрасное Рио он прямо

пишет: «Вероятность, что мы ляжем там костьми, чертовски высока». Но в старательском поселке жизнь бьет ключом. И Леону, который проводит зиму на южных курортах вроде Ниццы и Баден-Бадена, он сообщает о веселых рождественских и новогодних забавах. Пятидесятилетний полярник в прекрасной форме: «Сбросил в походе 10 кило и, как говорят, выгляжу на редкость хорошо. Худой, как щепка, а чувствую себя лучше, чем когда бы то ни было».

Уже через два дня по приезде полярник получает депешу о местонахождении «Мод». «Отлично. Лучше и быть не может, — записывает он в дневнике. — Успех наполовину обеспечен. Теперь дело за Омдалом и за мной».

Прежде чем рискнуть жизнью в такой крупной игре, Руалу Амундсену нужно распутать целый ворох эмоциональных сложностей. Вероятно, это и была главная причина визита на телеграф в Номе. Без малого год минул с тех пор, как он простился в Лондоне с Кисс. А тем временем свел знакомство с аляскинской красавицей. И после плавания на «Виктории», вероятно, послал Кисс сигнал, о котором в одиночестве Модхейма успел пожалеть и который позднее назовет непростительной ошибкой.

Почта из Номы до Лондона и обратно шла около семидесяти дней. Поэтому именно с помощью коротких телеграфных депеш надо за четырнадцать суматошных дней разобраться в недопониманиях. Просьбы, жалобы, заверения летают туда-сюда, и наконец полярник может облегченно вздохнуть. «Слава Богу, скоро все войдет в давнюю колею, — пишет он в дневнике 8 января. — Я достаточно долго был изгнанником и бездомным». Летучий Голландец пришел в гавань.

В день тридцатисемилетия Кисс, 10 февраля 1923 года, полярник пылко записывает в дневнике: «Все мои

наилучшие пожелания, наилучшие мысли и сердечнейшие приветы — тебе!»

25 января — всего два дня назад он получил из Лондона последнюю телеграмму — полярник начинает новую, чрезвычайно важную акцию. Шлет адвокату Гудде в Тронхейм такую депешу: «Примите все необходимые меры, чтобы по закону закрепить Урбг за Элизабет». Полярник вновь намерен подтвердить свою любовь, преподнеся ей в дар родной Ураниенборг. Только на сей раз не от большого богатства; он действует под экономическим прессом.

В разгар выяснения отношений пришла деловая телеграмма от Х. Х. Хаммера. И она предвещала недоброе.

Наверно, именно тогда, в январе 1923 года, полярник впервые отдает себе отчет в том, что с финансовой точки зрения находится на краю пропасти. Средства экспедиции исчерпаны, управляющий вынужден выплачивать жалованье и покрывать текущие расходы из собственного кармана. Самая острая проблема — долги в Сиэтле, составляющие сейчас около 20 тысяч долларов. Осенью Хаммер с женой ездили в Европу и виделись с Леоном Амундсеном. Управляющий встречает «генерального директора» холодной неприязнью. Вежливо, но решительно он отказывается брать на себя американские издержки экспедиции, поскольку полярник сообщил ему, что долги уже погашены деньгами дона Педро. В свою очередь Хаммер упорно твердит, что все закупки произведены по доверенности и с одобрения Руала Амундсена, хотя «составить себе полное представление о закупках и расходах было невозможно». Так Хаммер пишет в объяснительном письме Леону, говоря о сумбурном и хлопотном периоде перед отплытием экспедиции из Сиэтла. Он уверяет управляющего, что еще тогда предупредил полярника о

растущих расходах, «но Руал только рассмеялся и сказал, что я их все же осилил».

Полярник всегда уезжал от своих дефицитов в твердой уверенности, что дефицитные статьи прошлого окупятся золотом будущих подвигов, таков был его принцип. Вдобавок на этот раз он действовал через двух управляющих, которые находились на разных континентах и толком не имели информации о фактическом положении дел на противоположной стороне Атлантики. До поры до времени — вдали от цивилизации — полярник чувствует себя в относительной безопасности. «Рыбка, кажется, и впрямь с гнильцой, но в каком именно месте, я сейчас определить не смогу», — пишет он Леону.

Теперь Руал Амундсен пробует найти финансовую соломинку и выбраться на сушу на Леоновой стороне Атлантики. Он разделяет сомнения брата в честности Хаммера: «Ты, безусловно, поступил благоразумно, решив не связываться с ним». В то же время у него есть все основания избегать разоблачительной конфронтации: «Хаммер, вероятно, отчасти виноват в дефиците, хоть я и не берусь этого утверждать. Однако нельзя не принимать во внимание, что он много раз спасал экспедиционные финансы». Полярник юлит, ведь в глубине души он знает, кто на самом деле несет ответственность.

Когда традиционная морская экспедиция стремительно расширилась, включив в себя еще и воздушную экспедицию с собственной базой, расчетные затраты полностью вышли из-под контроля. Руал Амундсен начал осуществлять новый план, финансируя его из бюджета старого плана, отменить который было невозможно. И стоило это наверняка дорого.

Поэтому обращенная к адвокату Гудде просьба Руала Амундсена по закону закрепить Ураниенбург за Кисс означает, что он хочет сберечь свой дом в случае

возможного банкротства, а равно — что по меньшей мере столь же актуально — в случае возможной гибели. Если он не переживет перелет, дом на Бунне-фьорде не станет добычей кредиторов, а отойдет его законной наследнице — Кисс.

«Спасибо, что ты так быстро все уладил с Ураниенборгом, — позднее пишет Руал Амундсен Трюгве Гудде. — Ведь дело это совершенно законное, поскольку имение "переводится" уже 4 года». С помощью доверенности от 1918 года адвокат за весенние месяцы составил документ о передаче Ураниенборга. Чтобы не делать имя Кисс Беннетт достоянием гласности, собственность записана на Нильса Гудде. Старший брат в это время находился в Новой Зеландии, где торговал лесоматериалами и выполнял функции норвежского консула.

14 марта Руал Амундсен делает еще один решительный, но опрометчивый шаг, касающийся второго имения на Бунне-фьорде. Дневник: «Нынче телегр. Нансену [адвокату. — *Т. Б.-Л.*], попросил его продать Рёдстен, чтобы кредиторы хоть ненадолго оставили меня в покое». Кредиторы уже начали наседавать на него через один из банков в Номе. «Они вправду подумывали взять меня под арест, — пишет он Леону. — В делах американцы холодны как лед».

Адвокат Нансен немедленно обращается за разъяснениями к Леону Амундсену, который находится в Ницце. Леон просит адвоката подождать развития событий, ведь «продажа Рёдстена покрывает лишь часть долгов». Спасти полярника могут сейчас только две вещи — новое правительственное ассигнование или беспримерный подвиг. Дневник свидетельствует, что полярник рассчитывает на второе: «Если перелет удастся, мое дело в шляпе».

В остальном зимовка в Номе проходит отнюдь не под знаком депрессии. Полярник с увлечением

занимается местным спортом — гонками на собачьих упряжках. Он постоянный участник состязаний в женском разряде и не сходит с дистанции, пока праздник не кончается, иной раз уже под утро.

Жизнь в старательском поселке была более чем богата впечатлениями и событиями, хотя отнюдь не всё одинаково годилось для задуманной книги. Он даже успел получить весточку-другую из Ураниенборга, от своих приемных дочек. Девочки проводили там зиму в обществе двух пожилых служанок. Камилла заверяет, что они с Каконитой «девочки смышленные и послушные», в школе успевают хорошо. Пока они ждут «Дедушку», к ним приходил другой человек: «Здесь был священник, окрестил нас, и теперь мы христианки».

13 апреля 1923 года Руал Амундсен щелкает бичом, погоняя одиннадцать упряжных собак, и берет курс на Уэйнрайт. В одиночку. Теперь его может спасти только чудо.

Без малого месяц спустя, 9 мая [в автобиографии Амундсен указывает дату 13 мая. — *Пер.*], санный поход благополучно завершается в Модхейме. «Такая радость — снова увидеть Омдала и услышать, что все в порядке. "Элизабет", тщательно закрепленная, стояла в снегу. Готовая к перелету».

Исключительно сенсационный по тем временам дальний перелет в экстремальных климатических условиях, над огромными неведомыми территориями был назначен на 20 июня 1923 года. Первый после сборки аэроплана пробный полет состоялся уже через два дня по возвращении полярника в Уэйнрайт. Эта дата, 11 мая, собственно, и станет памятным днем в истории экспедиции.

На глазах у первооткрывателя Южного полюса и кучки местных жителей лейтенант Омдал сумел поднять оснащенную лыжами «Элизабет» с

промерзшего аляскинского берега и стал набирать высоту. По тогдашним экспертным оценкам, это было немалое достижение для машины, доставленной в Уэйнрайт прошлым летом в трех огромных ящиках и после арктической зимовки собранной там без помощи специалистов-техников. «Элизабет» могла летать!

Лейтенант делает круг над поселком Уэйнрайт. Затем металлическая птица возвращается и на малой высоте идет над замерзшим морем. Здесь я передам слово самому Руалу Амундсену, который записывает в дневнике: «Он прошел очень низко над домами, над самыми крышами. И приземлился на заливе, в нескольких метрах от места взлета. Левая лыжа зарылась в снег, машина описала полуоборот и завалилась на правое крыло. Правда, без опасности для жизни. Мы бегом бросились к аэроплану. Стойка шасси, к которой крепилась левая лыжа, была сломана. О. рассказал, что мотор работал очень неважно. Завтра он представит письменный отчет. После этого инцидента у меня мало надежды на какой-либо полет. По всей видимости, нам подсунули халтуру».

Через два дня после злополучного пробного полета у Руала Амундсена появляется возможность послать весточку на Большую землю — с почтальоном, который направляется в Нордвик. Он вручает почтальону телеграмму и два письма, адресованные самым главным людям его жизни — Киссу и Леону. Только через месяц управляющий — он теперь находится в Дувре, в Англии, — получает телеграмму о том, что перелет к Северному полюсу не состоится. За это время по обе стороны Ледовитого океана много чего произошло.

14 мая, уже после отъезда почтальона, полярник пересмотрел свое решение. «Невзирая ни на что, думаем лететь. О. чинит шасси и укрепляет его. Когда закончит с этим, займется мотором. Все *неприменно* получится!» Записывая это отчаянное волевое решение

в черный дневничок, наедине со своими мыслями, в Модхейме, Руал Амундсен смотрит в окно и, обращаясь к миру, задает главный вопрос: «Что вы все скажете, если мы опустим руки?»

Пуночки порхают вокруг дома, большие стаи серых гусей пролетают в вышине. Почему бы не полететь и «Элизабет»? Через несколько дней шасси отремонтировано, самолет совершил лыжную пробежку по склону. «Виды на полет, таким образом, очень хорошие».

По сравнению с экспедицией к Южному полюсу перелет к Северному полюсу — предприятие, лишенное запаса надежности. Либо самолет достигнет одной из двух своих целей — мыса Колумбия или Свалбарда, — либо в мире станет на две человеческие жизни меньше. Руал Амундсен не предпринял никаких мер безопасности, ни на побережье Аляски, ни в Северной Гренландии, ни на Свалбарде. Все свое внимание полярник сосредоточил на взлете; что же до превратностей пути — будь что будет.

Однако на родине, в Норвегии, был поставлен вопрос: что, если капитану Амундсену и его бесстрашному спутнику придется совершить посадку где-нибудь в Северном Ледовитом океане и дальше идти на лыжах, — так, наверное, надо бы кому-то держаться наготове, встретить их у кромки льдов?

Норвежская армия решает выслать на Свалбард спасательную экспедицию — военный транспорт «Фарм» и два самолета для обеспечения рекогносцировки. Обойдется это круглым счетом в 100 тысяч крон. Но: «Руал Амундсен — человек такого масштаба, что нельзя сидеть сложа руки, если ему грозит опасность», — заявляет министр обороны маленькой страны.

Неожиданно объявляется еще и частная экспедиция, организованная опять-таки для спасения полярника. «Дядя Хокон» скооперировался с фирмой «Юнкере» и создал второй комитет по встрече, с кинооператором и собственным самолетом. Весть о том, что датчанин-американец Хаммер выезжает на Шпицберген с собственным самолетом дальнего действия и первой-классной пилотской командой, тотчас возбуждает у норвежцев подозрения. Ведь значительно ближе слетать на Северный полюс и обратно со Шпицбергена, нежели с Аляски. Может, Хаммер и немцы из «Юнкерса» отправились на Свалбард, чтобы перехватить у Амундсена победу? Всю весну норвежские газеты наперебой строили домыслы.

«Ни в коем случае нельзя забывать о множестве мелочей», — записывает полярник, вероятно полагая, что цитирует себя самого. Ведь все знают его как дальновидного стратега и мастера деталей. «Одного винтика» достаточно, чтобы все пошло насмарку, заявляет в интервью заокеанской газете полярный летчик Трюгве Гран.

Кое-что Руал Амундсен забыл, только вот что именно? Винтик или гайку? Может, вообще не «мелочь», а что-то действительно большое и важное? Вдруг вес горючего слишком высок, дистанция слишком велика, мотор слишком маломощен? Вдруг вообще совершенно невозможно пересечь Ледовитый океан на самолете? Вдруг аэроплан, способный выполнить эту задачу, еще не построен? Какой тогда смысл в том, что все винтики на месте, стойка шасси починена, пакет с бутербродами лежит в кабине? Флаг, во всяком случае, тоже наготове. «Вообще-то флаг нужен бы прямо сейчас, — пишет полярник 7 июня, — но мне стало жалко вывешивать наш красивый шелковый флаг в густом тумане, который

за весь день так и не рассеялся». Лучше приберечь его для Северного полюса. Там наверняка будет ясно.

И вот наступает 10 июня, еще одна знаменательная дата. Новое летное испытание. Отчет краток: «Утром при попытке поднять аппарат в воздух стойка шасси опять сломалась». Итак, все было кончено. Оставалось только ответить на вопрос: что скажет мир?

На следующий день лейтенант вручает легендарному открывателю четыре лютика — первые в этом году. Маленькое утешение. И день ясный, небо голубое. «Только подумать — если бы все у нас было в порядке! Но думать об этом бессмысленно. Толку-то никакого. Однако ж взбучку они получают, эти умельцы, что делали самолетное шасси».

За день до несостоявшегося перелета телеграмма об отмене воздушной экспедиции достигла Норвегии. Полнейшее разочарование. Армия отозвала спасателей. Иллюзий больше нет. Кто виноват? Рекламщик Хаммер? Или другой американец, тоже датского происхождения, этот Ларсен, подсунувший норвежцу никудышный «юнкере»? Или, может, сам национальный герой, Руал Амундсен, вправду утратил былую силу и просто дурачит весь мир?

В тот день — 20 июня, — на который был назначен перелет, начальник экспедиции просыпается и видит сияющее солнце и ясное небо. Погода как по заказу для перелета. «Хочется рвать и метать, — записывает он, вслух не говоря ни слова. — Бог весть, поможет ли мне хоть кто-нибудь следующим летом взлететь со Шпицбергена. Надо умудриться достать 100 тыс. крон». Сколько бы ни ломалось шасси — решимость Руала Амундсена не сломлена. У него зреет новый план. Теперь его база будет на Шпицбергене. Вдобавок чутье подсказывало, что доверие к нему как к объекту инвестиций очень упало. Стараясь вытеснить эти

мысли, он составляет смету расходов, которая не имеет ничего общего с реальностью. Так он поддерживает в себе оптимизм.

Взамен разбитой мечты полярник первым делом заводит себе новых питомцев — двух птенцов, которых, может статься, научит летать. Но и на сей раз его ждет неудача. «Один птенец ночью подох, второй утром вырвался на волю. Увы! — пишет он в дневнике. — Вполне естественно для старого холостяка!»

16 июня 1923 года — в этот день Амундсену исполнился пятьдесят один год — начинается демонтаж «Элизабет». «Сейчас на берегу остался один остров». И в этот же день терпит аварию «Кристина», при последней неудачной попытке вылететь в разведочный полет над Ледовитым океаном.

У Новосибирских островов «Мод» вмерзла во льды, однако оптимистическим надеждам Начальника на подлинный ледовый дрейф сбыться не суждено. Используя шхуну в качестве базы, сержант Дал вместе с Вистингом фактически сумел совершить несколько пробных вылетов, причем стартовал с пакового льда. Позднее Руал Амундсен назовет их первыми полетами «над настоящими дрейфующими льдами». Но в тот летний день все было кончено, и в своих мемуарах Одд Дал мог констатировать, что для арктических условий самолет оказался абсолютно непригоден: «"Кёртисс-Ориоль" создавался в расчете на калифорнийские условия, это комфортабельный, прекрасно оснащенный аэроплан для "воскресных" полетов, который отлично доставит голливудских кинозвезд к месту съемок». Иными словами, в Ледовитом океане он вроде пони в Антарктике — совершенно некстати ^[122].

8 августа в Модхейм прибывает «Холмс». Руал Амундсен решил при первой же возможности телеграфировать производителю самолетов Кёртиссу и

спросить, «не обеспечит ли он нас новым аппаратом»; теперь капитан «Холмса» вручает полярнику пачку телеграмм, в том числе одну от Хокона Х. Хаммера. Она гласит, что в его распоряжении находится «юнкере», готовый вылететь «from here»^[123].

Отправляя эту телеграмму, Хаммер вместе со своей летной немецкой командой был еще в Норвегии. Многие строили домыслы насчет того, в какой мере сам Хаммер готов отважиться на перелет к Северному полюсу. Кое-что американский датчанин решительно отменил; «единственное спортивное решение» — предоставить все материальные ресурсы в распоряжение Амундсена.

Однако и новое предложение Хаммера встретили в Норвегии неблагосклонно — какой там благородный жест? «Беспардонный трюк немецкой фирмы "Юнкерс"» — вот что это такое. В необычайно резком комментарии столичная «Дагбладет» писала: «Все это здорово напоминает ситуацию человека, который так долго толковал о самоубийстве, что в конце концов ему не осталось ничего другого, кроме как повеситься. Он едва успел чудом избежать смерти в объятиях полярной ночи, а любезный друг м-р Хаммер уже настоятельно приглашает его совершить новый смертельный перелет к полюсу, на том самом аэроплане, который предприимчивый сиэтлский маклер снарядил, чтобы "защитить" жизнь Амундсена от опасности».

Все это, бесспорно, смахивает на русскую рулетку, но, получив телеграмму и глядя в дуло револьвера, полярник видит лишь проблеск надежды: «Депеша побудила меня срочно выехать на юг и принять предложение». Такими словами Руал Амундсен заканчивает дневник несостоявшейся экспедиции.

На сей раз он предпочитает не слушать другой голос: «Советую отказаться от проекта Хаммера». Эта телеграмма была от Леона.

Глава 33

ПРЕСТУПНЫЙ ОПТИМИСТ

Руал Амундсен не взлетал и не садился; Модхейм, форпост великих иллюзий, он покидает в неясном расположении духа.

Хокон Х. Хаммер, полгода назад перепугавший его огромными долгами, теперь манит его к себе посулами нового перелета. И сам полярник, и его агент витают в облаках. Оба они — пропащие фантазеры на пути к новым вершинам.

17 сентября Руал Амундсен транзитом через Ном прибывает в Сиэтл. На следующий день из Европы приезжает Хаммер, с новым предложением: не менее «3 тяжелых цельнометаллических аэропланов от германского "Юнкерса"». В письме Херману Гаде полярник, однако, пишет, что теперь хочет, само собой, самолет другого типа, который обойдется в 125 тысяч долларов. «Лично я и не помышлял собрать такую сумму, но Хаммер уверен, что сделает это, причем в короткие сроки. И насколько я его знаю, добьется своего».

Хаммер, на которого вся Норвегия смотрит сейчас с величайшим недоверием, видя в нем едва ли не афериста, превратился в глазах полярника из делового виртуоза в финансового чародея звездного класса. Напротив, звезда бедняги лейтенанта, который в конце концов тоже прибыл в Сиэтл вместе с никчемными останками аэроплана, тускнеет. «Очень во многом Омдал — человек нескладный да еще и весьма ненадежный», — пишет полярник Леону.

В Сиэтле помирившиеся оптимисты строят новые планы на следующий год, обсуждают трансполярный перелет со Шпицбергена на Аляску. «Проглотив

пилюлю», полярник признает свои давние долги перед агентом. В свою очередь Хаммер гарантирует финансирование и новые прибыли сразу же после полета. Когда они выезжают из города, направляясь через Чикаго на Восточное побережье, Хаммер вновь располагает генеральной доверенностью Руала Амундсена.

29 октября 1923 года Энгельбрект Гравнинг поселяется в лондонском «Паласе». Пора зализывать раны.

Проведя несколько дней с Кисс, он едет в Дувр, где постоянно проживают Леон и его семейство. Брат информирует его о состоянии дел и настаивает отныне рассматривать перелет независимо от экспедиции «Мод».

Прежде чем покинуть Англию, Руал Амундсен упорно пытается уговорить Леона и его жену Алину завязать контакт с самым близким ему человеком: «Кисс — это самое главное. Порадуйте ее, нанесите ей визит». Но, по-видимому, супруги Амундсен так ни разу и не съездили из Дувра в Ли-Корт.

На родину Энгельбрект Гравнинг возвращается через Копенгаген. В датской столице его узнают в лицо, и хочешь не хочешь он вынужден открыться: да, он действительно Руал Амундсен, проездом из Берлина.

9 ноября 1923 года разоблаченный Руал Амундсен на поезде прибывает из заграницы в Норвегию. И в этот же безоблачный осенний день генерал Людендорф^[124] и капрал Гиттлер (мир еще не научился правильно писать эту фамилию) устроили в Мюнхене дилетантскую попытку мятежа. К облегчению Европы, обоих вскоре благополучно упрятали за решетку.

«К счастью, поезд остановился в Лиане, а я — шмыг! — и на улицу», — сообщает полярник в Дувр. Значит, последние километры до Свартсуга он

проделал пешком. Столичные журналисты, собравшиеся на перроне в Христиании, опять остались с носом: Руал Амундсен обвел их вокруг пальца, не дал устроить шумиху по поводу своего возвращения.

А наутро главной темой в газетах была неудача люден-дорфского путча.

В собственных глазах Руал Амундсен — вернувшийся домой «дезертир». Но он себя не судит. Судит народ. Впервые полярнику оказали в родной стране холодный прием. Остатки народной симпатии принадлежат Вистингу и Свердру-пу — там, на борту полярной шхуны «Мод», которая по-прежнему героически дрейфует в гибельных водах у сибирского побережья. Все, кто верил, что национальный герой совершит беспремерный перелет, чувствовали себя обманутыми.

Что случилось с гордыми полярными традициями? Сломанной лыжи или стойки оказалось достаточно, чтобы разбить все надежды; дорогостоящие спасательные экспедиции были высланы понапрасну; какие там подвиги — только и читали, что об этом полудатчанине Хаммере да о его рекламном юнкерсовском шоу. Все созданное Фритьофом Нансеном, Отто Свердрупом, самим Амундсеном покрыто позором. Маленький народ выставлен на посмешище перед всем миром.

«Руал Амундсен относится к переменчивым настроениям своих земляков с привычным спокойствием» — гласит заголовок одного из инквизиторских интервью, какие полярнику пришлось давать по возвращении на родину.

Хаммер в Америке, Леон в Англии — поэтому Руал Амундсен живет в Свартсуге довольно-таки уединенно. «Как бы я хотел, чтобы сейчас ты был здесь, — пишет он в Тронхейм Трюгве Гудде. — Мне

бесконечно недостает твоих здравых советов. Тут обратиться не к кому. Должен одолеть все в одиночку».

Окружение национального героя редет. Старушка Бетти прикована к постели и помещена в богадельню. «Духом она бодр и весела, все ее любят», — пишет полярник Леону. Девочки же здоровы, подвижны и бойки; «в школе они — первые ученицы».

Если верить телеграммам из Америки, скоро и он сам сможет щегольнуть первым местом. Хаммер сообщает о твердых гарантиях на 100 тысяч долларов. «Если так, — с надеждой пишет Руал Леону, — то можно сказать, он просто гений в этой области». Хаммер не только озаботился самим полярным перелетом, но и о страховочной экспедиции тоже подумал. Военно-морской флот обещал, что «на помощь нам придут огромные америк. дирижабли. Звучит здорово!». Доллары и дирижабли порхают на крыльях беспроволочных депеш, но в воздухе по-прежнему витает вопрос без ответа: «гений» или аферист?

Через неделю после возвращения в Норвегию Руал Амундсен испрашивает аудиенцию у своего давнего мецената из Дворца в Христиании. Король и полярник говорят о Хаммере. Министерство иностранных дел предоставило главе государства дополнительные материалы. Сведения старые, а новости «скверные». «Король, однако ж, разделяет мое мнение, — пишет Руал слишком подозрительному Леону. — Нельзя осуждать человека на веки вечные, если он один раз оступился, но, само собой, бдительность не помешает».

Но свартсугского отшельника все больше пленяет международная поддержка, которую мобилизует Хаммер. Национальный характер экспедиции уже неактуален. «Просить помощи у моих заносчивых соотечественников я не могу, — пишет Руал в Дувр. — Но я уверен, они придут, когда увидят, что все всерьез. Пока они только насмешничают». Как легко он пишет об

этом! Однако же на деле нет для него ничего страшнее, чем оказаться смешным. И первая важная задача Руала Амундсена — восстановить серьезное к себе отношение: «Надеюсь, мне удастся преобразить смех в серьезность».

19 декабря «Тиденс тейн» провозглашает: «Осуществление плана — под секретом». Хокон Хаммер прибыл в Христианию и выложил на стол свое комплексное решение — с американским участием и финансированием.

В ближайшие дни на Руала Амундсена и его новых людей лавиной обрушиваются откровенные нападки. Полярный летчик Трюгве Гран пишет, что весь перелет строится на «удаче... удаче и еще раз удаче». Случись крушение (а это не редкость), никто из американских спутников Амундсена не выдержит обратного пути через ледяную пустыню. «Люди, которых Амундсен привлекает к осуществлению своего плана, не из тех, кого дальновидный и ответственный руководитель взял бы с собою во льды», — пишет Гран, предсказывая немыслимо дорогостоящие спасательные экспедиции. Председатель Норвежского географического общества намекает, что и Амундсен уже не «так силен», как надо бы.

Старый антарктический путешественник Карстен Боркгревинк, полагая данный момент вполне подходящим, напоминает, что во время третьего плавания «Фрама», когда весь мир тоже неотрывно смотрел на Норвегию, его коллега отнюдь «не соблюдал намеченный план». «Однако в таких экспедициях, — пишет он, — нельзя в последнюю минуту скоропалительно менять курс. Это ведет к подрыву уважения, а моральный аспект предприятия для нации далеко не маловажен».

Фритъоф Нансен, которому постоянно, как только поступают новые сообщения о дрейфе «Мод», приходится давать комментарии, дипломатично ссылается на то, что не имел времени изучить новые планы. Седеющий полярник поглядывает на часы — он очень занят, отдавая все силы спасению мира.

«Дагбладет» берет слово, чтобы осветить, наконец, «полярный мрак». Газета указывает, что в последние годы деятельность Руала Амундсена была совершенно скрыта от общественности, хотя государство предоставляло ему финансовые субсидии и речь шла о национальных интересах. Вопрос ставится по существу: какова предыстория воздушной экспедиции? И вообще, целый ряд событий обойден молчанием: «Что вплоть до сегодняшнего дня происходило на борту "Мод", нам неизвестно. Мы не знаем, почему Тессем и Кнудсен покинули шхуну и отправились в обратный путь, полный опасностей и стоивший им жизни. Нам в точности неизвестно, почему капитан Хельмер Ханссен и другие позднее покинули "Мод" в Америке. Не вполне ясно также, почему сам Руал Амундсен в конце концов оставил "Мод", бросил первоначальную экспедицию и внезапно запланировал авантюристический перелет».

Руалу Амундсену фактически доверяли вслепую. Нация была в большом долгу перед своим великим сыном. Теперь баланс, похоже, изменился. Вопросы выходят на поверхность.

В Ураниенборге полярник празднует космополитическое семейное Рождество — вместе с девочками, «дядей Хоконом» и тетей Адельхейдой фон Пумперниккель. На четвертый день Хаммеры, забрав с собой девочек, уезжают в Копенгаген и «пока что» останутся там. Еще через несколько дней за ними следует и полярник. Дома остаются под присмотром

лейтенанта Омдала. Великий летчик из Модхейма разжалован в сторожа, караулит Ураниенборг.

В Копенгагене Руал Амундсен встречается с представителями немецкой компании «Дорнье-Валь». И уже 7 января сообщает Леону о подписании контракта «на постройку 2 больших гидропланов, с помощью которых можно будет осуществить трансполярный перелет». Таким образом, дело в шляпе. Завод предоставит самолеты, Хаммер — деньги, полярник внесет свою лепту пером и подписью. Вот так просто все делается.

Окончательное соглашение в итоге включало целых три гидроплана. Экспедиция приобретает размах. Кроме американцев, в ее состав войдут и итальянские пилоты. Вполне естественно, ведь строить аппараты «Дорнье» будут в Пизе. Появилось и еще двое норвежских участников, помимо Омдала: лейтенанты морской авиации Ялмар Рисер-Ларсен^[125] и Лейф Дитриксон. Последний участвовал в армейской спасательной экспедиции на Свалбард, а Рисер-Ларсен имел контакт с Амундсеном еще на Аляске. «Множество превосходных советов. Хороший малый», — записал полярник, прочитав письмо лейтенанта.

По возвращении домой состоялась и их личная встреча. Но поскольку — в противоположность молодому Омдалу — Рисер-Ларсен и его друг Дитриксон люди женатые, они дважды меняли свое решение, прежде чем присоединились к новой опасной затее стареющего холостяка.

Руал Амундсен и Хаммер ведут сейчас большую игру, используя национальные интересы многих стран. В январе доходит до обмена нотами между министерствами иностранных дел Норвегии и Соединенных Штатов. По поводу гипотетического территориального конфликта. Кому будут

принадлежать новые земли, открытые воздушной экспедицией?

В интервью одной из американских газет Руал Амундсен якобы сказал, что не намерен объявлять новые земли территорией Норвегии, особенно если они расположены вблизи Аляски. Перед норвежской прессой он говорит прямо противоположное, а именно что, как и норвежец, предъявит права на все открытые территории. Это слегка нервирует Хаммера, поскольку он, так сказать, уже продает призрачные земли американцам и со своей стороны успел декларировать, что американскому летчику Дэвидсону ничуть не возбраняется водружать свой флаг на островах Ледовитого океана.

Амундсену Хаммер, резче обычного, пишет 20 января из Копенгагена: «Коль скоро об этом зашла речь, должен подчеркнуть, что поступил так намеренно, ибо это пробуждает национальные чувства и способствует притоку денег. Нельзя же, черт побери, ожидать, что американцы раскошелятся, услышав Ваши заявления, что земли, которые, возможно, будут найдены, отойдут Норвегии. Знаю, смещно говорить об этом, но ничего не попишешь, такова смешная и нелепая натура наших заокеанских друзей: им необходимо услышать, что земля, ЕСЛИ она там есть, будет принадлежать Америке»^[126].

В донесении норвежской миссии в Вашингтоне министерству иностранных дел говорится, что Хаммер, от имени обоих, письменно заявил американскому военно-морскому департаменту, что еще неоткрытые континенты отойдут американцам.

Чтобы прояснить ситуацию, 8 февраля министр иностранных дел Норвегии обращается к полярнику с прямым запросом. Леон, уже вернувшийся из Дувра, берется за перо и разъясняет, что он, то есть полярник,

никогда подобных заявлений не делал. «Я полагаю, новые земли могут быть присоединены к той стране, под флагом которой осуществляется экспедиция». Иными словами, к Норвегии.

Хотя реализация проекта опиралась на американцев, стартующая со Шпицбергена экспедиция зависела от доброй воли норвежских властей. И даже сознавая, что тем самым наносит сильный удар по хаммеровской финансовой конструкции, норвежец никак не мог в случае прекращения двойной игры пойти на регистрацию своего предприятия в другой стране, при том что в данный момент не испытывал особой солидарности с недоверчивыми и насмешливыми земляками.

Управляющий Хаммер, которого американская пресса титуловала *arctic explorer*^[127], рассчитывал торговать гипотетическими территориями по ценам, какие им приличествовали в мире фантазий. Для Руала Амундсена дело обстояло иначе; после того как Пири покори́л Северный полюс, норвежца манил в Ледовитый океан, собственно говоря, не полюс как таковой. Конечно, существовали веские причины включать эту легендарную точку во все задуманные операции, но на самом деле Амундсена интересовали неведомые просторы между полюсом и Аляской. С тех пор как разрабатывал планы экспедиции «Мод», он верил, что там, на этих огромных пространствах, есть земля. Большая ли, маленькая ли, она-то и была единственным стоящим открытием — вкладом в окончательное картографирование земного шара. Все рассуждали о Северном полюсе. Но не Руал Амундсен. Он говорил о трансарктическом перелете, а думал о землях.

Вдруг в истории еще есть место для нового Колумба?

Гидропланы «Дорнье-Валь» нельзя было строить на заводах компании в Германии — ввиду строгих ограничений, введенных в стране по условиям Версальского мира^[128]. Предполагалось по воздуху доставить эти машины в Норвегию с завода Марина-ди-Пиза^[129]. А оттуда они своим ходом (на роллс-ройсовских двигателях) отправятся в июне на Свалбард.

Перед запланированной отправкой самолетов участники экспедиции захвачены лихорадочной дорожной суматохой. 1 апреля 1924 года Руал Амундсен пишет Леону из Пизы: «Все здесь пребывают в буйном восторге, так что с предварительным кредитом затруднений не будет». Не только норвежцы и американцы вложили в великое предприятие национальное чувство: «Завтра еду в Рим — главным образом в целях рекламы. Здешние заводы решили устроить вокруг этого большую шумиху, а поскольку они были весьма любезны, я просто обязан им помочь». Из Рима путь лежит дальше, к новым приятным встречам: «На один день остановлюсь в Милане, чтобы познакомиться с Муссолини. Заранее рад».

В конце месяца он дома. Потом вместе с Рисер-Ларсеном выезжает на юг. Ключи он посылает Леону, который после очередного пребывания в Дувре возвращается в Норвегию: «На верхней веранде лежит спешная почта. У меня не было времени ответить».

В Копенгагене совершаются важные дела: «Все идет хорошо, и дяде Хокону удастся выпросить довольно много». 12 мая полярник ненадолго возвращается в Свартсуг. На сей раз вместе с девочками; Камилла и Каконита с Рождества не были дома. Пока «Дедушка» и «дядя Хокон» разъезжали по делам, эскимосских девочек определили в подходящий

датский пансион. Теперь Алина с Леоном снова на родине и могут о них позаботиться.

Нет никакого смысла реконструировать хитроумные финансовые построения Хокона Х. Хаммера через семьдесят лет после их краха. Там было задействовано все — от газетных контрактов и прав на киносъёмки до различных пожертвований и соглашений о выпуске почтовых марок; главное, что, когда три дорогостоящих самолета готовы и пора их оплатить — или хотя бы внести задаток, — денег в наличии вообще нет.

На самом последнем этапе добрый Хаммер обнаруживает, что экспедицию со всех сторон окружают мошенники и несостоятельные аферисты, для кого серьезные договоры не стоят и бумаги, на которой они написаны. В довершение всего полярник, посылая бестолковые телеграммы, умудряется сдать противнику самые лучшие карты. Однако — пишет из Парижа Хаммер в довольно-таки безнадежном деловом письме от 8 июня — на случай, если все сорвется, он приберег в рукаве кой-какие «kozyри». И хотя накануне он слегка пал духом, причин для пессимизма нет; «выносливый ВСЕГДА выигрывает». Получив это письмо, полярник как бы столкнулся с самим собой.

Вечером 26 июня 1924 года Руал Амундсен делает следующее роковое заявление: «Ввиду того, что достаточной финансовой поддержкой заручиться не удалось, экспедицию придется пока отложить»^[130]. Это решение было принято после совещания с лейтенантом Дитриксеном, который приехал из Пизы прямо в Свартсуг, с новейшей информацией. В тот же день Рисер-Ларсена и Омдала, находившихся в Риме, попросили немедленно вернуться на родину. Вот и всё.

«Хаммер не всегда был дельным коммерсантом, — признаёт полярник в письме Херману Гаде. И наконец-

то делает вывод: — Хаммер отошел в область преданий, доверенность мною отозвана».

Как ни странно, бывший «гений» продолжает разъезжать по свету. В середине октября из норвежской миссии в Токио сообщают, что Хаммер с женой отправился в кругосветное путешествие. Легкомысленный бизнесмен наносит визит в императорскую столицу, чтобы *взглянуть* на аэроплан, который строится якобы для Руала Амундсена. Теперь вопрос в том, не надумают ли японцы профинансировать следующий полярный перелет.

Руал Амундсен окончательно сводит счеты со своим поверенным в автобиографии, где называет его «преступным оптимистом». Сам же он умывает руки и уверяет, что у него «не было ни малейших подозрений в отношении Хаммера» вплоть до весны 1924 года. В действительности же Леон предостерегал полярника насчет управляющего еще летом 1922 года.

Руалу Амундсену *хотелось* верить в Хаммера. По той простой причине, что Хаммер верил в него. Их общая безответственность подорвала экономические основы экспедиции «Мод», и обоим пришлось выбираться из трясины, в которой они увязли. Не вдаваясь в правовые аспекты целого ряда, мягко говоря, нечестных хаммеровских сделок, приходится констатировать, что если обозначение «преступный оптимист» вполне под стать одному компаньону, то и второй заслуживает этого эпитета ничуть не меньше.

Ведь свое представление о людях Руал Амундсен формирует в зависимости от собственных потребностей. Если ему нужен спаситель, Хаммер становится таковым; если нужен козел отпущения, тот же человек превращается в мошенника. Вот так же Омдал из блестящего пилота в один миг сделался нескладехой. Во вселенной Руала Амундсена есть только одна постоянная величина. Он сам.

Глава 34

ПОЕЗДКА В ДРЁБАК

Сочетание Руал Амундсен — Хокон Хаммер было пагубным, не в пример весьма удачному сотрудничеству братьев Руала и Леона. Вместо того чтобы компенсировать слабости полярника, агент их усугублял. Вдобавок желание дородного управляющего самому выступить в роли *arctic explorer* привело к тому, что полярные исследования обернулись таким цирковым бурлеском.

Сдержанная деловитость, тактичная дипломатия, основанные на взаимном доверии отношения с общественностью — все, что Леон выстраивал в течение двадцати лет, понесло очень серьезный ущерб. В первую очередь из-за поспешных и непродуманных планов самого Руала Амундсена насчет перелетов, а во-вторых, из-за того, что датчанин совершенно не понимал специфики и огромной сложности полярных исследований.

Здравый смысл изменил Руалу Амундсену. И не впервые. Но он привык, что в случае чего его поправят. А новый помощник был не в состоянии выполнить эту задачу.

В автобиографии полярник скромно заявляет, что в делах не имел совершенно никакого опыта и всегда опирался на других: «До сих пор это не причиняло мне никаких неприятностей. Я делал так, как мне говорили, и все сходило отлично». Этими словами он подчеркнул собственную детскую наивность и одновременно сделал недвусмысленный и нечаянный комплимент брату Леону.

Партнерство Руала Амундсена и Хокона Хаммера отрицательно сказывалось на взаимоотношениях с

Леоном. Полярник собственными руками подрывал доверие к себе. И это касалось не только обстоятельств, связанных с Хаммером; операции с поместьями Ураниенборг и Рёдстен тоже вызывали у Леона тревогу. И тревожился он не только за брата, но и за себя самого.

Все началось в 1920 году, когда полярник (с опозданием на два года) признал, что подарил Ураниенборг (на деле и Рёдстен тоже). Отплывая на «Мод» в экспедицию, он был человеком состоятельным. Однако уже после двух неудачных лет во льдах его экономическая позиция значительно ухудшилась. А заботы о том, чтобы на счете экспедиции постоянно хватало денег на выплату жалованья и другие расходы, лежали на плечах Леона. И когда резервы полярника и государственные ассигнования были исчерпаны, управляющему пришлось покрывать затраты из собственного кармана. В результате Леон Амундсен, управляя делами брата, стал еще и самым крупным его кредитором.

Обеспечением этого непрерывно растущего долга служила недвижимость на Бунне-фьорде. Значительную ценность представляла и «Мод», но здесь нужно было постоянно учитывать риск потери судна. Запертая во льдах полярная шхуна, по сути, все равно что военный корабль под артобстрелом.

Не удивительно поэтому, что Леон обиделся на брата, когда тот вдруг взял да и подарил или продал одну из усадеб. Леон настолько утратил доверие к финансовым операциям полярника, что при повторном дарении весной 1923 года напрямую связался с адвокатом Гудце, чтобы выяснить, какая именно недвижимость переведена на консула Гудце, то есть на Кисс.

Впрочем, Кисс Беннетт никогда не притязала на право собственности; наоборот, она велела Руалу

Амундсену выставить Ураниенборг на открытые торги. На что Амундсен так и не решился, из страха перед кредиторами. Весной 1924 года проблема ценностей и гарантий резко обострилась, и связано это было безусловно с тем, что полярник не только вел крайне опасную финансовую игру, но отчаянно рисковал собственной жизнью. Если бы Руал Амундсен действительно отправился в трансарктический перелет, результатом, скорее всего, явились бы не межгосударственные споры о том, кому владеть новыми землями, а драка между кредиторами — кому нести убытки после крушения амундсеновского самолета.

Поскольку реализовать недвижимость на открытых торгах невозможно, полярник соглашается передать ее Леону. Но даже вместе с Ураниенборгом и Рёдстеном сумма, причитающаяся Леону и составляющая около 100 тысяч крон, покрыта далеко не полностью. Уже через год с небольшим Леон намерен обратиться в стортинг с ходатайством о довольно значительном займе. В мае, когда братья встречаются в Свартсуге, он решительно настаивает, чтобы экспедиция «Мод» запросила субсидию из Государственного фонда научных исследований. Руал против. Он либо не желает вкладывать средства, которые, возможно, получит на перелет, в финансирование предприятия, совершенно его теперь не интересующего, либо — что еще вероятнее — слишком горд, чтобы снова просить помощи у неблагодарных соотечественников.

В результате Леон попадает в сложную ситуацию: еще неизвестно, сколько времени он должен инвестировать в полярную экспедицию, будущее которой крайне ненадежно, не имея при этом ни экономических гарантий, ни перспектив на перемены. Неисправимый оптимист Руал был уверен, что все утрясется, как только самолеты поднимутся в воздух.

Леон же, наоборот, почти не сомневается, что все пойдет прахом, еще до того как самолеты покинут Пизу.

И когда он наотрез отказывается продолжать выплаты из своего кармана, во вселенной Руала ему больше нет места. Леон хотя и не слагает с себя обязанностей управляющего, но как финансовый гарант сходит со сцены. Таким образом он попадает «в одну лодку» с остальной вероломной командой. Начальник никогда не одобрял подобных протестов и сомнений. Мастер на все руки должен таковым и оставаться — иначе станет «дезертиром».

Отныне начинается запутанная, а в итоге весьма многосторонняя драма вокруг двух соседствующих имений на Бунне-фьорде. Центральную роль в этой интриге играет посол королевства Норвегия в Бразилии Херман Гаде. Еще из Рио в ноябре 1923 года он предложил другу экономическую помощь, чтобы спасти его родной дом. Однако полярник уверяет, что при необходимости расстанется с Ураниенборгом вовсе не скрепя сердце. «Я уже привык уезжать отсюда», — пишет он в декабре. Хотя, конечно, высоко ценит заботу друга.

Но за этой интригой кроется иная стратегия. В деловых вопросах Руал Амундсен всегда опирался на других. Советчиков у него было много — Леон, Алекс Нансен, братья Гаде, Трюгве Гудде, Хокон Хаммер; настало время одному из них опять выйти на сцену. Густав Амундсен, который два десятка лет, со времен экспедиции на яхте «Йоа», «ходил во тьме», готов снова занять место доверенного лица при полярнике.

Когда Руал Амундсен вернулся с Аляски, его братья Тонни и Ежик, как обычно, пребывали в бедственном положении. Тонни, занимавшийся производством сухого молока, не только пострадал от тогдашних экономических спадов, но потерял жену и

единственную дочь. В последующие годы в письмах полярника сквозит неотступный страх, как бы старший брат не наложил на себя руки. Пока что Тонни снова, с большими затратами, пытается встать на ноги — на средства родни. С сухим молоком покончено, теперь он загорелся идеей разводить кур.

Непостоянство типично и для Ежика. Он тоже бросался от одной иллюзии к другой, не в состоянии прокормить ни себя, ни свою семью. Благодаря своей жене Малфред и брату Леону, Густав Амундсен большей частью жил щедротами полярника. У Ежика были хорошие связи, но, увы, желающих субсидировать капитана Амундсена-старшего уже не находилось. Слишком сомнительная у него репутация. Однако он обладает двумя важными качествами: верит в Руала и ненавидит Леона.

После того как примерно в середине мая Леон заявил, что прекращает оплачивать экспедицию «Мод», немедля происходит резкий перелом. 5 мая полярник, как договорено, написал Трюгве Гудде и попросил переоформить составленный на Нильса Гудце документ о передаче Ураниенборга на имя Леона. Через двенадцать дней адвокат получает еще одно задание, датированное 17 мая: «Поскольку ты — как никто другой — знаешь и дом, и домашнее имущество, прошу тебя, будь добр, назначь максимально низкую цену — самую низкую, на какую, по твоему мнению, можно пойти, — чтобы все вернуть».

Теперь полярник намерен продать собственность, которую всего несколько дней назад перевел на брата, причем продать за предельно низкую цену. И для этого есть свои причины. Во-первых, Руал Амундсен привык распоряжаться усадьбами независимо от того, кто именно считался формальным владельцем. И раньше Леон, в частности по налоговым соображениям, периодически числился формальным владельцем как

Ураниенборга, так и Рёдстена. В экономических делах братья прежде составляли симбиоз, где Леон выступал как практик, а Руал — как высшая инстанция. Теперь полярник единолично решает продать собственность брата, словно давнее единство продолжает существовать. Возможно, Леон и не стал бы возражать, если бы не второй момент: Руал хочет продать по самой низкой цене. И не на открытых торгах, а из-под полы, Херману Гаде.

Через месяц после провала в Пизе окончательно рушатся иллюзорные надежды полярника на скорое разрешение экономических проблем. Его ждет новая роль: борьба одинокого героя с кредиторами. «Придется мне отбиваться от волков, подступающих со всех сторон, — пишет Руал Херману 10 июля. — Имя им легион, и один алчней другого. Но если смотреть им прямо в глаза, они, знаешь ли, идут на попятный двор». После этого живописного сравнения полярник переходит к делу: «По поводу здешней собственности, как мне известно, тебе написал Густав. Я-то без крыши над головой не останусь». Стало быть, Густав действует тайком. Герой об этом знать не знает.

Посол Гаде подхватывает намек и тотчас же отвечает телеграфом из Риги. Разумеется, полярник может по-прежнему рассчитывать на своего состоятельного товарища. Теперь Руал сообщает подробности, и почтой, и телеграфом: «Спасибо тебе за вчерашнюю телеграмму из Риги и за всю ту помощь, какую ты собираешься мне оказать. Ты поистине настоящий друг и можешь поверить, я этого не забуду. Ответил я тебе телеграммой, попросил прямо связаться с Нансеном [адвокатом. — *Т. Б.-Л.*], так как мое имя в этом деле возникать не должно. Стало быть, если ты примешь решение и в пользу Ураниенборга, то станешь обладателем прелестного уголка, где сможешь

отдохнуть, приезжая в Норвегию. А уж я за ним присмотрю».

Когда Гаде вызвался купить одно или даже оба имения, изначально не подлежало сомнению, что все так и останется в распоряжении полярника. Примечательно, ведь тихий, уединенный уголок на берегу Бунне-фьорда предстает теперь в совершенно ином свете, нежели всего полгода назад: «Можешь поверить, нынче здесь чудесно. Фьорд блестящий, спокойный, а на безоблачном небе — жаркое солнце». Однако важнейший довод продавца не пейзаж, а скорее человеческий элемент: «У нас будет много волнующих мгновений в этом безмятежном уютном месте, когда вы приедете сюда отдохнуть. Здесь можно обрести полный покой. Уединенность почти как на полюсе».

Живущий за рубежом Гаде, как и адвокат Гудде, все это время оставался в неведении касательно скрытых обстоятельств. Такая уж у полярника натура, он никогда не раскрывает одному человеку все стороны дела. Каждый получает частицу его доверия, но от каждого скрыта по меньшей мере одна сторона. Гаде вряд ли догадывается, что стал пешкой в борьбе с величайшим из «дезертиров», что «волчище» — это Леон.

Да, брат ни в коем случае не должен стать владельцем имений, но дело тут не в самом этом «безмятежном уютном месте» и не в экономических обстоятельствах. Руал Амундсен всегда был щедр к своим друзьям и соратникам, однако и на презрение и нетерпимость к «предателям» тоже не скупился, даже в мелочах. Он не послал «дезертирам» бесплатных экземпляров «Северо-Восточного прохода» и точно так же не желает видеть своего бывшего партнера, родного брата в волчьей шкуре, хозяином усадеб на Бунне-фьорде.

Согласно первоначальному договору между Руалом и Леоном, стоимость обоих имений, включая обстановку Ураниенборга, оценивалась при передаче в 75 тысяч крон. Эту сумму и следовало вычесть из Руалова долга Леону. Для полярника договоренность весьма выгодная, ведь реальная стоимость составляла около 50 тысяч крон. Дружеская же цена для Гаде исходит из оценочной стоимости около 25 тысяч крон. И 14 июля Гаде переводит данную сумму адвокату Нансену, с распоряжением приобрести оба имения.

В конце июля между братьями разгорается конфликт. 26 июля Гаде получает следующую телеграмму: «Немедля покупай Рёдстен. Формальности тормозят продажу Ураниенборга. Руал».

Фактически формальности сводятся к тому, что согласно акту передачи имущества владельцем Ураниенборга является Леон, который не желает продавать его по заниженной цене. На Рёдстен нового передаточного акта не составляли; поэтому Леон может только сорвать продажу, заявив протест против низкой цены — как кредитор. Что он и делает. В результате Рёдстен оценивают в 22 тысячи крон.

«Что мне делать? — вопрошает полярник в следующем письме к Гаде. — Разгорелась ожесточенная вражда, дошло до того, что его дети ходят по двору, смотрят мне в лицо и не здороваются. Целые толпы чужих подростков с криками и визгом слоняются по усадьбе, шастают к моей купальне — просто чтоб позлить меня». Волки так и лезут со всех сторон. И взглядом их уже не остановить. «Пришлось поставить замки на садовые калитки, чтобы прекратить безобразия, и это помогло».

Полярный герой очутился в центре классической соседской склоки. Он бы с превеликим удовольствием уехал в Рио, но «очень уж досадно уйти с поля боя, уступив победу брату. Он бы лопнул от гордости, если б

сумел выдворить меня». Раз нет возможности покорить Северный полюс, хочешь не хочешь оставайся на посту при своих заборах. «К счастью, у меня есть Густав, который сейчас оказывает мне неоценимую поддержку. С утра до ночи занимается моими делами». Для старшего брата Руала Амундсена, для мастера на все руки, вновь настало время величия. «С утра до ночи» он трудится ради своей большой цели — ради двух братьев-капитанов, младшего и старшего, живущих в соседних домах возле Бунне-фьорда. А Леон, архисоперник, брошен во тьму внешнюю.

В книге «Моя жизнь» полярник, рассказывая об экономическом «предательстве» брата-управляющего, поворачивает ситуацию ровно на 180°, ибо утверждает, что именно Леон хотел принять «меры к продаже дома для покрытия своих претензий». На самом-то деле как раз полярник, спасая свое имущество от банкротства, старался формально перевести его на имя посла Гаде.

«Казалось бы, все разъяснилось, — подытоживает полярник в письме к Гаде, — однако я недооценил Леона». Через своего адвоката Альберта Балкена, который, к досаде Руала, оказался другом детства Хермана Гаде, Леон сумел остановить продажу имений за бесценок. «Ты не поверишь, какая тут сейчас гнетущая обстановка».

Два брата живут бок о бок. Согласно актам о передаче имущества каждый владеет тем домом, где живет другой. Через адвоката Нансена Руал требует выселения, но безуспешно. Вероятно, оттого, что и сам живет на таких же правах. Малоуютное соседство — вроде как в свое время во Фрамхейме, когда Начальник и Ялмар Юхансен окончательно рассорились. Один из них должен уйти.

По всей видимости, решение находит Густав. Что, если полярник обанкротится? Обанкротится? Сам Руал

Амундсен? Какой позор! Но для кого позор? Для неблагодарного народа, для нерадивого управляющего, а вовсе не для национального героя — он же никогда не занимался денежными вопросами, верно?

Вдобавок жизнь продолжается и после банкротства. Густав знает. Он через все это уже прошел. Как только откроется конкурсное производство, Леон не сможет претендовать ни на Ураниенборг, ни на Рёдстен. Передачи произошли, когда полярник был неплатежеспособен. Все это подлежит включению в конкурсное имущество.

Но найдется ли желающий объявить Руала Амундсена банкротом? Нет. Даже Леон не намерен этого делать. Он — самый крупный из кредиторов, однако и финансы брата знает лучше, чем кто бы то ни было. У Руала Амундсена есть проблемы с ликвидностью, но несостоятельным его не назовешь. Если, конечно, экспедиция «Мод» благополучно выберется из ледового плена. Уже дважды Начальник пытался телеграфом отозвать судно домой, только ведь даже при наличии на борту беспроводного телеграфа командовать вмерзшей во льды шхуной далеко не просто. Никто не мог сказать, когда объект реализации выполнит приказ о возвращении. Кредиторы соглашались подождать. В том числе и Леон.

Тебе надо — вот сам и действуй. 2 сентября 1924 года Руал Амундсен объявляет себя банкротом, его имущество будет описано, конкурсное производство откроется в суде по делам о несостоятельности. Скандал стал фактом. Мир в шоке.

18 сентября полярник отправляется из Ураниенборга в недолгую, но важную экспедицию. Едет в Дрёбак. Рядом с ним в «форде», который карабкается вверх по кручам, сидит Густав Амундсен. Наконец-то он занял надлежащее положение — он, всю жизнь воевавший с кредиторами, постоянно бравший в долг,

тут пятьдесят крон, там сотню, терявший тысячи на чужих махинациях и вечно прятавшийся из опасения, что те, у кого он выманил мелкие суммы, поколотят его.

Полярник знает послужной список брата. Но как там король Хокон сказал о Хаммере? «Нельзя осуждать человека на веки вечные». Как партнер Густав был куда сподручнее чванливого датчанина. Реноме у Ежика такое махонькое, что вполне помещается у полярника в кармане, — очень удобный мастер-умелец.

Ровно в 12 часов братья входят в нотариальную контору, где состоится собрание кредиторов. Кроме того, присутствуют адвокат Эйнар В. Нансен, который теперь ведет почти все дела в отцовской конторе, и еще один молодой юрист — Лейф С. Руде, — назначенный управлять конкурсным имуществом. С детских лет будущий председатель Общества содействия лыжному спорту был большим поклонником полярника. Леона здесь нет. Это не его экспедиция.

При всех своих зимних интересах адвокат Руде не вполне представляет себе, во что ввязывается, принимая на себя управление конкурсным имуществом Руала Амундсена. В ближайшие несколько лет ему предстоит распорядиться значительной частью норвежских полярных исследований. В докладе о конкурсном имуществе он констатирует, что экспедицию «Мод» преследовали «чрезвычайно неблагоприятные ледовые условия и режим течений. Именно в этом и должно усматривать главную причину банкротства».

Говоря о том, что побудило его объявить себя банкротом, Руал Амундсен ссылается на весьма благородный мотив, а именно желание «обезопасить остальных кредиторов», чтобы никто не мог упрекнуть его, будто он действовал в пользу брата. Этот довод не только подчеркивает его собственную

добропорядочность, но имеет и другой плюс: наносит брату удар.

Перед Гаде он высказывается более откровенно: «Леон вынудил меня отбросить всякую учтивость. Теперь он тоже *неизбежно* станет банкротом». В письме дону Педро он изображает разрыв с братом в более достойных, однако не менее героических тонах: «К сожалению, должен уведомить Вас, что мой брат Леон уже не является моим управляющим: как только возникли неприятности, он отошел от дел. Стало быть, я совсем один, но сил у меня вдвое больше».

Весть о банкротстве повергает посла Гаде в шок, хотя он лишь коротко замечает, что «все это безусловно наводит на серьезные размышления». В Буэнос-Айресе сообщение тоже восприняли с ужасом. Дон Педро слаб здоровьем, но тем не менее полон «стыда и негодования на наших соотечественников, которые могли пренебречь всеми Вашими законными претензиями на поддержку в Ваших злоключениях». Датская газета «Политикен» констатирует, что Норвегия «заставила весь мир недоуменно покачать головой».

В письме послу Гаде адвокат полярника Алекс Нансен старается подчеркнуть, что в любом случае неверно утверждать, будто «норвежское государство и норвежский народ не хотели ничего предпринимать, чтобы воспрепятствовать банкротству Амундсена. Ведь Амундсен сам не захотел обращаться ни к государству, ни к общественности. Он сам объявил о своем банкротстве, и сообщение об этом безусловно явилось для большинства полной неожиданностью».

На другой день после собрания кредиторов в Дрёбаке полярник дает интервью газете «Тиденс тейн». Происходит это на Бунне-фьорде, в конфискованном холостяцком доме, который вместе с обстановкой оценен теперь в 30 тысяч крон. «Я совершенно один», —

заявляет национальный герой, который лишился всего, кроме своих «сильных рук». Он не жалуется, хотя: «Я бы с радостью оставил у себя приемных дочек, но ничего не вышло». О девочках он говорит как об одном из аспектов научной работы: «Это ведь тоже был эксперимент. Видите ли, в Номе и вообще в тех краях народ не хочет признавать, что эскимосы способны развиваться, там бытует представление, что они могут подняться лишь до определенного уровня, но не выше». Поскольку полярный исследователь может констатировать, что «девочки прекрасно учились», его тезис, в общем, следует считать доказанным.

Руал Амундсен рассказывает интервьюеру, что приемные дочери в этот день покинули Ураниенбург, четыре месяца погостят в Хортене у г-жи Вистинг, «а затем поедут домой».

Домой? Ладно, пусть Камилла Карпендейл вернется домой, к своим многочисленным братьям и сестрам, на несколько лет раньше, чем планировалось, но как насчет Какониты Амундсен? Разве ее дом не в Ураниенбурге? Полярник взял ее к себе как родную дочь. А теперь списывает со счетов как «эксперимент». Как одну из убыточных статей конкурсного имущества.

Существование приемных дочерей базировалось на стабильных взаимоотношениях обитателей домов на Бунне-фьорде, на том, что Алина и Леон будут руководить жизнью девочек. Порвав с братом, Руал Амундсен одновременно пожертвовал и своими дочерьми.

Глава 35

СЫН МИЛЛИОНЕРА

В тот самый день, когда остатки семейного эксперимента Руала Амундсена, эскимосские девочки Камилла и Каконита, покидают жилище банкрота и садятся в хортенский поезд, полярник пишет важное письмо — Кисс. А кроме того, начинает новый дневник. И ведет его в форме монолога, обращенного к ней: «Нынче послал тебе длинное письмо. Вряд ли оно тебе понравится, но я не мог не быть откровенным».

Полярник гол как сокол. Трансарктический перелет сорвался. Экспедиция «Мод» отозвана домой, хотя на деле шхуне потребуется еще год, чтобы наконец-то выйти из льдов. На родной дом наложен арест. Хаммер, гениальный спаситель, испарился. А брат Леон, крепкая опора в частной жизни и в делах, в ходе летних операций стал ему злейшим врагом.

Без друзей он не остался; есть у него состоятельные спонсоры в широком мире — Херман Гаде и дон Педро Кристоферсен. А еще — Густав, палочка-выручалочка. Возможно, удастся также подтолкнуть кой-кого из злорадствующих соотечественников к раздумьям и самоанализу.

Конкурсный управляющий не стал возражать против уже запланированного турне полярника по Америке, которое позволит выручить средства на выплату жалованья экипажу «Мод». Но чемоданы конфискованы. Он пакует вещи в ящики. «Собираюсь я, думая об Аляске, и багажа выходит много. Ведь я, дружок, уезжаю в эмиграцию», — пишет он в дневнике, обращаясь к Кисс.

«Из-за событий последнего времени я всегда буду чувствовать себя здесь плохо. И потому останусь по ту

сторону Атлантики, пока ты не позовешь. А если ты позвать не захочешь, я, наверно, и помру там, на севере. В теперешних обстоятельствах уэйнрайтский дом представляется мне самым лучшим местом. Там я останусь *мужчиной*, а здесь — Бог его знает кем. Там здоровая жизнь на свежем воздухе, дающая силу и энергию. Стало быть, там я буду тебя ждать. Если ты полагаешь меня недостойным и звать не хочешь, так и скажи. Ты свободна сделать выбор, и я должен с этим считаться».

Вот так Руал Амундсен подводит баланс. По обыкновению, реальности не играют существенной роли. Конечная остановка изгнанника, дом в Уэйнрайте, принадлежит к конкурсному имуществу и может оказаться проданной еще прежде, чем он доберется в этот далекий край. Самое главное — уехать из Норвегии. Он снова стал Летучим Голландцем. Только по зову Кисс он может вернуться к жизни среди людей. Обобранный и опозоренный, он вручает ей свою судьбу. Взамен ему предложить нечего, нет у него ни белых медведей, чтобы сложить к ее ногам, ни розовых чаек в золоченой оправе, ни загадочных посвящений, ни самолета, названного ее именем, ни укромного гнездышка на берегу зеркального фьорда. Он может предложить ей, жене богача, только себя. И никогда герой-полярник не нуждался в г-же Беннетт так, как сейчас.

Накануне отъезда с Руалом Амундсеном связывается адвокат брата, Альберт Балкен, сообщает о намерении Леона доказать, что Ураниенборг был подарен еще в 1928 году, а значит, не может быть включен в конкурсную массу, но, напротив, после получения от Нильса Гудде официально зарегистрированного документа принадлежит ему, Леону. Опасность, что на судебном процессе всплывет

имя г-жи Беннетт, очень велика. В глазах Руала Амундсена это *blackmailing*^[132].

Пугающие перспективы отступают в тень перед новым событием; он получает из Лондона письмо с ответом на все свои вопросы. Новый знаменательный день в хронике полярника: «25 сент. 1924 г. Этот день навсегда останется в моей памяти как самый замечательный, самый прекрасный. Малютка — моя, моя, моя!» У полярника пока есть соломинка.

На следующий день он покидает Норвегию. Обанкротившийся национальный герой бежит из родной страны через черный ход, в Гётеборг. Густав провожает его до Мосса. Отныне он один, но не совсем — у него есть дневник и «беспроволочная», телепатическая связь с Кисс. Вдобавок он получил новое письмо.

«Да, теперь ты добрая и милая. Совершенно как в давние времена». Полярник постоянно грезит о «давних временах». О временах еще до того, как он, поставив все на карту, потребовал, чтобы она ушла от мужа, пока он находился в Ледовитом океане на борту «Мод». Об идиллических днях в разгар окопной войны, когда он месяцами сидел в Лондоне, во всем готовый на ее условия. Тогда она была «добрая и милая». Позднее он вынудил ее продемонстрировать, кто из них сильнее.

Руал Амундсен — единственный норвежец на трансатлантическом пароходе «Дроттнингхольм», «весьма комфортабельном». Жертва банкротства путешествует первым классом и обедает за капитанским столом. Письма от Кисс внушили ему новую веру в жизнь; мир выглядит светлее: «Целыми днями я непринужденно с тобой беседую и шлю тебе тысячи беспроволочных телеграмм. Надеюсь, твой приемничек исправен????» Если плавание на «Мод» напоминало свадебное путешествие без невесты, то сейчас он похож на старого мужа в деловой поездке:

«Твой миниатюрный портрет всегда со мной, стоит на ночном столике вместе с часами, которые мне подарила ты, и подушка у меня своя, а наволочки для нее тоже сшиты тобою. Пользуюсь я и твоими носовыми платками. Так что сама видишь. Я полон тобой. Беспроволочные депеши отсылаются днем и ночью и *должны* быть приняты». Пока он может полагаться на свою «маленькую женушку», он «силен как никогда».

Нет, Руал Амундсен отнюдь не сломлен. Вскоре он, стоя на палубе, наблюдает, как «Дроттнингхольм» оставляет за кормой «Бергенсфьорд» со множеством его соотечественников на борту. А однажды в столовой происходит инцидент, отчетливо показывающий, что в мире он по-прежнему пользуется большой популярностью: «Поистине трогательно было слушать нынче людей. И ведь все они шведы, за исключением одного американца и одного датчанина. Во время обеда оркестр исполнил, в частности, "Воскресный день девушки-доярки"^[133]. Вообще аплодировать здесь не принято, но, когда музыка кончилась, все бешено захлопали. Достойная дань уважения моей стране и мне. Красивый жест, от которого на душе у меня стало хорошо». Давненько полярник не испытывал благотворного воздействия аплодисментов.

Само собой, всенародная слава имеет и свои темные стороны. «Мир полон коварных соблазнов, на которые легко попадает тот, у кого нет опоры». Не имеет ли полярник в виду другое плавание? Может быть, ту женщину, с которой столкнулся несколько лет назад, на пути в Ном? Все это нужно забыть — стереть с лица земли. Рядом с Кисс даже самая красивая из здешних пассажирок низводится до положения этакого препятствия в мини-гольфе. «Эти женщины — сплошь сумасшедшие. Я не сказал им *ни единого* слова, но все они жаждут сфотогр. со мной и отправиться на полюс.

На меня они наводят бесконечную скуку. Ты можешь представить себе что-нибудь более нелепое? Я не обращаю на них внимания, благодаря тебе, моя замечательная девочка».

Само собой, Руал Амундсен не отказался от плана великого перелета. «Noch ist Polen nicht verloren^[134], — писал он, неисправимый оптимист, дону Педро через несколько дней после банкротства. — Отказываться бесполезно, дон Педро. Отказавшийся сам подписывает себе смертный приговор».

В принципе потерян всего один год. Сотрудничество с тремя норвежскими летчиками продолжается. Контакт с компаниями «Дорнье-Валь» тоже не прерван. На фабрике в Пизе удовлетворились тем, что Хаммер, который, по их мнению, «с невероятным легкомыслием упустил финансирование», больше не участвует в этом предприятии. А вот Рисер-Ларсену немец-директор полностью доверяет.

Прежде всего норвежскому лейтенанту надо выяснить, какова вероятность того, что их давний итальянский союзник Локателли захочет осуществить полярный перелет, опередив их. Директор Шульте-Фролинде не очень верит, что полярный энтузиазм сохранится в Италии до следующего лета, «особенно потому, что фашистский режим получил сильный удар и Муссолини, возможно, не задержится в своем кресле надолго». Перелет через Северный полюс вообще ни одно правительство не включало в свою программу.

Параллельно с имущественными трансакциями Руал Амундсен предпринял несколько безуспешных попыток добыть новые средства для экспедиции. В отсутствие Начальника дальнейшие усилия по обеспечению финансирования берет на себя Рисер-Ларсен, теперь в сотрудничестве с Норвежским обществом

воздухоплавания. В прессе проскальзывают намеки, что новый перелет состоится под *совместным* руководством лейтенанта и старого полярника. Кроме того, экспедиция в режиссуре Общества воздухоплавания не включает перелет на Аляску, ограничиваясь перелетом к Северному полюсу. Пизанский самолетостроитель считает это решение «необыкновенно удачным, ведь, бесспорно, именно в тамошнем регионе должно приобрести опыт, прежде чем отважиться на грандиозное предприятие — лететь на Аляску». Великий план Руала Амундсена мало-помалу стал занимать и умы других людей.

«Я более чем когда-либо за все 53 года моей жизни был близок к мрачному отчаянию», — пишет полярник в мемуарах. Хотя по прибытии в Нью-Йорк он как будто бы находится в на редкость безоблачном расположении духа. Встречает Амундсена агент его импресарио, который, как записывает полярник, «вручил мне твое милое письмо». Он незамедлительно приступает к подготовке статей и докладов для американского рынка. «Кидик, мой всегдашний менеджер, очень доволен перспективами», — пишет он Херману Гаде. Покоритель Южного полюса, как ему и подобает, устраивается в огромном фешенебельном отеле «Уолдорф-Астория». Единственное, что мучает его в мегаполисе, это невыносимая жара.

8 октября наступает переломный момент — внезапно, как по волшебству. За чаем Руал Амундсен встречается с группой журналистов. Через некоторое время его зовут к телефону. Американец по имени Линкольн Элсуорт просит о встрече. «Услышав его голос, — много лет спустя пишет американец в своих воспоминаниях, — я невероятно разволновался, словно молодой охотник, который впервые прицелился в лося».

В дневнике Амундсен отмечает: «Под вечер сюда заходил некто Линкольн Элсуорт, 42 лет от роду, я встречался с ним в Париже во время войны. Сильный, красивый мужчина. Хочет участвовать в нашем перелете. Готов предоставить 20 тысяч долларов собственных средств, но надеется заинтересовать и своего отца, человека очень богатого. Возможно, что-то получится». Полярник еще не решается поверить. Скромный, похожий на бойскаута американец ничем не напоминает мецената.

И все-таки чудо свершилось, в его жизнь вошел новый дон Педро.

Через пять дней они встречаются вновь. «Сегодня обедал с Линкольном Элсуортом, — записывает полярник в дневнике. — Я сказал ему, что нужно собрать как можно больше денег и уже тогда обо всем потолковать. Он просиял. Дескать, его отец очень богат и может с легкостью оплатить всю музыку».

Засим полярник выезжает влекционное турне.

26 октября он опять в Нью-Йорке. В отеле его ждут письма от Кисс. А спустя три дня приходит невероятное сообщение. «Сегодня Элсуорт предоставил мне 90 тыс. долларов, а это означает, что перелет практически обеспечен. Телеграфировал на родину, запросил насчет тамошних перспектив». Он пока не рискует принять новое решение. Старик Элсуорт — в какой мере на него можно положиться? Деньгами-то распоряжается именно он.

Джеймс У. Элсуорт — высокий, худой семидесятипятилетний мужчина, мультимиллионер, типичный капиталист с виллой во Флоренции, замком в Швейцарии и небоскребом в Чикаго. Элсуорты принадлежали к элите американского общества и разбогатели в первую очередь на добыче угля. Взаимоотношения холодного властного отца и единственного его сына были весьма напряженными.

Линкольн, рано оставшийся без матери, получил инженерное образование и посвятил свою жизнь поискам приключений. Особенно старику не нравилось, что сын курит трубку.

Впервые Руал Амундсен встречается с некогда энергичным и волевым, но уже изрядно ослабевшим Джеймсом У. Элсуортом у него на ферме, в Хадсоне, штат Огайо. Вернувшись ночным поездом в Нью-Йорк, он телеграфирует Кисс, что денежная проблема решена, самолеты заказаны. После чего сразу же садится за подробное письмо: «*Первым делом пишу тебе, потом Рисер-Ларсену, с распоряжением форсировать подготовку экспедиции*». Очередность весьма важна. Кисс стимулировала и вдохновляла все дела полярника с тех самых пор, как он вернулся с Южного полюса. Поэтому он вначале информирует г-жу Беннетт в Лондоне и лишь затем шлет важные распоряжения в Христианию. «Итак, я начал все сначала, в этот раз на более здоровой и разумной основе», — подытоживает он в дневнике.

9 ноября полярник вторично встречается со старшим Элсуортом, теперь в Нью-Йорке. Одряхлевший отец принимает спортсмена-сына и его седеющий идеал в библиотеке. Гость быстро подсчитывает: «Все стены увешаны картинами, каждая стоимостью не менее 75 тыс. долларов. Тут и там произведения искусства V века до Р.Х. На полу в одной из комнат ковер XI века!!»

В третий раз богач-капиталист заверяет полярника, что предоставляет ему субсидию. Однако же ставит условие: сын должен бросить курить!

Планы Руала Амундсена и Линкольна Элсуорта незамедлительно публикуются в американских газетах. Однако к сотрудничеству с Норвежским обществом воздухоплавания новый партнер относится скептически. Полярник обратился к обществу за

поддержкой, когда уже не видел иного выхода. Теперь он может сообщить телеграфом о пересмотре условий, но подчеркивает, что при любых обстоятельствах «Рисер должен срочно заказать те 2 аэроплана».

15 ноября он записывает в дневнике: «Замечательно встретить человека, относящегося к другому с таким доверием, с каким Эле. относится ко мне». Этот человек обладает преданностью Вистинга и толстым бумажником дона Педро, а вдобавок разделяет поразительную убежденность полярника в том, что полет над неведомой ледяной пустыней — наивысшее счастье, какое может выпасть человеку».

Элсуорт дает деньги, но за осуществление планов отвечает Рисер-Ларсен. Оба они — необходимые предпосылки удачного возвращения Руала Амундсена на театр полярных исследований. Чтобы организовать авиаэкспедицию в экстремальных климатических условиях, требуется профессиональная компетентность, которой лыжник и погонщик собак никогда не обладал. Ялмар Рисер-Ларсен, энергичный тридцатичетырехлетний лейтенант авиации, именно тот, кто нужен Руалу Амундсену, чтобы его мечты стали явью. Получив последние решающие телеграммы, лейтенант срочно берет на службе отпуск и приступает к практической организации полярного перелета Амундсена и Элсуорта.

«16.11. 12-я годовщина! Чудесный день. Столько прекрасных воспоминаний. Доброй ночи. Храни тебя Господь». В разгар лихорадочной деятельности полярник отмечает юбилей. Двенадцать лет минуло с тех пор, как он повстречал в лондонском отеле «Сесил» богиню счастья. С тех пор томные звуки его мандолины прилетали к ней из самых отдаленных уголков мира. А теперь, очень скоро, она увидит, как он поднимется в воздух и возьмет курс на Северный полюс!

Но прежде ему предстоит еще одно лекционное турне.

Приезжая на новое место, он всякий раз сгорает от нетерпения: нет ли писем из Лондона? Все ее весточки читает с жарким интересом, но и с подспудной тревогой: «Чудесное письмо, однако, дружочек, похоже, ты все время очень занята — графы и графини, герцоги и герцогини! Стало быть, и на балы выезжаешь, и танцуешь?» Впрочем, это отнюдь не намек, что у него есть пусть даже незначительные сомнения. «Твои письма дарят мне огромную радость и счастье. Я знаю, ты моя навеки, все сомнения развеялись».

Мысленно полярник вместе с Кисс, которая проведет Рождество в родном Тронхейме. Сам он возвращается в свою любимую «Уолдорф-Асторию»: «Прибыл сюда нынче в 9 утра — видела бы ты их! Лица у всех — от коридорных до управляющего — просто сияли. Пришлось с каждым поздороваться за руку! Кажется, все меня любят».

Однако в Нью-Йорке ждут непредвиденные сложности: «Спешно приехал Элсуорт. У него уйма неприятностей с отцом. С этим старым сумасбродом никак невозможно поладить. К тому же он тяжело болен. Так вот ему взбрело в голову, что сын должен отказаться от экспедиции. Сын ответил решительным "нет" и навсегда распрощался с отцом и домом».

Старший Элсуорт готов оставить в распоряжении полярника 80 тысяч долларов — в обмен на уход сына из воздухоплавания. «Заманчиво для бедняка... но не для меня! Поступить так может лишь трус и предатель. Именно Линкольн Элсуорт дал мне шанс вновь подняться, и потому я всегда буду ему *верным другом*. Больно сознавать, что я причина семейного разлада, но, увы, в нынешних обстоятельствах это неизбежно».

Что касается американских кредиторов, Руал Амундсен и тут должен пройти через банкротство. Но

он принимает новое унижение с большим спокойствием. Молодой Элсуорт подарил ему черное пальто с каракулевым воротником, подбитое норкой, — «я теперь прямо-таки миллионер!»

Новые друзья обедают в «Сент-Реджисе». Однако в мыслях — и в дневнике — полярник спешит прочь из зимнего мегаполиса: «Завтра сяду с тобой в поезд, и в 7 час. вечера мы вместе сойдем в Тронхейме. Ура, сочельник проведем дома, будем танцевать вокруг елки и петь: веселого Рождества!»

Полярник проводит сочельник в гостиничном номере, наедине со своими мечтами: «Спасибо тебе, спасибо, милая женушка, за рождественский подарок. Очень полезный шарф! Но я припрячу его до нашей встречи. Здесь в этих ярких цветах ходить негоже!»

В своих воспоминаниях «За горизонтом» Линкольн Элсуорт пишет об этом времени как об «ужасной зиме»: он конфликтует со старым больным отцом, который очень быстро пожалел, что согласился поддержать гибельный перелет к Северному полюсу.

Старший Элсуорт отчаянно старается вырвать сына из лап полярника. «Господи, опять невезение, — записывает Амундсен в дневнике 26 декабря. — Я был совершенно уверен, что Элсуорт на моей стороне, и вдруг сегодня он заявляет, что выйдет из игры, если я не сумею обеспечить третий аэроплан. Да-а, хорошенькое дело. И в чем же причина? Он вдруг до смерти перепугался — наверно, кто-то сказал ему, что это будет поопаснее прогулки на Пятой авеню, вот он и ищет способ выйти из игры. Сколько же на свете *настоящих мужчин*! Может статься, старик Э. теперь оспорит мое право на самолет. Посмотрим! Предложить мне, милая Кисс, особо нечего, но мужества у меня пока что хватает».

Уже на следующий день полярнику становится ясно, что он неправильно понял Элсуорта, который явно

пытается хоть в чем-нибудь пойти навстречу отцу, не ставя под удар основы экспедиции: «Нынче с Элсуортом все прошло благополучно. Я совершенно неправильно понял его вчера и беру все свои слова обратно. Для него в этом перелете вся жизнь». Сын миллионера вручает полярнику свою судьбу.

Как бы то ни было, к Новому году удастся достичь определенного компромисса. Видимо, свою роль сыграли здесь и Элсуорт-старший, и Общество воздухоплавания. Поскольку очень скоро выясняется, что достать средства на третий самолет невозможно, Амундсен и Элсуорт отказываются от изначального плана лететь на Аляску и соглашаются рассматривать свое предприятие как рекогносцировку для «будущего трансполярного перелета». В своих мемуарах Элсуорт пишет, что они с Амундсеном, невзирая на все свои клятвы, втайне решили «лететь до Аляски, если все пойдет хорошо».

Совокупные издержки на осуществление воздушной экспедиции далеко превысят сумму, которую мог обеспечить Элсуорт. Полярник рассчитывал, что его норвежские компаньоны сумеют собрать недостающие деньги. В связи с этим имения на Бунне-фьорде снова привлекаются к финансированию.

Пока друг был в отъезде, Херман Гаде обратился к дону Педро Кристоферсену с предложением сообща реализовать план покупки по настоящей цене — вдвое выше той, какую полярник назначал перед банкротством, то есть за 40-50 тысяч крон. Старый магнат, разумеется, готов сделать такой дружеский жест, чтобы выручить друга из беды. В итоге недостающая сумма скоро начисляется на амундсеновский счет у адвоката Нансена и ждет распоряжений.

Норвежское общество воздухоплавания незамедлительно предлагает вложить эти деньги в

экспедицию. Руал Амундсен соглашается — скрепя сердце — направить запрос двум своим спонсорам. Однако ж Гаде чует недоброе. Он не только отклоняет запрос, но и поручает адвокату Нансену, «если проблема приобретет актуальность, купить дома от *моего имени*». Так было нужно, чтобы защитить полярника от него самого и от других.

Тем не менее вопрос с правом собственности на два дома отнюдь не разрешен, хотя деньги на покупку есть и их вполне достаточно. Конкурсный управляющий готов позволить Руалу Амундсену выкупить имущества через его друзей Гаде и дона Педро, но главный кредитор, Леон, категорически против. Он по-прежнему считает эту недвижимость своей и решает обратиться в суд. Как для Руала, так и для Леона речь идет уже не о двух шале, а об отстаивании своих прав.

В отсутствие полярника за Ураниенборгом присматривает Густав, тогда как Леон постоянно живет в Рёдстене. «Последний раз, сойдя на Болерудской пристани, — пишет Ежик полярнику, — я встретил Леона. Я воспользовался случаем, подошел и спокойно высказал ему все, что у меня на сердце. Могу только сказать, выглядел он жалким и несчастным».

У Леона тоже было что высказать Густаву, но все это его адвокат излагает в письме окружному судье: «Означенные места и раньше, и теперь усиленно используются контрабандистами, например, бухта возле Ураниенборга в отсутствие г-на Руала Амундсена использовалась как перевалочный пункт для спиртного и проч. Сейчас г-н Руал Амундсен в отъезде, и г-н Леон Амундсен, заметив на фьорде изрядное оживление, справедливо опасается, что данная территория, возможно, опять используется контрабандистами».

Кстати говоря, в рождественские дни полярник получил от своего богатого нового друга предложение касательно постоянного места жительства. Линкольн

Элсуорт готов предоставить ему средневековый замок Ленцбург в Швейцарии, где он сможет в тишине и покое провести остаток дней. Согласно дневнику, Амундсен назвал в ответ другую альтернативу: «Погодите, вот побываете в Лондоне, тогда увидите, где я проведу остаток жизни!!!»

Именно сейчас, через шесть лет после старта экспедиции «Мод», Руал Амундсен как никогда твердо уверен, что совсем скоро он и Кисс будут вместе. Новогодний вечер тоже посвящен ей: «12 лет! Печаль, радость, веселье, боль — все это мы испытали лишь затем, чтобы год от года постройка наша становилась все роскошнее и прочнее. Да, благодаря тебе, прекраснейшая из женщин, мы преуспели. Нет слов, чтобы передать, скольким я обязан тебе. Благодарность — единственное, что я могу предложить тебе сейчас. А позднее, надеюсь, жизнь в самой нежной любви. Ты знаешь, милая женушка, я с тобой, ты ведь чувствуешь это все время, каждую секунду?»

Прямо-таки торжественная речь после двенадцати лет, прожитых под одной крышей. На самом же деле он ни на шаг не приблизился к семейному счастью. Но за минувшие годы рухнуло так много иных построек, вот почему эта необходима ему как никогда.

На следующее утро, первое утро 1925 года, он просыпается — в мыслях — рядом с ней: «Доброе утро, поцелуй и самого тебе счастливого нового года. Чувствуешь на лбу мой поцелуй? На глазах? На щеках? На губах? На груди? Нет, тут мне лучше умолкнуть. Кстати, хорошее начало для первого дня года!»

5 января 1925 года полярник выезжает в новое турне, с диапроектором. Как и ожидалось, лекции вызывают интерес, за время разъездов по Америке Амундсен может отослать на родину, в «пасть льва», 27 тысяч крон. И все же в ходе этого последнего турне его одолевает растущая тревога. Экспедиция под

контролем, конкурсное производство идет своим чередом; неуверенность гнездится много глубже. Он чувствует, что Кисс ускользает от него. «Где же ты?» — спрашивает он уже через неделю после Нового года. Полярник должен знать обо всех ее передвижениях. Должен быть рядом, где бы она ни находилась.

За считанные недели роскошная и прочная постройка их взаимоотношений начала шататься. Ему кажется, что письма приходят реже; он подозревает ее в переписке с другим мужчиной. После вечерней лекции 18 января пишет: «Не знаю, со мной ли ты еще. Ради Бога, развеяй сомнения, которые вновь терзают меня. Прости». Последнее ее письмо датировано 26 декабря — никакой весточки к Новому году.

В Бостоне он останавливается у Горация, младшего брата Хермана Гаде. Там и получает телеграмму: Кисс хворала. «Господи, что с тобой было? Срочно напиши. Дай-то Бог, чтобы ты уже поправилась». Турне продолжается, он в растерянности. «Быть может, твоего письма мне будет достаточно, а быть может, и нет». Через три дня, 23-го: «Доброе самочувствие покинуло меня. Опора под ногами, казавшаяся такой прочной, шатается». Его обуревают ревность — к бизнесмену-канадцу, другу семьи: «Мысль о Кэмпбелле нейдет у меня из головы. Ты чуть было не вступила в переписку с одним мужчиной, 10 лет назад». Мысленно полярник все время возвращается в годы окопной войны.

27 января он опять в Нью-Йорке. Любовных писем в гостинице нет. Вдобавок в городе разыгралась метель: «Пятая авеню превратилась в узенькую тропинку. Здорово!»

Вместо желанных писем от Кисс приходит неотвратимое письмо от старшего Элсуорта. Тот совсем ослаб здоровьем и надиктовал текст доверенному сотруднику, но подписал собственноручно: Джеймс У.

Элсуорт. Старый делец заявляет, что Руал Амундсен неоднократно нарушил соглашение о финансировании, заключенное ими на ферме Элсуорта в Огайо. Полярников способ решать деловые вопросы привел к тому, что старший Элсуорт полностью потерял доверие к практическому осуществлению экспедиции. Старик пишет, что эти огорчения успели вконец подкосить его здоровье. Он уверен, что сын погибнет во время перелета, а поскольку решение лететь остается в силе, сам он тоже не «переживет этого испытания». В последний раз сломленный отец пытается спасти жизнь единственного сына. Аргументы логичны, однако бесплодны. Линкольн Элсуорт вручил свою жизнь Руалу Амундсену.

Еще несколько дней ланчей, обедов и докладов — и вот 3 февраля 1925 года полярник поднимается на борт судна, которое доставит его обратно в Европу. Перед отъездом он наконец-то получает письмо. «Я тебя не понимаю. Ты спрашиваешь, на каком пароходе я возвращаюсь, а ведь я точно помню, что сообщал тебе об этом в 5 разных письмах».

Давным-давно было ясно, что вернуться полярник рассчитывал через Лондон. Мысль об отъезде на Аляску была отложена в тот самый миг, когда на столе появились элсуортовские доллары. Судя по всему, г-жа Беннетт не видела причин подогреть в полярном путешественнике желание приехать в столицу Британской империи. Кисс ободряла его на пути в Америку, но чем ближе он был к Европе, тем сдержаннее она становилась. *Его* богиня жила в Лондоне, а вот герою ее мечтаний следовало обретаться в хижине на берегу далекой, суровой Аляски.

Едва полярник поднимается на борт американского парохода, как ему передают приглашение капитана во время корабельных трапез сидеть за его столом, по

правую руку от него. «На английском пароходе об этом и речи бы не было». В целом на сей раз он чувствовал себя в Америке необычайно популярным. «Когда я вчера вошел в каюту, на столе стояла громадная ваза с изумительными розами». И ей, Кисс, не стоит быть слишком уж уверенной: «Если мужчины "помешаны" на тебе, то и вокруг твоего друга, между прочим, увиваются кой-какие девицы. Доброй ночи».

Глава 36

ТЫ ВСЮДУ НА СВЕТЕ ЛЮБИМ

В детстве, начитавшись Жюль Верна, Руал Амундсен мечтал построить электрический корабль, который легко и просто доставит его через льды к полюсам. Без малого полвека спустя, когда капитан современного пассажирского лайнера приглашает его на мостик, он просто диву дается, как далеко шагнул технический прогресс. «Вправду стоило посмотреть, — записано в дневнике. — Самое удивительное, что никого не было у штурвала! Судном управляет электричество, согласно заданной настройке. Так странно!»

В историю полярных перелетов Руал Амундсен входит как один из пионеров современной техники. Подлинный его вклад ограничивается сферой фантазии. В технике он не разбирается, однако умеет воплотить игру в жизнь.

Ванна с ее впечатляющими, но понятными кранами остается его любимым устройством и на трансатлантическом лайнере: «Поверь, ванна у меня изумительная. Стало быть, я могу выбирать, в какой воде купаться — в морской или в пресной». Полярнику нравится распорядиться своими купаниями, но не трапезами: «Никаких сигналов к трапезам, каждый ест, когда хочет. Мне это все же не по душе».

Изо дня в день Руал Амундсен по четыре с половиной часа проводит на прогулочной палубе. Чтобы пешком пересечь Атлантику, нужен не один штабель экзотической древесины. Г-н Беннетт, например, нажил состояние на импорте тика^[135] с Дальнего Востока. Блики лакированной палубы слепят полярнику глаза. 10 февраля 1925 года: «Тысячу раз желаю счастья, милая моя красавица. Будь я нынче с тобой, я бы сказал тебе

все, что имею в виду. Ты, наверно, получила мою телегр.?» Он думал послать ей на день рождения цветы, но не знал, понравится ли ей это. «Вдобавок ты и без того получишь сегодня уйму цветов — поди, и из Канады тоже!»

Через два дня полярник уже устраивается в лондонской гостинице. У Беннеттов в Ли-Корте дом полон норвежских гостей. Полярник, который во время плавания вел себя высоконравственно, по прибытии в столицу ударяется в загул. Бог весть, как его занесло в скверную компанию. «Хозяин оказался настоящим свинтусом». И какие же там, собственно, были женщины? На следующий день он признается послу Фугту: «Он сказал, мне незачем опасаться, что кто-то нас видел, внешне-то дамочки были в полном порядке. Хотя бы это утешает. Было бы чертовски скверно, если б кто-нибудь увидел меня в обществе сомнительных женщин. Только этого недоставало. Да, хороший мне урок». К счастью, на другой день звонит Кисс: «В 5.30 услышал твой милый голос и теперь чувствую себя хорошо».

Весь следующий день он ждет нового звонка, «но, разумеется, ты вряд ли сумеешь позвонить, когда в доме столько народу». Ожидание и вправду тщетно. В девять часов полярник ложится спать.

Затем — драматические депеши из Ли-Корта: «Поверь, я был просто в шоке, услышав, что ты слегла. Ну не чертовщина ли, что болезнь и прочие гадости настигают тебя всякий раз, как мы встречаемся?» Для полярника такая игра слишком уж замысловата. Он не понимает, что для женщины «болезнь» подчас самый удобный способ держать мужчину на расстоянии телефонного звонка. «Господи Боже мой, как, однако ж, замечательно хотя бы слышать по телефону твой чудесный голос. Надеюсь, скоро мы наладим связь Осло — Лондон, так что очень долгих перерывов не будет».

В конце концов Богиня счастья соизволяет принять покорителя Южного полюса. Дневник от 17 февраля: «Так замечательно было погостить нынче у тебя. Видела бы ты мою походку и осанку, когда я после шагал по улице. Ведь я снова почувствовал себя мужчиной. Та жизнь, какую я веду, часто заставляет меня смотреть на себя самого как на эдакого евнуха, из тех, что не находят применения своим силам. Омерзительное ощущение, которое зачастую действует крайне угнетающе. Не знаю, понимаешь ли ты меня, но, наверно, понимаешь. Да, видит Бог, как я мечтаю о том дне, когда я по-настоящему стану мужчиной, а ты — женщиной».

Состояние здоровья Богини стабилизировалось; «начинаю чувствовать, что моя женушка опять со мной, как прежде». Еще день-другой полярник проводит вблизи любимой и даже после веселой вечеринки в «Карлтоне» смотрит на всех соперников свысока: «Что ж, милая женушка, ты можешь говорить и делать что угодно, я буду любить тебя так же сильно, ибо теперь знаю то, чего раньше никогда не знал наверняка, — ты всегда, всегда будешь моей. Это чувство для меня прекрасный стимул и непременно доведет меня до цели».

На этом чувстве он может долететь до Северного полюса, а то и до Аляски.

21 февраля — день расставания. Богиня счастья в красном платье. Он испытывает «адские муки», когда поезд отходит от перрона: «Мне казалось, я потерял все на свете». В течение нескольких месяцев он — на театре своих фантазий — завоевал ее, потерял и завоевал снова. Возможно, женщину в красном он видел в последний раз, продолжая путь к цели, которая, вероятно, будет равнозначна смерти: «Вся моя жизнь — это ты».

Руал Амундсен воспринимает Кисс Беннетт почти как магнитный полюс — как могучую силу, пребывающую в постоянном движении. Но фактически она больше похожа на полюс географический, ибо прочно и географически незыблемо обосновалась в Ли-Корте. Колеблется он сам — меж высотами уверенности и глубокими низинами ревности.

В Марина-ди-Пиза Начальник встречается со своим замом, Ялмаром Рисер-Ларсеном. Вместе они инспектируют гидропланы, уже полностью готовые. Лейтенант представляет профессионализм, полярник — фантазию.

25 февраля они поездом выезжают на север. Самолеты на этот раз повезут морем. Единственная надежная гарантия — пароход и паровоз. «Путешествовать с Рисер-Ларсеном очень приятно. Тихий, спокойный человек. При росте 6 футов 4 дюйма он возвышается над всеми, итальянцы глядят на него с изумлением».

Тридцать часов в поезде — и в ночь на 28 февраля норвежцы прибывают в Берлин. Этот день станет переломным в истории веймарской Германии. Умирает первый президент республики, социал-демократ Фридрих Эберт: «Погода прекрасная — по случаю кончины президента весь город увешан флагами, но приспущенными».

Оба улаживают еще кой-какие дела, после чего лейтенант отправляется дальше, в Киль. Полярник обедает с норвежским послом и вообще держится спокойно. Живет он в отеле «Кайзерхоф», который скоро так полюбит Адольфу Гитлеру. «Солидный, красивый угловой номер, выходящий окнами на Вильгельмплац и на живописный бассейн. Если б ты была здесь, со мной. Скучаю по тебе пуще прежнего. Особенно когда остаюсь совсем один».

Следующая встреча с Рисер-Ларсеном — в Копенгагене. Там их обоих приглашает поразвлечься в городе норвежский судовладелец Ивар Кристенсен. Тот самый «свинтус», что неделю-другую назад в «Савое» заманил полярника в компанию сомнительных дамочек. Наученный горьким опытом, Руал Амундсен на этот раз отказывается идти в ночной клуб, и судовладелец насмешливо замечает, что он, верно, не слишком любит женщин. «Угадали, — решительно отвечает национальный герой, — я люблю только одну, и чертовски сильно».

В полдень 4 ноября 1925 года международный экспресс делает короткую остановку в Колботне, юго-восточнее норвежской столицы, которая с Нового года, по общенародному решению, вернула себе исконное название — Осло. Вокруг по-прежнему снег. Трое встречающих, конные сани. Это капитан Густав Амундсен, а с ним местный лавочник и какой-то журналист, почуявший, что пахнет жареным. В Колботне полярник незаметно сходит с поезда: «Р.-Л. доехал до Осло, где угодил в лапы целой орды репортеров и фотографов».

Увы, писем нет, кроме одного старого, пересланного из Нью-Йорка. «Ты упомянула про сон. Что это было? Ты уж постарайся верить не в сны, а в меня». Он пытается завязать контакт, «беспроволочный телеграф» у него «работает на полную мощность», однако где-то в глубине уже свербит тревога: «Наверно, мой отъезд будет облегчением? Одной докукой меньше».

В Ураниенборге полярнику поневоле приходится заниматься всякими-разными делами — «постоянные хлопоты с конкурсом». Право собственности по-прежнему вопрос спорный. Леон несколько раз безуспешно пробует установить контакт с братом, сперва через своего адвоката, потом непосредственно.

До сих пор существует опасность, что в ходе разбирательства может быть упомянуто имя Кисс Беннегг. В этом пункте полярник особенно щепетилен. От переговоров с противной стороной он отказывается, но вполне готов прибегнуть к другим способам: «Если они впутают твоё имя, пускай пеняют на себя. Я ни перед чем не остановлюсь. Получат по первое число».

9 марта Руал Амундсен встречается в столице со своими партнерами из Норвежского общества воздухоплавания. Председательствует там д-р Ролф Томмессен, человек весьма оборотистый, владелец и главный редактор газеты «Тиденс тейн», самой современной в стране и во многом задающей тон. В тот год, когда Блерио перелетел через Ла-Манш^[136], Томмессен защитил докторскую диссертацию на тему «Художник в греческом искусстве». Позднее у него обнаружится слабость к научно-фантастическому театру авиации, соединенная с ностальгическим преклонением перед эпохой древненорвежского величия. Хотя впоследствии главный редактор некоторое время заседал в стортинге, он куда больше верил в сильных, энергичных мужчин, нежели в бледных вассалов парламентаризма. Сотрудничая с Руалом Амундсеном, д-р Томмессен в полной мере узнает, что и у сильных мужчин есть свои слабые стороны.

Главного редактора избирают коммерческим руководителем общества, которое будет нести ответственность за полярный перелет; дела экспедиции ни в коем случае нельзя путать с руинированными личными финансами полярника. При наличии такой поддержки, какую представляет собой элсуортовский капитал, позиция Руала Амундсена как бесспорного Начальника экспедиции превышает всех возражений. Главные административные посты займут майор Юхан

Сверре и норвежский представитель Международного олимпийского комитета, юрист Арнольд Рестада, недавно вышедший в отставку после недолгого пребывания на посту министра иностранных дел Норвегии. Он тоже ярко выраженный националист, с особым пристрастием к арктическому империализму.

Когда после этих многообещающих переговоров Руал Амундсен возвращается в Свартсуг, его наконец-то ждет «чудесное» письмо из Лондона. А на другой день, 11 марта, телеграф сообщает, что судно с самолетами вышло из Пизы. Экспедиция начинается. После нескольких дней, полных растущей тревоги, полярник снова ощущает неразрывное «единение» со своей лондонской богиней: «Мне необходимо знать, что я любим единственным существом, которым дорожу на этом свете».

Кисс Беннетт, видимо, обладала недюжинными способностями к сверхчувственным феноменам вроде телепатии и прочих явлений на пределе логики. Овладевая новейшими достижениями техники, Руал Амундсен мог потягаться с нею на этом поприще. Раз в этом мире суда обходятся без рулевого, а телеграммы — без проводов, то почему бы и мыслям двух неразлучных людей не лететь по воздуху друг к другу? «Ты чувствуешь меня? Кисс, Кисс, Кисс — это наши радиопозывные, понимаешь? — я люблю тебя всей душой!»

В это время перед отъездом в ледяную пустыню полярник общается прежде всего со своими драгоценными летчиками и их женами, а еще с семейством Густава и с Маусами, Гудрун и Робертом. Вдобавок его навещают желанные гости — сыновья Кисс Беннетт, Альфред и Пито, которые этой зимой проходят практику в конторах лесоторговой фирмы «Вестюэ Эгеберг» из Осло. 21 марта молодые люди — им около двадцати лет — поездом приезжают в

Колботн, чтобы провести последнюю неделю вместе с полярником. В Ураниенборге они не впервые, однако характер дружбы между их обожаемой молодой матерью и знаменитым на весь мир путешественником остается от них скрыт. Он мастер заметать следы. «Когда мы сюда приехали, на моем столе лежала толстая стопка писем. "О, это моя почта!" — сказал Пито. Но я углядел фиолетовый конверт и мигом — фокус-покус! — извлек его оттуда. Еще бы чуть-чуть — и он бы его увидел. Спасибо тебе от всего сердца, друг мой. Сейчас твои отпрыски легли спать, а я сижу здесь и пишу их маме».

О трудах заместителя ярко свидетельствует то, что в последние дни перед выездом на север Начальник может посвятить себя гостям и таким домашним занятиям, как пилка дров и ремонт бани, прогулки и метание колец. «Твои сыновья впрямь похожи друг на друга, — удовлетворенно записывает он в дневнике. — Оба прямо-таки обожают сыры — козий и острый норвежский. Да, друг мой, приятно иметь таких гостей. Аппетит у них отменный, и они с благодарностью съедают все, что ни подай. Ты в самом деле имеешь полное право гордиться своими мальчиками, они наверняка станут замечательными людьми».

24 марта норвежский стортинг ассигнует 25 тысяч крон, чтобы предоставить в распоряжение Руала Амундсена военный транспорт «Фарм». На сей раз не обошлось без дебатов. 87 депутатов проголосовали за, 54 — против этой крайне скромной государственной поддержки полярного перелета. «Необходимо связать имя Норвегии с арктическими территориями»^[131], — заявил от имени правительства премьер-министр Мувинкель.

«Нынче выехали 4 первых, — записывает полярник 26 марта. — На вокзале царило шумное ликование. А я

кумекаю, как обхитрить их во вторник!» Во вторник он сам отправится поездом на север — с фальшивой бородой или в темных очках?

В ночь на понедельник, 30 марта, в Осло прибывает на «Оскаре И» Линкольн Элсуорт. Только один день невозмутимый миллионер наслаждается гостеприимством норвежца в Свартскуге. Вместе с Альфредом и Пито руководители экспедиции совершают прогулку по весеннему лесу. Кроме того, Руал Амундсен собирает чемоданы и делает «последний шаг». Читая эту дневниковую запись, невольно думаешь о завещании. Окончательный текст завещания он составит позже, в Тромсё. Первый вариант — в пользу братьев, Густава и Тонни. Затем эти безответственные лица были вычеркнуты и заменены «моей невесткой г-жой Малфред Амундсен».

В это время все имущество Руала Амундсена находилось в руках конкурсного управляющего; тем не менее следует обратить внимание, что своей единственной наследницей он назначает невестку. Не в пример мужу Малфред Амундсен была очень цельной личностью и пользовалась уважением всех окружающих, в том числе и своего прославленного деверя. Вдобавок она поддерживала дружеские отношения и с Кисс, и с ее сестрой Гудрун Маус. На случай возможного исчезновения полярнику было важно знать, что его личные вещи попадут в надежные руки.

Вечер накануне отъезда Амундсен и Элсуорт проводят в «Гранд-отеле», где Общество воздухоплавания устраивает в их честь торжественный прием. В зале «Рококо» собрались официальные лица во главе со старым великаном-полярником Отто Свердрупом. «В углублении посередине большого прямоугольного банкетного стола высился глобус с полярной шапкой из ваты, а по сторонам его — два

аэроплана, готовые к старту». Согласно сообщениям газет, арктических путешественников чествовали цветистыми речами. Руал Амундсен поблагодарил за праздник, произнеся тост за двух присутствующих дам — г-жу Томмессен и г-жу Рестада.

В день отъезда Амундсен и Элсуорт обедают на Мунке-дамсвейен, в скромной квартире Густава и Малфред. Кроме них, присутствуют лишь ближайшие родственники: Густав-младший (Гого), его жена Аслёуг, Альфред и Пито. Затем прощание на Восточном вокзале. Полярник отказался от мысли «обхитрить» общественность. Провожающих много, в том числе один американец-репортер, представляющий шесть десятков американских газет. В петлицах у Амундсена и Элсуорта — гвоздики. Словно жених и шафер, они машут на прощание из открытого окна вагона. Дневник от 31 марта: «Отправился в дорогу в 6.50 пополудни. На вокзале масса народу. У самого края платформы стояли А. и П., М. и Г., Аслёуг и Гого, махали нам вслед. Мне казалось, среди них я видел тебя». Полярник счастлив — он в центре всеобщего внимания и в полной гармонии с самим собой. «Мы катим на север, скоро все начнется всерьез. Я рад, чувствую, что ты рядом. Так и будет».

Наутро руководителей экспедиции встречает в Тронхейме Трюгве Гудде. Дома у адвоката подают завтрак. Разговор идет по-английски — о полярном перелете и по-норвежски — о банкротстве. Пока Амундсен находился в Америке, брат Кисс Беннетг провел в Осло переговоры с адвокатами Нансеном и Руде. Теперь он может лично доложить полярнику о результатах.

Вместе с молодой женой и маленькой дочкой Гудде провожает суровых гостей к пристани, где они садятся на пароход скорого каботажного сообщения, следующий на север. Перед отплытием —

торжественные проводы со студенческим хором и речами. Полярник примечает множество шапок с кисточками. Кроме того, записывает, что в Тронхейме подчистую распроданы почтовые марки, выпущенные специально к началу полярной экспедиции. Четырнадцать тысяч марок с белым медведем и аэропланом — по рисунку Пера Крога^[137] — были раскуплены буквально за час. Родной город Кисс Беннетт, ликуя, прощается с великим сыном Норвегии.

4 апреля Амундсен и Элсуорт поселяются в Тромсё у аптекаря Цапфе. «Эле. даже не представлял себе, что на свете есть такие приятные, гостеприимные люди». Пока американец ходит по магазинам, норвежец по телефону выясняет, как обстоит с экспедицией.

Главные силы находятся значительно южнее, в Нарвике. Здесь экспедиция вступила в первую критическую фазу — аэропланы перегружают с одного судна на другое. Они упакованы в шесть огромных ящиков плюс еще двадцать одно багажное место — инструмент и запчасти. Не слишком вместительная полярная шхуна «Хобби»^[138] доставит драгоценный груз дальше на север. Установленные на палубе огромные тяжелые ящики ставят под угрозу устойчивость судна, приходится ждать, когда экспедиционные метеорологи дадут добро на выход в море. Рискованнее может быть только сам перелет.

Лишь 8 апреля «Хобби» входит в тромсейскую гавань. Вечером опять праздник, с речами и мужским хором. Погодные условия вполне благоприятны. В пять утра 9 апреля 1925 года суда выходят в море — военный транспорт «Фарм» с пушкой на носу и «Хобби», низко осевшая под грузом механических птиц экспедиции. Ничто пока не напоминает о перелете.

Экипаж укомплектован совсем иначе, нежели прежние амундсеновские экспедиции на яхте «Йоа», на «Фраме» и «Мод». В его составе четыре важные группы: пилоты, механики, метеорологи и представители прессы. В остальном компания весьма пестрая — от директора «Дорнье-Валь» Шульте-Фролинде до такелажного мастера Рённе^[139]. Этот ревматик, дезертировавший с «Мод», приполз на карачках и был прощен. Как специалист он попросту незаменим. Даже в 1925 году не всякую работу можно поручить механикам. Поскольку капитан Вистинг по-прежнему в ледовом плену, вместе с «Мод», Мартин Рённе — единственный из давних товарищей Амундсена в новой экспедиции.

А как насчет соперников? В воздухе, где Руал Амундсен задумал осуществить свои планы, по обыкновению кишат соперники. Все давно уяснили себе, что оптимальным средством для полета над Ледовитым океаном является дирижабль. Но только огромный. Американцы разрабатывали такие проекты. Пока не вмешался президент и не остановил все — слишком дорого, даже для великой державы. В данный момент главный соперник — британская экспедиция под началом двадцатичетырехлетнего искателя приключений, который носит исландское имя Греттир Алгарссон. Он скооперировался с несколькими старыми соратниками Шеклтона и, по слухам, строил дирижабль.

Пока Амундсен плыл на север, редактор Томмессен энергично старался выжать максимум из его конкурентов. Направил к Алгарссону корреспондента-интервьюера. В результате «Тиденс тейн» публикует целую полосу материалов о подготовке британской экспедиции и о теориях ее руководителя насчет превосходства нордической расы. Элемент соперничества очень важен, ведь он стимулирует

интерес общественности, а значит, поможет укрепить экономическую базу экспедиции. Но одновременно Томмессен обращается в норвежскую миссию в Лондоне, желая втайне получить объективную информацию о планах Алгарссона «и особенно о сроке его отбытия из Англии». Из Лондона главный редактор регулярно получает сообщения не от кого-нибудь, но от давнего амундсеновского соратника Кристиана Преструда, работающего в миссии. Фрамхеймский лейтенант считает планы британцев «довольно слабо обоснованной аферой». С другой стороны, как пишет «Тиденс тейн»: «Как знать, кому в этой игре улыбнется капризная г-жа Удача».

Всего через несколько часов «Фарм» и «Хобби» настигает непогода — сильная волна, скверная видимость. Скоро они теряют друг друга из виду. Амундсен и Элсуорт, находящиеся на борту военного транспорта, очень тревожатся о судьбе «Хобби». Выдержит ли крепеж палубного груза или аэропланы уже в морской пучине? Связи с «Хобби» нет, а 11 апреля во второй половине дня, недалеко от острова Медвежьего, «Фарм» неожиданно принимает по радио еще одну, не менее зловещую депешу.

Кисс оперировали по поводу аппендицита. Депеша подписана общим английским знакомым. Руал Амундсен тотчас телеграфирует на родину, Густаву: «Как там К.? Сообщи незамедлительно». Внезапно все оказывается под вопросом. «Хобби» с аэропланами неведомо где в снежной буре. Но разве это сейчас важно? «У меня лишь одна мольба, одно горячее желание — чтобы Господь простер Свою длань над моей девочкой и сберег ее для меня». Без Кисс никакие крылья не донесут его до полюса. Она — основа всего.

13 апреля «Фарм» вошел в бухту Кингсбей на Шпицбергене, примерно под 79° северной широты. Ни о «Хобби», ни о Кисс вестей нет. «Я пока не получил от

Густава ответа на свою телеграмму и очень тревожусь, — пишет Руал Амундсен в дневнике. — Сейчас поднимусь в радиорубку и пошлю еще одну депешу. Ты ведь знаешь, ты — все, что у меня есть. Знаешь, что я люблю тебя и обожаю. Знаешь, что жить без тебя — даже если иначе нельзя — совершенно невыносимо».

Следующим вечером Руал Амундсен, погруженный в невеселые мысли, стоит на палубе «Фарма», как вдруг к нему подходит какой-то лейтенант, протягивает бинокль. Позже полярник записывает в дневнике: «Я взял бинокль — и действительно: из льдов вышла "Хобби", большая, тяжелая, с палубным грузом. Вдох облегчения, и меня захлестнула горячая благодарность — горячая благодарность к смелым, дельным парням, горячая благодарность к Нему, чья рука действует везде и всюду». Тотчас поднимается суматоха. И крик «"Хобби" на подходе!» сменяется громовым «ура!», меж тем как шхуна скользит к ледовой кромке бухты.

Ликование продолжается всю ночь напролет. Но только 15 апреля, во второй половине дня, Начальник получает самое важное сообщение из Осло: «Телеграмма Англии. Все хорошо». В дневнике он снова благодарит Господа. «Наконец-то я могу перевести дух».

Несколько суматошных весенних недель маленький горняцкий поселок Нью-Олесунн жил под знаком полярной экспедиции. Почти как во Фрамхейме пятнадцать лет назад. Хотя их разделял целый мир, и не только буквально. Произошел скачок — от лыж и собак в моторизованную эпоху. Темп — определяющая черта новой реальности. Чтобы все подготовить, зимовки не понадобится. Еще до 2 мая аэропланы будут собраны — и можно лететь.

Каждый день Руал Амундсен ходил на станцию беспроводного телеграфа в Нью-Олесунне и сверял свои часы с сигналом точного времени парижской Эйфелевой башни. Но если часы всегда шли правильно, то сам он мало-помалу становился неподвластен времени. В нем живет тот же неугомный дух, что и в Лейфе Эрикссоне^[140], Колумбе, Васко да Гаме, адмирале ФранкLINE. Последний из великих первопроходцев, он был духовным лидером экспедиции.

В практической работе Руал Амундсен уже не являлся движущей силой, как некогда во Фрамхейме. С самых первых дней в Марина-ди-Пиза Рисер-Ларсен тесно сотрудничал с директором «Дорнье-Валь». Сообща с коллективом механиков они теперь завершали долгий технический процесс. Все зависело от конструкции аэропланов и от исполнения. Полярник понимал, что это не его стихия. Равно как и метеорология, которая назначит время старта. Даже с аэронавигацией старый лыжник был знаком плоховато.

Поскольку во время перелета он и Элсуорт будут выполнять функции штурманов-навигаторов, лейтенантам Рисер-Ларсену и Дитриксону любой ценой пришлось выделить несколько часов на обучение своих начальников. На всякий случай (вдруг самолеты потерпят крушение) американцу требовалось еще попрактиковаться в ходьбе на лыжах. Наконец-то и Начальник мог кой-чему научить.

Десять градусов мороза, дни ясные, солнце не заходит круглые сутки. Вокруг маленькой кучки деревянных домишек тянутся к небу белые ледяные зубцы. Времени у полярника хватало, и он проложил свою лыжню вокруг этого фантастического частотола, который парил где-то между шумом цивилизации и абсолютным безмолвием. «Мои мысли всегда, все время

с тобой», — бисерным почерком пишет он в черной тетрадке дневника, обращаясь к Кисс.

Пришла пора испытать двигатели. Компания «Роллс-Ройс» прислала сюда своего механика. Мировая пресса с огромным интересом следит за мельчайшими событиями. «У одного замерз карбюратор! — записывает Начальник. — Я всегда питал и питаю недоверие к моторам на морозе». Он не забыл знаменитые мотосани капитана Скотта.

В общей сложности два гидроплана были оснащены четырьмя двигателями. Это давало им четыре шанса. Инженер Андрэ, пионер полярного воздухоплавания, имел всего один шанс, заявил некогда в интервью Руал Амундсен, «его вполне могло унести сильным штормом». Один шанс — достаточная причина для одной попытки. Полярник все больше восхищается шведским инженером. Сперва он преклонялся перед Франклином — за его мученичество, потом перед Нансеном — за его мастерство, теперь перед Андрэ — за что? Всем троим не откажешь в мужестве и отваге. Но инженеру вдобавок свойствен фатализм, совершенно чуждый Нансену. Саломон Август Андрэ вовсе не искал мученичества, не искал героических страданий в борьбе за победу; он вручил себя произволу стихий, доверился Господу. Полет воздушного шара «Орел» имел и религиозный аспект. Он мог завершиться благополучно, только если бы Господь направлял инженера всемогущей дланью своих ветров.

Руал Амундсен намеревался стартовать с острова Датского, с того же места, откуда «Орел» двадцать восемь лет назад отправился в свой многообещающий полет к Северному полюсу. С тех пор его никто не видел.

В один из последних апрельских дней Руал Амундсен собирает Элсуорта и пилотов — Рисер-Ларсена и Дитриксона — на важное совещание. Происходит оно в не слишком роскошном жилище директора угольной компании, где Амундсен квартирует вместе со своим старым другом Фрицем Г. Цапфе, заведующим матчастью экспедиции. Начальник объявляет собравшимся, что не отказался от плана лететь до самой Аляски. Наоборот, он думает совершить этот перелет на одном гидроплане, тогда как второй по достижении полюса развернется и полетит обратно.

Само собой, на Аляску полетит Амундсен, а Элсуорт вернется на Шпицберген. Начальник знал, что может рассчитывать на своего прежнего старшего пилота Омдала как механика, но, кроме того, он зависит от поддержки одного из двух теперешних пилотов. Дневник: «Мое предложение встретило полный отпор со стороны Р.-Л., а частью и со стороны Д. В результате мне пришлось отказаться от этой идеи».

Свои возражения лейтенант авиации аргументировал простыми расчетами таких величин, как расстояния и запасы топлива, но, разумеется, и тем, что пересмотр целей перелета противоречит всем имеющимся договоренностям и не в последнюю очередь соглашениям с административным руководством в Обществе воздухоплавания.

Руал Амундсен замышлял новую Мадейру. Хотел еще раз преподнести миру сюрприз, обвести всех вокруг пальца. Но это оказалось невозможно как минимум по двум причинам: во-первых, фактически руководил экспедицией не он, а его заместитель, которому он был вынужден уступить. Во-вторых, он не обеспечил себе тылы. Не имел на родине Леона, готового претворить в жизнь новый план. Он пожертвовал не только оперативным и

профессиональным руководством, но и административным контролем над деятельностью экспедиции. Незаметно для себя превратился из самодержца в конституционного монарха.

Он вынужден капитулировать, правда не без риторического заявления напоследок: «Как часто я спрашиваю себя: куда подевалась отвага молодежи? Если у них нет абсолютно надежного плана, они тотчас идут на попятную. Конечно, до поры до времени мне придется уступить — один я лететь не могу. Однако ж когда мы вернемся с полюса, я опять поставлю этот вопрос. Если они и тогда не согласятся, телеграфирую в Общество воздухоплавания».

В этих строчках сквозит превосходство сидящего героя над людьми завтрашнего дня. Это больше чем надменная поза. Ему наверняка вспомнилась «Бельгика», когда он сам, двадцатипятилетний старпом, не задумываясь, с готовностью последовал за командиром корабля в неведомую антарктическую зиму. Он еще не шагнул в эпоху аэропланов, где последствия дерзости приобрели куда более серьезный характер. Как всегда, полярник заканчивает эту вечернюю запись приветом Кисс: «Благослови тебя Господь, девочка моя. Доброй ночи. Куда подевались мужчины?»

2 мая, в тот день, когда самолеты должны быть готовы к старту, полярник, обращаясь к лондонской подруге, как бы подводит внутренний итог: «Ты ведь понимаешь меня, понимаешь, как мне плохо. Пройдет ли это когда-нибудь? Сперва слетаю на полюс и обратно, а там будет видно. Одно очень меня утешает и позволяет забыть обо всем прочем: ты здорова! Милая Кисс, ты знаешь, я всем сердцем люблю тебя, знаешь, что работаю я лишь ради одного — чтобы добиться тебя! Помоги тебе (и мне) Господь».

Для Руала Амундсена было бы вполне естественно дать самолетам давние имена — «Кристина» и «Элизабет». Однако, по-видимому, экспедиция привлекала слишком большое внимание и о церемонии «крещения» на Шпицбергене наверняка узнает весь мир. Поэтому для общественности самолеты остаются безымянными. Довольствуются заводскими регистрационными номерами — N-24 и N-25. Только в душе полярник давным-давно наделил их именами.

3 мая Начальник отмечает, что получена телеграмма от премьер-министра Мувинкеля, которой правительство уполномочивает его от имени Его величества короля Норвегии принять во владение новые земли ^[141]. Но ждал он не этой депеши: «Получи я хоть самый коротенький телегр. привет от тебя, все было бы в наилучшем порядке!»

Через два дня «Фарм» и «Хобби» отправляются на север, чтобы подыскать на острове Датском подходящее место для старта. По-прежнему холодно и по-прежнему проблемы с моторами. «Думаю, эти трудности полезны, — резюмирует Начальник. — Можно многому научиться». Совершая ежедневные лыжные прогулки по льду бухты, он наткнулся на тюлениху с новорожденным детенышем. И пока механики и пилоты ковыряются с техникой, в одиночку или вместе с Элсуортом регулярно ходит взглянуть на белька — скоро ли тот сможет плавать.

Начинают поступать прощальные депеши, официальные и частные, от Гаде, от Густава, который взял себе псевдоним Хьельсен, даже от молодежи — Альфреда и Пито. Готовят к отправке последнюю почту на юг. «Написал тебе, как обычно. Мечтаю о почте с юга. Есть ли там словечко от тебя? Увы, нет. Ты совсем меня забыла?»

Суда возвращаются с давней базы Андрэ в бухте Вирго, результаты рекогносцировки неутешительны. На острове Датском условия для старта отсутствуют. Значит, надо стартовать из Кингсбея. Температура воздуха мало-помалу повышается, и моторы работают как часы. Теперь дело за метеорологами, которые определяют исторический момент, учитывая условия видимости, направления ветра и температуру воздуха. Начальнику остается только ждать — «это мой последний шанс». Уже пришло телеграфное сообщение, что молодой Алгарссон отказался от своей полярной авантюры. «Нам это на руку, можно обойтись без спешки».

В Норвегии многие думают, что перелет начнется 17 мая^[142]. Не знают они, как полярник ценит национальные праздники. В Нью-Олесунне устраивают «олимпийские игры» с бегом в мешках и подушечной войной на льду. 18-го синоптики сообщают, что в скором времени можно будет стартовать.

Аэропланы выводят на лед бухты, на стартовую позицию. Бензобаки залиты доверху. Проходят еще три нервных дня.

Полярник не получил той телеграммы, которой так ждал. А ведь он поддерживал связь круглые сутки: «День и ночь — непрерывно — к тебе шли мои послания, и мне кажется, беспроволочный телеграф функционировал превосходно».

Дневник от 19 мая: «Завтра в 3 часа дня наши большие птицы взлетят и возьмут курс на север. Я знаю и чувствую, что все нервничает, но в остальном дела обстоят хорошо. Мы отправляемся в полет так же спокойно, как на завтрак. Лично я испытал подъем оттого, что мы полетим. Злые языки теперь умолкнут... Я снова прощаюсь с тобой, моя самая любимая на свете.

Если пошлешь мне мысль, пусть она будет такая же, как в давние времена».

Но и в этот день старт отложили. Метеорологи не вполне уверены. «Труднее всего уговорить журналистов. Ведь они так и рвутся сообщить о нашем отлете, а мы не хотим давать никакой информации, пока не будет полной ясности со стартом». Но погода наконец налаживается.

21 мая 1925 года Руал Амундсен завершает черную тетрадь дневника: «В 3 часа взлетаем. Ну, не поминай лихом и не забывай, что твой мальчуган до последнего вздоха всей душой любил тебя. Передай привет твоим замечательным сыновьям. Я знаю, они всегда будут для тебя большой радостью!

Прощай, мой друг!

Руал».

Такими словами Руал Амундсен попрощался с Кисс Беннетт.

Было это в День Вознесения Господня.

Глава 37

В ЦАРСТВЕ СМЕРТИ

Отраженный горами тяжелый гул прокатывается над бухтой Кингсбей. Моторы работают на полную мощность, N-25 мчится по льду. 19 часов 40 минут, 21 мая 1925 года. На миг гидроплан скрывается в туче снега. И взлетает. Руал Амундсен там, на борту. Машина берет курс на Северный полюс.

Через три минуты взлетает и N-24.

Происходило нечто совершенно новое^[143]. Прежде неслыханное. Историческое событие на перекрестке между Жюлем Верном и Юрием Гагариным. Через воздух и туман, над легкими неровностями льда, на высоте около трех тысяч метров, при десяти градусах мороза, в полярный день без ночи. Что их ждет впереди?

Колумб тоже знал, что рано или поздно доплывет до земли. Амундсен знал, что по ту сторону океана находится Аляска. Но что в промежутке? Этот вопрос оставался открытым.

Как и на воздушном шаре инженера Андрэ, на борту каждого самолета экипаж из трех человек. N-25 пилотировал Ялмар Рисер-Ларсен; Начальник был штурманом-навигатором, а механиком — Карл Фойхт из компании «Дорнье-Валь». Еще в первых числах января решили, что малорослый механик будет представлять фирму в перелете. Человек весьма скромный, Фойхт был родом из Вюртемберга и, по мнению норвежских газет, «безусловно принадлежал к альпийской расе». Остановив свой выбор на Фойхте, директор Шульте-Фролинде, видимо, руководствовался тремя соображениями: Фойхт был дельным механиком, опытным лыжником и отличался легким характером.

N-24 пилотировал Лейф Дитриксон; рослый лейтенант морской авиации летал уже девять лет, всего годом меньше, чем еще более рослый Рисер-Ларсен. Функции штурмана-навигатора исполнял Линкольн Элсуорт, только что обученный Дитриксоном. Без этого американца, вернее без его отца, Руал Амундсен не находился бы сейчас в воздухе, а по-прежнему сидел бы на мели, в прямом и переносном смысле. Двенадцать с лишним лет Элсуорт мечтал об экспедиции, мечтал отыскать континент, который его земляк Пири якобы видел когда-то к северу от Гренландии, — еще не открытую Землю Кроккера^[144]. К счастью, американец был скромным человеком. На N-24 полномочиями установить флаг и взять во владение землю обладал Дитриксон. Третьим на борту был Оскар Омдал, самый молодой из всех, но в то же время работавший с Начальником дольше других. Поскольку же Омдалу уже давненько не выплачивали жалованья, он участвовал в перелете не только как механик N-24, но и как кредитор Руала Амундсена.

Самолеты были построены из сверхсовременного дюралюминия, но экипаж одет в традиционную полярную экипировку. Люди сидели на открытом воздухе, защищенные лишь низкими стеклянными щитками, штурман-навигатор впереди. Механик при необходимости мог перелезть в моторную гондолу, подвешенную над фюзеляжем в одной плоскости с крыльями. Конструкция гидропланов позволяла им садиться как на воду, так и на лед и снег.

При взлете и N-24, и N-25 были перегружены более чем на полтонны. В частности, на борту имелось полное полярное снаряжение на случай возвращения по льду: сани, лыжи и парусиновые лодки. Самолеты строились в Италии по немецким чертежам, двигатели у них были английские, а вот лыжи — норвежские. Комплектуя

снаряжение, Рисер-Ларсен отказался от шести пар лыж из заморского гикори^[145] и потребовал лыжи из норвежского ясеня. Как он писал Начальнику: «Снаряжение предпочтительно целиком норвежское». Руал Амундсен тоже отнюдь не приветствовал импорт иноземной древесины.

Примерно после восьми часов полета машины должны были находиться вблизи от полюса. N-25 решает снизиться, чтобы провести необходимую рекогносцировку. Один из открытых вопросов, возможно самый важный, заключался в том, существуют ли в полярном бассейне достаточно подходящие посадочные площадки. Самолетам требовалась открытая вода или ровный лед значительной протяженности.

Ялмар Рисер-Ларсен находит узкое разводье и идет на посадку. Удачно, хотя машина чудом избегает повреждений от торосов, громоздящихся по обе стороны разводья. Им не терпится выяснить, на какой они широте. Лишь через некоторое время точное местонахождение установлено. Это не полюс.

Они приводинились в царстве смерти.

После нескольких суток в паковых льдах Руал Амундсен поднимается на крыло N-25, подносит к глазам бинокль и видит то же самое, что видел в свой бинокль капитан Скотт у Южного полюса, — норвежский флаг.

Приводинившись в крайне узком разводье, N-25 намертво застрял между торосов. Троице мужчинам никак не сдвинуть его с места — даже великану-норвежцу, легендарному герою и немцу-механику. Как только они разобрались в ситуации, Рисер-Ларсен немедля подготовил сани. Без подкрепления сделать можно лишь одно: идти к ближайшему побережью, к

мысу Колумбия в Северной Гренландии. Провианта хватит на месяц. Вот такой срок им и отпущен. Остается единственный вопрос: где N-24?

Ответ находился среди льдов всего в нескольких километрах от них. N-24 следом за ними пошел на снижение и тоже совершил посадку. Затем экипаж определил координаты: 87°43' северной широты. До Северного полюса, стало быть, не дотянули. Увы.

Определив свое местонахождение, они тоже задали себе насущный вопрос: что случилось с N-25? Дитриксон думал, что Амундсен, возможно, снова поднялся в воздух и в одиночку полетел к полюсу. «Поступок вполне в его духе», — заметил он.

N-24 не потерял маневренности, но был поврежден — еще при старте, и один мотор вышел из строя. Вдобавок пилота поразила снежная слепота. Они сделали все, что могли, оставалось только поднять флаг.

Этот-то флаг Руал Амундсен и видит в бинокль 23 мая. Разлука была очень недолгой, однако Нансен и Юхансен, встретившись на Земле Франца-Иосифа с Джексонном, вряд ли испытали большее счастье, чем Амундсен в тот миг, когда увидел в здешней пустыне знак жизни. Лейтенанты вскоре налаживают семафорную связь, наблюдая друг за другом в бинокль. Кроме того, еще через сутки выясняется, что аэропланы вовсе не лежат неподвижно, они двигаются — и довольно быстро — навстречу друг другу. Ведь еще Фритъоф Нансен указывал, что паковый лед находится в постоянном движении. Но какое счастье, что обе группы *не удаляются друг от друга!*

Удача, старый полярник, капризная удача или холодный расчет? Спросите Руала Амундсена в то утро, и он ответит: удачи не бывает; то, что не объяснить человеческими расчетами, имеет объяснение, лежащее *за их пределами*. Это не удача, это — судьба.

Переговариваясь по семафору, обе группы решают общими силами поднять в воздух N-25. (Позднее, после тщательного осмотра, они приходят к выводу, что в нынешних обстоятельствах починить N-24 невозможно.) Хотя их разделяют всего несколько сотен метров, продвигаться вперед очень трудно. Дрейфующие льды — стихия непредсказуемая: то они многометровой высоты, то миллиметровой толщины, то прочные, как камень, то мягкие, как мох, а непреодолимые барьеры чередуются с открытыми разводьями.

26 мая, после нескольких неудачных попыток, Элсуорт, Дитриксон и Омдал отправляются в дорогу. За спиной у каждого — 40 килограммов груза, на ногах — лыжи с незастегнутыми креплениями, ведь, возможно, идти придется по очень тонкому льду. Рюкзаки были тяжелые, и на всякий случай каждый надел спасательный пояс марки «Тетис», купленный на пароходе по пути в Тромсё. Начальник и Рисер-Ларсен выходят им навстречу от N-25. Скоро они узнают, что и очень короткий пеший поход может заключать в себе не меньше волнующего драматизма, чем героическое деяние.

«Только мы подошли к кромке льда, как послышались жуткие вопли и я подумал о самом худшем, — записывает Руал Амундсен тем вечером в экспедиционном дневнике. — Они упали в воду, неужели все? Поле зрения нам закрывал торос, и мы ничего не видели. Кошмар, страшный кошмар». В тот миг вся экспедиция висела на волоске. Первым провалился Дитриксон, за ним — Омдал. Оба хватаются за край льдины, но полярное течение увлекает их прочь. Вдобавок наваливается холод. Лыжи исчезают в пучине. Одно это уже серьезно, резервных лыж нет. Правда, есть еще пара. Элсуортовская.

Осторожно, очень осторожно американец протягивает Дитриксону свою норвежскую ясеневую

лыжу. Лейтенант поспешно хватается за нее и выбирается на прочный лед. Элсуорт спешит к Омдалу, который уже едва не теряет сознание. Течение, которое некогда провело полярное судно «Фрам» через Ледовитый океан, норовит утащить безвольную жертву. Но в последнюю секунду, на грани потери сознания, обессиленный механик тоже успевает уцепиться за спасительную лыжу. Национальное дерево доказало свою крепость и в эпоху аэропланов.

Когда Линкольн Элсуорт немного погодя доставил к Начальнику его насквозь мокрых соотечественников, он знать не знал, что если и спас две человеческие жизни, то продлил их в общей сложности на пять с половиной лет. Ледяная купель под 87° северной широты должна бы стать для обоих лейтенантов предупреждением судьбы.

Наконец силы объединены. Теперь во что бы то ни стало надо поднять N-25 в воздух. Они решают урезать дневные рационы и дают себе срок до 15 июня. Если к тому времени не справятся, придется принимать новое решение — продолжать борьбу за взлет или пешком идти в Гренландию. При тех рационах, какими они располагают, вопрос на самом деле таков: где они умрут — в пути или на этом месте?

В своих мемуарах Элсуорт пишет, что за считанные дни, когда они друг друга не видели, Амундсен очень постарел. А ведь при старте со Шпицбергена «страшное ярмо» уже свалилось с его плеч. В окончательном отчете полярник упоминает, что к тому времени вполне воспрянул духом: «Погибни мы прямо там, где были, печать опасности все равно не сотрешь». Ситуация вправду была серьезная и опасная. Хоть Начальник и стряхнул с себя «глумливое презрение», которое так долго ощущал, теперь он оказался в тупике, под гнетом

моральной ответственности за людей, следовавших за ним в эту, по сути, сугубо эгоистическую авантюру.

Руал Амундсен единственный из шестерых знал ледовую стихию. Со своим тяжким опытом, накопленным в студеных пустынях, он один был способен руководить горсткой людей в таких экстремальных, далеких от нормальной жизни условиях. Небо, туман, льды — все сливалось в безвременье существования.

Начальник быстро и привычно поделил жизнь на точно отмеренные периоды — работа, отдых, еда, сон. Размечал часы так же, как рационировал сухари и пеммикан. В результате время вернулось. Вечность отступила. Отработанная рутина стала основой надежды.

Но пути из катастрофы пока нет. Будь полярник уверен в осуществимости пешего марша, он бы немедленно повел товарищей к мысу Колумбия (расстояние составляет 750 километров), где его давний помощник Годфред Хансен еще в первый год экспедиции «Мод» заложил склад. Однако Амундсен знает льды, знает, что пеший переход невозможен. Пройти 750 метров по обманчивому, непостоянному рельефу уже стоило невероятных усилий. Единственная надежда — воздух. «Как близко до дома — 7 часов полета — и как же далеко, в нынешних обстоятельствах», — записал он в дневнике.

Надеждой заведовал Рисер-Ларсен, пилот. Немногословный великан чувствовал на своих плечах груз ответственности. Фойхт ручался за самолет. Все было в порядке, дело только за взлетом. Мало иметь самолет, нужна взлетная полоса.

Задача перед ними стояла очень трудная — создать взлетную полосу, достаточно длинную и ровную, чтобы такая тяжелая машина, как N-25, с горючим и шестью людьми на борту, могла подняться в воздух. Ножи,

лыжные палки, один топор, несколько деревянных лопат — инструмент не ахти какой, но это не самая большая проблема. Они находились в дрейфующих, наслоненных льдах — среди вечного движения. Любому плану, любой постройке постоянно грозили исполинские силы природы.

29 мая руководство и экипаж в полной мере осознали опасность ситуации. И только теперь они окончательно отказываются от плана продолжить движение к полюсу. Надо лететь назад, на Шпицберген. Речь идет исключительно о выживании.

Замерив глубину по новому методу эхолотирования, они за пять секунд установили, что до ближайшей земли, то бишь до морского дна, 3750 метров.

Немец начал падать духом. Он был не готов к такой ситуации. Остальные, каждый по-своему, много лет имели отношение к планированию экспедиции или хотя бы мечтали об Арктике. Механик-вюртембержец, возможно, искал приключений, но не был ни авантюристом, ни тем более полярником. Место Карла Фойхта — шумный темный ангар, а не безмолвие под немеркнущим небом Ледовитого океана. Трусом его никак не назовешь. В годы мировой войны он летал механиком на цеппелинах над Францией и Англией. Ужасы войны знакомы ему куда лучше, чем норвежским лейтенантам и американскому инженеру. Но здесь совершенно новый, неведомый театр военных действий. Смертный холод уже оцепенил все вокруг. После дневных трудов Фойхт иной раз сидит в апатии и крошит сухари, а то и хуже — табачный рацион. Элсуорт сдерживается. Амундсен выходит из себя.

В своей книге «За горизонтом» Линкольн Элсуорт пишет, что у них у всех развивался «полярный невроз». Начальник тоже им досаждал — «пил шоколад горячим, будто так и надо». Сейчас все шестеро обретаются в фюзеляже N-25 днюют и ночуют в углах и закоулках

самолета, если, конечно, не работают снаружи. Однажды ночью всех будит крик Рисер-Ларсена. Машина в опасности — лед смерзается и может раздавить ее, как иное полярное судно. Снова и снова самолет приходится спасать. Снова и снова попытки взлететь кончаются неудачей. Апатия ширится. Работа продолжается.

Они назначили себе срок до 15 июня. Но успеют ли? Есть основания усомниться. Чудеса до сих пор случались только с Начальником.

9 июня длинноногий Рисер-Ларсен отмеряет шагами участок, который, по его мнению, можно превратить в стартовую полосу. На ее подготовку уйдет десять дней. При скудных рационах они в состоянии работать не более восьми часов в день. Начальник — виртуоз по части резки льда ножом, приделанным к лыжной палке. Зато двое крепких лейтенантов куда сноровистей раскидывают снег. И отлично знают, что отставать Начальник не любит. Возможность обогнать старика прямо-таки вдохновляет обоих.

10 июня Руал Амундсен видит гуся, летящего на северо-запад^[146]. «Может быть, это знак Земли Кроккера?» — записывает он в дневнике. Может быть, между ними и Гренландией лежит остров или даже целый континент? Может быть, там ждет чудо? В таком случае это земля без склада. Но дальше к югу можно будет поохотиться. В тот же день Дитриксон пытается подстрелить пару гусей. Увы, промах.

Дневник от 11 июня: «Сегодня в 9 утра начали расчищать снег, но в час дня уже так измучились, что не могли больше работать». А расчистить от глубокого, тяжелого снега надо ни много ни мало четыреста метров. Инструмент плохонький; силы на исходе. Неудачных попыток было не счесть. Вот тут-то Омдал и вносит важнейший вклад в героическую хронику Руала

Амундсена. Механик — человек простой, он думает подошвами: «Что, если нам хорошенько утоптать снег?»

Весь следующий день шестеро мужчин топают в снегу. К счастью, никто их не видит. Туман.

Они еще раз измеряют полосу шагами. Оказывается, она на сотню метров длиннее, чем они сперва думали. «Отличная добавка», — записывает Начальник в дневнике. Лично для него это в пересчете три года. Без этих ста метров все бы кончилось здесь — во льдах высоких северных широт. Они бы просто исчезли, точь-в-точь как Андрэ и двое его спутников на «Орле». Неплохой финал. Почти идеальный. В известном смысле.

Добавка будет не только отличной; эти сто метров в жизни каждого из шестерых окажутся разными по протяженности. Для половины из них это лишь отсрочка; Дитриксон, Омдал и сам Начальник закончат свои дни в ледовой стихии. Зато у Элсуорта и Рисер-Ларсена впереди долгие годы, полные приключений. Оба полетят в Антарктику. И вот там-то нанесут на карту новые территории. Меланхоличный механик вернется в темные ангары. Вероятно, он проживет достаточно долго, чтобы погибнуть в великой европейской катастрофе.

Лето. Температура ползет вверх, к нулю. Если она перевалит на плюсовую сторону, взлетная полоса отсыреет и станет негодной. 14 июня — две неудачные попытки стартовать. Во второй половине дня снег недостаточно прочен. Надо пробовать утром.

Наступает 15 июня. Если опять неудача, впору начинать тягостную дискуссию насчет того, как им умирать. Тогда Начальнику придется найти решение для всех.

Этой ночью Рисер-Ларсен не спит. Снова и снова вылезает наружу из самолета, где товарищи ворочаются, забывшись тревожным сном. Пилот следит

за столбиком термометра, проверяет направление ветра, беспокойно обходит ледяную стартовую полосу, производит вычисления, размечает дистанции черными обрывками засвеченной фотопленки. Все цифры должны быть в согласии: температура, протяженность полосы, число оборотов в секунду, количество топлива, вес, который надо поднять в воздух. Карта у них одна-единственная. И на нее будет поставлено все. Снаряжение, провиант, оружие, лыжи, лодки — все нужно бросить, чтобы машина смогла взлететь и добраться до Шпицбергена при минимальном запасе горючего. Ведь керосин — тоже килограммы веса. Для разгона — пятьсот метров.

Густой туман. Как при выходе из Йоахавна. Как при выходе из Фрамхейма. Абсолютная тишина. У этой базы имени нет. Она не от мира сего. Из самолета выглядывает только голова пилота. Остальные — внутри корпуса, как в темной братской могиле. Запускают моторы. В этот миг все зависит от Ялмара Рисер-Ларсена. К счастью, весит он уже не сто килограммов. Сделав ставку на взлет, он *должен* взлететь — если машина не врежется в торосы в конце полосы.

Он набирает скорость, гидроплан скользит хорошо. Достигает критической точки, где нужно сделать выбор — рискнуть всем, чтобы выиграть, или заглушить мотор, чтобы спасти самолет. Разгон на пределе, но у Рисер-Ларсена прекрасное чутье. Он решает рискнуть.

Дневник Начальника: «Мы со своих мест ничего не видели, только ощущали движение. Внезапно корпус задрожал, словно собираясь оторваться от земли. Наконец последний рывок — и мы поняли, что летим. Невозможно описать чувство освобождения».

Все висело на волоске: «Машина поднялась в воздух на самом краю ледяной полосы. Иначе бы никто из нас не уцелел». При взлете Омдал издает победный вопль.

Второй раз в жизни. Первый раз он вопил от смертельного страха, когда провалился в воду. Начальник пробирается к пилоту, кладет ему на колени кусочек шоколада размером со спичечный коробок. В благодарность.

Что ни говори, свершилось нечто большее, чем подвиг пилота, нечто выходящее за рамки человеческих расчетов. Полярнику и прежде случалось пережить такое в драматические, судьбоносные секунды: судно спаслось, человеческие жизни вне опасности. На сей раз время коснулось вечности. Двадцать пять суток они провели в текучей белой нереальности. Видели голову тюленя, гагарку, трех гусей — в остальном все вокруг было безжизненно. Лишь холод обладал материальностью.

Учитывая беспощадность такого существования, полярник обратился к высшей силе: «Наверно, тысячу раз за эти недели я молил Бога о помощи, и обстоятельства сложились так, что я твердо верю: Он протянул нам руку».

Глава 38

ВОСКРЕСЕНИЕ

Весь мир неотрывно смотрел на север, в море тумана. Первую неделю говорили: они скоро вернутся. Им попросту нужно несколько лишних дней для проведения научных исследований. Руал Амундсен не из тех, кто легкомыслен в работе. Как долго он пробыл на Южном полюсе?!

Через четырнадцать дней «Фарм» и «Хобби» начнут курсировать вдоль кромки паковых льдов к северу от Свалбарда. Через три недели надежда на возвращение экспедиции по воздуху улетучилась. Теперь единственным шансом был мыс Колумбия — они определенно направляются на лыжах в Гренландию. Но там никто их не встретит. Пришла пора высылать спасательную экспедицию. В Норвегии, Европе и США составляют планы. Чем меньше надежда, тем больше планов.

Миру предстояло пережить сюрприз.

Перелет из царства смерти занял восемь часов тридцать пять минут. Нестерпимое напряжение. Сажать машину нельзя и, прежде чем баки опустеют, *необходимо* добраться до земли. Жизненно важные штурманские функции выполнял Дитриксон. Уже в виду земли пришлось совершить вынужденную посадку, из-за проблем с управлением. Но внизу была открытая вода, и последние двадцать пять километров самолет одолел вплавь — при довольно сильном волнении добрался до мыса Нордкап, оконечности Северо-Восточной Земли.

Едва шестерка высадилась на сушу, как среди безлюдья затарахтел мотор промысловой шхуны «Шёлив» («Морская жизнь»). «15 июня навсегда

останется для меня праздником, днем горячей благодарности Господу, который так хорошо все для нас устроил», — пишет Руал Амундсен в дневнике, когда замкнулось последнее звено в чудесной цепочке счастливых обстоятельств.

N-25 зачалили в проливе Франклина, а «Шёлив», пожертвовав промыслом, приняла на борт бесценный груз и взяла курс на Кингсбей. «Проходя мимо бухты Вирго, мы подняли все свои флаги, и маленькая "Морская жизнь" принарядилась, — пишет полярник в окончательном отчете^[147]. — Нам хотелось почтить память человека, который впервые пытался проникнуть в области Ледовитого океана по воздуху, — Саломона Августа Андрэ. Есть ли еще кто в мире, кто мог бы почтить его память с большим правом, нежели мы шестеро, стоявшие на палубе нашего судна и смотревшие на то место, откуда он в 1897 году предпринял свой отважный полет? Я не думаю. Мы приспустили флаг и пошли дальше».

Выбрав для первой своей экспедиции Северо-Западный проход, Руал Амундсен хотел завершить предприятие, начатое идеалом его детства — сэром Джоном Франклином. Подвиг старости он посвятил инженеру Андрэ. Теперь надлежало довести до конца его одиссею. И англичанин, и швед бросили вызов судьбе. Оба они погибли. Не *смерть* ли хотел победить Руал Амундсен? Если так, то на этот раз он был очень близок к цели.

В час ночи 18 июня 1925 года невзрачная промысловая шхуна входит в бухту Кингсбей. У пристани стоят экспедиционное судно «Хобби» и военный корабль «Хеймдал», а также два рекогносцировочных гидроплана. Суда под парами, уже этой ночью они пойдут на север искать пропавших. На

набережной толпятся немногочисленные любопытные шахтеры. А от поселка к морю спускаются остававшиеся здесь члены экспедиции Руала Амундсена и офицеры «Хеймдала». Они совещались в директорском доме, обсуждали перспективы. Все последние недели на повестке дня был только один вопрос. Они долго боролись с сомнениями, пытались зажечь новые надежды. Но сейчас вера покинула их.

На носу промысловой шхуны, скользящей к берегу, стоят шестеро бородатых мужчин. Приветственно машут руками. Но никто не обращает на них внимания. Все взгляды прикованы к судам, которые выйдут на поиски, и к двум гидропланам. В Кингсбее не было самолетов, с тех пор как... Внезапно кто-то узнаёт Руала Амундсена. На берегу слышны громкие крики. Амундсен вернулся! Он воскрес.

Случилось чудо. Люди не верили своим глазам. Всем нужно было до них дотронуться. Да, это *они*. Вернулись. Но вернулись из другого мира.

Возле директорского жилья угощают сигарами. Начпрод Цапфе держал их наготове. В ящике шесть штук. Каждому по одной. И вот победители курят сигары, как Руал Амундсен и его товарищи курили их на Южном полюсе. Щелкают фотоаппараты. Но когда снимки проявляют, они совсем не похожи на те, что без малого четырнадцать лет назад сделал Улав Бьоланн; они похожи на сделанные там же, только автоматической камерой капитана Скотта. Все шестеро отмечены смертью. Наверно, так выглядели бы Роберт Скотт и его товарищи, если б *им* сопутствовала удача и они добрались до своих сигар на базе Эванс. Глаза сверкали на бородатых грязных лицах, однако лишь огоньки сигар говорили о блистательном триумфе.

Зато в доме чувства находят ярчайшее выражение. Собравшиеся члены экспедиции, морские офицеры, шахтеры и моряки вдруг запевают — не псалом,

который как будто бы напрашивается сам собой, а гимн во славу отечества. «Трудно было сдержаться», — записывает Руал Амундсен в дневнике. А потом можно и приступить к рассказам.

На этот раз Руалу Амундсену *есть* что рассказать. Танцев на льду не было, только борьба за выживание, полярная повесть в духе британских историй о бедствиях Франклина, Шеклтона и Скотта. Речь шла не о рационах и дневных переходах — не как в саге о Южном полюсе. Даже о Северном полюсе не упоминалось. (А они вообще были там?) Это от начала и до конца человеческая драма, разыгравшаяся по ту сторону крайнего предела бытия, на территории смерти. Победа заключалась не в математической точке, но в самой жизни.

Наутро в эфир уходят пять тысяч слов. 19 июня первые полосы всех газет освобождают для публикации сенсационных новостей. Скоро на радиостанцию Нью-Олесунна обрушиваются сотни депеш. И среди несчетного множества других шлют полярнику привет три женщины. Сигг из Осло:

«Ура, поздравляю». Кисс из Лондона: «Вне себя от радости». И Бесс из Нома: «Твое здоровье!»

Однако их ждет и печальная весть. Из Италии. 2 июня на флорентийской вилле Пальмьери скончался Джеймс У. Элсуорт — человек, финансировавший гидропланы. Он так и предсказывал. Цена победы уплачена. Старик Элсуорт не увидел, как его сын курит победную сигару.

25 июня экспедиция покинула Кингсбей, под звуки духового оркестра, под гром салюта, при спущенных флагах. Участники перелета и гидроплан разместились на борту большого парохода «Албр. В. Сельмер».

Второй раз за свою долгую героическую карьеру (первый был после преодоления Северо-Западного

прохода) Руал Амундсен возвращается на родину так, как надо. Триумфальное плавание вдоль берегов Норвегии пробудило воспоминания о «Фраме» и благословенном пути викингского конунга Фритьофа Нансена из Тромсё в Христианию в 1896 году. На сей раз отечество уже заранее настроилось на торжественный лад — первый премьер-министр независимой Норвегии Кристиан Микельсен только что скончался и был похоронен за два дня до прибытия участников перелета в столицу.

«Веселенькая перспектива!» — записывает Начальник в дневнике, получив с юга сообщение об ожидающем их торжественном приеме. После чествований на побережье герои прибывают в морской порт Хортен и покидают пароход. Наутро они самолетом отправятся в Осло. Первый и единственный раз Руал Амундсен возвращается домой на собственном транспорте. «Йоа» закончила свое плавание в одном из парков Сан-Франциско. (Только на столетний юбилей полярника остатки яхты перевезли в Осло.) «Фрам» вернулся в Норвегию незаметно, как бы украдкой. Неудачница «Мод» пока что не добралась до своей гавани на Аляске. Но в этот единственный раз Руал Амундсен, покоритель льдов, возвращается домой на собственном крылатом корабле, во главе своих людей.

«Наконец эта рокочущая громадина — N-25 — подлетает с юга, в сопровождении военно-морских гидропланов, — сообщает одна из газет праздничным воскресным утром 5 июля 1925 года. — Широкими кругами исполинская птица кружит над столицей. Сверху весь город, наверно, похож на море флагов и машущих платков. Неподалеку от Хука Ри-сер-Ларсен сажает машину. Потом один из пропеллеров медленно приходит в движение, и гидроплан неторопливо скользит меж вереницами судов. На палубе военных кораблей стоят в парадном строю матросы и офицеры, а

когда машина подходит к "Турденшёльдуду", оттуда и с Акерсхуса гремят 13 приветственных залпов, после чего глухим рыком отзываются орудия "Кюрасо"».

Публика в восторге и от рокота самолета, и от орудийного салюта. На следующий день адвокат Нансен в письме к своему обанкротившемуся клиенту так описывает увиденное: «Самая торжественная минута вчера настала, когда N-25 летел над городом, и мы увидели в нем людей, и пушки древнего Акерсхуса вновь грянули, приветствуя сынов отечества, как 29 лет назад они гремели в честь моего брата, и я, хоть мне уже 62 года, прослезился и, может быть, лучше, чем когда-либо прежде, понял тогда, чего стоит для Норвегии такой вот день».

На гребной шлюпке героев доставляют к Почетной пристани, где их ждет павильон славы. Во время краткого визита в Хортен трое лейтенантов, по инициативе Рисер-Ларсе-на, воспользовались случаем и сменили цивильное платье на мундиры. Тем самым частная армия полярника разом приобрела официальный характер. Простой гардеробной уловкой заместитель осуществил свой военный переворот. Похоже, Начальник не противодействовал потребности норвежца-лейтенанта выделиться. Когда годом позже тот же фокус провернет итальянский полковник, он воспримет это совершенно иначе.

После речей и патриотических песен триумфаторы — уже в конных экипажах — направляются в резиденцию Его величества, где их ожидают награды. Пятьдесят тысяч восторженных соотечественников с раннего утра на ногах, следят за торжествами, продолжающимися весь день. Между обедом в «Гранде» и ужином во Дворце полярник во время пышного праздника на острове Хуведё находит возможность приветствовать Ословскую рабочую партию. В этот незабываемый летний день Руал

Амундсен снова выступил в давней роли Фритьофа Нансена: вигингский конунг объединяет народ, охваченный национальным порывом. «Принимали нас великолепно», — деловито записывает он в дневнике.

Полярник совершенно на все это не рассчитывал. Ведь экспедиция даже не достигла цели, они только спасли свою жизнь. Восторженной встречи никто из них не ожидал. Тем не менее именно сейчас Руал Амундсен по-настоящему был у цели. Народ прижал его к своей груди; весь мир воздавал ему почести. Людям нужна не географическая точка, не поправки в атласах — им нужна пища для фантазии. Нужны приключение, подвиг, мученичество — нужен *он*, полярник.

Руал Амундсен любил театральные эффекты. Но не их сущность. Всю жизнь он пытался скрыть то, что хотела видеть публика, — человеческую драму. А как раз она и сделала Роберта Скотта подлинным триумфатором в борьбе за Южный полюс.

Южный полюс Руал Амундсен покорил довольно легко, но при встрече с Северным полюсом он вынужден признать, что его возможности небеспредельны. «Мы сделали все, что могли, — заявил он во время ужина во Дворце, — а поскольку не могли сделать больше, я сказал (и не боюсь в этом признаться): мы свое сделали, пусть остальное довершит Бог». Полярник примирился с ограниченностью человека, стал ближе к Богу.

По прибытии в Осло Руалу Амундсену вручили письмо из Лондона. Впервые после вылета к Северному полюсу он сбивается на «ты» и придает экспедиционному дневнику приватный оттенок: «Бедняжка ты, бедняжка... настрадалась. Я так по тебе скучаю. Поскорее б тебя увидеть».

Кисс не прислала на Шпицберген прощальной телеграммы. Но исчезновение героя, отодвинувшее все

на задний план, явно ее потрясло. На следующее утро она телеграфом шлет поцелуи в «Гранд-отель», где полярники бесплатно занимают половину этажа. «Спасибо за утренний поцелуй. Он был чудесный. Пришли еще. После долгого поста мучает жажда». Полярник возвращается в сферу земного.

Вечером 6 июля — бал в британском посольстве, в присутствии короля Хокона и королевы Мод. Национальный герой удостоен беседы с монархом. «Знаешь, — пишет он в дневнике, снова обращаясь к Кисс, — я думаю, именно он своими действиями привел всю страну в такой экстаз». В мире полярника за всем кто-то стоит: за чудом — Бог, за народом — король.

7 июля триумфатор наконец возвращается домой, в свартсугское конкурсное имение. «Здесь на берегу собралось человек 100 с цветами. На фьорде вокруг огромного Иванова костра десятка три разукрашенных лодок». Не прошло и девяти месяцев с тех пор, как он покинул это место позора. А теперь что ни день праздника и гулянья. Восторженные гости стучат в двери, увеселительные суда плывут мимо со спущенными флагами.

Близкие тоже собираются подле вернувшегося домой родича. Из Тронхейма приезжают в гости Трюгве Гудце с женой; из Осло к обеду — Роберт Маус. С Бюгдэ пишет старая тетка Кисс, Каро Аструд, просит заехать с визитом, ведь у нее «плохо с ногой». От самой Кисс, у которой после крайне несвоевременной болезни гостит в Ли-Корте ее сестра Гудрун, письма и телеграммы идут в Ураниенборг непрерывным потоком.

Всё само плывет к нему в руки. Только пожинай плоды. «Дорнье-Валь» предлагает построить огромный аэроплан, который сможет совершить трансполярный перелет на Аляску. «Размах крыльев будет 47 метров! — восторженно пишет он в дневнике. — Гигант — и платить мне не придется. Наверно, приму это

предложение». Полярник может взвесить все «за» и «против»; у него есть шанс набить себе цену.

20 июля он получает из Лондона телеграмму, которая наводит на размышления. «Стало быть, ты думаешь приехать через год? Хорошо бы, но ты знаешь, я не обольщаюсь надеждами на сей счет». В дневниковой записи сквозит непривычное здравомыслие, почти скептицизм. Может быть, она уже не абсолютно единственная? «Нынче здесь сплошной поток гостей — американцы и другие».

Сразу после возвращения домой Руал Амундсен стал объектом пристального внимания богатой француженки мадам Эрио, которая как раз находилась в норвежских водах на своей экстравагантной роскошной яхте. «Господи, что же она во мне видит? — спрашивает полярник в дневнике, с надлежащей скромностью. — Молодая, красивая, богатая. Вполне ведь могла бы найти кого-нибудь получше!» Тем не менее сидящий герой более чем расположен встречаться с нею и во французском посольстве, и в Свартсуге, и на борту «чудесной яхты». Пожалуй, не так уж и удивительно, если Кисс чувствует угрозу своим позициям, она-то сидит в своей сельской идиллии, далеко от центра событий.

В эти жаркие летние дни празднества следуют одно за другим: обеды и ужины в зарубежных посольствах, в «Гранде» и в королевской резиденции вперемежку с освежающими морскими купаниями. 23-го полярник шлет «родственникам» — Маусам и Гудце — извинительное письмо: приехать к ним он не смог. «*Должен был* поехать на совещание. Вернулся в 6 вечера и получил 2 твоих письма — от 17-го и от 20-го. Спасибо, девочка моя. Ты говоришь, что через год будешь готова. Что ты имеешь в виду? Приедешь сюда? Дай мне знать». Опять непривычные нотки. Она повторяет свои заманчивые посулы; он требует четких

ответов. Что-то назревает — в Ли-Корте и в Ураниенборге.

Параллельно происходят важные события, связанные с Северным полюсом. В субботу 25 июля во вселенной полярника появляется новое лицо: «Нынче в Осло приехал итальянский конструктор дирижаблей Нобиле^[148] и во второй половине дня вместе с Р.-Л. был здесь. Подробнее об этом позже». У полярника мало времени. Дирижабль пока подождет. Ровно в пять сигналил автомобиль. Прислал его барон Ведель-Ярлсберг, чтобы доставить триумфатора в усадьбу на Скёугуме. Там будет петь великая Нелли Мельба^[149], причем одно произведение исполнит специально для него. И он выберет «Home, Sweet Home»^[150]. «Пока я жив, — пишет об этом вечере хозяин дома в своих мемуарах, — я никогда не забуду дивное пение в сумерках и глубокую растроганность Амундсена».

За полчаса до полуночи он вновь в салонах конкурсного свартсугского имения. «Чудесно!» — записывает он в дневнике. И идет спать.

Наутро жара сменяется проливным дождем. Приходит письмо из Лондона, от Гудрун Маус. Больше ничего.

Во вторник 28 июля в Ураниенборге опять важные гости: «Утром приехали Нобиле, Рестада, Р.-Л. и Омдал. Обсуждался план совершить в будущем году перелет на дирижабле. Обойдется это примерно в 2 миллиона крон. Погода весь день была отличная».

Выбирая между гигантским аэропланом компании «Дорнье-Валь» и дирижаблем полковника Нобиле, Руал Амундсен отдает предпочтение последнему. Еще в апреле 1924 года он и его агент Хаммер встречались с Нобиле и совершили пробный полет на новейшем дирижабле. Кроме того, во время американского турне он обсуждал возможности перелета с немецким

экспертом по цеппелинам доктором Эккенером. Ни сам Начальник, ни его заместитель Рисер-Ларсен не сомневались, что дирижабль — оптимальный воздушный корабль для перелета Свалбард — Аляска. Казалось, лишь экономические проблемы могут остановить подобное предприятие.

Вскоре после возвращения на родину, еще до встречи с представителями «Дорнье-Валь», Амундсен телеграфировал в Италию полковнику Нобиле и пригласил его на секретные переговоры в Осло. Когда полярник довольно быстро решает отказаться от недорогого немецкого самолета в пользу итальянца, это связано, пожалуй, не столько с преимуществами дирижабля, сколько с фактором времени, которому Руал Амундсен зачастую придавал большее значение, чем финансам и надежности. Гигантский самолет еще предстояло построить, а дирижабль можно было всего лишь модифицировать. Если форсировать работы, то, как считал полярник, можно попытаться совершить перелет уже летом 1926 года. Для человека, который хотел — пока не поздно — открыть мир, годичный срок мог сыграть решающую роль.

На данный момент складывалось впечатление, что самым опасным конкурентом Амундсена станет, возможно, не кто-нибудь, но сам Фритьоф Нансен. Еще осенью 1924 года немец Брунс обнародовал планы международной экспедиции на дирижабле под руководством норвежца. Нансен тогда сказал, что твердо верит в возможности использования дирижабля для метеорологических, океанографических и географических исследований. Правда, старт мог состояться самое раннее летом 1927 года, поскольку дирижабль пока не существовал, а деловой мир занимался совсем другими вещами.

Для Руала Амундсена было бы невыносимо увидеть Фритьофа Нансена, старого лыжника и погонщика

собак, в свободном полете над Ледовитым океаном. Воздушная стихия принадлежала ему, Руалу Амундсену. Только на самолете он сумел оторваться от старого наставника и открыть в полярных исследованиях новую, свою собственную, эру. Меньше всего он хотел, чтобы его вновь накрыла исполинская тень Фритьофа Нансена. И в ту минуту, когда получил нерешительное согласие полковника Нобиле на рискованный старт в 1926 году, он более не страшился неповоротливой международной затее Нансена.

Руал Амундсен садится за новую книгу — «Полет до 88° северной широты». Пишет по две-три тысячи слов в день. В конце месяца отмечает, что написал уже «около 10 тысяч слов, а нужно 30 тысяч — стало быть, вперед...». Скоро в свартсугском писательском доме водворяется и лирик-лейтенант Рисер-Ларсен. Начальник не намерен мотыжить слова в одиночку.

В среду 5 августа он едет по делам в город. Просматривает новые диапозитивы и решает, что премьеры нового доклада может состояться в Национальном театре уже через неделю. Кроме того, полярник беседует со своим издателем и заручается обещанием экспедиционного журналиста Фредрика Рамма дополнительно написать для этой книги 15 тысяч слов. Скоро, пожалуй, закапают денежки.

Но в эту хлопотливую солнечную среду происходит кое-что еще. «Получил от К. телеграмму, в субботу она выезжает». Выезжает! Через несколько дней будет в Свартсуге. Спустя год она действительно снимается с места. Он вправду близок к цели. Остается только раскрыть объятия.

«Телеграфировал: "Обстоятельства изменились. Вынужден отсоветовать выезд. Позже напишу"». Он не хочет принять Кисс! Советует ей не приезжать. Вот это поворот! Обстоятельства *впрямь* изменились.

Что же случилось?

Два с половиной месяца минуло с тех пор, как Руал Амундсен послал Кисс Беннетт прощальный привет и взял курс на Северный полюс: «Не забывай, что твой мальчуган до последнего вздоха всей душой любил тебя». Тем временем ему дарована новая жизнь.

Первые письма он принял с радостью и благодарностью. Невзирая на пережитые эпохальные события, полярник как будто бы очень быстро освоился с колченогими формами давних отношений. Только когда она заводит речь о выезде и полном воссоединении, он проявляет сдержанность. Только когда она заказывает билеты в Норвегию, он предупреждает о разрыве.

Ведь именно это он и делает. Два года спустя в письме Нильсу Гудде Руал Амундсен проливает свет на тогдашние события. Консул Гудде, долго живший в Азии, телеграфом прислал полярнику приглашение, вероятно в Лондон, которое тот, «увы», вынужден отклонить, «потому что с нашей последней встречи, когда мы провели вместе так много незабываемых дней, обстоятельства мало-помалу менялись и носят теперь иной характер». И начинается это все телеграммой из Свартсуга.

Разумеется, более чем вероятно, что Кисс и на сей раз едва ли захотела бы вырваться из крепких брачных уз. Но полярник уже успел пережить одно чудо, и, когда богиня вправду заказывает билеты, хотя бы и для краткого визита, иллюзии приобретают опасное сходство с реальностью.

Подобное уже бывало. Например, с Сигг Кастберг. Перед отплытием к Южному полюсу он на коленях умолял ее. Через два года, когда он еще сидел в Аргентине, она выехала ему навстречу. Слишком поздно. Она не приехала, когда *он* просил ее. С тех пор он оборвал все контакты. Для него имели важность две

вещи: первой отказала *она*. И еще: он отступил ради нее. Отрекся из рыцарских побуждений.

Полярник нуждался в женщине, *прежде чем* отправиться в дорогу, она была для него движущей силой, вдохновляла его в великом испытании. В пору триумфа она лишняя. Сигг олицетворяла Южный полюс, Кисс — Северный. Долгими зимами полярник боролся за достижение своей цели. И вот подвиг свершен, он получил компенсацию. Следующим летом можно не замочив ног лететь на крыльях победы напрямик на Аляску.

Без малого тринадцать лет он играл «у нее под окном на мандолине». Когда же она делает первый шаг, собирается спуститься к нему, рыцарь бросает инструмент и мчится прочь на своем коне.

После телеграммы полярник отослал в Лондон письмо, где изложил свои резоны. Сделать такие выводы не составляло труда, ведь изначально она сама рассуждала подобным образом. Он наконец-то примирился с доводами, которые всегда служили основой ее отказов, а это узы супружества и — прежде всего — бережное отношение к сыновьям. Главное здесь — кто будет потерпевшим. В письме Нильсу Гудде он пишет: «Не стану утомлять тебя объяснениями, в чем заключаются эти перемены, скажу только, что всем сердцем о них сожалею».

Руал Амундсен не достиг Северного полюса. Но с самолета мог видеть его впереди. А посредством эхолотирования точно установил, что цель находилась на дне океана.

Вот так он покорила два своих полюса. И ради каждого из них завоевал благосклонность женщины. Но в пору победы отступал, ибо лишь тогда мог это сделать без ущерба для собственной гордости. В двойной кульминации преклонения и отречения он на вершине.

Руал Амундсен искал не счастья, но страдания.
Точнее, искал не любви, но сочувствия.
Именно его он ценил превыше всего на свете.

ЧАСТЬ V

ПРОПАВШИЙ КОНТИНЕНТ

Глава 39

БЛАГОДАРЯ МУССОЛИНИ

Занавес поднимается под звуки «Норвежской рапсодии»^[151]. На сцену, украшенную только норвежским флагом, выходит Руал Амундсен, обветренный, стройный, прямой. 14 августа 1925 года. Мировая премьера нового доклада полярника. Всего недель раньше он закончил свою последнюю книгу (22 тысячи слов). Но это его главная стихия — театр.

Публика на премьере — в парадных туалетах. В первом ряду, в окружении дипкорпуса, сидит министр барон Ведель-Ярлсберг, один из инициаторов Шпицбергенского трактата^[152]. Весь остальной зал — сплошь высокопоставленные персоны, норвежские и зарубежные. Нынешний и будущий премьер-министры тоже здесь. Мадам Эрио, как отметили собравшиеся, еще не покинула норвежские воды. Перед самым поднятием занавеса монаршее семейство тоже заняло места в своей ложе.

На часах половина шестого. Мы в Национальном театре, в столице Норвегии. Из газет публике известно, что предстоит сегодня вечером. Но диапозитивы только-только получены из лаборатории, а сюжет драмы до того удивителен, что всем хочется услышать подтверждение из собственных уст автора. Руал Амундсен вновь готов сыграть свою единственную роль — роль вернувшегося домой полярника, человека, раскрывающего тайны мира, извлекающего из мрака новые картины.

Репортер «Дагбладет» констатирует наутро, что полярник «читал свой доклад совершенно свободно, спокойным, громким голосом». И отмечает, что, хотя обычно научные мероприятия проводятся в актовом

зале университета, для вчерашнего представления как нельзя лучше подходил именно Национальный театр. «С времен Ибсена и Бьёрнсона никто не будоражил воображение норвежцев так, как Амундсен. Его подвиг прямо воздействует на нашу фантазию. Мы все нуждаемся в побудительном импульсе, и Руал Амундсен сумел дать его нам. Его могучая энергия, тяга к дальним странствиям, мечты и устремления заставили нас сопережить этот подвиг». Даже самая капризная примадонна осталась бы довольна таким отзывом.

Роналд Хантфорд — биограф Амундсена и Скотта — писал, что Амундсен «обладал подлинно артистическим чутьем». Меткое наблюдение, раскрывающее самую суть его натуры. Руал Амундсен — полярный исследователь артистического склада. И не потому, что, подобно Фритьюфу Нансену или Юлиусу фон Пайеру [\[153\]](#), был наделен художественными талантами. На фоне высоких тиражей и тех материалов, какими он мог пользоваться, все им написанное весьма далеко от того, что называют большой литературой, и даже скупые наброски описательного характера достаточно ясно говорят об отсутствии у него художественного таланта. Творческие его способности отличались однобокостью и были непосредственно связаны с деяниями как таковыми.

Сам о том не подозревая, Руал Амундсен находился на пике своей карьеры. Северный полюс он не покорил, но завладел умами и чувствами людей. По сравнению с этим полет над Ледовитым океаном окажется не более чем заурядным рейсом.

Ни одно внешнее событие не могло, однако, воспрепятствовать внутреннему распаду, в котором полярник увязал все глубже и глубже. Он порвал с двумя самыми близкими людьми — сначала с Леоном,

жестоко и решительно, затем с Кисс, исподволь и по-рыцарски.

Леон Амундсен был совершенно необходимым амортизатором между опрометчивым полярником и сложным окружающим миром. Отношения с Кисс Беннетт, во многом иллюзорные, тем не менее служили Руалу Амундсену внутренней опорой, путеводной звездой. И Леон, и Кисс — вполне самостоятельные личности, имевшие твердую почву под ногами. Полярник же будет искать исключительно таких, кто готов подчиняться.

Великий поэт Национального театра Хенрик Ибсен завершил свой творческий путь «драматическим эпилогом» — пьесой «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Это название вполне под стать и нынешнему докладу полярника. Но эпилог его собственной жизни поневоле черпал мудрость из более ранней драмы соотечественника — «Враг народа». Действие там завершается «великим открытием» — главный герой, д-р Стокман, делает столь же гордый, сколь и ошибочный вывод: «...самый сильный человек на свете — это тот, кто наиболее одинок!»^[154]

Совершенно неожиданно Руал Амундсен вновь предстает перед миром как удачливый эстрадный артист с огромными сборами. Но поскольку экономика перелета юридически отделена от его личных дел, он по-прежнему банкрот. Хотя имущественный спор с Леоном вступил в следующую фазу, перешел из суда по делам о банкротстве в суд средней инстанции, полярник живет в Ураниенборге только благодаря любезности конкурсного управляющего. Проявляя такое радушие, управляющий Руде тем не менее вынужден отметить в своем отчете, что отношения с Руалом Амундсеном «временами» были крайне напряженными.

«Быть одновременно национальным героем и банкротом — трудное положение, осложняющее ситуацию и для конкурсного управляющего». Когда адвокат указывает, что конкурсное управление обязано изъять и возможные личные доходы полярника от экспедиции, Амундсен «отчаянно защищается». Беднягу Лейфа С. Руде, искреннего почитателя полярника, ни много ни мало обвиняют в том, что он якобы хотел превратить великого сына нации в «недееспособного, беспомощного человека».

За два дня до премьеры в Национальном театре поступило сообщение, что «Мод» освободилась от ледового плена у берегов Сибири^[155]. К полюсу шхуна капитана Вистинга не пошла, направилась в Ном, исключительно в обеспечение платежеспособности банкрота. Для кредиторов тоже забрезжил свет.

22 августа Руал Амундсен и Ялмар Рисер-Ларсен выезжают в Италию. Возможно, полярник и подумывал подняться на борт инкогнито, но даже при фальшивой бороде и роговых очках трудновато соблюсти анонимность в обществе героя-летчика, да еще такого великана. Итак, они намерены посетить с кратким визитом Вечный город и вовсе не отрицают, что примериваются к дирижаблю. Мысленно оба уже причаливают у северного побережья Аляски. Наконец-то планируют реальное путешествие, которое станет последней великой открывательской экспедицией.

«Благодаря большому интересу Муссолини к нашему замыслу дело с легкостью уладилось, причем на замечательных условиях», — подытоживает Руал Амундсен римские переговоры в позднейшем отчете. Все упростилось, поскольку Бенито Муссолини, выработываясь в диктатора, занял и весьма привлекательный пост министра авиации. 1 сентября 1925 года контракт о передаче дирижабля был

подписан двумя достойными мужами — долговязым ледовым Наполеоном и невысоким римлянином; все в порядке, все готово для нормального сотрудничества между единомышленниками.

В прекрасном расположении духа полярник и старший лейтенант отправляются в заслуженную поездку по живописным окрестностям Рима. Рисер-Ларсен располагается на заднем сиденье, Амундсен — впереди, рядом с водителем. За рулем в этот солнечный летний день сидит человек, который через девять месяцев поведет над Ледовитым океаном норвежский дирижабль, — Умберто Нобиле. Если не считать отсутствующего Элсуорта, в автомобиле полковника собралось все руководство экспедиции. Здесь, на загородном шоссе, разыгрывается вводный этап будущего трансарктического перелета.

Этим километрам посвящено больше двух страниц автобиографии великого путешественника. Главный момент — высокая скорость на поворотах. Редко когда двум норвежцам, немало повидавшим на своем веку, доводилось так явственно ощущать дыхание смерти, как в поездке на нобилевском «фиате». Полярник посчитал ситуацию не только опасной для жизни, но и чрезвычайно тревожной: «Все его поведение во время этой поездки указывало на крайнюю степень нервозности, эксцентричности и отсутствие уравновешенности».

Лишь полвека спустя шофера привлекли к ответу за то, что он сам полагал «совершенно нормальным» вождением. Девяностолетний конструктор дирижаблей твердит, что водительские права у него с 1910 года и в дорожную аварию он попал один-единственный раз, да и то в тумане. «Амундсен заметил, что я прибавлял скорость, по причине центробежного эффекта, но не обратил внимания, что перед тем я постепенно ее сбрасывал», — деловито аргументирует Нобиле. Даже

цель поездки они понимали по-разному: Амундсен хотел попасть в курортное местечко Остия, Нобиле — в приморский Анцио. Полувековые споры, по сути, позволяют сделать *один* вывод: эти двое, сидя рядом в «фиате», находились в разных вселенных.

После пробной поездки по загородному шоссе перелет не отложили, но вояж, во время которого полковник занимал водительское место, Начальник — пост наблюдателя, а герой-летчик был отправлен на заднее сиденье, во многом предвосхитил особенности будущей экспедиции.

9 сентября в Осло на общем собрании Норвежского общества воздухоплавания оглашают договор с итальянцами. К удовлетворению присутствующих, сообщается, что дирижабль N-1 в экспедиции будет носить самое гордое из всех имен — «Норвегия». Выступает перед собранием старший лейтенант Рисер-Ларсен. Бессмертный полярник неожиданно захворал. Успокаивая публику, он заявляет прессе, «что его болезнь — всего лишь легкое недомогание».

В тот день, когда газеты публикуют новые планы, Руал Амундсен садится за письменный стол и набрасывает короткое письмо Бенъямину Футту: «Уважаемый г-н посол! К большому сожалению, вынужден сообщить Вам, что не смогу выполнить нашу договоренность и приехать в Лондон. По причине недомогания (не слишком серьезного свойства) врач рекомендовал мне полный покой, впредь до самого отъезда в Америку в октябре».

По возвращении со Шпицбергена Амундсен принял приглашение посетить Лондон. Норвежская колония хотела воздать почести легендарному соотечественнику, как после Северо-Западного прохода и Южного полюса. Был шанс повторить беспримерное празднество 16 ноября 1912 года в гостинице «Сесил».

Именно там, именно тогда он познакомился с прекрасной дамой в красном.

С того памятного дня полярник не упускал случая посетить британскую столицу.

Уже месяц минул с тех пор, как он послал Кисс решающую депешу. За это время он прочитал в Национальном театре свой премьерный доклад и подписал в Риме контракт на дирижабль — на воздушный корабль, который доставит его к конечной цели мечтаний. Обстоятельства *изменились*. Решение созрело. Прежде именно на Кисс нападали всяческие хвори, стоило полярнику постучать в дверь. Теперь же он сам готов поступиться европейскими почестями, из-за желудочного недомогания. Иными словами, чтобы избежать лондонского повтора. Руал Амундсен вправду распрощался с Кисс Беннетт.

Разумеется, полярнику пришлось взять свой отказ назад. Ни в Англии, ни в иных местах такое не приемлют. Крепкий полярник не рвет контракты на десятки тысяч, не отказывается от докладов, банкетов, встреч с главами государств в целом ряде столиц потому только, что в один октябрьский день чувствует «легкое недомогание».

Хочешь не хочешь, пришлось ехать, вместе с неразлучным заместителем. И вскоре газеты уже сообщали о восторженном приеме в разных городах. Подвиг Руала Амундсена стал одним из немногих свершений, которые могли объединить в общем восторге растревоженную Европу середины 20-х годов. Это была экзистенциальная драма, успокоительно далекая от новых политических структур Старого Света. Среди высокопоставленной публики в Копенгагене сидят и представитель нового Советского государства, и изгнанница — вдовствующая российская императрица. Рассказ о героической борьбе участников

перелета и о чудесном воскресении захватывает всех собравшихся.

После доклада в датской столице на шею полярнику надевают лавровый венок. И тотчас, как сообщали газеты, из переполненного зала совершенно спонтанно слышатся возгласы: «"Рисер-Ларсен! Летчика на сцену!" — после чего великан Рисер-Ларсен поднялся на ораторскую трибуну и принял свою долю оваций». Публика, не лишенная интуиции, догадывается, кто был истинным героем этой драмы. Даже с лавровым венком на шее седовласый погонщик собак рисковал оказаться в тени авиатора.

В семь утра, когда они прибывают в Прагу, столицу независимой Чехословакии, железнодорожный вокзал полон народа. В бывшей имперской столице Вене восторг ничуть не меньше. Весь город на ногах, и полярник, кажется, чувствует себя бодрее, чем когда-либо. Одной из газет он заявляет, что нисколько не устал. «Мчаться из одного города в другой, этот темп — моя стихия».

Только в Берлине — столице отечества механика Фойхта и президента Гинденбурга^[156] — прием был неоднозначный. Из-за своих антигерманских выступлений во время мировой войны Амундсен утратил популярность в определенных кругах немецкого общества.

Во время доклада, состоявшегося 17 сентября в Опере Кролля, в переполненном зале было довольно много полиции, чтобы загодя пресечь любые попытки помешать выступлению. На улице у входа раздавали националистические листовки и устроили демонстрацию, но в остальном обошлось без скандалов. Лишь в гостиничном номере полярник непосредственно столкнулся со своими противниками, когда некий кайзеровский майор-монархист ворвался к нему, решив

наставить на путь истинный. Заглаживая неприятное впечатление, министр иностранных дел Густав Штреземан произнес на посольском обеде в отеле «Адлон» красивую витиеватую речь в честь высокого гостя.

Но именно Ялмару Рисер-Ларсену выпадет к концу осени совершить лекционное турне по ряду городов Германии. «Пока что залы заполнялись едва наполовину и говорить было трудновато, в частности по причине довольно гулкового эха, — докладывает он на родину, в Общество воздухоплавания. — Против моих выступлений ведется широкомасштабная пропагандистская кампания. Злобствуют на А. из-за истории с награждением и на нас обоих — за то, что мы полетим на итальянском дирижабле, а не на немецком».

В будущей экспедиции Амундсена видели соперницу запланированной международной экспедиции под началом Фритьофа Нансена. Д-р Хуго Эккнер, немец, который годом раньше первым совершил на дирижабле перелет через Атлантику, строил сейчас огромный аппарат^[157] для этого научного предприятия.

И д-р Эккнер, и д-р Нансен хотели привлечь Руала Амундсена к участию в Международном обществе арктических исследований. Но подобные научные структуры чужды натурам такого склада, как Амундсен. После неоднократных обращений он лишь осенью 1926 года все же даст Фритьофу Нансену окончательный ответ, который весьма обескуражил стареющего лауреата премии мира: «Причина совсем простая: во время прошлогоднего лекционного турне меня вышвырнули из Германии, и потому я не желаю иметь никаких дел ни с этой нацией, ни с чем-либо хотя бы и отдаленно с нею связанным»^[158].

Минуло десять лет с тех пор, как полярник порвал с германским кайзером. И вот второй разрыв — со всей нацией. Первый конфликт имел вполне конкретные основания — нападения германских подводных лодок на норвежские суда; второй был вызван несколькими листовками и вторжением монархиста-майора в его гостиничный номер. Из Германии полярника никто не вышвыривал; напротив, его чествовали ведущие политические деятели республики.

Официальная Германия сделала все, чтобы вокруг полярника все было спокойно и достойно.

Разрыв с Веймарской республикой являет нам модель поведения и восприятие действительности, какими будут ознаменованы последние годы жизни Амундсена.

26 сентября 1925 года после полудня Руал Амундсен прибывает на лондонский вокзал Виктория. Прибывает поездом из Парижа вместе с героем-летчиком и его женой. Это последний его визит в столицу империи. И недолгий.

Тем же вечером в отеле «Сесил» устраивают банкет. Сто шестьдесят человек при полном параде чествуют двух своих соотечественников. Посол Фугт обращается к полярнику с речью; в ответной речи тот переадресовывает слова благодарности своим людям. Присутствует здесь и участник перехода к Южному полюсу Кристиан Преструд, неизменно связанный с посольством в Лондоне. Согласно газетному отчету, он «восторженно говорил о своем давнем начальнике Амундсене и произнес тост за его товарищей». После обеда праздник продолжился в Норвежском клубе, где полярника посвятили в рыцари клубного ордена «Норвежский медведь».

Предположительно именно тогда новопроизведенный рыцарь в последний раз повидал

свою богиню. Контакт сохраняется, и чрезвычайно дружелюбный, но в Лондон он больше не приезжает. Проходит несколько суматошных дней, и 30 сентября полярник поднимается на борт трансатлантического парохода. В Европе он оставляет двух своих лейтенантов. Рисер-Ларсен отправится в турне по континенту; Дитриксон — по северным странам и Британским островам.

А пока норвежцы колесят по свету, полковник Нобиле занимается дирижаблем «Норвегия».

Глава 40

ГЛАВА КОНЦЕРНА

Если первая экспедиция Руала Амундсена напоминала мальчишечью вылазку и пиратский поход, то последняя станет таким международным концерном. Полярник обозначил цель и установил сроки. Кроме того, все предприятие базировалось на его имени и престиже. Но за будничные дела отвечал не он; его даже руководителем не назовешь.

Пока Руал Амундсен плыл через Атлантику в Нью-Йорк, первый участник экспедиции направлялся на Шпицберген. Это был старший лейтенант Юх. Хёвер, которому предстояло разметить участок под новую гигантскую постройку в Кингсбее. Позднее пришли морем грузы материалов и полуфабрикатов конструкций, прибыли двенадцать плотников и прочих ремесленников. Казалось, в бедном шахтерском поселке наметился подъем промышленности.

Ангар для дирижабля «Норвегия» будет размером 110x34 метра при высоте 30 метров — гигантские деревянные леса из решетчатых ферм на мощных растяжках, заделанных в цементный фундамент. Крыши нет, но боковые поверхности затянуты парусиной, ведь защищать они должны в первую очередь от ветра.

По сравнению со сборным домом Фрамхейм, который столяр Стубберуд и лыжный мастер Бьоланн поставили на другом конце земного шара всего за несколько дней, здесь речь шла о совершенно иных масштабах. Но персоналу в Кингсбее тоже предстояла зимовка. И работать пришлось при низких температурах, во мраке полярной ночи — при свете мощных прожекторов.

Чтобы дирижабль «Норвегия» благополучно добрался до этого крайнего форпоста, надлежало возвести три причальные мачты. В Европе транспортировка не представляла проблем, там существовали аэродромы, но гористый северный край не располагал оборудованием для приема воздушных исполинов.

На чертежном кульмане экспедиция представала как немалое достижение инженерного искусства. Полковник Нобиле сконструировал ангар и огромные мачты специально для своего полужесткого дирижабля.

Принятие решений и реализация планов происходили без непосредственного участия Руала Амундсена. Полярник действовал как обычно: совершал турне. Он остался прежним. Только вместо брата Леона был теперь сложный международный экспедиционный концерн.

По натуре Руал Амундсен был человеком сугубо единовластным, как полководец на поле битвы или художник в своей вымышленной вселенной. Временами он, конечно, волей-неволей прибегал к демократии, но, по сути, мнимой. Тем не менее ему достаточно рано пришлось делегировать широкие полномочия другим людям, и таких было много. Однако им приходилось действовать в его духе — Начальник предпочитал оставлять последнее слово за собой.

Лишь во время перелета к Северному полюсу ситуация изменилась; здесь у него был заместитель — движущая сила на этапе подготовки и лучший из специалистов-практиков. Все делалось так, как желал Начальник, и выполнял это человек, который никогда не обманывал его доверия. Наряду с Линкольном Элсуортом, Ялмар Рисер-Ларсен явился большой и удачной находкой в этот последний период карьеры полярника.

Теперь все будет иначе.

Нынешний главный специалист — и при подготовке, и при осуществлении проекта — вовсе не был послушным орудием в руках Начальника; Умберто Нобиле представлял другую культуру, другой народ, другой флаг. Помимо Руала Амундсена и полковника Нобиле статус руководителя имели еще трое. Во-первых, Ролф Томмессен, председатель Общества воздухоплавания, несущего ответственность за дирижабль. Далее герой-летчик Рисер-Ларсен, который даже не думал отказываться от роли заместителя Начальника. И, наконец, американец Элсуорт, на этот раз купивший себе место рядом с Амундсеном за 100 тысяч долларов. Он представлял ценный финансовый вклад и одновременно третий флаг и, как выяснится, усложняющий обстановку психологический элемент.

Проблемы возникнут не только в руководстве новой экспедицией; экипаж тоже стал источником непрерывных разногласий, нередко с национальным оттенком. Уже после первых официальных обедов на американском континенте Начальника настиг первый кадровый конфликт.

Своими долларами Линкольн Элсуорт закрепил за собой не только формальную позицию, но и реальные обязанности. Американцу предоставили ключевой пост штурмана-навигатора. И с этим старший лейтенант Дитриксон примириться не мог.

Ведь не кто иной, как он, Лейф Дитриксон, был штурманом героического перелета 15 июня 1925 года из смерти к воскресению. Кроме того, он сам обучал Элсуорта навигации и считал, что для такого ответственного задания американцу не хватает квалификации. Начальника извещает об этом ословское руководство. Тот решает подойти к проблеме Дитриксона с принципиальных позиций и 17 октября телеграфирует из Нью-Йорка: «Плохо, что он начал

критиковать решения, принятые на совещании Общества воздухоплавания. Если он так поступает, значит, никуда он не годится. Дисциплина, и еще раз дисциплина. Иначе нельзя».

Дисциплина дисциплиной, но ословское руководство готово отнестись к доводам лейтенанта с пониманием. «Д. беспокоит, — гласит ответная телеграмма, — что, если с навигацией не заладится, винить будут его, а если все пройдет успешно, должных почестей ему не достанется».

Однако Руал Амундсен, воссоединившийся в Нью-Йорке со своим богатым американским компаньоном, вовсе не склонен разжаловать человека, некогда спасшего его карьеру. «Зато сам Элсуорт, — пишет он, — готов отказаться от поста навигатора, коль скоро еще до старта эксп. заметит, что ему это не по плечу. Вот все, чего мы по справедливости можем ожидать. В остальном претензии Дитр. непонятны, ведь он хорошо знает Э. и отлично понимает, что тот ни во что влезать не станет. Ему просто-напросто хочется, чтобы мир видел в нем больше чем рядового участника».

Ни Амундсен, ни Элсуорт, высоко ценящие Дитриксона, не хотят, чтобы экспедиция лишилась лейтенанта. Между тем именно так и выходит. Еще до конца года Лейф Дитриксон отказывается от участия, «по семейным обстоятельствам». Разногласия между двумя навигаторами по поводу компетентности позднее найдут аналог в долгом запутанном конфликте по поводу командования дирижаблем — между офицерами Рисер-Ларсеном и Нобиле.

В разгар подготовки перелета «Норвегии» наконец-то завершилось плавание «Мод». 22 августа шхуна пришла в Ном, где была встречена полицией, а затем, уже по прибытии в Сиэтл, конфискована и продана с

молотка. Да, славным такое возвращение никак не назовешь.

Целых семь лет «Мод» пыталась поймать течение, чтобы совершить трансполярный дрейф. Увы, тщетно. Теперь ее настигло новое время. Шхуна, которая была приемницей «Фрама» и гордостью отечества, оказалась разжалована до статьи конкурсного имущества. Судно, предназначенное для ледового дрейфа, забраковано в пользу другого корабля — воздушного.

С точки зрения полярника, экспедиция «Мод» была полной неудачей. Но это не единственная оценка; научный руководитель доктор Свердруп пишет на родину профессору Бьеркнесу: «С общепринятой точки зрения, наше плавание безусловно фиаско. Но я лично вовсе не в отчаянии, так как, по-моему, наши научные результаты столь богаты и столь ценны, что эта экспедиция по праву займет одно из первых мест среди полярных экспедиций, обогативших геофизику новыми данными — и новыми подходами». А если вдуматься, плавание «Мод» и планировалось именно как научная экспедиция^[159].

В последние три года под командованием Вистинга и руководством Свердрупа обошлось без потерь в экипаже, какими были ознаменованы те годы, когда на борту присутствовал сам Начальник. Единственный случай отмечен в июле 1923 года, когда машинист Сювертсен скончался от энцефалита, согласно диагнозу Вистинга.

Вистинг сделал, кстати говоря, еще одно медицинское открытие. Пробыв некоторое время во льдах, он телеграфировал Начальнику, что швед-метеоролог страдает пороком сердца. Имея два серьезных недостатка (во-первых, он был швед, во-вторых — ученый), Финн Мальмгрен в общем-то с трудом приживался на борту. И Мальмгрен, и Одд Дал

оказывали д-ру Свердрупу большую помощь, но, как выяснилось, швед был плохо приспособлен к практической моряцкой жизни. «У М. маловато силенок — он неловок и забывчив», — конфиденциально сообщает Вистинг Свердрупу.

Вечером 4 ноября 1925 года в Осло прибывают трансатлантическим пароходом первые трое парней с «Мод»: русский Олонкин, швед Мальмгрен и норвежец Карл Хансен. Перед тем как они сошли на берег, от всех троих настоятельно потребовали хранить молчание, поскольку конкурсному управлению могут еще обломиться денежки от рассказов о путешествии. По иронии судьбы, приветственную речь произносит именно конкурсный управляющий Руде. В силу своего положения следующим выступает адвокат Леон Амундсен — административный руководитель экспедиции. На фоне восторженного приема, оказанного несколькими месяцами ранее участникам авиаэкспедиции, частичное возвращение конкурсного имущества дает повод для иронических высказываний. Газета «Дагбладет» публикует язвительный комментарий насчет «обожаемого всем миром руководителя и его брошенной команды».

Капитан Вистинг покинул шхуну последним. Только под Новый год, после совещания с Начальником в Америке, Оскар Вистинг вернулся в Норвегию. И тотчас нанес визит Ролфу Томмессену, чтобы обсудить перевод экипажа «Мод» на дирижабль «Норвегия». По мнению капитана, ни увалень метеоролог с его сердечным недомоганием, ни Карл Хансен не заслуживали возобновления контракта.

По возвращении капитана на родину 3 февраля 1926 года в Осло состоялся официальный обед в честь участников. Фритьоф Хансен, обычно предпочитавший не появляться на чествованиях своего коллеги, на сей раз произнес речь во славу экипажа «Мод». Войны

бушевали на свете, династии были повержены во прах, но профессор не забыл о своей моральной ответственности именно за эту научную экспедицию. Ради нее он без малого двадцать лет назад отказался от собственного плана покорить Южный полюс. Искупительное плавание на «Мод» — вот что он возложил на своего младшего соотечественника. Теперь научная часть экспедиции наконец-то завершилась. Открывательская часть — подвиг, спортивный этап — была еще впереди, она закончится, когда дирижабль «Норвегия» приземлится на Аляске.

В своей речи старый полярник подчеркнул научные результаты — сокровища, которые «живут собственным внутренним жаром и силой», хотя мир и не придает им надлежащего значения. Нансен говорит о жертвах, принесенных на алтарь науки, — о Тессеме и Кнудсене, о Сювертсене, «которого опустили в холодную одинокую могилу Ледовитого океана». Вслед за усопшими профессор «поминает» и руководителя экспедиции, который идет к «новым целям все с тою же неистовой, неумемной энергией, что приводит нас в восхищение».

Итак, профессора восхищает энергия, но уже не сам человек. Фритъоф Нансен, вероятно, выбирал слова вполне сознательно. И по контрасту с громкой шумихой, которая мало-помалу возникает вокруг дирижабля «Норвегия», закончил он свою речь так: «Да здравствует немногословный экипаж "Мод"!»

Харалд У. Свердруп тоже имел случай повидать Начальника, прежде чем отправился из Америки на родину.

В заметках, составленных много лет спустя, с мыслью о возможной экранизации биографии полярника, он пишет: «В ноябре 1925 года — всего через несколько месяцев после возвращения из

экспедиции "Мод" — я встретился с Амундсеном в Нью-Йорке. Он спросил, не отобедаю ли я с ним в его отеле: он хочет сделать мне сюрприз. Сюрпризом оказалась аляскинская дама, которая выглядела в "Уолдорф-Астории" так же естественно, как и в северной фактории». Это была Бесс Магидс.

Свердруп, подобно остальным членам экипажа «Мод», знаком с нею по Дирингу и описывает ее не просто как «очень привлекательную» женщину, но и как единственное «серьезное» из всех увлечений Начальника. Учитывая, что они три года прожили бок о бок на борту «Мод», это коечто говорит о способности Руала Амундсена скрывать свои глубинные чувства.

Итак, аляскинская красотка Бесс Магидс, словно чертик из коробки, появляется за ресторанным столиком «Уолдорф-Астории». Хотя Бесс тоже состоит в законном браке с другим мужчиной, отношения полярника с нею как будто бы отличаются большей непринужденностью, чем сугубо амбициозная связь с Кисс. Эти два романа разыгрываются в совершенно разном окружении. Общество американских бизнесменов и авантюристов было, вероятно, ближе норвежскому полярнику, нежели чопорная английская знать. Среди своих не обремененных предрассудками нью-йоркских друзей норвежец ведет легкомысленную жизнь, заполненную коктейлями и игрой в покер. Супруги Магидс — неотъемлемая часть этой компании. Если не путешествуют по делам в экзотических краях вроде Аляски, Китая и России.

Пока что отношения с энергичной красавицей-брюнеткой определенно носят ни к чему не обязывающий характер. Тем не менее, поскольку контакт возобновился так быстро, можно предположить, что полярник, начав постепенный отход от ли-кортской богини, думал именно о ней.

Находясь в Америке, Руал Амундсен встречается и с Херманом Гаде, который в связи с некой дипломатической миссией проводит ту зиму на своей второй родине^[160]. Как всегда, посол помогает старому другу словом и делом. Элсуорт тоже во многом полагается на оценки Гаде.

В остальном пребывание в Америке сложилось для полярника неблагоприятно. «Как ни странно, с моими здешними докладами обстоит плохо, — пишет он старому магнату дону Педро. — Несмотря на шумную рекламу, я часто выступаю перед пустыми стульями. Кажется, американцев сейчас интересуют одни только водевили». Разительный контраст с Европой.

Новое подтверждение восторга соотечественников полярник получает, когда выходит в свет книга об авиаперелете. Гаде он пишет: «Книга о полярном перелете поступила в продажу 8 окт. в 8 утра, а к 2 часам дня весь десяти тысячный тираж был распродан, и типография приступила к печатанию второго тиража! Пожалуй, это рекорд».

Книга называлась «Полет до 88° северной широты». Фактически они достигли 88°23′ северной широты, но цифру округлили. В договоре с американскими газетами оговаривался финансовый скачок, если экспедиция достигнет 88-й параллели. Ввиду изобилия драматического материала было бы нелогично отказываться от дополнительных выплат. После испытаний, выпавших на их долю, весь мир желал им покорить Северный полюс.

На этот раз Руал Амундсен написал только треть книги, но, как всегда, автором был обозначен он. Весьма щекотливый момент, ведь фактически здесь имело место нарушение договора. Линкольн Элсуорт уплатил не только за участие в экспедиции, но и за

авторство. Увы, осенний бестселлер ушел в печать, не дожидаясь статьи американца.

Одного автора не доставало, зато посвящение, как обычно, было весьма хорошо продумано, на сей раз в нем сквозили приподнятое настроение полярника и показное благородство:

Тем двум, кто воплощает все лучшее в норвежской женщине, — Хирстен Рисер-Ларсен и Гунвор Дитриксон — посвящаем мы эту книгу.

Полярник вряд ли мог бы найти более платонический способ послать привет и благодарность «норвежской женщине» в Англии.

Всего несколько месяцев назад Руал Амундсен тоже колесил с докладами по Штатам. В промежутке он осуществил арктическую экспедицию, сопряженную со смертельной опасностью, — не удивительно, что в пятьдесят три года его начинают донимать неприятности со здоровьем. Полярник пишет послу Гаде, что все время чувствует себя «не вполне *alright*». Уже к Рождеству ему очень хочется послать к черту все эти доллары: «Не думаю, что риск, какому я подвергаю свое здоровье, хоть в малой степени сопоставим с убогими доходами и огромными неудобствами, которые ждут меня буквально повсюду».

При всех разочарованиях в Америке полярный перелет все же оказался выгодным бизнесом. Контракты с газетами, книга, фильм и европейское лекционное турне вполне оправдали экономические ожидания. Прибыль от «разведочного полета» предполагалось вложить в будущую дирижабельную экспедицию. Но даже существенная прибыль может быстро обернуться убытком, если никто не помышляет об экономии. «Участникам эксп. и админ. следовало это понять и незамедлительно сократить все расходы, —

гласит отчет ревизора. — К сожалению, этого не произошло, и вместо относительной финансовой стабильности общество имеет на 31.12.25 фактическую задолженность в размере 60 000 крон, без сколько-нибудь значимых активов, т. е. на 31.12.25 общество *полностью неплатежеспособно*».

Акционерное общество тоже оказалось зависимым от ответственности отдельного человека. Ревизор счел нужным особо сказать о герое-летчике: «Расходы г-на Р.-Л. в лекционных поездках велики, и даже очень велики». Впрочем, он и сам великан.

Руал Амундсен прервал свое турне приблизительно на месяц раньше, чем рассчитывал, — уже 1 февраля. Посещаемость была низкой, но и мотивация не лучше. Выручка от докладов шла в общий котел экспедиции, а не в его карман.

Хотя Руал Амундсен настоял на едва ли не безумных рамочных сроках предстоящего трансполярного перелета, он не видел причин по окончании работы в Штатах ехать на родину; вместо этого он устраивает себе месячный отпуск — буквально на заключительном этапе подготовки. Только в первых числах марта он покидает Америку. Время перед отъездом он проводит в Нью-Йорке, предаваясь новому хобби — смешиванию коктейлей — в расслабляющей компании восхищенных бизнесменов и жизнерадостных американок. В том числе супругов Магидс.

Вероятно, полярник не рвался в Норвегию еще и потому, что там происходили весьма неприятные вещи. 18 февраля Альберт Балкен, адвокат Леона Амундсена, подал в суд средней инстанции в Осло свою последнюю апелляцию. В итоговой речи он заявил: «В заключение отмечу, что, прежде чем обжаловать настоящее дело в суде средней инстанции, я подчеркнул, что не хочу использовать некоторые доказательства, касающиеся соглашения с Гудде и передачи Ураниенборга консулу

Гудце. В этой связи Леон настоятельно просит меня акцентировать, что если дело будет обжаловано в более высокой инстанции, то он не преминет в полной мере воспользоваться этими доказательствами, ибо они более всего остального могут пролить свет на взаимоотношения братьев и на истоки разлада между ними».

Итак, Леон указывает, что до поры до времени кое о чем умалчивал, придерживая козыри, и тем самым оказывает на брата мощный нажим. Весьма примечательно, как недвусмысленно Леон увязывает «соглашение с Гудце» и «истоки разлада».

Как брат и как управляющий Леон строил свои отношения с Руалом на двух главных элементах: экономической надежности в имущественных вопросах и — что важнее всего! — полной открытости. Именно эти условия были нарушены тайным соглашением 1918 года с адвокатом Гудце. Тогда Руал впервые обманул Леона, второй раз это случилось в двойной игре с Хоконом Хаммером, третий — когда он надумал продать имения Херману Гаде.

12 марта 1926 года полярник трансатлантическим пароходом прибывает в Саутгемптон. Последний раз он был в Англии полгода назад и задержался тогда на трое суток. Сейчас он останется только на сутки и не покинет пределов портового города. Но встречают его там молодые друзья — Альфред и Пито. Беннетты всегда знают, где находится полярник. Наутро перед отъездом он пишет письмо: «Дорогая Кисс! Всего два слова... Только что встречался с твоими мальчиками и должен тебе сказать, что очень им рад. Да, у тебя вправду есть ради чего жить... Горячо, от всего сердца, благодарю тебя за телеграммы, полученные от тебя и от Пито [старшего. — *Т. Б.-Л.*]. Это была светлая, лучистая точка среди черноты, благослови тебя Господь за них. Преданный тебе Руал».

Это письмо Руала Амундсена к Кисс Беннетт, возможно единственное донине уцелевшее, отчетливо свидетельствует о новом характере их отношений. Всего несколько месяцев назад она была для него всем, теперь же он советует ей жить ради сыновей. Отношения с полярником перешли на другой уровень, когда и супруг может подписаться под телеграммой.

Но она по-прежнему Богиня, «светлая, лучистая точка» в черной вселенной, которую бороздит полярник.

Глава 41

НОРВЕЖЦЫ В РИМЕ

16 марта 1926 года, во второй половине дня, председатель Общества воздухоплавания доктор Томмессен отправится в Рим, чтобы от имени страны и экспедиции вступить во владение дирижаблем «Норвегия». От одного из корреспондентов «Тиденс тейн» он успел узнать, что в этот же день в Осло прибудет Руал Амундсен. Главный редактор срочно созывает совещание. Линкольн Элсуорт уже несколько дней находится в Осло, и перед важной поездкой в Рим Томмессен может обсудить с обоими руководителями экспедиции все существенные вопросы.

Всю зиму Амундсен и Элсуорт держались поодаль от всех внутренних концепций и тактических схем. Начальник полагал себя вправе не обращать на это внимания. «Для меня главное одно — достичь цели, — писал он в феврале Томмессену, — остальное пускай делают другие».

В январе Умберто Нобиле побывал в Осло с пятидневным визитом и на встрече в Обществе воздухоплавания поставил целый ряд щекотливых вопросов. Амундсена и Элсуорта представлял на этом совещании Ялмар Рисер-Ларсен, он же был гидом дирижаблестроителя при осмотре достопримечательной белой стихии под названием «снег». Впоследствии норвежец писал, что, впервые ступив на снег, полковник «тотчас поскользнулся и упал, пришлось его поднимать. С того дня он заметно занервничал, опасаясь за исход экспедиции».

Щекотливые вопросы сплошь касались чести Италии и собственного статуса полковника в экспедиции. Как насчет названия экспедиции? Насчет итальянского

флага? Как насчет личного состава и прав пилота? Каждый из вопросов чреват конфликтом. И найти решения в отсутствие двух членов руководства было очень нелегко.

Именно упомянутые вопросы спешно рассматривались на совещании в кабинете Ролфа Томмессена. «После этого мы расстались в полном согласии», — пишет позднее в отчете редактор. Скоро он уже сидит в поезде, направляющемся на юг.

Еще раньше норвежский посланник в Риме отправил в министерство иностранных дел конфиденциальный доклад, в котором сообщил, что все связанное с участием Италии в трансполярном перелете рассматривалось как политические проблемы, относящиеся к компетенции высшего государственного руководства. Норвежская же сторона смотрела на дирижабль «Норвегия» как на частное дело полярника. Правда, это не означало, что нельзя вести речь о национальной принадлежности, ведь, по большому счету, Руал Амундсен давно перестал быть частным лицом.

Итальянский режим сразу оценил рекламный потенциал воздушной экспедиции, и доля его участия в этом предприятии постепенно стала очень значительной. Позднее Томмессен подсчитал, что в совокупности итальянские ассигнования на экспедицию составили 840 тысяч крон^[161], тогда как норвежские — государственные и частные, вместе с доходами от докладов и публикаций, — вылились в сумму чуть менее 600 тысяч крон, а американские, то есть деньги Элсуорта, — около 50 тысяч крон. Коль скоро ассигнования Муссолини принимались с благодарностью, вполне логично было бы признать итальянское участие по крайней мере на равных с американским.

Но, хотя Королевством Норвегия руководило в то время безликое парламентское правительство, земляки Руала Амундсена считали себя в сфере полярных исследований этакими господами. Там ничего даром не достается, заслуги значения не имеют. Тем самым дело неминуемо шло к национальной конфронтации между южанами-чернорубашечниками и бледнолицыми северянами.

До сих пор во имя Норвегии наиболее бескомпромиссно работал Ялмар Рисер-Ларсен. Не в пример д-ру Томмессену, который нес административную ответственность, заместитель Амундсена ничего не выигрывал от уступок итальянцам. Богатырю, закончившему в Англии курсы дирижаблеводства, отнюдь не улыбалось быть в тени щуплого итальянца; он сам претендовал на место пилота «Норвегии».

Участники-норвежцы, за исключением Начальника, один за другим выехали этой зимой в Рим, чтобы пройти необходимую подготовку и научиться маневрировать дирижаблем. Однако в гигантском эллинге на аэродроме Чампино норвежцы чувствовали себя как растерянные пигмеи.

Полковник Нобиле заранее оговорил, что в перелете будут участвовать не более шестнадцати человек и пятеро из них — его специально обученная команда. Рядом с этими воздушными асами норвежцы чувствовали себя изрядно обойденными. Зачем обучать лыжников-норвежцев, если итальянцы уже в совершенстве освоили воздухоплавание?

Среди полубезработных северян быстро ширилось недовольство лидерством Нобиле. Несколько раз они едва не садились на поезд, готовые уехать домой, махнув рукой на дирижабль и на перелет.

Альтернативный план Ялмара Рисер-Ларсена базировался на полной конфронтации. В конфиденциальном послании руководству в Осло норвежец-заместитель пишет 13 марта из Рима: «Если категорически отклонить требования итальянцев, то, по словам самого Нобиле, итальянское правительство в результате только запретит своим людям участвовать в перелете. К этому я давно готов и подобрал достаточное количество норвежцев на все посты для перелета в Англию, где можно доукомплектовать норвежский экипаж англичанами».

Именно Рисер-Ларсен устроил так, что по пути на север экспедиция завернет на Британские острова. И в первую очередь именно он настаивал, чтобы участников-норвежцев было как можно больше. Кроме того, заместитель позаботился собрать на Шпицбергене максимально лояльный Амундсену экипаж, ибо учитывал вероятность, что в данной ситуации можно будет отослать итальянцев из Кингсбея на родину и осуществить перелет на Аляску силами норвежцев.

Взаимопонимание между норвежцами и итальянцами отнюдь не внушало бодрости, и отчасти виной тому были, безусловно, языковые сложности. Полковник Нобиле в общем-то пытался разрешить эту проблему. Чтобы переводить газеты и специальные материалы, он нанял в Риме на фабрику собственного переводчика — молоденькую датско-норвежскую студенточку Лису Линдбек, которая раньше временно заменяла секретаршу в норвежском посольстве. Она опекала норвежских парней, когда они приезжали в Рим, — так, может, сумеет и наладить контакт между нациями?

В середине февраля Рисер-Ларсен, качая головой, докладывает д-ру Томмессену: «Несколько дней назад Нобиле намекнул, что хочет взять на Шпицберген своего норвежского личного секретаря, барышню

Линдбек, в качестве переводчика. Я сделал вид, будто не понял его, — чтобы не говорить, как смехотворно это будет выглядеть». Норвежцы считали инициативу Нобиле не просто «по-бабски» смешной, но подозревали в ней хитрый план втереться в сомкнутые ряды: «Омдал сказал, что слышал то же самое; она наверняка будет доносить Нобиле о наших разговорах».

На Шпицберген Лиса Линдбек не попала, но продолжала работать у Нобиле. Эта барышня, впоследствии снискавшая известность антифашистскими репортажами, рисует в книге воспоминаний «Пылающая земля» весьма привлекательный образ своего итальянского босса: «Я сразу же прониклась к моему начальнику большой симпатией, и у меня никогда не было повода пересматривать это впечатление. В свои сорок лет он выглядел прекрасно — почти классический красавец с чистыми, благородными чертами, вдохновенными карими глазами и высоким, ясным лбом». Барышня Линдбек интересовалась мужчинами. Среди норвежцев она «ближе всего познакомилась с симпатичным механиком Оскаром Омдалом».

Переводчица недвусмысленно свидетельствует и о высоком авторитете, каким директор Нобиле пользовался у четырех с лишним сотен своих подчиненных: «Поголовно все на фабрике знали, что Нобиле не фашист и что в министерстве авиации у него много противников».

Кстати, в Италии находился тогда еще один способный к языкам норвежец — молодой, энергичный, непоседливый поэт Нурдал Григ^[162]; он сообщил главному редактору Том-мессену, что готов немедля занять пост экспедиционного журналиста вместо Фредрика Рамма, который, по его мнению, рано или поздно струсит. Поэт был совершенно уверен, что

Рамма что-нибудь да подкосит, и потому стратегически водворился в захолустной Венеции, терпеливо дожидаясь призыва в новое время. «Венеция теперь ничего не значит, — пишет он брату, — город, населенный фашистами и английскими старыми девами, можно обожать лишь в силу смехотворного предрассудка. Бог весть, может, в перелете "Норвегии", в этой экспедиции, на которой стоит ярчайшая печать 1926 года, им хотелось не просто пройти над ледяными просторами, а понять, куда же показывает стрелка компаса, — новые миры прежде старых».

Нурдала Грига не призвали в новый ледовый мир. Увы. Может статься, как раз этот невероятно оптимистичный поэт и спас бы «Норвегию» от ее прозаического фиаско.

Ролф Томмесен, прибывший в Рим 19 марта вместе с майором Сверре, тотчас констатировал, что «среди норвежских участников царило сильное возбуждение». Д-р Томмесен, поддерживавший хорошие отношения и с Нобиле, отправился на юг с целью примирения. Однако это не вписывалось в стратегические планы Рисер-Ларсена.

Томмесен был весьма удивлен, когда через несколько дней в итальянской столице появились еще двое руководителей: «...причем не кто-нибудь, но Амундсен и Элсуорт. Видимо, Рисер-Ларсен вызвал их телеграфом, и они спешно покинули Осло». Эти последние мартовские дни 1926 года будут необычайно богаты интригами, частными и национальными инициативами. Если отвлечься от личных проблем Нобиле, связанных с завистью итальянских офицеров-соперников, и от группы возбужденных норвежцев, остается пятерка лидеров, и все они защищают более или менее законные интересы.

Ролф Томмессен, позднее подробно рассказавший об этих конфликтах «в отчете для арбитражного суда», делал, видимо, все, что мог. Он, несомненно, был истым национал-шовинистом, но вместе с тем симпатизировал новой, динамичной Италии и полагал для себя делом чести всемерно способствовать обеим нациям в реализации совместного империалистического проекта. А вот Руалу Амундсену было далеко не просто подняться над личными и межнациональными конфликтами. Труднее же всего приходилось Элсуорту, который постоянно попадал в щекотливые ситуации, оттого что, по выражению Томмессена, находился в «сугубо нездоровой обстановке» и «очень зависел от Амундсена».

В своем отчете Томмессен делает особый упор на психологии американца: «Элсуорт, как известно всем, человек необычайно сдержанный и скромный, почти безропотный, но такие люди зачастую весьма уязвимы, они копят и носят в себе впечатления, которые остальными давно забыты. Во многом это свойственно и Элсуорту. Сложности с самоутверждением привели к тому, что он, чуть что, воображал себя обойденным. Его отношение к Нобиле в этом плане общеизвестно; менее известно, что те же чувства он испытывал и к Рисер-Ларсену».

Ревнивая обидчивость американца возникла не вчера. По мнению д-ра Томмессена, у него была своя теория насчет того, по чьей вине он не попал в число авторов предыдущей экспедиционной книги. Элсуорт «непоколебимо верил, что виной всему интриги Рисер-Ларсена и что возможным это оказалось оттого, что Рисер-Ларсен пользовался особым расположением Руала Амундсена». [\[163\]](#)

Учитывая эту предысторию, в общем, не удивительно, что американец относился к главному

итальянскому сопернику Рисер-Ларсена с определенной симпатией; позволю себе вновь процитировать Томмессена: «Впоследствии эта дружба потерпела фиаско, но в Риме его явно больше привлекал сдержанный Нобиле, чем импульсивный Рисер-Ларсен».

В Риме Элсуорт склонен поддержать целый ряд требований Нобиле, в частности: его имя должно быть включено в официальное наименование экспедиции, и он станет одним из авторов будущей книги. Амундсен же, напротив, все больше придерживается непримиримой линии Рисер-Ларсена.

Знаменательный инцидент происходит незадолго до отъезда из Рима. Наконец-то четверо руководителей достигли соглашения о процедуре принятия решений на борту дирижабля в случае, если полет придется прервать. Когда норвежцы вернулись в гостиницу, Элсуорт отвел Томмессена в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз. Американец дает выход своему недоверию к Рисер-Ларсену в серьезных обстоятельствах и заявляет, что все-таки не может поддержать соглашение, однако, не смея изложить полярнику альтернативную идею, просит об этом Томмессена.

«И вот я, испросив высочайшей аудиенции, отправился к Амундсену, который ответил на мои слова вспышкой гнева. Он мгновенно разгадал замысел Элсуорта и вскричал: "Он работает на Нобиле!" Мы еще немного поговорили, и он отослал меня к Элсуорту с категорическим отказом. Однако Элсуорт не сдался, попросил меня вернуться к Амундсену и заверить, что он по-прежнему питает к полярнику дружеские чувства и вовсе не хотел его обидеть, а стало быть, тот может без колебаний пойти на изложенное предложение! С этим несколько противоречивым заявлением я опять поднялся к Амундсену, и на сей раз, выслушав меня, он просто рассвирепел, помчался в номер Элсуорта, в

сердцах выругал американца и вернулся к себе. Когда я позднее зашел к Элсуорту, я застал его совершенно подавленным, однако он сказал, что поддержит соглашение, если я дам честное слово, что Рисер-Ларсен в написании книги участвовать не будет. Я толком не понял связь между этими двумя проблемами, но для Элсуорта такая связь явно существовала».

Торжественная передача дирижабля была назначена на 29 марта 1926 года. Но прежде Линкольну Элсуорту пришлось спасти экспедицию от острого кризиса: недоставало средств на страховку. Прибегнув к помощи телеграфа, богач сумел организовать 20 тысяч долларов, которые и предоставил в распоряжение Общества воздухоплавания, правда, по словам Томмессена, при одном обязательном условии: «...если я дам честное слово, что Рисер-Ларсен в написании книги участвовать не будет». К счастью, это была не проблема, так как, по договоренности, технические разделы книги будет писать полковник Нобиле.

Церемония в ангаре под Римом вылилась в пышный спектакль, отмеченный великодержавными амбициями и фашистским энтузиазмом — ведь героический проект наконец-то близок к осуществлению! Диктатор новой Римской империи Муссолини произнес речь от имени счастливых дарителей. А главный редактор «Тиденстейн» Томмессен, облачившись ради такого случая в официальный костюм, рассыпался в благодарностях за дирижабль. Кульминацией стала смена флага. Итальянский флаг спустили, а затем подняли норвежский. Совершил этот почетный акт Оскар Вистинг — первый среди мастеров на все руки.

Однако наречь дирижаблю имя, по традиции, могла только женщина. У холостяков Амундсена и Элсуорта никого подходящего под рукой не нашлось. А красивая

жена и дочка Умберто Нобиле исключались. Стало быть, на выручку волей-неволей пришла г-жа Рисер-Ларсен. «Я, разумеется, настоял на том, что дирижабль не только должен лететь под норвежским флагом, но также и носить имя моей родины», — пишет в мемуарах полярник. Увы, и здесь все кончилось неоднозначно. Помимо флага на ахтерштевне, сам корпус дирижабля нес итальянские цвета, да и первоначальное название перед новым «крещением» не смыли. Таким образом, дирижабль «Норвегия» сохранил и свой старый номер — N-1. Знаменательно, что позднее летательный аппарат будет зарегистрирован в Норвегии тоже под номером N-1 (первый и единственный норвежский дирижабль), а значит, все уладится. Как будто бы.

Пока канонир Вистинг, Бенито Муссолини, жена Рисер-Ларсена и прочие второстепенные персонажи красовались на исторической сцене, сам полярник стоял на заднем плане как безымянный зритель. Ему не отвели никакой роли, но не оттого, что нарочито обошли вниманием, — просто он вообще не должен был здесь присутствовать. Амундсен и Элсуорт без предупреждения прибыли в Рим тремя днями раньше, а в тот день, когда была торжественно разбита бутылка шампанского, уехали, хотя дирижабль вылетал из Чампино лишь 10 апреля.

До сих пор роль Руала Амундсена во многом поразительно напоминала роль зрителя. Полярник считал, что на своем веку вполне достаточно гнул спину; не грех и явиться на Шпицберген, так сказать, к накрытому столу. Впоследствии Ролф Томмессен писал: «Вообще было очень-очень жаль, что знакомство Амундсена с экспедицией и с итальянскими участниками оказалось, по сути, крайне слабым; кроме Нобиле, он даже по фамилиям итальянцев не знал. В этой ситуации, когда было особенно важно подчеркнуть руководящую роль норвежцев, многое сложилось бы

иначе, если бы сам руководитель отчетливо сознавал, что никакое славное прошлое не может заменить тяжких будничных трудов».

21 апреля 1926 года пароход «Кнут Сколюрен» прибыл в Кингсбей. Руал Амундсен сошел на берег первым, за ним последовали его спутники. Не считая денежного американца, самым близким Начальнику человеком был заведующий матчастью Фриц Г. Цапфе, который сотрудничал с ним еще во времена «Иоа». Цапфе никогда не участвовал в практических операциях, но мог похвастаться тем, что он старейший из людей Амундсена.

С тех пор как полярник два месяца назад покинул Нью-Олесунн, в здешних окрестностях произошли заметные перемены. Прежде всего бросался в глаза гигантский ангар, возвышавшийся за цветными домишками. Но ничуть не меньше поразил Амундсена монумент в честь героического прошлогоднего перелета. Да, темпы замечательные. Памятники и те не заставляли себя ждать.

Четыре дня спустя Руал Амундсен проснулся от звуков военного марша, который играли на палубе корабля «Хеймдал», пришвартованного у набережной Кингсбея. Все готово. Норвежское государство и на сей раз не бросит своего великого сына в беде. Недоставало только дирижабля, но тому предстоял долгий путь. Из Рима он направился в Пулем, оттуда в Осло и дальше, в Ленинград. По сигналу готовности из Нью-Олесунна дирижабль через Вадсё вылетит на Шпицберген.

29 апреля, когда «Норвегия» все еще находится в ангаре у красных, неподалеку от Ленинграда, в Кингсбей приходит второй корабль. Швартуется к борту «Хеймдала», поскольку тот не делает поползновений освободить ему место у стенки. Это американский пароход «Шантье» с самолетом «Жозефина Форд» на

борту. На палубе стоит командор Ричард Э. Бэрд — он решил лететь к Северному полюсу.

Экспедиция Бэрда явилась сюда, понятно, совершенно некстати, если не сказать невпопад. И Амундсен, и Элсуорт в общем-то знали о планах американского военного летчика. И все же норвежец, вероятно, чувствовал себя не лучше, чем капитан Скотт, услышавший, что конкурент высадился в Китовой бухте. Руал Амундсен замечает это сходство и старается использовать ситуацию с максимальной выгодой. Он сразу же признает за американцем право соперничать за Северный полюс. А тем самым оправдывает собственное поведение шестнадцатью годами раньше, в борьбе за другой полюс.

Да и Северный полюс теперь не тот, каким был прежде. Норвежец уже произвел эхолотирование и убедился, что все достойное открытия расположено по другую сторону, меж полюсом и мысом Барроу. А разве перелет над математической точкой можно сравнить с открытием нового континента?

Дирижабль «Норвегия» появился над сверкающими снегами Свалбарда ранним утром 7 мая 1926 года. Летательный аппарат имел форму сигары. И благополучный перелет из далекого Рима безусловно стал добрым предзнаменованием грядущей победы. Ловко и красиво дирижабль снизился и был зачalen в своем исполинском ангаре.

Американцы развивают бурную деятельность. В ночь на 9 мая командор Бэрд и его пилот Флойд Беннетт стартуют и их «Фоккер» с лыжным шасси исчезает за северным горизонтом. На следующий день, около 16 часов, «Жозефина Форд» возвращается — с Северного полюса. Раньше, чем ожидалось. Руал Амундсен встречает американцев распростертыми объятиями.

По поводу соревновательных акций американцев обычно возникало много вопросов, не обойдется без них и на сей раз. Еще до конца мая один из кингсбейских знакомых Амундсена писал о Бэрде, что «здешний народ поговаривает, будто он сам толком не знает, где побывал». Даже для людей честных и добросовестных навигация над Ледовитым океаном была сложной задачей. Ориентиров нет, однообразная пустыня. Поэтому фактически все равно, где в точности побывал командор Бэрд.

В ожидании старта дирижабля в Нью-Олесунне начали обучать итальянцев ходьбе на лыжах. Руал Амундсен обязал всех участников перелета взять с собой лыжи. За три-четыре дня южанам предстояло овладеть искусством, в котором, по утверждению Фритьофа Нансена, надо упражняться с трех-четырёхлетнего возраста. Тренером был лейтенант Бернт Балкен, который бегал на лыжах пятидесятикилометровку и принадлежал к особой «резервной команде» Рисер-Ларсена. Этот знаменитый впоследствии летчик взялся за безнадежное дело; Трюгве Гран, в свое время на протяжении целой зимовки обучавший людей капитана Скотта, и тот признал, что тезис Нансена отнюдь не голословен. Важнейшей задачей Балкена стало изготовление новых прочных лыж для «Жозефины Форд». На этих норвежских шасси американцы и выиграли воздушную гонку; казалось, норвежцы вообще чувствовали большую солидарность с американскими соперниками, чем с итальянскими партнерами. «Бедняги тоскуют по родному солнечному Неаполю», — безнадежно писал Балкен в своих мемуарах.

Первоначально полковник Нобиле предлагал совершить перелет с чисто итальянским экипажем. И после прибытия дирижабля колония южан насчитывала ни много ни мало двадцать три человека. После вылета

из Рима в рисер-ларсеновских планах насчет поворота отнюдь не прибавилось трезвого реализма.

Окончательный состав экипажа определился лишь в день старта, 11 мая. Нужно было сбалансировать вес, компетентность, национальность, а также новые и давние обязательства. Численность — шестнадцать человек. Нобиле взял с собой пятерых специалистов: такелажника, техника и трех механиков. Метеорологом на борту был конечно же Финн Мальмгрен, невзирая на предостережения капитана Вистинга и свое шведское гражданство. Все, кто плавал на «Мод», обладали преимуществом. Верность — вот добродетель, которую полярник ценил превыше всего. Поэтому Оскар Вистинг, ветеран Южного полюса и Северо-Восточного прохода, занял место у руля высоты, тогда как на безотказного Оскара Омдала возложили почетную ответственность за один из моторов.

Но и высочайшая добродетель порой не лишена мелких изъянов. Радист Геннадий Олонкин ходил на «Мод» с 1918 года; только Вистинг плавал на службе у Начальника дольше его. Этот владеющий норвежским языком русский летел на «Норвегии» от самого Рима и успешно справлялся со своей работой. Как вдруг, наутро после прибытия в Кингсбей, ему сообщают, что он отстранен от работы, по причине «перенесенной им болезни уха». Русский не верит собственным ушам. Похоже, поголовно все не верят. Подводит Олонкина не слух, а национальность. Заменив русского норвежцем Фритьофом Стром-Юнсенем, который волею случая «временно работал» на кингсбейском радиотелеграфе, руководство экспедиции преследовало единственную цель: норвежцы не должны быть на борту в меньшинстве.

Олонкин славился нелюдимостью и молчаливой сдержанностью, и все же один из итальянцев видел слезы на его каменном лице. Семь лет он провел во

льдах, на борту «Мод», а теперь, накануне последней решающей экспедиции, этот русский, это верное сердце, был отстранен. Всё ради Норвегии.

Начальником радиослужбы был назначен капитан Биргер Готвалдт. По приказу высокого начальства именно ему поручили произвести национальную чистку среди своих подчиненных. Фредрик Рамм, чьи национальные взгляды не вызывали сомнений, отвечал за информацию. Лейтенант Эмиль Хорген стал помощником по навигации. Двое последних входили в состав прошлогодней экспедиции.

Верхнюю ступень хитроумного штатного расписания, основанного на профессионализме и национальной принадлежности, занимала четверка руководителей.

Линкольн Элсуорт не имел на борту дирижабля определенных обязанностей. Отчасти он играл роль проворного помощника там, где нужны дельные руки, отчасти же — если возникнут интриги — мог только усложнить психологический климат. Место штурмана-навигатора, о котором мечтал Элсуорт, в итоге досталось его вечному сопернику в борьбе за благосклонность Амундсена — Ялмару Рисер-Ларсену. Помимо этой ответственной задачи заместитель Амундсена был готов в любую минуту взять на себя функции пилота, а возможно, и спасателя.

В противоположность трем другим лидерам пилота дирижабля, Умберто Нобиле, полярником никак не назовешь. Изящный южанин был по натуре скорее человеком умственного труда. Полковник имел инженерное образование и занимал пост директора завода. Обычно он работал за письменным столом, а перелет был для него математической задачей, которую предстояло реализовать на практике.

Дирижабль — аппарат огромный, но уязвимый. Для конструктора все предприятие основывалось на целом

комплексе расчетов. Каждый компонент нужно было просчитать и принять в соображение — расстояние, вес, температурные условия, влажность, силу ветра, балласт, объем горючего. Дистанции огромны, и малейшая погрешность за чертежным столом могла привести к катастрофическим последствиям. Участвуя в экспедиции, Умберто Нобиле делал ставку на ее удачный исход. Он не был авантюристом, то бишь ничего не отдавал на волю случая. С профессиональной точки зрения перелет «Норвегии» знаменовал явный разрыв с позицией, характерной для всех предшествующих воздушных экспедиций Амундсена, — с позицией инженера Андрэ, где основой основ были мужество и дерзость: люди начинали полет и *надеялись* вернуться. Умберто Нобиле знал, что, если дирижабль не продержится в воздухе и не достигнет цели, сражение будет проиграно — и для него самого, и для Италии.

Итальянцы считали для себя делом чести обеспечить успешный полет дирижабля, а норвежцы были готовы провести экспедицию назад через льды. Именно тогда — после посадки — старый полярник возьмет руководство на себя. Именно тогда в полной мере проявятся выдающиеся качества северян. Если отвлечься от молниеносной акции Бэрда и Беннегга, не было еще ни одной полярной экспедиции, которая не соприкоснулась бы со льдами напрямую. Норвежцы погрузили в дирижабль лыжи и полярное снаряжение и не сомневались, что рано или поздно итальянцы окажутся в зависимости от настоящих полярников.

Среди тех, кто после старта остался на земле, был не только знаменитый летчик Бернт Балкен, но и еще один лейтенант — Густав С. Амундсен. Племянник Начальника тоже входил в резервный отряд Рисер-Ларсена. Вместе с горсткой земляков и итальянцев, до последней минуты живших надеждой, молодой

Амундсен попрощался с местом в истории, когда отдали швартовы и дирижабль взмыл в небо. Расчеты полковника были неумолимы. Участников ровно шестнадцать.

Исключение сделали для одного-единственного живого существа — для Титаны, собачки Нобиле.

Глава 42

СОБАЧКА НОБИЛЕ

«Под итальянским флагом, в фашистском воодушевлении, "Норвегия" взмыла в полярное небо!» — с такой шапкой на первой полосе вышла «Иль пикколо» 11 мая 1926 года. И в Осло, и в Риме газеты напечатали спецвыпуски по случаю старта экспедиции.

Ословская «Афтенпостен» направила в Рим своего главного редактора Фрэйса Фрэйсланна, чтобы осветить это событие с точки зрения нового партнера Норвегии: «С начала мировой войны у итальянских газет определено не было таких продаж, как сегодня; даже во время похода "чернорубашечников" на Рим в городе вряд ли ощущались такое напряжение, такой интерес, такая мощная патриотическая сплоченность, как сегодня».

«Amundsen — Ellsworth — Nobile Transpolar Flight»^[164] стал в прессе событием международного масштаба. Газеты всего мира во главе с «Нью-Йорк тайме» участвовали в этом предприятии экономически и имели все основания посвящать ему целые развороты. Но речь шла не только о хороших продажах — по крайней мере, в двух странах это было событие политическое.

Муссолиниевская пресса наконец-то могла дать себе волю и наводнить новостные публикации столь желанными героико-патриотическими атрибутами. Норвежские газеты были куда больше вовлечены в дела самой экспедиции. Прежде всего через главного редактора Томмессена — владельца и издателя «Тиденс тейн» и «Осло афтенавис». Но полярник по традиции сотрудничал с несколькими газетами, в том числе и с правоконсервативной «Афтенпостен». Не вызывало сомнений, что оба могущественных газетных магната —

ярко выраженные националисты Фрэйсланн и Томмессен — рассчитывали по максимуму использовать перелет «Норвегии» не только ради чисто финансовой прибыли, но и как политический козырь.

«"Норвегия" стартовала в 9.55 утра. Погода была лучезарная. Ясно и безветренно при — 40,6°^[165]. Нас 16 человек» — вот так, деловито и лаконично, Руал Амундсен начинает свой последний экспедиционный журнал. Старый полярник не забыл давний навык засекаать время, замерять температуру и пересчитывать своих людей. Но, описывая дирижабль, он волей-неволей обращается к поэзии: «Он красиво взмыл ввысь и расправил оперение».

Какое такое оперение? Крылья есть у самолетов, но не у дирижаблей — даже в поэзии дирижабль, пожалуй, сравним с парящим в небе китом или исполинским надувным динозавром, но не с птицей. И все же он расправил оперение. Может, взлетел «павлиний» трон?

В капитанской гондоле, как всегда на амундсеновских кораблях, висели овальные рамы с портретами короля Хокона и королевы Мод. Спустя много лет у норвежского короля будет свой морской корабль под названием «Норвегия». Но и дирижабль «Норвегия» тоже был королевским. N-1 поначалу предназначался для итальянского монарха Виктора Эммануила III, чтобы тот мог совершать полеты и озирать с высоты свою державу. Правда, после перестройки роскошное убранство демонтировали. Только трон остался.

Полковник Нобиле писал, что специально для Амундсена установил у одного из боковых иллюминаторов плюшевое кресло; сам же полярник утверждает, что сидел на алюминиевом баке с водой. И в данном случае он, вероятно, прав, не насчет кресла, а

насчет позиции. Полярник не хотел сидеть у бокового иллюминатора, он хотел сидеть впереди, у большого панорамного окна.

Руал Амундсен — тоже король, ничуть не менее, чем Виктор Эммануил, незначительная фигура в тени Муссолини.

Непоколебимый, как самодержец, полярник сидел спиной к своим подданным. Всю жизнь он странствовал под защитой Господа по зеркальным ледяным чертогам. И ни на миг не усомнился в своем праве на власть. Король, разыскивающий свою державу.

Пока что всё — повтор. «Льды почти как в прошлом году, — дисциплинированно записывает он. — Весь экипаж прилежно трудится». Чем они, собственно, заняты, Начальника не интересует — ведь всё «идет отлично». В позднейшем рассказе он обращается к образу, заимствованному из животного царства: «Во всех трех гондолах, точно обезьяны, сновали механики».

Самых головоломных акробатических номеров Начальник не видит, они разыгрываются далеко от капитанской гондолы: такелажник Алессандрини вылезает через носовой люк наружу, чтобы осмотреть внешнюю оболочку аппарата. Он ужом ползает взад-вперед по округлому корпусу, на трескучем морозе, при скорости 80 километров в час. Стало быть, механики, «эти бодрые, веселые сыны юга», как их называет Начальник, впрямь владеют своими обезьяньими искусствами. Холод был столь же беспощаден, а высота падения ничуть не меньше, чем для погонщика собак, бодро бегущего по испещренным разломами ледникам Антарктиды.

Времена изменились. На «Фраме» и «Мод» кишмя кишели собаки и приходилось ежедневно убирать помет; здесь, на «Норвегии», ничего такого нет. Хотя лай все-таки слышен.

Собачка Нобиле скачет по гондоле. Но если фрамовские собаки заполняют многие страницы саги Южного полюса, то Титина в «Первом полете над Ледовитым океаном» практически не упоминается. Можно лишь догадываться о мыслях полярника. Невысказанность — свидетельство великодушия. Собачка Нобиле — нарушение устава. Полярник таких мелких собачонок просто не замечает. Собака ли это вообще?

Полковник Нобиле говорит, что она подлиза, не хотела оставаться без хозяина. Полярник умеет оценить верность собаки, ведь в ней столько благородства, но практические функции? Собаки должны либо везти хозяина вперед, к цели, либо сидеть дома и стеречь его имущество. Комнатной собачке в полярной экспедиции не место. Она — уязвимая точка в организации, душевный изъян пилота. Не собака зависит от полковника, полковник зависит от Титины.

По зрелом размышлении полярник решает, что собачка, может быть, даже пригодится. Смотрит на Вистинга и вспоминает Потрошителя. Титана весит килограммов пять. Вистинг умеет свежевать собак и использовать по максимуму. Каждому достанется немного, но дележ будет равный. В тот миг, когда они ступят на лед, распорядиться будет он, Начальник, — людьми, животными и дневными рационами.

Котлеты из собачины — штука хорошая. Умелец на все руки знает и кулинарные хитрости. Это блюдо называли попросту — «собачинка». Полярник бросает взгляд на острую темную мордочку. Тельце гладкое, белое. Это вообще собака?

Поживем — увидим.

В десять вечера «Норвегия» пересекла 87°30* северной широты. Чтобы размять ноги, Начальник встал с водяного бака и занял место у одного из рулей. Вот

тут-то ему и приносят радиотелеграмму. Частную, от конкурсного управляющего Руде, где сообщается, что «оба дома мои». Начальник сменяется у руля. Пишет на листке несколько слов, отдает радистам; «немедля послал Херману благодарств. телеграмму».

Эта короткая фраза в дневнике свидетельствует, что горькая глава в жизни полярника завершилась — всего за несколько часов до достижения Северного полюса.

Судебная тяжба между конкурсным управляющим и Леоном Амундсеном завершилась примирением — 19 апреля. Иначе говоря, Леон отказался от мысли обжаловать дело и предавать огласке щекотливые обстоятельства частной жизни брата. Недвижимость отошла под конкурсное управление, которое свободно могло перепродать ее Херману Гаде и дону Педро. На сей раз за полную рыночную стоимость.

Благодарственная телеграмма Херману была в высшей степени уместна. Конкурс пока в силе, поэтому формально дома будут числиться за ним, но фактически ими снова владеет полярник.

На пути к Северному полюсу Руал Амундсен не выдает своих мыслей. Но, глядя на ледяную пустыню внизу, он знает, что последняя нить, связывавшая его с братом, оборвалась. Когда-то они сообща проделали магический трюк — обманув весь мир, превратили север в юг. Но цена была высока. Северный полюс ему пришлось покорять в одиночку.

В этот же час оборвалась и последняя связь между Руалом Амундсеном и Кисс Беннетт. Все хитросплетения вокруг дома, который он хотел подарить ей, остались за пределами истории. Публике незачем копаться в несостоявшейся совместной жизни.

Полярник наконец-то свободен, ничем не скован. Летит — на корабле легче воздуха. Он нарек его

«Норвегия», но по-прежнему находится на борту «Летучего Голландца».

И еще одно событие происходит до Северного полюса: «*Полночь, 88°30′*. День рождения Элсуорта, 46 лет. Выпили чаю за его здоровье». Для американца это была скромная, однако бесценная «деньрожденная» пирушка. Как-никак место весьма знаменательное для вечного мальчишки-холостяка в его неугомонной погоне за приключениями и сложными физическими задачами. Лишь через семь лет он скоропалительно женится. Если верить мемуарам, с красавицей-женой он был не слишком словоохотлив.

Вскоре внимание сосредоточивается на богатырской фигуре Рисер-Ларсена; он стоит у бокового иллюминатора, с секстантом в руках. Если пилот дирижабля одет в волчью шубу, то навигатор — в спортивный костюм и кепку. Температура в гондоле ниже нуля. Термосы с горячим питьем замерзли, но богатырь не зябнет. Мало того, в кармане брюк у него спрятан фарш. Как только Рисер-Ларсен констатирует 90°, дирижабль снижается, моторы заглушают. Машина беззвучно зависает в воздухе.

Дневник Начальника: «В 2.20 утра мы на Северном полюсе. Сбрасываем флаги. Норвежский красиво развевался. Древко чин чином воткнулось в снег. Лед был сильно изломан на мелкие льдины. Мы висели на высоте 200 м, при — 11°. Туман рассеялся, едва мы достигли полюса, поэтому можно было оглядеться».

В книге флажная церемония приукрашена: «Со свистом полетел вниз прекрасный, сшитый вдвойне, норвежский шелковый флаг. Поперечная рейка была приделана к длинному алюминиевому древку — совсем как бывает на знаменах, — и поэтому флаг при падении получил совершенно верное направление. Флаг упал безукоризненно, впился в лед, и под дуновением

легкого ветерка норвежские цвета развернулись над полюсом».

Полярник, который на сей раз пишет и от лица Элсуорта, продолжает в третьем лице: «В то же мгновение Амундсен обернулся и крепко сжал руку Вистинга. Не было произнесено ни одного слова, слова были излишни. Две те же самые руки водрузили норвежский флаг на Южном полюсе 14 декабря 1911 года». В эту триумфальную минуту капитан неудачницы «Мод» был вознагражден за свою преданность.

Не менее важно и еще одно: этим рукопожатием Начальник снял с себя обвинение в том, что исключил Ялмара Юхансена из состава южнополярной группы, так как якобы не желал, чтобы человек, поставивший высокоширотный рекорд на севере, добился того же и на юге. Теперь это обвинение снято. Безмолвным жестом Начальник продемонстрировал свое великодушие. Добрался до вершины сам и поднял туда крепыша-хортенца. Они оба — единственные в мире — были покорителями двух полюсов.

После рассказа о крепком рукопожатии норвежцев, соединивших этим символическим актом два полюса, описание того, как американец в одиночку совершил свою флажную церемонию, приобрело какой-то странно приватный характер: «Когда еще придется человеку водрузить на полюсе флаг родины в свой день рождения».

Итальянский флаг упомянут в книге лишь вскользь. Тем подробнее итальянские цвета критикуются в мемуарах полярника. Вдобавок там говорится, что после безмолвно-торжественной норвежской минуты и «совершенно неопишуемого чувства», с каким Элсуорт сбросил звездно-полосатый флаг, Начальник невольно расхохотался, глядя на итальянскую церемонию. Смех выражает порой не меньше героизма, чем всё прочее: «Опасности, препятствия, неприятности подчас в таком

множестве, что, казалось бы, их не перенести человеку, теряют свои шипы при целительной помощи юмора».

В конце концов Нобиле сумел сбросить флаг, который оказался больше других. Это был тот самый флаг, что изначально украшал ахтерштевень N-1. За ним следом отправились еще несколько флагов и вымпелов. С точки зрения Начальника, устроенный полковником спектакль превратил дирижабль в «какой-то небесный бродячий цирк». Главный руководитель экспедиции не видел причин для такой помпы: «То обстоятельство, что человек взрослый да еще военный мог иметь так мало воображения, чтобы расценивать подобный момент наглядными размерами символов, а не глубиной чувства, показалось мне таким ребячеством, что я громко расхохотался».

Отсюда все дороги вели на юг. Полярник занял свое постоянное место у панорамного окна. Вот теперь начнется серьезная работа. Северный полюс был не целью, а отправной точкой неизвестного этапа трансполярного перелета. Именно этот участок земной поверхности — между полюсом и Аляской — Руал Амундсен намеревался исследовать. Там самодержец отыщет свою землю.

Здесьние просторы были последней по-настоящему значительной частью поверхности Земли, о которой человечество не знало ничего. Расстояние вдвое превышало оставленное позади. Шпицберген находится на 80° северной широты, а берега Аляски тянутся по другую сторону от полюса вдоль 70-й параллели. Ни один корабль не измерял глубины в этом исполинском океане. Между полюсом и Америкой может лежать целый континент.

Всего через несколько часов после того, как «Норвегия» прошла над полюсом, радиосвязь прервалась. Мир принял сообщение, что на макушке

Земли установлены флаги: В общей сложности воздушный корабль и «Радио Свалбард» обменялись пятьюдесятью пятью радиограммами, через эфир прошло 1583 слова. Но когда дирижабль пересек рубеж неведомого, воцарилось полное молчание. Корабль вырвался из эфирных волн и пропал в неизвестности.

Полярник всегда отличался неразговорчивостью, и полковник Нобиле отметил, что он не жаловался на радиомолчание. Позднее итальянец инсинуирует, будто Амундсен сознательно испортил связь. И даже намекает, что замена Олонкина, который обеспечивал радиосвязь на всем пути из Рима до Шпицбергена, совершенно незнакомым ему, Нобиле, Сторм-Юнсенем, якобы имела к этому отношение.

Какова бы ни была причина, обрыв связи оказался им в известном смысле на руку. Руал Амундсен вовсе не горел желанием держать постоянный контакт с окружающим миром. Он с грустью наблюдал, как экспедиция «Мод» с ее радиопередатчиком мало-помалу исчерпала себя и утратила интерес публики. Вместе с тем во время прошлогодней аварии он пережил эффект полного исчезновения. Радиосвязь портила драматургию, исключала момент сюрприза. Весь эмоциональный накал, облегчение, ликование, заслуга пропадали по милости прозаического общения через эфир. Беспроволочная связь — сама по себе загадка — отвлекала от события как такового. Первопроходец отправился в полет, *чтобы вернуться*.

Многие тысячелетия люди жили на планете Земля, но часть их мира оставалась сокрыта тьмой неведомого. И один человек взял на себя головокружительную миссию первым заглянуть в это неведомое. Пятнадцать других были рядом, чтобы обеспечить ему такую возможность. Его единственная задача — *увидеть*. Увидеть впервые.

С кем из покорителей мира можно сравнить в этот миг Руала Амундсена? С Наполеоном на коне, во главе армии среди снежных российских просторов? С Колумбом или Лейфом Эрикссоном на кораблях в океане? Кое-что общее было у полярника в этот час со всеми первооткрывателями и завоевателями в истории человечества. Но вместе с тем этому последнему великому открытию Земли присуще нечто необычное, нереальное. Оно осуществилось за считанные часы, без особых усилий. Только взгляд двигался. Все снаряжение открывателя — записная книжка да бинокль.

Руал Амундсен не сидел верхом на коне, не стоял на капитанском мостике, не погонял собачью упряжку, даже за рычагами самолета не сидел — он открывал мир со зрительского места. Из театральной ложи. Это была премьера — состоявшаяся в реальном мире [\[166\]](#).

«Только что видел 3 чаек, летевших над разводьем?» — записывает он в 3.45 пополудни. Вопросительный знак говорит — земля? Где есть жизнь, есть и земля. Но здесь нет ни земли, ни жизни, пока несколькими градусами ниже медвежьих следы вновь не пробуждают надежду. Хотя медведи способны забрести очень далеко. Где есть тюлени, есть и медведи...

Бегут часы, и постепенно полярнику становится ясно: ничего нет. Бесконечный спектакль, полный пустоты. Нет ни новой Америки, ни новой Гренландии, ни новой Исландии, ни даже Земли Франца-Иосифа, ни даже острова Мэн. Нет Земли Руала Амундсена.

Полярник может положить бинокль на колени. Здесь один только лед. Он открыл, что открывать нечего.

Еще лет двадцать назад, планируя путешествие на «Фраме» — через Берингов пролив и дальше на север, — Руал Амундсен мечтал покорить эти исполинские просторы земной поверхности. Как скудны

оказались в конце концов впечатления, видно из книги «Первый полет над Ледовитым океаном», где весь путь от Северного полюса до Аляски описан всего-навсего на полутора страницах.

Дирижаблю грозило обледенение, но проблемы возникли лишь по прибытии на Аляску, где воздухоплаватели попали в сложные погодные условия. Экипаж был измотан — около трех суток почти без сна, на мороженой еде. Атмосфера нервозная. Даже собачка-полярница Титина беспокоилась. Где и как посадить дирижабль? Невзирая на сильный порывистый ветер, решили попробовать сесть на лед вблизи поселка Теллер, между Дирингом и Номом. Было утро 14 мая, по европейскому времени.

Сейчас, на самом последнем этапе экспедиции, полярник наконец-то переживает «чудо». На сцену вновь выходит Он — Тот, кто властен разделить море и унять бурю. «Еще когда мы начинали спускаться, с земли дул сильный резкий ветер. Внезапно и, по-видимому, без всякой к тому причины стало совершенно тихо, и штиль продолжался во время всего спуска», — пишет полярник в книге.

За отсутствием земного прибитка сам полет поднят на божественный уровень. Полярник «снимает шляпу» перед инженером. Однако ж где-то есть иной руль, иной штурман, иная, высшая, сила: «Честь по заслугам, говорят в народе. Так давайте же все вместе воздадим честь Тому, кто не раз в этом перелете явно простирал над нами руку Свою и спасал нас. Не будем спорить, кто из нас был лучшим. Мы все так ничтожно малы, если всемогущий Господь не помогает нам».

Глава 43

НАЦИОНАЛИСТЫ НА КРЕПОСТНОМ ПЛАЦУ

Пропажа «Норвегии» принесла в мировой прессе оптимальные результаты. 13 мая 1926 года, когда это случилось, люди на всей Земле читали, что дирижабль прошел Северный полюс. Но уже наутро точные радиосообщения сменились разворотами, полными исключительно журналистских домыслов. И в субботу 15 мая мир еще пребывал в абсолютной неясности насчет судьбы «Норвегии». Только вечером до цивилизованных краев достигло сообщение о прибытии на Аляску.

В экстренном выпуске — в день национального праздника, в понедельник 17 мая, — «Афтенпостен» извещает о том, как эта новость была обнародована в столицах, то есть в Осло и в Риме. Первый репортаж — из «Гранд-отеля»: «Вечером в субботу Зеркальный зал был полон — танцы, непринужденные разговоры, всё, как всегда. Внезапно секретарь Общества воздухоплавания, инженер Алф Брюн, поднимается на оркестровую эстраду, стучит по своему бокалу и зачитывает вслух телеграмму о том, что "Норвегия" приземлилась в Теллере. Огромное ликование». Затем исполняются национальные гимны трех стран, но это еще не все: «Немного погодя полковник Сверре, постучав по своему бокалу, произносит короткий спич в честь экипажа "Норвегии" и его подвига. Завершает он свою речь так: "Самый близкий им человек здесь — г-жа Рисер-Ларсен, сидящая вон за тем столиком, и потому я адресую этот тост ей"».

Эта радостная реакция, по скандинавским меркам весьма импульсивная, выглядит, несомненно, скромной по сравнению с тем, что происходило тогда же в итальянской столице: «Стотысячная толпа собралась на пьядца Колонна, где развевался маленький норвежский флаг, а по сторонам от него — огромный итальянский и американский. Движение транспорта на Корсо остановилось, все примыкающие улицы были переполнены ликующими людьми, которые кричали: "Да здравствуют Италия и Норвегия!" Под окном Муссолини вывесили норвежский флаг, что вызвало всеобщий восторг. Всю ночь город кипел жизнью. Народ без устали читал экстренные выпуски и отдавал почести норвежскому, итальянскому и американскому флагам под окнами Муссолини». В этот упоительный вечер, когда разукрашенный флагами и иллюминацией Рим охвачен бурным ликованием, Муссолини принимает главного редактора «Афтенпостен». Диктатор обращается с приветствием к братскому северному народу: «Блистательный успех полярной экспедиции наполнил меня радостью и гордостью и как итальянца, и как главу правительства. Неодолимое итальянское мужество соединилось здесь с неколебимой норвежской волей, а буйная созидательная фантазия латинян — с дисциплинированной, целеустремленной творческой энергией северян. Разные темпераменты чудесным образом дополняли друг друга. Бессмертное предприятие осуществилось, и эта победа, к которой так стремилось человечество, одержана в том числе и под нашим флагом. Излишне подчеркивать значение экспедиции для самых разных сфер, но этот общий наш триумф никогда не канет в забвение. Отныне давняя, богатая традициями дружба между Норвегией и Италией станет еще крепче и глубже прежнего».

А в северном королевстве той весной разразился очередной парламентский кризис. Левый кабинет

министров уступил место правительству меньшинства, сформированному партией «Хёйре». В результате крупнейшая норвежская газета «Афтенпостен» стала как бы правительственным органом. И главный редактор Фрэйсланн явно полагал, что у южного партнера есть чему поучиться.

29 мая «Афтенпостен» целиком отдает первую и вторую полосы большому интервью с Бенито Муссолини. Портрет диктатора помещен в лавровом венке, под шапкой «ИЗ НОВОЙ ИТАЛИИ». Норвежскому народу представляют политика, человека действия. Начинается интервью с «благополучного завершения полярной экспедиции», а затем непринужденно перетекает в подробное изложение политической программы дуче. Но в центре внимания конечно же сам человек — Муссолини, отнюдь не празднослов, опытный военный летчик, лихой автомобилист. Вдобавок неуязвимый для пуль множества наемных убийц. Облаченный в «плащ Всевышнего». «Ныне он неуклонно ведет Италию навстречу судьбе и великим свершениям». Вот таков этот государственный муж, представленный как лидер экспедиции. Четыре года назад он покорил Рим. Теперь идет на Осло.

В те минуты, когда в Норвегии дают официальный завтрак в честь «создателя новой Италии», на суровых берегах Аляски многообещающее братство давно пошло прахом. Два разных темперамента уже разожгли непримиримую вражду, которая развивалась с быстротой, вполне подобающей новому времени^[167].

Несколько позднее, летом, один из американских комментаторов весьма точно изображает сложившуюся ситуацию: «Когда полярники приземлились в Теллере, это была их общая заслуга, общая слава, но, если

раздоры не утихнут, та и другая сторона потеряют и заслуги, и славу».

Воспроизвести эту быстро разгоравшуюся свару во всех ее пикантных подробностях и несчетных национальных и человеческих гранях уже невозможно, да и нежелательно. Причина же конфликта была, можно сказать, довольно проста: перед вылетом из Рима Элсуорту и Амундсену пришлось согласиться, что Нобиле станет третьим руководителем экспедиции. Потому-то над полюсом сбросили и итальянский флаг (со всеми причиндалами). С точки зрения руководства Общества воздухоплавания, доля итальянского участия оказалась столь значительна, что избежать этой уступки было невозможно.

В свою очередь Руал Амундсен считал данное соглашение формальностью, временной уловкой, позволявшей наконец-то отправить дирижабль на север. Поэтому он продолжал играть ту единственную роль, какой владел, а именно роль Начальника-самодержца. Во вселенной полярника эгоцентричному итальянцу не было места. «Этому наемному пилоту норвежского дирижабля, составляющего собственность американского гражданина и мою, нельзя разрешать присваивать себе честь, которая не принадлежит ему по праву», — писал он позднее в своих воспоминаниях.

Главная проблема, однако, состояла как раз в том, что честь действительно *по праву принадлежала* Нобиле — заранее полярник не мог этого предугадать, а впоследствии не желал видеть. Ролф Томмесен очень метко сформулирует суть в своем официальном отчете: «Конфликт вызвало не что иное, как деликатные и сложные взаимоотношения, какие всегда возникают между несведущим и сведущим руководителями, а здесь они еще обострились ввиду того, что перелет удался». На полях против этой фразы полярник собственноручно добавил: «Вот я и получил!»

Если учесть многие квадратные километры обследованных территорий, то перелет «Норвегии» оказался весьма значительной географической экспедицией, вполне сопоставимой с величайшими открывательскими путешествиями в истории человечества. Его результат мог бы стать революцией в истории земного шара, но обернулся разочарованием — под льдами повсюду море. Сам же перелет как таковой, напротив, не просто удался, а превзошел все ожидания: 171 час в воздухе, считая от Рима, из них 72 часа над Северным Ледовитым океаном. Шедевр в сфере коммуникаций, дирижабль «Норвегия» был провозвестником новой эпохи.

За все время полета полярнику так ни разу и не довелось выступить в руководящей роли. Даже стать первооткрывателем ему было не суждено, а героическим ледовым вожаком тем паче. Руалу Амундсену оставалось только одно — одолеть Нобиле с позиций гипотетической ситуации, о чем он и пишет в своих мемуарах: «Взбешенный и раздраженный, я, не стесняясь в выражениях, напомнил ему, какое жалкое зрелище представляла бы собой его особа, если бы "Норвегия" была вынуждена к посадке, и указал ему, насколько нелепой была бы его претензия на командование экспедицией в таких обстоятельствах».

На следующий день после посадки в Теллере полярник на собаках выезжает в Ном. Его сопровождают Элсуорт и двое самых преданных людей — Вистинг и Омдал. С этой свитой он намерен войти в золотоискательский поселок и завершить свою карьеру там, где она началась двадцать лет назад, когда «Йоа» бросила якорь на здешнем рейде. С итальянцем он даже не прощается.

Нобиле прибывает в Ном позднее, морем, а через некоторое время в городке соберется вся экспедиция.

Обломки дирижабля оставлены неподалеку от Теллера. Демонтированная «Норвегия» являет собой жалкое зрелище — наподобие выброшенного на берег китового скелета. Хотя в известном смысле летательный аппарат по-прежнему имеет значительную ценность, особого интереса к его дальнейшей судьбе не наблюдается; Руал Амундсен никогда не дорожил отслужившим транспортом.

Встреча в Номе стала для великого полярника холодным душем — вместо ликующей толпы он увидел всего несколько человек. Номские обитатели думали, что прилетит дирижабль, а тут на тебе — старый полярник на собачьей упряжке. В самой персоне Руала Амундсена, хоть он и обзавелся бородой, никто большой сенсации не усматривал. Зато изрядную ажитацию возбуждает в городке «пышный въезд» (по выражению Амундсена) пилота дирижабля.

Экспедиция заранее подписала серьезное соглашение с «Нью-Йорк тайме». Однако, рискуя контрактами на без малого 400 тысяч крон, Руал Амундсен не спешил выполнять свои обязательства, хотя, по условиям соглашения, должен был отправлять огромные количества слов — как предполагалось, топографические описания новых земель и рассказы о прочих сенсационных находках. Увы, писать было в общем-то не о чем. Они видели медвежьи следы, а больше почти ничего.

Заметки, в конце концов отправленные телеграфом из Номы, принадлежали перу журналиста Рамма и были подписаны двумя руководителями — Амундсеном и Элсуортом. Нобиле незамедлительно опротестовал отсутствие своего имени. Экспедиционная администрация лихорадочно пыталась из Осло замять конфликт. Но у Начальника в итоге только крепнет убежденность, что Общество воздухоплавания идет на поводу у итальянцев. «Мы в ту пору чертовски устали от

всего этого и оставили Томмессена и его банду без внимания», — гласит его позднейший комментарий насчет вечных апелляций «ответственных» лиц к здравомыслию.

Чтобы сохранить за собой руководящую позицию и соблюсти национальные интересы, Нобиле организует собственное журналистское обеспечение для публикации итальянской версии. Из-за очевидного раскола недели в Номе мучительны для всех. К концу пребывания Рисер-Ларсен телеграфирует Том-мессену: «Радость по поводу успешного исхода экспедиции напрочь для всех отравлена, каждый мечтает только об одном — убраться домой и, по возможности, забыть обо всем. Увы, напоследок у А. останется горькая память».

Наконец приходит долгожданный пароход «Виктория», и 16 июня экспедиция отплывает на юг. Полярник без сожаления прощается с городком, который на протяжении всей его карьеры был столь важным географическим пунктом.

В книге, за которую вскоре возьмется, полярник ожесточенно сведет счеты с Номом, городком, где он, знаменитый на весь мир первооткрыватель, оказался в тени южанинаподчиненного. Амундсен прибегнет к способу, которым позднее так изощренно воспользуется в своих мемуарах. Он просто вычеркнет Ном из истории. Даже имя городка не заслуживает упоминания; он стал для «сказочной страны Аляски» позорным пятном и населен «теперь современным мелочным, жадным индивидом».

Чтобы объяснить моральный упадок обитателей безымянного поселка, полярник привлекает на помощь психиатрию и излагает анализ человека в зимней изоляции: «Мы ведь по собственному опыту знаем, как дурно отрезанность от мира сказывается на здоровом, трезвом мышлении. Уже год такой жизни заметен на

индивиде. А что же происходит с людским множеством, годами отрезанным от мира? Люди сами о том не подозревают, но их мозг съеживается до минимума, и вполне можно себе представить, каков будет результат, когда эти умственно больные принимаются оценивать людей и обстоятельства тем жалким клочком мозгов, какой у них еще сохранился, и свято верят, что с головой у них все в порядке». Полярник завершает свой анализ заявлением, что «немалое число индивидов Аляска год за годом набирает в Штатах из сумасшедших домов».

Вскоре после возвращения в Норвегию Руал Амундсен получит письмо с номским штемпелем, которое тоже проливает свет на отношение к местным жителям. Но под другим углом и с позиций другого человека. Написал его торговец Чарльз Карпендейл, отец Камиллы. Повод — неожиданная отправка обеих «эскимосских девочек» домой, состоявшаяся полтора года назад.

Под руководством Густава Амундсена Какониту и Камиллу отправили за океан, одних, на норвежском пароходе. Для Камиллы Карпендейл возвращение не представляло особых проблем, поскольку она могла вернуться в семью. Но как насчет маленькой Какониты Амундсен?

Что касается дальнейшей жизни приемной дочери, «Дедушка» не предпринял ровным счетом ничего. Для начала Каконита очутилась на Восточном мысу у Карпендейлов, которые отнюдь не горели желанием кормить лишний рот. Но как торговцу быть дальше? Отослать ее к кровному отцу? «У Какота нет дома, он самый настоящий шатун, и другие аборигены именно таким его и считают», — пишет Карпендейл о человеке, некогда подарившем Руалу Амундсену свою дочь.

После необычайно суровой зимы на побережье Сибири семья Карпендейл решила распрощаться с

коренным населением и отправиться в более цивилизованные края. «Оставь мы Ниту там, ее сердечко было бы разбито; она боялась Какота, не могла или не хотела говорить с ним, и в таких обстоятельствах, как тамошние, я бы даже собаку не оставил, а уж лучше этой девочки я никого не видал, ее нельзя не любить, и все, кто с ней встречался, искренне ее любят: что же с нею теперь будет?»

Отец семейства напоминает полярнику об ответственности за ребенка и заканчивает письмо ссылкой на номские обстоятельства: «Люди говорят, ты изменился; но мне приятнее вспоминать того Амундсена, какой знаком мне по мысу Восточному, и я никогда не поверю — пока ты сам не напишешь, — что, научив малышку Ниту вести себя за столом как белые люди и проч., ты вправду хотел, чтобы я отослал ее обратно...»

Каков бы ни был ответ полярника на это письмо, дело кончилось тем, что маленькая барышня Амундсен переехала с семейством Карпендейл в Сиэтл, где впоследствии вышла замуж и обзавелась детьми. Если Каконита представляла собой эксперимент, то сей факт трудно истолковать в пользу приемного отца.

На борту «Виктории» участников экспедиции фотографируют, всех вместе и группами, но норвежский и итальянский руководители за десять — двенадцать дней плавания не говорят друг другу ни слова. В Сиэтле наконец-то ждет торжественная встреча, с лодками на воде, людскими толпами на набережной и самолетами в воздухе — все это в честь героической команды дирижабля. Но в шуме ликования происходит весьма крупная катастрофа.

Полковник Нобиле и двое его сотрудников появляются у сходней в «блестящей военной форме», что в свою очередь приводит к огромнейшей обиде:

маленькая девочка с цветами, стоящая на набережной, не замечает полярника из полярников, одетого, как простой рабочий, и от имени города вручает букет случайному офицеру с забавной собачкой у ног.

И в книге об экспедиции, и позднее в своих воспоминаниях Руал Амундсен резко нападает на мундиры итальянцев: «Это был самый настоящий обман». Прежде всего потому, что Нобиле взял на борт лишний вес, тогда как норвежцам пришлось лететь на север в недостаточно теплой одежде. Этот аргумент был опровергнут десятилетия спустя, когда Нобиле рассказал, что итальянцы на протяжении всего полета носили мундиры под комбинезонами. Для тех членов экипажа, что отправились пароходом в южные широты, это была не новость.

«Все это еще увеличило наше раздражение, а я так даже внутренне вскипел по поводу пошлости, с которой он теперь выставлял себя напоказ, составляя такой разительный контраст с остальными товарищами по экспедиции». На самом же деле трое итальянцев в мундирах точно повторили сюрприз трех лейтенантов, которые вот так же появились в мундирах после прошлогодней экспедиции. Более того, они имели полное право должным образом представить свое отечество, ведь и лейтенанты тоже хотели продемонстрировать свою принадлежность к норвежскому военному флоту. Фактически итальянская сторона изначально считала экспедицию отнюдь не гражданским предприятием; согласно договору с министром авиации, г-ном Муссолини, Италия предоставляла в распоряжение экспедиции одного офицера для пилотирования дирижабля, и всех итальянских участников надлежало «рассматривать как людей, находящихся на службе у правительства Италии».

Несложно сделать вывод, что презрение Руала Амундсена к военным мундирам всегда было и оставалось национально окрашенным. Начальник четко отличал лейтенантов и солдат родной страны от любой другой, в конечном счете враждебной, армии.

Во время сиэтлских празднеств полярник скрепя сердце все же пытается наладить контакт с полковником. Не делая уступок, но — как утверждает Нобиле — стараясь переложить вину за разногласия на Элсуорта. Хотя даже вмешательство американца уже не предотвратило бы разрыв.

Когда все это успело отойти в далекое прошлое, Умбер-то Нобиле по случаю пятидесятилетия достопамятного перелета осторожно резюмирует дальнейшие события: «Норвежцы и итальянцы уехали из Сиэтла порознь, и по пути следования на восток через США их чествовали соответствующие эмигрантские колонии. Наше долгое турне, превосходно организованное по распоряжению Муссолини итальянским консульством в Вашингтоне и различными другими консульствами, вылилось в вереницу весьма шумных мероприятий. Муссолини воспользовался этим как возможностью для ведения политической пропаганды среди 40 миллионов американских итальянцев. В результате случилось неизбежное: и итальянцы, и норвежцы, говоря об успешном перелете, превозносили собственные заслуги, нередко умаляя вклад второго партнера. И мало-помалу раскол между сторонами пустил глубокие корни».

Как бы ни было организовано руководство трансарктическим перелетом, истинным главой предприятия бесспорно был Руал Амундсен. И когда блистательный триумф за считанные недели обернулся для всех участников полным расколом и моральным поражением, для полярника это безусловно означало,

что как Начальник он оказался несостоятелен^[168]. Руал Амундсен достиг многих, в конечном счете всех своих великих целей, что было бы невозможно, если бы он не имел организаторских способностей. Но только при наличии определенных предпосылок. Невзирая на все более частые приступы ярости, в целом Амундсена относили к типу немногословных руководителей без особых странностей. На внутреннем плане он, однако же, требовал полного подчинения, был неспособен пойти навстречу противной стороне. Снискать расположение Начальника мог только подхалим.

Подобно капитану Юхансену полковник Нобиле отличался гордым и честолюбивым характером. Ялмар Юхансен был человеком Нансена. Умберто Нобиле — подчиненным Муссолини. Ни тот ни другой не могли безоговорочно капитулировать перед Руалом Амундсеном.

Обратный путь норвежцев резко контрастировал с холодным и сырым перелетом; ни одно из средств сообщения не могло соперничать с железной дорогой по части комфорта на высоких скоростях. Руал Амундсен и его спутники пересекли американский континент, разместившись в двух спецвагонах, которым был придан отдельный вагон-ресторан. На скорости 100 километров в час полярник мог наслаждаться утренними ваннами.

5 июля триумфальный рейс заканчивается в Нью-Йорке. «Когда участники перелета прибыли на вокзал Гранд-Сент-рал, их приветствовали духовой оркестр и долгие овации тысяч людей, — пишет корреспондент «Афтенпостен». — Краткость пребывания исключала официальный прием». Украшенный флагами автомобильный кортеж в сопровождении полицейского эскорта доставляет воздухоплателей к пароходу

«Бергенсфьорд». Повсюду на улицах огромное возбуждение. У полярника нет времени. Ему пора домой.

Сразу после приземления в Теллере начались спекуляции о планах участников на будущее. Муссолини уже объявил, что Италия намерена построить новый дирижабль для полярных регионов. Элсуорт и Рисер-Ларсен, каждый по отдельности, носятся с идеями новых перелетов, тогда как Начальник ясно дал понять, что больше в них участвовать не станет. Что до будущих занятий, то он называет вполне безобидные — вроде альпинизма или, скажем, ловли лосося.

Однако в телеграфном интервью на борту «Бергенсфьорда», перечислив свои идиллические видения, роковым образом добавляет: «...Хотя я полагаю свою исследовательскую деятельность законченной, это не означает, что я залягу в берлоге. Если на севере или на юге кому-то понадобится помощь, я всегда буду наготове».

12 июля норвежских героев — в том числе и Мальмгрена — восторженно встречает Берген. Местные силачи подхватывают их и на руках несут на берег. Все девятеро полярников в одинаковых двубортных костюмах. Начальник спешно сделал заказ по телеграфу из Нома, и, когда они прибыли в Сиэтл, костюмы уже были готовы. Так амундсеновская команда тоже облачилась в униформу, правда гражданскую. В густой толпе стоят и жены героев. Самого Руала Амундсена встречают брат Густав и посол Гаде. Поселятся они в гостинице «Норвегия».

На многочисленных мероприятиях следом за норвежским гимном конечно же всегда исполняют «Звезды и полосы» и фашистский гимн. Не считая нескольких намеков в прессе, вражда по-прежнему скрыта под покровом корректности. Но для Руала

Амундсена позиционная война объявлена раз и навсегда. Тем не менее административный руководитель экспедиции Ролф Томмессен, при полном параде ожидающий их на пристани, кое-что замечает. «В Бергене я со всей сердечностью приветствовал участников экспедиции, — пишет он, — сам же руководитель держался, напротив, крайне холодно. Впрочем, все прошло хорошо; мы вместе участвовали в официальных торжествах в Бергене и Осло, без каких-либо эксцессов. Холодность Амундсена упорно не исчезала, и в конце концов я попросил его о встрече, чтобы поговорить начистоту. Обратился я к нему вполне дружелюбно, особо подчеркнул мои теплые чувства к нему и заверил, что всеми силами старался только сохранить согласие и осуществить экспедицию. Амундсен ответил, что не желает никаких дополнительных встреч, мне-де и самому наверняка известно, что произошло в Америке. Объяснений я не получил; Амундсен вообще не предъявил Обществу воздухоплавания каких-либо конкретных обвинений, ни в устной форме, ни в письменной».

15 июля экспедиция на другом пароходе американской линии прибывает в норвежскую столицу. «Афтенпостен»: «Вчера, ровно в половине четвертого пополудни, огромный "Ставангер-фьорд" вошел в гавань и стал на якорь у Почетной пристани. Множество расцвеченных флагами лодок и катеров несли почетную вахту по обе стороны "водного коридора", ведущего к Пристаню. В вышине, сверкая на солнце крыльями, кружили три военных самолета. Тысячи людей в напряженном ожидании заполнили набережные, площадь Турденшёльдс-плас и улицы у причалов. Вокруг праздничной трибуны столичной коммуны реяли на ветру флаги. Белый, синий и красный [\[169\]](#)

доминировали на Почетной пристани. Высокие помпезные цоколи с громадными чашами, из которых поднимались клубы дыма и пара, поделены на ослепительно белые и ярко-синие поля, что в летнюю жару вызывало ощущение прохлады и свежести, а также напоминало о льдах и снегах, о небе и море. От Пристани к трибуне тянулись широкие красные дорожки, а по сторонам стояли женщины с целыми охапками алых роз, предназначенных для вернувшихся домой полярников».

Хотя достопамятная встреча в Бергене транслировалась через горы, столица тоже приготовилась устроить полярникам официальный прием по высшему разряду — с приветственными гудками пароходов, с военными оркестрами, исполняющими «Мужи норвежские, в поход». После того как вице-спикер города и председатель стортинга Хамбро^[170] произнесли свои речи по случаю этого последнего из многих возвращений, перед соотечественниками выступает сам полярник. «Случайно у него при себе, под мышкой, был тот флаг, который развевался на дирижабле в течение всего перелета», — пишет позднее Рисер-Ларсен, с нарочитой неточностью, вообще характерной для большинства писаний героя-летчика. Фотографии свидетельствуют, что свернутый флаг был под мышкой у него самого. Реквизит оказался под рукой отнюдь не случайно; полярник, как всегда, не упускает из виду сценические элементы.

Режиссура проста, однако эффектна. Прежде чем взять слово, Руал Амундсен передает своему реквизитору букет роз, который держал в руках, а взамен получает упомянутый сверток. «Афтенпостен» сообщает: «Много раз меня спрашивали, что влекло меня прочь от дома, ради чего я работал. Вот что это

было (Амундсен разворачивает норвежский флаг). Этот флаг потрепан, весь в лохмотьях, но могу вас заверить: он *чист*! Храни Господь и его, и весь норвежский народ. Да здравствует Норвегия!»

Волшебный миг. Девятеро полярников, девятеро обветренных мужчин, героически борются со слезами. Иные не в силах с ними совладать. Ликование достигает вершины. Подъезжают ландо. Триумфальный кортеж направляется к Дворцу.

Наутро по приезде у Руала Амундсена день рождения. 16 июля 1926 года была назначена громкая политическая акция. Все участники экспедиции дали согласие прийти на народный праздник, который устраивало в крепости Акерсхус Патриотическое объединение молодежи.

Эта организация, вдохновителем и знаменем которой стал Фритьоф Нансен, возникла годом раньше в противовес деструктивным силам послевоенного времени, классовой борьбе и партийным дрызгам. Пусть иными средствами и, безусловно, с иными целями, она хотела строить «новую Норвегию» вокруг героической фигуры Фритьофа Нансена, подобно тому как «новая Италия» формировалась вокруг героической фигуры Муссолини.

Видимо, приглашение не вызвало у полярников разногласий. Ведь в этом национальном движении было на удивление много представителей арктических кругов. В его совет помимо Нансена входили два океанолога — профессора Хелланн-Хансен и Юрт, — председатель Географического общества ректор Скаттум, не говоря уже о Ялмаре Рисер-Ларсене. Немаловажные посты занимали там и редакторы Томмесен и Фрэйсланн, освещавшие в своих газетах перелет «Норвегии».

Руал Амундсен прибывает на Крепостную площадь в головном автомобиле кортежа. Шпалеры королевских гвардейцев, духовой оркестр играет марш, написанный специально по этому случаю. Рядом с именинником сидит не кто-нибудь, но сам Фритьоф Нансен. Оба седовласых гиганта по-мальчишески машут своими широкополыми шляпами. Профессор Нансен никогда не появлялся на норвежских торжествах в честь коллеги. И на сей раз он тоже пришел не затем, чтобы поздравить Руала Амундсена с днем рождения; Фритьоф Нансен прибыл в крепость Акерсхус исключительно затем, чтобы пожать политические плоды перелета «Норвегии».

Политическое послание профессора завуалировано, почти намек, но в рамках своей риторики он использует полярный перелет коллеги ради стоящей цели: «Нам необходим национальный подъем. Мы стосковались по свежему воздуху, и ваш подвиг пришел как избавление. *Есть еще в Норвегии настоящие мужчины!* Главное — найти себя, ведь счастье, наверное, заключается в полном раскрытии особых возможностей и особых дарований. Ваш пример, столь блистательный и яркий, поможет строить будущее Норвегии».

Национальное и мужественное — вот основы политического мышления Нансена. Его многочисленные начинания в отечественной и международной политике, как и широкомасштабные гуманитарные акции, строились на тех же принципах, что и экспедиции. Движущей силой была борьба за выживание; для умного руководителя, обладающего энергией и мужеством для осуществления своих планов, нет ничего невозможного. Полярника, которому выпало быть лидером на крайнем пределе бытия, должно рассматривать и как образец политического руководителя. «Прежде всего он был *настоящим мужчиной*. Стальная воля, подлинный вожак», — писал

Нансен в некрологе Роберта Пири. Великий перелет Руала Амундсена тоже «станет для норвежской молодежи образцом беззаветного мужества и нестигаемой воли».

В ответной речи почетный гость, обращаясь к своему учителю, повторил те же хвалебные фразы и заверил, что имя Фритьофа Нансена будет еще дольше «сиять яркой звездой, призывая молодежь Норвегии к свершениям и подвигам». Когда утихли аплодисменты, оркестр заиграл «Песнь о норвежцах», а в заключение выступили более прозаические ораторы — редактор Томмессен и председатель Патриотического объединения.

Когда 3 августа новопроизведенный генерал Нобиле прибыл в украшенный флагами Рим, в американских газетах уже разгорелась открытая полемика между Нобиле и Элсуортом. Борьба за лавры шла полным ходом. В приветственной речи с балкона дворца Киджи Муссолини прямо вступает в словесные распри: «Вот почему я хочу раз и навсегда твердо заявить — и желал бы, чтобы мой голос звучал с мощью грома! — что, хотя мы, по римской справедливости, отдаем должное заслугам ваших спутников, принадлежащих к другим национальностям, самой великой чести заслуживаете именно вы. Ведь именно вы, итальянец, вместе с другими итальянцами вели воздушный корабль к цели уникального перелета».

Празднование дня рождения Амундсена в крепости Акерсхус было детской забавой по сравнению с грандиозным политическим приемом, выпавшим на долю генерала Нобиле. Но так или иначе, грудь ораторов распирала одна и та же гордость и флаги двух стран развевал один и тот же национальный ветер.

Глава 44

КНИЖНОЕ САМОУБИЙСТВО

В переносном смысле последняя экспедиция Руала Амундсена тоже напоминала огромный аэростат, накачанный американскими долларами, неприкрытым норвежским национализмом и непомерными амбициями. Взрывоопасная смесь. И предотвратить разлад, судя *по* всему, было невозможно. А уж Руал Амундсен вообще не мог этого сделать.

С того самого дня, как дирижабль совершил посадку и полярник претворил в жизнь свое главное дело, все вокруг него затрещало по швам. Он становится все более непредсказуемым, если не сказать неменяемым.

«Он злится на Бога и на весь свет, а секунду спустя опять весел. Настроение у него меняется быстрее, чем погода и ветер, — пишет управляющий делами Общества воздухоплавания Шоллборг, посетив тем летом полярника. — Он все время раздражен, но сам не знает почему».

Уже 29 июля Амундсен (вместе с Элсуортом) порвал с Обществом воздухоплавания. Формальным поводом послужило требование Начальника уволить секретаря Общества, который по телефону поспорил с его племянником. Поскольку же руководство не сочло возможным выполнить это требование, полярник телеграммой сообщил, что прекращает с ними все отношения.

Разрыв держали в тайне, но ситуация была щекотливая, поскольку Общество целиком зависело от Амундсена в плане финансовых поступлений, которые теперь пошли прахом. Еще до возвращения из Америки полярник сообщил, что не намерен выступать с докладами. Но это означало нарушение контракта, и

ему пришлось вернуться к данному вопросу. В итоге большая часть лекторской работы легла на плечи Рисер-Ларсена.

За несколько летних дней в Свартсуге Руал Амундсен написал свою часть новой полярной книги. Она была короче обычного, всего одиннадцать тысяч слов, и повествование велось от первого лица множественного числа, потому что Амундсен писал как бы в соавторстве с Элсуортом. В целом «Первый полет над Северным Ледовитым океаном» — книга толстая, ведь в ней участвовали еще пять авторов. Главы, которые по контракту должен был предоставить Нобиле, написали племянник Амундсена Густав-младший и вездесущий Ялмар Рисер-Ларсен. Новая неудача Элсуорта.

Значительные части этой пятой и последней книги об экспедициях Руала Амундсена откровенно спорны, так как написаны явно с целью подчеркнуть роль норвежцев и в особенности лидерство Амундсена. Заместитель Начальника заканчивает свою главу прощальным приветом, который наводит на мысль о надгробной речи: «Спасибо, Руал! Спасибо тебе от всех нас!» Даже при наличии глав о навигации, метеорологии и радиослужбе книга казалась незавершенной, ведь конструктор и пилот дирижабля не получил слова. Она была переведена на десяток языков, но не имела такого успеха, как прошлогодняя героическая эпопея.

Постепенно огромная дирижабельная экспедиция, не в пример скромному, но слаженному авиаперелету, все больше представляла этакую простенькую поездочку. Фриц Г. Цапфе участвовал в обеих операциях; «...так огорчительна вся эта шумиха после эксп., уж больно благостно у них все получается. Ничего плохого вроде как и не было. Норвежцы, мол, на такое не способны. А в нынешней эксп. ничего особо

приятного нет», — сетует аптекарь в письме к полярнику. Участников, разумеется, наградили орденом Святого Олава, но и отечество сделало недостаточно: «Не нашлось даже средств выбить памятную медаль вроде той, что в честь "Фрама", а ведь Титина и та получила золотую награду. Мы-то держимся в тени, но, хвала Господу, у тебя славу не отнять, пускай хоть вся Италия сплошь состоит из этаких генералов. Но, как ты говоришь, очень досадно за Элсуорта».

Если от полярных исследований Руал Амундсен отошел, то писательская его карьера пока не завершилась. Он задумал еще одну книгу — мемуары. Подоплека этой единственной его книги, которая не базируется на экспедиционных материалах, вообще особая. Мемуары были написаны по заказу американского издательства «Даблдей, Пейдж и К⁰». Контракт подписали еще 24 февраля 1926 года, когда полярник, отменив турне по Штатам, находился в Нью-Йорке.

В издательстве Руал Амундсен поддерживал близкое знакомство с некой Анис Пейдж Купер, которая принадлежала в Нью-Йорке к тому же светскому кружку, что и Сэм и Бесс Магидс. По возвращении на родину он получил от г-жи Купер письмо, где она тактично напоминает ему об издательском договоре: «Надеюсь, ты рассчитываешь вскоре снова приехать в Нью-Йорк. Книга ждет, чтобы ее написали, и, быть может, мы сумеем оживить литературную лабораторию несколькими приятными партиями в покер».

В ноябре в Берлине проходит первый съезд Международного общества арктических исследований. Как упомянуто выше, на неоднократные обращения профессора Нансена участвовать в съезде Руал Амундсен ответил отказом, потому что более не желает иметь с немецкой нацией ничего общего. Впрочем, на

съезде присутствует большая группа норвежских и зарубежных ученых, а Фритьофа Нансена Общество избирает своим пожизненным президентом. Даже на бальном паркете в Берлине старый богатырь выступает блистательно.

Впервые Руал Амундсен отказывается после экспедиции от всех визитов в Европу. На этот раз он сразу отбывает в Америку.

26 ноября он вместе с Херманом Гаде отплывает за океан. Гаде направляется с особой дипломатической миссией в Вашингтон, полярник будет писать мемуары, а затем выступить с докладами.

Ступив на американский берег, Руал Амундсен, к превеликому своему удивлению, узнаёт, что Америка уже открыта — генералом Нобиле! После того как Амундсен нарушил контракт, итальянец по праву счел себя свободным от договорных обязательств и мог спокойно совершать в Новом и Старом Свете лекционные туры со своей версией перелета «Норвегии». Амундсен немедленно сообщил в Норвежское общество воздухоплавания, что он (и Элсуорт) официально отказывается от почетного членства. Он по-прежнему рассматривает Италию господ Муссолини и Нобиле как подразделение экспедиционно-дирижабельной компании. Разрыв становится достоянием гласности, и дразги разгораются с новой силой.

4 декабря руководство Общества воздухоплавания дает ответ, выплескивает все свои обвинения по адресу национального героя. Статья вызывает огромную шумиху в норвежской и американской прессе. На родине адвокат полярника, Эйнар Нансен, пытается отместить обвинения. Единственный комментарий главного персонажа: «Вздор!» Кроме того, он отсылает к мемуарам, где обещает написать «всю правду».

Подписывая договор на воспоминания (еще до перелета «Норвегии»), Руал Амундсен все же видел их не такими, как тот опус, который он так поспешно и ожесточенно стряпает в писательской келье «Уолдорф-Астории», оплаченной издательством. После замечательных рождественских праздников он сообщает в Норвегию своему адвокату: «Мемуары я закончил. Никуда они, черт побери, не годятся!»

В январе полярник развивает бурную деятельность, чтобы обеспечить своему близкому другу и домохозяину Херману Гаде пост норвежского посла в Вашингтоне. По этому поводу из «Уолдорф-Астории» рассылается целая серия телеграфных «молний», в том числе настоятельные ходатайства, адресованные королю и председателю стортинга, а также главному редактору Фрэйсланну, который более чем охотно соглашается задействовать «Афтенпостен» в борьбе за Гаде.

Между тем в дипломатических кругах посол Гаде — фигура неоднозначная. Как и полярнику, ему трудно приспособиться к безликому миру маленьких людей. После бруклинского праздника 17 мая в министерство иностранных дел поступает донесение, что посол с трибуны рекомендовал отечеству обзавестись «своим Муссолини», чтобы навести порядок в партийно-коммерческой власти.

Как раз по этому пункту полярник, пожалуй, придерживался несколько иного мнения. Фактически старый антисоциалист теперь больше симпатизировал коммунизму, нежели фашизму. Совершенно неожиданно он получил поддержку от газеты «Норгес коммунистблад», где был напечатан ряд критических статей о сговоре между режимом Муссолини и капиталистами из Общества воздухоплавания. Полярник не преминул написать своему новому союзнику, редактору-коммунисту, приветственное послание: «Выражая Вам благодарность за присланные

номера "Н. к.", я от всего сердца говорю спасибо Вам, а в Вашем лице норвежским рабочим за понимание и патриотизм, проявленные в этом общем деле»^[171].

Всю зиму и всю весну Руал Амундсен опять разъезжает по Америке с докладами. Гонорары он переводит на свой счет у адвоката Нансена, так как не доверяет Обществу воздухоплавания распорядиться этими доходами. В силу того же недоверия он — не вполне правомочно — обеспечивает себе копию фильма, снятого в экспедиции. Доходы от книги тоже поступают на счет адвоката. Полярник хочет вновь взять финансы под свой контроль. Чтобы получить доступ к доходам и расплатиться с кредиторами экспедиции, Общество воздухоплавания вынуждено обратиться в арбитражный суд.

«Время здесь течет в величайшем благонаравии», — с легким сожалением сообщил полярник старому «поросенку» Гаде в одном из писем из Нью-Йорка. Тем не менее совершенно ясно, что пятидесятичетырехлетний «cocktailshaker»^[172] отнюдь не отказывал себе в развлечениях. Правда, не в ущерб своей суровой программе. Энергия его по-прежнему поразительна. В конце марта ему оперируют опухоль бедра, и в апреле он снова у врача. «Д-р Сёйланн в Лос-Анджелесе облучает мою рану радием и истребил всю эту дрянь», — пишет он своей невестке Малфред.

9 июня 1927 года Руал Амундсен отплывает из Ванкувера на «Императрице Азии». Ему предстоит трехнедельный визит в Японию. В маленькой, густонаселенной, бурно развивающейся островной империи его принимают и чествуют как главу государства. В общей сложности полярник делает десять докладов, в том числе один — для императорской семьи. Будущий военный союзник

Муссолини, молодой Хирохито^[173], как раз в этом году, после нескольких лет регентства, принимает сан божественного императора. Богатырь-северянин, однако, ничуть не ослеплен богом-тенно и прочими обитателями дворца. «Они самые обыкновенные люди, и все прошло хорошо», — пишет он Гаде. Покоритель полюсов купается в ликовании, почестях и подарках. Пожалуй, только одно в этом официальном визите не вполне отвечает его ожиданиям. «Малышки японки совершенно не такие, какими я их себе представлял, — неуклюжие и малопривлекательные!»

15 июля полярник покидает пределы империи, направляясь во Владивосток, и не только увозит с собой множество ценных подарков, но оставляет в восхищении целый народ. «Где бы ни бывал, он всегда подчеркивал, что подвиги его совершались не ради личной славы и личных интересов, а во имя горячо любимой родины — Норвегии, — пишет после отъезда высокого гостя один из японских комментаторов. — Он неустанно повторял, что патриотизм оберегает людей от скверных поступков, и высокими словами подчеркивал ценность национального духа». Заканчивается сей дифирамб весьма многозначительным сравнением норвежского полярника с великим японским героем: «Любовь норвежцев к капитану Амундсену столь же велика, как наше благоговейное почтение к адмиралу Того^[174]».

Руал Амундсен стал посланником национального патриотизма. И, наверно, сам не понимал, какую взрывчатку держит за пазухой. Со временем многим станет ясно, что национальный дух отнюдь не всегда оберегает людей от скверных поступков.

«В своей экспансионистской сущности национализм оборачивался империализмом», — пишет именно в это время наш соотечественник Сигурд Ибсен^[175]. А Руал

Амундсен как раз и был империалистом, на свой весьма практичный лад: он охотился за империями. Вне всякого сомнения, он обладал подлинным национальным чувством, это часть его духовного багажа, как и детская вера. Но подобно многим людям во многих странах Руал Амундсен умел и использовать национальную волну для достижения своих целей.

После дирижабельного перелета полярник стремится извлечь из национального момента все, что можно. Он не только назвал свой итальянский дирижабль «Норвегия» — так же как норвежская шхуна некогда получила имя «Бельгика», — но и посвятил последнюю экспедиционную книгу «норвежскому флагу». В конечном счете все это муссирование национального есть маркировка собственной территории. В борьбе против Италии Амундсен и Норвегия — понятия синонимичные. Для Руала Амундсена национализм был средством. Целью была империя, *его собственная* империя.

Не делая продолжительных остановок, полярник следует по железной дороге через Советский Союз. Однако в Москве, в посольстве, все же успевает побывать под любезной опекой нансеновского сотрудника Видкуна Квислинга^[176] — будущего создателя партии норвежских националистов.

6 августа Руал Амундсен опять дома, в Свартсуге. Тотчас приходят приветственные телеграммы из Дворца и от супружеской пары из Ли-Корта. Нить, связывающая его с Кисс, не оборвана. Нет лишь точек соприкосновения. Полярник посещает Нью-Йорк, Токио, Москву, но все дороги обходят Лондон стороной.

«Моя жизнь» выходит в свет книгой 23 сентября 1927 года^[177]. К тому времени она уже опубликована — выпусками с продолжением — в американском ежемесячнике «Уорлдз уорк». Этой книгой Руал

Амундсен вторично объявляет себя банкротом. На сей раз он терпит нравственный крах. Книга окажется скорее самоубийством, чем автобиографией.

Очевидно, она удостоверяла слухи, возникшие в самое черное для полярника время, когда он собирался на самолете лететь с Аляски через Ледовитый океан, — слухи о том, что он не вполне вменяем. Мемуары были сочтены полной неудачей, и потому их тактично не включали ни в одно из позднейших собраний амундсеновских сочинений. Между тем естественнее рассматривать их не как аномалию, а как заключительное звено определенного развития. Книга явно связана с его предыдущим литературным произведением, «Первым полетом над Северным Ледовитым океаном». В идеале ему следовало бы одновременно закончить и полярную, и писательскую карьеру. Но в таком случае он бы не свел счеты. Натура полярника имела теневую сторону, которая не могла не проявиться. Такова была логика его жизни. Цена триумфа.

Обычно книги Руала Амундсена были заведомо позитивны. Поскольку он никогда не раскрывал конфликтных сторон бытия, в нем накопилась масса агрессии, которая в автобиографии безудержно вырвалась наружу. Международный престиж автора по-прежнему был так высок, что газеты многих стран не раздумывая перепечатывали и принимали его обвинения и разоблачения. Но хватало и таких, у кого они вызывали прежде всего недоверие и разочарование.

Газета «Моргенбладет», прославлявшая полярника на всех перекрестках, подчеркивает, что к независимой личности вроде Руала Амундсена нельзя подходить «с той же меркой, с какой мы подходим к обычным людям. Без этой независимости он бы не совершил того, что совершил. Он из такого же теста, как многие великие

исторические фигуры». Но, добавляет газета, «если подобный человек неосторожен в поступках, ему тем более необходимо соблюдать осторожность в выборе слов. Зная это, Амундсен изо всех сил старался нам угодить — пока тяготы последних лет не истощили его силы. Спутники полярника, ценившие героический дух выше мелочных соображений, с энтузиазмом шли за ним через ледяные просторы Арктики и Антарктики, но весь обывательский мир диву дается, что полярному исследователю недостает кой-каких наших добродетелей». Вывод «Моргенбладет» типичен и для позднейших оценок: «Пусть это мелкая книга — автор все равно велик». Иначе говоря, проводится четкая грань между мелочной полемикой и великими подвигами.

Если верить названию, то жизнь полярника наполовину состояла из разборок с Умберто Нобиле и предателями из Общества воздухоплавания. Но книга содержит и нападки на многих других именитых людей. И едва ли не больше всех достается его родному брату; человека, который на протяжении двух десятилетий был ему ближайшим доверенным партнером, он клеймит как предателя. Полярник вновь повторяет, что именно брат, а не он сам хотел хитростью извлечь недвижимость из конкурсной массы. И далее: «Он пытался испробовать самое низкое средство — клевету. К счастью, его собственному адвокату удалось вовремя помешать ему».

В конечном счете Леон примирился с тем, что ему не удастся использовать в судебной тяжбе личную жизнь брата, и как раз это оборачивается против него, причем в форме публичного обвинения. Полярник завершает свои нападки психологическим экскурсом: «Я часто раздумывал о том, что изменило характер этого человека». Важно было подчеркнуть, что это не

«наследственное», не свойственное семье: «Мать и отец были лучшими и честнейшими на свете людьми».

В предшествующих главах «Моей жизни» Леон упоминается лишь косвенно — как «спутник» и «секретарь»; тем не менее мемуары яснее ясного говорят, как сильно Руал Амундсен зависел от своего брата Леона. Будь они написаны в то время, когда братья еще были друзьями, они бы скорее всего никогда не вышли в свет.

В 1925 году личным секретарем Руала Амундсена стал его племянник, тридцатиоднолетний лейтенант Густав С. Амундсен. Единственный сын Густава и Малфред Амундсен, Того, как и его родители, регулярно и подолгу пребывал в экономической зависимости от своего знаменитого дяди. Без поддержки полярника Густав-младший не смог бы получить офицерское образование. Восторг был пропорционален зависимости. Но в наследство лейтенанту досталась и немалая доля той горькой злости, какую его отец навлек на себя в семье за долгие годы своей горемычной, нескладной жизни.

Молодой Амундсен занимался текущей корреспонденцией, однако ж не приходилось ожидать, что он станет полярнику советчиком и помощником, каким добросовестно служил Леон. Там, где брат смягчал и нейтрализовал герояполярника в его общении с окружающими, племянник лишь со скрупулезной точностью воспроизводит указания Начальника.

Впрочем, перо у лейтенанта Амундсена было легкое; именно он зимой 1927 года получил от «Даблдей, Пейдж и К⁰» дядюшкину английскую рукопись, а затем, уже в норвежском переводе, отправил ее в издательство «Юллендал норшк форлаг».

Возразить на оскорбительные выпады Руала Амундсена было не так-то просто. Вдобавок он *слишком* далеко шагнул за рамки приличий. Тем не менее ущерб во многих отношениях оказался непоправимым. За свою долгую карьеру Руал Амундсен сам не раз бывал объектом и беспочвенных нападок, и беззастенчивой клеветы. Однако всегда находился человек, готовый стать на защиту первооткрывателя Южного полюса. Лишь в 1981 году Одд Дал, последний живой соратник Начальника, берет под защиту забытого брата. Дал сотрудничал с ними обоими: «Из работы с Леоном Амундсеном я вынес впечатление, что он был человеком недюжинного ума и, управляя делами экспедиций брата, вдобавок весьма успешно руководил собственным агентством по торговле винами и шелком. И мне представляется, что в данном случае Руал Амундсен зашел слишком далеко, забыл о всех приличиях».

«Моя жизнь» — единственная книга Руала Амундсена, не имеющая посвящения. Он уже перебрал всех и вся — наставников, товарищей, женщин, отечество. Осталось только одно имя. Оно сияло золотыми буквами на книжном корешке, написанное в небесах над звездами, луной и земным шаром.

Глава 45

РАЗРЫВ С МИРОМ

«Не скажу, чтобы я пребывал в полном восторге», — пишет Харалд У. Свердруп об автобиографии полярника в письме директору издательства «Юллендал» Харалду Григу. Именно Свердруп несколько позже получит заказ на послесловие к мемориальному изданию сочинений полярника. «Моя жизнь» туда не включена. Великого соотечественника хотелось помнить *не* таким. Свое послесловие Свердруп закончит фразой, что «самый правдивый и прекрасный образ Руала Амундсена» рисуют его собственные рассказы. Автобиография была и осталась угрозой этому обобщению.

Д-р Свердруп, недавно назначенный в Бергене профессором, только что встречался в дороге с Руалом Амундсеном и сообщает издателю, что он был в «превосходном расположении духа».

7 октября 1927 года Руал Амундсен покинул Свартсуг с массой тяжелых чемоданов. Он опять собрался в большую заграничную поездку. Сначала — пятимесячное лекционное турне по Соединенным Штатам, которое он планировал затем продолжить в Южной Америке. Иначе говоря, ему предстояло очень долгое пребывание за рубежом.

Наций, желавших с почетом принять у себя покорителя двух полюсов, всегда хватало. Но со временем их неизбежно стало меньше. Италии на карте больше не существовало — вычеркнута, и с Германией полярник вторично порвал. Теперь на очереди были Англия и Америка. В автобиографии он успел рассориться с могущественными географическими обществами обеих этих стран.

Конечно, перепроверить не очень-то просто, но полярник утверждает, что Национальное географическое общество США «при всякой возможности относилось» к нему «с ошеломительным пренебрежением». Самый «неприятный» инцидент произошел зимой 1926 года, когда Амундсен посетил Фредерика А. Кука, который сидел тогда в тюрьме неподалеку от Форт-Ливенворта. Хотя сначала у Кука отняли лавры покорителя Северного полюса, а затем осудили за какое-то экономическое мошенничество, Амундсен так и не перестал восхищаться своим давним наставником с «Бельгии». После визита в тюрьму пресса приписала ему высказывания в поддержку д-ра Кука — по поводу старинного спора с адмиралом Пири. Это вызвало конфликт с Географическим обществом, которое давным-давно провозгласило адмирала Пири единственным истинным покорителем Северного полюса. В мемуарах Амундсен пишет, что его поняли совершенно неправильно. Впрочем, ничего удивительного, ведь его комментарии по поводу спора Кука и Пири были и здесь, мягко говоря, двусмысленны^[178].

Еще серьезнее оказался конфликт с Королевским географическим обществом Великобритании. Как упоминалось выше, в автобиографии Амундсен очень резко отозвался об уже покойном лорде Керзоне^[179], предложившем на праздничном официальном банкете прокричать «троекратное ура в честь собак». Ввиду этой и прочих незабываемых обид он считал себя вправе утверждать, что «англичане — народ, который неохотно признается в своих неудачах».

Заявление полярника, что родина спортивного духа населена сплошными «bad losers» (так эта характеристика звучит по-английски), вскоре вызвало в Англии бурю возмущения против Амундсена.

Географическое общество, ссылаясь на свои протоколы, информировало, что оскорбительное троекратное «ура» ничем документально не подтверждается — ни письменно, ни устно, — и потребовало извинений. Но об отказе от почетного членства в Обществе речи не было. Хотя в итоге этим и кончилось. После нескольких обращений Географического общества по поводу извинений Густав С. Амундсен пишет от имени дядюшки: «Капитан Амундсен уполномочил меня уведомить Вас, что, полагая самоуважение ценнейшим своим достоянием, он не променяет его даже на высокую честь быть почетным членом Вашего Общества». Вот так норвежский полярник сказал свое последнее слово в споре с Британской империей.

Еще в разгар этого конфликта Руал Амундсен отправляется в Нью-Йорк, где в середине октября его сердечно встречает представительница издательства «Даблдей» Анис Пейдж Купер. (Пройдет несколько месяцев, и издатель будет вынужден признать, что «*My Life as an Explorer*» отнюдь не стала в Америке бестселлером.)

Руал Амундсен возобновляет в мегаполисе свои профессиональные и светские контакты. Но в давно запланированное турне так и не поедет. Совершенно неожиданно изменит курс. 25 октября, когда ему предстояло быть почетным гостем на торжественном обеде в *Explorers Club*^[180], Руал Амундсен приезжает на Пристань — всего за несколько минут до отхода «Бергенсфьорда». Покупает билет и поднимается на борт.

Мир ошеломлен. Пресса детально фиксировала все передвижения полярника, следила за ним не менее пристально, чем за главой государства, совершающим заграничный вояж. Вот почему то, что он вопреки программе и без всяких объяснений прервал визит в

Америку, породило по обе стороны океана массу домыслов.

Отъезд Руала Амундсена был воспринят как довольно-таки однозначное прощание. «По всей видимости, у нас мало надежды снова увидеть тебя здесь», — пишет редактор «Нью-Йорк тайме» Джон Финли в частном письме полярнику.

У Руала Амундсена были разногласия как минимум с тремя американскими организациями — с Национальным географическим обществом, с нью-йоркским *Explorers Club* и с собственным многолетним импресарио Ли Кидиком.

«Нью-Йорк тайме» писала в одной из передовиц, что полярник покинул США в «приступе депрессии». Причину искали прежде всего в экономических обстоятельствах. А через месяц после возвращения в Норвегию Амундсен сам публично заявил: отъезд вызван разногласиями по поводу 10 тысяч долларов. Но это лишь отчасти совпадает с интервью импресарио газете «Миннеаполис тайме»: «Кидик рассказал, что за день до отъезда Амундсен пришел к нему в контору и попросил изменить контракт, желая получить больше денег. А когда ему дали понять, что изменить контракт нельзя, он сказал: "Подумайте хорошенько". Уходя, он выглядел вполне довольным и как будто бы не возражал оставить все как есть, сообщил Кидик. После отъезда Амундсен прислал ему следующую телеграмму: "Возвращаюсь в Норвегию. Жаль, что мы не договорились"».

Нарушение условий контракта — дело серьезное, грозившее полярнику судебным иском. Между тем наибольшие убытки терпело Общество воздухоплавания, которое упорно претендовало на все поступления, связанные с экспедицией. Однако Амундсен давным-давно выговорил себе право нести прямую ответственность перед кредиторами

независимо от Общества. Перед самым отъездом на родину у полярника возник острый конфликт и с ословскими компаньонами. Ведь адвокат Нансен полагал, что американские разногласия не стоит доводить до катастрофических последствий; полярник получил за подписью Гого телеграмму, которая гласила, что «адвокат настоятельно советует тебе не прерывать турне».

В результате, когда «Бергенсфьорд», направляясь в открытое море, шел мимо статуи Свободы, Руал Амундсен находился в драматической ситуации, в которую загнал себя сам. Соединенные Штаты были для него огромным полем экономической деятельности, импресарио «знал, что он не пойдет в другую контору». Полярник дискредитировал себя как в профессиональных, так и в деловых кругах. На первых порах большой экономический ущерб несли другие, а не он, однако же в целом нарушение контракта безусловно шаг очень неосмотрительный. И полного объяснения этот шаг, видимо, так и не получил^[181].

В одной из американских газет мелькает коротенькая заметка под заголовком «All for love?»^[182], где говорится, что, по слухам, таинственное исчезновение полярника связано с какой-то любовной историей.

Одно из писем Хермана Гаде о Руале Амундсене гласит, что поздней осенью 1927 года «в его жизни вновь настал решающий момент». Когда полярник уезжал из Америки, его отношения с аляскинской красоткой Бесс Магидс, до тех пор совершенно ни к чему не обязывающие, вступили в новую, бурную фазу.

Можно взглянуть на это иначе, сказав, что Руал Амундсен возвращается в Европу из-за женщины-американки. Но не обязательно. Фирма братьев Магидс вела бизнес в разных уголках земного шара. Как раз в

это время они пытаются учредить журнал с редакцией в России, который будет стимулировать торговые связи между коммунистическим и капиталистическим миром. Почему бы нам не предположить, что в Нью-Йорке полярник получил сигнал с другого конца света. Противостоять этому призыву он не в силах и оттого круто меняет свои планы: рвет пятимесячный контракт с Америкой; и это ему на руку по целому ряду причин. Мы точно знаем, что следующая встреча с Бесс Магидс происходит в Европе.

По возвращении в Норвегию Руал Амундсен отказывается отвечать на вопросы журналистов. Лишь много спустя он распространяет коммюнике, где всю ответственность возлагает на импресарио. 7 ноября он уже в Свартсуге, ровно через месяц после того, как покинул усадьбу нагруженный американскими чемоданами.

«Как я погляжу, ты по-прежнему любитель сюрпризов, по-прежнему удивляешь мир и вызываешь любопытство», — пишет верный оруженосец Цапфе после его возвращения. Из Тромсё он доверчиво следит за героической борьбой национального героя с всевозможными злопыхателями: «Вижу, английский бульдог пытается хорохориться». Аптекарь пока не уразумел, что ни американские бизнесмены, ни английские бульдоги вовсе не угроза; Руал Амундсен сам становится злейшим своим врагом.

После возвращения в Норвегию минует всего четыре дня, и тут в Кристиансанне происходит трагическое и с виду необъяснимое событие. Фрамхеймский офицер Руала Амундсена, руководитель похода к Земле Эдуарда VII, капитан Кристиан Преструд найден мертвым на портовом складе, причем рядом лежал револьвер, из которого был сделан выстрел.

Через неделю Начальник получает донесение от другого участника южнополярной экспедиции, Сверре Хасселя: «Вчера хоронили Преструда. Гроб его был завален красивыми цветами, народу собралось много — как говорится, весь город. Когда официально возлагали венки от командования 2-го военно-морского округа, от Военно-морского общества, от профсоюза докеров и от семьи Преструд, мне подумалось, что венок капитана тоже должен лежать среди них на гробе, с благодарностью от давнего его начальника за хорошую работу, лояльность и товарищество. Венок довольно дорогой, цветы нынче стоят недешево, а ему полагалось быть не хуже других. Поэтому к письму я прилагаю квитанцию. Как Вы, верно, знаете, Преструд застрелился. В чем причина этого отчаянного поступка, сказать трудно».

И Хассель, и еще один корреспондент называют возможные причины, но не находят никакого разумного объяснения — ни в экономических обстоятельствах, ни в семейных. «За последние полгода, — продолжает Хассель, — он внешне очень постарел. В прощальном письме сам он говорит, что выбирал между самоубийством и безумием. Вот и застрелился в порту на складе. Я вправду думаю, что застрелился Преструд не иначе как в приступе такого упадка духа и отчаяния, который вполне сравним с душевной болезнью. Ведь не надо забывать, вскоре ему предстояло — совершенно автоматически — занять должность начальника христиансанн-ского порта, а пока зарабатывал он 8000 крон. Кое-что он, верно, получал и от флота, и пусть даже в бытность атташе в Лондоне обзавелся долгами, маленькая семья (двое детей) вполне сводила концы с концами. Будь с ним все нормально, он бы навряд ли выбрал портовый склад. Наверняка бы ради семьи уладил все по-другому».

Пятнадцать лет минуло с тех пор, как Кристиан Преструд сам — от имени Начальника — возложил венок на могилу Ялмара Юхансена. Теперь вот оба фрамхеймских офицера покончили с собой — выстрелом из револьвера. Вдобавок и третий участник похода к Земле Эдуарда VII, Йорген Стубберуд, несколько лет назал покушался на самоубийство, в период помрачения рассудка. Так что процент смертей в их экспедиции задним числом оказался почти столь же высок, как в южнополярной экспедиции капитана Скотта.

И Стубберуд, и Преструд были дружны с Ялмаром Юхансеном. По возвращении на родину Стубберуд поддерживал связь с Юхансеном и, хотя не скрывал своего восхищения Амундсеном, неоднократно выражал несогласие с тем, как Начальник относится к товарищу. Кристиана Преструда связанный с Юхансеном конфликт совести, вероятно, затронул еще глубже; ведь на обратном пути во Фрамхейм Ялмар спас Преструду жизнь. И поначалу лейтенант поддерживал своего спасителя в контроверзах с Начальником, но затем переметнулся на другую сторону. У лейтенанта были веские причины не участвовать в юхансеновском «мятеже», но тем не менее его терзал сложный конфликт лояльности — он разрывался между своим спасителем и главой экспедиции. Для выводов нет никаких оснований, однако выстрел в портовом складе безусловно был эхом револьверного выстрела капитана Юхансена в Соллипарке.

Спустя некоторое время Хассель получил возмещение за венок.

Лишь в декабре споры вокруг «собачьей» распри Руала Амундсена с англичанами достигли кульминации. С тех пор как в 1905 году Норвегия получила независимость, из великих держав именно Англия была ей ближе всего. И нынешний конфликт грозил столь

серьезными осложнениями, что норвежский посол в Лондоне Бенъямин Фугт не видит иного выхода, кроме как обратиться за помощью к своему знаменитому предшественнику на этом посту — Фритьофу Нансену.

В письме, датированном 17 декабря, он пишет: «Нелегко измерить ущерб, который Амундсен причинил нам, назвав англичан "bad losers". Как тебе известно — быть может, даже лучше, чем мне, — задел он самое что ни на есть больное место. Помню, когда-то в Кристиансанне директор психиатрической лечебницы рассказывал мне, с какой дьявольской изощренностью душевнобольные склочники умели доискаться, как посильнее обидеть врачей или родственников, которые их же и навещали, и вот теперь, читая, как Амундсен рассуждает тут о "bad losers", а в Америке о Куке и Пири, я невольно спрашиваю себя, уж не повредился ли наш замечательный соотечественник рассудком из-за своих нечеловеческих нагрузок. Из норвежских полярников только ты да Свердруп вышли невредимыми после всех испытаний. Преструд застрелился как будто бы без всяких видимых причин, а Скотт-Хансен стал очень странным. Конечно, всего этого публично не скажешь, но, быть может, стоило бы напомнить, что на долю Амундсена выпали нечеловеческие тяготы».

Посол Фугт выступает за то, чтобы тактично объявить полярника недееспособным. Властелин полюсов невменяем, и необходимо лишить его возможности наносить оскорбления. Сделать это вправе только наивысший моральный авторитет полярных исследований — Фритьоф Нансен. В судьбоносный для Норвегии час, без малого поколение назад, он лично провел кампанию в английских газетах и во время конфликта со Швецией спас престиж родной страны. Спас он и репутацию Руала Амундсена в Англии, когда

тот начал в Антарктике состязание со Скоттом^[183]. Теперь посол просит его спасти Норвегию от Амундсена.

Пять дней спустя Фритъоф Нансен пишет Фугту: «Я вполне разделяю твое мнение, что здесь имеет место некое психическое расстройство, некая болезненная нервозность, которая и прежде так или иначе давала о себе знать».

Далее профессор касается давних обстоятельств и — возможно, откровеннее, чем где бы то ни было, — комментирует поведение Амундсена в гонке к Южному полюсу: «Бесспорно, весьма огорчительно, что в тот раз он не заявил вовремя о своих планах, ведь тогда бы все сложилось ему же на пользу; но сам он явно этого не чувствует, по всей видимости, считает свою выходку большой удачей. Собственно, с нравственной точки зрения тут ничего особо не скажешь, только вот без крайней необходимости так не поступают. А родной стране от этого в любом случае один урон. Однако ж его теперешние абсурдные заявления еще куда хуже. Впору подумать, будто он одержим манией рассориться со всеми великими державами. Ведь и с американцами разругался, повел себя просто нелепо».

Хоть Нансен и согласен с диагнозом посла Фугта, он не видит возможности публично спасти подорванную репутацию отечества; «теперь восстановить ее затруднительно» — так он заканчивает свое письмо.

Англия, конечно, была великой державой, но в состязании за Южный полюс она как-никак проиграла. Как бы англичане порой ни заносились, победитель, назвав их «bad losers», ополчился на поверженного противника. Во льдах Антарктиды все еще лежали пятеро погибших британцев. И в имперской столице накопилось много подспудной агрессии.

Затевя единоличный поход против Великобритании, Руал Амундсен, казалось, уже не понимал, что в нравственных разногласиях по поводу Южного полюса он полностью зависел от поддержки соотечественников, и в первую очередь Нансена. Своими злобными мемуарами полярник во многом лишил себя симпатий земляков. Весьма знаменательно в этой связи частное письмо Карстена Боркгревинка, норвежца, руководившего британской антарктической экспедицией на «Южном Кресте». Здесь вновь высвечивается нравственное различие между Амундсеном и Скоттом. Англичанин, как утверждает Боркгревинк, разозлился не соревновательный момент, а исключительно *секретничанье* норвежца. «Он обвел их вокруг пальца. Вот что прискорбно. Помыслить невозможно, чтобы Скотт мог таким же образом обойтись с Амундсеном и норвежцами».

Открытие Южного полюса было вопросом чести. Это понятие сложное, в него входит не только победа, но и нравственный аспект. Нападая на проигравшего, Руал Амундсен лишал всякой победы и себя, и свою страну. Честь и славу не возьмешь, их нужно удостоиться.

Кроме американского издателя, злополучные мемуары вряд ли могли кого-то заинтересовать; Руал Амундсен практически перестал прислушиваться к советам. Мало-помалу он разругался почти со всеми своими советчиками. И теперь порывает с династией Нансенов.

После того как полярник, ссылаясь на разрыв с Германией, отклонил приглашение вступить в Общество арктических исследований, президентом которого стал Фритъоф Нансен, он, как исследователь, вывел себя за пределы профессорского окружения. Разрыв с адвокатом Нансеном, который был юридическим партнером Амундсена еще со времен экспедиции на

яхте «Йоа», носил более открытый характер. Разыграют сей спектакль племянники двух национальных героев, но от этого он не менее знаменателен. Так или иначе, 15 ноября Густав С. Амундсен по телефону извещает адвоката Эйнара В. Нансена, что полярник более не нуждается в его адвокатских услугах.

Естественно предположить, что непосредственным поводом послужили упорные предостережения адвоката, который не рекомендовал прерывать американское турне. Позднее лейтенант Амундсен, не вдаваясь в подробности, пишет, «что дядя Руал счел себя вынужденным отстранить адвоката Нансена от ведения своих дел». Юридические игры вокруг полярника грозили большими сложностями, однако вполне вероятно, что и стареющий Александр, и молодой Эйнар Нансен облегченно вздохнули, когда лейтенант положил трубку.

Этот телефонный разговор двух племянников оборвал связь между великими сынами Норвегии, и она уже никогда не возобновится. Но в противоположность своему коллеге Фритьоф Нансен располагал достаточным количеством открытых каналов. Хотя политические его усилия на родине неизменно оказывались неудачными, никто из соотечественников не мог соперничать с ним по части международного влияния. Благодаря своей гуманитарной деятельности и активной работе в Лиге Наций^[184] Фритьоф Нансен решает воспользоваться одним из своих контактов, чтобы остановить Руала Амундсена на его все более авантюристическом пути к гибели. Делает он это не ради коллеги, но ради Норвегии и ради себя самого. Нансен уверяет, что никогда не читал автобиографию Амундсена, но отлично знает ее содержание. Вместо смиренной благодарности людям, продвигавшим его, там полным-полно обвинений в несправедливостях.

Фритъофу Нансену не по душе видеть соотечественника таким. Слишком многим он ради него пожертвовал. Южным полюсом. Почетным местом, которое коллега вот-вот потеряет. Защищая Южный полюс ради Норвегии, пожертвовал своим престижем. Слишком уж во многом этот престиж — престиж отечества и его собственный — зависит сейчас от мстительных действий опрометчивого человека.

Фритъоф Нансен пишет письмо, помеченное грифом «в собственные руки, конфиденциально», но знает, что его послание дойдет не только до адресата, а мало-помалу достигнет всех на свете организаций, где имя Руала Амундсена кое-что значит. Адресат письма — вице-президент Королевского географического общества Хью Роберт Милл, который, разумеется, уже контактировал с Нансеном. Именно ему от имени Лондонского общества пришлось требовать, чтобы Амундсен принес извинения и прекратил нападки. Если рассматривать спор вокруг Южного полюса как национальный конфликт между Норвегией и Англией, то письмо Нансена, по сути, представляет собой повинную депешу во вражеский лагерь — прошение о мире. И коли требуется жертва, можно отдать на заклятие зачинщика распрей.

Фритъоф Нансен пишет: «Я тоже весьма огорчен скандалом с Амундсеном и опасаясь, что во многих отношениях он нанесет большой ущерб. Разумеется, я нисколько не виню КТО, его позиция, на мой взгляд, совершенно оправданна, хотя, вероятно, лучше было бы обойти все это молчанием. Я вообще в последнее время не понимаю поступков Амундсена, странностей в его действиях предостаточно, и объяснить их я могу лишь одним: с ним явно что-то неладно. Подобные срывы случались и раньше, раз или два, но сейчас я не могу отделаться от ощущения, что он полностью утратил

равновесие и уже не способен отвечать за свои поступки. Учтите это».

Профессор Нансен подчеркивает, что не видел означенное лицо больше года, то есть с достопамятного вечера в крепости Акерсхус. Но для океанографа медицинский диагноз сформулирован на удивление точно: «Мне кажется, здесь имеется целый ряд явных симптомов какой-то душевной болезни. Однако до тех пор, пока это не станет достоянием гласности или не получит официального подтверждения, действия Амундсена, естественно, будут по-прежнему наносить серьезный ущерб. И я действительно не знаю, как тут быть. Вы же понимаете, Англия не единственная страна, которую он оскорбил, пострадали и Соединенные Штаты (не говоря уже о Германии и Италии). Правда, более всего меня огорчают его нападки на Вас и КТО. Я конечно же не нахожу в замечаниях Керзона ничего предосудительного и совершенно уверен, что он и не помышлял ни о чем дурном, совсем наоборот. Но даже если и помышлял — разве это имеет значение? Вменяемый человек никак не мог помнить и думать об этом столько лет, а потом опять вытащить на свет, только чтобы унижить себя самого».

Это послание, направленное прямиком во вражескую штаб-квартиру, объявило Руала Амундсена недееспособным. Как не раз бывало в психиатрии и раньше, и позднее, медицинский диагноз поставлен на политической основе. Обследовать пациента было невозможно. «Мне кажется, с ним вряд ли стоит разговаривать», — пишет Нансен, а в подтверждение вполне мог бы сослаться на то, как досталось его племяннику, когда тот недавно попытался образумить полярника. Главное здесь не стопроцентная корректность диагноза, главное, чтобы Руала Амундсена больше не принимали всерьез, чтобы его

опрометчивые и пагубные заявления не били рикошетом по родной стране, по той Норвегии, которая была делом жизни Фритъофа Нансена и неизменно отождествлялась с его именем.

Еще четырьмя годами раньше поэт Арнулф Эверланн^[185] насмешливо заявил в газете «Арбейдербладет», что для полярника надо приобрести «просторный, комфортабельный холодильник с крепким, солидным замком. И посадить его туда. Пускай этот безумец наслаждается своим любимым морозом!».

Теперь Руал Амундсен успешно воплощал в жизнь и поэтический постулат Хенрика Ибсена. На глазах у всех он становился все более одинок. Но только *он* думал, что сделался самым сильным человеком на свете.

За одну осень Руал Амундсен разрушил дело своей жизни. «Моя жизнь» показала, что маленькие слова способны сокрушить великие деяния. Спасти его могло только чудо. Такое уже бывало. Например, когда Линкольн Элсуорт, посланец мира чудес, спас его от финансового краха. На сей раз речь шла о банкротстве нравственном, здесь требовалось чудо поболее, жертва поболее той, что измерялась в элсуортовских долларах, — здесь требовалось деяние, которое больше слов.

Еще до конца года прозвучал предупредительный сигнал. Летчики Бернт Балкен и Оскар Омдал отправились в Америку, рассчитывая снискать признание. Но там, где одному лейтенанту сопутствовала удача, другой потерпит поражение.

Омдал свел знакомство с американкой датского происхождения по имени мисс Грейсон. Эта эксцентричная дама задумала первой из женщин перелететь Атлантику на самолете. «Омдал, записной сердцеед, конечно же очень быстро получил в этом

предприятия место старшего пилота», — рассказывает в своих мемуарах Одд Дал. И в канун сочельника самолет «Рассвет», невзирая на предостережения метеорологов, стартовал из Нью-Йорка. После промежуточной посадки на Нью-Фаундленде экспедиция продолжила перелет в первый день Рождества. Кроме старшего пилота и начальницы экспедиции, на борту было еще два человека; все они бесследно исчезли у побережья Канады. После нескольких дней поисков всякую надежду найти самолет пришлось оставить.

«Задача была как раз ему под стать, — говорит Руал Амундсен в комментарии для прессы после того, как его модхеймского товарища объявили погибшим. — Ему предложили крупную сумму за то, чтобы он провел самолет через Атлантику, и, учитывая положение, в котором он находился, вполне понятно, что он взялся за эту задачу. — Капитан сожалеет, что еще один мастер на все руки ушел из жизни: — Он был механик, а вдобавок отлично умел плотничать и столярничать».

С той поры как двадцатисемилетний Оскар Омдал отправился с Руалом Амундсеном в Модхейм, чтобы совершить на «Элизабет» трансполярный перелет, его жизнь превратилась в русскую рулетку. Многие критиковали стареющего полярника за то, что он тогда готов был поставить на карту жизнь молодого человека. Подобные мысли чужды Руалу Амундсену. Он сам был еще моложе, когда, радостный и бодрый духом, последовал за капитаном-бельгийцем в антарктическую ночь. «Он всегда улыбался и был в добром настроении, сколь бы мрачной ни выглядела обстановка» — таким начальник запомнил своего подчиненного.

За «крупную сумму» Оскар Омдал рискнул своей жизнью. И смерть его была трагедией, но не мученичеством.

Эта роль по-прежнему ждала Начальника.

**ЧАСТЬ VI
ПОЛЕТ НАД ЛЕДОВИТЫМ
ОКЕАНОМ**

Глава 46

ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ

5 декабря 1927 года ленсман^[186] Колботна получил подписанное Густавом С. Амундсеном ходатайство о боеприпасах: «Позволю себе обратить Ваше внимание на то, что Руал Амундсен живет в Болеруде совершенно один, по этой причине он чувствовал бы себя спокойнее, если бы располагал боевыми патронами для своего пистолета».

Последней зимой в свартсугском Болеруде, а точнее в Ураниенборге, полярник вовсе не так одинок, как пишет его личный секретарь. Быть может, ему и пришлось раза два пальнуть, поскольку нужно кой-кого защитить от незваных гостей или зевак. В эту последнюю зиму к Руалу Амундсену лучше не соваться — пожалеешь.

Он тайно принимает гостью. Бесс Магидс, кареглазая погонщица собак, украдкой приезжает в Свартсуг. Согласно конфиденциальному письму Хермана Гаде, произошло это незадолго до Нового года. В архиве полярника сохранилась телеграмма, подписанная тремя крестиками и отправленная 22 декабря из Ньюкасла: «Arrive berge [n] by venus»^[187]. Если автор этого загадочного сообщения — Бесс, значит, она прибыла из Нью-Йорка в Англию и на одном из судов Бергенского пароходства добралась до Бергена. А оттуда поездом прикатила в Ураниенборг праздновать Рождество.

Бесс Магидс любила жизнь среди дикой аляскинской природы, однако Норвегия была совсем неплохой альтернативой. Так или иначе, Бесс вдруг поменяла залив Коцебу на Бунне-фьорд. Без сомнения, полярник предложил ей погостить у него — в полной

секретности и под его защитой. Если верить Гаде, она проводит там несколько месяцев. Во всяком случае, в марте она снова в Нью-Йорке. А полярник получает письмо от общего знакомого, которому Бесс рассказала о том, «какой замечательный у него дом» и как чудесно она провела там время.

Бесс нравилось в Ураниенборге; Руал Амундсен умел необычайно галантно обходиться с женщинами и любил домашний уют. Для него было делом чести устроить так, чтобы американская гостья могла каждое утро читать за завтраком зарубежное издание «Нью-Йорк таймс». И, уезжая из Ураниенборга — так же незаметно, как приехала, вероятно в конце февраля, — она, по-видимому, уже приняла решение как можно скорее туда вернуться.

29 марта Руал Амундсен записывает в настольном календаре: «Б. 28/3». Бесс заняла после Кисс тайное место, буква «Б» заняла в его летописи место «К». Надо полагать, в этот день от нее пришли письма. 18 апреля эта буква еще один раз появляется в плотно исписанном календаре, который можно считать последним дневником полярника. Под той же датой стоит: «Начали копать погреб». Галантный полярник не мог предложить будущей жене зимнее жилье без погреба.

Не так-то просто составить себе ясную картину взаимоотношений Бесс Магидс и ее мужа. Если верить интервью, которое она дала на Аляске в конце жизни, в 1927 году ее мужа Сэма уже не было в живых. Однако, судя по письму Хермана Гаде, в США она вернулась, чтобы «окончательно оформить развод с Магидсом, что и произошло в Сиэтле весной 1928 года». Эти сведения согласуются с информацией Харадда У. Свердрупа и с тем фактом, что по возвращении Бесс Магидс сразу же отправилась в Сиэтл. Согласно справочнику о

бизнесменах Аляски, Сэмюэл Магидс скончался в 1929 году.

Приехав в Ураниенборг в самые темные месяцы года, Бесс, должно быть, испытывала сильное влечение к знаменитому и во многом загадочному полярнику. А ведь, как все женщины в жизни Амундсена, она была сильной личностью и умела делать выбор, опираясь не только на эмоциональные порывы. В свои тридцать лет Бесс имела за плечами солидный жизненный опыт. Она привыкла к роскоши, но прекрасно знала и о том, что жизнь порой оборачивается борьбой за выживание. Азартная картежница, Бесс Магидс сделала свой выбор: поставила на эту карту.

А Руал Амундсен — пятидесятипятилетний, ожесточившийся, помраченный рассудком и конченый как полярный исследователь, — он что же, наконец-то нашел богиню счастья, женщину, которая бросает все и, раскрыв объятия, идет к нему навстречу? Следующая глава этой любовной истории разыграется несколько месяцев спустя. И будет это не новая встреча, но последний полет.

5 февраля в Осло прибыл генерал Нобиле. Он готовил следующую свою экспедицию. На дирижабле примерно того же типа, что и «Норвегия», но носящем совершенно другое имя — «Италия», генерал намеревался предпринять со Шпицбергена три полета с целью изучения по-прежнему значительных неоткрытых областей полярного бассейна. Мечта о новых землях еще не оставлена. По крайней мере в экспансивной Италии. Умберто Нобиле до сих пор находился на гребне националистической волны.

Итальянцы купили себе доступ к причальным мачтам и ангарам Кингсбея; кроме того, они заплатили кругленькую сумму за обломки дирижабля, оставшиеся в Теллере. Поэтому в Осло генералу оказали

прекрасный прием. Корифеи вроде Адолфа Хуля^[188], Трюгве Грана и Отто Свердрупа снабдили южанина, который намеревался лететь самостоятельно, добрыми советами. На обратном пути Нобиле встречается в Берлине с Фритъюфом Нансенем. Генерал хочет придать своей экспедиции научный характер, и профессору это весьма по душе. Словом, в большинстве норвежцы показали себя как люди вполне цивилизованные.

Однажды, во время визита генерала в Осло, полярнику попадает на глаза некая газета, где на первой полосе помещена фотография — его злейший враг № 1, Нобиле, за обедом вместе с его злейшим врагом № 2, Томмесеном, и собственным его заместителем, Ялмаром Рисер-Ларсеном!

Из всех предательств это — самое страшное.

В мемуарах Руал Амундсен провозгласил заместителя чуть ли не *истинным* пилотом дирижабля и спасителем. Ри-сер-Ларсен ответил «Дополнением», где профессиональными аргументами подкрепил обвинения Начальника по адресу неисправимого итальянца. А теперь вот садится вместе с врагом за стол в итальянском посольстве да еще и фотографируется! Для полярника это — жесточайшая издевка, для Рисер-Ларсена — самое обычное дело.

Во-первых, новопроизведенный генерал Нобиле не читал книгу с упомянутым «Дополнением»; во-вторых, новопроизведенный капитан Рисер-Ларсен отнесся к итальянцу с той же профессиональной предупредительностью, что и норвежские полярные круги в целом. Кроме того, Рисер-Ларсен уже покончил с этапом заместительства; у него были свои амбиции — стать начальником экспедиции, а глядишь, и политиком. Без малого сорокалетний капитан не может строить свою новую карьеру на давней вражде Начальника.

Руал Амундсен этого не понимал. Для него подчиненный оставался подчиненным; Вистинг был Вистингом, пусть даже и звался Рисер-Ларсен. Герой-пилот явился профессиональной основой на последнем этапе полярной биографии Амундсена-исследователя. Человек Амундсена и одновременно человек будущего. Только когда *он* повернулся в другую сторону, Начальник заметил, что остался один, что в самом деле всеми покинут.

Глубоко уязвленный, Руал Амундсен бичует своего зама. «В списке тех, кто предал меня, он стоит первым номером», — пишет полярник своему лейтенанту — Густаву.

В изоляции Ураниенборга, глядя в окно на покрытый льдом Бунне-фьорд, Руал Амундсен с растущей горечью размышлял о своих земляках. «Я питаю глубокое презрение к людям, которые воспользовались моим несчастьем, чтобы посредством клеветы добивать человека, чье величайшее преступление в их глазах состояло в том, что он достиг большего, чем они сами, и которые своими сплетнями злорадно надеялись свалить человека с достигнутого им пьедестала», — пишет он в мемуарах. Речь идет о соотечественниках. Полярник не мог забыть, какая критика обрушилась на него, когда он потерпел неудачу.

Может быть, эта враждебность — неблагоприятность многих маленьких людей к одному великому человеку — вообще национальная черта? Аптекарь Цапфе упомянул об этом в одном письме: «Весьма печально, однако ж одна из худших черт характера норвежцев состоит в том, что им так трудно признать чужие успехи, и чем эти успехи значительнее, тем они завистливее, — сидят возле теплой печки да знай себе критикуют. Фу». Цапфе определенно был мудрым человеком, одним из немногих. Они сообща подумывали о том, не поселиться ли полярнику где-нибудь на

просторах Севера, подальше от мерзости и крохоборства.

Второй человек без обмана — Оскар Вистинг, «один из лучших людей, какие когда-либо жили на свете», как писал Руал Амундсен в мемуарах. Полярник разметил участок на своей земле и предложил Вистингу построить там дом. Пожалуй, он единственный заслужил своей долгой жизнью поселиться в непосредственной близости от Начальника, который явно нуждался теперь в абсолютно лояльном мастере на все руки. Вистинг стал одним из тех очень немногих, кто знал, что зимой у Начальника будет гостить женщина из Диринга. «Вы сейчас, наверно, совсем один, — пишет Вистинг в начале февраля, — ведь гости-то у Вас бывают нечасто».

Старший брат, неудачник Тони, год назад умер. Семейный круг сузился до капитана Густава, лейтенанта Густава и их жен; зимой никто из них в Свартскуге не жил. Почетная пенсия национального героя составляла в месяц тысячу крон, достаточно на всех. «Почетное жилище»^[189] по-прежнему записано на Гаде.

Тою зимой Херман Гаде находился в Рио, даже кампания, развернутая полярником, не сумела обеспечить ему пост посла в Вашингтоне. Но в январе Гаде прослышал о предстоящей смене правительства. Молва гласит, что «старый друг» полярника, посол в Париже, станет министром иностранных дел. «Вероятно, ты слыхал, что, не будь Ведель в свое время популярен, этот пост, скорее всего, предложили бы мне. Теперь Париж для меня самое главное, и я со всем доверием обращаюсь к тебе: помоги мне стать преемником Веделя».

Как всегда, Гаде имеет четкий стратегический план и передает своему «лучшему другу» перечень

инстанций, где тот должен использовать свое влияние: «Может быть, ты даже сочтешь целесообразным обратиться к наивысшей инстанции — изложи ему свою точку зрения. Я не знаю, как в последнее время развивались ваши отношения, но совершенно уверен, что ты можешь сказать ему то, о чем никто другой не скажет».

Позволю себе прямо здесь сообщить, что Ведель-Ярлс-берг не стал министром иностранных дел и Гаде на сей раз не пришлось заказывать корабельную каюту до Европы. Но полярник обещает высматривать новые посольские посты: «При первой возможности буду действовать и дам тебе знать». Долг чести Герману был давно выплачен; кроме того, полярник хотел, чтобы доверенный друг находился рядом, особенно теперь, когда его частная жизнь грозила принять совершенно новый оборот. Уже в феврале Гаде ходатайствовал об отпуске по болезни с поста в Рио, а в апреле появился в Осло. Пожалуй, все-таки лучше быть поближе, ввиду столь частых смен правительства.

Любопытно, что в своем письме Гаде высказывает неуверенность насчет того, как «в последнее время развивались» отношения между полярником и «наивысшей инстанцией» (то есть королем). И неуверенность его вполне уместна. Неоднократные нападки полярника на великие мировые державы, а в первую очередь на Англию, родину королевы, никак не могли отвечать интересам Его величества. Король Хокон со времени своего восшествия на престол всемерно поддерживал устремления Руала Амундсена. Полярник в свою очередь делился с королевством блеском своей славы. Вероятно, владыка горного края и покоритель полюсов относились друг к другу с одинаковым уважением.

Но был еще один полярник, более близкий королю и королеве, чем свартсугский отшельник. Фритьоф

Нансен, некогда уговоривший датского принца принять корону Норвегии, по-прежнему оставался конфиденциальным советником Его величества. Этот человек посчитал, что пора объявить Руала Амундсена недееспособным, исподволь известив мир, что бывший полярный герой не может более отвечать за свои действия. Что бы ни говорили медики, можно предположить, что через профессора Нансена король был вполне информирован: в Свартсуге живет душевнобольной человек.

За недостатком иных задач мозг полярника постоянно создавал все новые образы врага; давнее презрение нарастало, превращаясь во всеочерняющую ненависть. По словам Густава С. Амундсена, который регулярно бывал в Ураниенборге и выслушивал горькие дядины тирады, той зимой Руал Амундсен формулировал «некое послание», своего рода завещательное обращение к отечеству, «где говорит, что, когда умрет, имя его вообще не подлежит официальному упоминанию на родине». Жалкие земляки недостойны щеголять именем Руала Амундсена.

Сначала он рассорился с великими мировыми державами; теперь и жизнь в Свартсуге стала, по сути, внутренней эмиграцией.

Чудесным весенним днем 24 мая 1928 года по извилистой дороге спускается к Ураниенборгу автомобильный кортеж. К дому подъезжают полярник Джордж Х. Уилкинс^[190] и его американец-пилот Карл Б. Эйлсон^[191] в сопровождении норвежско-американской свиты^[192]. Над Бунне-фьордом кружат шесть гидропланов. Цветы дождем сыплются на одинокий дом старого первопроходца.

Черные лимузины под цветочным дождем несут весть о празднике, но и смерти. Кортёж прибыл, чтобы увезти полярника из здешнего холода. Совсем недавно он удостоился и чести быть назначенным на пост председателя только что созданного Норвежского аэроклуба. Руал Амундсен растроган визитом и объятиями молодых людей. В те дни его поредевшие седины, как говорят, сияли этаким нимбом. Праздник в Ураниенборге, когда он прикрепляет медали к груди двух летчиков, станет прелюдией к его последней экспедиции. Его возвращают из изгнания, он снова в центре событий — за два дня до судьбоносного сообщения.

Начальник и умелец Вистинг испекли пирог: изобразили из марципана полярный бассейн, где сахарной глазурью провели новую линию от аляскинского мыса Барроу до Шпицбергена. Месяц назад эти летчики осуществили перелет, который пятью годами раньше планировали Руал Амундсен и Оскар Омдал. С 1923 года авиация шагнула в своем развитии далеко вперед. За эти пять лет невозможное стало возможным. Молодой многообещающий Оскар Омдал успел погибнуть; Руал Амундсен стал седым стариком.

Еще несколько дней сплошных торжеств: старый герой чествует новых, и наоборот. На Троицу, 26 мая, «Афтенпостен» дает в ресторане «Дроннинген» у Осло-фьорда ланч в честь летчиков. Общество чисто мужское — присутствуют, в частности, Руал Амундсен в сопровождении двух Густавов (старшего и младшего), Херман Гаде, полярник Отто Свердруп и полярный летчик Трюгве Гран. Этот последний, невзирая на множество контроверз, умудрился восстановить добрые отношения с Амундсеном. Вероятно, потому, что они никогда не сотрудничали напрямую, а вдобавок Гран в свое время тоже порвал с Обществом воздухоплавания.

Речи за ланчем произносятся, понятно, в честь почетных гостей — капитана Уилкинса и лейтенанта Эйлсона, однако застольные разговоры крутятся в основном вокруг генерала Нобиле.

Итальянская экспедиция, базирующаяся в Кингсбее, уже совершила два вылета в арктические регионы. 24 мая дирижабль «Италия» достиг Северного полюса — во время своего третьего и последнего полета. А на следующий день, около полудня, радиосвязь прервалась, и все начали гадать, что могло случиться с дирижаблем, которому давно пора было вернуться в Нью-Олесунн. В разгар ланча главного редактора Фрэйсланна зовут к телефону, а немного погодя он сообщает несторам полярных исследований, Отто Свердрупу и Руалу Амундсену, в чем дело. Звонил норвежский министр обороны, во второй половине дня он приглашает их на совещание, чтобы обсудить ситуацию вокруг исчезновения «Италии».

«Right away»^[193], — отвечает Руал Амундсен. Эту бессмертную реплику национальный герой произносит по-английски — видимо, потому, что почетные гости говорят на этом языке, да и сидит он визави с американским послом. Но никто из присутствующих не сомневается в том, что полярник имеет в виду. «Согласен», — добавляет Свердруп.

На совещание в министерство обороны приглашены, помимо Амундсена и Свердрупа, майор Исаксен и Ялмар Ри-сер-Ларсен. Председательствует министр обороны Андерсен-Рюст. Он сообщает, что нынче утром итальянский посол в Осло граф Сени обратился к норвежскому правительству с просьбой разместить на норвежской территории базу для развертывания спасательных операций.

Руал Амундсен внезапно оказался в странном положении: во-первых, его просят помочь спасти

человека, который публично перед всем миром объявлен его злейшим врагом; во-вторых, ему предстоит работать вместе с человеком, который жестоко его разочаровал. Но старый полярник не подает виду^[194].

Спасать итальянцев — почему бы и нет? Он знает, какие правила действуют на поле чести, и уже догадывается о перспективе такого шага. Борьба против Нобиле была свирепой и даже грязной, но — схваткой чужаков. Нобиле нанес ему глубокую рану, хотя и не в самое больное место. Кроме того, спасатель всегда сильнейший. Если генерал действительно хочет, чтобы его спасли, то пожать лавры за столь благородное деяние будет истинным удовольствием.

Амундсену было куда легче протянуть руку помощи своему архиврагу Нобиле, чем сидеть за одним столом с предателем Рисер-Ларсеном. Всю зиму он только и думал что о предательстве заместителя. Ведь в последние годы у него не было человека ближе Рисер-Ларсена. Но когда полярная карьера Амундсена завершилась, тот ни разу его не навестил. Зато обедал с его врагами и подмигивал ему и всему миру с первой газетной полосы — бесстыдно наглый в своем безмерном предательстве. Именно он нанес душе полярника самую болезненную рану.

Капитан Рисер-Ларсен заметил, конечно, сдержанность своего давнего начальника, но не знал, что тот целиком и полностью изменил отношение к его персоне. В «Первом полете над Северным Ледовитым океаном» герой-летчик трогательно попрощался с Начальником, а с тех пор у него хватало дел поважнее, чем ломиться в двери к труднодоступному пенсионеру. Он вряд ли представлял себе, как пристально, точно стоглазый Аргус, Начальник следил с берегов Бунне-

фьорда за каждым его шагом. Рисер-Ларсен не был ни психологом, ни светской дамой, он был человеком дела.

Тем вечером за столом в королевском министерстве обороны выработывают детальную стратегию по спасению «Италии». Руал Амундсен корректно апеллирует к Рисер-Ларсену как к первоклассному авиаэксперту, но все единодушны в том, что руководить этой масштабной операцией должен сам Начальник — наиболее опытный из всех полярников.

Между тем иностранные гости выступают с докладами в крупнейшем столичном конференц-зале — в Миссионерском доме на Калмейерсгате. Там должен был присутствовать и Амундсен, однако его подменил Трюгве Гран. Позднее тем вечером посол Гаде дает в гостинице «Виктория» частный прием в честь Уилкинса и Эйлсона. Спустя несколько месяцев Трюгве Гран пишет в одной из статей: «Появился здесь и Руал Амундсен, и, когда его спросили о совещании по поводу "Италии", он сказал приблизительно следующее: "Мы решили выждать несколько дней. Если к Троице произойдет что-нибудь мало-мальски важное, меня тотчас известят. По практическим соображениям я останусь здесь, в гостинице"».

Руал Амундсен вместе с Херманом Гаде находится в лучшей столичной гостинице, в полной готовности, а итальянский посол тем временем информирует свое правительство о норвежском плане.

Уже в первый день Троицы граф Сенни стучит в дверь фрогнерского ^[195] дома капитана Рисер-Ларсена; Муссолини дал ответ.

Тридцать лет спустя капитан Рисер-Ларсен пишет в своих воспоминаниях, что просто оцепенел, услышав, что Муссолини отказался от масштабной спасательной операции под руководством норвежцев. «Еще больше я оцепенел, когда понял причину этого странного

решения: они не желали давать Руалу Амундсену шанс спасти Нобиле после всех расхождений, имевших место между ними после экспедиции "Норвегии"». И добавляет (опять-таки тридцать лет спустя): «Кроме того, я не мог избавиться от подозрения, что они предпочли бы гибель и *славу* экспедиции жалкому возвращению».

Война и полярные исследования зачастую оборачиваются мрачным спектаклем. Для обеих сторон на карту была поставлена честь. Муссолини действительно предостерегал Нобиле от нового вызова судьбе. Экспедиция «Италии» была организована Итальянским географическим обществом и городом Миланом. Теперь диктатору нужно взять спасение обломков чести Италии в свои руки.

Смерть превратила в триумф поражение капитана Скотта и его людей в палатке на антарктическом континенте. Только как героические жертвы науки генерал Нобиле и его команда могли не посрамить честь Италии. Дуче знал эту игру и полагал себя вправе — диктатор есть диктатор! — потребовать такой жертвы от генерала, поставившего на карту имя Италии. Вероятно, всего два человека вполне понимали драму, которая разыгрывалась тогда на поле чести; в лице Бенито Муссолини Руал Амундсен нашел достойного противника.

Ялмар Рисер-Ларсен энергично старался отвоевать свою любимую роль воздушного спасителя. Итальянское правительство для вида согласилось, чтобы норвежцы послали на Свалбард разведывательный самолет. Добрый друг Рисера, старший лейтенант Лютцов-Холм, уже вылетел на север. На экстренном совещании у премьер-министра капитан Рисер-Ларсен настоял, чтобы министерство обороны в целях безопасности направило туда еще один самолет — с ним самим в

качестве пилота. «У нас складывается впечатление, что капитан работает, пожалуй, куда энергичнее, чем всегда, чтобы как можно скорее добиться результатов», — пишет «Тиденс тейн», явно одобряя столь быстрое развитие.

Пока все это происходит, Руал Амундсен, несколько дезориентированный, сидит вместе с Херманом Гаде в салонах гостиницы «Виктория». В статье, опубликованной осенью 1928 года, Трюгве Гран пишет: «Потому-то я очень удивился, когда утром во вторник услышал, что министерство *без ведома Руала Амундсена* приступило к практическим действиям. Капитану Рисер-Ларсену было поручено подготовить план и отчасти осуществить отправку поисковой экспедиции. Само собой, Руал Амундсен обиделся. В довольно мрачном настроении он уехал в Свартскуг».

Майор Гран (вместе с капитаном Доксрудом) мчится к министру обороны. Требуется объяснений. Почему Руала Амундсена отстранили? И почему армейские «фоккеры» стоят в хьеллерском ангаре, тогда как военно-морские?..

Сразу бросается в глаза, что норвежские авиаторы разделились на два лагеря, подобно тому как сама военная авиация, еще не выделившаяся в самостоятельный вид вооруженных сил, была разделена между сухопутными и военно-морскими силами. По одну сторону — круги, близкие к Обществу воздухоплавания и честолюбивой газете «Тиденс тейн», в том числе морской летчик Рисер-Ларсен. По другую — приверженцы конкурирующего Норвежского аэроклуба с председателем Руалом Амундсеном и его замом, капитаном Доксрудом. На газетном фронте они явно объединились с «Афтенпостен», а их герой-пилот — единственный, кто может сравниться с Рисер-Ларсеном: майор Трюгве Гран.

Эти два фронта на арене национальной авиации важны и для понимания действий Рисер-Ларсена. В самом конце мая, перед вылетом на север, он был избран вице-президентом Общества воздухоплавания, где председательствует «итальянец» Юхан Сверре. На первый взгляд это демонстративный разрыв с давним Начальником, однако в вышеозначенных рамках шаг вполне понятный. Очевидно, Ялмар Рисер-Ларсен тоже успел осознать, что идет прямым курсом на столкновение с Руалом Амундсеном.

Вернемся в кабинет министра обороны: «Он весьма сожалел, что Руал Амундсен ошибочно истолковал ситуацию. Предпринятые действия носили сугубо военный характер. Если бы Норвегия приступила к крупномасштабным спасательным работам, их безусловно возглавил бы Руал Амундсен». Но, когда Трюгве Гран передает полярнику эти сожаления, тот отнюдь не успокаивается. «Они орудовали у меня за спиной» — таков его комментарий. Жребий брошен. Выигрыш — генерал Нобиле. На сей раз злейшего конкурента Руала Амундсена звали Ялмар Рисер-Ларсен.

Глава 47

РЫЦАРЬ ЛЬДОВ

«Руал Амундсен и Линкольн Элсуорт вылетают на Свалбард на немецком самолете, с пилотом лейтенантом Дитриксоном» — под такой шапкой вышла 30 мая «Афтенпостен».

Друзья полярника потрясены. Как можно оглашать ничем не подкрепленный план? Неужели так важно выступить с инициативой непременно до того, как Рисер-Ларсен покинет континент? По словам Грана, друзья видели Амундсена в совершенно иной роли, «как руководителя всех норвежских и зарубежных операций, но не как наблюдателя в самолете».

Руал Амундсен возобновил два контакта. Во-первых, со своим прежним сотрудником Лейфом Дитриксоном, который тотчас изъявил готовность лететь со старым Начальником. Лейтенанту как раз предстояло вступить в Канаде в новую должность, однако он был не из тех, кто откажется совершить в последнюю минуту геройский поступок. Вдобавок еще в первый день Троицы Амундсен связался по телеграфу с давним компаньоном — Линкольном Элсуортом. В таком составе экспедиция уже была в пути на север — в фантазиях полярника (и «Афтенпостен»).

Элсуорт тоже писал Амундсену после его внезапного отъезда из Америки: «Мне тебя не хватает, как всегда, стоит тебе уехать. Думаю, в моей жизни уже не будет такого фантастического времени, как те два года, что мы прожили бок о бок». Весной он сделал новую попытку. Почему бы им не поселиться вместе в швейцарском замке Элсуорта? Они же на все смотрят одинаково: «Твои вкусы и привычки мне очень по душе, поэтому так досадно, что судьба, по всей видимости,

нас разводит. Если б ты сумел что-нибудь придумать, мы могли бы встретиться снова. Я предложил в твое распоряжение половину Ленцбурга, но, похоже, тебе там не нравится. Ты только скажи — и я распахну тебе двери».

Американец готов подарить Амундсену половину замка, но лучше бы вместо этого подарил целый самолет. Наверно, приблизительно так рассуждал полярник, когда Элсуорт выразил желание участвовать в спасательной экспедиции. Вскоре, однако, станет ясно, что жить вместе с Амундсеном в замке и спасти Нобиле для американца совсем не одно и то же; несколько тысяч долларов — максимальная сумма, какую Элсуорт и его зять могли пожертвовать на спасение итальянца.

В Германии тоже не очень-то раскошеливались. Лейф Дитриксон срочно выехал на юг, чтобы провести переговоры насчет самолета с рядом частных и государственных инстанций. Только немцы строили большие самолеты, пригодные для арктических полетов, но они требовали гарантийного взноса в размере не менее 200 тысяч крон. В немецких марках имя Руала Амундсена котировалось очень низко.

Весьма быстро обнаружилось, что полярник выставил себя на посмешище. Его гордая спасательная экспедиция так и осталась заголовком в «Афтенпостен». Газета неплохая, но все равно унизительно.

7 июня Ялмар Рисер-Ларсен прибыл морем в Кингсбей, с аэропланом в багаже. В тот же день ^[196] мир впервые принимает сенсационные радиосигналы экспедиции генерала Нобиле, терпящей бедствие к северу от Шпицбергена. Норвежский капитан — нужный человек в нужном месте, что бы там ни говорили его

бывший Начальник и итальянский диктатор. Теперь остается только добыть во льдах лавровый венок.

Крушение «Италии» — та самая ситуация, к которой Руал Амундсен и его команда были готовы во время перелета на «Норвегии». Дирижабль с экипажем из шестнадцати человек (семеро из них летали на «Норвегии») потерпел аварию севернее шпицбергенского острова Северо-Восточная Земля. При ударе о торос пилотская гондола оторвалась, сам же летательный аппарат полегчал и полетел дальше, оставляя за собой шлейф дыма и унося шестерых людей, которые так и не были найдены. Среди них такелажник Алессандрини и еще двое из экипажа «Норвегии». Четвертый с «Норвегии» погиб в момент удара о торос.

Девять человек выжили. Пятеро были на ногах, трое ^[197] лежали на льду, с травмами. Эти трое опять-таки летали на «Норвегии». Помимо других серьезных травм, генерал Нобиле и здоровяк Чечони получили переломы ног; у шведа-метеоролога Мальмгрена было раздроблено плечо. Титина не пострадала — последний четвероногий паек. Катастрофа стала фактом. Но ни одного норвежца поблизости нет.

Единственный, кто имел ледовый опыт, это Финн Мальмгрен, которого, невзирая на бесспорно высокую научную квалификацию, полярники «Мод» считали чуть ли не комической фигурой. И не только потому, что он был шведом. К счастью, вместе с гондолой на лед упала большая часть аварийного снаряжения. И через несколько суток им удалось наладить радиосвязь с итальянским кораблем-маткой «Читта ди Милано» в Кингсбее.

Радиосигналы, разнесенные газетами по всему миру, звучали в ушах норвежцев дивной музыкой. Наконец-то итальянцев будут спасать! Но на север

отправились не только норвежцы. В спасательных акциях примут участие всего шесть стран — в совокупности пятнадцать кораблей и соответствующее число самолетов^[198]. Спасение Нобиле молниеносно превратилось в состязание людей и наций, а равно в состязание газет, радиостанций и новостных агентств, спешивших обогнать друг друга в передаче последних сообщений с ледового архипелага, который вдруг стал центром событий.

В эти сенсационные события были вовлечены поголовно все полярные эксперты — в том числе, разумеется, и Фритьоф Нансен. Для очистки совести (по собственному его выражению) он — через посла Фугта — обращается к британским властям, чтобы выяснить возможность спасательной экспедиции на английском дирижабле. Фугт сообщает об отказе, и Нансен пишет ему: «Твой ответ окончательно всё решил». Этот зондаж по дипломатическим каналам стал единственной попыткой Фритьофа Нансена вмешаться в бурные события вокруг «Италии». Он пишет Фугту, что «мир прямо-таки охвачен истерией из-за пропажи "Италии"». Люди и прежде, бывало, надолго исчезали в арктических просторах, но такой шумихи никогда не возникало».

Фритьоф Нансен апеллировал к совести мира, чтобы спасти десятки тысяч безымянных беженцев, миллионы голодающих. Но генерал на льдине занимал в беспокойном мозгу Фритьофа Нансена весьма ограниченное место. Для его отставного коллеги все было наоборот: спасение генерала Нобиле целиком занимало его мысли. Словно запертый в клетке орел, он бьется о стены Ураниенборга.

Вполне естественно, что Амундсен принимал случившееся ближе к сердцу, чем его коллега по полярным широтам. Всего три года назад он сам был

пленником арктических льдов. Но с тех пор он порвал с миром. На самом деле поставил себя вне всякого сотрудничества задолго до того, как «Италия» потерпела крушение. И было иллюзией полагать, что после всех своих оскорбительных выпадов он вообще сможет стать лидером, собрать вокруг себя людей. Руал Амундсен как спаситель Нобиле был нежелателен. Этот вывод столь же очевиден, сколь и далек от представлений самого полярника.

В четверть четвертого 6 июня в саду за ураниенбургским домом падает мертвым некий человек. Он гулял там вместе с Густавом-старшим, когда его сердце вдруг остановилось. Это был Сверре Хассель, как личность самый сильный из тех четверых, что последовали за Руалом Амундсеном к Южному полюсу. Он приехал в Ураниенбург с визитом, возможно намереваясь что-то сообщить. Пятидесятидвухлетний таможенник поддерживал со своим давним Начальником сдержанные, но вполне лояльные отношения. На Хасселя Руал Амундсен мог положиться. Тот предупредил своевременно.

И вот теперь он лежал за домом, этот замечательный человек, который сопровождал Отто Свердруп к неведомым островам на севере, а Руала Амундсена — до самого Южного полюса. Какая банальность! Смерть в костюме, заметка в газете, еще один венок.

В эти дни Руал Амундсен принимает итальянского журналиста Гуидичи. Именно перед ним он произносит часто цитируемую фразу о притяжении льдов: «О, если бы вы знали, как чудесно там, в высоких широтах! Там я желал бы умереть, только пусть смерть придет ко мне по-рыцарски, настигнет меня при выполнении великой миссии, быстро и без мучений!»

Вплоть до 11 июня Амундсен тщетно давил на Элсуорта, его зятя и богатых друзей — в надежде, что все-таки удастся собрать 60 тысяч долларов. Искал он и подходящий самолет, так как немцы в помощи отказали. Американцы, вероятно, понимали, что речь идет не столько о спасении Нобиле, сколько о восстановлении утраченного авторитета Амундсена. Они бы охотно помогли, но не за *такую* высокую цену. Разве не тот же Амундсен недавно повернулся к Америке спиной?

Вообще-то у Руала Амундсена хватает и других проблем — поважнее выезда на Шпицберген и рыцарской смерти. Второго, третьего, четвертого и десятого июня он телеграфирует Бесс Магидс в Сиэтл, где она как раз подводит черту под своей прежней жизнью. После 10-го она садится в поезд, который мчит ее на Восточное побережье. В Нью-Йорке она поднимется на борт парохода и поплывет за океан, в столицу горного края, где ждет жених.

Все было улажено — в жизни полярника могла начаться новая, заключительная фаза. Он порвал со всем и вся, отошел от активной деятельности. Последние годы он проведет на заслуженном отдыхе, в полной гармонии. Молодая невеста приезжает очень вовремя, чтобы, как пишет Гаде, «по их обоюдному согласию, постоянно жить в Ураниенборге».

Но ждет ли жених свою невесту? Отнюдь нет. Он готов перевернуть вверх дном весь мир — лишь бы уехать. Такое впечатление, будто Руал Амундсен предпочитает скорее обнять своего злейшего врага на льдине к северу от 80-й параллели, чем встретиться с женщиной, которая бросила все, чтобы из-за океана приехать к нему. Это более чем парадоксально. Похоже на бегство — отчаянное, сломя голову, — бегства из

Ураниенборга, от жизни пенсионера, от смерти за домом, от женщины, что приезжает.

Он возвращается к героической роли, к старой сказке — в свет рампы, на сцену. Там он будет в центре внимания всего мира, под прикрытием рыцарских доспехов. Как никогда отчетливо Руал Амундсен демонстрирует, что внутренний стержень у него с гнильцой; он может существовать только за счет всеобщего восхищения.

Невзирая на радиосвязь, обнаружить с воздуха генерала Нобиле и его людей очень сложно. Ни Рисер-Ларсену, ни Лютцов-Холму удача не сопутствует. Новые и новые спасательные экспедиции отправляются на север попытать счастья.

В 12 часов *дня* 14 июня Руалу Амундсену звонят из Парижа. Богатый и влиятельный оптовик Фредрик Петерсон, который по французским газетам следил за его безуспешными попытками добраться до Шпицбергена, готов протянуть прославленному земляку руку помощи.

«Какой самолет вам нужен?»

Вот на такие телефонные звонки полярник и делал ставку в самые тяжкие минуты. Он немедля заказывает гидроплан, пригодный для эксплуатации при температурах около 0 °С. Оптовик обещает посмотреть, что можно сделать. «Спасибо, это так мило с вашей стороны», — говорит на прощание полярник.

Франция — единственная великая держава, с которой Руал Амундсен не рассорился. Возможно, по забывчивости, но это бесспорно облегчило задачу для Петерсона. Редко удавалось организовать экспедицию так быстро. Оптовик тотчас задействовал свои французские связи. Переговоры закончились официальным обращением норвежского посла в Париже, барона Ведель-Ярлсберга, к министру военно-

морского флота Франции. И уже к концу дня Петерсон сообщил, что самолет «Латам-47» будет срочно отправлен на север.

15 июня норвежцы прочитали в газетах, что на помощь Руалу Амундсену пришла Франция. В Ураниенборге спешно готовили снаряжение, а тем временем в мастерских фирмы «Латам» в Кодебекан-Ко, в трех милях от Руана, оборудовали гидроплан для арктической операции. Уже следующим утром он вылетит в Берген.

В Осло был устроен приватный праздник в честь Руала Амундсена. Говорили не только о предстоящей экспедиции, близилось и еще одно событие. Шесть лет спустя Херман Гаде пишет вот что: «Я, нижеподписавшийся, заявляю, что во время прощального праздника, устроенного мною и г-жой Аслёуг Амундсен в гостинице "Виктория", я слышал, как он поручил своему полномочному секретарю, лейтенанту Густаву С. Амундсену, встретить и взять под опеку (в том числе экономически) миссис Бесс Магидс, когда она в его отсутствие прибудет сюда». Невесту ждали; жених попрощался.

16 июня в 23.00 Руал Амундсен был на Восточном вокзале Осло. Ночной поезд на Берген стоял под парами. Точно так же — ночью — двадцать пять лет назад он отправился в свою первую самостоятельную экспедицию, вышел из Осло-фьорда на яхте «Йоа». В тот раз его провожали три брата, теперь — только один. Зато присутствует ряд официальных лиц, среди них трое послов: итальянский и французский послы в Осло, а также недавно вышедший в отставку норвежский посол в Рио.

Опубликованные в прессе фотографии этой героической сцены говорят о том волнении, которое царило на перроне. Только Херман Гаде словно бы

непричастен к общему возбуждению. Как никто другой, он понимает, какая печальная судьба кроется под этим спектаклем. Спустя несколько месяцев один из коллег по дипломатической службе пишет о полярнике в частном письме: «Гаде неоднократно говорил, что в последнее время он был несчастлив, но не уточнял, что именно имеет в виду».

А что он мог сказать? Вернувшись в апреле на родину, он нашел своего «лучшего друга», некогда прославленного героя, во внутренней эмиграции, одиноким и ожесточившимся. «Я знаком со всеми обстоятельствами взаимоотношений Р. А. — миссис Магидс, — пишет Гаде позднее в одном из писем, — так как Руал показывал мне всю корреспонденцию и я сам отсылал ей несколько телеграмм от него». Вероятно, старый друг тоже понимал, что полярник начал сомневаться в своем смелом решении и оттого так отчаянно схватился за спасительную соломинку по имени генерал Нобиле.

Руала Амундсена сопровождают два человека, которые вместе с ним отправятся спасать Нобиле: незаменимый полярник, пирожник, жестянщик и хирург, то бишь капитан Оскар Вистинг, и старший лейтенант Дитриксон. На перроне, пока мощный паровоз пыхтит, готовясь к долгому пути через высокогорье, все взгляды устремлены на национального героя, который, по словам репортера «Афтенпостен», был неразговорчив, «однако его чеканное лицо светилось решимостью и неистовой энергией, какую никакими словами не выразить, язык для этого слишком беден».

Итальянский же посол, которому стыдно за свое правительство, вынужден произнести несколько убогих напутственных слов. «Незабываемый миг, когда эти двое крепко и сердечно пожали друг другу руки». Главный редактор Фрэйсланн, тоже присутствующий на

перроне, удовлетворенно отмечает, что его великие герои помирились. Римский диктатор досадует по поводу этого пустого эпизода, где представитель Италии поневоле делал хорошую мину при плохой игре.

«Когда прозвучал сигнал отправления, Дитриксон и Вистинг вошли в вагон, меж тем как Амундсен немного задержался на перроне, словно в замешательстве, и стоявшие рядом с ним заметили, как по его впалой щеке сбежала слеза. Он прошел несколько шагов обок вагона, потом быстро вскочил на площадку, и вслед ему грянуло девятикратное "ура", эхом прокатившееся под темным от копоти стеклянным дебаркадером Восточного вокзала».

Наутро, когда ночной поезд прибыл в Берген, гидроплан уже дожидался их на стоянке у Маринехолма. Вылетев из Нормандии, «Латам» успешно добрался до места накануне вечером. В Бергене восемнадцатиметровую машину дозаправили горючим и еще раз придирчиво осмотрели. Обнаруженная в левом поплавке дырочка была заделана.

Экипаж самолета состоял из четырех человек. Капитан — Рене Гильбо, тридцативосьмилетний кавалер ордена Почетного легиона. Второй пилот, старший лейтенант Альбер де Кювервиль, тоже имел боевые награды. Считая с механиком Брази и радистом Валеттом, французский военно-морской флот предоставил в распоряжение полярника полностью укомплектованный экипаж.

Хотя на борту уже было два пилота, капитан уступил желанию Руала Амундсена и согласился на участие старшего лейтенанта Дитриксона. Он знал, что значит летать в арктических условиях, а вдобавок Начальник наилучшим образом чувствовал себя в обществе соотечественников. Капитан Вистинг, седьмой член экспедиции, отправится на север первым же пароходом. В те дни получить каюту не составляло

труда, ведь полмира вышло в море спасать генерала Нобиле. Весь Берген высыпал на улицу в тот летний день, когда почти пятидесятишестилетний Руал Амундсен — ледовый Наполеон — должен был вылететь на север, на поле чести. С эпохи крестоносцев ни один военачальник не выступал в более благородный поход. Прижимая к груди огромную охапку цветов, он садится в шлюпку, и матросы-гребцы доставляют его к гидроплану — человека, который летит спасать своего злейшего врага, коллегу, попавшего в беду. На часах восемь вечера.

Из Бергена Руал Амундсен отослал последнюю телеграмму Бесс Магидс. Она уже в Нью-Йорке, где ей предстоит еще шесть дней дожидаться «Святого Олава» — пароход, который доставит ее в обетованный край. Но почему он уезжает, не встретившись с нею?

Если вдуматься, то, пожалуй, она сама и вынудила его к такому поступку. Нам кое-что известно о роли, в которой намерен выступить Руал Амундсен. Покорив Южный полюс, он оставил Сигг. Совершив трансполярный перелет, сумел бросить Кисс. И на этот раз — если он вернется героем — Бесс увидит мужчину во всеоружии, у которого достанет сил вновь пожертвовать любовью.

Бергенцы благоговейно наблюдают, как французский гидроплан стартует с фьорда и берет курс на север, в светлую летнюю ночь. Всего недель позже население соберется у очередного спасательного судна, пополнившего здесь запасы топлива, чтобы тоже уйти в ночь, на север, — у русского ледокола «Красин». Тогда людские толпы на набережной будут кричать: «Спасите Амундсена!»

В шесть утра «Латам» садится на зеркальную гладь тромсейской бухты. Двое норвежцев завтракают, потом по обыкновению идут к аптекарю Цапфе — надо

поспать; французы отдыхают поблизости, в «Гранд-отеле». Уже около одиннадцати экипаж опять на ногах — залеживаться в постели нет времени. Необходимо тщательно подготовиться к следующему этапу. Начальник может не беспокоиться — последние часы на суше он проводит, покуривая трубку, у своего друга-аптекаря.

В своей книге, изданной семь лет спустя, Фриц Г. Цапфе подробно описывает эту последнюю встречу с человеком, которым он так безмерно восхищался. О самой экспедиции сказать было в общем-то нечего, ее судьба зависела не от них. Разговор шел о другом. «Меня не оставляло необъяснимое, тягостное ощущение, что между нами витает какая-то отчужденность. Открытый и, как правило, бодрый тон, бывало, отличавший наши беседы, даже когда они касались серьезных вещей, в тот раз никак не устанавливался». Задним числом Цапфе истолковал это как предчувствие смерти, связанное с французским гидропланом; они оба считали, что «Дорнье-Валь» был бы куда лучше. «Странная тишина окутывала эту последнюю встречу. Мне было даже чуточку неловко перед ним — как перед больным другом, которому толком не знаешь, что сказать».

У отчужденности, пожалуй, было объяснение, не имевшее касательства к аптекарю. Внешне экспедиция «Латама» представляла однозначно благородным предприятием, однако внутренне Руала Амундсена раздирали противоречия: он спешил к генералу и одновременно уходил *прочь от* женщины. Первое — подвиг, второе — скорее, предательство. В глубине души он расстался с нею и — в первый и последний раз — отказался от жизни в любви и близости с другим человеком.

Интуиция не подвела аптекаря; перед ним сидел «больной друг». На прощание полярник отдает ему

свою сломанную зажигалку. Цапфе берется починить ее, но полярник говорит: «Мне она не нужна». Огонь погас. И больше не зажжется.

До той поры ни одному аэроплану не удавалось преодолеть бурные воздушные пространства над морем от Северной Норвегии до Шпицбергена. В тот же день к полету на север готовились еще два самолета — шведский и финский. Вдобавок прошло сообщение, что итальянский майор Маддалена, направленный на поиски городом Миланом, уже находится на острове Медвежьем, ремонтирует поломку самолета. Обстановка вновь напоминала состязание.

Было бы вполне естественно, если бы все три самолета вылетели из Тромсё сообща. Но Руала Амундсена такая возможность не интересовала. Он хотел лететь один. На поиски вышли многие, а спасать надо лишь *одного* генерала.

После полудня четверых французов и двух норвежцев доставили к гидроплану, зачаленному у выхода из тромсейской гавани. Аптекарь тоже провожает друга-полярника к диковинному гибриду самолета и корабля, какой представляет собой гидроплан «Латам-47» — машина солидная, общая мощность двигателей тысяча лошадиных сил, размах крыльев более 25 метров. Белый деревянный биплан, обтянутый парусиной, отнюдь не лишенный изящества.

Точно исполинский лебедь, «Латам» гляделся в зеркальные воды залива возле полярного города Тромсё. Так и хочется сказать, что на борт его поднялся рыцарь Лоэнгрин — в лице Руала Амундсена. И либретто, и сценография уже подготовлены для легендарной героической драмы. Но если верить зрителю Цапфе, главный исполнитель отыграл свою роль еще до того, как машина пришла в движение: «Я не забуду выражение его лица перед стартом, когда он

сидел в "Латаме", странно далекий, отрешенный. Происходящее словно бы не трогало его, хотя он-то, пожалуй, и был ключевым участником. Не говоря ни слова, он просто сидел и смотрел на меня».

Пустым взглядом герой смотрел на своего последнего поклонника. Энергия покинула его. При подготовке, когда его отвергали, чинили ему препятствия, речь шла об активных действиях, о генерале, об отправке экспедиции. Теперь всё это позади. Остальное в руке Господней и в руках пилотов.

Фотографии «Латама», сделанные репортерами, подтверждают впечатления Цапфе: полярник разочарован и одинок. Он даже не думает позировать, ему все равно. Рыцарь в фуражке, сидящий в гигантском лебеде и ожидающий, когда их отбуксируют в пролив, где наконец заработают пропеллеры, — этот рыцарь *никуда* не стремится; он все оставил позади, сказал последнее прости. Не обязательно жизни, но ее смыслу. Он знал, что никогда не достигнет величайшей из поставленных целей. Теперь его ждала ледяная пустыня.

Ровно в четыре гидроплан стартует. Впоследствии появлялись противоречивые сообщения насчет сложностей с взлетом. Многие утверждали, что «Латам» был перегружен. Но так или иначе в этот безветренный день в воздух поднялся он один. Финский и шведский гидропланы до поры до времени остались в Тромсё. По свидетельству Гуннара Ховденака, выпустившего в 1934 году солидную книгу «Последняя экспедиция Руала Амундсена», «Латам» был нагружен ничуть не больше, чем при вылете из Бергена. Однако он уже преодолел огромное расстояние, а в спешке, которая, по словам очень многих, возникла, когда экипаж узнал об опережающей позиции майора Магдалены, некоторые процедуры предстартовой подготовки были

выполнены недостаточно тщательно. Хотя это весьма маловероятно, если учесть профессионализм экипажа и опасность маршрута. Пусть даже Начальник в эти минуты готов был смиренно предать весь полет в руки высших сил, практическая работа целиком возлагалась на пятерых опытных, энергичных мужчин в возрасте от двадцати шести до тридцати восьми лет. Ни у кого из них не было особых причин рисковать жизнью, играя со смертью над просторами Ледовитого океана.

В течение дня метеосводки менялись, но были относительно благоприятны. Правда, погодные условия в означенном регионе отличались крайним непостоянством и сложностью, так что гидроплан вроде «Латама» при посадке на открытую воду непременно потерпел бы аварию. Большой недостаток «Латама-47» состоял в том, что он не мог совершить посадку ни на лед, ни даже на воду при волнении моря. С точки зрения полярных условий французский гидроплан можно разве что назвать аэропланом, оснащенным поплавками. Арктический гидроплан должен отвечать совершенно другим требованиям.

Последнее радиосообщение от «Латама» было принято в 18.45. Радист тщетно пытался установить связь с Нью-Оле-сунном и передать несколько депеш. После трех часов полета машина должна была находиться на полпути к острову Медвежьему, который в свою очередь расположен примерно на полпути между Тромсё и Кингсбеем.

Пройдет много времени, пока мир осознает, что сообщение о так и неотосланных депешах, переданное по радио 18 июня 1928 года в 18.45, было последней весточкой от Руала Амундсена.

В 20.00 в Кингсбее совершил посадку майор Маддалена. Итальянец выиграл гонку над Северным Ледовитым океаном. «Латаму-47» совершить посадку было не суждено.

Глава 48

ПОТЕРЯННАЯ НЕВЕСТА

Руал Амундсен исчез с лица земли. Не впервые. Полярник сам выбирал свои дороги, превращая север в юг, восток в запад, но одно не подлежало сомнению: назад он не поворачивал никогда.

Поисковые операции и пропажи тем героическим летом 1928 года хаотически перемешивались. Кто кого искал? Кто пропал и кто нашелся? Таких, кому следовало бы сидеть дома, было предостаточно, но если кто всегда и знал, как уцелеть на Крайнем Севере, так это Руал Амундсен. Уж кто-кто, а он был там в своей стихии.

Далеко не сразу мир осознал, что полет проходил над открытым морем и что «Латам-47» не полярный гидроплан. Поиски генерала Нобиле постепенно превратились в поиски капитана Амундсена. Уже пять дней, как пропали оба. Кто первым даст о себе знать? Многие думали, что норвежец отключил радиосвязь и полетел прямо к терпящим бедствие итальянцам, чтобы собственноручно вызволить генерала из ледового плена. Поступок вполне в его духе!

Нобиле спас швед. На маленьком «Фоккере» капитан Лундборг 23 июня, вечером накануне Иванова дня, приземлился на льдине генерала. Хотя вследствие дрейфа льдов координаты итальянцев все время менялись, летчики уже совершали облеты льдины и сбрасывали продовольствие. (Рисер-Ларсен и Лютцов-Холм тоже побывали в непосредственной близости от красной палатки генерала.) Проблемой и тут оказалась посадка; однако отчаянный швед сумел-таки

благополучно приземлиться на полосу, размеченную итальянцами.

К тому времени трое из потерпевших крушение покинули лагерь, в том числе швед Финн Мальмгрен. Таким образом, на льдине оставались шестеро. Лундборг рассчитывал в ближайшие часы переправить всех в безопасное место. К сожалению, первым рейсом он мог вывезти только одного человека, так как имел на борту наблюдателя.

При аварии пострадали двое итальянцев — генерал и Чечони. Разница в весе — сорок килограммов в пользу генерала. Принимая во внимание этот момент и учитывая, что для дальнейшего руководства спасательной операцией предпочтительнее забрать с льдины именно генерала, летчик настоял, чтобы первым его пассажиром стал Нобиле. После краткого совещания генерал уступил и был поднят на борт. Потенциальный паек, Титина запрыгнула в машину первой. Так шведские вооруженные силы одержали победу в соперничестве за спасение генерала Нобиле.

Вернувшись за двумя следующими пассажирами, «Фоккер» при посадке на лед потерпел аварию — сломалась лыжа шасси. В итоге единственным изменением в ситуации ледовых пленников стало то, что генерала с собачкой заменил шведский капитан с аэропланом. Для Нобиле, однако, эта авария обернулась малой катастрофой: его заклеямили как генерала, позволившего спасти первым себя, а не команду. Это нечаянное пятно в послужном списке итальянца отчасти сопоставимо с тем, что случилось, когда Руал Амундсен, оставив своих обмороженных людей, прыгнул в первые сани и уехал в спасительный Фрамхейм [\[199\]](#).

Этот эпизод стал составной частью систематического подрыва репутации Умберто Нобиле.

Судьба генерала была давно решена. Муссолини не желал отступления с поля чести. Не желал видеть, как спасенные иностранцами итальянский герой-генерал и его собака, поджав хвост, возвращаются на родину.

Лишь 12 июля, через девятнадцать дней после спасения генерала, советскому ледоколу «Красин» удалось снять с льдины остальных итальянцев. Но прежде он подобрал группу, ушедшую из лагеря и пытавшуюся самостоятельно добраться до земли. Одного из этих троих уже не было в живых — Финна Мальмгрена. Швед, который, невзирая на сломанное плечо и слабую конституцию, в порыве самопожертвования отправился в этот безрассудный поход, тотчас стал для всех предметом героизации. И тот факт, что единственный в экспедиции скандинав погиб при попытке спасти своих коллег-южан, дал толчок к резко враждебным выпадам против экспедиции «Италии», в том числе и в норвежской прессе. Финн Мальмгрен, герой плавания на «Мод», перелетов на «Норвегии» и «Италии», — один из немногих метеорологов, поднятых на пьедестал.

Затем русские пробилась к лагерю с палаткой и потерпевшим аварию самолетом и забрали на борт остальных — исхудалых итальянцев и шведа, спасшего генерала Нобиле.

В письме, написанном месяц спустя, Фритьоф Нансен комментирует сумбурные события вокруг трагедии «Италии»: «Я считаю, что в значительной мере ответственность за это несут газеты. И здесь, и повсюду в Европе они были забиты всякой чепухой, что крайне прискорбно, так как события представляли в совершенно превратном виде. Поэтому целый ряд спасательных экспедиций был отправлен на поиски без четко продуманного плана и надлежащей организации, тогда как максимум шансов на удачу имели только хорошо подготовленные поисковые мероприятия, а

именно оснащенные мощными ледоколами». Критические замечания профессора бьют и по скоропалительной героической акции «Латама-47»^[200].

23 июня, в тот день, когда был спасен генерал Нобиле, Бесс Магидс взошла на борт парохода «Святой Олав», который доставит ее через Атлантику на новую родину. После исчезновения «Латама» прошло уже пять дней, и она находилась в довольно-таки отчаянной ситуации. Причин для уныния пока не было — что такое пять дней исчезновения в жизни полярника? Поиски только-только начались. Почти целый месяц понадобился, чтобы выволить с льдины Нобиле, а три года назад, когда Амундсен пропал вместе с Дитриксоном, о нем не было вестей около четырех недель. Тем не менее ее конечно же снедало растущее беспокойство. Но сбрасывать карты слишком рано.

Бесс Магидс наметила себе путь и решила его пройти. Разве не замечательно будет стоять на пристани в Ураниенборге, когда полярный герой вернется домой, помолодевший от последнего приключения, с солнцем, играющим в сединах!

Через десять дней, 2 июля, «Святой Олав» швартуется в Осло. Как только подают трап, на борт парохода поднимается начальник отдела Объединенного пароходства Брауэр. Он приносит Бесс Магидс удручающую весть, что после ее отъезда из Нью-Йорка никаких сообщений о Руале Амундсене не поступало.

Вероятно, Брауэр встретился с американкой по просьбе Густава Амундсена, отца или сына, который по деликатным причинам не хотел сам появляться в людской толпе у американского причала. Когда в 1941 году Аксель Брауэр оставил свой пост, в интервью «Афтенпостен» он рассказал о своей встрече с

«невестой» полярника. Именно тогда недоверчивая общественность впервые услышала, что национальный герой исчез вместе с «Латамом» фактически на пороге собственной женитьбы.

Первый визит Бесс Магидс в Ураниенборг не стал достоянием гласности, потому что полярник всегда соблюдал секретность в таких делах, а прежде всего, вероятно, потому, что Бесс Магидс была тогда замужем за другим. Второй ее визит тоже окажется тайным, но по иным причинам. Оба ее избранника — Амундсен и Магидс — вышли из игры, каждый по-своему.

Сама Бесс Магидс сорок лет спустя пишет в письме: «Последний раз я видела Руала Амундсона (!) в 1928 году в Осло, Норвегия. Я поехала туда, чтобы выйти за него замуж. Как раз тогда пропал итальянский генерал Умберто Нобиле, и Руал отправился искать его. Назад он не вернулся». Два визита в Ураниенборг стали в ее версии одним, возвращение в Америку и бракоразводный процесс в Сиэтле вычеркнуты из истории.

Важнейшие источники, позволяющие составить представление о том, что именно произошло во время загадочного пребывания Бесс Магидс в Норвегии летом 1928 года, — это, во-первых, три письма 1929 года за подписью Хермана Гаде, которые неоднократно цитировались и раньше. Они помечены грифом «строго конфиденциально» и написаны в связи с непримиримыми распрями вокруг наследства, вспыхнувшими после гибели Руала Амундсена. Адресованы эти письма адвокату Альберту Балкену, другу детства Гаде и поверенному Леона Амундсена. Далее, сюда относится подробный финансовый отчет о пребывании Бесс Магидс в Норвегии. Составлен он Густавом С. Амундсеном, приложен к описи наследственного имущества покойного дяди и помечен

грифом «строго конфиденциально, посторонним ни в коем случае не предъявлять».

Зачем все эти секреты?

Надежда уже изрядно ослабела, но, когда Бесс Магидс приехала в Осло, поиски еще шли полным ходом. Лишь через десять дней «Красин» снимет со льдины итальянцев, а еще позже давний компаньон полярника Х. Х, Хаммер заявит одной из лос-анджелесских газет, что Амундсен наверняка найдется: «Он любит драматизм и обожает устраивать сюрпризы». Как раз эта убежденность и мешала людям во всем мире осознать, что Руал Амундсен пропал навсегда и больше не вернется.

Помимо множества уже развернутых операций, 27 июня на поиски Амундсена решено было направить полярную шхуну «Веслекар». По инициативе группы газет Осло за рекордно короткое время удалось собрать 90 тысяч крон, и таким образом господа редакторы снова активно действовали в полярных водах. Командовал этой экспедицией газетных читателей Трюгве Гран, и 7 июля она покинула Тромсё. Еще несколько недель надежда оставалась жива. Однако фактически все поисковые операции исходили из предположения, что «Латам», который по договоренности должен был лететь в Кингсбей, вместо этого взял курс прямо на северо-восток, во льды.

Старший лейтенант Густав С. Амундсен активно участвовал в организации спасательных работ, хотя наверняка знал, что они основаны на иллюзиях. Как секретарь, племянник тесно сотрудничал с дядей вплоть до вылета «Латама» из Бергена. Если Руал Амундсен действительно выбрал для экспедиции альтернативный план, то невозможно представить себе, чтобы племянник ничего об этом не знал. Хотя лейтенант Амундсен, верный духу полярника, участвовал в неистово бурной поисковой деятельности,

он уже через несколько суток должен был вполне увериться, что дяди нет в живых. Это очень важный момент, позволяющий понять лихорадочный «раздел имущества», который состоится, по сути, в разгар поисковых операций в водах вокруг Свалбарда.

Для наследников Руала Амундсена ситуация была бы значительно благоприятнее, если бы полярник исчез на полгода позднее. Дело в том, что к концу года Пунтерволлу, адвокату Амундсена, удалось закрыть конкурсное производство, полностью расплатившись с кредиторами. Однако же летом 1928 года свартсугские имения юридически по-прежнему оставались в собственности Хермана Гаде. Гаде и дон Педро, скорее всего, думали при первой возможности подарить их своему знаменитому другу, но далеко не бесспорно, что они захотят сделать такой щедрый подарок наследникам.

Через четырнадцать дней после исчезновения Руала Амундсена и через три дня по прибытии Бесс Магидс в Осло разыгрывается первый раунд в разделе земного наследства полярника. Аляскинская красotka станет участницей этой интриги. Но она никак не может быть ее тайным автором; здесь требовалось очень хорошо знать все скрытые стороны летописи полярника. Нам стоит исходить из того, что она не знала даже всех условий игры, в которую угодила как активная участница.

5 июля Херман Гаде встретился с горюющей невестой пропавшего друга в ословской гостинице «Виктория». По свидетельству Гаде, ее послал туда лейтенант Амундсен, чтобы она от имени наследников предъявила претензии на имения Ураниенборг и Рёдстен. Гаде как будто бы признал моральное право Бесс Магидс как наследницы полярника. В том смысле, что теоретически Руал Амундсен мог бы оставить завещание в ее пользу. Последнее, справедливо

оспоренное, завещание от сентября 1927 года отдавало предпочтение Малфред, невестке полярника, жене Густава-старшего и матери лейтенанта, однако потомки брата Тонни тоже выставят претензии на наследство.

По всей видимости, Гаде, сам адвокат, не хотел вступать ни в какие дискуссии по поводу имений, пока Руал Амундсен, во всяком случае юридически, остается жив.

После того как невеста оказалась бесполезной в игре вокруг недвижимости, Густавы (отец и сын), похоже, решили от нее откупиться и таким образом исключить ее из споров о наследстве, чтобы не сказать из всей семейной истории.

Положение у Бесс критическое: юридически она в Норвегии никто, на родине мосты сожжены. Но, обладая врожденной волей к выживанию, она явно решает сделать все, чтобы более-менее благополучно выбраться из этой ситуации.

Густавы, которые теперь единолично властвуют в Ураниенборге, откладывают в сторону споры о наследстве и передают Бесс Магидс часть ценностей из конкурсного имущества, в том числе ряд предметов из серебра. Очередным звеном этой «сделки» становится акция более значительного экономического формата и более сомнительного характера.

Незадолго до своего исчезновения, пишет Гаде, Руал Амундсен депонировал крупные ценности в виде ювелирных изделий, мехов и проч. у брата Кисс Беннетт, тронхеймского адвоката Гудде. Какие именно крупные ценности входили в весьма расплывчатые имущественные отношения полярника и его бывшей гипотетической жены, сказать невозможно. Вероятно, это были вещи, которые полярник хотел спасти, изъяв их из конкурсного имущества, или же подарки, которые он изначально собирался передать Кисс. Полярник вообще любил географически «рассредоточивать» свое

добро; подтверждение тому — «неприкосновенный запас» в американских ценных бумагах.

Личный секретарь Руала Амундсена, по-видимому, знал о тронхеймских ценностях, как знал о резервах в США, но, пожалуй, опасался, что эти сокровища не попадут к тем, кого он сам считал правомочными наследниками. Решено было действовать, пока невеста еще в стране. По мнению Гаде, лейтенант Амундсен использует Бесс Магидс как орудие шантажа, нажима «на адвоката Гудде и некую даму».

В качестве источника своей информации Гаде называет Трюгве Гудде, который сам показал ему вымогательское письмо, где «эти двое угрожали сообщить прессе всю историю отношений Р. с означ. дамой, если упомянутые предметы не будут незамедлительно переданы им».

Херман Гаде пишет, что, узнав об этом, он прекратил все контакты с лейтенантом Амундсеном.

Первую неделю в Норвегии Бесс Магидс, если не считать визита в гостиницу «Виктория», как будто бы тихо-мирно провела в Ураниенборге, в обществе Густава С. Амундсена. Но примерно 12 июля она отправляется в поездку, предварительно абонирав ячейку в банке и обновив в Осло свой гардероб.

Бесс Магидс поселяется в туристском отеле «Хёсбьёр» как раз в то самое время, когда ледокол «Красин» подбирает во льдах последних итальянцев. Гостиница, расположенная к северу от Хамара, принадлежит к числу самых фешенебельных в стране и недавно перешла в руки владельца столичной «Виктории». Не удивительно, что многоопытная американка хочет денек-другой отдохнуть от атмосферы Ураниенборга, насквозь пропитанной лихорадочными поисками. А может быть, в этом уединенном отеле возле железной дороги на Тронхейм у нее есть и практическое дело. Может быть, речь идет

о передаче «наследникам» тех самых ценностей от брата Кисс Беннетг. Касательно раздела оных Гаде пишет: «Миссис Магидс наверняка получила изрядную часть этих вещей в качестве отступного».

В Осло Бесс возвращается самое позднее 20 июля. Из «Хёсбьёра» она телеграфировала в Париж, подготавливая таким образом свой отъезд из Норвегии. На чай она дает 50 крон, ровно столько же, сколько стоит билет до Хамара и обратно. По возвращении в Осло американка покупает две кассеты для драгоценностей и портмоне. Далее, около тысячи крон выплачено ювелиру за починку изделий.

Под собственным именем Бесс Магидс снимает в Сберегательном банке Осло две крупные суммы в долларах «для Энгебрета Амундсена» — столько стоят билеты на пароход в США и обратно. Кроме того, некоторую сумму она отсылает Магидсу в Россию. В целом счета полярника за эти без малого двадцать дней визита нареченной «худеют» на 8210 крон. По тем временам такая сумма соответствует весьма солидному годовому доходу. Разумеется, вполне естественно, чтобы женщина, приехавшая разделить с Руалом Амундсеном остаток дней, могла покинуть страну, не испытывая прямых экономических тревог. Помимо наличных она, стало быть, вывезла из страны значительные ценности. За «перевес багажа» уплачено 104 кроны — солидный дополнительный расход, — куда больше половины стоимости билетов в Париж.

20 июля в одном из ресторанов Осло устраивают прощальный обед для Бесс Магидс — своего рода эрзац свадебного торжества. Присутствуют шестеро. Предположительно (помимо невесты): Густавы Амундсены, отец и сын, с женами, а также (вместо жениха), скорее всего, оптовик Петерсон. Он ненадолго приехал в Норвегию, вероятно, чтобы включиться в спасательные работы. И похоже, последней услугой,

какую он оказал Руалу Амундсену, стало вот что: он сопровождал невесту полярника, когда она покидала Норвегию. Так закончилась для оптовика экспедиция «Латама».

По прибытии во французскую столицу, то есть не позднее 25 июля, Фредерик Петерсон препоручает Бесс Магидс заботам своего секретаря Эмиля Петерсена, а сам тотчас уезжает в Бордо, на отдых.

26 июля Бесс Магидс наведывается в парижский офис «Нью-Йорк таймс», чтобы обсудить возможную спасательную операцию по инициативе давнего партнера Амундсена в международной прессе. Сопровождает ее секретарь Петерсона, который в тот же день связывается по телеграфу с Густавом С. Амундсеном, чтобы узнать, как он относится к идее вступить в контакт с дирижаблестроителем д-ром Эккенером, возможно через Фритьофа Нансена.

Секретарь Петерсен немедля получает от лейтенанта ответ — двадцать четыре слова. Речь идет не о д-ре Эккенера и не о профессоре Нансене, но об опасности, что имя Бесс Магидс станет частью сплетен о Руале Амундсене.

Петерсен спешно составляет подробный отчет о встрече с редактором, на сей раз в завуалированной форме: «Он знал имя г-жи М. и намекнул, что ему с давних пор известно о связи между нею и Р. А. Г-жа М. просила его не упоминать ее имя в связи с Р. А., и редактор обещал, хотя, пожалуй, был ничуть не заинтересован в соблюдении тайны». Секретарь почитает своим долгом очистить имя фирмы от всех и всяческих подозрений: «Могу заверить Вас, что все касающееся данного дела ни в коем случае не станет достоянием гласности по вине этой конторы».

Затем секретарь Петерсен звонит редактору «Нью-Йорк тайме», который в свою очередь должен дать слово молчать. На будущее секретарь обещает

действовать в полном согласии с «инструкциями» лейтенанта. Кстати, он успел получить из Норвегии еще одну обстоятельную телеграмму и потому пишет: «Я сообщу г-же Магидс ее содержание».

Это интермеццо отчетливо показывает, что лейтенант Амундсен вынудил Бесс Магидс заключить соглашение, в котором оговаривалось, что отныне ее имя никогда не будет упоминаться в связи с величайшим полярником эпохи. Это была составная часть «договоренности о наследстве» — договоренности, которой надлежало оставаться в тайне. «Уполномоченный» Руала Амундсена в Норвегии готов был сделать все возможное и невозможное, только бы соглашение с г-жой Магидс неукоснительно выполнялось.

Для Бесс Магидс брак с Руалом Амундсеном отошел в область преданий. Маленькая энергичная красotka так и не сподобилась чести назваться супругой покорителя Южного полюса. Станным образом возникает впечатление, что, вернувшись на родину, она как бы возвращает свою жизнь на год вспять.

После кончины Сэма Магидса Бесс становится совладелицей фирмы «Братья Магидс» и возобновляет бурную коммерческую деятельность на дальнем севере Аляски. В 1931 году она выходит замуж за спортивного журналиста Арта Чемберлена, который моложе ее на семь лет. В этом браке у нее в 1933 году родится единственный ребенок — дочь Патриция. Через несколько лет супруги разводятся, и Бесс выходит за аляскинского летчика Джона Кросса, но и этот последний брак длится недолго.

В 1944 году умирает ее деверь Борис Магидс, и Бесс берет торговую фирму целиком в свои руки, вместе со всеми филиалами, в том числе и самой северной на континенте лисьей фермой. Вдобавок она активно

сотрудничает в Демократической партии и некоторое время даже заседает в аляскинском Законодательном собрании.

Связь с родиной Руала Амундсена полностью оборвана. Но однажды, осенью 1949 года, она встречает полярного исследователя Хельге Ингстада, который, направляясь в одну из своих славных экспедиций, заезжает по пути в торговый поселок Коцебу. Ингстаду довелось увидеть красивые серебряные вещицы, подаренные его великим земляком, а Бесс он позднее вспоминал как «немного странную», однако «приятную даму».

Элизабет Магидс, поочередно носившая также фамилии Кросс и Чемберлен, скончалась в Сиэтле в 1971 году. Тремя годами раньше она, вероятно, продала большую часть амундсеновского серебра Улаву Лиллегравену из Джуно, американцу норвежского происхождения. Сопроводительное письмо, где коротко рассказывается об истории ее любви, она заканчивает таким заявлением: «Эти серебряные вещицы имеют для меня огромное эмоциональное значение, но для мира, для истории они значат еще больше». В 1976 году супруги Лиллегравен передали эти вещи в дар свартсуг-скому музею Руала Амундсена. Таким образом серебряное кольцо замкнулось. А до золотого кольца дело не дошло.

Лето 1928 года было самым фантастическим отступлением в фантастической жизни Бесс Магидс. История ее жизни звучит как сказка. Красивая любительница покера ставила себе задачу завоевать сердце полярника. Большой куш она проиграла. *Не могла не* проиграть. Однако вышла из игры обладательницей кой-каких ценностей. За это она заплатила своим местом в хронике Руала Амундсена. Полярник мог бы научить ее, что захватывающая история способна принести куда большую

экономическую выгоду, чем канделябры, шубы и драгоценности.

Кстати, после отъезда из Парижа Бесс Магидс дважды получала вести из Ураниенборга. Последняя телеграмма пришла в Нью-Йорк 31 августа 1928 года. В тот день севернее Тромсё был найден в море французский поплавок.

Глава 49

ТРИУМФ ПОРАЖЕНИЯ

Кисс Беннетт приехала в Норвегию в день пятидесятишестилетия Руала Амундсена, 16 июня 1928 года. Вместе с сестрой, Гудрун Маус, она прибыла в Берген и собиралась дальше, на отдых в норвежское высокогорье. Было это ровно через месяц после того, как «Латам-47» приземлился в вестланнском городе на пути из Нормандии. Поисковые операции по-прежнему шли полным ходом; многие по-прежнему верили, что Руал Амундсен вернется.

Несколько дней в Норвегии находились обе подруги полярника. Бесс Магидс по-прежнему жила в «Хёсбьёре», когда Кисс Беннетт поселилась на лето в своей гостинице. Здесь у нее произойдет последняя удивительная встреча с человеком, который некогда готов был отдать все на свете, лишь бы повести ее к алтарю в церкви ее родного города — в Нидаросском ^[201] соборе.

После исчезновения «Латама» посыпалось множество предложений от ясновидящих, которые горели желанием руководить поисковыми операциями спасательных судов на основе собственных видений. В своих мемуарах Ялмар Ри-сер-Ларсен, в частности, приводит телепатическое послание, якобы полученное им от пропавшего полярника через некоего датского кочегара. «Уполномоченный» Густав С. Амундсен весьма негативно воспринял сообщение, что в смертный час дядя решил обратиться к «предателю». Но как бы мы ни относились к трансцендентным феноменам, едва ли можно сомневаться, кто именно поддерживал с Руалом Амундсеном «беспроволочную» связь.

И Кисс Беннетт, и сам Руал Амундсен, по всей видимости, были совершенно уверены в своих телепатических контактах. Годом раньше Кисс получила подтверждение необычайных своих способностей, когда пережила в видении грядущую смерть матери. В одном из писем она сама рассказывает, как полярник в последний раз явился ей в высокогорной норвежской гостинице: «Однажды утром, когда я надевала чулки, мне отчетливо послышался его голос: "О Кисс, начинается страшная агония". Три дня я ощущала в комнате его присутствие, совсем близко, я могла бы дотронуться до него. Потом все это внезапно кончилось. Я уверена, он умер медленной смертью».

31 августа в море у маяка Торсвог, к северу от Тромсё, был обнаружен поплавок гидросамолета. Очень быстро установили, что поплавок принадлежал «Латаму-47». Он был залатан, причем именно так, как это сделали во время ремонта в Бергене. Значит, Руал Амундсен и его спутники рухнули в море. Только теперь можно было свертывать поиски. Французский военный корабль «Страсбург», норвежский «Турденшёльд», база экспедиции «Италии» «Читта ди Милано», экспедиция американки мисс Бойд на «Хобби» с Рисер-Ларсеном на борту, русский ледокол «Красин», «Веслекари», которым после Грана командовал капитан Вистинг, — все они и многие другие, с самолетами или без, мало-помалу покидали северные воды. Живых людей уже не найти, разве что обломки самолета. Зверобойные и рыбопромысловые суда продолжали вести наблюдения. И все же многие по-прежнему верили, что Руал Амундсен непременно вернется. Или, быть может, спрашивали себя люди, он оставил этот несправедливый мир, чтобы начать новую жизнь в незапятнанной чистоте арктического одиночества?

13 октября нашли бензобак, на сей раз южнее Тромсё. Поплавок из многослойной фанеры свидетельствовал о мощном ударе о поверхность моря; бензобак поведал кое-что еще: была предпринята попытка заткнуть его импровизированной деревянной пробкой, на скорую руку выструганной ножом. Вероятно, после аварии экипаж мужественно пытался заменить потерянный поплавок пустым бензобаком. Говорили, что второй пилот некогда видел, как такое решение с успехом использовалось при аварии.

Мало-помалу сложилась достаточно ясная картина случившегося. Как выяснилось, «Латам» видели с рыболовного судна — он летел в туман. Летчики опасались тумана с востока и потому направились к Шпицбергену более западным курсом. В полосе тумана, где при тогдашних приборах было очень трудно держать точный курс, дул крепкий ветер. Вывод комиссии, изучавшей причины катастрофы, — как сообщает капитан Ховденак — однозначен: в аварии виновата погода. «Критическая зона тумана и ненастья располагалась далеко в открытом море, так что метеостанции не могли ее наблюдать и неотвратимая судьба привела гидроплан к крушению».

После того как «Латам» был вынужден приводниться в бурном море, экипаж испытал сущий кошмар. Долго ли все продолжалось, никто не знает. Хотелось бы думать, что вскоре после потери поплавка и неудачной попытки задействовать эрзац гидроплан перевернулся в штормовом море и шесть человек экипажа быстро скончались в ледяной воде.

Рисер-Ларсен, который опирался не только на телепатические свидетельства, но и лично осматривал бензобак, не был уверен, что смерть пришла быстро. Кисс Беннетт тоже не сомневалась: «Я уверена, он умер медленной смертью».

Во вселенной Руала Амундсена было два решающих фактора: человеческие расчеты и Божия воля. Раз за разом, от «Бельгики» до экспедиции «Норвегии», Божий перст вмешивался и направлял морские волны, небесные ветры и туманы. Раньше Всевышний всегда покровительствовал полярнику. В этот последний раз Он поместил «критическую зону тумана и ненастья» там, где человеческие приборы не могли ее обнаружить.

Вскоре выяснится, что большего чуда с Руалом Амундсеном не происходило никогда; на земле дел у него уже не осталось. Полярник достиг мученичества. И наконец-то мог скрепить свои земные триумфы печатью величайшей победы — духовной. Вслед за сэром Джоном Франклином и сэром Робертом Скоттом Руал Амундсен занял место в небесном пантеоне. *Он* отдал жизнь за другого человека, в борьбе за спасение своего врага.

Всего за несколько месяцев до гибели Руал Амундсен сказал по поводу Мемориала норвежских моряков, павших в Первой мировой войне: «Они откликнулись на зов отечества и под флагом Норвегии совершили великие подвиги — с радостью пожертвовали всем, даже самой жизнью». Эти необыкновенные слова о жертвах германских торпед многое говорят о стремлении к героизации. Это он еще сохранил. Но все прочее «с радостью» отдал. Руалу Амундсену было нечего терять, когда 18 июня 1928 года около 19.00 он исчез в волнах. Ему было что выиграть.

Говорят, когда Умберто Нобиле высаживали на берег в Северной Норвегии, на набережной собралось множество народа, но никто не хотел принять корабельные швартовы. После возвращения в Италию комиссия по расследованию аварии дирижабля предала

его суду чести и лишила генеральского чина. Умберто Нобиле был вынужден покинуть родину и смог вернуться домой лишь после крушения фашистского режима. Ему досталось нести тяжкий крест, до самой кончины в возрасте девяноста трех лет. Мученическая гибель норвежца не облегчила его участь.

В этом финальном единоборстве Руал Амундсен завладел геройским венцом, который Муссолини заготовил для потерпевшего крушение генерала Нобиле. Он с радостью отдал все, и боги были на его стороне. Полный триумф. Руал Амундсен разом победил всех своих врагов. После этого никто уже не мог поставить его моральное право под вопрос.

Итальянский посол в Норвегии, который от имени Муссолини отказался от спасательной экспедиции под началом Руала Амундсена, был вынужден официально (в «Афтенпостен») признать поражение: «Трагическая судьба отняла у родной страны человека, которого все любят и почитают, но одновременно та же судьба дарует Норвегии бессмертного героя, и для Италии Руал Амундсен навсегда останется одним из величайших людей на свете».

После отдыха в Норвегии Кисс Беннетт осенью 1928 года, как обычно, вернулась в Лондон, а затем в Ли-Корт. Человек, который подарил ее жизни так много напряженного волнения и ярко озарил ее мечты, исчез навсегда. А у нее по-прежнему была впереди необычайно долгая, богатая событиями жизнь.

Ее супруг, Чарльз Пито Беннетт, проживет еще долго. Лишь в 1940 году соперник полярника в борьбе за богиню счастья оставит этот мир в возрасте восьмидесяти пяти лет. Сыновья, Альфред и Пито, оба женились в 1936 году на норвежских подругах Хелле Витфельдт и Ольге Ульсен. Тем самым старший соединил свою судьбу с династией владельцев

«Афтенпостен», а младший вошел в семью, которая через пароходство «Фред. Ульсен» тоже не раз оказывала услуги полярнику.

В день освобождения, 8 мая 1945 года, в Осло прибыли два британских гидроплана. На их борту находилась военная комиссия союзников, которой предстояло руководить Норвегией от имени победившей коалиции. Одним из четырех членов этой комиссии был командир эскадрильи Пито Беннетт. Прием, оказанный младшему сыну Кисс Беннетт при вступлении в освобожденную столицу, превзошел даже ту восторженную встречу, какой двадцатью годами раньше, по возвращении с 88° северной широты, удостоился Руал Амундсен.

После исчезновения полярника Кисс Беннетт продолжала вращаться среди важных персон. Секретарь королевы Мод сэр Артур Понсонби и его супруга были желанными гостями в Ли-Корте. Мало-помалу дружеские отношения связали Кисс Беннетт и с королевой Мод, и с королем Хоконом. В конце тридцатых годов, когда Беннетты продали Ли-Корт и поселились в Лондоне, она ездила в средиземноморские круизы с датской королевской четой. Когда началась война и король Хокон нашел прибежище в Англии, Кисс была для изгнанника одним из самых доверенных и надежных друзей. Она присутствовала среди гостей и на последнем частном приеме, устроенном во дворце на острове Бюгдэ 28 июня 1955 года. В тот вечер старый монарх поскользнулся в ванной и сломал шейку бедра.

Последние годы жизни сложивший регентские полномочия король, ровесник полярника, провел во Дворце, прикованный к инвалидному креслу. Два унылых года в конце жизни, полной гордых свершений, после пятидесяти лет на норвежском троне, — такова судьба Хокона VII.

Кисс Беннетт обладала большим талантом общения. Она любила, когда ею восхищались, и была способна сама выразить восхищение. Совсем юной девушкой жизнь швырнула ее из маленького городка у 63-й параллели в широкий мир. Она научилась с уверенностью, шармом, щедростью и тактом властвовать своим окружением.

Одно из писем Кисс Беннетт брату Трюгве, написанное в декабре 1936 года во время конституционного кризиса, связанного с королем Эдуардом VIII и миссис Симпсон^[202], дает живое представление о ее темпераменте, чувстве великого и реального: «Вы просто не в состоянии понять, какие пересуды и возбуждение кипели здесь последние 4 дня — с тех пор как король потерял голову и решил жениться на этой особе, — все настолько фантастично, что ходишь будто в кошмарном сне и ждешь пробуждения, когда услышишь, что все это неправда; но завтра, в понедельник, нашему безумному напряжению, наверное, придет конец — и будем надеяться, что Британская империя не уступит решению безумца, а он вновь обретет здравый рассудок».

Для Кисс Беннетт никакая великая любовь не заслуживала того, чтобы ради нее жертвовать королевством. Тут ее позиция диаметрально противоположна романтическим идеям Руала Амундсена: все или ничего, богиня счастья или смерть в ледяной пустыне. Вероятно, в отношениях с Кисс полярник смог ближе, чем когда-либо, подойти к человеческому счастью — две сверкающие звезды, разделенные, быть может, неодолимым расстоянием, но купающиеся во взаимном блеске и восхищении.

Кристина Элизабет Пито Беннетт скончалась в 1982 году, девяноста шести лет от роду, на элитарном

острове Джерси в проливе Ла-Манш. На склоне лет она купила себе дом в этом налоговом раю — с видом на море.

«Да-да, я порву твои письма на мелкие клочки, пусть даже мне будет очень-очень жаль, — так Руал Амундсен пишет в дневнике 1924 года, обращаясь к Кисс, и добавляет: — Пока я этого никогда не делал. И в этот раз тоже».

После смерти полярника Кисс при посредничестве родича, должно быть, выкупила свои письма у владельцев Ураниенборга. Она готова была заплатить цену, которая под стать деликатности.

Однако существовал щекотливый документ, так и не попавший к ней в руки. Дневник, который Руал Амундсен вел, обращаясь к Кисс, занимал совершенно особое место. Поскольку речь в нем шла еще и об авиаэкспедиции 1925 года, отдавать его в Англию, в частные руки, было непозволительно. Вместо этого Густав С. Амундсен в 1940 году продал дневник (в запечатанном виде) Мемориальному фонду Руала Амундсена, Фонд же в свою очередь передал его в дар библиотеке университета Осло при условии, что вскроют его лишь через пятьдесят лет. В 1990 году, когда печати сломали, этот документ позволил заглянуть в глубоко засекреченные отношения между полярником и женщиной его мечты.

Капитан Густав Амундсен-старший скоропостижно скончался зимой 1930 года. Его храбрая жена Малфред проживет еще без малого тридцать лет. Несмотря на все семейные шатания, она была для Руала Амундсена одним из самых близких людей. Херман Гаде говорит о ней как о «человеке тонком и добром, к которому Р. относился с большим уважением и преданностью». Именно в пользу Малфред полярник составил свое

завещание, но практически управлять наследством будет ее сын.

«Когда-нибудь это должно кончиться, — пишет Густав С. Амундсен оптовику Петерсону в письме 1929 года, — все в этой стране лучше нас знают, как сохранить память о дяде, нас же — не счесть, сколько раз, — обходили и отодвигали в сторону, так что, пожалуй, вовсе не странно, что мы малость ожесточились, верно?»

В общем и целом можно сказать, что Густав С. Амундсен увековечил дядину память вполне в духе полярника. Он предпринял ряд начинаний, в том числе предложил Оскару Вистингу написать воспоминания. Поскольку же хортенец по части писательства считал себя «полным дураком», «уполномоченный» Начальника взял эту задачу на себя и написал книгу за него.

Во многих пассажах воспоминаний Вистинга, опубликованных в 1930 году, заметна рука человека, который перевел «Мою жизнь». В книге «Шестнадцать лет с Руалом Амундсеном» говорится, что рассказчик (то есть Вистинг) якобы получил от генерала Нобиле лестное предложение: «Прими я это предложение, экономически более чем соблазнительное, как бы я смог тогда смотреть в глаза человеку, который был для меня всем, который гордился мною и во всем мне доверял? Я бы чувствовал себя гнусным предателем — и был бы предателем. Даже просто общаться и выказывать дружелюбие тому, кто причинил ему бесконечно много вреда, было бы для меня невозможно». Вот таков дух непримиримости, некогда приведший полярника к глубочайшей изоляции.

Немногословный Оскар Вистинг, шкипер «Мод», спец по блюдам из собачины и мастер на все руки, умер в 1936-м, в тот самый год, когда полярное судно «Фрам» заняло место у своего *последнего* причала на Бюгдё. Рассказывают, что он заснул в койке Начальника

на борту музейного корабля. Верный до последнего вздоха.

Одно имя полностью стерто из авторизованных мемуаров Вистинга — Леон Амундсен. Хотя на протяжении двадцати лет сотрудничества он был правой рукой и левым мозговым полушарием брата, его все больше вытесняли из героической хроники полярника. После проигрыша в суде и открытых обвинений в «Моей жизни» Леон Амундсен предпочел хранить молчание. Когда гордая гибель подняла Руала Амундсена в ранг святого, брат канул еще глубже в бездну.

После потери Рёдстена Леон Амундсен приобрел уединенную дачу на Несё, по другую сторону Ослофьорда. В зимние месяцы семья по-прежнему жила в городе, в съемных меблированных квартирах, но брат полярника все менее уютно чувствовал себя в людской толчее городских улиц. На прогулки Леон Амундсен выходил после наступления темноты. И старался год от года все дольше оставаться в летнем уединении.

На даче он выпускал пары, корчуя на участке смолистые сосновые корни. Запасы росли, и каждое Рождество один такой корень торжественно клали в камин. Леон Амундсен жил экономно, по средствам. Внешне продолжалась благопристойная бюргерская жизнь, но стыд, унижение и горечь тяжело давили на плечи Леона.

Осенью 1934 года Леон Амундсен оставался на даче, тогда как семья уже переехала в город; он страдал язвой желудка, но решил лечиться сам. Когда через некоторое время родственники вернулись на дачу, лечить было уже поздно. Он умер в больнице. В годовщину покорения Южного полюса, 14 декабря 1934 года, в «Моргенбладет» появилось сообщение: «Вчера в Осло скончался директор Леон Амундсен. Покойный — брат великого ученого и путешественника Руала

Амундсена — много лет был управляющим делами полярника и его полномочным представителем на родине».

Обернись судьба иначе — некролог был бы куда полнее. Норвежцы достигли Южного полюса в декабре 1911 года, однако первый этап начался на Буннефьорде еще в сентябре 1909-го, а закончился на Мадейре в сентябре 1910-го. За один год весь план мало-помалу был повернут на 180 градусов, причем наружу ничего не просочилось. Это оказался самый длинный и самый трудный этап состязания за Южный полюс. И Руал Амундсен прошел его бок о бок с братом. Никакой погонщик собак, никакой лыжник не смог бы заменить Леона в этой сложной операции. Без него ни Хансен, ни Хассель, ни Вистинг, ни Бьоланн, ни Руал Амундсен не достигли бы полюса.

Возможно, кто-то другой поступил бы иначе. Но для Руала Амундсена к цели вел лишь такой путь. Чтобы покорить Южный полюс, ему нужно было обвести весь мир вокруг пальца. Он мог с любым лыжником и погонщиком собак преодолевать препятствия и пересекать полярные плато, однако этап север — юг, упомянутый поворот, можно было осуществить только с самым близким, самым смелым, самым надежным человеком — с братом Леоном.

И цену триумфа им пришлось заплатить сообща. Руал отправился в искупительный поход на север. А когда он не достиг цели, именно Леон стал ему опорой у крайнего предела. Тогда-то и выяснилось, что во вселенной Руала Амундсена крайнего предела нет.

Смерть Леона не была геройской гибелью в снежной буре или в штормовом море, он даже не пустил себе пулю в лоб, как офицер. Скончался от внутреннего кровотечения. Но в конечном счете Леон Амундсен тоже стал жертвой Южного полюса.

Через полгода после кончины Леона Амундсена Ураниенборг был передан норвежскому государству — как мемориал и музей Руала Амундсена. Акт передачи совершил посол Гаде в присутствии короля, премьер-министра и председателя стортинга. Лейтенант устроил все так, как было бы при жизни полярника. Разумеется, впустить публику в приватные комнаты, в кабинет и в ванную, совершенно не в духе полярника, но каждому святому положено иметь свою церковь. У полярника не было могилы — пусть же особняк у Бунне-фьорда станет его мавзолеем. «Руал Амундсен очень близок всему своему народу, — говорит Гаде в заключение своей речи. — Поэтому вполне справедливо, что его дом будет принадлежать всему норвежскому народу, который сохранит его навсегда как священную память о полярнике».

Ожесточенный спор между Херманом Гаде и Густавом С. Амундсеном едва не закончился в суде. В многолетней тяжбе Гаде, к превеликой досаде лейтенанта, пользовался адвокатскими услугами Эйнара В. Нансена. Никто лучше него не знал более или менее тайные делишки вокруг Бунне-фьорда. Щадя память национального героя, Нансен и Гаде в итоге согласились на компромисс: Ураниенборг подарили государству, а Рёдстен, который Гаде изначально хотел превратить в пансионат для моряков, отошел наследникам. Прежде чем дело получило огласку, была поставлена последняя точка в споре о двух злосчастных имениях, из-за которых происходило столько разногласий и возникло столько враждебности вокруг полярника.

Ко времени передачи сам Херман Гаде давным-давно обосновался во Франции. На желанный посольский пост его так и не назначили, но никто не мог запретить бывшему послу в Рио приобрести себе замок там, где он хочет. Фредрик Херман Гаде

скончался зимой 1943 года в Шато-Дюмениль в Сен-Дени, на окраине оккупированного Парижа.

За пять лет до смерти Гаде мог прочитать о сенсационном происшествии, которое едва не обратило в ничто все усилия создать другу долговечный памятник. Вечером 11 января 1938 года над Ураниенборгом заметили дым. Как вскоре выяснилось, загорелся флигель — дом Бетти, или Малый Ураниенборг, — где старая нянюшка делила кров с тремя тетками Амундсен. Только благодаря удачному направлению ветра вилла с реликвиями не стала добычей огня. (Пожарная машина застряла в снежных заносах на извилистой дороге.)

Пожар оказался более чем загадочным. В снегу нашли выброшенный из окна сгоревшего дома норвежский флаг с косицами. А чуть поодаль стояла дамская сумка с четырьмя письмами, одно из которых было адресовано бывшему американскому президенту Эдгару Гуверу^[203]. И наконец, в золе, оставшейся от жилища нянюшки, обнаружили останки женщины.

Первую половину загадки удалось раскрыть весьма быстро: погибшую женщину звали Юханна Эурдал, тридцативосьмилетняя дипломированная медсестра из Сьюккюльвена. В тот день она вместе с сестрой приехала из Вестланна в столицу, чтобы обратиться к врачу по поводу расстройства психики. В кафе на Скуввейен сестра ненадолго оставила ее, отлучившись по делу. Тогда Юханна Эурдал вышла на улицу и поймала такси, которое по узким зимним дорогам отправилось с нею в неблизкий путь до Свартсуга. Последний отрезок пути до Ураниенборга она прошла пешком, через заснеженный лес, некоторое время бродила там вокруг построек, а потом вломилась во флигель, выбросила на улицу флаг, разложила костер и, сидя в кресле, позволила пламени сделать свое дело.

Сумасшедшая женщина покончила с собой — вполне заурядная история. Но почему она сделала это в уединенном мемориале Руала Амундсена?

В одном из писем брата упоминается, что барышня Эурдал служила прислугой в одном из бергенских семейств в Сиэтле. Там она могла контактировать со своим славным соотечественником. Утверждали также, что она работала и в Ураниенборге. В таком случае, видимо, очень недолго, и тот факт, что она легко нашла дорогу к усадьбе, если не сказать к флигелю прислуги, свидетельствует в пользу данного допущения.

Самоубийственный пожар в доме Бетти, пожалуй, не имеет биографического значения; тем не менее он знаменателен как символ многих завуалированных обстоятельств, связанных с историей жизни полярника. Руал Амундсен сам окутывал свою жизнь туманом. Тогдашние историки видели свою задачу не в прояснении неизвестного, а скорее в закреплении мифов, созданных самим полярником. Учитывая огромное значение Руала Амундсена для своего времени, этот биографический вакуум стал необычайно просторным полем для всяческих домыслов. Поразительно, сколь велика была власть полярника над человеческой фантазией. Молчание, секреты, тайные сговоры не только сделали мифом его личность, вся его жизнь обернулась притягательной загадкой. Победы праздновались, но никто не считал погибших на поле брани. И вовсе не вина, а склонность к замалчиваниям привела к тому, что Руал Амундсен и его подвиги так и остались весьма зыбкой территорией.

Глава 50

ДВЕ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ

«Сегодня с именем одним — один народ, единый сердцем». Под такой шапкой вышла «Афтенпостен» 14 декабря 1928 года. Правительство решило объявить день покорения Южного полюса национальным днем памяти Руала Амундсена. Ровно в полдень весь народ, во всех городах и весях, посвятит полярнику две минуты своей жизни — две минуты полного молчания.

Отметили этот день и в зарубежных представительствах, и в норвежских диаспорах многих стран. Но утверждать, что «весь мир» почтил память норвежского полярника, было изрядным преувеличением, хотя «Афтенпостен» именно так и писала. Норвежский посол в Лондоне Беньямин Фугт прислал на родину следующее донесение: «Один из здешних норвежских корреспондентов сказал мне, что тщетно пытался уговорить разные английские газеты вспомнить эту дату в своих публикациях. Ответ был один: "14 декабря, Южный полюс, нет, с этим мы примириться не можем"».

Во всех норвежских школах произносили речи, пели патриотические песни и призывали к двухминутному молчанию. По радио целый день передавали программы, посвященные знаменательной дате. В столице славословия полярнику разносились над людскими толпами из громкоговорителя, укрепленного на башне церкви Христа Спасителя. Официальная Норвегия во главе с королем и кронпринцем собралась в крепости Акерсхус. Присутствовали здесь и Фритьоф Нансен, и капитан «Фрама» Свердруп, и капитан «Мод» Вистинг, и еще живой капитан Густав Амундсен.

«Афтенпостен» так описывает минуты молчания в старинной крепости: «Все встают. Почетный караул низко опускает норвежский флаг перед бюстом Руала Амундсена — наступает глубокая, благоговейная тишина, слышен лишь бой часов, который разносится по всей стране, везде и всюду, где живут норвежцы, расходится волнами в мировое пространство, неведомо как далеко...»

Речь памяти полярника произнес слегка неуместный здесь корпулентный капитан Готвалдт, начальник радиослужбы дирижабля «Норвегия». Кое-кто явно был удивлен таким выбором. В этот час на ораторской трибуне полагалось бы стоять преемнику, наследнику по героической линии норвежских полярных исследований, Ялмару Рисер-Ларсену. Однако Густав Амундсен и его сын ожесточенно протестовали против того, чтобы герой-летчик «со слезами на глазах стоял перед всем миром, играя на давно порванных струнах дружбы».

Предшественник, Фритьоф Нансен, произнес свою речь в память Руала Амундсена еще осенью. И все тем же загадочным образом волны эфира донесли ее до всех радиоприемников в стране. Конечно же слова Нансена и стали подлинной надгробной речью Руалу Амундсену.

Без малого сорок лет — с тех самых пор, как Нансен, увенчанный лаврами, вернулся из Гренландии первым норвежским героем, а безымянный семнадцатилетний парень, стоя в толпе на тротуаре, ел его глазами, — тень Фритьофа Нансена осеняла жизнь и дела Руала Амундсена. Впоследствии двух этих норвежцев снова и снова сравнивали между собой. Чаще всего приходили к выводу, что предшественник более велик, чем преемник. Однако на нескольких бурных этапах своей карьеры младший превзошел старшего. В первый раз — когда вырвал себе Южный полюс, во второй — когда в

рекордные сроки организовал дирижабельный перелет над Северным полюсом, и в третий — когда героической смертью превратил себя из опасного безумца в сущего святого.

Хотя Фритъоф Нансен испустил последний вздох под открытым небом, на своей веранде, его кончину в 1930 году едва ли можно назвать героической. Избрав для похорон день Национального праздника, 17 мая, соотечественники попытались сделать их свидетельством всенародной консолидации, но пышной церемонии недоставало символической силы, которая вознесла в вечность Руала Амундсена.

Последние годы жизни Фритъоф Нансен, не жалея сил, старался организовать в Арктике научную дирижабельную экспедицию. Бремя забот и огорчений, связанных с этой идеалистической затеей, было так велико, что можно с уверенностью сказать: это тоже сократило профессору жизнь, хотя и не стало непосредственной причиной его смерти.

Национальный патриотизм всегда был мощнейшей движущей силой полярных исследований. Руал Амундсен использовал его эффективно и без зазрения совести. Нансен со своим Обществом арктических исследований явил нам столь же героический, сколь и яркий пример того, как безнадежны оказались все старания найти дирижабль для полета под международным флагом науки.

В своей речи памяти Руала Амундсена Фритъоф Нансен не упомянул о жертвенности и мученичестве — попытке спасения Нобиле, — хотя именно этот элемент задавал тон в волне траурных речей, захлестнувшей страну. Экспедицию «Латама» славили как величайший из подвигов полярника — как экспедицию не ради исследований и патриотизма, но ради любви к ближнему. «Именно здесь благородный человек Руал Амундсен продемонстрировал всему миру величие духа,

равного которому во все времена еще поискать», — писала «Афтенпостен». Нансен лишь констатировал, что, «закончив труды, он вновь вернулся на просторы Ледовитого океана, где вершилось дело его жизни. Он упокоился в безвестной могиле под чистым небом ледового мира, над которым веет ветер вечности».

В такой интерпретации, если отвлечься от поэзии, Руал Амундсен отправился вовсе не спасать жизнь другого человека; наоборот, он искал себе могилу. Для человека столь искушенного в международных спасательных операциях, как Фритьоф Нансен, невозможно было рассматривать эгоистическую воздушную акцию Руала Амундсена как начинание во имя добра.

Нансен считал, что главным в деяниях коллеги был «сам факт этих деяний». «Амундсен не был ученым, да и не хотел им быть», — заявил профессор со вздохом дорого доставшегося смирения.

«Он был настоящий мужчина, это верно». Фраза Фритьофа Нансена балансирует на волосок от риторической пустоты. У него в запасе нет высоких слов о «человеке Руале Амундсене», он не находит нравственной масштабности, не находит развития в деле жизни, которое должен прославлять. Если он сам пришел от физических подвигов к углубленности науки, то Руал Амундсен, скорее, выбрал противоположный путь. Начался он многообещающе, пробами воды и наблюдениями за магнетизмом, а закончился все более поверхностной акробатикой, все меньшей глубиной.

Профессор выбирает биологический ракурс: «Во все времена он будет стоять в истории изучения Земли особняком — плоть от плоти глубинных корней своего народа». Руал Амундсен низводится до генетического примера, до физического связующего звена меж легендарными героями ушедшего мира викингов и новой, молодой Норвегией: «Именно такие мужчины,

как он, волевые, сильные, дают веру в преемственность поколений, уверенность в будущем». Память о Руале Амундсене усилит в Норвегии биологическое самосознание, веру в норвежское племя: «Тот мир, что взрастит таких сынов, еще молод».

С совершенно иным подъемом и чувством Фритъоф Нансен пятнадцатью годами раньше писал некролог Роберта Скотта и его товарищей. Вывод тот же: все они были настоящие мужчины. Мужчины. Мужественность Амундсена основывалась на физических достижениях, тогда как мужественность Скотта в сущности своей была духовной. Величайшим подвигом англичанина в смертный час стал подвиг духа: «Опустошенный, сведя счеты с жизнью, он лежит там, чтобы никогда больше не подняться, ледяное око смерти глядит на него, меж тем как он спокойно ведет карандаш по бумаге».

Фритъоф Нансен без труда сообразил, что вести карандаш по листку белой бумаги не менее героический поступок, чем прокладывать лыжню по просторам континента. В своем восхищении карандашными записями англичанина Нансен готов был оправдать все его неудачные шаги как руководителя экспедиции. Роберт Скотт вел своих людей напрямик к гибели, но что это значило, если он вывел *СЛОВО* живым из ледяной пустыни?

С норвежцем обстояло наоборот: «Он был человек поступка, один из молчаливых мужчин, которые вершат дела».

Если Руал Амундсен не видел своих слабостей, он видел свои пределы. «Мой отец говаривал мне, мальчику: никогда не берись за то, к чему не имеешь способностей» — так заявил полярник, когда уже в зрелые годы принимал почетное членство «Ротари-клуба». Он не был универсальным талантом, как Фритъоф Нансен, и тем более его никак не назовешь человеком Возрождения; он — профессиональный

викинг, прошедший определенное обучение, достигший совершенства в своем ремесле. Бурное развитие техники оттеснило его к пределу, который он мог преступить, только нарушив завет отца.

Руал Амундсен сделал за свою жизнь очень много, и ему не поставишь в укор недостаток универсальности, в жизни полярнику не хватало, скорее, стержневой масштабности человеческого развития, взросления, зрелости. По мере того как он оставляет позади свои вехи и обеспечивает человечеству все новые географические знания, внутренне он неуклонно идет к духовному обнищанию.

«Нет ничего хуже, чем спотыкаться, и медлить, и не знать, чего хочешь. Поставь себе *одну* цель, вложи в работу всю свою волю, и ты увидишь — дело пойдет». Таков краткий завет Руала Амундсена, обращенный к молодежи и сформулированный в виде письма к племяннику Гого после возвращения с Южного полюса. Какова же была эта *одна* цель, которую полярник поставил в жизни себе самому?

Подвиги Руала Амундсена охотно формулируют в четырех пунктах: Северо-Западный проход, Южный полюс, Северо-Восточный проход, Северный полюс. В совокупности это и есть все классические маршруты полярных исследований, четыре дороги полярного путешественника. Ведь именно эти цели влекли к себе людей.

К концу XIX века фактически лишь полярные регионы Земли оставались на географической карте белым пятном. Открыть, картографировать часть земной поверхности — это, пожалуй, величайшая посясторонняя честь, достижимая для индивида.

Выбор Северо-Западного прохода был сделан по уверенному наитию. Теоретически его уже более-менее открыли. Предстояло только осуществить вековые чаяния и пройти его за одну навигацию. Так же

обстояло и с Южным полюсом; преодолеть один изнурительный широтный градус — и полюс достигнут. Плато уже покорил Эрнест Шеклтон^[204].

На севере речь шла о более сложных географических задачах, и техническое развитие давало открывателю все меньший запас времени. И за полярным перелетом 1925 года, и за дирижабельной экспедицией 1926-го последовали — почти сразу же — экспедиции соперников. Но и тут Руал Амундсен ухватил почет и славу, так сказать, в последнюю секунду. Лишь Северо-Восточный проход стоит особняком — как неудача. Он был давным-давно покорен, однако все же дополняет образ открывателя, который достиг всего.

Географические цели, какие он ставил себе, однозначно свидетельствуют, что Руал Амундсен держал курс на мирскую славу. Внимание — вот сияющая цель всех его стремлений. Потому-то лыжник и погонщик собак так поспешно пересел на самолет, когда началось бурное развитие авиации и все взгляды устремились в небо. Потому-то он записался в армию, когда война затмила исследовательскую работу, потому-то не мог сложа руки сидеть в Свартсуге, когда все взоры были обращены к генералу Нобиле и его льдине. Великой целью Руала Амундсена было не открытие мира; он хотел, чтобы мир *открыл его*.

Харалд У. Свердруп якобы сказал Одду Далу, что «Амундсен имел много недостатков, и безусловно крупных недостатков, — но при том был великим человеком!». Линкольн Элсуорт выбрал диаметрально противоположную отправную точку, когда писал: «Он был как ребенок, чье доверие так часто обманывали, что в конце концов он уже никому не доверяет. Оттого-то он и укрылся под ледяным панцирем». По-своему

каждый из них прав: Руал Амундсен был и великим человеком, и маленьким ребенком.

Бросается в глаза, как последовательно он шел к своим целям — с детства и до конца жизни. Руал Амундсен остался верен идеалам детства и ребенку в глубине своей души. Только так он мог реализовать свои идеи столь целеустремленно, столь упорно, столь фанатично. Для ребенка ошибки и недостатки были невелики, просто составляли часть его натуры; но в мире взрослого мужчины они стали огромными. С годами в полярнике все больше проступали черты ребенка, вершащего великие дела. Все более рискованные предприятия, все более мучительная жажда аплодисментов, восхищенных взглядов.

Руал Амундсен никогда не сковывал себя обязательствами семейной жизни. Но всю жизнь зависел от других людей. Умел привязать их к себе, как умел и оттолкнуть от себя. Мог сделать их объектами идеализации либо жертвами агрессивности. Однако поскольку он не обладал способностью сопереживания, его отношение к другим людям, по сути, оставалось безличным, не умаляя при этом их значения. Руал Амундсен мог быть один, но только не за пределами внимания общественности. Полярника невозможно помыслить без норвежского народа.

«Еще задолго до полудня, когда наступят минуты молчания, на улицы выплеснулось волнующееся людское море — таких масс не увидишь и по национальным праздникам». Мы вновь цитируем «Афтенпостен» от 14 декабря 1928 года.

Не среди высокопоставленных гостей в крепости Акерсхус, но внизу, в народе: «Все ждут торжественного мгновения — и вот разом начинают бить колокола на церкви Христа Спасителя, на церкви Троицы и всех прочих, приспускают флаги, это сигнал:

все обнажают головы, останавливаются трамваи, вожатый в моторном вагоне снимает шапку, дорожный рабочий замирает, и вспоминает, и на сердце у него теплеет, безмолвная людская масса одержима одной мыслью. Захватывающее мгновение, никто не замечает холодного северного ветра. Седой согбенный старик снимает кожаную шапку, у многих по щеке сбегает слеза. Молчание — абсолютная тишина объемлет всех и вся; едва ли возможно почтить память нашего полярного исследователя строже и достойнее... В этот миг он стоит перед нами совершенно как живой, его облик отчетливо проступает перед нами, чеканное, волевое, любимое лицо, которое столько раз смотрело в глаза смерти.

Минуты памяти миновали — тишина нарушается, люди вновь возвращаются к своим делам, унося в сердце образ и имя этого человека...»

Преклонение многих маленьких людей перед одним великим — феномен, широко известный в Европе меж двумя войнами. Культ личности поочередно захватил итальянский, немецкий, русский народ ^[205]. Как он мог найти почву в таком демократичном и индивидуалистическом народе, как норвежский?

Когда Руал Амундсен отправился в плавание на яхте «Йоа», Норвегия еще была покорным вассалом Швеции. Народ, чтивший его память зимним днем 1928 года, обрел самостоятельность всего лишь двадцать три года назад. Он завоевал свободу на волне единения, на волне мечты о давнем величии, веры в будущее, сильного ощущения собственной избранности, особой миссии в мире. Когда борьба увенчалась победой, народный энтузиазм достиг кульминации. Каждый, глядя на себя в зеркало, словно бы видел там личность масштабов Фритьофа Нансена. А на заднем плане высилась легендарная фигура прошлого тысячелетия —

Олав Трюгвасон^[206]. Психологический откат не мог не наступить.

Всеобщее единение обернулось партийно-политическими конфликтами; классовая борьба и раскол наложили отпечаток на экономику страны. Поднявшаяся нация викингов вскоре оказалась совершенно заурядной страной, неудачно расположенной на дальнем краю земли. Воспетая в сагах империя — всего лишь голые скалы, которых потомкам викингов вполне хватало, чтобы чувствовать себя достойным образом.

Если бы не Руал Амундсен. Когда закончилась героическая эпоха Фритъофа Нансена, он вышел из-за кулис, набрал в легкие воздух, наполнил паруса и вдохнул новую жизнь в самые горделивые мечты норвежского народа и в самые милые иллюзии. Он наделил мифы смыслом, взорвал границы отечества и придал ему необозримый имперский масштаб.

Что видел народ своим внутренним взором, когда истекли эти две минуты? Смотрел в холодные, отрешенные глаза полярника? Наверно, мысли большинства унеслись к Южному полюсу. Они видели флаг и пятерых соотечественников, а может, и палатку. В Полхейм, крайний форпост на нижней стороне глобуса, — вот куда отправились их мысли. Такой великой сделал Норвегию Руал Амундсен.

Благодаря подвигам *одного* человека целый народ осознал себя, свою неповторимость, свое величие. В нем народ увидел себя. И сделал его судьбу своей. «Память о нем будет вечно жить в норвежском народе, как о нынешнем Олаве Трюгвасоне, о нем будут рассказывать легенды» — такими словами заканчивает Одд Арнесен книгу о национальном герое.

«На туманном небосклоне норвежского народа он взошел сияющей звездой, — сказал в своей траурной речи Фритъоф Нансен. — Столько раз она загоралась яркими вспышками! И вдруг сразу погасла, а мы все не можем отвести глаз от опустевшего места на небосводе».

Покинутый. Та же пустота, с которой Руал Амундсен всю жизнь боролся в собственной душе, поразила норвежский народ. Куда девалось его величие? Неужели Норвегия все-таки лишь забытое королевство на границе вечных снегов? Народу понадобились годы, чтобы не всматриваться более в пустое пространство и, наконец, осознать, что полярник потерпел крушение и сгинул в штормовом море.

На пороге нового тысячелетия волны вокруг памяти Руала Амундсена могут уняться; среди полного штиля он падает с небес.

Море гладкое, как зеркало.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУАЛА АМУНДСЕНА

1872, 16 июля — в семье капитана, владельца судовой верфи Вервен в Норвегии, родился Руал Амундсен.

1880— начало учения в школе.

1890 — Амундсен поступает в университет города Христиании.

1894 — для изучения морской службы Амундсен нанимается матросом на шхуну «Магдалена» и совершает плавание к Шпицбергену.

1894-1896— Амундсен плавает на разных судах «Вальборг», «Оскар», «Хюльдра», «Рона», «Язон» проходит путь от матроса до шкипера, затем сдает экзамен на штурмана.

1897-1899— на судне «Бельгика» штурман Амундсен участвует в научно-исследовательской экспедиции лейтенанта де Герлаха в Антарктику, к магнитному полюсу.

1900 — Амундсен сдает экзамен на капитана. Поступает на работу в Гамбургскую обсерваторию для изучения вопросов, связанных с земным магнетизмом.

1903-1906 — Амундсен на судне «Йоа» впервые в истории совершил непрерывное плавание из Атлантического океана в Тихий, открыв Северо-Западный проход.

1910-1912— экспедиция Амундсена на «Фраме» к Южному полюсу. Высадившись в Китовой бухте, экспедиция 20 октября 1911 года отправляется к полюсу 15 декабря достигает полюса.

1914 — Амундсен сдает экзамен на гражданского летчика.

1918-1921 — экспедиция Амундсена на корабле «Мод». Цель ее, вмерзнув в лед, дрейфовать вместе со льдами через Северный полюс. Экспедиция не достигла конечной цели, но в течение трехлетнего дрейфа собрала большие ценные научные материалы.

1925, 21 мая — на самолете N-25 Амундсен летит к Северному полюсу и терпит неудачу из-за поломки самолета.

1926, 11 мая — Амундсен вылетел со Шпицбергена на дирижабле «Норге» с целью пролететь по прямой линии через Северный полюс. Полет длился 75 часов. Дирижабль пролетел через Северный полюс и опустился на Аляске.

1928, 18 июня — на самолете «Латам» Амундсен вылетел спасать экспедицию Нобиле и героически погиб.

БИБЛИОГРАФИЯ

Amundsen R

Nordvestpassagen Aschehoug, 1907.

Sydpolen Jacob Dybwads Forlag, 1912.

Nordostpassagen Gyldendalske Boghandel, 1921.

Gjennem luften til 88° nord Gyldendal, 1925.

Den første flukt over Polhavet Gyldendal, 1926.

Mitt liv som polarforsker Gyldendal, 1927.

Andresen K. S. Sarpsborg E. Sem, 1914.

Arnesen O. «Norge»-færden bak kulissene Tønbergs. Forlag, 1926.

Arnesen O., Lundborg E. «Italia»-tragedien på nært hold Gyldendal, 1928.

Arnesen O. Roald Amundsen som han var. Gyldendal, 1929.

Astrup E. Blandt Nordpolens naboer. Aschehoug, 1895.

Austbø J. Olav Bjåland. Fonna Forlag, 1945.

Balchen B. Kom Nord med meg. Gyldendal, 1958.

Bjålland O. Med Amundsen til. Sydpolen, Dagbokblad // *Syn og Segn* Hefte 1, 1975.

Bomann-Larsen T. Den evige sne. Cappelen, 1993.

Brox K. H. Eva og Fridtjof Nansen. Gyldendal, 1991.

Brennecke D. Roald Amundsen. Rowohlt, 1995.

Conradi C. Den Norske Klub i. London. 1937.

Dahl O. Trollman og rundbrenner. Gyldendal, 1981.

Ellefsen E., Berset O. Veslekan J. W. Eide.

Ellsworth L. Beyond Horizons Doubleday, 1938.

Filchener W. Em Forscherleben. Eberhard. Brockhaus, 1951.

Fosheim I. Storvilt, is og nytt land Aschehoug, 1994.

Gade J. G. All my born days. New York, 1942.

Gran T. Roald Amundsens siste flukt // *Hjemmet* 20, 10, 1928.

Gran T. Hvor sydlyset flammer. Gyldendalske, Boghandel, 1915.

Gran T. Kampen cem. Sydpolen E. G. Mortenson, 1961.

Grieg H. En forleggers erindringer. Gyldendal, 1958.

Hanssen H. Gjennem isbaksen. Aschehoug, 1941.

Hovdenak G., Hoel A. Roald Amundsens siste ferd. Gyldendal, 1934.

Huntford R. Scott and Amundsen. Weidenfeld, 1979.

Huntford R. Roald Amundsens oppdagelsesreiser i bilder Grøndahl, 1988.

Høyer L. Nansen. Eva og Fridtjof Nansen. Cappelen, 1954.

Høyer L. Nansen. Nansen og verden. Cappelen, 1955.

Imbert B. Le Grand Defi des Pôles. Gallimard, 1987.

Lindbæk L. Brennende jord Tiden, 1958.

McKee A. Ice Crash. Souvenir Press Ltd., 1979.

Nansen F. Paa ski over Grønland. Aschehoug, 1890.

Nansen F. Fram over Polhavet. Aschehoug, 1897.

Nansen F. En ferd til Spitsbergen. Jacob Dybwads Forlag, 1920.

Nansen F. Nansens røst. Jacob Dybwads Forlag, 1942.

Nansen F. Brev. Universitetsforlaget, 1961.

Nielson H. B. Fest for Amundsen og hans mænd // *Aftenposten* 23. 11. 1972.

Nobile U. Med «Norge» over Nordpolen (til norsk ved Helge Rabben). Cappelen, 1976.

Omang R. Norsk utennkstjeneste. Gyldendal, 1955, 1959.

Paulsen J. B. Under sydkorset. JBP Forlag, 1986.

Payer J. von. Die Österreich-ungarische Nordpol-Expedition in den Jahren 1872-1874. Wien, 1876.

Peary R. E. The North Pole. Hodder and Stoughton, 1910.

Riiser-Larsen H. Femti år for kongen. Gyldendal, 1957.

The Royal Automobile Club Journal. November — December, 1912.

Sjparø D., Sjumilov A. En russisk sjømann på «Fram». Progress/Falken, 1990.

Sundt H. Innen alt går i glemmeboken. Tønsberg Aktietrykkeri, 1968.

Sverdrup H. U. Et efterord // *Roald Amundsens oppdagelser eiser*. Gyldendal, 1930.

Sverdrup H. U. *Tre aar i isen*. Gyldendal, 1926.

Vaage J. Roald Amundsens første skiturer til fjells. Skiforeningens årbok // *Snö og Ski*, 1954.

Veel H. A. Roald Amundsen — Slegt og miljø. E. Sem, 1962.

Wilse A. B. Norske landskap og norske menn. Tanum, 1943.

Wisting O. 16 år med Roald Amundsen. Gyldendal, 1930.

Zapffe F. G. *Roald Amundsen*. Aschehoug, 1935.

Østvedt E. Hjalmar Johansen — et liv i død som endte i tragedie [в книге приведены южнополярные дневники Я. Юхансена]. Selskapet for Skiens bys vel, 1978.

Aas I. Roald Amundsens stamfedre. Borgarsyssel Museum og «Roald Amundsens minne», 1941.

Амундсен Р. Собрание сочинений в 5 томах. Перевод М. П. Дьяконовой. Л.: Главсевморпуть, 1936–1939.

Т. I. Северо-Западный проход: Плавание на судне «Йоа». 1903–1907. Л., 1939.

Т. II. Южный полюс: Плавание «Фрама» в Антарктике. 1910–1912. Л., 1937.

Т. III. Северо-Восточный проход: Экспедиция на «Мод» вдоль северного побережья Азии. 1918–1920. Л., 1936.

Т. IV. Полет до 88° северной широты. — Первый полет над Северным Ледовитым океаном. Л., 1936.

Т. V. Моя жизнь. Л., 1937.

Нансен Ф. Собрание сочинений в 5 томах. Л.: Главсевморпуть.

Т. I. На лыжах через Гренландию. — Жизнь эскимосов. Л., 1937.

Т. II. «Фрам» в Полярном море. Ч. 1. Л., 1940.

Т. III. «Фрам» в Полярном море. Ч. 2. Л., 1940.

Т. IV. Шпицберген. Л., 1938.

Т. V. Среди тюленей и белых медведей. — На вольном воздухе. Л., 1939.

Нансен-Хёйер Л. Книга об отце. 2-е изд. Л.: Гидрометиздат, 1986. [В книгу вошли: «Ева и Фритъоф» и «Нансен и мир».]

Свердруп Х. Плавание на судне «Мод». Л.: Изд-во АН СССР, 1926.

Эта биография основана на ряде прежде не использованных и в большинстве неизвестных источников, связанных с жизнью и деятельностью Руала Амундсена.

Самой большой находкой, безусловно, является «Деловой архив Руала и Леона Амундсенов» (*Roald og Leon Amundsens forretningsarkiv*), обнаруженный в усадьбе Фладстад (уезд Раккестада, фюльке Эстфолл). Он включает 23 полных скоросшивателя (с кольцами) и восемь книг с копиями документов (каждая примерно по тысяче страниц); все это хранилось в неприкосновенности в металлическом чемодане, который лежал в свайном амбаре усадьбы. Данные материалы любезно предоставил в мое распоряжение Уле Фладстад, внук Леона Амундсена.

Архив собран Леоном Амундсеном приблизительно в 1900–1916 годах и касается, следовательно, экспедиции на «Йоа» и третьего плавания «Фрама». За этот период

имеется входящая и исходящая деловая корреспонденция вкупе с телеграммами, контрактами и т. д. В работе Руала Амундсена, кстати сказать, граница между частным и профессиональным зачастую размыта, и некоторые материалы свидетельствуют об этом.

Оставшаяся часть архива, как выяснилось, хранилась в Норвежском полярном институте, где я имел возможность ознакомиться с соответствующими документами. Они тоже ранее не использовались в исследованиях. Эта вторая, значительно меньшая часть заканчивается примерно 1924 годом. Сюда входит также архив Хокона Х. Хам мера за период, когда он был агентом Руала Амундсена.

После разрыва в 1924 году между Руалом и Леоном Амундсенами соответствующие функции частично выполнял конкурсный управляющий, частично — Норвежское общество воздухоплавания. Роль секретаря Руала Амундсена перешла к его брату Густаву, а вскоре, в 1925 году, к племяннику, Густаву С. Амундсену. Архив Руала Амундсена за этот последний период был в свое время передан в Собрание рукописей Университетской библиотеки Осло.

Чрезвычайно ценной частью делового архива братьев Амундсен являются копии писем Леона к брату, представляющие собой как бы хроникальный журнал, освещающий очень многое в профессиональных и личных делах полярника. *Письма Руала Амундсена к Леону* находятся в частном владении. Хирстен Амундсен, Эгиль Беренс и Уле Фладстад обеспечили мне доступ более чем к трем сотням дотоле неизвестных писем Руала к Леону Амундсену за 1893–1924 годы.

Особое место среди *дневников* Руала Амундсена (все они хранятся в Университетской библиотеке Осло) занимает его *интимный дневник*, доступ к которому был открыт лишь в 1990 году и который поэтому ранее не

использовался в исследованиях. Истокование этого дневника фактически стало отправной точкой в работе над биографией.

Особо хочу упомянуть также письма *Руала Амундсена к Херману Гаде*, собрание из более ста писем личного характера. В 1958 году сын Хермана, Герхард Гаде, подарил это собрание Гарвардскому университету в США.

Среди опубликованных источников по ряду причин хочется особо выделить книгу Роланда Хантфорда «Скотт и Амундсен» (*Huntford R. Scott and Amundsen*). Обширная исследовательская работа, лежащая в основе этой книги, очень помогла и в написании данной биографии.

Справочники и книги общего характера не включены в приведенный выше перечень, не считая тех случаев, когда они имеют особое значение.

Мною были использованы материалы норвежских и зарубежных газет, заимствованные из упомянутых архивов и книг, архивов вырезок Музея города Осло, Норвежского полярного института и Драмменской народной библиотеки. С подшивками газет *Aftenposten, Dagbladet, Kysten, Morgenbladet, Nordlys, Tidens Tegn* я работал в Университетской библиотеке Осло и Драмменской народной библиотеке.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Сокращения

HL — Houghton Library, Harvard University, Cambridge

NPI — Norsk Polannstitutt, Oslo

NSM — Norsk Sjøfarstmuseum, Oslo

RA — Riksarkivet, Oslo

SA — Statsarkivet, Oslo

UB — Universitetsbibhoteket, Oslo

Дневники

Roald Amundsen

Belgica, 1897-99 (UB), Reisedagbok, 1899-1900 (UB), *Gj0a*, 1903-06 (UB), Slededagbok fra *Gj0a*, 1904-06 (UB), Den tredje *Framferd*, 1910-12 (UB), Slededagbok fra Sydpolen, 1911-12 (UB), *Maud*, 1918-21 (UB), *Maudheim*, 1922-23 (UB), *Privat dagbok*, 1924-25 (UB).

Ekspeditionsdagbok fra polflyvmngene, 1925, 1926 (UB).

Bordkalender, 1928 (Uranienborg).

Hassel, Sverre, dagbog fra Den andre *Framferd*, 1910—12 (NSM), Hassel, Sverre, slededagbok fra Sydpolen, 1911-12 (NSM).

Nielsen, Thorvald, dagbok fra Den tredje *Framferd*, 1910—12 (NSM).

Ristvedt, Peder, dagbok fra *Gj0a*, 1903-06 (NSM).

Wnk, Gustav J, dagbok fra *Gj0a*, 1903-06 (NSM).

Письма, телеграммы, рукописи, счета и другие документы

Roald og Leon Amundsens forretningsarkiv, ca 1900-1916 (Pnv), Roald og Leon Amundsens forretningsarkiv, ca 1916-1924 (NP1), Roald Amundsens brev til Leon (Pnv), Brev til og fra, eller vedr0rende Roald Amundsen (UB).

Собрания писем Руала Амундсена к отдельным лицам:

Bennett, K E (pnv), Chnstophersen, Don Pedro (UB), Gade, F Herman (HL), Gudde, Niels (pnv), Gudde, Trygve (pnv), Hammer, Hakon H (NP1), Maus, Gudrun (pnv), Nansen, Fndtjof (UB), Ristvedt, Peder (NSM), Roll, Jacob (NPI).

Amundsen, Leon, brev til Herman Gade (HL), Aurdal, Lars, brev til Bodil Naevdal (pnv), Bennett, K E, brev til Trygve Gudde (pnv), Borchgrevink, Carsten, brev tu Hugo Mowinkel (pnv), Gade, F Herman, brev til Roald Amundsen (HL), Gade, F Herman, brev til Albert Balchen (pnv), Castberg, Leif, etterlatte papirer (pnv), Cross, Bess Magids, brev til Rosellen og Olav Lillegraven (NPI), Folio politikammer, vaktjournal 1938—39 (SA), Freud, Siegmund, brewekshng med dr Otto Kratter (Universitetsbibhoteket I Bergen), Hammer, Hakon H, arkiv for Roald Amundsens polflyvning, 1924 (NPI), Johansen, F Hjalmar, brev og telegr til nans kone (pnv), Legasjonen i London, arkiv (RA), Nansen, Alexander, brev til Fndtjof Nansen (UB), Nansen, Alexander, papirer vedr Roald Amundsen (UB), Norsk Luftseiladsforening A/S for Amundsen-Ellsworths polflyvning, 1925, 1926, arkiv (UB), Oslo Overrett, sakspapirer vedr sak № 424, Leon Amundsen mot Roald Amundsens konkursbo (SA), Ruser-Larsen, Hjalmar, etterlatte papirer (RA), Sorensknveren i Folio, papirer vedr Roald Amundsens konkurs (SA), Sverdrup, Harald U, Roald Amundsen, biografisk skisse (NPI), Sverdrup, Harald U, brev til og fra Vilhelm Bjerkes (UB), Sverdrup, Harald U, brev til Harald Gneg (Gyldendal), Tilsynskomiteen for R As hjem, sakspapirer vedr ekteparet Lillegravens gave til hjemmet (NPI), Zapffe, Fntz G, etterlatte papirer (UB)

Документы, находящиеся в частном владении, предоставлены Юханом Леоном Амундсеном (Несей), Эгилем Беренсом (Порсгрюнн), Берит Брюнхильсен (Хеме), Валери Фарнес (Осло), Уле Фладстадом (Раккестада), Трюгве Гуде (Тронхейм), Арне Маусом, Петером Маусом (Несодден), Будиль Невдал (Осло), Турфинном Петтерсеном (Ниттедал)

Устные источники

Работая над книгой, я получил ценные устные сведения от очень многих лиц. Подробные беседы и интервью были проведены с Хирстен Амундсен и Юханом Леоном Амундсенем (Несей), Альфредом Беннеттом (Лондон), Патрицией Кларк (Фэрбенкс), Валери Фарнес (Осло), Хельге Ингстадом (Осло), Петером Маусом (Несодден).

Я глубоко признателен всем вышеупомянутым организациям и частным лицам за понимание и щедрость, с какими они отнеслись к моей работе над биографией Руала Амундсена.

К сожалению, я не могу перечислить всех, кто помог мне справиться с моей сложной задачей. Могу лишь назвать некоторые имена: Оддвар Вассвейт и другие сотрудники отдела рукописей Университетской библиотеки (Осло), историк Сьюзен Барр из Норвежского полярного института и другие сотрудники отделений института в Осло, Лонгъире и Нью-Олесунне, Ранди Эриксен из Дома Руала Амундсена в Свартсуге и глава наблюдательного комитета Улав Орнхейм, Рагнхильд Билет из Центра Руала Амундсена (Фредрикстад), Арне Педерсен из Норвежского института кино, Гертруда Нобиле из римского Института истории военной авиации (Рим), Мелани Уиснер из Гарвардского университета (Кеймбридж, Массачусетс), Дидрик Беренс (Тенсберг), Эрлинг Карге (Осло), Жан Пьер Петерсон (Париж), Розэллен Лиллегравен (Джуно), Кейти Харли (Василла), Нина Брюн Биери из Франко-норвежской торговой палаты (Париж), Карстен Карлсен (Буэнос-Айрес), консул Эгиль Роэ (Руан), Гейр Сервисен (министерство иностранных дел, Осло), Юджин Д Уодсворт (Нью-Йорк).

Приношу благодарность также Библиотеке штата Аляска, Свалбардскому музею и Королевскому автоклубу (Лондон) за доступ к информации из

Государственного архива в Осло, а равно из городских архивов Осло и Тронхейма, издательствам «Юллендал», «Аскехеуг» и информационной службе посольства США в Осло.

В огромной работе по сбору информации мне очень помогли Осе Итреланн и Хильда Дисен Газета «Афтенпостен» и журналист Ларс-Людвиг Реэд щедро помогли мне осуществить многие поездки в Лондон и Кингсбей.

За ценные консультации в работе над рукописью приношу благодарность Стигу Андерсену, Хильде Дисен и психиатру Финну Скодеруду.

В заключение еще раз благодарю издательство «Каппелен» за сотрудничество в работе над книгой, которая потребовала значительного участия многих лиц помимо автора И, наконец, отдельное спасибо моему первому читателю — редактору норвежского издания Андерсу Хегеру.

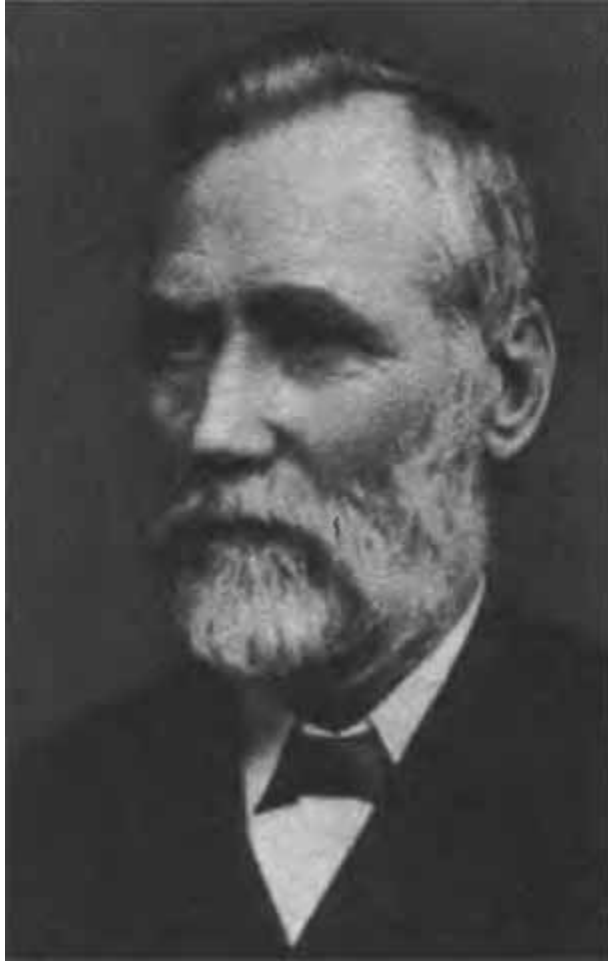
Иллюстрации

Paul Amundsen

Мать — Густава Амундсен (урожденная Салквист).

Отец — Йене Амундсен.

Отчий дом в Осло.

Братья Амундсен (слева направо, сверху вниз): Тони (в возрасте 15 лет), Густав (13 лет), Леон (11 лет), Руал (9 лет).

Товарищ Амундсена по первой экспедиции Эйвинн Аструп.

Фригьоф Нансен около «Фрама». *1894.*

Амундсен после возвращения из своей первой экспедиции на «Бельгике». *1899.*

Фредерик Кук около палатки. Вдали — «Бельгика».

Участники экспедиции на «Йоа» в 1903–1906 годах.

Шхуна «Йоа». На ней Амундсен первым преодолел Северо-Западный проход.

Эскимосы в гостях на «Йоа».

Руал Амундсен в своей каюте на «Йоа». 1905.

Экспедиция Роберта Пири около Северного полюса.
1909.

Фредерик Кук и Руал Амундсен после плавания на «Бельгике» обдумывают новые полярные экспедиции.

Последнее совместное лето четы Нансенов в Пульхегде. 1907.

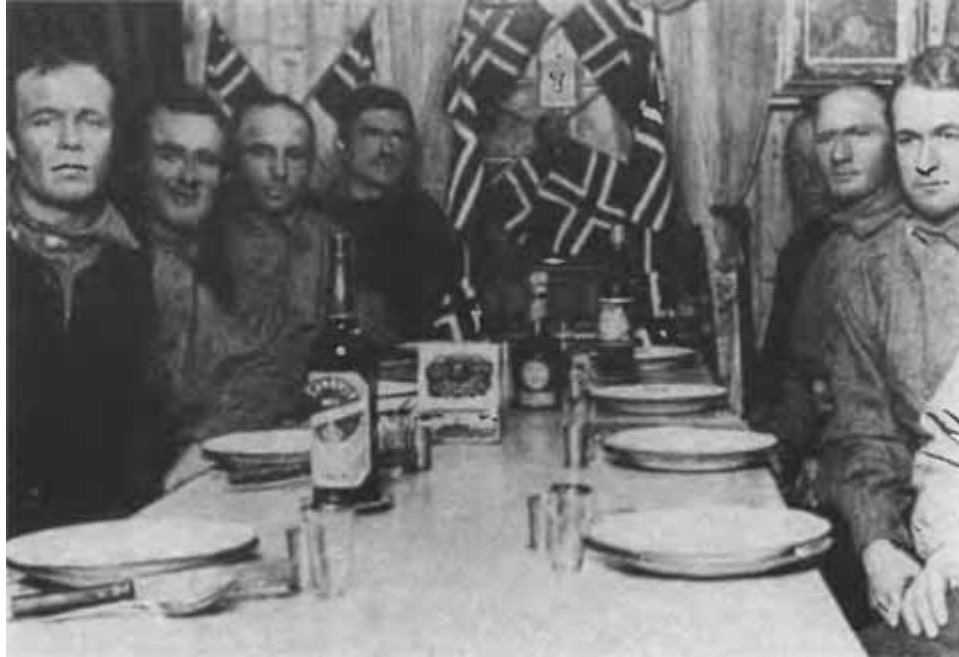
«Фрам», отданный Нансеном Амундсену для экспедиции к Северному полюсу, а пришедший к Антарктиде...

Херман Гаде, адвокат и ближайший соратник Амундсена.

Дон Педро Кристоферсен. Без его денег не удалось бы покорить Южный полюс.

Празднование Национального дня на пути к Антарктиде. Слева направо: О. Бьелланд, С. Хассел, О. Вистинг, Х. Хансен, Р. Амундсен, Х. Йохансен, К. Преструд. 7 июня 1911 г.

На пути к триумфу. «Фрам» прибыл в Китовую бухту Антарктиды.

Фрамхейм — береговой лагерь. *1911.*

На пути к полюсу. Склад на 85° южной широты.

Южный полюс покорен норвежцами!

Первые шаги к антарктической трагедии английской экспедиции Скотта. Выгрузка пони.

Жилище англичан на антарктическом берегу.

we shall stick it out
to the end but we
are getting weaker of
course and that end
cannot be far.
It seems a pity but
I do not think I can
write more -

Robert

Last entry -
For Gods sake look
after our people

Последняя страница дневника Скотта.

Англичане на Южном полюсе. После Амундсена...

«Фрам» возвращается с триумфом.

Полюсная экспедиция на пути домой. В центре — Руал Амундсен.

Три полярных «волка». Слева направо: Руал Амундсен, Эрнест Шеклтон, Роберт Пири. 1913.

Король Норвегии Хокон VII — символ воссозданной государственности Норвегии.

Новая экспедиция Амундсена. Вморозив шхуну «Мол» в лед, он попытался достичь Северного полюса. *1918-1921.*

Великие полярники снова вместе. Фритъоф Нансен, его дочь Лив и Руал Амундсен в период подготовки экспедиции на «Мод». *1918.*

Амундсен и эскимосские дети в Нью-Йорке.
Каконита на руках, справа — Камилла.

Амундсен с Элсуортом в кабине гидроплана.

Норвежцы приветствуют полярных летчиков. *Слева направо:* Лиф Дитриксон, Руал Амундсен, Линкольн Элсуорт.

Погрузка гидроплана N-25. 1925.

На борту N-25. Слева направо: Карл Фоихт, Ялмар Рисер-Ларсен, Руал Амундсен.

Новый этап: на дирижабле к полюсу. «Норге» на старте. *11 мая 1926 г.*

Амундсен направляется к «Норге». 1926.

Умберто Нобиле с любимой собакой Титиной, которая так раздражала Амундсена во время полета на полюсом.

Амундсен, американская девочка, Титина и Нобиле на обратной дороге в Европу с Аляски.

Вилла Ураниенборг. От этой идиллической тишины Амундсен многократно уходил в рискованные походы.

Самый близкий Руалу брат. Леон, с семьей. 1926.

Братья Амундсен: *впереди* — Густав и Леон, *сзади* — Тони и Руал. *Лето 1918 г.*

Дом-музей Амундсена на берегу Бунне-фьорда.
Современное фото.

О некоторых женщинах Амундсен думал всю жизнь.
Бетти, няня Руала». *Позднейшее фото 1903 г.*

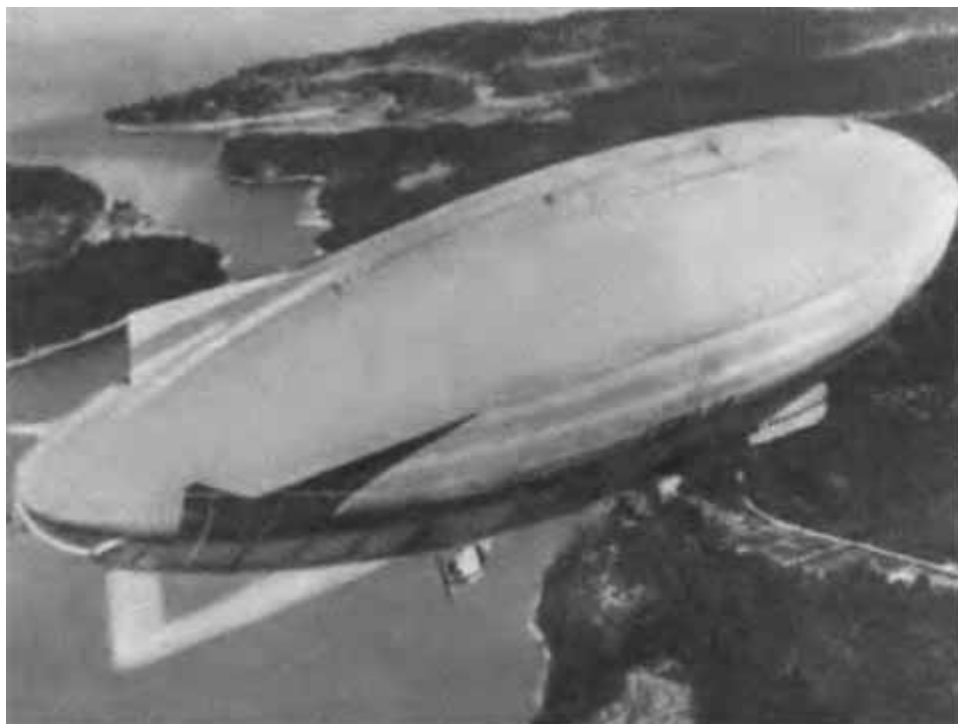
На пике славы. Поездка в Японию.

Кисс Беннетт. 1900-е гг.

Она же рядом с Руалом Амундсенем после возвращения его из экспедиции на «Мод». 1921 г.

Новый дирижабль «Италия», сконструированный У. Нобиле. 1928.

Итальянские участники экспедиции на старте в Кингсбее.

Последняя фотография Руала Амундсена перед вылетом на поиски Нобиле. *18 июня 1928 г.*

Гидроплан Амундсена «Латам-47» на старте.

Нобиле на льдине.

Когда помощь пришла, Умберто Нобиле уже почти не мог ходить.

Советские спасители — ледокол «Красин».

Публикации советской прессы о поисках экспедиции и действиях советских полярников. Газета «Правда», 1928.

Бюст Руальда Амундсена.

notes

Примечания

1

Эта идея принадлежит А. Э. Норденшельду, которая возникла у него после экспедиций 1861–1873 годов на Шпицбергене, где основная масса ледников располагается на периферии главного острова архипелага (так называемая «загадка оледенения Шпицбергена» по Дж У. Тирреллу), и которую он сам же опроверг в своей гренландской экспедиции 1883 года. Ниже автор книги в качестве проявления самосознания норвежского народа, завершившегося, как известно, расторжением шведско-норвежской унии в 1905 году и обретением независимости Норвегии, делает упор на достижения Нансена в Арктике в противовес его предшественнику Норденшельду, как представителю Швеции.

Цитаты из произведений Амундсена и других авторов приводятся — с незначительными поправками — по изданиям, указанным в библиографии (разумеется, если эти книги переводились на русский язык). *(Здесь и далее прим. пер.)*

В первую очередь о личной и общественной жизни Руала Амундсена, чьи полярные заслуги достаточно известны и освещены в обширной литературе, включая русскую (*Дьяконов М.* Амундсен (серия «ЖЗЛ»). М., 1937; *Пасецкий В. М., Блинов С. А.* Руал Амундсен (Научно-биографическая серия издательства «Наука»). М., 1997; *Корс Холт.* Состязание (пер. с норв. изд-ва «Физкультура и спорт»). М., 1987; не считая многочисленных статей). Внутренний мир полярника: его вкусы, пристрастия и увлечения, составляющие основу духовной жизни человека, долгое время оставались для широкой публики «тайной за семью печатями», тем более что сам исследователь эту сторону своей жизни не стремился афишировать. Тем не менее личность полярника привлекала внимание многих писателей (среди них Стефан Цвейг и Борис Лавренев), так и не создавших достойного литературного портрета этой сложной и во многом противоречивой личности.

4

Так в 1624-1924 гг. назывался Осло.

Советское издание книги «Моя жизнь» (Л., 1937) завершает пятитомник собрания сочинений полярного исследователя, вышедший в издательстве Главсевморпути в 1936–1939 годах, переведенный на русский язык со значительными изъятиями и сокращениями первоначального норвежского текста.

Франклин был участником экспедиции Дж. Бьючена (Buchan) в должности командира брига «Трент», пытавшегося пройти из Атлантики в Тихий океан, но застрявшего во льдах у Шпицбергена в 1818 году. В 1819–1822 и 1825–1828 годах руководил экспедициями, действовавшими со стороны Гудзонова залива по рекам Коппермайн и Маккензи вплоть до Арктического побережья Северной Америки, включая западные окраины Канадского Арктического архипелага. Отправился на поиски Северо-Западного прохода на двух кораблях «Террор» и «Эребус» в 1845 году и вскоре с обоими экипажами пропал без вести. В последующие полвека на поиски последней экспедиции Франклина было послано более 50 экспедиций, проследивших по берегу и льду очертание побережья материка и ближайших островов, что считалось открытием Северо-Западного прохода. На этом историческом фоне заслугой Амундсена стало то, что он первым прошел Северо-Западный проход по морю от Атлантики до Берингова пролива.

До начала XX в. (а в норвежских источниках и позже) так назывался Северный морской путь.

Северо-Восточный проход — историческое название морского пути вдоль берегов Евразии, принятое в западной литературе. В нашей стране официальное название действующей транспортной морской магистрали в акватории между портами Европейского Севера (Мурманск, Архангельск) и Дальнего Востока (Петропавловск, Владивосток) — Северный морской путь.

Если судить по книге «Моя жизнь», юный Руал первоначально был больше увлечен приключенческой стороной событий, их последующим восстановлением в ходе многочисленных спасательных экспедиций и связанным с ними преодолением трудностей в экстремальных условиях Арктики, что возбудило в нем юношеское желание испытать себя в полярных условиях, которое окончательно созрело на фоне ликования в стране по случаю успешного пересечения Гренландии Нансеном. Важно отметить, что результаты исследований в Арктике стали важным составным элементом духовной жизни Норвегии накануне распада шведско-норвежской унии.

Пример в использовании топонимики для политических целей, на что обращали свое внимание различные исследователи. Так, американец Р. Рамзай (1977) прямо утверждает, что «правительство Норвегии официально настаивало на том, что Свалбард — это Шпицберген, и приводило этот довод в качестве основательной причины на владение этим островом, ссылаясь на то, что первым его открыли скандинавы. Такое отождествление, мягко говоря, весьма сомнительно» (С. 173). Признаков пребывания викингов на архипелаге не найдено, в то время как доктор исторических наук В. Ф. Старков из Института археологии РАН обнаружил присутствие топонима «Свалбард» на старинных картах Гренландии.

Гибель этого подававшего большие надежды молодого исследователя в конце XIX века среди полярников породила немало слухов, вызванных непонятными отношениями между участниками экспедиции Роберта Пири, на чем детально останавливается и автор книги. Амундсен назвал в его память мыс на Антарктическом полуострове и горы на побережье Таймыра.

Судовой врач — американец Фредерик Альберт Кук, снискавший симпатию и дружбу Амундсена, впоследствии был ошельмован Робертом Пири и его сторонниками в борьбе за утверждение своего первенства на достижение Северного полюса в 1908 году. Результаты арктических исследований второй половины XX века (начиная с так называемых дрейфующих ледяных островов, направлениях дрейфа и кончая количеством выпавших осадков) полностью подтвердили всю природную информацию Кука, в связи с чем сомнения в реальности его полюсного маршрута отпали. Хотя Кук, таким образом, выступил в качестве успешного конкурента для героя книги, Амундсен, несмотря на указанное обстоятельство, сохранил чувство дружбы к нему на всю жизнь, что подтверждается событиями, описанными в настоящей книге, хотя сам Буманн-Ларсен по отношению к Куку устраняется от каких-либо оценок, как неспециалист.

Традиционное разделение экипажа в большинстве военных флотов на офицерский состав и команду. Со своими особенностями оно распространялось и на промысловые суда, о чем подробнее см. у Германа Мелвилла в его знаменитой книге «Моби Дик».

В книге Кука «*Through the Antarctic Night*» (где много места уделено Амундсену) указана национальная принадлежность каждого участника, но по каким-то причинам для матроса Carl Augustus Wiencke сделано исключение, но, судя по написанию его фамилии, он был немцем, и тогда по-русски она должна звучать как Винке — такое написание в русском переводе использовано в работе немецкого автора Германа Гейнца Вилле (см. его книгу «В плену белого магнита», 1965).

Первая высадка в этой экспедиции была сделана на остров Брабант у Антарктического полуострова под руководством Кука (учитывая его арктический опыт 1891–1892 годов), в которой Амундсен участвовал как лыжник. Первая высадка непосредственно на материк Антарктиды была проведена 24 января 1895 года экипажем норвежского промыслового судна «Антарктик» (капитан Кристенсен) и описана К. Боркгревинком в его книге (русский перевод 1958 года).

По первоначальному плану лишь трое человек должны были провести зиму на Земле Виктории на материке Антарктиды.

Это была первая в истории зимовка на дрейфующем судне в неизвестных прежде, но заведомо экстремальных условиях Антарктики, что ставило экипаж в крайне сложное положение. Следует отметить, что большинство претензий Амундсена к руководству экспедицией абсолютно правомерны с позиций наших современных знаний об условиях Антарктики.

Неверно, что имя Кука получило известность благодаря Аструпу — это сделал начальник Северо-Гренландской экспедиции 1891-1892 годов Роберт Пири: «Тот факт, что менее чем через десять месяцев... я был способен предпринять и выполнить путешествие на лыжах в 1200 миль...служил сильным доказательством профессионального искусства доктора Кука». В отсутствие Пири Кук замещал его в качестве начальника на экспедиционной базе. Есть сведения, что Пири приглашал Кука в свои последующие экспедиции. Однако, когда Пири по возвращении из своей последней полярной экспедиции 1908-1909 годов узнал, что Кук объявил о достижении полюса еще в апреле 1908 года, он обвинил своего бывшего сотрудника в фальсификации маршрута и оба претендента (во многом усилиями прессы) превратились в злейших врагов. Новая информация об особенностях арктической природы по маршруту Кука полностью подтвердила описанные им явления, и, таким образом, о какой-либо фальсификации или подтасовке со стороны Кука не может быть и речи как по совокупности получивших известность фактов, так, главное, и в их взаимосвязи — о существовании которых он не мог знать по уровню науки начала XX века, на что обратил внимание начальник первой американской дрейфующей станции Джозеф Флетчер в 1952 году.

В своей книге «Мое обретение полюса» (американское издание 1913 года, русский перевод и издание 1988 года) сам Кук приписывал причины самоубийства Аструпa систематической травле со стороны Пири.

Цинга — сказалась разница в полярном опыте моряков различных стран. Традиционно тюленьё мясо на камбузе норвежских судов было обычным блюдом, тогда как Лекуант и Жерлаш с их европейским флотским подходом запретили его использование на «Бельгике», результатом чего стали цинга и другие виды авитаминозов среди экипажа судна, поставившие людей на грань смерти. Кук также был сторонником использования местных пищевых ресурсов по собственному опыту зимовки 1891–1892 годов в Гренландии в составе экспедиции Пири.

Пири в своей книге «Северный полюс» пишет, что он отказался от использования спального мешка из-за опасности утонуть при неожиданной подвижке дрейфующих льдов.

Наступление полярной ночи для широты, на которой находилась дрейфующая «Бельгика», тогда как кульминация, так называемый «зимний солнцеворот» Южного полушария, повсеместно приходится на 22 июня.

19

17 мая 1814 г. Норвегия обрела собственную Конституцию, так что эта дата празднуется там как День независимости.

Широко использовал дневник Амундсена Роланд Хантфорд для характеристики его отношений с руководством экспедиции в своей книге «Amundsen and Scott», 1979. По нашему мнению, норвежец, оставаясь в рамках служебных прерогатив, обозначил тот предел, в рамках которого он готов закрыть глаза на допущенную в отношении него несправедливость. Этот принцип в будущем он нередко проводил в отношениях с Королевским географическим обществом Великобритании и с американской прессой.

Причем вполне искренне, если он сам указал, как использовал метод Кука (см. «Моя жизнь») при освобождении собственного зимующего судна «Мод» летом 1919 года у берегов Таймыра, чего, кстати, по каким-то причинам не сделал Буманн-Ларсен.

Не только *на английские средства*, но и под английским флагом. О первой зимовке на материке Антарктиды на русском языке см.: *Боркгревинк К. У Южного полюса* (Географгиз, 1958). Отметим, что, сосредоточившись на роли Амундсена в экспедиции на «Бельгике», Буманн-Ларсен опустил целый ряд важных событий (смерть магнитолога Данко, случаи душевных заболеваний в экипаже, научные достижения и т. д.), видимо, полагая, что для характеристики его героя они имеют второстепенное значение, с чем едва ли можно согласиться, поскольку они характеризуют ситуацию, в которой Амундсену приходилось исполнять свои обязанности. Характерно, что подобное повторяется в настоящей книге и для других экспедиций Амундсена.

Обстоятельство, не отмеченное нигде более в русскоязычной литературе. Практически это означает официальное оправдание позиции Амундсена в отношении к руководству экспедиции на «Бельгике».

Это неточно, поскольку Хельмер Ханссен тоже ездил в эту экспедицию.

В дневниковых записях этого периода фамилия Хельмера Ханссена пишется с одним «с». Во избежание путаницы с Годфредом Хансеном эта особенность норвежской орфографии в переводе не сохранена.

На современных картах обычно употребляется англцированное название: Йоа-Хейвн.

Амундсен в своей книге передает это слово как «Тейма».

Гора в окрестностях Осло, известная как место соревнований по прыжкам с трамплина.

См.: Амундсен Р. Северо-Западный проход. Плавание на судне «Йоа». Л., 1939.

Они субсидировали так называемую вторую экспедицию «Фрама» под начальством Отто Свердрупа, в 1898-1902 годах завершившую в основном открытие островов Канадского Арктического архипелага, по южной кромке которого и проходило плавание «Йоа».

Со времени открытия Северного магнитного полюса Джеймсом Кларком Россом во время зимовки 1830–1831 годов его положение значительно изменилось, что и пытался выяснить Амундсен.

Современное название этой группы эскимосов —
нетсилик.

Результат слишком близкого знакомства с моряками преимущественно промысловых судов, среди которых было немало страдавших (выражаясь терминами XIX века) «любоэстрастными» заболеваниями. О якобы доступности эскимосок (характерной для многих малочисленных народов, живущих в условиях относительной изоляции от остального мира) нельзя судить по нормам европейской морали, что хорошо объясняют специалисты-этнографы и понимали выдающиеся моряки прошлого (например, Джеймс Кук об аборигенах Полинезии).

Поселок на берегу Гудзонова залива. То же, что Рипалс-Бей.

Известно, что в экспедиционном хозяйстве нередко «пропажи» сопровождаются последующими «находками» в силу специфики самого хозяйства и нередкой неразберихи. Однако нельзя не учитывать неблагоприятные последствия влияния на эскимосов пришельцев из «цивилизованных» стран, хотя первоначально путешественники отмечали присущую аборигенам честность.

Пеммикан — сухой корм для полярных экспедиций, состоящий из мясного или рыбного порошка с жиром, иногда с добавлением овощей и круп.

Пемикан — смесь порошка из разных сортов мяса с различными добавками растительного происхождения (вплоть до шоколада) на разного рода жире, заимствованная европейскими путешественниками у североамериканских индейцев. Широко использовалась в зарубежных полярных экспедициях.

Остров в заливе Маккензи. Благодаря своему положению и удобству в то время служил зимовочной базой для многих промысловых и экспедиционных судов в Канадской Арктике. Часто упоминается во многих экспедиционных отчетах того времени.

Буманн-Ларсен дает свое объяснение причин третьей зимовки «Йоа», отличное от того, что приводит сам Амундсен в своей книге-отчете.

Что политическим положением? Как моя семья?
Можно ли получить телеграфом пятьсот долларов?
(англ.).

То есть дипломата рангом чуть ниже полномочного посла.

В 1905 г. в Норвегии проводилось два референдума: один — по вопросу расторжения унии с Швецией, второй — чтобы выяснить отношение народа к Карлу Датскому (по его собственному требованию).

Это целиком домысел Буманн-Ларсена. Останься Вик жив, полученного им материала наблюдений с лихвой хватило бы, чтобы занять достойное место среди ученых-полярников своего времени. К сожалению, он не последний, кто своей жизнью заплатил за научное познание высоких широт. Судя по литературе, казался до конца нераскрытый фактор случайности. Со времен Пифея рекорды и наука по разным причинам шли в Арктике нога в ногу, но каждый серьезный полярник мог выбрать свое, причем Нансену удавалось и то и другое.

То есть в книге «Северо-Западный проход».

В «Северо-Западном проходе» — во время охоты на уток.

45

Национальный гимн Норвегии.

Большой крест — высшая степень этого ордена.

КГО реально не могло заниматься изучением Российской Арктики, что подтверждается перепиской между русскими и английскими географами, опубликованной частично (*Пасецкий В. М.* В погоне за тайной века. 1967; Арктические путешествия россиян. 1974; Путешествия, которые не повторятся. 1986).

Объяснить это иначе чем тем, что Амундсен — не англичанин, просто невозможно. Своеобразное проявление застарелого британского снобизма, с чем герой настоящей книги сталкивался неоднократно и для чего сам давал немало поводов.

Популярная книга для мальчиков (1894).

В русском издании ни одного из этих посвящений не сохранилось.

Не считая плавания на яхте «Веслеме» на Шпицберген летом 1912 года, Нансен в это время отошел от научной деятельности, сосредоточившись на общественном поприще. На нем благодаря своему авторитету достиг немалых успехов (ср.: *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце).

Буманн-Ларсен исходит из идеи состязания в достижении полюсов, идя на поводу у газет того времени. Научный результат был меньшим у англичан, поскольку поход Скотта летом 1911-1912 годов был незначительным продолжением маршрута Шеклтона (1908-1909), тогда как мощные научные силы на мысе Эванс (Дебенэм, Пристли) успешно компенсировали недостаток открытий у полюса, став научным фундаментом при организации Полярного института имени Скотта в Кембридже в близком будущем. Если бы не бесплодный в научном отношении маршрут самого Пири, сходящиеся на полюсе маршруты Кука и Пири, охватив значительное пространство, привели бы к ликвидации обширного «белого пятна» в самых высоких широтах Северного полушария.

Именно разница в транспортном обеспечении полярных маршрутов в Антарктиде привела к гибели отряд Скотта. В отличие от Скотта, отряд Кука, используя до предела возможности собачьих упряжек и оказавшись на грани гибели, уцелел, поскольку (в отличие от англичан) завершал возвращение в летних условиях и при наличии дичи.

Предположения о возможности успеха Нансена на пути к Южному полюсу весьма гадательны, поскольку в распоряжении этого полярного корифея не было теории, подобной той, на основании которой был осуществлен дрейф «Фрама».

Авторский домысел — для похода к Южному полюсу особые свойства «Фрама» не были необходимы.

Хельмер Ханссен — норвежский дипломат, некоторое время — министр иностранных дел. При его активном участии произошла передача Шпицбергена в 1920 году под суверенитет Норвегии при заключении Парижского договора с известным признанием прав России на архипелаге наравне с другими государствами.

Герои произведений Ибсена.

Сам Амундсен заранее предвидел, что реакция общества на смену планов в отношении цели экспедиции на «Фраме» не будет однозначной, и в книгах подробно не писал о реакции Нансена. Об отношениях Нансена и Амундсена (включая тему Южного полюса) довольно подробно рассказала Лив Нансен-Хёйер в своей «Книге об отце», которая вышла в Ленинграде в русском переводе в 1973 году.

В описываемое время Кук находился в эскимосском селении Анноаток на севере Гренландии, где остался зимовать с одним помощником для подготовки к полюсному маршруту. В своей попытке выступить в качестве эксперта в споре Пири и Кука о первенстве в достижении полюса пресса (в первую очередь американская) набором порой даже не неумелых, а скорее нелепых аргументов настолько дезориентировала читателей, что последствия этой газетной шумихи сказываются (в частности, в восприятии Буманн-Ларсена) и в настоящее время, в то время как у исследователей Арктики вся природная информация Кука спустя десятилетие получает признание. Так, начальник первой американской дрейфующей станции Джозеф Флетчер заявлял «Я считаю невозможным поверить, что доктор Кук лгал. Описание его путешествий является честным и точно обоснованным. Для него было бы невозможным сфабриковать свой рассказ на основе его знаний ледовых условий и движения льда в Арктическом бассейне» (*Лактионов А. Ф. Северный полюс М, 1960. С. 182*) Свидетельство в пользу честности Кука является весьма важным, поскольку он оставил ценные воспоминания об Амундсене (в частности, о перспективах полярных исследований), опубликованные «Polar Priorities» (1995 № 15), которые Буманн-Ларсен не использовал в настоящей книге, то ли не зная о их существовании, то ли в силу известной предвзятости по отношению к Куку.

Старинный помещичий дом, где в настоящее время размещается Ословский городской музей.

59

Норвежская миля равна 10 километрам.

В русском переводе книги ее нет.

Иными словами, Шеклтон был возведен в рыцарское достоинство.

62

То есть 180 километров.

63

Надеюсь встретиться с тобой в Штатах (*англ.*).

В данном случае — норвежских миль (по 10 километров), то есть в общей сложности всего 180 километров, совсем не на двд или три дневных перехода, по Буманн-Ларсену.

Сам Пири в своей книге «Северный полюс» называет другую цифру: 23 года.

Сам того не подозревая, Пери уподобляется герою гоголевских «Мертвых душ», вздорному помещику Ноздреву, выступавшему с подобными претензиями к соседним владениям.

Норвежский офицер, приглашенный в экспедицию Скотта в качестве лыжника-инструктора.

Точнее было бы сказать — в его срединной части, поскольку остров расположен к северо-западу от Марокко.

Отнюдь не это обстоятельство обеспечило успех норвежцев, а выбор собачьих упряжек для полюсного маршрута.

Делающаяся со временем все более странной орфография Амундсена в переводе не отражена.

«Терра нова» — судно, на котором Скотт отправился в свою последнюю экспедицию.

Ошибочное суждение, тем более что К. Боркгревинк знал о неудаче А. Э. Норденшельда в использовании оленей в экспедиции к полюсу в 1872–1873 годах.

Полярники подобную идею воспринимали как очевидную чушь из области «полярной травли», недостойную обсуждения и рассчитанную на невежд и доверчивых представителей прессы.

73

Около 30 метров.

Это далеко не так, что неоднократно подтверждалось последующими событиями, например, подвижкой ледника в месте высадки экспедиции В. Фильхнера 1912 года или исчезновением американской базы Литл-Америка IV к 1955 году, располагавшейся именно в Китовой бухте.

75

То есть наградить его орденом Святого Олава
низшей степени.

76

Да победит сильнейший (*англ.*).

Александр Степанович Кучин (1888-1913) — из поморской семьи, окончил в 1909 году Архангельское торгово-мореходное училище, жил в Норвегии, ходил на норвежских судах на Ян-Майен и Шпицберген, прошел практику по океанологии у профессора Б. Хелланн-Хансена в Бергене, по рекомендации его и Нансена был зачислен Амундсеном в экипаж «Фрама». По возвращении в Россию принял предложение В. А. Русанова на должность капитана экспедиционного судна «Геркулес», с экипажем которого пропал без вести в Карском море после 1912 года. По результатам судебно-криминалистической экспертизы человеческие останки, обнаруженные несколько лет назад в окрестностях п-ова Михайлова (Таймырский п-ов), атрибутированы Кучину.

Только в весьма ограниченной степени, причем реальные трудности, с которыми столкнулся Амундсен, оказались намного сложнее, чем у Шеклтона на леднике Бирдмор.

Скотт точно придерживался маршрута Шеклтона и лишь на последних 180 километрах на подходах к полюсу шел по монотонному «белому пятну» ледникового покрова, лишенного каких-либо ориентиров и препятствий для передвижения.

В этом суждении Буманн-Ларсена определенно сказывается отсутствие собственного маршрутного полярного опыта у автора книги. Дело не в использовании сведений и опыта предшественников, а в особом умении их применения, что достигается многолетней экспедиционной практикой, причем без гарантии конечного результата, что подтверждает история полярных исследований, включая примеры, приведенные в настоящей книге.

Начиная с этого времени Амундсен совсем перестает придерживаться общепринятой норвежской орфографии.

Можно согласиться с этим авторским суждением лишь с позиций «соревнования», но не с точки зрения научного поиска, который, несомненно, присутствовал в указанных экспедициях.

Риксмол (букв. «государственный язык») — с 90-х гг. XIX в. так называлась форма литературного норвежского языка, отражающая речевую практику образованных слоев общества. Ему противопоставлялся искусственно созданный на основе норвежских диалектов «ланнсмол».

Этот домысел целиком на совести автора, тем более что реабилитация Кука произошла не по прихоти журналистов, а стала результатом поступления новой природной информации, подтверждающей описанные им природные явления. Другое дело, что Амундсен был вынужден считаться с самыми неожиданными заявлениями и суждениями американской прессы в части полярных дел, не имеющих ничего общего с реальной ситуацией в высоких широтах.

Сама по себе незаурядная личность Ялмара Юхансена не может не заинтересовать читателя, как и причины, по которым он не получил заслуженного, хотя участвовал в экспедициях как Нансена, так и Амундсена, что, по-видимому, не случайно. Едва ли он мог серьезно скомпрометировать Амундсена какими-то разоблачениями, поскольку в глазах общественности они имели слишком разный кредит доверия.

Здание в стиле рококо, построенное в центре Христиании для гастролей зарубежных цирков, показа кинофильмов и других мероприятий.

Медаль была учреждена в 1896 г., после возвращения «Фрама» из первого похода.

Сарай-кладовая на сваях.

87

Это вторая степень ордена.

Имеется в виду Французская революция 1789-1799 гг.

Совершенно неверно, поскольку запись в дневнике Скотта за 16 января (при всем несовершенстве перевода) совершенно однозначна: «Норвежцы нас опередили и первые достигли полюса. Ужасное разочарование» (1934. С. 339). Однако это объяснение причин гибели далеко от реального. Подробнее см.: Причины гибели экспедиции Р. Скотта // Природа, 1978 № 10.

Шоу продолжается *(англ.)*.

Здесь Нансен впервые высказывается о своем согласии на использование «Фрама» Амундсеном на его собственных условиях.

«Всё порядке подробности письмом» *(англ.)*.

Дело не в конкретном кемпинге конкретной фирмы, а в общем планировании полярной операции Р. Скоттом, когда предельные нагрузки на человеческий организм при малейшем неблагоприятном развитии ситуации (что логично ожидать с наступлением антарктической зимы) становились необратимыми, как это и случилось в конце марта 1912 года примерно в двухстах километрах от базы экспедиции на мысе Эванс.

Король (*лат.*).

На самом деле царская семья была расстреляна позже — в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. (с 3 на 4 июля ст. стиля).

Пассажирская пароходная линия между Бергеном и Киркенесом.

Стихотворение английского поэта Томаса Худа, традиционно известного в России как Гуд (1799–1845):

Куда ни шел бы мореход,
Над ним созвездий рой;
Луна свой строгий держит курс,
Как солнце за кормой...

Плыви, плыви вокруг земли
Искать проход, его найти;
Где б ни был ты — моя любовь
С тобой всегда в пути.

(Перевод Л. Бернского)

Так норвежские исследователи называют северную часть Таймырского полуострова.

Болезненное состояние Тессема подтверждается не только дневником Амундсена, но и результатами судебно-медицинской экспертизы, выполненной по его останкам профессором Звягиным.

100

Весьма странное утверждение, поскольку экспедиция только началась. Видимо, речь идет о каком-то заделе на будущее.

В книге «Моя жизнь» Амундсен особо отметил, что при освобождении шхуны «Мод» из зимнего льда в сентябре 1919 года у берегов Таймыра «я вспомнил средство доктора Кука, примененное в экспедиции "Бельгики"» (1937. С. 71), что и увенчалось успехом.

Моряки не добрались до Диксона, их останки были обнаружены в 1922 году партией Н. Н. Урванцева и Н. А. Бегичева, как и почта, которая по обстоятельствам незадолго до того закончившейся Гражданской войны так и не попала в Норвегию.

«Сообщил элизабет нашем прибытии в ном аляска
конце июля сего года всё хорошо целую подпись руал
амундсен» *(англ.)*.

Судя по дневниковой записи в русском издании «Северо-Восточного прохода», это произошло двумя днями позже, 27 июня.

Букв.: «Вино откупорено — его надо пить» (*фр.*).
Или: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Начальные строки знаменитого стихотворения Вильгельма Крага, которое положил на музыку Эдвард Григ.

107

Современное латинское название — *Larus rosea*.

Подарок, который в Скандинавских странах традиционно дарит супруг жене после первой брачной ночи.

Восточный мыс — это современный мыс Дежнева, который получил современное название решением русского правительства по предложению А. Э. Норденшельда с 1898 года в связи с 250-летием плавания Федота Попова и Семена Дежнева.

110

То есть марганцовкой.

Ср. название романа Джона Ле Карре «Шпион, пришедший с холода».

112

Пумперниккель — пряник (нем.).

Томас Алва Эдисон (1847-1931) — знаменитый американский изобретатель.

Фердинанд Фош (1851-1929) — французский военачальник, маршал Франции с 1918 г. (в звании автор ошибается. — *Пер.*), английский фельдмаршал (1919), маршал Польши (1923); в годы Первой мировой войны командовал корпусом, затем армией и группой армий, с 1918 г. — главнокомандующий союзными войсками.

Нежелание Амундсена «мириться с требованиями и ожиданиями общества» в стремлении сохранить свой внутренний мир и индивидуальность от посторонних было отмечено Куком в воспоминаниях о посещении его Амундсеном в Ливенвортской тюрьме в 1926 году, не использованных Буманн-Ларсеном.

Начальные слова норвежского национального гимна на стихи классика норвежской литературы Б. Бьёрнсона (1832–1910).

Гленн Хаммонд Кёртисс (1878-1930) — американский летчик и один из пионеров самолетостроения.

Финн Мальмгрен (1895-1928) — шведский метеоролог и исследователь Арктики; участвовал в полярных экспедициях Амундсена 1922-1925 гг., погиб во время полярного перелета У. Нобиле на дирижабле «Италия».

Амундсен явно опоздал: летом 1914 года русский летчик Я. И. Нагурский уже летал над Новой Землей и акваторией Баренцева моря. Первенство в использовании авиации в Арктике во многих отношениях (в ледовой разведке — с 1924 года, посадках на лед — с 1926 года) наша страна сохраняла и позже, включая ее использование для достижения Северного полюса. По Нагурскому, «авиация, как весьма быстрый способ передвижения, есть единственный способ решения этой задачи».

120

Загадочная женщина (*англ.*).

Восточный мыс — северная оконечность Азии, с 1898 г. носит название мыса Дежнева.

Примерно так же показали себя изящные скоростные американские машины в апреле 1934 года при спасении экипажа и пассажиров после гибели парохода «Челюскин» в Чукотском море.

123

Отсюда (*англ.*).

Эрих Людендорф (1865–1937) — немецкий генерал, один из идеологов германского милитаризма; участник Капповского путча монархистов (1920) и руководитель (вместе с Гитлером) фашистского путча 1923 г. в Мюнхене.

Ялмар Рисер-Ларсен (1890–1965) — норвежский военный летчик, полярный исследователь; участник арктических и антарктических экспедиций.

Речь идет о так называемой гипотетической «Земле Гарриса», существование которой было предсказано сотрудником Геодезических и береговых съемок США Гаррисом по результатам обработки наблюдений экспедиции Пири за приливами и отливами во время зимовки 1908–1909 года у берегов острова Элсмир. Площадь этой предполагаемой суши оценивалась близкой к 2 миллионам квадратных километров. Описание попыток ее обнаружения для последующего присоединения к территории страны-открывателя в изложении Буманн-Ларсена напоминает дележ шкуры неубитого медведя.

Исследователь Арктики (*англ.*).

Версальский мирный договор (28 июня 1919 г.) завершил Первую мировую войну; по его условиям, Германии было запрещено иметь военные самолеты, танки и тяжелую артиллерию.

129

Небольшой приморский город в Италии, неподалеку от Пизы (Тоскана).

Своими переживаниями по поводу финансовых неудач Амундсен делился с Куком во время посещения его в Ливенвортской тюрьме, причем в выражениях, близких к тем, что приводит автор настоящей книги.

Эта высказанная официальным лицом идея находит подтверждение целым рядом исторических фактов: неудавшихся попыток аннексии Восточной Гренландии и Земли Франца-Иосифа, установлением суверенитета над островом Ян-Майен, правительственными актами в отношении материка Антарктиды и некоторых антарктических островов.

Шантаж (*англ.*).

Произведение норвежского скрипача и композитора
Уле Булла (1810–1880).

«Еще Польша не погибла» (*нем.*) — начальная строка знаменитого «Марша Домбровского» (польский текст Ю. Выбицкого), написанного в 1797 г., вскоре после восстания под руководством Т. Костюшко. Здесь еще не все потеряно.

Тик — дерево семейства вербеновых, растущее в Индии, Индонезии; плотная, твердая древесина используется в кораблестроении.

136

Этот перелет состоялся в 1909 г.

Пер Крoг (1899-1965) — норвежский художник; широкую известность приобрел как монументалист, книжный иллюстратор и театральный художник.

В 1929 году «Хобби» было куплено советским Комитетом Северного морского пути и под названием «Белуха» использовалось для гидрографических работ вплоть до гибели в Карском море у острова Белый осенью 1933 года.

Рёнке хватило на участие в первой экспедиции Бэрда в Антарктику в 1928-1930 годах. Видным исследователем стал также его сын Финн Ронне.

Лейф Эрикссон (ок. 975—ок. 1022) — исландский викинг; в 1004 г. пересек пролив Дейвиса, достиг северо-восточного побережья Северной Америки, в 1005 г. вернулся в Гренландию.

Идея поиска «Земли Гарриса» к тому времени еще себя не исчерпала.

Национальный праздник Норвегии в память об отделении от Дании в 1814 г.

143

Нечто совершенно новое уже произошло
одиннадцатью годами ранее.

Земля Кроккера — одна из «чертовой дюжины» так называемых «проблематических земель», которую якобы видел в маршруте 1906 года Пири, но не к северу от Гренландии, а на северо-западе от побережья острова Элсмир. Дальнейшие поиски показали, что эта суша не существует — очевидно, Пири стал жертвой оптического обмана.

145

Гикори, или кария — дерево семейства ореховых, распространенное в Северной Америке и Китае.

146

Это единственное упоминание о крупных птицах в приполюсном районе, не подтвержденное позднее.

Амундсен Р. Полет до 88° северной широты / Пер. М. и М. Дьяконовых. Л., 1936 (Собр. соч. Т. IV).

Умберто Нобиле (1885–1978) — итальянский дирижаблестроитель. Командир дирижабля «Норвегия» в экспедиции Руала Амундсена (1926), руководил итальянской экспедицией к Северному полюсу на дирижабле «Италия» (1928); в 1932–1936 гг. работал в СССР, затем в США, в 1945 г. вернулся в Италию.

149

Нелли Мельба (1861-1931) — знаменитая австралийская певица (колоратурное сопрано).

150

«Дом, милый дом» (*англ.*).

Произведение норвежского дирижера и композитора Юхана Халворсена (1864–1935).

Международный договор, установивший в 1920 г. суверенитет Норвегии над Шпицбергенем.

Юлиус фон Пайер (1842–1915) — один из руководителей австро-венгерской полярной экспедиции 1872–1874 гг., открывшей архипелаг Земля Франца-Иосифа, был также известным художником.

Перевод А. и П. Ганзен.

Так и не повторив дрейфа «Фрама», что зависело от действия ряда природных факторов (в первую очередь дрейфа льда), учесть совокупное действие которых в то время было невозможно.

Пауль фон Гинденбург (1847-1934) — президент Германии с 1925 г., генерал-фельдмаршал (1914). 30 января 1933 г. передал власть в руки нацистов, поручив Гитлеру формирование правительства.

Это был будущий LZ-127 «Граф Цеппелин» (командир Хуго Эккнер), совершивший в 1931 году с научными целями полет по маршруту Боденское озеро — Ленинград — Архангельск — Земля Франца-Иосифа — Северная Земля — Таймыр — Новая Земля и возвратившийся в Германию. В этом полете принимали участие также четыре советских специалиста во главе с руководителем научной программы профессором Р. Л. Самойловичем.

В свете известного такое поведение следует расценивать как протест против немецкого империализма, а не против Германии вообще.

Примерно так же оценивают научное значение дрейфа «Мод» и наши полярные специалисты. Профессор В. Ю. Визе (1948) отметил, что «в научном отношении плавание на "Мод" принесло богатую жатву».

Удивительно, что Буманн-Ларсен не упоминает о посещении Амундсеном своего соплавателя на «Бельгике» Кука, оказавшегося по ложному обвинению в Ливенвортской тюрьме (штат Канзас). Поступок, характеризующий Амундсена верным старой дружбе. «Считая, что я также обязан ему жизнью, так как он в действительности спас нас от многочисленных опасностей этого плавания, и я решил, что самым скромным проявлением моей благодарности будет предпринять короткую поездку в тюрьму... Я должен был сделать это хотя бы для того, чтобы впоследствии не упрекать себя в самой низкой неблагодарности и презренной трусости» (1937. С. 58-59).

Именно это обстоятельство и стало главной причиной уничтожающей критики У. Нобиле со стороны фашистского режима Италии и лично Б. Муссолини после гибели дирижабля «Италия» при возвращении с полюса в мае 1928 года.

Нурдал Григ (1902–1943) — норвежский писатель-антифашист, поэт, драматург; погиб на борту бомбардировщика во время налета на Берлин.

Отмеченные Буманн-Ларсеном «шашни и козни» едва ли будут учтены в будущем историками Арктики, но пренебрегать ими специалист по общественным отношениям, очевидно, не вправе.

Трансполярный перелет Амундсена — Элсуорта —
Нобиле (*англ.*).

Возможно, биограф ошибся: в книге «Первый полет над Ледовитым океаном» (с. 266) указана температура 4,5°.

Неверно: герой книги успешно испытал новое транспортное средство, позволяющее в ближайшем будущем задействовать новые дистанционные исследовательские методы, в первую очередь аэрофотосъемку, которая в короткие сроки сотрет последние «белые пятна» с карт Арктики и Антарктики.

Так крупное техническое и научное достижение (ликвидация очередного «белого пятна») стало поводом для проявления национального и личного тщеславия, что нельзя отнести к достижениям этой воздушной экспедиции.

Возникшая ситуация напомнила, что от великого до смешного — только шаг, в условиях Арктики таящий смертельную опасность.

169

Цвета норвежского флага.

Карл Юаким Хамбро (1885-1964) — норвежский политик, председатель стортинга в 1926-1945 гг.

Это нечто новое, не отмечавшееся ранее в советских изданиях.

172

Сбиватель коктейлей (*англ.*).

Хирохито (1901-1989) — император Японии с 1926 г., в 1921-1926 гг. — регент (у автора неточность).

Хэйхатиро Того (1847-1934) — японский адмирал флота (1913), маркиз (1934); прославился во время Русско-японской войны (1904— 1905).

Сигурд Ибсен (1859–1930) — один из идеологов норвежских либералов (партия «Венстре»), видный публицист, юрист-международник; сын великого норвежского драматурга Х. Ибсена.

Видкун Квислинг (1887-1945) — организатор (1933) и лидер фашистской партии в Норвегии; содействовал захвату Норвегии Германией (1940); в 1942-1945 гг. премьер-министр правительства, сотрудничавшего с оккупантами. Казнен.

Эта книга в нашей стране вышла в издательстве Главсевморпути как пятый заключительный том в собрании сочинений норвежского полярника в 1937 году, причем последовательность томов при публикации была нарушена: последним увидел свет в 1939 году первый том «Северо-Западный проход. Плавание на судне "Йоа"».

Заявления Амундсена в адрес Кука содержат лишь былые воспоминания, не отрицая и не утверждая его успеха в достижении полюса в 1908 году, но и не отказываясь от собственных более ранних высказываний. Это крайне осторожная и взвешенная позиция, и Буманн-Ларсен своей трактовкой не вносит в нее чего-либо принципиально нового, не считая того, что он избегает каких-либо оценок действий Кука, оставляя это за специалистами-полярниками. Вместе с тем по сути встречи Амундсена с Куком он также не высказал собственной позиции, лишь отметив повышенную нервозность Национального Географического общества и якобы какую-то двусмысленность в комментариях Амундсена по поводу спора Кука и Пири. Это привело к тому, что он не использовал воспоминания Кука о встрече с Амундсеном в Ли-венвортской тюрьме (Polar Priority, 1995. P. 18–23), хотя объективно они подтверждают выдвинутую Буманн-Ларсеном концепцию личности Амундсена.

Джордж Натаниэл Керзон (1859-1925) — английский политик-консерватор; в 1919-1924 гг. — министр иностранных дел Великобритании.

Клуб исследователей (англ.) — привилегированный клуб в Нью-Йорке.

По-видимому, это наиболее верное объяснение внутренней драмы исследователя, после достижений оказавшегося в одиночестве. Этим объясняется его стремление встретиться с Куком в надежде обрести утраченное восприятие былой жизни, с которым он не стеснялся делиться взглядами на общество, собственные достижения и на оценки известных личностей, в том числе и полярных деятелей. Что касается якобы собственной дискредитации Амундсена — это утверждение не представляется нам убедительным.

182

«Все ради любви?» *(англ.)*.

Понятие «состязание», по сути, неприменимо к событиям вокруг достижения Южного полюса, поскольку познание высоких широт относится не к спортивной, а к научной деятельности. Оно появилось с легкой руки прессы, которая оперировала им в собственных целях. Главным стал не факт первенства в достижении полюса, а то, что оба — и Амундсен, и Скотт (последний ценой собственной жизни) — доказали, что время санных и пеших маршрутов в изучении полярных областей прошло. Дальнейшая деятельность Амундсена была посвящена поискам новых технических способов для изучения полярных областей, в частности внедрения авиации, где он, однако, не был первым.

Лига Наций — международная организация, учрежденная в 1919 г. и по уставу имевшая целью развитие сотрудничества между народами, гарантию мира и безопасности; формально распущена в 1946 г.

Арнульф Эверланн (1889–1968) — норвежский поэт, новеллист, драматург.

Ленсман — государственный служащий в сельской местности в Норвегии, имеющий полицейские и административные полномочия.

187

«Приезжаю берге[н] на венус» *(англ.)*.

Адолф Хуль — тогдашний директор Норвежского полярного института.

189

Жилище, предоставляемое государством
выдающемуся деятелю культуры.

Джордж; Хью Уилкинс (1888–1958) — американский полярный исследователь, летчик; по происхождению австралиец; участник многих арктических и антарктических экспедиций; вместе с К. Эйлсоном совершил в апреле 1928 г. перелет через Северный полюс.

Карл Бен Эйлсон (1897-1929) — американский полярный летчик; в 1920-е гг. первым организовал на Аляске авиапочту.

Уилкинс и Эйлсон совершили перелет с мыса Барроу (Аляска) на Шпицберген, минуя Северный полюс, что было одним из самых значительных достижений в авиации в то время.

193

Не замедлю (*англ.*).

Все изложенное выше — авторский домысел.

195

Фрогнер — район Осло.

По российским источникам, сигнал бедствия экспедиции Нобиле был принят 3 июня советским радиолюбителем Шмидтом из села Вознесение-Вохма.

Судя по рассказу Нобиле, пострадавших было четверо: он сам, Мальмгрен, Цаппи и Чечони.

Российские источники указывают иные цифры: 18 судов, 21 самолет и около полутора тысяч человек.

199

Удивительное суждение, не имеющее ничего общего с реальной ситуацией.

Нансен лишь констатировал очевидное. На долю СССР выпало спасение основной массы оставшихся в живых итальянцев. Поход «Красина» имел для нашей страны не только большое морально-политическое значение, но и чисто практическое, поскольку ледокол в полной мере оправдал себя в тяжелых льдах и на следующий год был успешно задействован для проводки транспортных судов ежегодных карских экспедиций.

201

Нидарос — старое название города Тронхейм.

Речь идет об английском короле Эдуарде VIII (1894–1972), который находился на британском престоле в январе — декабре 1936 г. и отрекся от власти (в пользу брата, Георга V), не получив от правительства разрешения на брак с разведенной американкой Уорфилд Симпсон.

Здесь у автора неточность: президентом США (1929–1933) был республиканец Герберт Гувер (1874–1964); Эдгар Гувер (1895–1972) долгие годы (1924–1977) возглавлял ФБР.

Само полярное плато не интересовало Шеклтона, поскольку его целью был Южный полюс.

Перечисленные автором режимы обошлись народам в миллионы жертв. Амундсен принес себя в жертву в попытке спасти потерпевших бедствие.

Олав Трюгвасон — конунг (король) Норвегии (955-999).